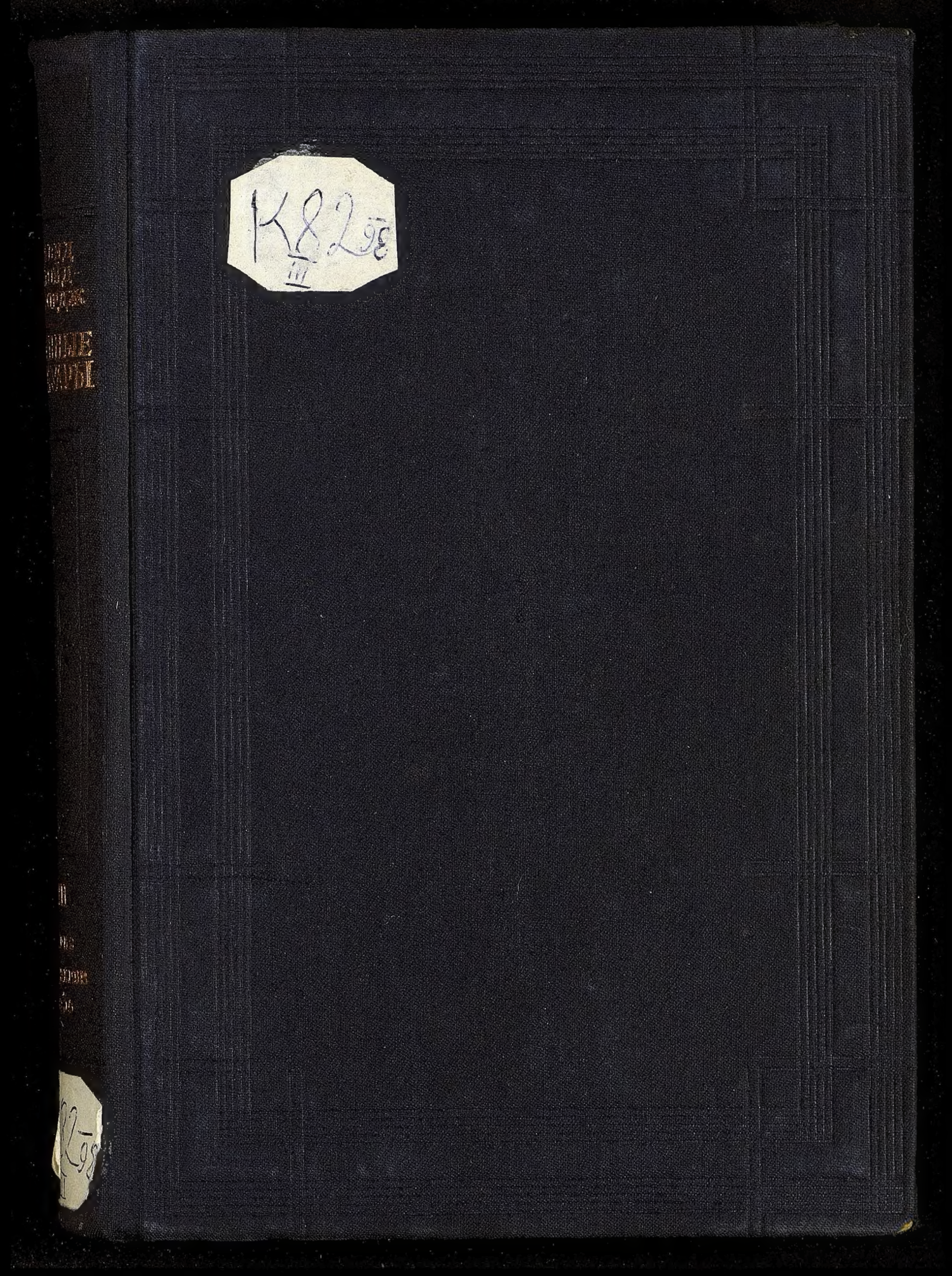
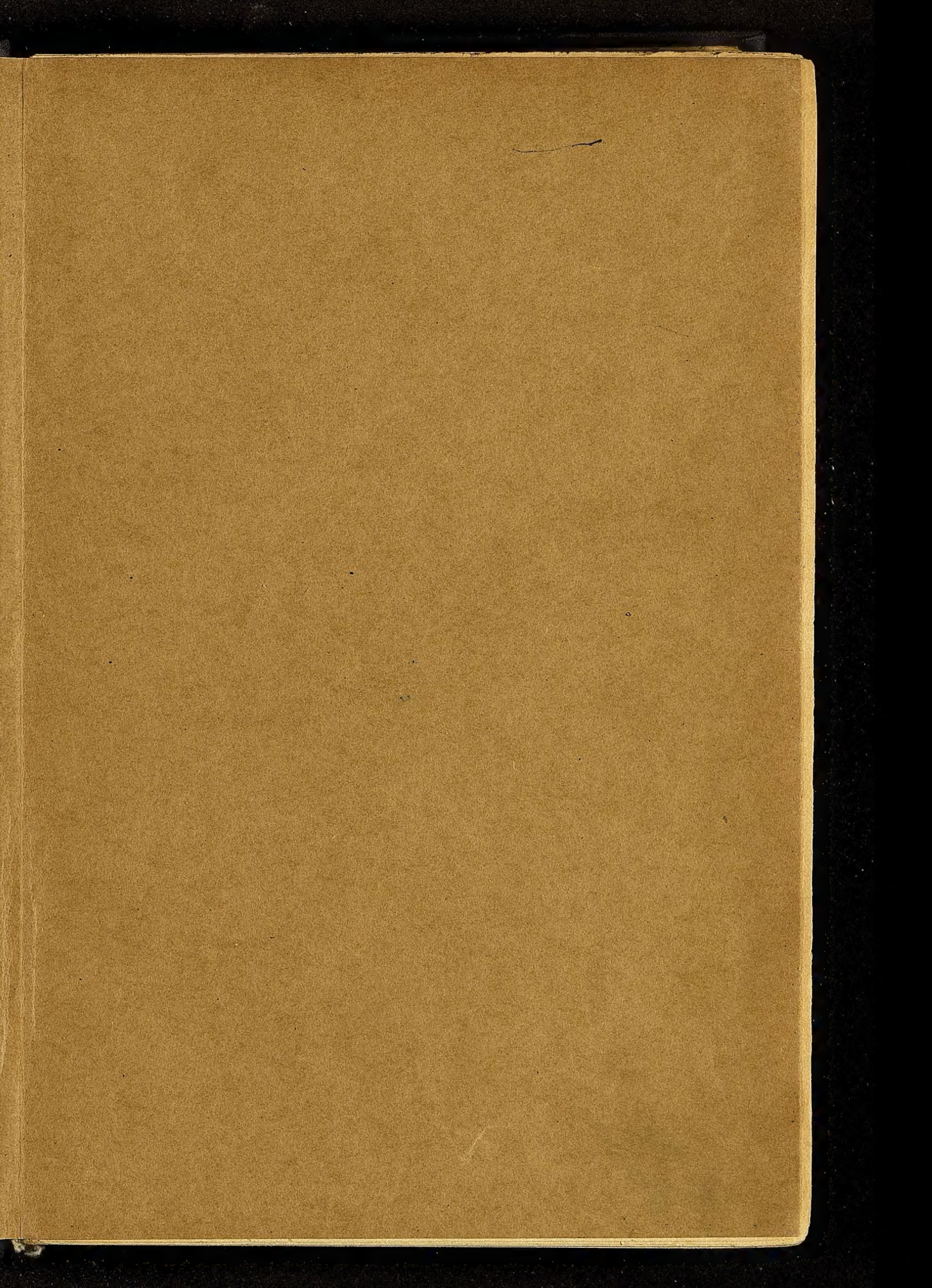
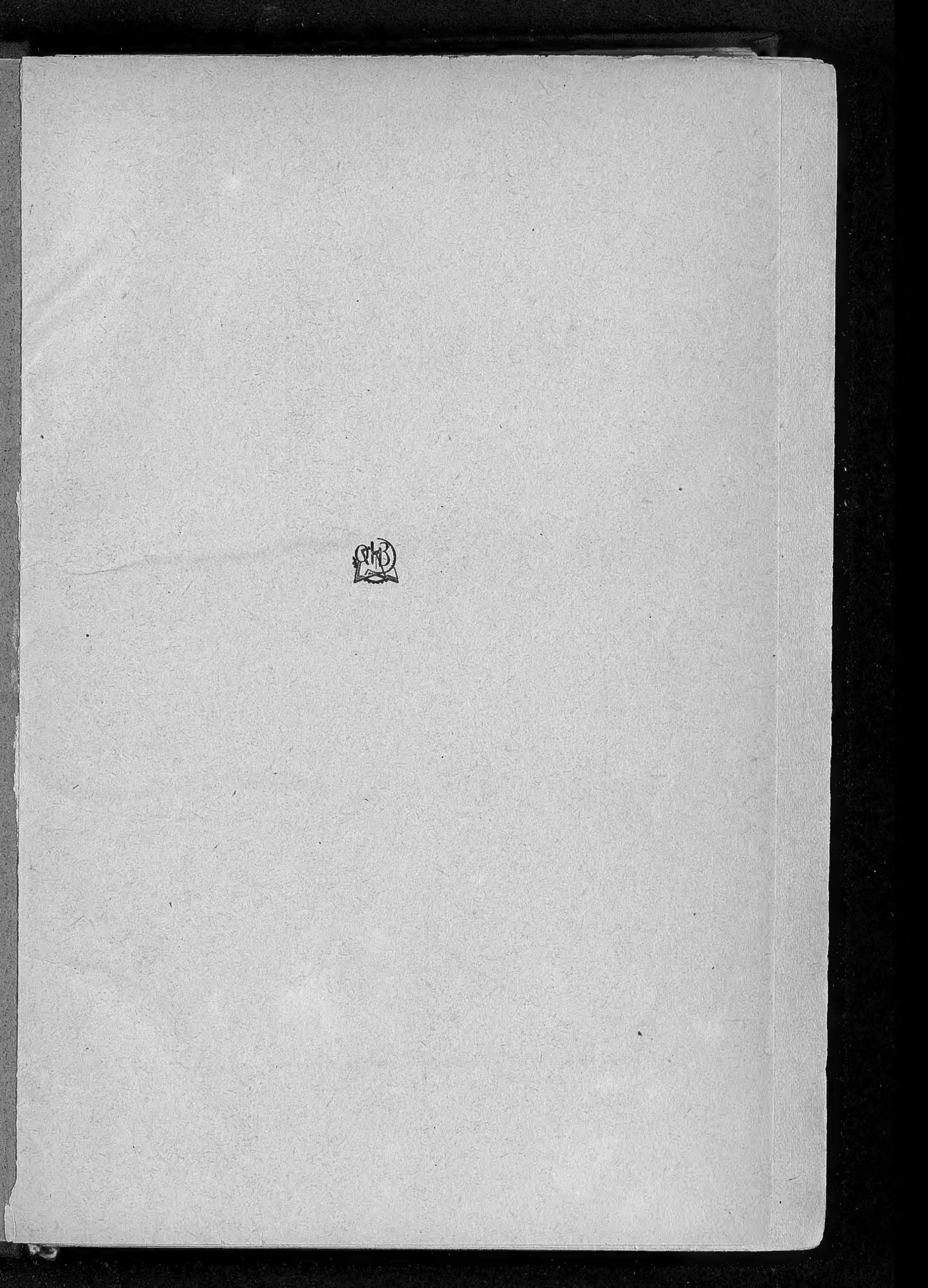

К 82
III

David Lloyd-George

WAR MEMOIRS

III

Translated
by V. ZVAVITSH

With a preface
by F. A. ROTHSTEIN

The State Social and Economic Press
Moscow — 1935

Давид Ллойд-Джордж

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Том

III

Перевод с английского
И. ЗВАВИЧА

С предисловием
Ф. А. РОТШТЕЙНА

Государственное
социально-экономическое издательство
Москва — 1935

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том задуманных в большом масштабе „Военных мемуаров“ Ллойд Джорджа охватывает период всего в четыре месяца — от образования автором собственного министерства в середине декабря 1916 г. до вступления Америки в войну в середине апреля следующего года. Но на этот короткий период падают такие значительные эпизоды, как борьба с подводной войной, которую Германия развернула в это время в особенно широком масштабе, знаменитая атака Нивелля у Шмен-де-Дам, кончившаяся для французов сокрушительным поражением, Февральская революция в России и вступление в войну Соединенных штатов на стороне союзников. Одновременно автор мемуаров излагает интересную историю создания им нового правительства из элементов всех трех партий того времени; он описывает предпринятые этим правительством меры по борьбе с разрухой в судоходстве и по организации продовольственного снабжения и распределения и предается политико-философским рассуждениям о пользе голода как орудия войны и о вреде тщеславных генералов, больше думающих о собственном отличии, нежели об интересах вверенного им дела. Он распространяется часто на эти темы с большими подробностями и повторениями, в особенности, когда ему нужно доказать свою правоту. Так по вопросу о борьбе с подводной опасностью, по которому у него были резкие разногласия с военно-морским руководством, он повторно идет на него в атаку, то нападая на него с фронта, то заходя ему в тыл, неустанно повторяя те же доводы, те же цифры, останавливаясь лишь для небольшой передышки, во время которой он обливает своих противников потоками язвительной желчи и брани. Словом, в таких случаях он не знает усталости и меры. Примерно такую же неутомимость и ярость он обнаруживает, когда критикует сухопутных генералов, увлекавшихся кровавыми, но бесплодными атаками на западном фронте, в то же время убаюкивавших себя теорией борьбы на истощение и не желавших видеть возможности активных действий на других фронтах, где звенья германской коалиции были значительно слабее. По существу конечно Ллойд Джордж в своей критике прав: таких бездарностей по части военного руководства в штабах и на полях сражения, какие были выдвинуты союзниками в „великой“ войне на первые места, вероятно

не было во всей истории военного искусства ни у французов, ни даже у англичан. Но, во-первых, наряду с такими обильными потоками красноречия по одним темам Ллойд Джордж обнаруживает необыкновенную скудость речи, доходящую до полного молчания, по другим. Например по вопросу о блокаде, проводившейся союзниками — собственно говоря английским флотом — не только против держав германской коалиции и не только по линии борьбы с военной контрабандой, но и против „нейтралов“ по линии всех без исключения предметов промышленного и личного потребления, — по этому вопросу у нашего автора нет ни одного слова — ни в смысле описания мер, принятых в этой области, ни в смысле их оправдания с точки зрения международного права. Меж тем это был вопрос первостепенной важности именно в период, охватываемый настоящим томом. Каким образом и какими этапами Англия, стоявшая всегда настраже международно-правовых норм, в значительной степени создававшихся под ее же давлением и в ее же торговых интересах, в самом начале войны торжественно подтвердившая юридическую силу последнего детища международного права, знаменитого „Лондонского протокола“, который она не успела раньше ратифицировать, — каким образом эта Англия дошла до решения растоптать все эти нормы, объявить все мыслимые товары военной контрабандой, упразднить — на деле, если не по форме — различие между флагом противника и флагом нейтральным, провозгласить блокаду не только вражеских, но и нейтральных портов, а самую доктрину и практику блокады так растянуть, что от предписывавшейся международным правом „эффективности“, т. е. материальной действительности ее, ничего не осталось? Не говоря уже о принципиальном значении введения такой необыкновенной блокады со стороны держав, которые, исходя из попрания международного права (бельгийского нейтралитета) Германией, начертали первым девизом на своем знамени восстановление норм международной морали, она, эта блокада, посадившая на голодный паек ряд совершенно не причастных к войне держав и вынуждавшая их к исключительному обслуживанию нужд Антанты, являлась опасным яблоком раздора между последней и нейтралами. Она создавала сильнейшее раздражение в Соединенных штатах, так что долгое время последние колебались, не объявить ли войну союзникам вместо Германии, а, главное, послужила поводом и оправданием введенной Германией неограниченной подводной войны, не разбиравшей уже между флагами, отказавшейся от предусмотренных международным правом обязательств заводить останавливаемые суда в порт для осмотра, предупреждать суда и, прежде чем на них напасть, спасать утопающий экипаж и т. д. и грозившей уничтожением всякому кораблю в пределах прилегающих к британским островам вод. Обо всем этом, как мы говорим, у Ллойд Джорджа нет ни слова, хотя о самой подводной войне, вызванной блокадой, написано очень много. Мы уже не говорим о том, что, осуждая германские „цели войны“ как откровенные аннексии, противоречащие праву наций на самоопределение,

он скользит мимо скрытых аннексионистских целей войны Антанты и ничего не говорит о праве самоопределения Египта, Индии, Ирландии и др. Под тем же знаком умолчания проходят у Ллойд Джорджа такие эпизоды, как пребывание союзнических войск на территории нейтральной Греции или предъявление ультиматума нейтральному греческому правительству по случаю мобилизации им армии для защиты именно этого нейтралитета.

Но в критике, жестоко расточаемой по адресу глупых генералов и адмиралов, есть еще один изъян: сам критик в высшей степени непоследователен и, борясь против бессмысленных и дорогостоящих наступлений, одобряет наиболее бессмысленное из них — нивеллевское. Насмехаясь над стратегией истощения, он сам делает главную ставку на взятие германцев и их союзников измором. Значению морального фактора в армии и голоду в тылу он посвящает много красноречивых страниц, содержащих однако немало спорного. Моральный фактор, что и говорить, имеет большое значение: история нашей гражданской войны и войны с интервентами доказала этот тезис блестящим образом. Но почему моральная сила должна была находиться в большей дозе например у итальянцев, чем у австрийцев, или в меньшей дозе у турок, чем у их английских противников, остается у Ллойд Джорджа мало доказанным. Против итальянских полков, содержавших многочисленные элементы с юга, куда ирредентистская идеология никогда не добиралась, стояли полки из австрийских немцев и австрийских славян, из коих первые защищали страну, большую часть которой они населяли несколько веков, от посягательства долголетнего союзника, а вторые знали по вековому опыту, какой опасностью грозит им итальянское владычество на адриатических берегах. Сомнительно, чтобы у турок было меньше моральной стойкости, чем у англичан, после того как они с таким успехом сбросили в море и усеяли галлиполийские побережья более чем сотней тысяч трупов австралийских и новозеландских солдат. Фактически Ллойд Джордж в своей аргументации скоро сбивается на технический момент — на перевес в орудиях, гранатах, танках и пр., — и пресловутый моральный фактор куда-то исчезает. Более удачлив Ллойд Джордж в своей оценке значения продовольственного фактора ввиду той несомненной роли, которую он сыграл в крахе германской коалиции. Этот фактор Ллойд Джорджу легко было правильно учесть в свете последующих событий. Но и тут все же он по обыкновению не свободен от преувеличения. Опять-таки наша собственная борьба с белогвардейщиной и стоявшими за ней интервентами показала, как может побеждать голодная и разутая армия, если за ней стоит народ — пусть тоже голодный и разутый, но воодушевленный великой идеей и ведомый великой партией и великими политическими вождями. В том-то и дело, что помимо голода мощь германской коалиции и в частности германской армии подрывало еще кое-что — политическая наглость юнкеров и капиталистов, срывавшая маску с патриотически-оборончеcкой идеологии, трусливый пацифизм германской социал-демократии, раньше

лизавшей сапоги кайзера, а затем уверовавшей в освобождение от него при помощи западных „демократий“, а паче всего влияние Октябрьской революции, показавшей германским рабочим пример борьбы против зажигателей войны и разоблачившей хищнические цели германского империализма. По сути дела те же факторы, включая продовольственные трудности, подкапывали устойчивость антантовских фронта и тыла. Ллойд Джордж эту тему осторожно обходит, а, упоминая о мерах, принятых им в Англии для борьбы с ними, позволяет себе говорить довольно благодушно. На деле не только в Италии и Франции, но и в самой Англии продовольственное положение было крайне тяжелое, и английская брюква, которой кормили население и о которой он не говорит, вполне стоила немецкой репы, по поводу которой он распространяется. Верно, что в Англии был хлеб, но это был хлеб, который брали в рот с отвращением и от которого люди болели. Как говорили впоследствии не без основания, в отношении продовольственной нехватки между Англией и Германией расстояние было не больше шести месяцев: не остановись в своем беге Германия осенью 1918 г., Англия остановилась бы весной 1919 г. А что касается других факторов — саморазоблачения правящих кругов и классов и воздействия российских событий, то восстания во французской армии и выступления рабочих масс в Англии в форме забастовок, организации фабзавкомов и позднее агитации за советы показывают, что и от этих влияний страны Антанты далеко не были свободны. Ллойд Джордж — свидетель довольно односторонний, и его английские читатели будут введены в заблуждение относительно иммунитета от революции, которым будто бы Англия будет пользоваться в будущей войне по примеру прошлой.

Нас завело бы слишком далеко, да и для читателя было бы слишком утомительно, если бы мы стали комментировать изложение Ллойд Джорджа по всем многочисленным, затрагиваемым в этом томе темам. Для политической физиономии Ллойд Джорджа, очерченной в предисловии к первым двум томам настоящих мемуаров, характерно, из каких лиц он создал свое министерство. Оно было создано в необычно короткий срок — в два дня, но задача была облегчена направлением, в котором Ллойд Джордж устремил свои усилия: набранные им члены военного кабинета и всего правительства были по большей части его консервативные друзья, с которыми он в свое время согласовал министерский переворот. То были знакомые нам Бонар Лоу, Карсон, Бальфур и другие столпы реакции и злейшие враги рабочего класса и народных масс вообще. Первые два накануне войны стояли во главе готовившегося ими вооруженного восстания против ирландского гомруля и парламента, правительства и гражданской власти. Бальфур также вписал свое имя неизгладимыми письменами в скрижали ирландской истории в качестве жесточайшего из всех жестоких статс-секретарей ее, державшего всю страну на осадном положении в течение нескольких лет и тысячами сажавшего ирландских националистов в каторжные тюрь-

мы. Четвертым среди ближайших коллег нового премьера был лорд Милнер, отъявленный империалист, сотрудник Кромера в Египте и дипломатическое орудие Сесиля Родса и Джозефа Чемберлена в подготовке войны с Трансваалем с целью захвата золотых приисков. Ллойд Джордж в ту пору рьяно с ним боролся, но увы, с тех пор прошло полтора десятка лет, и за это время Ллойд Джордж сам переменил политическую кожу. Среди либералов и радикалов, его политических сподвижников в течение этих пятнадцати лет, он не нашел никого, кто годился бы для роли руководителя в войне, хотя в патриотизме они не уступали никому. Единственный, к кому из тогдашних либералов он питал влечение, был Уинстон Черчиль, тоже одна из ярких фигур в период англо-бурской войны, которая подвергалась бичеванию со стороны Ллойд Джорджа. Но Уинстон Черчиль, бесшабашный авантюрист, в свое время, чтобы сделать политическую карьеру, сбежал из разлагавшегося консервативного лагеря в либеральный, и этого консерваторы не могли ему простить. Он оказался для Бонаров Лоу и для Бальфуров неприемлемым, и страстное желание Ллойд Джорджа привлечь его к участию в правительстве осталось на время неудовлетворенным — только на время, потому что впоследствии ему все-таки удалось ввести этого „гения" в министерство. Это временное разочарование было однако с лихвой покрыто привлечением к работе ряда представителей рабочей партии и трэд-юнионов. Без них, как утверждает Ллойд Джордж, он не смог бы обеспечить успеха своего правительства и вообще успешного ведения войны. Именно-де потому, что русское самодержавие и кайзеровское правительство в Германии не догадались или не имели достаточно мужества, чтобы последовать английскому и французскому примеру, они потеряли войну. Это у Ллойд Джорджа слишком сильно сказано. Разумеется, в Германии, Австрии и у нас в России социал-шовинисты и социал-империалисты сотрудничали со своими правительствами, всецело и всемерно поддерживали войну и пресмыкались перед монархами, и если массы в конце концов все же взбунтовались, то немногого недоставало, чтобы то же самое произошло в странах с „ответственными" министрами из рабочих вождей.

Во всяком случае в замечании Ллойд Джорджа верно то, что в лице Гендерсона, Бернса и других корифеев „рабочей" партии и трэд-юнионов он обрел верных проводников своей воли в рабочей среде. Хотя впоследствии, как будет видно из четвертого тома, Гендерсон был выставлен из кабинета, главное, что нужно было сделать в критический момент перехода власти к новому правительству, было сделано. Вся головка „рабочей" партии трэд-юнионов впряглась в колесницу нового премьера, и пацифисты типа Макдональда и Сноудена скромно заняли места на задних скамьях. Ллойд Джордж, к сожалению, не рассказывает, что тот же метод привлечения полезных людей он развернул далеко за пределами „рабочей" партии и трэд-юнионов, создав многочисленные министерские и просто правительственные посты, которые он роздал разным лицам из всех партий, превратив правительство в очаг коррупции.

Ллойд Джордж с большим увлечением и большими подробностями излагает, как Англия преодолела подводную опасность. Честь этой победы он приписывает себе и поэтому не скупится на краски, чтобы изобразить размеры этой опасности и те трудности, которые ставились ему на пути рутинерами из адмиралтейства. Англия, если верить его словам, стояла на краю гибели и спаслась только благодаря принятой по его настояниям системе вооруженного конвоирования торговых судов. Повидимому большую роль сыграло и вооружение этих судов, которое стало вводиться еще раньше, но об этом он говорит недостаточно подробно.

Косвенно он подтверждает тезис той немецкой военно-морской школы, которая утверждает, что если бы Германия с самого начала войны сделала то, к чему она приступила под конец ее, а именно сосредоточилась на подводной войне и сделала ее неограниченной, невзирая ни на какие угрозы Америки, то она поставила бы Англию на колени. Так или иначе, Англия одержала по этой линии большую победу, которая обеспечила ей и ее союзникам беспрепятственный подвоз сырья, военного снаряжения и продовольствия из Америки и других стран. Она же дала ей возможность впоследствии предоставить Соединенным штатам морской транспорт для перевозки в Европу американской армии.

Менее подробно описывает Ллойд Джордж меры, проведенные его правительством для разрешения продовольственной проблемы. Он делает главный упор на развитие сельскохозяйственных ресурсов самой Англии. Это с давних пор, как он сам упоминает, было предметом его мечтаний — в сущности мечтаний не только его, но всех английских демократов и радикалов со времен Вильяма Коббета и чартистского вождя Фергюса О'Коннора, наивно допускавших возможность повернуть обратно колесо исторического развития капитализма и воссоздать разрушенное им земледелие Англии. Еще в первые годы текущего столетия, когда начались приготовления к войне с Германией, в Англии в парламентских и других комиссиях и в печати разбирался вопрос о продовольственном снабжении страны во время войны ввиду ее полной зависимости от привозного хлеба и мяса. Вопрос так и остался висеть в воздухе, так как упирался в вопрос об аграрном протекционизме, тогда еще отвергавшемся либеральной партией. Во время войны он стал во весь рост и временно был решен Ллойд Джорджем, как он нам разъясняет, лишь с помощью правительственной гарантии фермерских прибылей, а затем был сорван обструкцией землевладельцев. Так он остался и сейчас еще не разрешенным, хотя и либеральная, и „рабочая" партия, и Ллойд Джордж, и младоконсерваторы выдвигают его чуть ли не на первый план ввиду близкой вероятности новой войны и всеобщего стремления капиталистических государств к автаркии. Но именно уроки войны показали, что он неразрешим в рамках капитализма и частной собственности на землю и что все попытки его разрешения приводят в основном лишь к самому обыкновенному аграрному протекционизму в пользу помещиков и крупных кулаков. Тем не менее

относительный успех ллойд-джорджевского эксперимента во время войны представляет известную практическую ценность, и описание его заслуживает внимания. Однако его описание неполно: он почему-то умалчивает о той большой роли, которую сыграла в этой области Ирландия, снабжавшая население Англии молочными продуктами и мясом. Между прочим эта роль, оказавшаяся весьма прибыльной для среднего и крупного ирландского фермерства и связанных с ним торгово-экспортных организаций, имела впоследствии немаловажное значение для политической ориентации на связь с Англией ирландской буржуазии в первые годы существования нового „Свободного государства".

Совершенно неудовлетворительно изложена у Ллойд Джорджа введенная при нем система продовольственного распределения, а его оценка результатов ее страдает оптимизмом. Верно, что такого голода, какой испытывала Германия в последний год войны, в Англии еще не было, но положение непрерывно ухудшалось и вызывало все более и более громкий ропот и все более сильное возмущение рабочих масс, как это отчасти расскажет нам сам Ллойд Джордж в дальнейших томах. Но уже в настоящем томе описываемый нашим автором в одной из глав провал попытки мобилизовать рабочую массу на производство на добровольных началах показывает, как основательно уже к 1917 г. испарился в ней патриотический дух, уступив место озлоблению против быстро богатевших заводчиков, фабрикантов, судовладельцев и помещиков.

Лишь вторая часть тома посвящена военно-политическим вопросам. Перед читателем опять проходит старая дискуссия о преимуществе восточного фронта перед западным в смысле возможностей прорыва неприятельских линий, о новых возможностях, вырисовывавшихся перед богатым и легко увлекающимся воображением Ллойд Джорджа на итальянском фронте, где вскоре однако произошла катастрофа при Капоретто, о бесталанности, упрямстве и взаимных интригах генералов, о посредственных способностях главнокомандующих Жоффра, Хейга, Кадорны и др., а вперемежку со всем этим грустные размышления о том, как часто национально-эгоистические моменты переплетаются с военными планами и как глубок вред, причиняемый этим переплетением ходу войны. По поводу Римской конференции союзников, где обсуждался и был отвергнут поставленный им вопрос о целесообразности организации совместными силами наступления против австрийцев на итальянском фронте, он выражает подозрение — весьма впрочем похожее на убеждение, — что в отрицательном решении его сыграло главную роль нежелание французов предоставить пальму победы итальянцам. В такой же мере решающим моментом в отказе Фалькенгайна санкционировать план прорыва итальянского фронта, предложенный австрийским главнокомандующим Конрадом фон Гетцендорфом, было нежелание предоставить австрийцам славу решить исход войны. В результате при внесении этих национально-политических моментов произошли-де катастрофы: французов при Шмен-де-Дам и немцев при Вердене. Нельзя сказать, чтобы эта ар-

гументация была очень убедительна. Мы не знаем, дали ли бы отвергнутые планы действительно лучшие результаты. Но мы знаем, что у немцев были не одни верденские катастрофы и их победам наверное тоже предшествовали австро-германские разногласия. Нет никаких оснований предполагать, что Фалькенгайн, предпочитая Верден Трентино, руководствовался иными соображениями, а не теми, которые цитирует из его воспоминаний Ллойд Джордж: победа в Трентино была бы местной победой австрийцев и не оказала бы влияния на общий ход войны, в то время как победа при Вердене была бы решающей на всем западном фронте. Любопытно, что сами итальянцы в лице главнокомандующего Кадорны не поддержали плана Ллойд Джорджа, и объяснения, даваемые этому странному явлению, выходят у нашего автора довольно слабыми.

Но ценность ллойд-джорджевских размышлений заключается не столько в этом, сколько в том, что он рисует нам занимательную картину взаимной ревности и неприязни между французами и итальянцами, продолжавшуюся даже во время войны, а в дальнейшем описывает, с какой подозрительностью американские кузены относились к Англии и ее коммерческим целям во время войны и как бесцеремонно они захватили ее суда, чтобы не дать усилиться ее торговому флоту. Эти антагонизмы, существовавшие задолго до войны, перешли лишь в плохо скрытое состояние во время нее, а по ее окончании вновь проявились и продолжаются в более или менее острых формах и сейчас, намечая будущие линии столкновений и войн. Страницы, посвященные этим темам, не лишены поучительности. Рядом с этим идет у нашего автора обсуждение „целей войны“ с наивным выпячиванием английской заинтересованности в германских колониях в Азиатской Турции, в независимой Бельгии и т. д. и не менее наивными мечтаниями об отрыве от германской коалиции Болгарии и Турции. Невольно при чтении этих планов и пожеланий вспоминаются шиллеровские слова: „Frei bei einander wohnen die Gedanken, doch hart im Raume stossen sich die Sachen“ (легко уживаются друг с другом мысли, но резко сталкиваются между собою вещи в пространстве). Как сильно сталкиваются в пространстве вещи, показал катастрофический исход наступления, предпринятого Нивелем весной 1917 г. Ллойд Джордж, которому впоследствии вменили в вину, что он санкционировал это наступление, посвящает ему большую главу, с тем чтобы показать, что он дал ему свою санкцию лишь после того, как оно стало неизбежным, и что он тогда употребил все свои силы, чтобы обеспечить ему успех. Он уверяет, что это наступление вовсе не было таким провалом, как это представляли себе в то время в порыве разочарования те, кто раньше возлагал на него все надежды, и доказывает, что на английском участке оно даже может быть названо успехом. Во всяком случае вину за неудачу, какова она ни была, он перелагает целиком на генералов, которые раскрыли неприятелю тайну своих приготовлений благодаря бесконечным проволочкам и медлительности и даже дали ему возможность узнать их оперативный план. Ллойд Джордж, как мы видим, не особен-

но разборчив в средствах, когда ему нужно доказать вину противника или собственную невиновность. Военная литература несомненно выяснит, что в его объяснениях верно и что им придумано. По собственным воспоминаниям пишущий эти строки может сказать, что в политических кругах Англии тогда много говорили об ответственности Ллойд Джорджа и о целесообразности выхода его в отставку. В самой Франции реакция была сильнейшая, усугубленная возмущениями во французской армии.

Одновременно с этим злополучным наступлением союзники предприняли давно задуманный и столь же неудачный военно-политический зондаж в России, направив туда общую миссию — фактически под предводительством англичан во главе с лордом Милнером. Они ужасно много узнали. Так, они узнали, что у России нет пушек, нет гранат, нет винтовок, нет транспорта, нет обуви, нет хлеба, а также, что в России будет революция после войны и что она будет заключаться в том, что царя Николая сбросят и на его место посадят другого, у которого не будет такой сумасшедшей жены и который не будет находиться под влиянием Распутина. Эти драгоценные сведения члены миссии добыли из бесед не только с генералами и министрами, но и с такими „влиятельными" представителями общественности, как князь Львов, „самый способный организатор в России", как атестует его наш автор, „фабрикант" и „член исполнительного комитета думы" Гучков, известный „консервативный юрист" Павел Милюков. Неудивительно, что Февральская революция, разразившаяся почти немедленно после отъезда миссии, оказалась для пославших ее правительств большим сюрпризом. Их растерянность была полная, и в течение двух-трех дней, помнится, сообщение об отречении царя тщательно скрывалось цензурой от публики. Ллойд Джордж и теперь еще не сообщает нам, какие мысли мелькали в его голове и в головах его коллег и какими мнениями обменивались английское и французское правительства по этому поводу. Несомненно, эти мысли и мнения были невеселые. С одной стороны, падение проявившей свою военную несостоятельность царской монархии было как будто выигрышем, но смятение и дезорганизация, сопровождающие революцию, не обещали ничего хорошего для военного дела союзников. Верхи русского „общества" были, несомненно, за продолжение войны до победного конца и за тесное сотрудничество с союзниками. Ну, а низы — эти крестьяне с „мистической душой" и эти как будто не совсем покладистые рабочие фабрик и заводов? На этот счет союзники пребывали в полном неведении. Даже сейчас, в 1934 г., давая своим читателям, как он думает, авторитетное объяснение причин и происхождения Февральской революции, Ллойд Джордж совсем не касается положения и настроения народных масс, очевидно не считая их сколько-нибудь активным фактором в происходящих событиях. Он ничего не знает о русском рабочем движении, ни единым словом не намекает на существование в России аграрного вопроса, не слыхал о социалистических партиях, а тем менее о большевиках (о них он услышит впервые лишь через

три-четыре месяца, когда они предстанут в изображении союзников как „максималисты“ и „германские агенты“), но зато пространно повествует о Распутине и кое-что говорит о разрухе на фронтах и в тылу. К этому сводится весь багаж знаний этого государственного деятеля о революции, опрокинувшей монархию Романовых и развязавшей те гигантские силы, которые под руководством большевистской партии вскоре опрокинули помещичье-капиталистический строй и водрузили на его развалинах красное знамя социализма. Вообще трудно представить себе „историческое“ объяснение Февральской революции более жалкое, чем страницы, которые Ллойд Джордж посвящает ей. Они вполне подстать „консервативному юристу“ Милюкову, „социал-демократу“ Керенскому и цитируемому им другу последнего проф. Пэргу и не становятся лучше от дополнительных пояснений, почерпнутых автором у анонимного „выдающегося русского эмигранта“, о роли Распутина. Если таковы „познания о России“ у такого живого и восприимчивого человека, как Ллойд Джордж спустя семнадцать лет после революции, то можно представить себе, что поняли в ней в ее первые дни его коллеги — „бюрократ“ Милнер, как он его называет, или зубр вроде Бонара Лоу. Конечно им ничего другого не оставалось делать, как состроить приятную мину при плохой игре и послать молодой республике цитируемые нашим автором приветствия от праматери всех парламентов в надежде укрепить у власти этим комплиментом господ Родзянко, Львова, „фабриканта“ Гучкова и Милюкова. Попутно Ллойд Джордж излагает попытку, делавшуюся его правительством для устройства побега Николаю Романову и его семье в Англию. Очевидно эта попытка делалась по настоянию короля, и Ллойд Джорджу повидимому ставили в вину, что она не удалась. Он приводит документы, которые должны доказать, что он добросовестно хотел выполнить высокое поручение, что Временное правительство готово было исполнить желание английского двора, но что помешали „объективные“ обстоятельства — корь в семье Романовых и бдительность революционной „черни“. Кончилось все это, говорит он, трагедией, „подробности которой будут приводить в ужас бесчисленные поколения рода человеческого“. Увы, нам нисколько не страшно, мы великодушно согласимся, что „за эту трагедию наша страна (Англия) никоим образом не может считаться ответственной“.

Главой о вступлении Америки в войну исчерпывается политическое содержание третьего тома. Нам всем известны колебания бесхарактерного и тщеславного президента Вильсона. Но мы не знаем, и об этом Ллойд Джордж как раз умалчивает, какие именно рычаги приводили в действие англо-французские агенты, чтобы склонить колеблющиеся чашки весов в сторону Антанты, какую роль играла подкупленная пресса, какие средства воздействия применял банкирский дом Моргана, издавна связанный с английскими Бэрингами и другими банкирами и т. д. Поучительно лишь констатирование, что как западные, так и южные штаты весьма равнодушно относились к мысли об участии в войне, да еще на

стороне Англии и России, и что фактически президент и конгресс уступили давлению восточных штатов, экономически связанных с Европой. Еще более поучительно то, что, по уверению Ллойд Джорджа, Вильсон уже знал о секретных аннексионистских договорах между „демократическими“ державами в самом начале вступления Америки в войну, так что Вильсон лгал и лицемерил, когда провозглашал антиимпериалистические лозунги, под которыми Америка будто бы борется против центральных держав, а впоследствии, на мирной конференции в Париже, извинял свою измену этим лозунгам тем, что был застигнут врасплох открывшейся перед ним картиной тайных аннексионистских взаимообязательств.

В общем третий том „Военных мемуаров“ представляет, как и первые два, не столько попытку осветить войну хотя бы с точки зрения английского империализма, сколько искусную апологию автора, заслуги которого ныне забыты среди общей вражды, окружающей его в английском политическом мире. При такой установке трудно ожидать найти много правды: „Он так хорошо умеет обманывать без того, чтобы лгать!“ — как говорил про Бисмарка один неглупый французский дипломат.

Ф. Ротштейн

Глава тридцать восьмая

ПЕРВЫЕ ЗАДАЧИ НА ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

1. *ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗ ТРЕХ ПАРТИЙ*

Немедленно после того как король доверил мне задачу составить министерство вместо канувшего в вечность, мне необходимо было продумать те задачи, которые ожидали меня как в политической, так и в экономической, финансовой, военной и морской областях, а затем уяснить себе, какие имеются в наличии люди для участия в новом правительстве, и выбрать из них наиболее пригодных в настоящих исключительных условиях. Располагай я полной свободой действий, я выбрал бы людей, по моему мнению, наиболее способных в смысле помощи советом и надлежащей организации страны для нужд войны, не сообразуясь ни с какими партийно-политическими установками. Я ввел бы в кабинет некоторых министров с задних (не министерских) скамей парламента — людей, которые в одних случаях уже проявили себя в палате, в других — даже не обнаружили никаких особенных парламентских талантов, но обладали, по моему убеждению, опытом и другими качествами, для того чтобы стать хорошими администраторами. Я поискал бы также вне стен парламента людей, проявивших в своей области прозорливость, воображение, здравый смысл и мудрость, и поручил бы им различные отрасли правительственной работы. Но я должен был считаться с тем кардинальным обстоятельством, что я работал в условиях парламентской системы и что правительству в течение первых решающих месяцев необходимо было заручиться поддержкой парламента, когда его проекты лишь проводились в жизнь и оно не могло еще рассчитывать на их быстрое осуществление. Если бы за мной стояла единая партия, располагавшая вместе с более или менее надежными союзниками в палате общин достаточно устойчивым и солидным большинством, готовым поддержать меня во всех превратностях судьбы не только в течение двух с лишним лет, то я имел бы возможность подбирать людей более свободно, более широко, с бóльшими шансами на успех, и мог бы тогда обеспечить в правительстве больше единства и больше сочувствия той линии в ведении войны, в которую верил. Я очень хотел изба-

виться от людей и тех методов работы, которые были слишком тесно связаны со старым направлением в руководстве войной. Но партия, к которой я принадлежал, раскололась на две части. Опрос, произведенный д-ром Аддисоном с помощью покойного г. Келлауэй, показал, что в парламенте из 260 либералов 136 готовы были поддержать возглавляемое мною правительство. Это означало, что около половины всех членов партии все еще следовали за г. Асквитом. Ирландская партия состояла в общем из сторонников Асквита, а рабочая партия делилась на сторонников войны и на решительных пацифистов.

Большинство консервативных министров, входивших в коалицию Асквита, было определенно настроено против возглавления мною правительства в качестве премьера. Когда они впервые узнали о моем предстоявшем назначении, они стали делать истерические попытки предотвратить его. Когда же назначение состоялось, они отнеслись к перспективе работать под моим руководством с крайним недовольством. Что касается некоторых из них, то вплоть до самого конца не было ни одной минуты, когда они не обрадовались бы моей отставке. Такое отношение увеличивало мои затруднения в те минуты, когда необходимы были решительные действия; оно создавало помехи для моей работы и раза два даже совсем сорвало ее. Чтобы понять их поведение, нужно иметь в виду, что до этого ни один „рядовой“ парламентарий, за исключением Дизраэли, не возвышался до поста премьера, не пройдя через академию генерального штаба политиков, т. е. через старые университеты *.

О позиции рабочей партии я не имел никаких сведений, так как во время переговоров не входил ни прямо, ни косвенно в соприкосновение с ее представителями. Я знал лишь, что в кругах, близких к Асквиту, господствовала уверенность, что ни один консервативный лидер, за исключением Бонар Лоу и Карсона, не согласится участвовать в правительстве под моим руководством и что рабочая партия не захочет иметь ничего общего с правительством Ллойд Джорджа.

Таким образом перспективы успешного создания правительства, пользующегося обеспеченной парламентской поддержкой, в этот момент отнюдь нельзя было назвать блестящим. Влиятельные круги давали пребыванию моего правительства у власти срок всего в шесть недель. Однако я решил взять на себя задачу, порученную мне государем, и сделать все, что было в моих силах, чтобы составить правительство, способное организовать силы страны для победы, и таким образом постепенно завоевать ее доверие. Я был твердо убежден, что неудача привела бы к возвращению с возросшим авторитетом, но с уменьшившимися силами и инициативой того слабого руководства, которое уже раньше поставило под вопрос благоприятный исход войны.

Я начал с того, что попытался установить, в какой мере можно было рассчитывать на поддержку консерваторов. В этом деле я дол-

* Оксфорд и Кембридж. *Прим. перев.*

жен был положиться на большой опыт и указания г. Бонар Лоу и лорда Эдмунда Толбота. Я уже описывал выше, как мы заручились влиятельной поддержкой г. Бальфура, который согласился занять место министра иностранных дел. Было еще два других способных человека, пользовавшихся большим влиянием в консервативной партии, которые также готовы были помочь новому правительству: я имею в виду сэра Эдуарда Карсона и лорда Милнера. Заручившись их поддержкой, я сразу приобрел уверенность, что мне удастся выполнить свою задачу.

В большинстве министерств имеется обычно четыре или пять выдающихся членов, которые благодаря своим исключительным талантам, опыту и личным качествам составляют тот внутренний совет, который действительно руководит политикой министерства. Правительство, не имеющее счастья обладать в своем составе подобной группой лиц, может без существенных неудач кое-как просуществовать в спокойные времена, но в чрезвычайных условиях оно неизбежно терпит крушение. Остальные члены правительства в критические моменты в счет не идут. Холмы, которые выглядят большими возвышениями в хорошую погоду, быстро покрываются водой во время сильного прибоя. Тогда только самые высокие вершины возвышаются над водой. В либеральной партии было лишь трое или четверо министров, имена которых имели некоторое значение для широкой публики, — г. Асквит, сэр Эдуард Грей и г. Винстон Черчиль. Без излишней самоуверенности я позволю себе прибавить к ним и мое имя; причиной моей известности было главным образом участие в создании национальной системы страхования и пенсий для престарелых, а также то, что в последние годы я боролся на передовых позициях во всех спорных политических вопросах дня. Остальные либеральные министры были известны лишь парламентским деятелям, а вне стен парламента — записным политикам. Но я сомневаюсь, чтобы из десяти солдат, сидевших в окопах, хотя бы один мог указать, какой пост занимает в правительстве тот или другой из них или к какой партии он принадлежит. Людей, известных широкой публике, было и у консерваторов мало, более других известны были г. Бонар Лоу, г. Бальфур и сэр Эдуард Карсон. Это были выдающиеся фигуры, известные всей стране. Было еще несколько человек, более или менее известных лицам, интересовавшимся политикой: лорд Керзон, г. Уолтер Лонг, г. Остин Чемберлен и лорд Роберт Сесиль пользовались большим влиянием в руководстве партии, а лорд Милнер пользовался широкой популярностью среди молодой партийной интеллигенции. Твердолобые элементы в партии также доверяли Милнеру в основных вопросах партийной программы. Это больше того, что можно сказать о лорде Керзоне, который в некоторых довольно влиятельных консервативных кругах вызывал недоверие, граничившее с ненавистью. Между прочим эти-то круги закрыли ему окончательно путь к посту премьера в 1923 г. Лорд Ленсдаун был одним из старших государственных деятелей партии, которые пользовались скорее ува-

жением, чем поддержкой. Его шпага никогда не была грозным оружием в партийной борьбе; сейчас она годилась лишь для того, чтобы отдавать честь. Направление, которое она неуверенно указывала, уже больше не привлекало почтительного внимания того отборного отряда, которым он когда-то командовал. Бонар Лоу, Карсон и Бальфур располагали совместно доверием и поддержкой всех групп в партии, и в тех случаях, когда они брались за какое-либо патриотическое дело, которое не шло вразрез с каким-нибудь основным принципом консерватизма, за ними следовала вся партия. Неучастие в таком деле других вождей из упомянутых мною выше не имело бы серьезного значения в случае устремления консервативных симпатий в другую сторону или ослабления консервативной поддержки нового правительства.

Напротив, с точки зрения решительного и плодотворного ведения войны можно было многое сказать в пользу их исключения. Люди, которые неохотно и без доброй воли принимают участие в общем деле, несомненно, если они честно работают, — а это были люди честные, — выполнят свое дело в меру своих способностей; но когда наступают затруднения, у них обычно возникают сомнения и в случаях, когда решение зависит от доверия к руководству, они становятся источником нерешительности. Не раз в течение последующих лет я убеждался, что такое психологическое состояние моих ближайших помощников ослабляло, задерживало, а иногда срывало весьма существенные мероприятия. Так это было в особенности при решении важнейших вопросов о наступлениях, которые стоили таких огромных и ненужных жертв, и о единстве командования. Я убедился, что эти лица всегда склонялись к поддержке военных специалистов в противоположность позиции, которую занимал я. Если бы эти лица не вошли в состав правительства, их места могли бы занять люди типа Маклея, Инверфорта, Бивербрука, Геддеса, Ли, Вейра, Ронлда, Каудрей, Альберта Стэнли — люди, которые обладали первоклассными организаторскими способностями и заслуги которых во время войны перед страной никогда не были оценены по достоинству. Однако обстоятельства ограничивали меня в выборе коллег.

Г-н Бонар Лоу, будучи и без того весьма лойяльным членом своей партии, полагал, что на нем как на лидере лежат специальные обязанности в отношении партии и что он не располагает такой же свободой в выборе членов министерства независимо от партийных соображений, какие были у меня благодаря сложившимся в моей партии особым условиям. Поэтому он полагал, что во избежание раскола в партии он обязан делать все, что было в его силах, чтобы включить своих коллег, бывших консервативных министров, в новое коалиционное министерство. Я расскажу ниже о мерах, которые он принял, чтобы побудить их остаться на занимаемых ими равнозначущих постах.

В этой связи я приведу нижеследующее письмо, которое я получил от покойного г. Лио Макси. Мне кажется, что многое из того, что он писал, вполне справедливо.

„National Review“.
43 Двик стрит
Сент-Джемс

8 декабря 1916 г.

Дорогой г. Ллойд Джордж!

Я слабо надеюсь на то, что это письмо дойдет до Вас или будет прочитано Вами. Я должен однако написать Вам несколько слов, так как прихожу в ужас от дошедших до меня слухов о том, как Вас шантажируют консервативные лидеры и заставляют соглашаться на многочисленные нежелательные назначения. Когда эти назначения станут известны широкой публике, она несомненно будет весьма поражена: она решит, что новое правительство лишь немногим лучше прежнего...

Как мы ни жаждем отделаться от мусора, облеплявшего прежнего премьер-министра, но мы не менее жаждем избавиться от одинаково бесполезной рвани, которая окружает Бонар Лоу. Ни с какой точки зрения нет никакого решительно основания давать политическим деятелям, из которых давно уже песок сыплется, право навязывать себя обществу. Вам достаточно — если позволите так выразиться — послать Бонар Лоу и К° к чорту, и они станут смирненькими. Я хорошо знаю этих людей: у них нет ни капли смелости, и они храбры лишь тогда, когда они успешно нажимают на другого. Публика хочет иметь нечто лучшее, чем кабинет политических кляч, которые давно уже разоблачены.

Искренне Ваш
Л. Дж. Макси“.

Так как смена кабинета не могла быть произведена помимо г. Бонар Лоу, я считал себя обязанным следовать его выбору в отношении консервативных министров. В дальнейшем я имел немало оснований усумниться в лойяльности его коллег, которые были не особенно верны ему и уже в этих переговорах старались выхватить у него руководство.

Я считал привлечение лейбористской партии к активному сотрудничеству с правительством делом первостепенного государственного значения. Это была со времени гражданской войны в Америке первая война, в которой народные демократические массы были вовлечены в смертельную схватку. Поскольку речь шла о западных союзниках, война была подлинно демократической. В каждом случае она была начата с полного согласия почти всего народа. Молодое поколение боролось и страдало без различия сословий, состояний или профессий. Для победы необходимо было, чтобы народные массы напрягли все свои силы, а для этого нужно было заручиться и сохранить их сотрудничество до самого конца. Я не видел никакой возможности довести войну до благополучного конца ранее определенного времени. Усталость от войны должна была возрастать. Воля народа не была сломлена, но народный энтузиазм не пылал уже

таким пламенем, как в первые месяцы войны. Неудивительно, что в этих условиях нарастали рабочие волнения.

В этом отношении Англия не была исключением среди воюющих стран. И в союзных и в неприятельских странах начало проявляться раздражение, вызванное усталостью рабочих от войны. На фабриках и заводах России кипело недовольство. Германские рабочие проявляли симптомы раздражительности от чрезмерного напряжения. Ни в одной из этих стран правительство открыто и искренне не привлекло представителей рабочих к активному сотрудничеству. Эта ошибка привела в конце концов к краху в обеих странах: довольно скоро в России и несколько позже в Германии. Я считал необходимым предупредить эту опасность путем привлечения рабочих лидеров к более активному и действенному сотрудничеству с правительством в деле ведения войны. В прежней коалиции был только один министр от рабочей партии — г. Артур Гендерсон, и он не был членом военного комитета. Я пришел к выводу, что рабочая партия должна быть более широко и солидно представлена в новом правительстве и что какой-нибудь один наиболее выдающийся и наиболее уважаемый из ее вождей должен входить в состав органа, которому принадлежало верховное руководство войной. Но прежде всего было необходимо, чтобы рабочая партия выразила готовность к такому сотрудничеству.

На другой день после моего приема у короля ко мне в военное министерство явился г. Артур Гендерсон и спросил меня, готов ли я принять депутацию от парламентской фракции и исполкома рабочей партии для переговоров об условиях возможного участия в правительстве. Гендерсон был приглашен г. Асквитом на собрание либеральных министров, которые приняли решение отказаться от участия в каком бы то ни было правительстве, не возглавляемом прежним премьером. Гендерсон был единственным, возражавшим против этого решения. Он немедленно стал совещаться со своими партийными коллегами о том, какой линии им следует держаться. Он уведомил меня, что исполком рабочей партии обсуждал вопрос о том, следует ли рабочей партии поддерживать новое правительство или стать к нему в оппозицию; мнения по этому вопросу разделились. Прежде чем притти к окончательному решению, исполком рабочей партии желал бы узнать мое мнение по некоторым вопросам, которые особенно интересовали рабочую партию. Я с готовностью согласился встретиться с представителями рабочей партии, и несколько позже они пришли ко мне в военное министерство. В числе пришедших были все наиболее известные социалистические и рабочие вожди, в том числе г. Рамзай Макдональд, г. Сноуден, г. Гендерсон, г. Сидней Вебб, г. Дж. Г. Томас и г. Бевин.

Я подвергся довольно основательному перекрестному допросу. Лейбористская партия отнюдь не была единой в вопросе об отношении к войне. Вообще говоря, как я убедился при этой встрече, представители тред-юнионов стояли за энергичное продолжение войны до победного конца. С другой стороны, среди социалистической части

партии имелись сильные пацифистские элементы. Представители последних, особенно г. Рамзай Макдональд и г. Сидней Вебб, принимали живейшее участие в беседе, задавая вопросы, которые, по их мнению, должны были создать трудности новому правительству и вызвать ответы такого характера, которые повели бы к отказу рабочей партии в поддержке правительства. Мне было ясно однако, что их враждебное отношение не вызывало сочувствия со стороны их коллег — представителей тред-юнионов.

Я открыл заседание, обратившись к присутствовавшим с речью о положении на фронтах, характеризуя общее направление своей политики в качестве премьер-министра. Так как по поводу условий, на которых представители организованных рабочих вошли в правительство, было впоследствии немало споров и взаимных обвинений, то я считаю справедливым по отношению к тому большинству, которое согласилось поддержать новое правительство, процитировать текстуально официальный протокол этой знаменательной встречи. Нижеследующий отрывок из моей речи, обращенной к рабочей депутации, дает понятие о занятой мною позиции, которой я затем придерживался с полной лояльностью.

„...Война в настоящий момент идет плохо, и все государства, которые зависят от победы Великобритании, находятся в большой опасности. Падение Бухареста представляет собой не просто переход в руки неприятеля одного города, а нечто гораздо большее; оно означает, что в данный момент блокада прорвана, поскольку работа флота обесценена, и мы стоим лицом к лицу с перспективой самой тяжелой и опасной борьбы, в какой когда-либо участвовала Англия. Мне кажется, мы ведем эту войну не так, как следует вести войны. Я ненавижу войну и прихожу от нее в ужас. Я думаю иногда, не снится ли мне все это? Не кошмар ли это? Этого не может быть на самом деле. Но эти вопросы можно задавать и можно отвечать на них лишь до того, как войну начинаешь, но раз начав ее, нужно, стиснув зубы, довести ее до конца, иначе рухнет все то, что может быть осуществлено лишь в результате победы. Промедление в войне так же фатально, как и в случае болезни. Операция, которая сегодня полезна, может через шесть недель, а иногда и через три дня оказаться бесполезной и даже вредной. Так и на войне. Действия, которые сегодня могут спасти страну, уже через неделю оказываются запоздалыми. Я полагаю — правильно или неправильно, — что у нас были задержки, сомнения и колебания, что мы не вели этой войны с той решительностью, быстротой и с той — надо прямо сказать — неослабной энергией, с которыми ее необходимо вести. Мы не можем посылать людей на убой, не позаботившись о предоставлении всего, что может обеспечить им шансы на победу. Люди готовы жертвовать собой, а мы, со своей стороны, должны поддержать их всеми средствами, со всем тем напряжением воли, на кото-

рые мы способны. С этой целью я выдвигаю несколько предложений. Я не верю, чтобы какой-либо премьер-министр, кто бы он ни был, даже если бы он обладал умственными, физическими и моральными силами гиганта, мог взять на себя задачу одновременно руководить парламентом и войной. Таково сложившееся у меня убеждение, которого я держусь и сейчас. Я буду безусловно действовать в согласии с ним, если составлю правительство. Кто бы ни взял на себя задачу руководить войной, должен сосредоточить на ней все свои силы и должен как-то иначе устроиться в отношении парламента. Королю не удалось добиться согласия всех партий на участие в едином национальном правительстве (я лично хотел бы, чтобы во время войны не было вовсе партий), и он поручил составление кабинета мне. Г-н Асквит и его коллеги приняли решение не участвовать в правительстве, возглавляемом г. Бонар Лоу или кем бы то ни было другим, кроме самого Асквита. Я сожалею об этом решении, но не хочу критиковать его в настоящий момент.

Нужно продолжать управлять страной. Необходимо правительство, которое будет продолжать войну. Позвольте мне сказать вам то, что я говорил моим коллегам и товарищам в этом самом кабинете несколько минут назад: политические деятели, побывавшие на министерских постах, делают одну кардинальную ошибку. Они думают, что люди, занимающие или занимавшие министерские посты, абсолютно необходимы для управления страной и что никто другой ни в какой мере не способен к работе по управлению государством. Но английский народ насчитывает 45 миллионов человек, и если мы не можем набрать из их числа по крайней мере два или три альтернативных кабинета министров, то мы по истине являемся, как нас однажды назвал Карлейль, „нацией глупцов". Я не верю, что это так, и не нахожу, чтобы так думала страна. Все мы очень заинтересованы самими собою и друг другом, но при всем уважении к себе самому я полагаю, что страна рассчитывает на нечто иное; страна хочет иметь правительство, которое будет вести войну успешно. Поэтому я надеюсь заручиться сотрудничеством людей соответствующего характера и соответствующих способностей для составления министерства.»

Совершенно ясно, что ни одно правительство не может управлять страной во время войны или в мирное время без поддержки и даже, я сказал бы, без сотрудничества рабочего класса. Все зависит от того, готовы ли рабочие со всей решительностью помочь нам выиграть войну. Поэтому я пригласил вас сюда при посредстве г. Гендерсона, который был моим коллегой в течение полутора или двух лет. Позвольте мне тут же сказать, что я никогда не желал себе более лойяльного коллеги. Ему приходилось иметь дело с задачами, которые я считал трудными и которые были для него вдвойне трудными вслед-

ствие его связи с рабочим классом. Он брался за них смело, в подлинно товарищеском духе, и я всегда останусь ему благодарен. Я просил его снестись с рабочими вождями в нашей стране, для того чтобы пригласить их к сотрудничеству с правительством. Речь идет не о подчиненном положении, а об их подлинном участии в военном комитете для руководства войной и о подлинном участии в правительстве тех из них, кто не будет членом военного комитета, так как сами члены военного комитета будут в общем освобождены от бремени ведомственных занятий. В противном случае совершенно невозможно отдаться полностью вопросам войны. Я предлагаю, как предлагал и до того, как я покинул прежнее правительство, чтобы рабочая партия была представлена в военном совете и чтобы ее представители находились там постоянно, принимая равное участие в ее трудах и содействуя ее начинаниям, от успеха которых может зависеть жизнь страны. Я предлагаю, чтобы рабочая партия была представлена и в других министерствах. До сего времени у нас был лишь один рабочий, возглавлявший ведомство. Я предлагаю создать совершенно новое ведомство — министерство труда, которое объединит под руководством одного министра департамент труда министерства торговли и департамент труда министерства военного снаряжения. Это министерство станет безусловно одним из наиболее важных в правительстве, потому что при всей важности министерства труда в мирное время — его решения будут затрагивать существование многих миллионов людей в стране — его значение во время войны будет вдвое больше. В этом смысле оно будет не только министерством труда, но и министерством национальной обороны.

Я предлагаю, чтобы во главе этого министерства был поставлен председатель рабочей партии.

Затем я предлагаю создать еще одно министерство. Оно будет разрешать вопросы, затрагивающие в настоящее время благополучие сотен тысяч, а в будущем, как ни тяжело об этом думать, еще многих других сотен тысяч семей. Я имею в виду министерство пенсий. Не стоит тратить слов на объяснение того, какое значение имеет это ведомство в настоящее время и какое оно будет иметь в дальнейшем. И это ведомство, по моему мнению, должно быть возглавлено рабочим представителем.

Затем я предлагаю, чтобы в составе правительства было двое товарищей министра от рабочей партии, а также один представитель в числе парламентских правительственных погонщиков *. Таковы те предложения, которые я представил г. Гендерсону.

* Парламентскими погонщиками (Whips) называются партийные секретари, на обязанности которых лежит наблюдение за соблюдением партийной дисциплины со стороны членов парламента. *Прим. перев.*

Что касается кабинета *, то у нас имеется предложение и по этому поводу, но я не в состоянии сказать вам, будет ли оно принято. Это один из тех вопросов, по поводу которых я должен посоветоваться с моими коллегами, прежде чем окончательно высказать свое мнение. Я не думаю, что нам следует создавать кабинет в обычном смысле этого слова — на время войны военный комитет должен играть роль кабинета. Когда возникнет какой-либо вопрос, затрагивающий определенное ведомство, представители этого ведомства будут призваны для обсуждения этого вопроса совместно с военным комитетом...

Что касается политической линии нового правительства, то есть три вопроса, которые нуждаются, на мой взгляд, в разрешении, — это вопрос об угольной промышленности, продовольственный вопрос и вопрос о судоходстве.

Что касается угольной промышленности, то возможно лишь одно решение, а именно: государство должно взять контроль над ней в свои руки. Однако по этому вопросу я должен договориться о деталях с моими коллегами. Национализация контроля над угольной промышленностью должна быть проведена возможно более широко. Не должно быть и мысли о наживе за счет широких масс. Прибыли будут исчисляться на довоенной основе.

Лично я придерживаюсь того же мнения в вопросе о судоходстве. Я слышал о скандальных случаях в области судоходства, о людях, которые ничего не имели в начале войны, а ныне имеют состояния, определяющиеся не в тысячах, а в сотнях тысяч фунтов стерлингов, благодаря тем фантастическим фрахтам, которые удорожили жизнь во всей стране. Я считаю это скандалом и не могу себе представить, чтобы правительство не занялось этим вопросом. В этом случае я могу говорить пока лишь от своего имени и от имени г. Бонар Лоу. Перед прежним правительством я выдвинул предложение о назначении министра по контролю над судоходством и судостроением. Что касается прибылей от судоходства, то г. Бонар Лоу и трое или четверо моих коллег весьма твердо настроены в пользу распространения на судоходство мероприятий, проведенных или проводимых в отношении железных дорог и угольной промышленности.

По вопросу о продовольственном снабжении я обещал назначить контролера по производству и распределению продуктов питания".

Я продолжал затем:

„Я думаю, нет другой страны в мире, где столько хорошей земли лежало бы втуне. Я помню разговор с одним выдающимся немцем в Страсбурге (это было до войны); он сказал мне,

* В кабинет, в отличие от министерства в целом, входят лишь наиболее влиятельные члены последнего. *Прим. перев.*

что во время его поездок по Англии ничто так не поразило его, как исключительная красота природы и то, как плохо используется земля. Он сказал, что встречал в Англии повсеместно прекрасную землю, которая не производит ничего, кроме травы, не идущей в корм скоту, и деревьев, непригодных как строительный материал. В Германии каждый клочок земли производит продукты питания. По крайней мере таково будет положение во время войны (затем мы увидим, что нам делать).

Мы должны использовать в стране все возможности для увеличения производства продуктов питания, совершенно не считаясь с тем, для каких декоративных или иных целей данная площадь употреблялась до сих пор. Я полагаю, что в настоящее время никто не будет возражать против этого.

Далее следует иметь в виду, что этого нельзя достигнуть без значительного количества механических орудий для возделывания почвы. Необходимо прежде всего установить, сколько имеется в стране паровых плугов. Сделав это, необходимо обеспечить наилучшим образом использование их. Владелец плуга должен применять его повсюду и во всех случаях, когда это необходимо для всего прихода. И плуг должен быть использован в полной мере. Мы должны сами производить плуги, и министерству военного снаряжения нужно будет заключить соглашение (об этом уже по существу договорились в военном комитете) о производстве плугов для вспашки земли и подготовки ее к производству продуктов питания. Необходимо также мобилизовать сельскохозяйственных рабочих. Я считаю, что нам вполне хватит квалифицированных людей для сельского хозяйства, если их использовать наилучшим образом. Нужно пойти по тому же пути, что и в армии, где мы превращаем обученного солдата в унтер-офицера. Если мы это сделаем, то мы будем иметь возможность колоссально увеличить производительность земли.

На-днях я обсуждал с лордом Дарби еще одно предложение. Мне говорили, что в Англии имеется 100 тысяч садовников. Они являются квалифицированными работниками земли, и я полагаю, что в случае необходимости, если у нас окажется абсолютная нехватка продовольствия в результате потерь от подводных лодок, мы должны будем воспретить кому бы то ни было из них заниматься декоративными растениями, до тех пор пока они не будут в полной мере использованы на производстве продуктов питания. Я не думаю, чтобы кто-нибудь, кто занят ныне в сельском хозяйстве, стал возражать против мобилизации этих весьма квалифицированных работников не на чистку теннисных площадок или даже не на разведение цветов, а на увеличение продовольственных запасов страны. Лучше всего производить продовольствие у себя на дому. Каждый, кто жил в деревне, знает, насколько лучше покупных продукты собственной земли. По-моему, в Англии не должно быть ни одной дерев-

ни, которая не в состоянии была бы себя прокормить. Вспомните о временах детства. Любой фермер тогда предоставлял участок под картофель и под овощи каждому, чья жена приходила на ферму помогать во время уборки урожая. Это была выгодная сделка; не было нужды покупать продукты питания кроме бакалейных товаров, как например чая и сахара, которые привозились из-за границы. Каждая деревня была почти самодовлеющей единицей. Я совершенно уверен, что если бы мы располагали большой организацией для такого использования трудовых ресурсов страны, то мы могли бы сделать Англию почти самоснабжающейся страной, правда, при одном условии, а именно при введении системы нормирования. Что может получиться без ее введения? — Продовольственные цены сами начнут действовать в том же направлении. В каком смысле? — А в том, что богатый всегда сможет купить, что пожелает, но чем больше он будет покупать, тем меньше останется для других, и те, кто стоит на более низкой ступени материального благополучия, получат менее причитающейся им по справедливости доли, тогда как другие получат гораздо больше. Было бы хорошо установить общенародный великий пост. Католическая религия, мне думается, отличается более основательным знанием человеческой природы, чем какая-либо другая, и в католическом великом посте немало практического здравого смысла. Это хорошая вещь не только в моральном смысле, но и в физическом отношении, и я совершенно уверен, что система нормированного поста — вещь вполне уместная среди ужасов войны и заставит нас почувствовать, что и мы в тылу, подвергаясь стеснениям, приносим хотя какую-нибудь лепту на алтарь войны. Необходимо довести войну до сознания народов во всех их частях. Каждый должен итти на какие-нибудь лишения в виде ли испытываемых неудобств или прямых потерь. Я безусловно настаивал бы на введении весьма широкой системы нормирования, которая обеспечивала бы потребителя в достаточной мере, но исключала бы все лишнее и уравняла бы всех. Я осмелился заявить еще в феврале 1915 г., что мы напрасно смеялись над картофельными пайками в Германии. Я сказал тогда и повторяю теперь, что дух, лежащий в основе системы этих пайков в Германии, — сила более грозная, нежели руководство Гинденбурга. Он выражает решимость немцев итти до конца, каких бы лишений и неудобств это не стоило им. То же самое должно относиться к нам.

Я хочу, чтобы вы ясно поняли позицию, на которой будет стоять новое правительство. Я готов отвечать на все вопросы, на которые я в силах ответить, но, как вы понимаете, есть много таких вопросов, на которые я не в состоянии ответить, не посоветовавшись с моими коллегами. Я совершенно точно и совершенно откровенно изложил вам мои собственные взгляды на то, каким образом нужно вести войну, чтобы выиграть ее.

> Если это действительно общенародная война, каждый должен пожертвовать чем-нибудь, и только при этом условии мы будем в состоянии добиться большого успеха“.

Затем наступил перекрестный допрос, о котором я уже упоминал.

В ответ на вопрос о том, какая роль будет отведена представителям рабочей партии в мирных переговорах, когда для них придет время, я сказал, что мне кажется немыслимым, чтобы какой-либо министр мог договориться об условиях мира, не посоветовавшись предварительно с представителями рабочей партии.

В ответ на вопрос о том, будет ли продолжаться политика преследования мелких газет за выражение своего мнения, тогда как крупным органам печати разрешается писать все, что они хотят, я сказал, что, согласно своему заявлению в палате несколько недель назад, я лично обращался бы с лордом Нортклиффом точно так же, как и с простым рабочим. Если лорд Нортклифф окажется виновным в нарушении закона о защите государства, то я безусловно приму по отношению к нему те же меры, что и по отношению к рабочему. Я считаю, что не должно быть никакой разницы между ними и что если правительство не ведет себя вполне беспристрастно, то оно не может надеяться на уважение в стране.

Что касается германского милитаризма и вопроса о том, намерены ли мы заменить его английским милитаризмом, то я сказал, что такой исход борьбы был бы трагедией. Если милитаризм не будет разгромлен во всей Европе, то вся кровь, пролитая англичанами на войне, будет пролита даром. Необходимо положить конец милитаризму, и я конечно не буду участвовать в чем бы то ни было, что может привести к введению милитаризма в Англии.

На вопрос о том, буду ли я твердо возражать против продолжения системы обязательной воинской повинности после войны, я заявил:

> „Конечно да, но только если мы выиграем войну: поэтому-то я и стремлюсь выиграть войну. Если мы войны не выиграем, мы будем вынуждены сохранить воинскую повинность, для того чтобы защищать домашний очаг“.

На вопрос о труде черных я заметил, что мы никогда не предполагали вводить его в Англии. Мы пользуемся рабочими отрядами из черных во Франции потому, что мы не в состоянии получить достаточно людей позади фронта, чтобы сохранить рабочих у себя в Англии. Мы не можем снять людей с работы на оборону в Англии и поэтому, с согласия французского правительства, мы ввезли рабочие батальоны из Южной Африки и с Востока для работы по разгрузке и погрузке, а также в дорожном строительстве во Франции.

Г-н Сидней Вебб задал мне вопрос о принудительной трудовой повинности. Я сказал, что в этом вопросе политика прежнего правительства останется неизменной. Однако полная мобилизация труда необходима, для того чтобы можно было полностью использовать все ресурсы страны.

На вопрос о том, намерено ли правительство продолжать войну до решительной победы, которая позволила бы нам продиктовать наши собственные условия мира, или же правительство готово в любое время благожелательно рассмотреть всякое разумное мирное предложение со стороны какой-нибудь нейтральной державы или со стороны неприятеля, я ответил, что если бы такое разумное предложение было сделано, мы выслушали бы его теперь же. Надо полагать, никто не представляет себе дело так, что мы желаем продолжения войны и убийства наших собственных сыновей во что бы то ни стало. До того как мы начнем переговоры с Германией, мы должны иметь точное представление о том, чего она хочет, и я думаю, что каждый человек со здравым смыслом, который хочет прочного мира, будет того же мнения.

На вопрос о том, будет ли означать создание предполагаемого кабинета из четырех членов создание четырех диктаторов, я сказал:

> „Зачем существует правительство, как не для того, чтобы диктовать свою волю? Если оно не диктует своей воли, то это не правительство не зависимо от того, состоит ли оно из четырех или двадцати трех членов: разница заключается лишь в том, что четыре человека скорее примут решение, нежели двадцать три“.

Я продолжал, указав, что каждый министр будет диктатором в своем ведомстве, и единственным соображением, почему число членов будет доведено до четырех, является то, что при большем числе людей обычно, сколько бывает людей, столько бывает мнений, сколько мнений — столько речей, сколько речей — столько неразберихи, сколько неразберихи — столько промедления.

Меня спросили, считается ли установленным, что в новом кабинете будет представлена фракция рабочей партии в палате общин и что, когда начнутся переговоры о мире, в них примут участие представители последней.

Я сказал, что г. Гендерсон уже ответил на этот вопрос сегодня утром. Я считаю, что до мира еще далеко, но я искренне надеюсь, что когда время придет, то на мирной конференции будет и представитель рабочей партии.

По вопросу о четырех членах кабинета и о представителе рабочей партии в кабинете я сказал, что пришел к выводу, что в кабинете должен быть один член рабочей партии без портфеля, с тем чтобы он мог посвящать все свое время военному совету.

С этим депутация ушла. Я узнал, что затем шли весьма горячие споры о том, следует ли партии принять сделанное мной предложение об активном сотрудничестве в руководстве войной и следует ли разрешить некоторым из вождей партии войти в правительство. Большинством одного голоса исполком рабочей партии решил войти в правительство на время войны. Я установил, что г. Дж. Г. Томас, который в свое время голосовал против вхождения рабочей партии в коалиционное правительство Асквита, на этот раз голосовал за уча-

стие в правительстве. Эта перемена позиции Томаса была тем более показательной и достойной, что он сам отказался от какого бы то ни было назначения.

Решение рабочей партии обеспечило успех моей задачи—создания подлинно национального правительства. Когда стало известно, что наиболее влиятельные консервативные лидеры уже приняли посты в правительстве, что я получил заверения в поддержке от одной трети до половины либералов и что рабочая партия решила присоединиться к коалиции, то г. Бонар Лоу не представило никакого труда убедить сомневавшихся еще консервативных министров преодолеть свое нежелание занять места в министерстве под моим руководством.

Вскоре после того как стало известно решение рабочей партии, 7 декабря вечером, я принял лорда Роберта Сесиля, г. Остина Чемберлена и г. Уолтера Лонга в военном министерстве, для того чтобы, как они сами выразились, „обсудить некоторые вопросы в связи с предполагаемыми мероприятиями“.

Привожу ниже опубликованный ими протокол этого совместного заседания.

> „Бывшие консервативные министры подчеркнули исключительную важность создания устойчивого правительства и запросили, в какой мере премьер-министр может рассчитывать на поддержку либеральной и рабочей партии. Премьер-министр заявил им, что бывшие либеральные члены кабинета, как известно, обещали г. Асквиту не входить в новое правительство, но 136 либеральных членов парламента все же обещали новому премьеру свою поддержку; по крайней мере столь же значительная часть рабочей партии согласилась поддержать нового премьера, какая ранее поддерживала коалицию Асквита. Премьер-министр сообщил подробно о своем свидании с представителями рабочей партии и о том соглашении, которого он с ними достиг по вопросу об их участии в новом правительстве и по вопросу о политике правительства в тех областях, которые особенно затрагивали интересы рабочей партии. Новое правительство уверено в благоприятном приеме со стороны палаты общин, и если в дальнейшем с этой стороны возникнут затруднения, то премьер не остановится перед назначением всеобщих выборов.
>
> Мы подробно обсуждали предполагаемый состав нового правительства и пришли к полному соглашению относительно того, чтобы кабинетом являлся небольшой военный кабинет министров без портфелей, который будет ежедневно заседать и решать вопросы войны. Мы также пришли к соглашению относительно личного состава кабинета и других министерских назначений, намеченных премьер-министром.
>
> Среди других вопросов, обсуждавшихся на заседании, были: надзор за печатью, наша политика в отношении Ирландии, расширение избирательного права и военное командование. Пре-

мьер-министр высказался против излишне поспешных ограничений печати. Он заявил, что не связан никакими обязательствами по отношению к ирландским членам парламента и что правительство свободно в своих действиях в ирландском вопросе и во всех других спорных вопросах, например в вопросе об избирательном праве. *Премьер-министр не намеревался в настоящий момент менять состав военного командования*".

В конце наших переговоров бывшие консервативные министры заявили о своем согласии занять посты под руководством премьера, и последний сообщил, что он может теперь уведомить короля о своей готовности взять на себя составление министерства.

Опасения бывших консервативных министров по вопросу о смене верховного командования ясно указывали на затруднения, которые ожидали меня в вопросе о руководстве армией.

Я решил провести одно кардинальное изменение в конструкции кабинета. Я уже давно пришел к выводу, что совет министров в составе двадцати человек был непригодным инструментом в делах, требующих немедленных действий. Я решил поэтому создать кабинет из пяти человек и поручить ему все руководство войной. Я считал, что кабинет должен фактически заседать непрерывно, для того чтобы он мог следить за событиями из дня в день. Министров, которым поручается управление отдельными ведомствами, можно лишь в редких случаях привлекать для консультации; мысль их неизбежно будет занята бесчисленными деталями ведомственной работы. Военный кабинет поэтому должен состоять из лиц, освобожденных от всяких ведомственных забот, способных уделять все свое внимание и время важнейшим вопросам, от которых зависит успешное руководство мировой войной. В тех случаях, когда возникают вопросы, затрагивающие компетенцию определенных министерств, министры могут быть вызваны на заседание кабинета совместно с их чиновниками-специалистами. Было определенно решено, что кабинет должен иметь право на такое же непосредственное общение с экспертами отдельных ведомств, как и сами начальники ведомств — министры, и что члены кабинета будут иметь право непосредственно задавать вопросы специалистам, а последние должны свободно высказывать свое мнение, не ожидая разрешения своих политических руководителей, т. е. министров.

У меня сохранилось тягостное воспоминание о дарданельской неразберихе; тогда выдающиеся специалисты молча сидели на заседаниях военного комитета, а их начальник выдвигал предложения, с которыми они были глубоко несогласны. Они с тем же успехом могли бы вовсе не присутствовать на наших заседаниях. Я считал весьма важным, чтобы кабинет был так же осведомлен, как и заинтересованные министры, о личных мнениях людей, которые являются их советниками и имеют первоклассное знакомство с проблемами и трудностями.

Первый военный кабинет состоял из меня, лорда Керзона, г. Гендерсона, лорда Милнера и г. Бонар Лоу. Подразумевалось также, что г. Бальфур будет принимать участие в совещаниях не только в связи с вопросами, затрагивающими компентенцию министерства иностранных дел, но вообще в тех случаях, когда ему удастся урвать время от ведомственных обязанностей. Я считал, что исключительный опыт и проницательный ум Бальфура будут бесценны в совете и что ему нет нужды входить в детали работы министерства, где его в этом отношении прекрасно заменит его помощник лорд Роберт Сесиль.

Я предвидел, что мне придется уделять все свое время военным проблемам и что я не буду в состоянии бывать в палате общин за исключением отдельных случаев. Поэтому мы договорились, что лидерство палаты общин будет поручено г. Бонар Лоу. В палате общин я заявил: „Создается кабинет в составе пяти человек; один из них будет часовым на посту и будет защищать правительство от нападения извне, пока мы все будем делать нашу работу в стенах кабинета". Это не значило, что я вовсе перестал бывать в палате общин. Я бывал в палате почти ежедневно и отвечал на важные вопросы; не было ни одного случая, чтобы я не присутствовал и не принимал участия в сколько-нибудь важных дебатах. Но лидерство в палате общин означает нечто гораздо большее. Оно требует постоянного присутствия в стенах Вестминстерского дворца, постоянного внимания к прениям. Этого я дать не мог.

2. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ МИНИСТЕРСТВА

По вопросу об участии либералов в моем министерстве я стоял перед тем фактом, что все бывшие министры-либералы приняли на заседании, на которое я приглашен не был, резолюцию, которая обязывала всех и каждого из них не служить под моим началом. Это решение вызвало тот катастрофический раскол либеральной партии, который уменьшил ее влияние, парализовал ее энергию и помешал осуществлению ее целей в течение всех истекших с 1916 г. лет. До сегодняшнего дня это решение отравляет отношения между лицами, тесное сотрудничество которых настоятельно необходимо для процветания либерализма, и препятствует правильной оценке событий. Однако как ни пагубно оно было для развития партии с точки зрения полезного действия правительства как орудия войны, это решение официальных лидеров либеральной партии об отказе от сотрудничества с новым правительством было несомненным преимуществом. Было лишь трое бывших либеральных министров, содействие которых несомненно могло оказаться ценным. Одним из трех был лидер либералов г. Асквит. Ему недоставало силы характера и инициативы, необходимых для руководства страной в великой войне, но в качестве члена военного кабинета он мог оказать ценную помощь правительству своими советами и опытом. Но, как я уже указывал выше, на конференции в Букингемском дворце он отказался участвовать в каком бы то ни было правительстве, в котором он

сам не был бы премьером. Он отказался принять пост министра под руководством г. Бальфура (тоже бывшего премьера). Он отказался также войти в правительство Бонар Лоу. Я не мог поэтому надеяться на его сотрудничество.

Другим либеральным министром, гибкость и проницательность которого могли быть полезны в ведении войны, был Эдвин Монтегю. Вследствие своей близкой дружбы с г. Асквитом он тогда колебался в вопросе о вхождении в мое правительство. Впоследствии он стал его членом.

Третьим бывшим либеральным министром, который мог стать ценным участником правительства, был г. Винстон Черчиль, один из наиболее замечательных и загадочных людей нашего времени. Когда я стал премьером, он уже в течение нескольких месяцев не был министром, но все еще оставался видным членом либеральной партии. Его плодовитый ум, его несомненное мужество, его неутомимое прилежание и основательное изучение военного искусства сделали бы его полезным членом военного кабинета. Здесь его импульсивный и неуравновешенный характер мог бы находиться под контролем; его мнения подвергались бы обсуждению и проверке прежде чем перейти в действие. Люди с его горячим темпераментом и сильным умом требуют исключительно сильного тормоза. К сожалению консервативные министры, за исключением г. Бальфура и сэра Эдуарда Карсона, единогласно и решительно выступили против его участия в правительстве; большинство их даже поставило его исключение условием своего участия в министерстве. Г-н Бонар Лоу глубоко не доверял ему.

Я сделал все, что было в моих силах, чтобы побудить Бонар Лоу отказаться от возражений против Черчиля, и выдвигал аргумент, который обычно выдвигается в таких случаях, а именно, что г. Черчиль будет более опасен в качестве критика, чем в качестве члена правительства. Мне помнится, я говорил ему, что когда я был еще стряпчим, наиболее ответственной задачей, выпадавшей на мою долю, был выбор адвоката для ведения какого-нибудь важного процесса. У нас был тип адвоката, на которого всегда можно было положиться, что он сделает в интересах своего клиента все, что было в его силах, а что было в его силах, было наилучшим, что можно было найти среди адвокатуры. Имелся также тип блестящего адвоката, который в своих выступлениях был еще сильнее, но на его такт никогда нельзя было вполне положиться. Он способен был в перекрестном допросе свидетелей или в прениях сторон допустить какой-нибудь ляпсус, который губил дело его клиента. Опасность с этим юристом всегда заключалась в том, что если не привлечь его на свою сторону, то противная сторона могла обратиться к его услугам и выиграть дело, если талант не увлечет его по неправильному пути. Вопрос поэтому всегда приходилось ставить так: „Опаснее ли этот юрист в качестве *союзника* или в качестве *оппонента?*“. Г-н Бонар Лоу ответил: „Я предпочел бы каждый раз иметь его своим противником“.

Мне очень жаль было встретить такое отношение, но я не мог рисковать расстройством политической комбинации, которая являлась естественной базой правительства, ради немедленного включения Черчиля в состав министерства. Несколько месяцев спустя я был в состоянии поставить его во главе министерства военного снаряжения. Но и тогда враждебность консерваторов к Черчилю была так велика, что некоторое время само существование правительства было под угрозой.

Вот некоторые примеры тех возражений против Черчиля, которые в то время выдвигались моими коллегами. Один из них писал мне:

„Могу ли я вновь и в последний раз посоветовать Вам хорошенько подумать, прежде чем Вы осуществите это назначение Винстона Черчиля, которое мы не раз обсуждали? Это назначение будет страшно непопулярным среди многих из Ваших руководящих коллег, а по мнению некоторых из них оно поведет к распаду правительства, если не приведет (а это может случиться) теперь же к уходу в отставку некоторых лиц. Одно лицо, заговорившее со мной об этом по собственной инициативе сегодня вечером и затронувшее этот вопрос в разговоре непосредственно с Вами, сказало мне, что это назначение будет весьма непопулярно в армии.

У меня есть основания полагать, что таково же настроение во флоте.

Черчиль является потенциальной опасностью в оппозиции. По мнению всех нас, в качестве члена правительства он будет активной опасностью в нашей среде“.

Другой министр писал мне тогда же:

„Помимо всего прочего благоразумно ли с Вашей стороны назначать на пост министра опасного своим честолюбием человека...?“.

Еще один видный консервативный министр писал мне в том же духе:

„Я навел справки по поводу предполагаемого участия В. Черчиля в правительстве. Из того, что мне говорили... я убедился, что это назначение вызовет весьма серьезные последствия в нашей партии...“.

Почему консерваторы были так ожесточены против него?

Его политическое прошлое естественно приводило в негодование его старых партийных товарищей. Он никогда ничего не делает наполовину, и когда он вышел из своей партии, он напал на своих прежних товарищей и осудил свои прежние взгляды с силой и едким сарказмом, дававшими себя долго чувствовать. Когда была объявлена война, национальная опасность вынудила все партии к временному перемирию, в котором на время были оставлены или забыты партийные чины и партийные распри. Но консерваторы не могли ни забыть, ни простить перехода Черчиля в лагерь их врагов, ни того, что он

открыл по ним ураганный и смертельный огонь в тот самый момент, когда начался их разгром. Если бы он оставался верным сыном той политической семьи, в которой он родился и получил свое воспитание, то его доля участия в дарданельской неудаче была бы оставлена без внимания и другая жертва была бы принесена на алтарь народного гнева. Ошибки Черчиля послужили негодующим консерваторам превосходным поводом, чтобы наказать его за измену партии, и кнут, которым он был прогнан с своего поста, хотя и был сплетен из тех оскорблений, которые он когда-то бросал сам, но им размахивали с таким видом, как будто кнут держали не мстительные члены партии, а верные долгу патриоты.

В течение многих дней я обсуждал вопрос о Черчиле то с тем, то с другим из моих коллег: его дарования, его недостатки, его ошибки, — в особенности ошибки. Некоторые из них волновались больше по поводу его назначения, чем по поводу войны. Это был серьезный кризис.

Интересно было наблюдать в концентрированной форме все фазы недоверия и страха, с которыми посредственность взирает на гения на близком расстоянии. Гений всегда дает критикам материал для осуждения, — так было, так будет. Черчиль безусловно не является исключением из этого правила.

Противники Черчиля признавали, что он был человеком блестящим и талантливым, личностью сильной и привлекательной. Они признавали его смелость и соглашались, что он был неутомимым работником. Но, спрашивали они, почему, несмотря на все это, у него было больше поклонников и меньше сторонников, чем у какого-либо другого видного политического деятеля Англии? Они указывали, что даже в самые трудные политические моменты Джезеф Чемберлен в Бирмингаме и сэр Кемпбелл-Баннерман в Шотландии могли рассчитывать на непоколебимую преданность местных людей. Черчиль же никогда не вызвал и еще менее умел сохранить за собой привязанность какой-либо группы людей, области или города. Этого нельзя было объяснить одним лишь переходом Черчиля из партии в партию. Некоторые из крупнейших деятелей английской политической жизни заканчивали свою политическую карьеру не в той партии, в какой они ее начинали. Не в этом стало быть надо искать действительные причины, почему он внушал такое недоверие. В чем же заключалась истинная причина? — спрашивали они.

Их собственноее объяснение заключалось в следующем. Ум Черчиля представлял собою мощный механизм. Но в строении этого механизма, а может быть в материалах, из которых он составлен, был какой-то непонятный недостаток, который мешал ему всегда действовать исправно. В чем было здесь дело, критики сказать не могли. Когда механизм работал неисправно, самая сила его приводила к катастрофе не только для него самого, но и для того дела, которому он служил, и для тех людей, с которыми он работал. Вот почему последние чувствовали себя весьма нервно в совместной работе с ним.

По их мнению, в металле, из которого он был отлит, скрывался какой-то роковой изъян. Эту слабость выдвигали критики Черчиля в обоснование своего отказа от использования его больших способностей в данный момент. Они видели в нем не положительную величину, которую необходимо использовать в час опасности, а дополнительную опасность, которой следует остерегаться.

Я придерживался иного мнения о его дарованиях. Мне думалось, что его изобретательный ум и неутомимая энергия бесценны при условии контроля над его действиями. Никто не мог сомневаться в том, что он обладает даром предвидения и воображением. Его идея дарданельской операции и то, как рано он понял значение танков, ясно указывали, что у него были эти данные. Люди с такими способностями встречаются редко, очень редко. В момент чрезвычайной опасности такие люди должны быть полностью использованы. Если за ними бдительно наблюдать, они одни могут дать больше, чем легион посредственностей.

Вот почему, полагал я, Черчиль должен быть привлечен в правительство. Я знал кое-что о враждебных чувствах к нему со стороны его прежних консервативных друзей и знал, что иду на большой риск, предоставляя Черчилю пост в министерстве. Но то ни с чем не соизмеримое бешенство, которое враги Черчиля проявили в дальнейшем, когда до них дошли слухи о моих намерениях, превзошло все мои опасения и разбухло в течение нескольких дней до таких размеров, что кризис, охвативший министерство, угрожал самому существованию правительства. Я пошел все же на этот риск. Хотя я имел иногда случаи сожалеть о своем доверии, я убежден, что был прав, когда настоял на своем, несмотря на сомнения моих коллег, так как г. Черчиль оказал важные услуги правительству, содействуя дальнейшему увеличению продукции военного снаряжения в период, когда подавляющее превосходство запасов военного снаряжения было необходимо для победы. Будущее Черчиля зависит от того, сможет ли он создать себе впоследствии репутацию человека осторожного, а не только смелого.

Что касается остальных либеральных министров, то я считал, что ни один из них не был в состоянии помочь нам своей энергией или своими советами в такой степени, как те лица, которыми я решил заменить их на министерских постах. Назначение г. Мак-Кенны было бы явно невозможно, так как он был главной пружиной в тех интригах, которые ускорили распад коалиции Асквита. Кроме того у него была склонность к пораженчеству, которая ослабила бы правительство, призванное к власти в целях более энергичного ведения войны.

Последнее замечание может быть в равной степени отнесено к г. Рансиману. Кроме того в правительстве, главной целью которого были быстрые и решительные действия, он не нашел бы подходящего места. Хотя Рансиман и человек высокого ума, но ему нехватает последовательности и настойчивости, — недостаток, который объясняет, почему ему никогда не удавалось достигнуть заметных успе-

хов на тех различных постах, которые он занимал. Он никогда не идет до конца. В своих речах ему удается создать впечатление энергии и силы, но они испаряются еще до того, как он воплощает их в действие. В Рансимане поражает некая близорукость, приукрашенная уменьем гладко говорить. Это дает ему возможность убедительно и легко излагать и разъяснять, чего он хочет и чего ему однако никогда не удается добиться. Он обладает превосходным знанием делового жаргона и так ловко жонглирует им в своих речах, что приводит в трепет профана и импонирует даже специалисту. В этом заключается и на этом кончается его успех.

После того заседания кабинета, на котором Рансиман присутствовал в последний раз, лорд Китченер отправился со мною в министерство военного снаряжения. Это был первый и последний раз, что Китченер посетил это министерство.

На этом заседании кабинета г. Рансиман принимал видное участие в прениях. Я что-то сказал Китченеру относительно ясности, с какой Рансиман защищал свою точку зрения, и Китченер заметил:

> „Никто из членов кабинета не разочаровал меня в такой степени, как Рансиман. Когда я впервые вошел в состав правительства, он подошел ко мне и сказал, что хотел бы предложить мне свои услуги на тот случай, если его знакомство с деловыми кругами может быть для меня полезно. Я был ему очень благодарен и считал, что с его стороны было чрезвычайно любезно предложить мне свое содействие. Я провел большую часть своей жизни на Востоке и поэтому не имел случая установить контакт с промышленными кругами. Я просил Рансимана помочь мне в некоторых вопросах, в которых мне недоставало опыта и знаний. Он с готовностью согласился. В частности, помню, я просил его помочь мне в организации технических сил страны для производства военного снаряжения. Рансиман заявил: „Можете не беспокоиться, предоставьте это всецело мне". Так я и поступил. Но всегда оказывалось, что ничего в действительности не было сделано. Ни в ком я так не разочаровался, как в Рансимане".

Лорд Китченер говорил с непривычной для него горечью. После этого разговора я больше никогда его не видел.

Сэр Эдуард Грей был совершенно непригоден в каком бы то ни было деле, требовавшем решительности и энергии, а огромная ответственность войны окончательно парализовала его силы. Я не могу вспомнить ни одного из его предложений, которое хотя бы в малейшей степени содействовало успешному ведению войны.

Чарльз Мастерман, деятельность которого в области пропаганды до того была весьма успешной, потерпел неудачу в своих попытках добиться места в парламенте после своего поражения в округе Бетнал Грин. Поэтому он покинул правительство Асквита. Он занял к сожалению весьма враждебную позицию по отношению к моему правительству, и я не мог воспользоваться его услугами.

Для того чтобы испытать отношение прежних коллег к моему правительству, я решил предложить пост одному из них, активно не проявлявшему ко мне личной враждебности. Я обратился с приглашением войти в правительство к сэру Герберту Самюэлю. Он не принимал участия ни в одной из тогдашних интриг. Он всегда сам вел свои дела. Он был способным и прилежным администратором, и я был убежден, что он мог бы превосходно возглавлять одно из тех ведомств, которые в связи с войной не требовали особенной оригинальности. До войны он приобрел репутацию человека способного, полезного на каждом официальном посту, который он занимал. Во время войны он не делал ничего особенного, но и это неособенное он выполнял очень хорошо. Когда в 1914 г. разразилась катастрофа, ему очень хотелось что-то делать для великой войны, и он набрел на мысль об организации немедленной помощи безработным. В своей прозорливости он предвидел в этой помощи самую настоятельную проблему, которой нам придется заняться в области внутренней политики во время войны. Когда же выяснилось, что в стране нет безработных, которые могли бы воспользоваться его благодетельной предусмотрительностью, и что, напротив, имеется недостаток в рабочей силе, его лепта на алтарь победы была тем самым исчерпана. Постепенно он совсем исчез из виду, выполняя разные случайные поручения мелкого, но полезного свойства. Я не припомню, чтобы г. Асквит когда-либо приглашал его на наши совещания по наиболее важным вопросам войны.

Я пригласил Самюэля притти ко мне в военное ведомство и, насколько помню, предложил ему тот же пост, который он занимал в прежнем правительстве. Он ответил, что не считает мое правительство достаточно прочным и поэтому вынужден отказаться. Я сказал ему, что, по моему мнению, он ошибается в своей оценке жизнеспособности правительства и что пусть его не удивит, если мое правительство окажется еще у власти через пять лет. Он ответил мне лишь недоверчивой усмешкой. На этом наша беседа закончилась. В следующий раз я встретился с ним через четыре года в Сан-Ремо, куда он приезжал по моему приглашению и где по моей рекомендации ему предложили занять пост губернатора Палестины.

Двенадцать либералов, которые занимали второстепенные посты в первой коалиции, приняли назначение и во второй.

Д-р Аддисон, который оказал большие услуги стране в качестве парламентского товарища министра военного снаряжения, был назначен министром. Я питал большое уважение к его умственным способностям. Он обладал большой широтой и оригинальностью взглядов.

Восемь членов рабочей партии приняли участие в новом правительстве вместо трех в прежнем.

Все консервативные министры прежнего правительства заняли места в новом правительстве, за исключением лорда Лендсдауна. В течение некоторого времени он больше сочувствовал мирной, чем военной офензиве. Когда прежнее правительство решило, что время для

мирных переговоров еще не пришло, он понял, что не может участвовать в правительстве, созданном для продолжения войны. Кроме того ухудшилось состояние его здоровья, и он решил отказаться от участия в новом министерстве. С другой стороны, четыре видных консерватора, не участвовавшие в последнем правительстве, приняли приглашение войти в состав моего. Одним из них был лорд Милнер. Я принадлежал к числу самых ожесточенных критиков Милнера во время бурской войны, но это не помешало ему предоставить свои услуги государству в момент национальной опасности, хотя его прежний противник находился во главе правительства. Сэр Эдуард Карсон также решил еще раз войти в правительство. Первоначально я намеревался сделать его членом военного кабинета. У него не было административного опыта, и я полагал, что его большие способности смогут быть лучше использованы в совете, нежели на административном посту. Однако консервативные министры возражали против его продвижения на пост члена кабинета, который руководил войной. Я неохотно уступил им. Это была ошибка. У него не было административных способностей, а его пытливый ум был бы полезен в совете.

Отказ либеральных министров войти в правительство позволил мне сделать опыт, который оказался исключительно успешным. Я пригласил извне на высокоответственные посты несколько исключительно способных людей, которые никогда не занимали никакой должности ни в одном правительстве и большинство которых не было даже членами парламента. Я решил поставить таких людей также во главе некоторых вновь учрежденных ведомств. Судоходство было настолько важной отраслью ведения войны, что я считал необходимым создать особое ведомство морского транспорта и поставить во главе его опытного в этом деле человека. Самое существование Англии зависело от наилучшего использования наших судов по перевозке продовольствия и сырья из-за границы и перевозке снаряжения и солдат на различные театры военных действий. Если бы произошла серьезная заминка в британском судоходстве, то союзники были бы побиты. Мы начинали все больше и больше испытывать недостаток в тоннаже. Я решил поэтому, что необходимо создать новое министерство, исключительной задачей которого была бы полная реорганизация судоходства. Я предложил занять пост директора судоходства глазговскому судовладельцу г. Джозефу Маклею (ныне лорду Маклею). В дальнейшем мне предстоит рассказать о том, как г. Джозеф Маклей справился с важными задачами своего ведомства, и рассказать с гордостью о его великих достижениях.

Новое министерство было также создано для осуществления правительственного контроля над правительственными ресурсами. Я поставил во главе этого ведомства лорда Девонпорта. Мне приходилось иметь с ним дело раньше, в бытность мою министром торговли, когда он был парламентским товарищем министра по тому же ведомству. Мне были известны его ясный ум и деловое, мастерское уменье справляться с задачами, которые я ему поручил. Во всей

стране не было человека, который обладал бы бóльшим опытом в области распределения продовольственных ресурсов.

Г-н Продеро (ныне лорд Эрнль) был введен в состав правительства в качестве министра сельского хозяйства. Он не только был человеком больших способностей и широкого образования, но и обладал доскональным знакомством с сельскохозяйственными вопросами в качестве управляющего одним из самых больших и лучших имений в стране. Интересно также отметить, что тогда впервые занял министерский пост человек, которому в недалеком будущем предстояло играть видную роль в политической жизни страны. Я имею в виду г. Стенли Болдуина. Он стал одним из младших лордов казначейства вместе с г. Джемсом Паркером и г. Тодином Джонсом. До того он был личным парламентским секретарем г. Бонар Лоу.

Было также создано новое ведомство в целях более систематической и продуктивной организации людских ресурсов страны. До того времени мобилизация носила довольно случайный характер, причем наблюдалась потрясающая растрата сил и энергии. В результате при одновременном недостатке солдат на фронте важнейшие отрасли промышленности страдали от неправильного распределения рабочей силы. Было решено создать новое министерство, и г. Невиллю Чемберлену было предложено стать директором национальной военной службы. Он принял это назначение. До того я никогда не видел его и очень мало о нем знал. Это не было одним из моих удачных назначений.

Я решил также создать еще два новых министерства. Одним из них было министерство пенсий. На пост министерства пенсий я наметил г. Джорджа Бернса, одного из наиболее уравновешенных и уважаемых тред-юнионистских лидеров. Другим было министерство труда. Первым министром труда я назначил г. Джона Ходжа. Он был чрезвычайно удачливым тред-юнионистским лидером, который сумел добиться максимальных выгод для членов своего союза при минимальных конфликтах в промышленности. Лорд Каудрей, знаменитый подрядчик, принял пост председателя авиационного совета. Лорд Рондда в первый раз занял пост председателя совета по делам местного управления, заменив Уолтера Лонга, который стал министром колоний.

Мне удалось убедить г. Г. А. Л. Фишера, вице-канцлера шеффильдского университета, занять пост министра народного просвещения. Его пребывание на этом важном посту навсегда останется одной из замечательных страниц в летописях нашего народного просвещения. Ни один министр со времени В. Г. Форстера не оставил такого глубокого следа в системе нашего образования. Сэр Альберт Стэнли (ныне лорд Ашфильд), один из величайших организаторов транспорта нашего времени, был назначен министром торговли. О том, как он справился с организацией, я расскажу в дальнейшем.

Другим нововведением, расходившимся с традициями кабинета министров, которое я решил провести в жизнь, было создание секретариата кабинета. До того времени не велось никаких письменных

протоколов даже по наиболее важным решениям кабинета, не говоря уже о протоколировании тех дискуссий, которые этим решениям предшествовали. Я не помню, чтобы сэр Генри Кемпбелл-Баннерман или г. Асквит когда-либо делали себе заметки о решениях кабинета министров, разве только в исключительных случаях, когда принятое решение оформляли в ответ на запрос в палате общин. Поэтому время от времени возникали значительные сомнения насчет того, что именно постановил кабинет по данному вопросу. Я пришел к выводу о желательности постоянного присутствия секретаря кабинета, который вел бы краткий протокол прений по всем важнейшим вопросам и полный протокол всех решений. Когда решения касались какого-либо определенного ведомства, заинтересованному министру немедленно посылалась выписка из протокола. Я считал чрезвычайно важным, чтобы письменное сооообщение о содержании принятого решения и его формулировка были посланы официальным путем в данное министерство, не только в качестве напоминания данному министру, но и для того чтобы решения кабинета были полностью известны чиновникам, являющимся советниками министра и исполнителями его распоряжений. Я также считал не только желательным, но и обязательным, учитывая, какое количество принятых решений осталось в прошлом не выполненным, поручить секретарю кабинета следить за исполнением принятых решений и время от времени докладывать об этом мне. Впоследствии я установил, что вопросы, исходившие от секретариата кабинета, и доклады, которые приходилось составлять в ответ, были весьма полезны, заставляя министерства быть постоянно на-чеку.

Первым секретарем, назначенным на этот ответственный и доверительный пост, был сэр Морис Ханки. Он выполнял свои весьма деликатные и трудные функции с такой тщательностью и таким беспристрастием, что я не могу даже вспомнить о каких-либо разногласиях по поводу его протоколов или докладов о принятых мерах.

Я усилил состав моего личного секретариата, введя в его состав г. Филиппа Керра (ныне лорда Лотиана) и профессора Адамса. Оба они были людьми исключительных способностей. Тонкий ум г. Керра оказывал мне содействие в вопросах, возникавших в связи с имперскими и междусоюзническими конференциями. Профессор Адамс помогал мне в вопросах внутренней политики, например в продовольственной и ирландской проблемах. Его знания, проницательность и такт оказали мне большую помощь.

Я не терял времени с образованием министерства. Была война, когда каждый час дорог. Необходимо было разрешить множество накопившихся вопросов. Я помнил, с какой неторопливостью сколачивалась первая коалиция, как тогда напрасно теряли время и драгоценные дни на обсуждение назначений на министерские посты. Между тем важные решения, в частности решение о наступлении на дарданельском фронте, откладывались, пока взвешивались и уравновешивались моменты персональные и просто претензии различных кандидатов. Такой метод работы во время войны был причиной одного из

тех многочисленных промедлений, которые оказались роковыми для упомянутой операции.

Я был приглашен на пост премьера 7 декабря. 9 декабря военный комитет был уже образован и собрался на первое деловое заседание.

3. ОБЗОР ПОЛОЖЕНИЯ

Для того чтобы понять, какие серьезные задачи стояли перед новым правительством, необходимо сделать краткий обзор положения, создавшегося к концу 1916 г.

Мы стояли на пороге четвертого года войны. Условия, при которых предстояло вести кампанию, уже были предопределены военной и морской стратегией, событиями и обстоятельствами. Я уже рассказывал о том, как я безуспешно пытался в свое время изменить наиболее важные из них. К несчастью мне же предстояло выносить на своих плечах результаты тех тактических линий, которым я оказывал самое упорное сопротивление.

Три из союзных держав — Бельгия, Сербия и Румыния — были почти совершенно уничтожены как военные единицы на весах происходившей борьбы. Все еще громадная Россия барахталась на земле, но таила колоссальные возможности, если бы она поднялась вновь, чтобы померяться с врагами остатками своей огромной силы. Но никто не знал, сможет и захочет ли она подняться. Она скорее была предметом гаданий, чем упований. Подавляющее превосходство по части людского материала, которое внушило союзникам такое ложное чувство уверенности и вовлекло их в 1915 и 1916 гг. в авантюры, в которых человеческие жизни с беспечной расточительностью бросались в огонь боев, точно имелся какой-то неиссякаемый запас людей, — это превосходство теперь почти исчезло. С чисто военной точки зрения центральные державы, казалось, были более сильными и непобедимыми, чем когда-либо.

Большинство, если не все обстоятельства, которые могли заставить центральные державы уйти из своей гигантской крепости, были упущены одна за другой. Слабые места этой крепости отыскивались только для того, чтобы избегать их, точно это были какие-то ловушки для трусливых. Верховное командование и начальники штабов западных держав пришли к выводу, что это была война на истощение, и устроили так, что их основная стратегическая концепция оказалась единственно возможной. Это было самооправдание. К этой теме, в главе, посвященной военному положению, я еще вернусь. Здесь я лишь обращаю внимание читателя на то, что война стала к этому времени скорее испытанием выносливости народов, чем армий.

Для военного искусства все еще были открыты большие возможности. Гений всегда найдет или пробьет себе дорогу. Но союзники почти перестали искать такого пути к освобождению. Отныне исход войны зависел от истощения той или иной стороны. Стойкость, продовольствие, людские ресурсы, военное снаряжение, транспорт — ка-

кая из воюющих групп первой сдаст по одному из этих существенных элементов, та из них потеряет войну.

В этой опустошительной войне силы всех воюющих стран были уже напряжены до последней степени. Та сторона, которая сумеет наиболее экономным и продуктивным образом использовать остаток своих сил с учетом стратегического и экономического положения, создавшегося к концу третьей военной кампании — эта сторона будет иметь наилучшие шансы победить в конечном счете. Центральные державы находились в лучшем стратегическом положении на суше на всех своих флангах. Так как они и на Востоке и на Западе прочно утвердились на союзной территории, то они могли быть вытеснены оттуда лишь при условии решительного превосходства нападающих в людях и артиллерии. Разгром Румынии сократил неприятельский фронт, удлинив вместе с тем для России фронт на 500 километров. Если будет выбита из строя Россия, то людские ресурсы обеих коалиций будут совершенно равными.

В отношении механических средств войны союзники были на пути к равенству. При напряжении всех сил в 1917 г. перевес должен был склониться в их пользу. На французском фронте союзники превосходили немцев по числу снарядов, но уступали им в отношении артиллерии. Французы не воспользовались советом, преподанным им и нам их лучшими артиллерийскими офицерами, рекомендовавшими сосредоточиться на производстве тяжелой артиллерии, в особенности на гаубицах новейших образцов. Мы воспользовались этим превосходным советом и осуществили его. Во французском же артиллерийском штабе не взлюбили его и задержали его осуществление. Они готовы были видеть в этом совете оскорбление своему кумиру — 75-миллиметровому орудию, антипатриотическую клевету на это создание французского гения. В дальнейшем, еще в 1917 г., они поняли то, чему еще раньше их должен был научить Верден, — что в отношении тяжелой артиллерии они уступали немцам и что эта слабость парализовала их способность к атаке.

Снаряжение турок было не сравнимо с нашим. Но до сих пор мы чрезвычайно плохо использовали наше превосходство в людях и военных материалах на этом театре войны. Штаб, как бы он не поощрял побед на Востоке, считал их все же стратегической ересью и поэтому чем-то омерзительным. На всех остальных фронтах центральные державы, если учесть стоявшие перед нами задачи, обладали лучшим снаряжением, чем союзные армии. Последние остатки румынской армии подвергались со стороны более мощной артиллерии противника разгрому до полного обессиления. Русские уступали неприятелю по всем видам военного снаряжения; состояние их транспорта было плачевное. Окопавшаяся армия немцев, австрийцев, болгар и турок, которая взирала с балканских высот на своих врагов в долинах Македонии, была во много раз лучше снаряжена для своей чисто оборонительной роли, чем союзный экспедиционный корпус для того наступления, которое он должен был раньше или позже предпринять, если союзники хотели добиться победы на этом участке. На италь-

янском фронте артиллерия Кадорны была слишком слаба для стоявшей перед ней задачи — разгромить высеченные в альпийских скалах укрепления. Таким образом союзникам оставалось сделать еще немало, чтобы добиться необходимого материального перевеса над центральными державами.

Предстоящий крах Румынии и России должен был дать определенный перевес центральным державам в отношении людских ресурсов. Для того чтобы получить осязательное превосходство в снаряжении и таким образом возместить недостаток в людских ресурсах вследствие создавшихся на Востоке прорех, необходима была усиленная активность со стороны союзников. Главная тяжесть этой задачи должна была пасть на обе крупнейшие промышленные державы союзной коалиции — Англию и Францию, считая и дополнительную помощь, которую они могли получить в Америке.

Дальнейшим побуждением к усилению производства военного снаряжения союзников на их собственных заводах и мастерских были возраставшие затруднения с финансированием союзных заказов за границей. Удовлетворение этого все возраставшего требования означало дальнейшее покушение на все сокращавшиеся военные резервы людского материала в момент, когда нехватало солдат, чтобы пополнять поредевшие батальоны. Подсчет всех этих имевшихся в нашем распоряжении на фабриках и в тылу ресурсов не оставлял никакого сомнения в том, что использование взрослой мужской силы шло у нас не так, как следовало, и что необходимо было провести тщательную реорганизацию в национальном масштабе, чтобы можно было надеяться с успехом выйти из затруднений в дальнейшие годы.

Прежде всего война становилась состязанием в силе стойкости народов. Все втянутые в эту колоссальную борьбу народы отличались исключительной храбростью и имели за собой многовековую военную традицию. Все это были воинственные народы. Ни один из них не был склонен уступить легко, во всяком случае не был склонен к этому, пока его армия сохраняла полный боевой порядок перед лицом неприятеля. Даже самые сокрушительные военные поражения не заставили пока капитулировать ни Россию, ни Бельгию, ни Румынию, ни Сербию. Катастрофа на той или другой стороне могла бы случиться лишь в результате действия такого фактора, который постепенно подорвал бы стойкость в народе. Такой крах мог вызвать только голод. Многое конечно зависело и от устной и письменной агитации, которая велась бы в армиях на фронте и среди масс в тылу с целью поощрить и поддержать мужество и выдержку войск и народных масс в тылу. Но история осад показывает, что лишь очень немногие люди обладают такой несокрушимой волей, что могут долго переносить вид близких, зависящих от них людей, которые ежедневно подвергаются лишениям. Поэтому среди вопросов, стоявших перед нами, продовольственный вопрос занимал первое место.

Ход первой половины войны ясно показал, какое важное значение имеют сухопутный и морской транспорт и военное снаряжение

для успешного ведения войны. Вторая половина войны убедила всех участников ее в том, что должно было быть ясно и ранее, а именно, что запасы продовольствия, достаточные не только для снабжения войск, но и для гражданского населения, являлись необходимым условием их дальнейшего участия в войне. Окончательный исход войны зависел в большей степени от пропитания, нежели от сражений. Недостаток в людских ресурсах и перегрузка транспорта вследствие перевозок военных материалов для различных фронтов уже оказывали серьезное влияние на доставку продовольствия. Когда в декабре 1916 г. я взял в свои руки верховное руководство войной, я обнаружил, что Россия находится накануне развала вследствие недостатка продовольствия.

Проблема военного снаряжения в России отнюдь не была разрешена, но положение в этой области значительно улучшилось и, несмотря на громадные потери, в России не было недостатка в людях, пригодных для армии. Но снабжение в городах и на некоторых участках фронта остановилось полностью, и во время этой суровейшей из русских зим (1916 г.) миллионы жителей России страдали от голода и холода вследствие недостатка в пище и топливе. Для этих голодных и холодных масс, для солдат — сынов народа, братьев и мужей тех, кто остался в тылу, революция была не только приемлема, — она была неизбежна. Революция была единственной альтернативой голода. Достаточное количество продовольствия и топлива может быть удержало бы Россию в ряду воюющих держав до конца, если не в качестве парового катка, то по крайней мере в качестве каменной стены. Австрия также все более и более серьезно ощущала недостаток в продовольствии.

Урожай 1916 г. в Венгрии был исключительно плох. 1917 год не поправил положения. Нехватало не только пшеницы, но также мяса и молока. Именно недостаток продовольствия способствовал тому, что Австрия готова была заключить мир. Это был один из решающих факторов ее окончательного поражения. Когда произошел крах, австрийские войска все еще не были разбиты на фронте. Затем очевидно должна была наступить очередь Германии.

Германия переживала ужасную „зиму репы". В Германии был неурожай картофеля, и население Германии должно было питаться репой. Продовольствие на душу населения в Германии в течение этой зимы было по калорийности вдвое меньше, чем тот минимум, который был необходим для поддержания здоровья ее населения. К 1917 г. „физическое истощение рабочих отражалось на производительности труда в копях и на военных заводах" *.

Началась война на истощение. В конце концов недостаточное по количеству и плохое по качеству питание победило дух, остававшийся непоколебимым в течение четырех лет ужасной войны на всех фронтах. Поэтому к концу 1916 г. продовольственный вопрос стал для всех воюющих стран важным и, как затем оказалось, важ-

* Полковник *Кинг-Холл*, Борьба на море (*King-Hall*, The war on sea).

нейшим элементом победы. Все народы были в положении осажденных.

Пока что ни в Англии, ни во Франции, ни в Италии ни одна часть населения не ощущала подлинных лишений из-за недостатка продовольствия. Море все еще находилось в руках союзников, и житницы мира все еще были открыты и доступны для них. Они располагали количествами хлеба, если и недостаточными для того, чтобы наполнить свои амбары, то все же достаточными, чтобы они не опустели вовсе. Но подводные лодки внесли в продовольственное положение элемент все возраставшей необеспеченности. Если морской транспорт сдаст, — а он сдавал быстро, — то сопротивление союзных армий будет сломлено. Народы все без исключения были разочарованы и чувствовали усталость от этих бесконечных жертв и ужасов, за которыми не следовало никаких решающих результатов. Проникновение голода могло превратить разочарование в недовольство и мятежи. Продовольственный вопрос был важнейшим из всех: от него зависело состояние духа народа, а в затяжной борьбе между двумя одинаково храбрыми нациями от состояния национального духа зависел исход войны. Вот почему, когда мне пришлось подойти к вопросу о войне во всем его объеме и подумать о тех условиях, от которых зависел ее окончательный исход, я понял, что „продовольственное снабжение" являлось вопросом решающего значения. На самом деле я пришел к этому выводу еще за год перед этим. Выдержки, которые я приводил из моих выступлений и предложений в военном совете в 1915 и 1916 гг., являются доказательством моих забот о том, чтобы были своевременно приняты меры для пропитания населения нашей страны.

В такой войне, где каждая сторона была достаточно сильна, чтобы держаться на суше, морское могущество было залогом конечной победы. Если мы удержим за собою господство на море, не терпя полного краха на суше, то центральные державы в конце концов будут вынуждены голодом к сдаче. Еще до того как начнется подлинный голод, их население можно будет подвергнуть таким лишениям, которые подорвут его стойкость и выдержку. Если бы наши армии находились на их территории, то чувство, которое заставляет людей скорее умереть, чем уступить врагу, вторгшемуся на их территорию, могло бы поддержать их. Но нет людей, которые готовы были бы скорее умереть с голоду, чем уйти с завоеванной ими иностранной территории. Возможный голод был поэтому наиболее мощным орудием войны. Пока Британия правила морями, ни она, ни ее союзники не могли быть побиты в силу недостатка продовольствия или необходимых военных материалов; с другой стороны, центральные державы не могли победить, будучи отрезаны от ресурсов всего остального мира. Этот расчет беспощаден, но ведь всякая война есть организованная жестокость. Кто полагает, что можно ограничить жестокости войны, в конце концов убедится, что зверская жестокость составляет самое существо войны и что так называемая цивилизованная война означает лишь, что люди переменили орудия и методы пытки.

Общая сумма страданий, причиненных человечеству войной, никогда не была столь значительна, как в мировой войне 1914—1918 гг. Мужчины, женщины и дети — все страдали от ужасов войны. Смерть в тылу от недоедания и плохого питания дала больше жертв, чем смерть в бою.

После того как бои при Вердене и на Сомме не привели к решению на фронтах, воюющие стороны оказались лицом к лицу с войной на истощение.

Проблемой наиболее серьезной и не терпевшей отлагательства была для нас проблема нашего падающего тоннажа. Море было основной жизненной артерией союзной коалиции. Если эта артерия будет перерезана, то союзники скоро будут обескровлены. Я приведу следующую выдержку из отчета, представленного кабинету в первые дни его совещаний:

„Судьба всего дела союзников зависит от их морского могущества. Поддерживать сообщения между армиями на Востоке и на Западе можно лишь морским путем; почти все союзники в настоящее время зависят от морского транспорта не только в отношении снабжения армий, но и в отношении подвоза промышленного сырья и военных материалов, а также жизненных припасов для гражданского населения“.

Союзники испытывали серьезный недостаток в тоннаже для самых неотложных нужд. Чрезвычайно важные подкрепления для союзных армий в Салониках, Египте и Месопотамии задерживались потому, что не было транспортных средств. Срочно необходимые железнодорожные материалы для фронта во Франции не могли быть доставлены потому, что не было судов. Даже военное снаряжение для некоторых наших армий приходилось урезывать (при этом нужно было находить суда, чтобы перевозить фураж для наших кавалерийских дивизий, постоянно державшееся наготове для завершения великого разгрома, который всегда вот-вот ожидался на западном фронте). Наши продовольственные ресурсы не могли быть пополнены по той же причине. Положение во всех этих отношениях было критическим. Италия испытывала жестокую нужду в угле для военных заводов, но ввоз угля в Италию был на 800 тысяч тонн меньше ее потребностей, потому что у нас нехватало судов для перевозки топлива. Таким образом и без того недостаточные запасы снаряжения у Италии становились еще меньше вследствие недостатка в английском тоннаже. Подводная война нанесла серьезные потери нашему судоходству в последние месяцы 1916 г. Новое чудовище морских пучин бродило под водой в поисках добычи и притом добычи беззащитной. Союзные суда погибали во все большем и большем числе.

Мы, казалось, были бессильны охранять наше судоходство и наших верных долгу моряков. С начала августа около 675 тысяч тонн английских судов было отправлено на дно морское. С другой стороны, мы не делали настоящих серьезных усилий строить новые суда, и судостроение на наших верфях сократилось на 66%. Недоста-

ток в тоннаже был вызван не только тем, что его нехватало абсолютно, но в значительной мере и тем, что мы нерационально и потому расточительно использовали наши ресурсы. Распоряжение тоннажем и его распределение приносили огромные доходы некоторым судовладельцам, но были гибельны для дела союзников. В то время как нам недоставало транспортных средств для насущных военных нужд и даже для питания страны, миллионы тонн затрачивались на перевозку ненужных предметов роскоши по высоким фрахтам. Вся эта роскошь должна была быть изъята из жизни народа на время великой войны. Только половина нашего тоннажа находилась под контролем правительства. Остальная часть тоннажа могла быть свободно зафрахтована теми, кто больше платил; в условиях войны такая сдача с торгов тоннажа приводила к вымогательству. Одним из последствий этого было то, что большое число наших судов все еще совершало торговые рейсы между южноамериканскими портами, где фрахты были исключительно высоки благодаря недостатку в судах. В наших портах также наблюдалось скопление судов; недостаточное внимание к погрузке и разгрузке судов вело к простою, и таким образом наши транспортные возможности сокращались еще более. 50% нашего судоходства, находившегося под правительственным контролем, отнюдь не использовалось наилучшим образом; в частности адмиралтейство располагало слишком большим резервом судов на случай чрезвычайных событий, которые никогда не возникали, и таким образом выпали из грузооборота суда, которые могли иметь неоценимое значение для срочных военных перевозок. Железнодорожный транспорт был забит перевозками, не имевшими серьезного значения. Это мешало нужным перевозкам, что еще более усугубляло всякого рода нехватки и промедления. В случае если бы меры для улучшения положения на транспорте не были приняты немедленно, возникла бы серьезная опасность, что максимальные усилия, необходимые для достижения победы, никогда не будут осуществлены.

Наиболее серьезным последствием такого положения судоходства было то, что и продовольственное дело стояло под угрозой. Как я уже выше указывал, наши запасы были весьма невелики. Не только в Англии и на континенте Европы, но и в Аргентине были неурожаи; ближайшим к нам избыточным районом была Австралия. Это требовало длинных путешествий от нашего численно падавшего торгового флота. В самой Англии, несмотря на обращения лорда Сельборна и его преемника лорда Кроформа, прежнее правительство не приняло никаких мер для увеличения сельскохозяйственной продукции. Сбор хлебов в Англии продолжал уменьшаться. В течение последних 12 месяцев производство пшеницы в Англии упало приблизительно на одну шестую. Без немедленных мер, направленных к обработке новых участков земли и увеличению производительности обрабатываемой уже земли, дальнейшее значительное уменьшение количества продовольствия, производимого на британских островах, было неизбежно. Перед нами возникала в таком случае перспектива:

либо терпеть лишения, либо выделить новые суда из нашего и без того недостаточного тоннажа.

Лишь только военный кабинет начал свою деятельность, он приказал составить тщательный и подробный отчет о положении по всем этим важнейшим разделам. Во многих случаях отчет показал, что прежнее правительство в принципе решало немедленно принять те или иные меры, для того чтобы справиться с затруднением. Но в каждом случае отчет заканчивался словами: „Ничего не сделано".

Правительство, спасовавшее перед настояниями союзных стратегов, которые провозгласили войну на истощение, само пренебрегло принятием мер, необходимых, чтобы помешать процессу истощения обернуться против нас. Если было слишком поздно изменить военно-стратегический план, то все еще было время позаботиться о том, чтобы мы не пали в борьбе от простого истощения, в то время как у противника еще оставалось достаточно сил, чтобы устоять на ногах и держать в руках меч. Наиболее серьезной задачей для нас было так организовать и сконцентрировать свои силы, чтобы наши ресурсы продержались дольше, чем у наших противников.

Глава тридцать девятая

ГЕРМАНСКАЯ И ВИЛЬСОНОВСКАЯ НОТА О МИРЕ В ДЕКАБРЕ 1916 г.

Во втором томе, рассказывая о меморандуме Ленсдауна, я сообщал о единогласном решении правительства Асквита, что было бы поистине гибельной ошибкой начать мирные переговоры с Германией, не добившись полного поражения ее армий.

Хотя лорд Керзон в речи в палате лордов упомянул о „славной великой победе на Сомме", все, кто был знаком с действительным положением вещей, будь то штатские или военные, считали в то время эту фразу характерным образцом напыщенного лицемерия. Главная цель атаки совершенно не удалась союзникам, а немцы увели свои войска с поля битвы в критический момент наступления лишь затем, чтобы начать более успешное собственное наступление на фронте за сотни миль от Соммы. В лучшем случае можно было считать, что бой на Сомме завел в тупик обе стороны; это означало неудачу союзников в отношении главной цели.

С тех пор как кабинет Асквита в ноябре 1916 г. решил не поощрять и не способствовать мирным переговорам, положение никак не изменилось.

Вскоре возник повод, для того чтобы на практике применить принятые решения. В начале декабря 1916 г., т. е. через несколько дней после того, как я стал премьер-министром, германское правительство выпустило свою знаменитую ноту о мире.

Хотя уже заранее общее содержание ноты было известно из сообщений иностранной печати, полный текст ее не был сообщен союзным правительствам до 18 декабря, когда американский посол по просьбе германского правительства передал ноту нашему министерству иностранных дел. Лорд Роберт Сесиль, замещавший больного министра иностранных дел Бальфура, сообщил в то время военному кабинету, что американский посол, передавая ноту от имени германского правительства, указал, что правительство США просило заранее конфиденциально сообщить ему предполагаемый ответ британского правительства на германскую ноту. Американское правительство само намеревалось сделать по этому поводу в надлежащий момент представление воюющим державам. Оно уже в течение некоторого вре-

мени собиралось предпринять соответствующие шаги, независимо от американской ноты.

Так как в кругах, склонных к критике правительства, делались враждебные комментарии по поводу союзного ответа на германское предложение о мире, я воспроизведу здесь германскую ноту полностью. Нас обвиняли в том, что ответ союзников якобы срывал благоприятную возможность заключить удовлетворительный мир. Но если мы тщательно познакомимся с тоном и текстом германской ноты, то мы по всей справедливости едва ли придем к такому выводу об отношении союзников к германской ноте.

„Берлин
12 декабря 1916 г.

Г-н поверенный в делах,

В течение двух с половиной лет величайшая война в истории опустошает большую часть мира. Катастрофа, которую не могли сдержать узы общей цивилизации, насчитывающей более тысячи лет, привела человечество к потере того, что ему дороже всего; эта катастрофа угрожает похоронить под обломками цивилизации все те духовные и материальные достижения, которыми гордилась Европа в начале XX в. *В этой борьбе Германия и ее союзники — Австро-Венгрия, Турция и Болгария — доказали свою несокрушимую мощь. Добившись значительных военных успехов, непобедимые войска Германии и ее союзников непрерывно дают отпор атакам неприятеля. Недавняя диверсия на Балканах была ликвидирована быстро и решительно. Последние события показали, что продолжение войны не может сломить нашего сопротивления. Общее положение скорее оправдывало (sic!) надежды Германии и ее союзников на дальнейшие успехи.* Четыре союзных державы были вынуждены взяться за оружие для защиты своего существования и свободы своего национального развития. Подвиги их армий не изменили положения. Ни на одно мгновение Германия и ее союзники не отклонились от того убеждения, что соблюдение прав других наций ни в какой мере не является несовместимым с их собственными правами и законными интересами. *Германия и ее союзники не стремятся раздавить или уничтожить своих противников.* В сознании своей военной и экономической мощи, готовые в случае необходимости вести борьбу до конца, если они будут к ней вынуждены, но воодушевленные в то же время стремлением остановить потоки крови и покончить с ужасами войны, четыре союзных державы предлагают начать хотя бы немедленно мирные переговоры. Они уверены, что предложение, которое они выдвинут и которое будет иметь целью обеспечить существование и свободное развитие их народов, может служить основой для восстановления длительного мира.

Если несмотря на это мирное предложение борьба будет продолжаться, четыре союзных державы с полной решимостью

будут продолжать войну до конца, торжественно сняв с себя ответственность за продолжение войны перед человечеством и историей.

Императорское правительство имеет честь обратиться через Вас к любезному содействию правительства США для передачи настоящего обращения правительству Французской республики, королевскому правительству Великобритании, императорскому правительству Японии, королевскому правительству Румынии, императорскому правительству России и королевскому правительству Сербии.

Я пользуюсь случаем, чтобы подтвердить Вам, г. поверенный в делах, уверения в моем совершенном почтении.

(подпись) Фон Бетман Гольвег.

Адресовано г. Джозефу Клерку Грью,
поверенному в делах США".

Нота была написана не языком противника, добивающегося мира после решительного поражения в бою или сознающего, что военные действия принимают неблагоприятный для него оборот, и даже не языком неприятеля, который хотя и не боится поражения, но понимает, что если война будет продолжаться, обе воюющие стороны в конце концов будут разорены. Эта нота скорее напоминала предложение со стороны державы, уверенной в несокрушимой силе своей армии, державы, хвастающей рядом оглушительных побед над противниками и тем, что она способна и в будущем отразить все попытки противника отобрать захваченные ею обширные территории. Выступая с этой мирной инициативой, германское правительство, всецело зависевшее от военной клики, следовавшее ее указаниям и контролируемое ею, имело в виду три задачи. Первая задача заключалась в том, чтобы обеспечить себе поддержку той части германского населения, которая чувствовала, что бесчисленные блестящие победы только осложняли положение Германии, влекли за собой только новые затруднения и все большие лишения. Необходимо было убедить эту часть населения, что только окончательная победа могла бы предотвратить неудовлетворительный мир. Вторая задача заключалась в том, чтобы убедить нейтральные страны, которые становились все более враждебными Германии, а также народы воюющих стран через голову их правительств, что продолжение войны вызывалось исключительно кровожадным упорством и безграничными претензиями союзных правительств. Третья задача состояла в том, чтобы начать мирные переговоры, пока военные условия были более благоприятны для Германии, нежели для ее противников, пока германская армия находилась на союзной территории, пока она отражала все атаки на германские позиции.

Для того чтобы дать кабинету министров возможность более полно ознакомиться с положением, перед тем как приступить к обсуждению ответа, секретарю военного кабинета было поручено рас-

пространить среди членов кабинета документы, относившиеся к дискуссии в правительстве Асквита по вопросу о возможных условиях мира, условиях перемирия и о переговорах об окончании войны. Были также предприняты шаги для того, чтобы установить взгляды союзников и нейтральных стран по поводу самой ноты. Небезынтересно познакомиться с полученными тогда ответами. Они свидетельствуют об отношении к ноте современников и о взглядах и мнениях воюющих и нейтральных стран по поводу задач и доброй воли германского правительства.

Французы отнеслись к ноте с определенным подозрением. Это подозрение было выражено г. Брианом в его речи в палате депутатов 13 декабря 1916 г. Он заявил, что считал своим безусловным долгом предупредить Францию против такого мира, который имел целью внести разлад среди союзников. Обозрев создавшееся положение, Бриан показал, что, несмотря на успехи Германии за истекший год, Франция, которая, почти одна перенесла всю тяжесть атак 1914 г., имела в тот момент больше, чем кто-либо, оснований для уверенности в победе. Германия, обратившись с предложением о мире, в то же время заявляла о своей победе. В действительности Сербия, Бельгия и Румыния подверглись вторжению неприятеля. Это преступление еще не было заглажено. Германия заявляла, что не хочет войны. Но ведь Германия была нападающей стороной, и Франция, одержав победу при Вердене, не даст себя заманить в ловушку германских мирных предложений.

Г-н Жюль Камбон полагал, что союзники должны возразить на германское заявление и указать, что мирное предложение, не содержащее каких-либо условий, является беспредметным. По его мнению, Франция должна была первой ответить на германскую ноту; он считал, что было бы нежелательным и ненужным устраивать конференцию для согласования ответа.

Ввиду того, что случилось впоследствии, отношение России к германским мирным предложениям имеет своеобразный интерес. Русский ответ исходил не от одного лишь царя, но и от Думы. Русская Дума приняла решение в пользу заключения мира „только после победы“. Министр иностранных дел г. Покровский указал, что в германской ноте не было ничего, что указывало бы на удовлетворительный характер того мира, который готовы заключить центральные державы. При каких обстоятельствах было сделано германское предложение? Германские армии опустошили и заняли Бельгию, Сербию, Черногорию, часть Франции, России и Румынии. Австро-германцы только что провозгласили иллюзорную независимость части Польши и этим путем пытались наложить руку на весь польский народ. Кто при таких обстоятельствах, за исключением Германии, мог добиться какой-либо выгоды в случае возникновения мирных переговоров? Действительное значение германского предположения выражается в попытке в последний момент использовать уже ускользающие из ее рук территориальные преимущества, до того как внутренняя слабость Германии была разоблачена. В случае неудачи мирного

предложения немцы готовы были использовать внутри страны отказ союзников от принятия мирных предложений, для того чтобы восстановить подорванный боевой дух населения страны.

Другой мотив, как указал г. Покровский, заключается в надежде использовать элементы трусости среди союзников. „*Но Россия будет сражаться до победного конца,* все ее жертвы окажутся напрасными, если будет заключен преждевременный мир с непобежденной еще Германией“.

Адресованное нам сообщение русского министерства иностранных дел подтверждало эту позицию; русские предлагали не отказываться наотрез от заключения мира, но настаивать на том, чтобы мир был заключен на наших условиях. Обсуждение формы ответа могло, по мнению русских, состояться в Лондоне или Париже. Итальянский министр иностранных дел, барон Соннино, держался того мнения, что германцы надеялись на прямой отказ союзников от переговоров. Соннино предлагал, чтобы мы отвергли все германские претензии и заявления, в то же время вызвав Германию на объявление ее условий мира. Союзники не могли согласиться на присоединение новых территорий к центральным державам, а Италия не согласилась бы даже на status quo.

Бельгия склонялась к созыву конференции для составления идентичного ответа. По мнению Бельгии, ответ должен был заключаться не в прямом отказе от заключения мира, а в отказе вести переговоры, не зная заранее германских предложений.

Япония заявила, что она не может согласиться на status quo ante bellum.

Все нейтральные державы придерживались того мнения, что союзники совершили бы ошибку, наотрез отвергнув германское мирное предложение.

Наш посол в США, сэр Спринг-Райс, сообщил нам телеграммой о настроении в США.

Общее мнение в США, указывал посол, таково, что союзники не должны отказываться от получения определенных условий мира от немцев. Такой отказ значительно укрепил бы германские позиции в США. Посол советовал отразить в ноте сильнейшее стремление к миру, но заявить, что правительство его величества в своих действиях будет руководствоваться характером предложенных условий мира и должно действовать по соглашению с союзниками.

Посол прибавил к этому, что до разрешения этого вопроса Англия должна была продолжать войну со всей энергией, пока не будет заключен прочный мир. Если сам президент Вильсон выдвинет какие-либо предложения о мире, то британское правительство, по мнению посла, должно будет выразить ему признательность за его дружественный шаг, не беря на себя никаких обязательств. Однако германофильские группы США открыто надеются на отказ со стороны союзников.

Сэр Спринг-Райс полагал, что заявление союзников правительству США может в общем следовать речи Грея от 22 марта 1915 г.,

в которой указывалось на важное значение возмещений для Бельгии. Правительство США очень стремится к окончанию войны, так как оно боится усиления подводной войны и распространения войны на американский континент.

Министр иностранных дел Швейцарии полагал, что категорический отказ может вызвать отчаяние германского населения и усилить жестокости войны.

В Голландии придерживались того же мнения.

Шведский министр иностранных дел считал, что германская нота является маневром, на который следует ответить скорее требованием определенных предложений, чем прямым отказом.

В Ватикане кардинал Гаспари полагал, что от немцев следует потребовать указания их условий и, если эти условия окажутся невозможными, то союзники получат моральное преимущество, продолжая войну. Он указал, что у него есть основания надеяться на умеренность германских условий.

В общем мнение союзных и нейтральных держав было против такого ответа, который указывал бы на прямой отказ союзников от переговоров. Но все почти единогласно склонялись к тому, чтобы Германии было предложено указать ее условия мира. Знаменательно, что Ватикан также придерживался этого взгляда и выражал уверенность, что условия мира будут умеренными. Ватикан подозревали в германофильских симпатиях. Было бы пожалуй ближе к истине сказать, что кардиналы сочувствовали Австрии, поэтому ответ Ватикана отражал влияние Вены. Но мнение Вены не совпадало с мнением Берлина. Интересы и цели Берлина и Вены расходились.

На заседании 18 декабря 1916 г. британскому военному кабинету была представлена вышеприведенная информация. Было решено, что наилучшим выходом будет отправка в ответ на германскую ноту идентичной ноты союзников. Решено было также, что представители всех союзных стран подпишут эту ноту в Париже и что она будет вручена представителем Франции американскому послу. В ноте будут отвергнуты заявления, сделанные в вводной части германской ноты, и будет указано, что общие предложения о мире без определенных условий бесполезны. Вопрос о дальнейшем содержании ноты был оставлен открытым впредь до рассмотрения проекта ответа, который, по дошедшим до нас сведениям, подготовлял г. Бриан.

Для характеристики позиции, занятой в это время британским правительством, я приведу два отрывка из моей первой речи 19 декабря 1916 г. в палате общин по поводу германской ноты.

> „Всякий, кто без достаточной причины и по собственному усмотрению говорил бы, способствовал бы продлению ужасного конфликта, подобного нынешнему, взял бы на свою душу преступление, которое ничто не могло бы смыть. С другой стороны, совершенно справедливо также, что всякий, кто из чувства усталости или отчаяния откажется от борьбы, не достигнув той высокой цели, ради которой мы вступили в войну, был бы

виновен в трусости, которая дорого обойдется стране. Вина такого государственного деятеля не знала бы себе равной в истории. Я хотел бы процитировать вам хорошо известные слова Авраама Линкольна, сказанные им в таких же условиях:

„Мы вступили в войну с определенной целью и с целью достойной; война закончится, когда эта цель будет достигнута. С божьей помощью я надеюсь, что война не закончится ранее“.

Сможем ли мы достичь этой цели, приняв приглашение германского канцлера, — вот тот единственный вопрос, который мы должны поставить перед собой. Нам говорят о мирных предложениях. Но каковы эти мирные предложения? У нас их нет. Начать мирную конференцию по приглашению Германии, которая провозглашает себя победительницей, не зная предложений, которые она намеревается нам сделать, значило бы самим одеть на себя веревку, затянуть узел и отдаться в руки Германии.

Простое обещание Германии более не удовлетворит Европу: обещание Германии однажды привело к разрушению Бельгии. Мы все верили слову Германии, мы все доверяли ей. Но при первом же искушении Германия отказалась от своего слова, и Европа была брошена в кровавый водоворот войны. Мы поэтому подождем, до тех пор пока не узнаем, какие условия и какие гарантии намерено предложить нам германское правительство; эти условия должны быть иными, лучшими и более обеспеченными, чем те, которые она так легко нарушила. Пока мы доверяем больше непоколебимой армии, чем нарушенному слову“.

Следующая цитата из ответной речи г. Асквита указывает на единство народного мнения по поводу германского предложения:

„Мы все хотим мира. Мир может быть установлен, — я имею в виду такой мир, который достоин этого слова и который действительно отвечает понятию о мире, такой мир, говорю я, достижим при условии, что прежняя несправедливость будет исправлена, что слабые и угнетенные нации будут восстановлены, что договоры будут соблюдаться и что господство международного права будет обеспечено“.

Ни одна часть членов палаты не возражала против характера нашего ответа. Никаких возражений не последовало со стороны группы пацифистов во главе с г. Рамзаем Макдональдом и г. Сноуденом.

На следующий день, 20 декабря, посол Соединенных штатов передал союзным правительствам ноту о мире самого президента Вильсона.

После заявления о дружественном характере и целях ноты следовало заявление об отсутствии какой бы то ни было связи с мирными предложениями центральных держав. Далее президент предлагал, чтобы каждая из воюющих стран высказала свой взгляд на усло-

вия окончания войны и на возможность предотвратить ее повторение в будущем. Вильсон указал, что в своих публичных декларациях все воюющие державы преследовали одну и ту же цель.

> „Каждая сторона желает обеспечить права и привилегии слабых народов и малых государств против агрессии в такой же мере, как права и привилегии великих и могущественных государств, принимающих участие в войне. Каждая сторона хочет обеспечить на будущее время свою безопасность вместе со всеми другими народами и странами и предотвратить повторение войн, подобных настоящей войне, предотвратить агрессию или всякого рода эгоистическое вмешательство".

Для того чтобы достигнуть этих и подобных им целей, необходимо прежде всего заключить удовлетворительный мир. Соединенные штаты также были жизненно заинтересованы в скорейшем заключении мира, и президент настаивал поэтому на взаимном сообщении мирных условий, которые до сих пор не объявлены во всеобщее сведение.

В заключение президент Вильсон указывал, что он сам не предлагал условий мира или посредничества, а лишь зондировал почву, для того чтобы узнать, насколько мы приблизились к достижению мира.

Мы рассмотрели этот документ на заседании военного кабинета 21 декабря. Он был опубликован в печати на следующий день. 23 декабря этот документ вновь рассматривался; лорду Роберту Сесилю и г. Бальфуру было поручено составить проект ответа. Кабинет рассмотрел также проект ответа на американскую ноту, подготовленный г. Брианом. Но мы отказались от текста Бриана, так как он носил слишком неопределенный характер; он создавал впечатление, что мы якобы уклоняемся от ответа.

Мы были того мнения, что ответ союзников должен быть ясный и откровенный. В умах воюющих и нейтральных стран не должно было оставаться сомнений по поводу тех целей, ради достижения которых союзные державы готовы были итти на дальнейшие жертвы, если это окажется необходимым.

Через три дня в Лондоне предполагался созыв англо-французской конференции для обсуждения ряда вопросов, связанных с ходом войны, в том числе вопроса о положении в Греции и Салониках и вопроса об единстве командования на западном фронте. Мы воспользовались этим обстоятельством для совместного обсуждения с французскими представителями также и ответа на германскую и американскую ноты о мире.

Эта конференция состоялась 26, 27 и 28 декабря 1916 г. Из Франции прибыли гг. Рибо, Тома и Бертело. Г-н Бриан по болезни не был в состоянии принять участия в конференции. Личные взгляды французского премьера были изложены г. Бертело.

При обсуждении ответа Германии мы выразили сомнение по поводу отдельных мест проекта г. Бриана. Французский посол г. Кам-

бон представил нам новый текст, который был одобрен после некоторого пересмотра. Этот текст в конце концов был положен в основу ноты, к которой присоединились все союзники. Нота была дополнена отрывком, специально относившимся к Бельгии.

В своей окончательной форме ответ союзных держав Германии был вручен французским правительством послу Соединенных штатов в Париже 30 декабря 1916 г. Ответ был подписан представителями России, Франции, Великобритании, Японии, Италии, Сербии, Бельгии, Черногории, Португалии и Румынии.

Ответ начинался с опровержения заявлений германской ноты об ответственности союзников за войну и о том, что центральные державы являлись в данный момент победительницами. Далее в ответе говорилось о стремлении союзников к миру. Но к этому наша нота прибавляла:

> „Простое предложение о начале переговоров без указания условий не может считаться настоящим мирным предложением. Выдвинутое имперским правительством лицемерное предложение, в котором нет никаких точных указаний по существу, представляется в меньшей степени предложением о мире, чем военным маневром".

Далее следовало повторение тех мер, при помощи которых центральные державы вызвали войну, и указание на то, что военная карта одной Европы не давала правильного представления о твердом стратегическом положении союзников. Нота содержала указание на то, что Германия должна понести наказание, дать репарации и гарантии. Германская нота характеризовалась как средство укрепить общественное мнение в центральных державах, ввести в заблуждение нейтральные страны и заранее оправдать новые преступления подводной войны, депортирование и принудительный набор иностранцев.

> „В полном сознании серьезности момента и понимая также требования времени, союзные правительства в тесном единении друг с другом и с полным сочувствием своих народов отказываются рассматривать предложение, являющееся пустым и неискренним".

До тех пор, пока не будет обеспечено возмещение за нарушенные национальные права и не будет достигнуто соглашение, которое предотвратило бы повторение подобных преступлений, мир невозможен.

В заключение нота указывала на особое положение Бельгии и на то, что Германия нарушила бельгийский нейтралитет, жестоко расправившись с бельгийским народом. Условия мира должны обеспечить законное восстановление Бельгии, гарантию и обеспечение безопасности Бельгии на будущее время.

Таков был наш ответ на германскую ноту. Затем англо-французская конференция приступила к обсуждению союзного ответа пре-

зиденту Соединенных штатов. Я указал на то, что перед нами стоят два вопроса: во-первых, должны ли мы детально перечислить наши условия, должны ли мы объявить о наших условиях Америке, всему миру и нашему собственному народу; во-вторых, следует ли послать идентичную ноту от имени всех союзников, или каждый из союзников должен ответить отдельно.

Конференция высказалась против отдельных нот. По этому вопросу французы проявили особую настойчивость. Что касается содержания общей ноты союзников, то лорд Роберт Сесиль сообщил, что американский посол г. Пейдж в тот же день утром заявил ему, что большинство американского народа в действительности дружественно относится к союзникам. По словам Пейджа, нам однако не удалось создать за океаном точного представления о том, ради чего мы ведем войну. Американский посол предлагал нам ответить правительству Соединенных штатов самым откровенным образом.

Г-н Бальфур полагал, что мы должны заявить, что если бы война закончилась без воссоединения Эльзас-Лотарингии с Францией, без присоединения итальянских областей (Ирреденты) к Италии, без включения всего сербского населения в состав Сербии и румынского населения в состав Румынии, без каких-либо мероприятий, направленных на удовлетворение надежд поляков, и без освобождения христианского населения от турецкого ига, — новый год начался бы при неблагоприятных условиях. Г-н Бальфур считал желательным прибавить к этому особо от имени Великобритании, что во всех этих вопросах правительство и народ Британской империи были заинтересованы не более непосредственно, чем Соединенные штаты. Все эти изменения не дали бы Британской империи ни территории, ни денежных выгод, не усилили бы Англию ни в военном отношении, ни в области торговли. Но невыполнение этих условий поставило бы под угрозу те великие идеи международных отношений, которым придал столь благородное выражение американский президент.

В общем ответе, сообщенном американскому правительству 20 января 1917 г., вслед за изъявлением уважения к благородным чувствам, продиктовавшим американскую ноту, указывалось, что война может быть удовлетворительно закончена только на условиях справедливого и прочного мира. Указание американской ноты на единство целей обеих воюющих сторон было опровергнуто фактической историей войны и нарушением прав малых наций во время войны центральными державами. Нота упоминала о Бельгии, Люксембурге, Сербии, Армении, Сирии, о налетах цеппелинов, преступлениях подводной войны, о мисс Кавелль и капитане Фраиетте и других статьях из каталога германских преступлений.

В ответ на предложение президента Вильсона сформулировать условия мира нота перечисляла следующие вопросы, которые подлежали разрешению в любом мирном договоре:

Восстановление Бельгии, Сербии, Черногории с соответствующим возмещением,

Эвакуация занятых территорий Франции, России и Румынии при условии соответствующих репараций.

Реорганизация Европы в интересах прочного мира на основе национального принципа с правом всех народов, больших и малых, на полную безопасность и свободное экономическое развитие.

Реорганизация Европы, основанная также на территориальных и международных соглашениях, имеющих целью гарантировать сухопутные и морские границы против несправедливой атаки.

Возвращение провинций или областей, ранее отнятых силой у союзников или против воли их населения.

Освобождение итальянцев, славян, румын, чехов и словаков от чужеземного ига.

Освобождение народов, угнетаемых преступной тиранией турок, и изгнание из Европы Оттоманской империи, показавшей себя совершенно инородным телом в западной цивилизации.

Проведение в жизнь недавнего обращения царя о реставрации Польши.

Избавление Европы от жестокого ига прусского милитаризма.

Бельгия не только подписала эту ноту, но также послала собственный ответ. В этом ответе бельгийское правительство указывало на поведение Германии по отношению к Бельгии и заявляло, что Бельгия не могла согласиться на мир, который не возмещал нанесенного ей ущерба и не обеспечивал ей безопасности в будущем.

В связи с отправкой союзного ответа министр иностранных дел г. Бальфур отправил в Вашингтон ноту, которую должен был препроводить правительству Соединенных штатов британский посол.

Это письмо заключало в себе объяснение и комментарии по поводу союзной ноты.

Г-н Бальфур подчеркивал, что всякий мирный договор должен устранить условия, которые вызвали войну. Это требовало пересмотра карты Европы, изгнания из Европы варварского турецкого правительства и уничтожения военного механизма Германии. Если будет заключен мир, который оставит военную мощь Германии непоколебленной в ослабевшей и истощенной Европе, этот мир будет еще менее прочен, чем тот, который предшествовал войне.

Как показала судьба Бельгии, международные договоры сами по себе не являлись достаточным обеспечением. Могущественная страна могла отказаться от выполнения условий договоров или расторгнуть их по своему усмотрению. Если такого рода действия увенчаются успехом и в данной войне, то безнадежно будет в дальнейшем пытаться предотвратить их заключением новых договоров.

„Таким образом, хотя британский народ полностью разделяет стремление американского президента к миру, британский народ не верит, что мир может быть прочен, если он не будет основан на победе союзников. Для прочного мира необходимы три условия.

Первое условие заключается в возможном устранении или ослаблении существующих причин международных потрясений.

Второе условие заключается в том, чтобы агрессивные цели и циничные методы центральных держав потеряли популярность у их народов.

Третье условие заключается в обеспечении в какой-либо форме международных санкций, которые, действуя в защиту международного права и всех договорных соглашений о предотвращении или ограничении военных действий, могли бы остановить самого решительного агрессора".

Г-н Бальфур указывал, что эта политика соответствовала объявленным во всеобщее сведение идеям президента. Он заявлял, что мы были готовы итти на беспримерные жертвы кровью и золотом не для того, чтобы обеспечить себе пустой триумф над другими народами, но для того, чтобы сделать такой мир возможным.

Наш ответ Америке и Германии являлся первым случаем, когда союзники дали полные указания на те условия мира, которые они намерены были провести в жизнь. Все условия Версальского мира были намечены здесь с безошибочной точностью. Речь шла о восстановлении неприятельскими государствами всех областей, захваченных силой и аннексированных против воли их населений; о самоопределении национальностей (подвластных народов); о репарациях и возмещениях, которые следовало потребовать от Германии; о мероприятиях, которые должны были предотвратить повторение преступлений 1914 г., нарушивших международное право и мир. В многозначительной фразе г. Бальфур предсказывал создание Лиги наций, поддерживаемой непоколебимой силой международных санкций. Союзные ответы ясно доказали миру единодушие союзных стран и их решимость не заключать мира, до того как силы прусского милитаризма не будут разбиты.

Эти документы несомненно имели влияние на политику Америки в течение последующих нескольких недель. Они значительно приблизили вступление Америки в войну на стороне союзников. Нет сомнения, что союзные ответы на германскую ноту и ноту Вильсона произвели благоприятное впечатление на американское общественное мнение; с этого времени за океаном произошла ощутимая перемена настроений в нашу пользу.

Помимо внутреннего достоинства союзных ответов нам следовало учесть в ответе американскому правительству также и личный момент. Президент Вильсон был искренним идеалистом, человеком высоких убеждений и стремлений, но вместе с тем он был очень чувствителен к обидам в тех случаях, когда его гордость бывала задета или когда предупреждали его инициативу. Мы знали, что он был не слишком доволен тем, что немцы предупредили его мирное выступление и обогнали Вильсона со своей нотой, после того как он частным образом сообщил им, что намеревается обратиться к Европе по поводу мирных переговоров. Он был еще более оскорблен

презрительным пренебрежением, с которым немцы отказывались серьезно ответить на его ноту. С другой стороны, нет сомнений, что Вильсон был удовлетворен тем, что союзники постарались отправить тщательно подготовленный, обдуманный и детальный ответ на его обращение. Он был доволен тем, что каждый из союзников отдельно рассмотрел его обращение и затем на конференции лидеры союзных стран дали на его вопросы наиболее точный ответ, какой был возможен в этой стадии войны. Мы не можем исключить влияние этого личного фактора на человека его темперамента и его чувств. Вильсон ценил оказанное ему уважение. В свете этого сложного момента мы перейдем к рассмотрению мотивов, заставивших Вильсона так скоро отказаться от гордой пацифистской позиции, которая вторично помогла ему победить на президентских выборах.

Германский ответ на ноту президента Вильсона был отправлен только 31 января 1917 г. в конфиденциальной ноте посла фон Бернсторфа полковнику Хаузу. Этот ответ гласил:

„Вашингтон, 31 января 1917 г.

Дорогой полковник Хауз,

Я получил телеграмму из Берлина, которая уполномочивает меня выразить благодарность имперского правительства за обращение президента, сделанное при Вашем посредстве. Имперское правительство вполне доверяет президенту и надеется, что это доверие является взаимным. В доказательство я уполномочен конфиденциально уведомить Вас, что имперское правительство готово принять любезное предложение президента о содействии в созыве мирной конференции воюющих сторон. Мое правительство однако не намерено в настоящий момент публиковать какие бы то ни было мирные условия, так как наши враги опубликовали такие условия, которые имеют целью бесчестие и разорение Германии и ее союзников. Мое правительство полагает, что пока наши враги открыто провозглашают такие условия мира, было бы проявлением слабости с нашей стороны, слабости не существующей, публиковать наши условия; таким образом мы лишь затянули бы войну. Однако для того чтобы доказать наше доверие президенту Вильсону, мое правительство уполномочило меня уведомить его лично о тех условиях, на которых мы готовы были бы начать переговоры, если бы наши враги приняли наше предложение от 12 декабря.

„Возвращение части Верхнего Эльзаса, занятого французами.

Установление такой границы, которая экономически и стратегически защищала бы Германию и Польшу против России.

Восстановление германских колоний в форме соглашения, которое дало бы Германии колонии, соответствующие ее населению и экономическим интересам.

Возвращение занятых Германией областей Франции при условии стратегических и экономических изменений границы и финансового возмещения.

Восстановление Бельгии при условии специальной гарантии безопасности Германии, которая должна быть вырешена в переговорах с Бельгией.

Взаимное экономическое и финансовое возмещение на основе обмена занятых территорий, которые подлежат возвращению по заключении мира.

Компенсация германским предприятиям и частным лицам, которые пострадали в результате войны.

Отказ от всех экономических соглашений и мероприятий, которые ставят препятствия нормальным торговым сношениям после заключения мира, и заключение разумных торговых договоров.

Свобода морей“.

Мирные условия наших союзников соответствуют этим.

Далее мое правительство соглашается участвовать после окончания войны в предполагаемой второй международной конференции на основе обращения президента к сенату.

Мое правительство было бы радо снять подводную блокаду, если бы оно было в состоянии сделать это. Однако это совершенно невозможно ввиду сделанных приготовлений, которые не могут быть отменены. Мое правительство предполагает, что подводная блокада быстро закончит войну. Пока же мое правительство примет все возможные меры, для того чтобы оградить американские интересы, и просит президента попрежнему продолжать мероприятия, направленные к достижению мира. Мое правительство отменит подводную блокаду тотчас же, как станет ясно, что шаги президента приведут к миру, приемлемому для Германии...

Искренно Ваш Дж. Бернсторф.

P. S. Я не мог во-время переслать Вам перевод официального ответа на обращение президента, так как я торопился сообщить Вам вышеприведенное чрезвычайно важное известие: я имею в виду прекращение блокады в случае созыва конференции на разумных условиях“.

Это письмо Бернсторфа, которое указывало, что Германия требует аннексий и контрибуций за счет Франции и России, суверенитета над Бельгией и уступок части французских и британских колоний при одновременном объявлении неограниченной подводной войны, вообще не могло считаться мирным предложением. Италию игнорировали, упоминая о ней лишь в фразе, относящейся к требованиям Австрии. Это был призыв к борьбе до конца, и Соединенным штатам пришлось нехотя это признать.

Глава сороковая

ОПАСНОСТЬ ПОДВОДНОЙ ВОЙНЫ

Каково должно быть чувство человека, который принимал руководящее участие в ведении этой чудовищной войны и теперь берется вспомнить эти события со всеми их ужасами и опасностями и чудесным избавлением от них? Это чувство подобно ощущению путешественника, который вновь посещает опасные пороги, через которые однажды он провел судно, не имея ни карты, ни сведений о местности, ни опыта, который мог бы помочь ему или команде корабля, давая представление о фарватере реки, ее резких и неожиданных поворотах, силе течения и водоворотах и скрытых подводных камнях. Река, по которой приходилось тогда лавировать, была естественно недостаточно обследована. Когда я пишу эти мемуары, мне кажется, будто я иду по берегу реки с того самого места, где река впервые убыстряет свое течение, вниз до того пункта, где оно достигает безумной быстроты...

Я приближаюсь теперь к самому узкому и грозному ущелью в моем безумном путешествии; впереди — одна особенно дикая скала по самой середине реки, повидимому преграждавшая нам путь. В конце концов случилось так, что на эту скалу налетела и разбилась германская ладья; но я с ужасом думаю о том, что мы сами едва избежали той же участи. Подводная война оказалась гибелью для Германии. Страшно подумать, что она едва не привела к разгрому британского морского могущества со всеми последствиями, которые такая катастрофа могла иметь для судеб союзников и всего человечества.

Обращаясь мысленно к подводной войне, которую вела Германия, мы слишком склонны считать ее одной из наиболее нелепых ошибок немцев. Правда, она оказалась той роковой ошибкой, которая ускорила ее окончательное поражение. Но это был лишь небольшой просчет, который легко мог быть допущен и другой стороной. Были недели, когда германские власти получали вполне правдивые отчеты, дававшие им полную уверенность в успехе; в то же время Англия и ее союзники имели все основания для беспокойства, которое одно время дошло до подлинного страха. Были минуты, когда некоторые наши наиболее осторожные вожди считали наше поражение возмож-

ным и думали, что нам лучше было бы заключить мир, пока мы еще располагаем флотом.

Вскоре после Марны для более проницательных умов в Германии стало ясно, что полная победа была для Германии недостижима, пока Англия сохраняла господство на море, и что отнюдь не было невозможно, чтобы центральные державы были вынуждены блокадой преждевременно сдаться, если трезубец не будет вырван из рук Англии. Рим понял значение этого решающего фактора войны с морской державой, но Наполеон никогда вполне не уяснил себе этого. Но во времена Наполеона население континента было меньше, чем теперь, и все европейские страны в большей или меньшей степени были в состоянии прокормить себя сами; при этом жизненный уровень населения был значительно ниже. Война в то время шла с перерывами и требовала несравненно меньше военных материалов. Она не требовала тогда и такого количества людей ни на фронте, ни в тылу. Франция поэтому не могла тогда быть доведена голодом до необходимости сдаться. Но в ходе мировой войны немцы начали понимать, что они не в состоянии будут бесконечно вести войну, не прорвав блокады. Их ресурсы уже были ограничены в части меди, нефти и каучука для армии, и в отношении некоторых других необходимых вещей, многих удобств и большинства предметов роскоши для солдат и гражданского населения. Теперь, когда благодаря тупоумию их противников наиболее слабые пункты в системе обороны центральных держав на востоке и на юго-востоке были укреплены и Германия вследствие этого получила уверенность, что ее военное положение на этих фронтах не представляет никакой непосредственной опасности, ее военные и морские власти стали все больше уделять внимание вопросу о блокаде. Это была для них двойная задача — сначала сломить блокаду, воздвигнутую вокруг них, а затем полностью изменить положение, превратив Германию из блокируемой страны в блокирующую. Если бы немедленное решение на полях сражения находилось в пределах их ближайшей возможности, то они могли бы не беспокоиться по поводу мертвой хватки британского флота. Но поражение на Марне, поражение в первом бою при Ипре и в особенности отпор, полученный ими при Вердене, почти убедили германский главный штаб, что его армии не смогут прорвать союзный фронт на западе. Столь же катастрофические и еще более кровавые поражения, понесенные союзными войсками в различных попытках прорвать германский фронт, — а он защищался лишь двумя солдатами против трех нападающих, — еще более укрепили убеждение в невозможности прорыва фронта на западе. Поэтому война все более и более становилась борьбой на выдержку. В такой борьбе морское могущество Англии давало союзникам решительный перевес. Вот почему германское военное и морское командование — каждое в отдельности и оба вместе — занялись вопросом: как можно было бы прорвать, а если возможно, то и обернуть блокаду против неприятеля. Сухопутное военное командование естественно думало вначале о возможностях войны на суше. Завоевание Румынии определенно помогло

Германии, но не заполнило все возраставшего разрыва между потребностями и наличными источниками снабжения. Центральные державы получили в Румынии большое, но все же недостаточное количество нефти и зерна. Россия, правда, открывала перед ними неограниченные возможности. Здесь для завоевания и использования имелись огромные запасы хлеба, нефти и меди. Но это требовало времени. Немцы должны были прежде всего смести с пути русскую армию, а затем восстановить некоторый порядок в революционной стране. Кроме того транспорт в России работал плохо и нуждался в значительном улучшении. Между тем что-то надо было сделать немедленно. Население Германии было уже посажено на уменьшенный и недостаточный паек. Ресурсы Германии постепенно сокращались, ее запасы близились к концу, в то время как все богатства и ресурсы мира были открыты для союзников. Поэтому удар должен был быть нанесен их морским сообщениям.

Прежде чем немцы установили, какое мощное оружие представляла собой подводная лодка, прошло некоторое время. Вначале они рассчитывали на крейсер, мины и другие общепринятые и установившиеся методы нападения на торговый флот.

Я не уверен, что подводная лодка не казалась привыкшим к палубам броненосцев-левиафанов адмиралам каким-то причудливым экспериментом. Они никогда не считались с ней серьезно как с подлинным фактором в борьбе за господство на море. В лучшем случае, считали они, подводная лодка может помочь линейным кораблям в качестве невидимого разведчика и, если счастье поможет, искалечить и даже потопить парочку случайных неприятельских военных судов. Когда последний бродячий германский крейсер был загнан в тропическое болото у берегов Африки и выбросился на берег, чтобы избежать взятия в плен, германское адмиралтейство стало больше доверять маленькой подводной лодке, которая за один месяц погубила больше неприятельских судов, чем крейсерам удалось потопить за всю их славную, но непродолжительную деятельность. Когда германское адмиралтейство поняло, каким мощным было это изобретение, оно начало строить подводные лодки в большом количестве и конструировать лодки гораздо больших размеров, чем прежде. Субмарина старого типа с ее ограниченным запасом нефти не могла уходить далеко за пределы Ламанша и Немецкого моря. Переходы ее были ограничены во времени, как и в пространстве. Новые субмарины крейсерского типа могли уже выплывать далеко в Атлантический океан и даже переплывать его. Первая субмарина этого типа была спущена на воду в июне 1916 г. и пересекла океан, дойдя до американских территориальных вод. Покидая Америку, она совершила глупость, потопив пять судов за Нантукетским маяком. То был характерный пример прусской психологии. Немцы хотели запугать Америку и привести ее в подчинение. Нет сомнения однако, что этот акт лишь обострил начавшуюся неприязнь к Германии и тот страх перед ней, который и привел к вступлению Америки в войну. Германия была в восторге от успеха своего предприятия. Ее вожди рас-

считывали, что опустошения, производимые субмаринами нового типа, будут настолько велики, что даже если Америка вступит в войну, то к тому времени, когда она наберет, обучит и снарядит армию, у союзников не останется достаточно судов для перевозки этой армии в Европу. Так ли уж неправы были немцы в своих расчетах?

Не подлежит сомнению, что мы были очень напуганы этим новым оборотом войны. Когда число субмарин больших размеров увеличилось, они стали караулить на всех путях к британским берегам, от Бискайского залива до Исландии; они заходили во все уголки Средиземного моря, и число потоплений — почти все при помощи пушечного огня — возрастало с такой быстротой, что поистине наводило смятение. Адмиралтейская карта морей к северу и югу от Ирландии, а также районов близ Ламанша чернела все больше новыми пятнами от чумы германских субмарин. Гибель судов по средиземноморскому пути также становилась все более частой. Наши планы борьбы с субмаринами были совершенно парализованы и стали беспредметны, так как новые подводные лодки могли действовать в Атлантическом океане на расстоянии сотен миль от тех морей, где несли сторожевую службу наши суда, а миноносцев нехватало даже в проливах. Нам приходилось защищать от атаки большие боевые суда, а это отвлекало наши лучшие истребители. В эти дни я не мог не вспоминать о тех усилиях, которые некоторые из нас делали до войны, чтобы заставить адмиралтейство затратить часть своих огромных сумм, предназначенных для постройки сверхдредноутов, на постройку большего числа истребителей. В течение четырех последних месяцев 1916 г. общий тоннаж наших судов, потопленных немцами, составлял 632 тысячи тонн. Германское адмиралтейство рассчитывало, что неограниченная подводная война позволит немцам топить по 600 тысяч тонн в месяц и что через четыре месяца при подобных потерях союзники будут вынуждены просить хоть сколько-нибудь сносного мира. 1 февраля 1917 г. под влиянием успеха субмарин нового типа германское правительство, располагая своим новым подводным флотом, нанесло самый жестокий удар Англии и тем из союзных стран, которые зависели от английского судоходства, начав неограниченную подводную войну. Все торговые суда, направлявшиеся в союзные порты и из союзных портов, отныне подлежали потоплению без предупреждения. Германия надеялась, и не без основания, что после четырех месяцев такой войны ей удастся нанести такой ущерб не только Англии, но и другим союзным странам, лишив их насущно необходимых припасов, что мы безусловно должны будем просить мира.

Был ли этот расчет неверным в то время? Уже в начале 1915 г. нам нехватало тоннажа для перевозок необходимых припасов для наших армий и армий наших союзников, а также для гражданского населения Англии и союзных стран. В течение 1916 г. положение значительно ухудшилось.

Лишь только Германия усилила подводную войну, как с начала осени 1916 г. потери судов начали возрастать; г. Рансиман в качестве

министра торговли предупредил кабинет, что если союзные и нейтральные суда будут в дальнейшем исчезать в пучинах моря такими же темпами, то мы долго не продержимся.

На заседании военного комитета 9 ноября 1916 г. г. Рансиман заявил нам о своем убеждении, что „окончательный крах судоходства наступит в июне 1917 г.“.

Едва закончилось заседание комитета, как Рансиман подал меморандум, в котором писал, что после дальнейшего размышления он пришел к другому выводу, а именно, что крах судоходства наступит гораздо раньше.

В другом меморандуме, который он отправил военному комитету 22 ноября 1916 г., г. Рансиман указывал, что наиболее существенным требованием момента, — настолько существенным, что от него зависело снабжение продовольствием Италии, Франции и Англии летом 1917 г., — было предоставление достаточного тоннажа для перевозки индийского и австралийского урожая. Он прибавил к этому следующую зловещую фразу:

> „Мы не располагаем свободным тоннажем для этой цели. Нам необходимо было иметь 100 судов в месяц в течение ноября и последующих пяти месяцев. Между тем после четырехнедельных усилий департамент транспорта успел получить менее 30 судов“.

В объяснение своего пессимизма Рансиман прибавил, что все его выводы основаны на предположении, что мы не поколеблемся убить торговлю, для того чтобы свести концы с концами.

Дальше он исходил из того, что потери от субмарин будут в следующем году на уровне *первых восьми месяцев 1916 г.* Если ввоз военного снаряжения увеличится и потери нашего торгового флота от нападения неприятельских подводных лодок возрастут, то, писал Рансиман, наше положение станет еще тяжелее.

На самом же деле наши потери в течение последних четырех месяцев 1916 г. составляли 632 тысячи тонн брутто, т. е. на 32 тысячи тонн более, чем наши потери за первые восемь месяцев, и немцы каждую неделю спускали в море все новые и новые подводные лодки крейсерского типа.

Как я уже писал выше, в 1916 г. мы строили новые суда в количестве 52 тысяч тонн в месяц, а наши потери от подводных лодок были в два или три раза больше. При данных условиях союзные войска не могли быть снабжены нами оружием в таком изобилии, какое требовалось для того, чтобы пробить укрепленные позиции искусного и храброго врага. Только за счет продовольственного снабжения союзных стран мы могли бы, и то с трудом, удержать военное снаряжение Англии на прежнем уровне. О его увеличении не могло быть и речи. Италия сильно страдала от недостатка в артиллерийском снаряжении вследствие нехватки судов, и эту нехватку трудно было восполнить, не создав угрозу нашему собственному продовольственному положению. Неудача германского пра-

вительства в снабжении продовольствием германского народа и вызвала то недовольство, которое подорвало и в конце концов сломило военный дух германского народа. Немцы рассчитывали, что они смогут обречь на лишения и деморализовать союзные страны раньше, чем аналогичные затруднения начнут оказывать свое действие на их собственное гражданское население. Этот расчет отнюдь не покажется таким уж легкомысленным, если сравнить данные о наших наличных ресурсах, с одной стороны, и потерях тоннажа, с другой.

Были ли у нас до этих пор такие успехи в борьбе с новой подводной угрозой, которые позволили бы нам считать, что мы в состоянии преодолеть ее?

Временно мы могли бы помочь себе, уведя наши войска из района Средиземного моря и Месопотамии. Генеральный штаб с радостью приветствовал бы такое решение как лучшее доказательство своей прозорливости. Всякая катастрофа имеет для кого-нибудь свои хорошие стороны. Если бы рухнула вселенная в согласии с предсказаниями какого-нибудь календаря-альманаха, — то его составитель испытал бы на момент удовлетворение. Но увод войск из района Средиземного моря и в том числе из Египта в конце концов не доставил бы много радости даже генеральным штабам. Мы сэкономили бы этим путем тоннаж, равный нашим потерям за один месяц, но какой ценой! Нажим на Австрию и Болгарию на Балканах — нажим этот вместе с крахом Турции явился началом конца войны в 1918 г. — прекратился бы. Австрия получила бы возможность организовать и использовать разгром итальянцев при Капоретто. Нам пришлось бы совершенно отказаться от борьбы с турками, что было бы равносильно признанию перед всем миром и перед лицом Востока, что Турецкая империя при помощи немцев окончательно победила англичан. Суэцкий канал, а напоследок и Египет остались бы без защиты и неминуемо попали бы в руки Турции. Словом, мы понесли бы более жестокое поражение от германских лодок, нежели потерпел Бонапарт, когда британский флот после сражения при Абукире отрезал коммуникации французской армии в Египте. И эта жертва все же не спасла бы нас на западе, если бы нам не удалось в конце концов преодолеть угрозу подводных лодок. Даже если бы мы оказались в состоянии охранить и обеспечить судоходство по Ламаншу, этого было бы недостаточно, пока мы не могли оградить наши суда, привозившие продовольствие и сырье для производства военного снаряжения из заокеанских стран в Англию, Францию и Италию. Америка была бы отрезана, и мы оказались бы не в состоянии перевозить оттуда столь нужные нам продукты, а впоследствии и ее армии.

К концу 1916 г. неприятельскими силами, главным образом подводными лодками, было уничтожено свыше 2 300 тысяч тонн (738 судов), т. е. около одной пятой всего довоенного британского торгового флота. К концу 1916 г. нам недоставало (в условиях тогдашней организации нашего судоходства) свыше 50% тоннажа для того

импорта, который министр торговли считал минимальным для наших настоятельнейших нужд. Нет ничего удивительного в том, что, по его мнению, мы не могли долее продолжать войну. Но несмотря на эти крайне тяжелые потери, несмотря на постоянный и угрожающий рост этих потерь, несмотря на то, что адмиралтейство знало, что в любой момент наши потери могут еще более возрасти, если немцы обратятся к той неограниченной подводной войне, которой они угрожали еще с февраля 1915 г., у нас не было подготовлено никаких контрмероприятий, которые хотя бы отдаленно могли оказать на нее сдерживающее действие.

Адмирал Джеллико обратился в конце октября к адмиралтейству с письмом, в котором за три месяца до германского предупреждения о неограниченной подводной войне писал:

> „Существует серьезная опасность, что потери наших и нейтральных торговых судов могут к началу лета 1917 г. оказать настолько серьезное влияние на ввоз продовольствия и других необходимых средств к существованию в союзные страны, что мы будем вынуждены принять условия мира, которые отнюдь нельзя оправдать военным положением на континенте и которые отнюдь не будут соответствовать нашим пожеланиям“.

Адмирал Битти со своей стороны заявлял, что эта опасность „ставит под угрозу судьбу страны и серьезно мешает успешному ведению войны“.

Отчеты первого морского лорда и министра торговли на каждом заседании нашего военного комитета были образцом беспредельного пессимизма. Это была как бы обязательная часть его выступления на каждом заседании военного комитета.

Как намеревались лорды адмиралтейства справиться с угрозой, которая постепенно подрывала мощь союзников? В другой главе я намерен рассказать печальную повесть о том, как пытался справиться с этой задачей министр торговли. Сами адмиралы докладывали в меморандуме правительству в ноябре 1916 г.:

> „Из всех проблем, с которыми приходится сталкиваться адмиралтейству, без сомнения самой значительной и наиболее трудной является проблема подводной войны, направленной против торгового мореплавания. *По сей день не найдено еще окончательного ответа на эту форму войны; быть может такого ответа и не будет найдено вовсе. Мы должны в настоящее время довольствоваться паллиативами*“.

Иными словами, врач не знает, как спасти жизнь пациента, но может продлить его агонию или слегка облегчить ее! Этот паралитический документ был написан через два года после того, как подводные лодки начали свою разрушительную деятельность. У немцев тогда еще не находилось в стройке много больших лодок, и они еще не начали кампанию неограниченного истребления судов. В то время когда меморандум писался дрожащей от страха рукой, мы теряли суда в

количестве 175 тысяч тонн в месяц. Когда же в феврале число больших лодок увеличилось вдвое и началась неограниченная подводная война, истребление достигло 526 тысяч тонн одних британских судов в месяц и 867 тысяч тонн, считая британские, союзные и нейтральные суда.

В чем состояла разница между выборочной подводной блокадой до февраля 1917 г. и неограниченной подводной войной после февраля 1917 г.? Когда подводная лодка должна была установить флаг, под которым шел корабль, перед тем как пустить мину, нужно было время, для того чтобы определить национальность корабля, в особенности в туман или в плохую погоду. Командир подводной лодки, который мог попасть в беду, если случайно пускал ко дну американский корабль, считая, что топит британский или французский пароход, терял время на колебания и сомнения. Несколько минут часто позволяли кораблю ускользнуть от преследования подводной лодки. Сюда еще присоединялся риск контратаки со стороны орудий угрожаемого корабля. Но когда у командира был приказ топить любой пароход под любым флагом, то у него не возникало никаких сомнений, и поэтому он не терял времени. В результате число потопленных судов увеличилось втрое по сравнению с периодом, предшествовавшим введению неограниченной подводной войны.

Было совершенно ясно, что если не будут приняты меры к ограждению судов или к уничтожению подводных лодок, или для того и другого одновременно, то к концу года на морях нехватит судов, необходимых для доставки населению союзных стран достаточного количества предметов пропитания, не говоря уже о снабжении союзных армий снаряжением, достаточным для того, чтобы овладеть неприятельскими позициями. Как долго еще удавалось бы им доставлять союзным войскам средства, необходимые для обороны их собственных позиций? Если суда союзников будут и впредь исчезать таким все возрастающим темпом, то ждать конца придется не особенно долго. Так как адмиралтейство совершенно отчаялось в возможности либо истребить подводные лодки, либо создать охрану нашим судам, то нет ничего удивительного, что мы слышали от людей, в сердцах которых осторожность перевешивала мужество, крики испуга: „Давайте скорей мириться с неприятелем!“

Одним из наиболее печальных последствий новой кампании подводных лодок был значительный рост потерь среди наших моряков. Когда корабль погибал от артиллерийского огня, то матросы должны были спасаться на лодках, независимо от состояния моря. Даже когда несчастье происходило вблизи берега, риск был велик, но когда корабль шел ко дну где-нибудь в Бискайском заливе или в Атлантическом океане, за много миль от берега, то возможности спастись почти не было; особенно при бурном море немного моряков оставалось в живых, которые могли бы рассказать о гибели корабля. Даже старые пиратские обычаи сбрасывания в море с доски были более гуманными. Агония не затягивалась до такой степени. Подводная война была новой жестокостью мировой войны. В свою защиту немцы

говорили о своих детях, которые умирали с голоду вследствие нашей блокады. Война — дело жестокое.

Имелись ли оправдания для этого пессимизма высокопоставленных британских адмиралов? Официальная история военных действий на море, говоря о неудаче адмиралтейства в борьбе с подводными лодками, заявляет, что до начала 1917 г. „наши усилия в области нападения, как и в области обороны на море, были не только недостаточны, но и совершенно недействительны“ *. В британских водах и в Средиземном море в борьбе против подводных лодок было занято около 3 тысяч истребителей и вспомогательных судов, тралеров и моторных лодок. С января 1916 г. и до февраля 1917 г. они потопили всего 7 подводных лодок. Несколько субмарин наткнулось на мины и погибло или было выведено из строя вследствие неблагоприятной погоды. Но общие потери немцев в течение двенадцати месяцев составляли всего 25 субмарин и то почти исключительно мелкого типа. Было известно, что немцы строили новые подводные лодки больших размеров и что с июля они выпустили ряд новых подводных крейсеров. Не будет преувеличением сказать, что наша главная эскадра — „Великий флот“ — находилась в постоянном страхе перед подводной опасностью. Она не рисковала выйти в море из своего защищенного и обнесенного стальными сетями убежища без достаточного конвоя истребителей, которых считалось необходимым иметь, учитывая все нужды, в том числе и время для ремонта, не менее 100 штук; главнокомандующий морскими силами считал, что с меньшей охраной он шел бы на ничем не оправданный риск в случае встречи с германским флотом. Ни один линейный военный корабль не решался покинуть свою базу без эскорта небольших сторожевых судов. Если Британия и правила попрежнему морями, то в дни, предшествовавшие победе над субмаринами, трезубец в ее руках трясся. После ютландского боя адмирал Джеллико пришел к выводу, что для могучей армады огромных дредноутов опасно „предпринимать продолжительные операции к югу от Доггер банка“, так как риск гибели от мин и от субмарин был чересчур велик. Английские суда не должны были заходить в южную часть Северного моря без прямого вызова со стороны германского флота. В ожидании этого предлагалось интернировать флагманские корабли в безопасных заливах и предоставить защиту британского флага мелким судам, подвижным истребителям и испытанным в бурях тралерам. Таковы „Нельсоны“ наших дней!

Вот какова была господствовавшая у нас трусливая атмосфера еще до того, как немцы спустили с верфей значительное число субмарин крейсерского типа самых последних моделей.

Наш могучий флот ни разу не сделал попытки направить свои огромные орудия на гнезда субмарин во Фландрии. Когда я позволил себе предложить такой план, он был решительно отвергнут.

При отсутствии всякого действительного плана борьбы с этой

---

* *Henry Newbolt*, Naval operations, vol. IV, p. 337.

угрозой нашему существованию как морской державы адмирал Джеллико имел все основания впасть в меланхолию. А он без сомнения не располагал никакими новыми планами борьбы в этих чрезвычайных обстоятельствах. Я привожу ниже официальные данные, полученные мной от адмиралтейского департамента судоходства в июле 1917 г. По этим данным можно судить о тех перспективах, которые нас ожидали, если бы система конвоирования провалилась и если бы уничтожение нашего тоннажа продолжалось в тех же масштабах, что и в течение первых двух кварталов 1917 г.

Оценка потерь за год (тысяч тонн — брутто):

	На основе потерь за первую половину 1917 г.	На основе потерь за вторую четверть 1917 г.
I. Потоплено судов:		
Британских	4 191	5 141
Иностранных	2 857	3 078
Итого	7 048	8 219
II. Повреждено судов минами и торпедами:		
Британских	915	1 055
Иностранных*	624	631
Итого	1 539	1 686
Общий итог	8 587	9 905

Согласно заявлению министра торговли мы ощущали серьезную нехватку в тоннаже уже в ноябре 1916 г. В каком положении были бы мы в ноябре 1917 г., если бы такое опустошение продолжалось еще год? Приведенные цифры показывают, что подводная война была основной проблемой, от которой зависел исход всей войны. Если нам не удастся принять мер против ее опустошений, то союзники будут неизбежно побиты. Между тем германские верфи быстро спускали в море все новые и новые подводные лодки крейсерского типа для осуществления своей разрушительной миссии. Западный район атлантического побережья, Бискайский залив и Средиземное море стали районами, в которых скрытая опасность грозила нашим торговым судам. Пароход, проходивший через моря, окружающие Англию, был в положении пловца в водах, кишмя кишащих акулами.

* Поскольку точных цифр нет, принимается то же соотношение между британскими и иностранными судами, что и в первой графе потопления.

На заседании военного кабинета 25 мая 1917 г. адмиралы сообщили полученные ими данные о германском строительстве подводных лодок. По словам одного капитана германской подводной лодки, все германские верфи были заняты исключительно строительством подводных лодок, которое должно было достигнуть 20 штук в месяц; в описываемое время в морях находилось около 300 германских субмарин; по словам того же капитана, немцы не встречали затруднений в наборе матросов для субмарин; команда набиралась из состава военного флота, проходила специальную подготовку в течение двух месяцев и после трехнедельного плавания на подводной лодке считалась пригодной для службы.

Если бы мы не нашли никаких средств справиться с угрозой, которых тогда не замечали затуманенные страхом глаза патентованных адмиралов, представлявших себе ранее морскую войну в виде гигантских трафальгарских боев между сверхдредноутами (в пропорции 3 : 2 в нашу пользу), и если бы мы не применили идей, которые никогда не приходили адмиралам в голову и которым они оказывали сопротивление, то германские расчеты оказались бы правильными. Норма потерь в 600 тысяч тонн, согласно оценке адмиралов, была превзойдена в апреле 1917 г., когда было потоплено 866 610 тонн союзных и нейтральных судов.

Лишь только новое правительство было создано, мы поставили проблему подводных лодок одной из первых в порядке дня. Нам было ясно, что испуг и пессимизм адмиралтейства будут оправданы, если не будут приняты какие-нибудь более действительные меры для преодоления и устранения угрозы подводных лодок. Было ясно, что, если этого не удастся достигнуть, то война неизбежно и скоро закончится поражением союзников.

Мы рассмотрели несколько сделанных нам предложений о том, как разрешить эту проблему; некоторые из них я уже раньше представлял военному комитету; теперь они пользовались мощной поддержкой нового контролера судоходства; в частности речь шла о следующем:

а) учреждение регулярной системы сопровождения всех торговых судов с момента вступления их в пределы опасной зоны;

б) постройка новых судов-„бродяг“ в возможно широком масштабе, насколько позволяют нам запасы стали и наличие рабочих рук;

в) реорганизация нашего судоходства и портов в целях более рационального использования нашего тоннажа;

г) усиленное и быстрое вооружение торговых судов пушками и гаубицами;

д) улучшение методов преследования субмарин;

е) жестокое сокращение ввоза, не являющегося абсолютно необходимым;

ж) значительное увеличение внутреннего производства продовольствия, леса и руды при одновременном сокращении потребления.

Меры, принятые по пунктам б), в), г), д), е) и ж), будут описаны мною в других главах. Здесь я намерен рассказать о тех поразитель-

ных и странных затруднениях, с которыми мы встретились, пытаясь убедить адмиралтейство в необходимости сделать опыт конвоирования судов. Я начинаю с этого вопроса потому, что именно это средство, когда оно было в конце концов принято, имело своим немедленным результатом уменьшение наших потерь. Именно этот план вызвал однако наиболее непримиримое и продолжительное сопротивление со стороны адмиралтейства. Нам тем труднее было понять предубеждение адмиралов в этом вопросе, что после трафальгарского боя главной функцией наших военных судов было сопровождение торговых кораблей в морях, где действовали французские крейсеры. Система конвоя поэтому вполне соответствовала традициям славного прошлого нашего военного флота.

Первая попытка преодолеть слепое упрямство адмиралов была предпринята 2 ноября 1916 г. на заседании военного комитета. В нем участвовали адмирал сэр Генри Джонсон, который был тогда первым морским лордом, и вицеадмирал сэр Г. Ф. Оливер, тогда начальник морского штаба. Сэр Джон Джеллико покинул флот и специально отправился в Лондон по приглашению премьера, чтобы участвовать в этом заседании. Мы рассматривали вопрос об обстрелах торговых судов подводными лодками из орудий. Было сделано сообщение об увеличении потерь союзных и нейтральных судов от подводной войны и указывалось, что наиболее серьезным фактором в создавшемся положении было то, что мы недостаточно быстро строили суда и не пользовались интернированными или захваченными неприятельскими судами, чтобы восполнить наши потери.

Затем г. Бонар Лоу и я открыли дискуссию по вопросу о возможности введения системы конвоирования. Сэр Джон Джеллико отвечал, что не одобряет этой системы, так как конвой „представляет собою слишком большую мишень“. В дальнейшей дискуссии по этому вопросу адмирал сэр Генри Оливер указал в ответ г. Бонар Лоу, что система конвоирования применялась адмиралтейством в Средиземном море и что ее применяли также французы и итальянцы, но что они не одобряли посылки под экспортом более одного парохода каждый раз. Французы пытались послать одновременно большее число судов и потеряли при этом два или три парохода.

Я предложил тогда отправить дюжину торговых судов в сопровождении трех военных кораблей. Сэр Джон Джеллико заявил в ответ, что *никогда не удастся удержать торговые суда достаточно близко, чтобы их могли оградить несколько истребителей. Положение с военными судами было иным, так как военные суда могут держаться в сомкнутом строю. Г-н Рансиман прибавил, что с точки зрения использования тоннажа конвоирование судов следует признать весьма расточительным.* В смысле скорости передвижения не получится никакого преимущества, так как конвой должен двигаться со скоростью самого медленного судна*.

Я привожу ниже официальный протокол решений военного коми-

* *Henry Newbolt,* Naval operations. vol. V, p. 3 and 4.

тета, принятых вопреки протестам с моей стороны и со стороны г. Бонар Лоу:

„Морские эксперты указали, что методы, которые до сих пор оказывались сравнительно успешными в проливах, где главным образом оперировали субмарины, не могут быть применены теперь, так как субмарины могут действовать в открытом море на большом расстоянии от своей базы.

Система конвоирования оказалась успешной только в тех случаях, когда можно было предоставить защиту каждому пароходу в отдельности. Французы пытались конвоировать несколько судов при помощи одного истребителя, и в результате потеряли ряд судов. Военные суда, которые привыкли следовать друг за другом в порядке, могут быть до известной степени защищены конвоем истребителей, но торговые суда слишком отстают друг от друга, чтобы к ним можно было применить систему конвоирования. *Министр торговли указал, что с точки зрения экономии система конвоирования в высшей степени неудовлетворительна, так как весь конвой вынужден двигаться со скоростью самого медленного судна и все суда должны одновременно прибыть в порт, что создает там заторы. Поэтому система конвоирования в общем не принята военным кабинетом*“ *.

Хотя министр торговли заявил, что эта система окажется неэкономной вследствие потери времени, но не упомянул о потере времени вызываемой тем, что суда задерживаются в пути оттого, что субмарины действуют вблизи портов. Он также упустил из виду потерю времени, связанную с необходимостью для пароходов объезжать значительные пространства вследствие угрозы подводных лодок в определенных опасных зонах. Между прочим это обстоятельство делало весьма затруднительным снабжение пароходов бункерным углем в Порт-Саиде. На деле последний аргумент министра торговли означал, что для парохода лучше очутиться на дне морском, чем притти с опозданием, и что чем меньше пароходов придут в гавань, тем меньше будет опасность затора в порту.

Кажется я спросил сэра Джона Джеллико, есть ли у него план борьбы с германскими субмаринами, которые отныне начали действовать в открытом море. Сэр Джон ответил отрицательно. Адмиралтейство лишь вооружило торговые суда, а эти последние не могут предпринимать наступательных действий, так как не могут видеть подводных лодок. Он предложил создать пловучие разведочные центры, для того чтобы в случае необходимости указывать путь пароходам. Затем последовало продолжительное обсуждение вопроса о желательности вооружения торговых судов. В данном случае сэр Джон Джеллико держался того мнения, что вооружение представляет самое действительное средство защиты торговых судов от субмарин. По

* War Committee, 31 octobre 1916.

этому вопросу мы пришли к выводу, что увеличение производства орудий для вооружения торговых судов является делом первостепенной важности. Министр военного снаряжения взял на себя задачу провести дальнейшее изучение этого вопроса, и было решено устроить в самом ближайшем будущем совещание специалистов министерства военного снаряжения и адмиралтейства.

Этот „вопрос первостепенного значения" оставался „вопросом" еще в течение нескольких недель; после этого новое правительство энергично занялось им. В какой сильной степени подводные лодки могли сократить тоннаж союзников, показал доклад, сообщенный комитету на этом заседании. Лорд Грей уведомил военный комитет, что французский посланник в Христиании в разговоре сказал ему, что, по недавно полученным им сведениям, Норвегия вероятно уступит давлению Германии и уже отзывает отовсюду свои суда. Нам сообщили, что Норвегия уже потеряла в мировой войне 13,5% всего своего торгового флота. Снятие норвежских судов с обслуживания союзного транспорта могло быть ударом, и инцидент ясно показывает, до какой степени страх перед субмаринами влиял даже на самые храбрые морские народы. Но в течение первых месяцев 1917 г. адмиралтейство не могло заставить себя изменить свою тактику.

В январе 1917 г. мнение адмиралтейства в вопросе о конвоировании судов оставалось таким же отрицательным, как и ранее. Официальная брошюра, изданная адмиралтейством в этом месяце, гласила:

> „Торговые суда, когда это возможно, должны отплывать поодиночке и конвоироваться лишь в особо необходимых случаях. Система одновременной посылки нескольких судов под эскортом конвоя не рекомендуется во всех тех случаях, когда возможно нападение субмарин. Совершенно ясно, что чем больше число судов, составляющих конвой, тем легче субмарине удачно произвести нападение и тем труднее для сопровождающих судов предупредить подобную атаку...".

По данным „Официальной истории войны", в этой брошюре было правильно отражено коллективное мнение адмиралтейства, так как „протоколы заседаний с участием тех из руководителей адмиралтейства, в ведение которых непосредственно входила защита торговли, выражают одну и ту же или почти одну и ту же точку зрения. Директор торгового отдела сэр Ричард Вебб был противником системы конвоя. Директор оперативного отдела сэр Томас Джексон не склонялся ни к какому определенному мнению. Адмирал Дафф, директор отдела борьбы с подводными лодками, определенно возражал против конвоирования торговых судов. Сэр Джон Джеллико соглашался с Даффом, так же как и остальные адмиралы, входившие в адмиралтейскую коллегию. С тех пор я установил, что цитированная мною выше брошюра, правильно быть может отражая мнение адмирала, стоявшего во главе отдела борьбы с подводными лодками, была написана и издана без учета взглядов командиров подводной службы. В это время в адмиралтействе имелись доклады опытных офицеров

английских подводных лодок, объяснявшие, почему субмарине трудно атаковать конвой.

Адмиралтейство считало конвоирование судов совершенно немыслимым. Единственной стратегической мерой, которую оно смогло выдвинуть в противовес субмаринам, было создание четырех конических путей —подступов к Англии, вершины которых были направлены на Фальмут, Бирхэвен, Инстрагуль (Северная Ирландия) и Керкволл и внутри которых, в пределах отрезка моря, непосредственно примыкающего к Англии, производилась сторожевая служба. Это средство потерпело полнейшее фиаско и, можно даже сказать, оказалось смертельной ловушкой. Присутствие наших сторожевых судов осведомляло германские лодки о зонах, где можно было ожидать торговые суда, и сосредоточение судов на сравнительно небольшом пространстве давало возможность подводным лодкам в короткое время собирать обильный урожай. Особенно конус у юго-западного берега Ирландии быстро превратился в могилу британского судоходства.

Контролер судоходства дал мне следующее описание этого рокового плана:

> „Адмиралтейство приказывало торговым судам итти к определенным пунктам, которые очевидно были хорошо известны немцам. Немецкие подводные лодки поджидали здесь наши суда, пуская ко дну один корабль за другим.
>
> Я напомню Вам случай, как наши суда с грузом сахара были отправлены в определенный пункт Атлантического океана и были там потоплены одно за другим, так что у нас в стране, если не ошибаюсь, осталось сахара не больше чем на одну неделю“.

Бывали случаи, когда торговый пароход достигал опасной зоны в том пункте, где его должен был встретить военный корабль и указать ему дальнейший путь, но военный корабль не появлялся. Таковы были те „пловучие разведочные центры“, о которых говорил сэр Джон Джеллико на заседании военного комитета. Эти „центры“ часто плавали не там, где их ждали, и „разведка“ оказывалась ни к чему. Иногда недоумевающие команды кораблей посылали по радио запросы, куда им направить свой путь. Запросы эти ловили немцы, расшифровывали их, и когда торговые суда приходили в пункт, назначенный им в приказе по радио, бедняги встречали не проводника, а поджидавшего их пирата.

Так на практике этот остроумный план зачастую приводил наши суда на бойню, где их ждали мясники.

Когда вспоминаешь об этом, кажется поразительным, что система конвоя не была принята ранее. Тем не менее, хотя и все прочие методы оказывались бесполезными и гибельными и наши потери увеличивались во все возрастающем масштабе, адмиралтейство упрямо отказывалось рассмотреть вопрос о введении системы конвоирования, т. е. о предоставлении торговому флоту той самой охраны, какою оно само пользовалось в отношении Великого флота.

Адмиралтейство исходило при этом из ряда соображений. На некоторые из них я уже указывал. Но были и другие соображения, столь же неправильные и еще более фантастические. Советники и эксперты адмиралтейства в это время находились под влиянием ряда заблуждений. Наиболее важным из этих заблуждений было, будто от торговых судов нельзя ожидать, чтобы они держались на определенном расстоянии друг от друга, вследствие чего, сопровождаемые эскортом, они-де налетали бы друг на друга или на конвой, создавая опасность для всех, или же во избежание таких столкновений разбегались бы в разные стороны, теряли бы друг друга из виду, а затем в поисках друг друга легко становились бы жертвами рыщущих повсюду германских подводных лодок. Адмиралтейство совершенно недооценивало способностей этих опытных моряков, которые управляли нашими грузовыми кораблями и в любую погоду вели их по бурным и туманным морям, окружающим Британские острова. Ни один путешественник, которому приходилось видеть, как тяжело нагруженное торговое судно с успехом пробивается вперед через грозные валы Бискайского залива, не усумнился бы в способности мореплавателей на бросаемых в разные стороны и заливаемых судах управлять любым кораблем в любых условиях. Я был удивлен, что капитаны больших пароходов, с которыми вначале совещалось по этому вопросу адмиралтейство, разделяли сомнения сэра Джона Джеллико относительно уменья небольших грузовых судов соразмерять свои движения. Это было просто выражением того же высокомерия, с каким шофер ройлс-ройса взирает на водителя маленького форда, который он презрительно называет „старой калошей“.

Таким образом адмиралы были уверены, вопреки всем историческим данным, что суда, которые плавают вместе в сопровождении конвоя, находятся в большей опасности, чем суда, плавающие отдельно. Они чрезвычайно преувеличивали число военных кораблей, необходимых для конвоя.

> „В адмиралтействе в это время преобладало убеждение, — гласит „Официальная история войны“, — что если применять к торговым судам систему конвоя, то число судов-конвоиров должно быть вдвое больше числа сопровождаемых судов. Советники адмиралтейства не разделяли мнения, довольно распространенного в то время, что достаточно будет небольшого эскорта“ *.

Какой удивительный просчет! Самым удивительным было однако ложное мнение о числе британских судов, плавающих в открытом море и нуждающихся в сопровождении. Это не был темный и спорный вопрос, который можно было решить лишь при помощи какого-нибудь рискованного эксперимента. Это был просто-напросто вопрос правильного подсчета статистических данных. Неправильная политика адмиралтейства основывалась на арифметических ошибках, которых не

* *Henry Newbolt,* Naval operations, vol. IV, p. 383.

допустил бы обыкновенный служащий в конторе судоходной компании. Тем не менее эти ошибки сбили с толку лордов адмиралтейства и в течение долгих месяцев направляли их на ложный путь. Здравого смысла или простой справки в регистре Ллойда и сложения простых чисел было бы вполне достаточно, чтобы установить факты. До середины 1917 г. в адмиралтействе не было ни одного человека, который обладал бы этой тройной квалификацией. Вот та роковая арифметическая ошибка, из-за которой мы едва не потеряли войны. И мы потеряли бы ее, если бы никто своевременно не указал на эту ошибку адмиралам.

В течение некоторого времени адмиралтейство еженедельно публиковало сведения о числе судов, погибших от подводных лодок. Для того чтобы эти печальные сообщения выглядели возможно приятней, адмиралтейство одновременно публиковало отчеты таможенных властей о числе судов, которые вошли и вышли из британских портов в течение данной недели. Для того чтобы увеличить это число, адмиралтейство учитывало все решительно суда, вошедшие и ушедшие из портов, в том числе многочисленные мелкие суда каботажного плавания, заходившие из одной гавани в другую. Так получилась цифра в 2,5 тысячи судов в неделю. Цифры адмиралтейства вероятно не обманывали германское верховное командование, хотя без сомнения они в известной мере ободряли нейтральные страны и разочаровывали население враждебных стран. К сожалению эти цифры обманывали также наших собственных адмиралов. Минутного размышления было бы достаточно, чтобы убедиться, что 2,5 тысячи океанских судов никак не могли приходить еженедельно в Англию. На самом деле число океанских судов, уходивших и заходивших в английские порты, составляло в неделю от 120 до 140. Адмиралтейство никогда не анализировало свои нелепые цифры. Но исходя из своих цифр, оно делало правильный вывод, что невозможно предоставить эскорт для конвоирования всех торговых судов, заходящих и выходящих из наших портов. Размеры нашего судоходства по этой фантастической оценке далеко превышали силы нашего военного флота.

Таким образом, с одной стороны, была уверенная в себе Германия, проводившая убийственное наступление на наше судоходство, с другой — наше беспомощное и нелепое адмиралтейство, заявлявшее, что нет никаких возможностей отбить это наступление.

1 февраля Германия провозгласила неограниченную подводную войну. Она сообщила об этом США в меморандуме, в котором было сказано:

> „С 1 февраля 1917 г. морские сообщения будут приостановлены всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами и без дальнейшего предупреждения в следующих зонах блокады — вокруг Великобритании, Франции и Италии и в восточной части Средиземного моря...“.

Зоны блокады, согласно германскому меморандуму, включили все моря и океаны, окружающие острова Великобритании и Ирландии,

Франции, Бельгии и Италии, за исключением небольшой части Средиземного моря у испанских берегов.

В другой главе я остановлюсь на том, какую роль сыграло это германское заявление в Америке.

В первые недели подводной войны казалось, что она оправдает все надежды спекулировавших на ней ее инициаторов. В первую неделю февраля 1917 г. в Ламанше было потоплено 35 английских и иностранных судов. В течение февраля и марта число британских торговых судов, потопленных неприятелем (главным образом подводными лодками), составляло 232 с общим тоннажем в 663 тысячи тонн. В апреле наши потери составили более 526 тысяч тонн. Кроме того каждый месяц тонуло более 200 тысяч тонн союзных и нейтральных судов.

Адмиралтейство было оглушено, а не подстегнуто этим ударом. Но даже теперь оно и слышать не хотело о конвоировании судов. Адмиралы напоминали врачей, которые, будучи не в состоянии, несмотря на все свои усилия, побороть болезнь, постепенно подкашивающую здоровье пациента, внезапно сталкиваются с новым неожиданным и серьезным осложнением. Врачи в этом случае делают угрюмое лицо и теряют всякую надежду. Они говорят о положении с полным отчаянием. Для всех ясно, что они считают положение пациента безнадежным. Тем не менее они настаивают на применении тех же лекарств. Все прочие советы они отвергают. Для них становится уже делом профессиональной чести не соглашаться на те лекарства, которые они раньше отклоняли. Что особенно затрудняет задачу убедить их испробовать явно напрашивающиеся средства, это то, что на них настаивали штатские профаны, специалисты же с презрением и насмешкой отвергали их. Разве вы когда-либо слышали, чтобы врач признался, что рекомендованное недипломированным лекарем средство оказалось лучше его собственного, что он ошибся, а знахарь оказался прав. В данном случае врачи из адмиралтейства находились в первых рядах представителей своей профессии. Можно ли было ожидать, что перед лицом тех, кто консультировал и доверял им, они признают свое лечение хуже того, которое предлагали бабки и костоправы? А принимая во внимание эту профессиональную чувствительность, мы не должны слишком резко критиковать их за то, что они неохотно признавали свою едва не ставшую роковой ошибку — не применять систему конвоя. Их упрямство возрастало с каждым ухудшением состояния больного, которого так варварски и так невежественно лечили. Что должен был делать военный кабинет перед лицом такого бюрократического упрямства! Когда речь идет о вопросах жизни и смерти, дилетантам трудно вмешиваться и пользоваться своей властью, для того чтобы отменить мнение знаменитейших специалистов в королевстве. Но во сколько раз более дерзок такой акт, когда на карте стоит жизнь и смерть целого народа. Конечно мы могли запросить и других специалистов. Но чья репутация в военно-морских кругах могла сравниться с репутацией адмирала Джеллико? Адмирал Битти приобрел некоторую известность

в качестве первоклассного и смелого боевого адмирала. Он принадлежал к типу так называемых „молодцов моря"; но даже теперь вряд ли большинство морских офицеров считало бы его мнение равноценным мнению Джеллико, который тогда только что был назначен, так как его предшественник не сумел предпринять ничего путного против подводных лодок. По справедливости Джеллико следовало предоставить свободу действия. Я решил, что стоит потерять немного времени и терпеливо выждать, пока не удастся убедить Джеллико в правильности взглядов, разделявшихся г. Бонар Лоу, контролером судоходства, г. Морисом Ханки и мной. Впрочем нам нельзя было тратить на это слишком много времени, так как наши суда погибали с ужасающей быстротой.

Я настойчиво предлагал первому лорду адмиралтейства, сэру Эдуарду Карсону, потребовать испытания системы конвоирования. Он лично благоприятно относился к такому опыту, но заявил мне, что он в адмиралтействе нигде не встречал в этом отношении официальной поддержки. Эксперты единодушно и упрямо сопротивлялись этому опыту. Это обычная история. Была задета репутация бюрократов. Эти опытные, выдающиеся моряки заангажировались, выразив определенное, безоговорочное мнение не только в своем собственном профессиональном кругу, но и вне его перед всякого рода штатскими — судовладельцами, государственными деятелями и др. Они всем и каждому заявляли о „своем определенном убеждении", что система конвоирования неосуществима и опасна как для конвоиров, так и для сопровождаемых судов. Зачем же, говорили они, терять время на нелепый и рискованный эксперимент.

И сэр Джон Джеллико и адмирал Оливер были способными людьми, обладавшими огромными техническими познаниями в своей области. Это были люди, осмотрительность и благоразумие которых придавали большой вес их мнению. Перефразируя слова апостола, можно сказать о них, что „их медлительность была известна всем людям". У флегматичного британца медлительность мысли часто считается доказательством здравого смысла. Но когда наталкиваешься на положение, не имеющее себе равного в прошлом, когда решающую роль играет не столько опыт, сколько находчивость, смелость и быстрота решений, такие люди становятся помехой для успешного действия.

Их отличное знакомство с деталями дела и высокая репутация дают им авторитет, который трудно устранить или оспаривать дилетанту. В условиях кризиса талантливый специалист, лишенный воображения, представляет опасность для общества. Адвокатский талант сэра Эдуарда Карсона не мог быть полностью использован в отношении такого рода людей. Он не мог подвергнуть главу адмиралтейства перекрестному допросу и разоблачить адмирала перед всеми коллегами, как он это делал в суде со свидетелем противной стороны. Резкий приказ Карсона мог бы привести к отставке всех адмиралов. Таким образом мог возникнуть серьезный кризис. Сэр Джон Джеллико занимал во флоте высокое положение.

Что нам оставалось делать? Было решено устроить конфиденциальное совещание между мною, первым лордом адмиралтейства и главой адмиралов — первым морским лордом; 12 февраля я пригласил их обоих и адмирала Даффа, ведавшего департаментом борьбы с подводными лодками, на завтрак на Даунинг стрит. В качестве основы для дискуссии я представил им меморандум, подготовленный сэром Морисом Ханки после нескольких бесед со мною по этому вопросу. В нем подвергались тщательному анализу аргументы за и против применения системы конвоя, а затем решительно рекомендовалось применение этой системы как наиболее действительного средства борьбы с германскими подводными лодками. Я привожу несколько выдержек из этого документа:

„Выполнение приведенного ниже общего плана потребует в дальнейшем полного пересмотра мер адмиралтейства по борьбе с подводными лодками, хотя вначале этот план может быть осуществлен в виде опыта и в меньшем масштабе. Он предполагает создание системы тщательно организованного конвоирования и сосредоточение на этой работе всех предназначенных к борьбе с субмаринами судов, которые выделены для защиты наших торговых путей, кроме тех, которые заняты охраной нашего военного флота. Он предполагает, далее, сосредоточение на конвойной службе всех средств борьбы с подводной войной — особой артиллерии, подводных лодок, сетей, глубинных выстрелов, мортир, гидрофона и беспроволочного телеграфа. Он стремится наиболее действительным образом использовать не только быстроходные, но и более медленные суда, выделенные для борьбы против подводных лодок, для конвоирования, и проектирует в дальнейшем создание для сопровождения конвоев специальных судов для спасения гибнущих судов и утопающих".

Меморандум содержит также ряд новых предложений о технических изысканиях по борьбе с подводными лодками. Меморандум рассматривает далее возражения, выдвигавшиеся против системы конвоирования, и противополагает им гораздо более серьезные возражения против применявшейся в то время системы. Меморандум далее гласил:

„Трудно представить себе, как мы избегнем при существующей системе дальнейших потерь, ограничиваемых лишь числом находящихся в распоряжении неприятеля подводных лодок и торпед. Правильным стратегическим принципом было бы конечно нанести удар неприятелю у выхода из его баз; с первых дней войны автор меморандума горячо и беспрерывно доказывал пользу неограниченного минирования морей, ибо мины — это окопы моря. В начале войны однако адмиралтейство чрезвычайно отрицательно относилось к подводному минированию. В результате к середине третьего года войны наши возмож-

ности в области минирования отнюдь не соответствуют требованиям момента“.

Из имевшихся в запасе 20 тысяч мин только полторы тысячи, как оказалось, были вообще к чему-либо пригодны.

Один из наших моряков, когда его корабль случайно наткнулся на одну из наших омертвелых мин и взрыва не последовало, заметил: „Это добрая старушка; она не разорвется даже от удара молотком“.

До войны адмиралтейство сосредоточило свои усилия главным образом на постройке больших и еще более крупных военных кораблей, пренебрегая такими важными орудиями войны, как мины, пробивающие броню снаряды и торпеды; во всех этих областях мы уступали немцам; адмиралтейство пренебрегло даже строительством достаточного количества небольших военных судов. Если бы стоимость одного дредноута была затрачена на постройку дополнительных истребителей, то в этот момент наше положение было бы совершенно иным, так как нам недоставало именно сторожевых судов и судов береговой охраны.

Меморандум гласил далее:

„По сравнению с вышеописанной системой система конвоирования, если она сможет быть практически осуществлена, представит определенные и весьма значительные преимущества.

Неприятель никогда не может знать день и час появления конвоируемых судов, а также их направление. Наиболее опасные места и узкие проливы могут быть пройдены ночью. Можно избрать путь в наиболее глубоких водах, где субмарины не будут иметь возможности минировать проход. Конвоируемым судам могут предшествовать тралеры и суда, снабженные паравanами. Самые ценные суда могут находиться в наиболее безопасной части конвоя. Нейтральные и другие невооруженные суда могут находиться под защитой военных судов. Неприятельская подводная лодка вместо нападения на беззащитную добычу будет знать, что ей предстоит бой, в котором она может погибнуть. Она не сможет уже более надеяться на успешное нападение над водой.

Применение системы конвоя предоставит вероятно широкие возможности для взаимной поддержки торговых судов помимо защиты, предоставленной им конвоирами. Неприятельская подводная лодка окажется одновременно под угрозой, скажем, десяти пушек с двадцати судов, вместо того чтобы иметь дело с одним судном, располагающим одним небольшим орудием. Каждый торговый пароход сможет давать выстрелы в глубины моря; кроме того каждая пара судов будет иметь разрывные снаряды с электрическим запалом. Один или два парохода с параванами быть может спасут от мин десятки других судов. Специальные спасательные суда смогут сопровождать конвой, для того чтобы оказывать помощь тем судам, которые будут поражены миной или

торпедой, но не пойдут ко дну немедленно; во всяком случае таким путем можно спасти команду.

Быть может самым сильным аргументом в пользу конвоирования является то, что оно всегда применяется для нашего военного флота и для перевозки войск".

Обсуждение за завтраком продолжалось два часа, и Джеллико повторил знакомые уже нам возражения против системы конвоирования. Первый лорд адмиралтейства обещал однако созвать совещание капитанов торгового флота и познакомиться с их взглядами относительно осуществимости системы конвоирования. Он также согласился руководствоваться результатом двух опытов по конвоированию, предпринятых незадолго до этого. Один опыт проводился между британскими и норвежскими портами, а другой — между британскими и французскими портами. Но для того чтобы установить действительное значение этих экспериментов, требовался известный срок, а тем временем мнение адмиралтейства нашло себе подтверждение в том, что норвежский эксперимент в его первоначальной форме оказался неудачным.

То, что этот эксперимент еще не представлял систематического конвоирования, что он был плохо организован и что он поэтому происходил при неблагоприятных условиях, — все это в расчет не принималось. Он оказался неудачным, и адмиралы могли говорить, что они это „предвидели" заранее.

С другой стороны, опыт с конвоированием судов, шедших во Францию, проходил удачно. Во второй половине 1916 г. суда с углем, шедшие из Англии во Францию, подвергались частым нападениям, и французы обратились к нам с просьбой организовать их конвоирование. К счастью для Англии организация конвоя была поручена очень способному молодому офицеру, который еще не страдал профессиональным склерозом мозга. Союзники многим обязаны командору (теперь адмиралу) Гендерсону. С помощью небольшого числа вооруженных тралеров он ежедневно конвоировал суда по трем направлениям: на Брест, Шербург и Гавр. Первые опыты были начаты 7 февраля 1917 г., и в течение трех месяцев — в марте, апреле и мае — по этим опасным путям прошло 4 013 судов в сопровождении конвоя при потере всего 9 судов, т. е. одного на 446.

Это был весьма благоприятный результат. Но косвенные результаты опыта были еще более ценными.

Для выполнения своей работы командор Гендерсон считал необходимым часто посещать министерство судоходства и договариваться с его чиновниками о сроках отправления судов; они весьма успешно работали в контакте друг с другом. В то же время практический опыт Гендерсона в организации конвоя убедил его, что конвой был наиболее безопасным из всех способов проведения судов через опасную зону. Гендерсон установил, что конвой не представлял собой более уязвимой мишени, чем каждый отдельный пароход. Подводная лодка не могла рассчитывать на то, чтобы выпустить больше одного

снаряда, так как она сейчас же подвергалась нападению со стороны конвоя, а если находилась на поверхности, то и со стороны орудий конвоируемых судов; предупреждение по радио, направленное сопровождающим судам, позволяло всем конвоируемым пароходам немедленно отклониться от пути, на котором, как было известно, действовала подводная лодка. Далее, конвой также помогал приводу подводных лодок к истребителям, вместо того чтобы истребители рыскали по всему Атлантическому океану в поисках перископов.

Гендерсон не раз пытался установить в различных департаментах адмиралтейства объем нашей внешней торговли и порты отправления судов, но не был в состоянии получить от них удовлетворительные сведения. Тогда он обратился в министерство судоходства, и его направили к г. Лесли (теперь сэр Норман Лесли) — брокеру по судоходству, который предложил свои услуги новому министерству и совместно с г. Солтером (ныне сэр Артур Солтер) создал картотеку информации по вопросам судоходства и движения судов, о которых в мирное время доставлял сведения регистр Лойда. Гендерсон и был тем человеком, который, не выразив при этом особого удивления, установил, что статистические данные адмиралтейства о заходе и уходе судов из английских портов были до смешного неверны. Число океанских судов, заходивших в порты Соединенного королевства и Ламанша, составляло всего лишь 20 в день; из них 15 заходило в британские порты. Таким образом число заходивших судов равнялось не 2,5 тысячи, а 140 в неделю. Действительно, число океанских судов легко могло быть включено в систему конвоирования.

Министерство судоходства с энтузиазмом отнеслось к мысли о конвоировании. Г. Лесли совместно с командором Гендерсоном выработали принцип проведения этого плана. Контролер судоходства сэр Джозеф Маклей не раз настаивал на проведении опыта с конвоированием, но адмиралтейство упорно всеми мерами этому сопротивлялось. Однажды утром, когда контролер судоходства входил в зал заседаний кабинета министров, он встретил выходившего оттуда Джеллико. Адмирал остановил его и сказал, что он совещался с двенадцатью капитанами торговых судов и что ни один из них не высказался в пользу системы конвоирования. Это совещание было предпринято без всякого согласования с министерством судоходства, так что сэр Джозеф Маклей не имел возможности ни помочь нам советом в выборе капитанов, ни самому встретиться и поговорить с ними. Весьма вероятно, что адмирал Джеллико задавал им вопросы в такой форме, что капитаны побоялись, что никогда не смогут выполнить предписаний о совместном маневрировании и плавании судов на определенном расстоянии, т. е. того, чего требовала система конвоирования, ибо сам адмирал Джеллико был твердо убежден, что только моряки военного флота в состоянии вести суда в должном порядке. Когда мне с триумфом сообщили об этом совещании, мне не сказали, что у контролера судоходства не спросили ни о том, кого пригласить, ни о судах, которые должны быть пред-

ставлены на совещании, ни о том, что капитаны мелких грузовых судов не удостоились приглашения в такой высокий конклав.

Весной 1917 г. потери наших судов в торговле с Норвегией стали вновь настолько серьезны, что в начале апреля в Лонгхопе была созвана конференция по вопросу об охране скандинавской торговли. Морские офицеры на этой конференции единогласно высказались в пользу систематического конвоирования вместо применявшейся до тех пор случайной и плохо организованной охраны. Их доклады были представлены старшим офицерам, у которых отнюдь не было единодушия, но адмирал Битти энергично воздействовал на них и настаивал на распространении системы конвоирования и на все прочие пути. Отчет конференции в Лонгхопе рассматривался адмиралтейством 11 апреля; адмиралтейство в виде исключительной меры разрешило провести опыт конвоирования судов в скандинавской торговле. С апреля по декабрь 1917 г. между портами р. Гамбер и Норвегией прошло около 6 тысяч судов; из них погибло около 70, или немного более 1%. В марте и апреле я ожидал результатов французского опыта и опыта вооружения торговых судов. Я надеялся после беседы с Джеллико и Даффом, что будут приняты более энергичные меры, но мне пришлось разочароваться в этом.

Отношение британского адмиралтейства к конвоированию в это время хорошо иллюстрирует разговор в апреле 1917 г. между первым морским лордом и американским адмиралом Симсом. Когда выяснилось, что США вероятно вступят в войну, адмирал Симс был отправлен в Лондон для связи с британским адмиралтейством. 9 апреля адмирал Симс прибыл в Ливерпуль и тотчас же отправился в Лондон, где встретился с адмиралом Джеллико. Я привожу ниже собственный отчет адмирала Симса об этой поразительной встрече:

„После обычных приветствий адмирал Джеллико вынул листок бумаги из ящика своего стола и передал его мне. Это была сводка потерь тоннажа за несколько последних месяцев. Потери британских и нейтральных судов достигли 536 тысяч тонн в феврале и 630 тысяч тонн в марте; данные начала апреля угрожали потерями почти в 900 тысяч тонн. Эти цифры показывали, что потери на самом деле превышали втрое или вчетверо те, которые оглашались в печати. Я выражусь весьма мягко, если скажу, что эти цифры меня поразили. Я был просто потрясен, так как я никогда не представлял себе ничего более страшного. Я выразил свой ужас адмиралу Джеллико.

— Да, — сказал он так спокойно, как если бы он говорил о погоде, а не о будущности империи, — да, мы не можем продолжать войну, если наши потери будут такими же и в дальнейшем.

— Какие же меры вы принимаете по этому поводу? — спросил я.

— Мы делаем все, что можем, мы всячески увеличиваем

наши средства борьбы с подводными лодками, мы используем все суда, какие мы только можем найти, чтобы бороться с субмаринами. Мы строим скорейшим образом истребители, тралеры и т. п. Но положение весьма серьезно, и нам нужна всяческая помощь.

— Выходит как будто, что немцы побеждают? — заметил я.

Адмирал отвечал:

— Они выиграют, если мы не остановим этих потерь и притом очень скоро.

Я спросил:

— Разве нет никакого выхода?

— Мы в данный момент не видим никакого решительно выхода, — заявил Джеллико".

22 апреля 1917 г. Джеллико представил военному кабинету обширный меморандум, озаглавленный „угроза подводных лодок и продовольственное снабжение". В этом меморандуме Джеллико заявлял, что рост тяжелых потерь наших торговых судов от мин и подводных лодок требовал немедленных и решительных мероприятий; но когда он перешел к собственным предложениям на счет столь отчаянно необходимых мер, то оказалось, что „единственное средство, которое может быть применено немедленно, это пустить на воду столько истребителей и других сторожевых судов, сколько только США могут дать". А впредь до изыскания новых средств для борьбы с подводными лодками единственным паллиативом оставалось увеличение числа мелких сторожевых судов, чтобы по возможности не давать подводным лодкам выходить на поверхность. Джеллико даже не упомянул о системе конвоирования в качестве возможного средства борьбы. Он перечислял различные методы нападения на субмарины, которые тогда испытывались, и признавал, что применявшиеся тогда меры были никуда негодны.

А тем временем наши потери росли с такой быстротой, что из отправившихся в далекое плавание 100 судов 25 не вернулись. При таких темпах надежды Германии поставить нас на колени к августу месяцу вовсе не казались столь невероятными.

Адмирал Симс определенно склонялся к системе конвоирования. 19 апреля в письме к американскому правительству он сообщал о британских методах борьбы и их неудаче, выражая свое несогласие с адмиралтейством в вопросе о неосуществимости конвоирования.

„Адмиралтейство настаивает на том, что торговые суда не могут итти в порядке, по крайней мере находясь в значительном числе, главным образом вследствие трудности управлять их скоростью и отсутствию опыта у их младших офицеров. Я лично с этим не согласен и считаю, что после некоторого опыта торговые суда могут достаточно безопасно и удовлетворительно поддерживать необходимый порядок в плавании".

Военный кабинет с тревогой обсуждал создавшееся положение на трех заседаниях 23 и 25 апреля. Указав на недавние серьезные потери, я отметил возможность применения системы конвоирования, которую одобряли адмирал Битти и адмирал Симс.

Первый морской лорд заявил, что этот вопрос в данное время рассматривается и что одним из главных препятствий к применению этого плана был недостаток истребителей. Он заметил, что есть надежда получить американские истребители и что шесть штук их уже получили приказ отправиться в Англию. Однако, для того чтобы осуществить какой бы то ни было план конвоирования, необходимо гораздо больше истребителей. Он упомянул, что проведенное главнокомандующим Великого флота испытание системы конвоирования не было вполне удачным: два парохода под разными конвоями были потоплены торпедой с подводной лодки*.

Первый морской лорд обещал сделать военному кабинету дальнейшие сообщения по этому вопросу.

Выступление Джеллико было характерно для позиции наших морских советников. Они все еще „обсуждали" этот вопрос. Гибель двух судов в месяц из нескольких десятков или сотен, сопровождаемых под конвоем, казалась более ужасной, чем потеря десятка судов в день из числа неконвоируемых, хотя они точно так же зависели от защиты нашего флота.

Было ясно, что адмиралтейство не собирается принять никаких решительных мер в вопросе о конвоировании. Обсудив этот вопрос сначала с сэром Эдуардом Карсоном, я уведомил кабинет, что решил лично посетить адмиралтейство и на месте разрешить наконец вопрос о конвоировании. В соответствии с этим мы условились, что я приму участие в заседании адмиралтейской коллегии, чтобы совместно с ней обсудить вопрос о всех существующих способах борьбы с подводными лодками. Я выговорил себе право вызвать на заседание для получения информации любых морских офицеров, независимо от ранга.

Повидимому перспектива быть изнасилованными в своем собственном святилище подстегнула господ адмиралов заняться изучением вопроса и, предваряя неизбежное, они вновь изучили планы и цифры, подготовленные командиром Гендерсоном совместно с г. Норманом Лесли из министерства судоходства. Тогда только впервые они начали понимать то, что они упорно игнорировали, начиная с августа 1914 г., а именно, что цифры, на которых они основывали свои стратегические планы, были попросту смехотворны и что поэтому система конвоирования вполне соответствовала их наличным средствам.

Не приходится удивляться, что, прибыв в адмиралтейство, я застал коллегию в весьма смиренном настроении. Мы детально обсудили весь вопрос. Наши выводы были изложены мною кабинету следующим образом:

„Я рад был узнать от адмирала Даффа, что он полностью

* Речь шла о скандинавском опыте.

изменил свои взгляды на систему конвоирования и повидимому первый морской лорд (Джеллико) разделяет его возрения, по крайней мере в пределах эксперимента. Адмирал Дафф отнюдь не в восторге от системы, но целый ряд обстоятельств заставил его согласиться с точкой зрения, разделяемой, я думаю, большинством моих коллег, что опыт в этом направлении произвести следует. Одно из этих обстоятельств — это то, что после вступления США в войну можно будет, по его мнению, получить достаточно судов для эскорта, что прежде было неосуществимо. Другое обстоятельство заключается в том, что, как показал опыт, торговые суда не могут рассчитывать на спасение от подводной лодки, держа зигзагообразный курс или гася огни, и поэтому он расценивает эти средства защиты отдельных пароходов ниже, чем прежде. Кроме того предпринятое адмиралтейством совместно с представителями министерства судоходства расследование показало, что общее число нуждающихся в сопровождении судов гораздо меньше, чем это представлялось ему. Точно так же он считает теперь допустимыми потери, о которых он в последний раз докладывал мне, полагая, что они не таковы, чтобы оправдать подобный опыт, способный, как он тогда меня предупреждал, повлечь за собой катастрофу; он может пойти на потерю трех судов из каждой конвоируемой партии, и положение от этого не станет хуже, чем сейчас. Поэтому он считает данный эксперимент вполне допустимым.

Я очень сожалею, что потребуется некоторое время, прежде чем система конвоирования сможет быть полностью введена, и считаю, что адмиралтейство должно максимально ускорить это дело.

Так как взгляды адмиралтейства и военного кабинета в настоящее время вполне совпадают и так как на некоторых рейсах конвоирование уже проводится в жизнь, а на других организуется, то дальнейшие комментарии излишни...".

„Полное совпадение" взглядов адмиралтейства и кабинета оказалось на практике несколько оптимистической оценкой положения. Как показывают мои записки, ни адмирал Джеллико, ни адмирал Дафф не верили в принцип конвоирования судов, хотя и соглашались подвергнуть его осторожному испытанию. Они дали себя убедить против воли и в душе придерживались прежних взглядов.

Высокие адмиралы дали себя наконец уговорить действовать в качестве „конвоиров", или, пожалуй, не столько действовать, сколько попробовать действовать. Но в их движениях было столько медлительности, столько осторожности! Они действовали, как люди, сомнения которых отнюдь не были рассеяны и которые поэтому подвизались с чрезмерной осторожностью и плохо прикрытым страхом, что их предчувствия оправдаются на опыте. Когда с конвоируемыми судами что-нибудь случалось, это тотчас же сообщалось военному кабинету с многозначительным видом: мы-де предвидели это.

Я не нашел ни одной записки, в которой первый морской лорд сообщал бы о безусловном успехе системы в тех случаях, когда ее применяли надлежащим образом. Через неделю или две после нашего решения испробовать конвоирование состоялось новое заседание кабинета, на котором между прочим присутствовали адмирал Джеллико, адмирал Дафф, сэр Вилламс Робертсон и адмирал Гендерсон. Я выслушал аргументы адмиралов по поводу недостатка в крейсерах и истребителях для эскорта, но все же продолжал настаивать на проведении опыта с судами, шедшими из Гибралтара. Первый морской лорд распространялся на этом заседании на счет того, что число истребителей в Великом флоте должно быть не менее ста, а эскадр истребителей в Гарвиче столько же, сколько их имеется сейчас. Он утверждал, что эти истребители нужны для осуществления директив, данных кабинетом адмиралтейству и главнокомандующему на случай сражения с германским флотом, и что если часть истребителей будет снята, то нужно будет пересмотреть общие директивы, данные командованию.

Адмирал Гендерсон заявил, что, по его мнению, если конвои немедленно будут пущены в ход, то немцам вероятно понадобится три месяца, чтобы установить наилучшие способы нахождения и нападения на них; этот срок будет достаточен для обсуждения нового строительства.

После этих прений решено было произвести первый опыт конвоирования судов из Гибралтара в порты Соединенного королевства. Суда, отправлявшиеся из портов Средиземного моря в Англию, были задержаны на четыре дня — с 6 до 10 мая, когда 17 пароходов отправились совместно под прикрытием двух крейсеров „Q“: „Мевис“ и „Рул“.

Только 17 мая, больше чем через три недели после решения, адмиралтейство назначило комиссию для изучения вопроса о конвоировании. В течение трех недель комиссия занималась тщательным и детальным изучением этого вопроса. Комиссии пришлось устанавливать направление и число судов каждой партии, группировать суда по их скорости и определять содержание инструкций конвою в плавании. Комиссии приходилось также домогаться у адмиралтейства судов для конвоя. Это было очень трудное дело, так как адмиралтейство было убеждено, что его истребители заняты в другом месте гораздо более полезным делом. В своих окончательных заключениях комиссия могла уже исходить из успеха первых двух опытов.

„Во время работы комиссии, 24 мая, из Гемптон Родс отправилась партия в 12 судов под эскортом военного корабля „Роксбург“ (под управлением капитана Уайтхэда); два парохода — „Рейвеншу“ с грузом сахара и „Хайбери“ с грузом селитры — не могли итти наравне со всей партией и были выключены. Они были отправлены в Галифакс для включения в другую партию... Вся партия благополучно прибыла на место назначения через 15 дней.

Капитан Уайтхэд доложил первому морскому лорду, что „суда плавали в полном порядке и что он готов сопровождать 30 судов вместо 12".

Конвоирование судов через Гибралтар также увенчалось полным успехом. Но эти успехи только раздражали адмиралов и усиливали их сопротивление.

Доклад министерства судоходства гласит:

„Хотя 14 июня план комиссии получил одобрение адмиралтейства, последнее следовало скорее букве решения, чем его духу, и неохотно предоставляло военные суда для эскорта" *.

Контролер морского транспорта сообщил мне об этой позиции адмиралтейства, и мне пришлось в резких выражениях заявить последнему мое неодобрение; тогда наконец адмиралы „согласились осуществить одобренные ими самими меры".

6 июня комиссия представила свой отчет, содержавший детальный план. Этот отчет был принят, и Манисти был назначен управляющим департамента конвоирования (не директором, как обычно называли глав важнейших департаментов). Ему не было дано ни специального помещения, ни аппарата, так что ему приходилось клянчить себе людей и помещение. Хотя отчет был формально одобрен 14 июня, прошло некоторое время, пока адмиралтейство удосужилось подобрать необходимые суда для эскорта.

Регулярно система конвоирования начала применяться при отправке судов из Америки со 2 июля, из Гибралтара — с 26 июля и из Дакара — с 11 августа. Из 279 истребителей, находившихся в английских водах, от 20 до 30 было предназначено для конвоирования торговых судов. В число 279 входило 100 истребителей, состоявших при главной эскадре и наблюдавших за сдачей флота на хранение в Скапа Флоу; адмирал Джеллико ставит себе в заслугу, что он разрешил использовать 8—12 из этих истребителей в течение части 1917 г. для конвоирования судов у ирландского побережья. Но он предоставил эти суда неохотно и в недостаточном количестве, совершенно не считаясь с тем, что мы боролись не на жизнь, а на смерть со смертельной угрозой со стороны подводных лодок. Между тем возможность нападения германского флота на нашу гораздо более могущественную эскадру была мало правдоподобна. Однако нет гнева более странного, чем холодная злоба профессионала, неправоту которого доказали профаны. Нет такой глупости, на которую не были бы способны при этих условиях специалисты. Несмотря на все, система конвоя все же увенчалась блестящим успехом. Адмиралы были в отчаянии, потому что действительность отказывалась следовать их профессиональным указаниям.

Я цитирую далее официальный отчет департамента морского транспорта по вопросу о конвоировании судов из США:

---

* Извлечение из доклада министерства судоходства о системе конвоирования.

„Успех конвоя был феноменальным. 14 конвоев в составе 242 судов совершили плавание без всяких потерь. Хотя они и подвергались иногда нападениям, но лишь одно нефтеналивное судно „Вабаша“, шедшее в четвертом конвое из Гемптон Родс, было задето снарядом, выпущенным наудачу подводной лодкой. С помощью эскорта это судно удалось привести в порт с потерей лишь части груза. Наступательные возможности конвоя были доказаны нападением на подводную лодку с выпуском снарядов на значительные глубины. Суда каждое порознь, даже под охраной нескольких истребителей, вероятно подверглись бы несколько раз нападению и были бы потоплены...“.

Наши затруднения с адмиралами этим не были исчерпаны. Вот еще одна иллюстрация их упрямства, прямой враждебности и тех огромных усилий, которые от нас потребовались для преодоления этой оппозиции:

„Только 26 июля конвоирование судов из Гибралтара начало осуществляться регулярно. Нежелание адмиралтейства дать этой группе судов эскорт под предлогом отсутствия достаточного количества истребителей было решающим препятствием; но это препятствие в конце концов удалось преодолеть. Приходится поражаться успеху системы конвоирования в одной из самых опасных зон, где торговые суда сопровождались только тралером при поддержке одного истребителя, а обычно даже при поддержке одного лишь судна „Q“ или американского фрегата“.

Затруднения, которые пришлось в этом случае преодолевать военному кабинету, типичны для всех тех операций, где мнения штатских приходили в противоречие с мнением военных экспертов. Морская стратегия требует чего-то большего, чем способностей обычных штатских людей, и морское командование поэтому было окружено ореолом непреложного авторитета. Когда бы я ни настаивал на применении системы конвоирования, я встречался, как было указано выше, с заявлением, что эксперты адмиралтейства считают мой план неосуществимым по техническим причинам. Передо мной была глухая стена. Очень трудно справиться с подобной аргументацией.

Если бы адмиралы еще в течение некоторого времени отказывались прислушаться к советам со стороны, дело союзников было бы окончательно потеряно. Трезубец Нептуна был бы вырван из рук Британии прожорливым чудовищем морских глубин. Уже не первый раз в этой войне мы получали урок, и к счастью урок своевременный, что ни одно великое национальное предприятие не может быть успешно проведено в мирное или военное время, если оно не опирается на взаимное доверие и сотрудничество между специалистами и неспециалистами. Это сотрудничество должно свободно и добровольно осуществляться обеими сторонами, и обе стороны в одинаковой мере должны стремиться к нему.

Когда мне сообщали об отдельных случаях оппозиции со стороны

адмиралтейства, я мог оказывать необходимое давление, но при этом мы теряли время, а потерянное время означало потерю судов и человеческих жизней. Поэтому я решил сменить людей в руководстве адмиралтейством. Было совершенно ясно, что, не находясь в адмиралтействе для наблюдения изо дня в день за всеми деталями работы, я не мог тотчас же уловить причину всех затруднений и ускорить деятельность этого министерства. Поэтому я решил сменить первого лорда адмиралтейства — сэра Эдуарда Карсона, и первого морского лорда — адмирала Джеллико. Оба они пользовались большим влиянием и авторитетом и за ними стояло немало друзей — у одного в политических кругах, у другого — в кругу моряков. Я убедился, что во флоте существовали две партии: партия Джеллико и партия Битти. Человеку со стороны трудно было уловить, в чем собственно заключаются принципиальные расхождения обоих лагерей, что впрочем часто бывает и с другими партиями. Но чем туманнее были принципиальные расхождения, тем обостреннее были расхождения личные.

Сам лорд Карсон чувствовал, что сотрудничавшие с ним чиновники адмиралтейства работали без энтузиазма. Упрямство адмиралов ослабляло и истощало силы Карсона. Адмиралы отличались упрямством, тупостью и самодурством, сам Карсон не годился в погонщики ослов. Это не было делом его жизни. У него было достаточно смелости и независимости. Не будучи человеком новым в административной области вообще и в области морской администрации в частности, он слишком зависел от своих чиновников-советников и отказывался искать совета у посторонних лиц. Между тем без посторонних советников он терялся.

Карсон мог бы получить необходимые ему советы и со стороны моряков, не обращаясь совершенно к посторонним людям. Он мог бы запросить мнение людей, непосредственно находившихся на морской работе. Но вся карьера Карсона мешала этому. В своей профессиональной деятельности Карсон мог обращаться только к тем лицам, с которыми он был связан адвокатскими делами, т. е. к своим помощникам, стряпчим и ходатаям по делам. Обращаться к посторонним за советом и доверить им дело значило бы выказать недоверие своим коллегам. Это считалось бы профессиональной нелойяльностью. Поэтому Карсон обращался только к признанным руководителям адмиралтейства. Его затруднения и его бессилие отражались на его здоровье. Я никогда не считал, что министр во имя какого-то закона чести или этикета не имеет права обращаться к кому угодно в своем ведомстве и вне его независимо от положения данного лица, чтобы заручиться советом по любому поводу, связанному с управлением данным ведомством. Если министр узнает, что тот или иной чиновник его ведомства обладает исключительными знаниями или специальным дарованием в какой-либо области, он сам должен установить непосредственный контакт с ним. Политический глава министерства не только имеет право обращаться к кому угодно, но прямо обязан искать содействия у всех, кто только может помочь ему выполнить его долг перед народом. Это относится в одинаковой

степени к политическим главам ведомств и к несменяемым чиновникам — товарищам министра. Лорд Карсон не считал возможным стать на эту точку зрения, хотя природная проницательность и природный ум позволяли ему понять, что не все было благополучно в адмиралтействе. Однако видя, что далеко не все приказы исполнялись с достаточной быстротой, он никогда не мог в точности установить, кем собственно задерживалось их исполнение, и не знал, как устранить препятствие или улучшить дело.

Перед тем как я был назначен премьером, я не сталкивался с представителями флота и знал очень мало о том, что происходит во флоте. Мое пребывание на посту министра военного снаряжения дало мне должное представление о вопросах сухопутной войны. Кроме того я постоянно встречался с находившимися в отпуску офицерами и солдатами, которые провели много месяцев на фронте и принимали участие в повседневных боях на том или другом участке фронта во Фландрии или во Франции. Я имею право не только похвастать, но могу категорически утверждать, что я чаще беседовал с боевыми офицерами и солдатами, не имеющими штабных нашивок, но прибывшими непосредственно из окопов, чем какой-либо штабной офицер, работавший в генеральном штабе или военном министерстве. Правилом моей жизни было при встрече с людьми, обладающими специальными знаниями и опытом, всегда расспрашивать их о содержании их работы.

Получаемые таким образом сведения оставляют более глубокий и неизгладимый след, чем сведения, полученные каким угодно другим путем. Слишком усиленные занятия истощают тело, но разговор со знающим человеком стимулирует, освежает и воспитывает ум. Если бы я всецело полагался на чиновников, я никогда не мог бы провести своего плана пенсий старикам и своей схемы социального страхования. Я отлично знаю, какое значение имеет поддержание дисциплины в министерстве. В наших государственных учреждениях работают некоторые из лучших и наиболее компетентных людей в нашей стране и даже во всем мире; в интересах дела необходимо чтобы законная власть и престиж специалиста были полностью ограждены в сфере его компетенции. Но порядок и уважение к функции вполне совместимы с полной свободой получения независимой информации на стороне, если министр, соблюдая такт и осторожность, осуществляет эту свободу, а его чиновники мудро с этим соглашаются. Очень плохо, если создается впечатление, что министр с презрением относится к высшим чиновникам; с другой стороны, высшие чиновники должны избегать всего того, что могло бы заставить министра обходиться без них, т. е. действовать с явным умалением их авторитета.

Когда на меня в качестве премьера была возложена ответственность за управление всеми ведомствами, я стал пользоваться всякой представляющейся мне возможностью, чтобы в официальном или неофициальном порядке познакомиться со всеми важнейшими вопросами, относившимися к ведению войны во всех областях государ-

ственного управления. Адмиралтейство и контролер морского транспорта информировали меня о всех проблемах морской войны. Контролер морского транспорта вскоре создал себе самое неблагоприятное мнение об адмиралтейской коллегии. Но наиболее заслуживавшую доверия информацию о морских проблемах я получал из другого источника. Мне удалось установить такой же непосредственный контакт с молодыми офицерами на морской службе, какой уже ранее я установил с боевыми армейскими офицерами. Я очень многим обязан полковнику Кенворти, познакомившему меня в этот критический момент со взглядами младших офицеров флота. Меня познакомил с Кенворти сэр Герберт Льюис, бывший тогда парламентским секретарем министерства народного просвещения. Я встретился с несколькими младшими офицерами и понял, что во флоте была группа очень способных моряков, весьма критически относившихся к главным адмиралам и к их действиям. Младшие офицеры сурово осуждали имевшиеся планы борьбы с субмаринами. Они с насмешкой отзывались о взглядах адмиралов по вопросу о конвоировании торговых судов. Особую враждебность со стороны младших офицеров вызывало холодное отношение адмиралтейства ко всем предложениям или планам, исходившим от людей, состоявших непосредственно на боевой работе во флоте. Если учесть, что адмиралы сами признали свое банкротство перед военным кабинетом, если учесть, что они не в состоянии были сами выдвинуть ни одной новой идеи, то подобное высокомерие и презрение ко всем, кто пытался снабдить их недостающими им идеями, следует признать совершенно недопустимым и непростительным. Я настойчиво просил сэра Эдуарда Карсона воспользоваться услугами этих людей в департаменте по борьбе с субмаринами. Он полностью сочувствовал этой мысли и взял на себя обязательство обеспечить использование этих лиц.

На заседании военного кабинета 20 июня 1917 г. я спросил первого морского лорда, как подвигается организация секции наступления в оперативном отделе адмиралтейства. Адмирал Джеллико заметил, что первый лорд адмиралтейства полагал желательным собрать нескольких молодых офицеров для организации такой „наступательной“ секции. *По мнению Джеллико, не стоило назначать в адмиралтейство молодых офицеров. Он не располагал достаточным досугом, для того чтобы заняться изучением представленных ему молодыми офицерами проектов, да и кроме того он уже изучил все имеющиеся возможности наступательных действий. Во главе секции предполагалось поставить капитана Ричмонда, но после свидания с ним первый лорд отверг его кандидатуру.* В настоящее время на это место был назначен другой офицер по выбору самого Джеллико. Джеллико полагал однако, что создание такой секции *повлечет для него лишь потерю времени,* но он вместе с тем надеялся получить вскоре возможность передать молодым офицерам детальную разработку *своих собственных* планов.

Интересно отметить мнение адмирала Джеллико о наступательной ценности нашего подавляющего по своим размерам флота. Я был

недоволен тем, что наш флот при всем его могуществе мог так мало сделать для захвата бельгийских гаваней, которые были необходимы немцам в качестве баз для их флотилий субмарин и торпед. Я спросил Джеллико, не мог ли бы германский флот, если бы он обладал тем превосходством, которым обладали мы и американцы в отношении немцев, лишить нас возможности использовать Дувр и Гарвич для нашего флота. Джеллико отрицал, что мы обладали подавляющим превосходством в какой бы то ни было области кроме класса больших судов; далее Джеллико заметил, что если бы даже немцы обладали таким подавляющим превосходством, они не могли бы сделать Гарвич или Дувр непригодными в качестве баз для нашего флота. Гарвич был защищен естественными условиями и в этом отношении напоминал Зеебрюгге и Остендэ. Дувр мог бы в этом случае подвергнуться бомбардировке, но наши суда вернулись бы назад тотчас после окончания бомбардировки. Гавань с отмелью нельзя привести в такое состояние, чтобы сделать ее совершенно бесполезной для судов. Наша главная эскадра не могла приблизиться к Зеебрюгге ближе чем на 18 тысяч ярдов, и если бы невооруженные мониторы приблизились к берегу, они были бы потоплены.

Таковы были взгляды Джеллико на наступательные возможности нашего флота, а также на способности и находчивость наших молодых морских офицеров. Капитан — теперь адмирал — сэр Герберт Ричмонд, о котором речь шла выше, был одним из тех способных молодых офицеров, которые помогли мне в создавшихся тяжелых условиях.

Я передал первому лорду адмиралтейства информацию, полученную от молодых офицеров. Но Карсон не был в состоянии преодолеть упрямство и сопротивление адмиралтейской коллегии. Поэтому я решил поставить во главе адмиралтейства человека, привыкшего приказывать своим подчиненным.

Когда я составлял министерство, я был убежден, что большие способности лорда Карсона могли найти лучшее применение на посту одного из членов военного кабинета. Я предназначал в адмиралтейство лорда Милнера, но личные предрассудки большинства консервативных лидеров помешали мне настоять на этом выборе. Все консервативные лидеры восхищались Карсоном, но не одобряли его. Керзон не любил Карсона и не восторгался им. Лонг, который преувеличивал свое собственное влияние и положение в консервативной партии, завидовал Карсону при мысли о том, что последний будет включен в состав военного кабинета, в который не входил сам Лонг. Поэтому Карсон не получил предназначавшегося для него места и оказался на посту, к которому он не подходил. Такие неудачные назначения и случайности бывают в каждом министерстве.

Через несколько месяцев я убедился в том, что назначение Карсона, проведенное вопреки моему желанию, должно быть отменено в интересах самого лорда Карсона. Чувство обиды и отчаяния, в которое Карсон впал в связи с препятствиями, мешавшими ему работать, явно отражалось на его здоровье. Во главе адмиралтейства

должен был стать человек, обладавший бо́льшими силами, большей находчивостью и большей способностью к конкретному мышлению. Я окончательно решил сменить Карсона после разговора с сэром Дугласом Хейгом в начале лета 1917 г. Главнокомандующий был также встревожен теми огромными потерями, которые причиняли нам подводные лодки. Хейг боялся, что война будет проиграна на море, прежде чем ему удастся выиграть ее на суше. Хейг преклонялся перед техническими морскими знаниями Джеллико, но считал его человеком чересчур ограниченным, сухим и консервативным. Я боюсь, что он был очень плохого мнения и об административных способностях сэра Эдуарда Карсона. Хейг считал, что Карсон определенно не на месте в адмиралтействе. В разговоре со мною Хейг настаивал на назначении на этот пост сэра Эрика Геддеса. Главнокомандующему импонировали та сила и в особенности та напористость, с которыми сэр Эрик взялся за реорганизацию морского транспорта в Англии и Франции. В это время Геддес был занят делом весьма важным — реконструкцией судостроительных верфей, что было крайне необходимо для пополнения огромных потерь, причиненных неприятелем нашему торговому флоту.

Г-н Бонар Лоу согласился с желательностью этой замены и предложил осуществить ее, не нанося никакой обиды сэру Эдуарду Карсону. Мы оба относились с большим уважением к Карсону и оба стремились не оскорбить его. Но так как Карсон знал, что мы всегда были того мнения, что он принес бы бо́льшую пользу стране в качестве члена военного кабинета, нежели на каком-либо административном посту, мы могли лойяльно защищать перед ним необходимость его перевода из адмиралтейства в военный кабинет. Положение члена военного кабинета было более высоким и давало бо́льшую власть, чем положение главы адмиралтейства, тем не менее я боюсь, что Карсон был оскорблен. Наше предложение казалось ему весьма неприятным, как мы ни старались позолотить пилюлю. Однако глубокий патриотизм Карсона превозмог все его личные чувства. Так Карсон вошел в состав военного кабинета, а Геддес был назначен в адмиралтейство. Эта перемена оказала благоприятное влияние на руководство военными действиями.

Как было поступлено с адмиралом Джеллико? Принимая пост первого лорда адмиралтейства, сэр Эрик Геддес потребовал, чтобы Джеллико не был немедленно снят. Геддес знал, что Джеллико пользовался доверием старших офицеров флота и что поэтому лучше использовать сотрудничество Джеллико, если это вообще было возможно. Геддес обещал тотчас же сообщить мне, если ему не удастся сработаться с Джеллико и подчинить его себе.

Вскоре Геддес установил, что адмиралтейство не могло работать согласованно и хорошо, пока не будут устранены персональные моменты, среди которых наиболее важную роль играл недостаток доверия друг к другу со стороны адмирала Битти, командовавшего главной эскадрой, и первого морского лорда — адмирала Джеллико. Это недоверие установилось с тех пор, как между обоими адмиралами

возникли разногласия относительно ютландского боя. Посоветовавшись со мной, Геддес решил создать пост заместителя первого морского лорда, который должен будет облегчить сотрудничество между главной эскадрой, эскадрой в Гарвиче и адмиралтейством. На этот пост он назначил адмирала сэра Росли Вемиса (впоследствии ставшего лордом Вестер-Вемис). Будучи хорошим моряком, Вемис не был человеком выдающихся способностей. Но у него были два качества, которые чрезвычайно помогли ему в условиях, создавшихся в это время в адмиралтействе. Он не был фракционером. Он не принадлежал ни к сторонникам Джеллико, ни к сторонникам Битти. Он весьма дружелюбно относился к обоим. Вторым качеством, которое нравилось в нем Геддесу, было то, что он готов был прислушиваться к мнению молодых офицеров, обладавших собственными идеями. Он никогда не указывал им на дверь от избытка собственного величия. Во взгляде Вемиса за стеклышком монокля молодые офицеры всегда различали приветливую улыбку.

Геддес приступил к образованию проектного отдела адмиралтейства, во главе которого он поставил контрадмирала Роджера Кейса; проектный отдел должен был изучить проекты наступательных операций флота в Северном море и Ламанше. 17 ноября 1917 г. был создан комитет „заграждений в Ламанше“ под председательством адмирала Кейса.

Но инертность и недостаточная согласованность действий в адмиралтействе препятствовали проведению этих мероприятий. На заседании кабинета 21 декабря 1917 г. Геддес просил, чтобы ему разрешили покинуть адмиралтейство и взять на себя организацию морского и сухопутного транспорта в интересах всех союзников. Все союзные правительства были согласны с тем, что Геддес был наилучшим кандидатом для этой важной задачи. В это время проблема транспорта была чрезвычайно острой, и военный кабинет вполне признавал, что кандидатура сэра Эрика Геддеса была наилучшей из всех и что он был едва ли не единственным человеком, способным справиться с этой задачей. Мы полагали однако, что не можем отказаться от него как главы адмиралтейства. Его желание перейти на другую работу легко нашло себе объяснение, когда в тот же день он зашел ко мне на Даунинг стрит. Геддес сообщил, что он пришел к выводу, что не может добросовестно выполнять свои обязанности в адмиралтействе, пока лорд Джеллико остается на посту первого морского лорда. Бонар Лоу, Геддес и я затем обсудили вместе весь вопрос; от Геддеса мы узнали, что он был в наилучших отношениях с Джеллико, питал к нему чрезвычайное уважение и отнюдь не пытался в качестве штатского разрешать технические вопросы против мнения адмиралов, но он считал, что не может ничего добиться в адмиралтействе, пока Джеллико остается на своем посту. С другой стороны, Вемис умел выдвигать молодых работников и был в наилучших отношениях с Битти. На посту заместителя первого морского лорда Вемис поощрял активных и способных людей в проектном отделе и вообще в адмиралтействе.

Бонар Лоу согласился со мною, что в этих условиях желательна смена руководства. Мы уже в течение долгого времени склонялись к этому, но мы обязались перед Геддесом дать ему возможность самому решить дело. После шестимесячного опыта он пришел к тем же выводам, что и мы, к выводам, которые разделял и сэр Дуглас Хейг, хорошо знакомый с качествами Джеллико и создавшимся в адмиралтействе положением. Бывший в это время в Лондоне Хейг также открыто выразил свое мнение о желательности смены в адмиралтействе.

Сэр Эрик отправился на автомобиле в день рождества на Сендрингем, куда он был приглашен к рождественскому обеду королем и королевской семьей; он вернулся, заручившись согласием его величества на смену руководства в адмиралтействе. На следующий день Джеллико подал в отставку и был заменен на посту первого морского лорда сэром Росли Вемисом, а адмирал Кейс заменил адмирала Бэкона в Дувре. Среди результатов этой смены руководства мы можем упомянуть проведение атаки на Зеебрюгге и Остендэ с помощью сторожевой эскадры в Дувре под начальством Кейса. Это было одно из наиболее заметных и блестящих достижений всей войны.

Всепобеждающая активность Геддеса скоро проявилась во всех областях; колебания и затруднения исчезли. Работа закипела во всех отделах адмиралтейства; наконец-то люди на деле приступили к осуществлению системы конвоирования судов; конвоирование было разрешено, усилено, улучшено во всех направлениях. Те морские офицеры, которые искренно высказывались в пользу конвоирования, получали поощрение. Система нападения на подводные лодки была усилена: „рыбный“ гидрофон Наша, изобретенный в то время, был тотчас же поставлен на сторожевых судах. Для борьбы с подводными лодками и их уничтожения было применено много новых и остроумных средств. Важнее всего было то, что во всех отделах адмиралтейства стало ярко проявляться новое волевое начало. Несмотря на появление более быстроходных и более мощных подводных лодок, немецкие потери заметно росли; это были первые результаты активизации нашей борьбы, которая еще только начинала развертываться. Вот официальные немецкие цифры о потерях субмарин во время войны:

Потеряно субмарин вследствие военных действий

Годы	
1914	5
1915	19
1916	22
1917	63
1918	69

С конца июля 1917 г. и до конца октября 1918 г. нам удавалось пускать ко дну в среднем 7 германских подводных лодок в месяц.

В августе было введено конвоирование судов, отправляемых из Великобритании. Конвоирование в этих рейсах было также предусмо-

трено в первоначальном плане комиссии, но проведение его было отложено вследствие затруднений с экспортом. Отныне и до конца войны конвоируемые суда были защищены в гораздо большей степени от субмарин. „Официальная история войны“ в связи с этим сообщает:

„Опыт показал, что конвоируемые суда могли гораздо легче избегать подводных лодок и что командир подводной лодки почти не мог уследить за движением конвоя и занять в нужный момент надлежащий пункт атаки. Путь конвоя и время его появления были совершенно неизвестны субмаринам. Большой успех субмарин до сих пор объяснялся обилием мишени: командирам подводных лодок оставалось лишь занять место где-либо вне охраняемых путей, и они могли быть уверены в том, что рано или поздно столкнутся с торговыми судами. Некоторые участки моря были в этом отношении более безопасными, чем другие, но так как торговые суда проходили во всех направлениях, то данная зона в целом открывала перед немцами широкие возможности. Проход конвоируемых судов через опасную зону показал, что если эта система конвоирования будет развиваться дальше и охватит еще большее количество судов, то тем самым изменится весь характер подводной войны. Командиры германских подводных лодок не будут более в состоянии отправляться в благоприятную для них зону и там спокойно ждать прихода судов; в дальнейшем субмарине придется искать уже группы судов и атаковать их, не зная ничего о том, каким путем должны итти суда. Эта задача была гораздо более трудной и во многих случаях неосуществимой“ *.

Это заключение вполне оправдано статистическими данными о конвоировании. С лета 1917 г. и до конца военных действий в ноябре 1918 г. в пути из портов Англии и в порты Англии система конвоирования охватила 16 657 судов. Общие потери, включая 16 судов, затонувших вследствие бурь, и 36 судов, потопленных вследствие потери связи с конвоем, составили 154 парохода, или менее 1% конвоируемых судов. И по числу судов и по размерам тоннажа потери конвоя за полтора года неограниченной подводной войны были значительно меньше, чем потери в течение одного апреля месяца 1917 г., т. е. перед тем как были начаты первые опыты конвоирования.

Под руководством контрадмирала Даффа конвоирование на основе опыта улучшалось с каждым месяцем. Затруднения, вытекавшие из различной скорости судов, удалось полностью преодолеть. Я привожу ниже извлечения из доклада, представленного мне, после того как новая система уже действовала несколько месяцев:

* *Henry Newbolt*, Naval operations, vol. V, p. 51.

„Географические ограничения для рейсов различных конвоев вдоль атлантического побережья были смягчены; суда были распределены между конвоями соответственно быстроходности судов с оговоркой, что этим не вызывалось отклонений от основного пути и связанных с ними промедлений...

(Сентябрь) Таким путем удалось включить в систему конвоя все союзные и нейтральные суда, отправляемые обратно в Соединенное королевство или в атлантические порты Франции".

Нейтральные страны попрежнему терпели значительные потери. Нейтральные суда не включались в конвой даже в тех случаях, когда они перевозили товары для союзников; их не сопровождали ни наши военные суда, ни собственные суда нейтральных стран. Возник вопрос о том, заинтересованы ли мы сами в том, чтобы предложить нейтральным судам такую же защиту, как и нашим собственным. Возражения против этого заключались в том, что нейтральные суда могли случайно или намеренно выдать неприятелю наши шифры и сведения об избранном пути.

„Из 115 судов с пшеницей, отправившихся из Ньюпорт-Ньюс со 2 июля и до 10 октября, было потоплено: 4 из 18, отправившихся самостоятельно, и только одно судно „Нойя" из 97 конвоируемых судов. „Нойя" потеряла связь с конвоем.

В дальнейшем цифры показали, что риск потопления конвоируемых пароходов был в 10 раз меньше, чем риск гибели пароходов, отправлявшихся в путь самостоятельно.

„Нет сомнения, что многие из неприятельских подводных лодок боялись атаковать конвой. Неприятельские подводные лодки не только могли подвергнуться немедленной контратаке со стороны истребителей, но уже одно появление конвоя-торговых судов чрезвычайно нервировало команду подводных лодок, различавшую конвой из перископа. Занять тотчас же надлежащее положение для атаки, когда штук 25 пароходов с различным радиусом оборота двигались зигзагообразно, не решались даже самые смелые германские команды; чем больше был конвой, тем тяжелее было его атаковать. В Атлантическом океане наиболее успешно производилась атака субмаринами с помощью снарядов, пущенных наудачу, или посредством торпед, направленных на отставший пароход, который по тем или иным причинам не мог сохранить своего места в конвое".

„...К середине августа стало совершенно ясно, что неприятельские подводные лодки, которым не удавалось так легко нападать на суда, отправляемые в Великобританию, стали уделять больше внимания судам, отправляемым в обратный рейс. К концу апреля только 7% судов, отправляемых из Великобритании, погибло в пути по сравнению с 18% судов, шедших с грузом в Англию. В дальнейшем число потопленных судов в обратных рейсах быстро повысилось, а потери судов, шедших в Великобританию, снизились".

В ответ на это мы приняли меры для конвоирования шедших из Великобритании судов. Это потребовало дополнительного напряжения со стороны команд истребителей. Цитируемый отчет гласит:

„Командам истребителей приходилось очень тяжело работать. Некоторые офицеры не вынесли постоянного напряжения; вследствие этого по мере приближения зимы потери стали увеличиваться“.

„К концу октября 1917 г. было приведено в Англию под конвоем 99 раз в общей сложности 1 520 пароходов с общим водоизмещением в 10 656 300 тонн при потере 0,66%, или 10 судов, потопленных во время конвоирования. Число судов, потопленных вследствие того, что они отстали от конвоя благодаря плохой погоде или неповиновению их капитанов, равнялось 14. Таким образом общее количество потерь, включая эти суда, равнялось лишь 1,57%. Дальнейший опыт привел к тому, что потери судов, сохранивших связь с конвоем, сравнялись с общими потерями, так как капитаны торговых судов все более убеждались в том, что безопасность парохода зависела от связи с конвоем. К моменту подписания перемирия потери составили 0,78% по отношению к судам, сохранившим связь с конвоем; общие потери равнялись 1,13%, включая сюда и те суда, которые потеряли связь с конвоем“.

. . . .

„Это означало, что потопленные суда по большей части не принадлежали к числу больших пароходов, отправлявшихся назад с грузом, а были небольшими судами каботажного плавания, кораблями, шедшими с балластом в Кардиф, или судами, направлявшимися в порт для участия в конвое“.

. . . .

„Другим существенным изменением, вызванным системой конвоя, было почти полное исчезновение статистики судов, „потопленных орудийным огнем“, между тем как до августа — сентября 1917 г. число судов, потопленных таким образом, составило большой процент общих потерь.

Статистические данные о потерях английских судов показывают, что за пять месяцев — с апреля по август — потери судов на расстоянии более 50 миль от берега равнялись 175, или в среднем 35 в месяц; между тем за период с октября по декабрь потери судов на том же расстоянии от берега равнялись всего 6, из них 4 было потоплено в сентябре“.

Нас более всего обнадеживало то обстоятельство, что благодаря этому успеху безопасность храбрых моряков, рисковавших своей жизнью во имя родины, значительно возросла.

„Таким образом удалось спасти большое количество людей. При новой системе, даже если пароход становился жертвой минной атаки и матросы должны были садиться в шлюпки,

они редко оказывались на расстоянии большем, чем 10 или 20 миль от берега; таким образом они меньше, чем в полчаса, могли получить помощь судов береговой охраны. Это было совсем другое дело, чем те ужасы, с которыми морякам приходилось сталкиваться в течение первой половины 1917 г., когда неприятель пускал ко дну пароходы в 200 и 300 милях от берега и когда большинство тех, кому удавалось попасть в шлюпку, умирало от истощения, прежде чем достигнуть берега и прежде чем их удавалось подобрать.

Кроме того так была почти совершенно устранена опасность, что капитан или старший механик могут быть взяты в плен командой субмарины. Немцы стали прибегать к таким мерам, для того чтобы подорвать дух моряков. Следует поставить в заслугу морякам нашего торгового флота, что они так долго выносили этот риск, не имея никакой возможности ответить врагу. Другой вопрос — надолго ли хватило бы отваги наших славных моряков, если бы система конвоирования не изменила условия мореходства".

. . . .

„Вызванные системой конвоирования изменения в тактике бошей также значительно увеличили возможность спасения судов, подвергшихся минной атаке...

В первые дни конвоирования важнее всего было добиться доведения судов и грузов до порта. Хотя департаменту конвоирования были представлены многие более или менее точные расчеты (один очень подробный расчет был составлен немцами и опубликован в их печати), которые показывали, что вызываемое конвоированием промедление приводит к уменьшению общих размеров импорта, было ясно, что всякое „наличное" судно, пусть даже медленно двигавшееся по морю, было лучше, чем пароход, находящийся в морской пучине, независимо от того, как быстро этот пароход пошел ко дну.

Когда система конвоирования уже полностью зарекомендовала себя и опыт показал, где и каким образом возникала задержка в отправке судов, были приняты меры к устранению всех обнажившихся дефектов. Прежде всего была налажена отправка под конвоем более быстроходных судов" *.

Система конвоирования при одновременном вооружении торговых судов и применении новых средств борьбы с субмаринами, охота за ними и их уничтожение дали нам возможность разрешить проблему подводной войны. Страна была спасена от этой смертельной угрозы. Но всякая система не может быть успешной, если нет достойных ее людей. Никакие похвалы не будут преувеличением, чтобы отдать должное смелости и отваге офицеров и моряков тех судов, которые конвоировали наши корабли во всех опасных зонах; ни-

* Извлечение из цитированного выше отчета министерства судоходства

какие похвалы не могут полностью оценить заслуг тех, на чью долю выпала охота за пиратами, скрывавшимися в морских глубинах, и истребление их. Но среди всех тех, кто бескорыстно и самоотверженно отдавал свою жизнь родине для преодоления угрозы подводных лодок, никто не заслуживает бо́льших похвал, чем храбрые и достойнейшие моряки и рыбаки торгового флота. Только благодаря их уменью нам удалось обмануть расчеты германского адмиралтейства.

Неприятель без сомнения рассчитывал на то, что кампанией террора ему удастся заставить наших моряков отказаться от мореплавания. Нельзя найти другого объяснения многочисленных случаев жестокости и зверств, которые проводились повидимому по прямому приказу германского командования по отношению к беззащитным морякам, после того как их суда были пущены ко дну. Стрельба по незащищенным лодкам в море и их потопление, торжествующие заявления в печати о судах „spurlos versenkt“, потопленных без следа, о гибели целых пароходных команд — все это имело целью подорвать дух британских моряков и воспрепятствовать тому, чтобы они заключали контракты на плавание. Но в этой области германский военный флот совершенно не имел успеха.

Я вспоминаю встречу со старым капитаном на борту парохода, на котором я возвращался из Франции во время войны после одной из союзных конференций. Я спросил, как он попал сюда, и старый морской волк сказал мне, что его корабль только что погиб от мины. Оказалось, что он в шестой раз пережил такой инцидент и теперь направляется назад в Ливерпуль, чтобы взять на себя командование новым пароходом и вновь столкнуться лицом к лицу с опасностью.

В письме от 25 октября 1917 г. покойный Гавелок Вильсон, секретарь Национального союза моряков и пожарных, писал мне:

> „У нас в союзе есть много моряков, которые уже пять или шесть раз побывали на потонувших судах; однако каждый из них немедленно по прибытии домой искал случая заключить контракт на новое плавание. Я слышал, что один моряк, семь раз переживший потопление своего корабля, теперь вновь находится в плавании. Я слышал также о том, что многие моряки по возвращении в порт после гибели парохода, на котором они работали, не дожидались получения из союза 4—5 фунтов стерлингов, причитавшихся им на основании устава в случае катастрофы на море (эти претензии мы всегда разрешаем в течение 48 часов), а немедленно вновь отправлялись в путешествие. У многих тысяч моряков это повторялось по нескольку раз; по возвращении в порт эти моряки имели право на получение денег за два или три подобных случая.
>
> Многие моряки прошлой зимой вынесли немало страданий в открытых лодках; многим из них пришлось затем сделать ампутацию рук и ног. Когда работники союза навещали этих моряков в госпиталях, все они выражали свое сожаление по

поводу того, что они больше не были в состоянии служить королю и отечеству.

Я сам поддерживаю тесный контакт с членами союза и не встретил еще ни одного моряка, который побоялся бы вновь столкнуться с опасностью в море; каждый моряк хорошо понимает, как важно поддерживать плавание, для того чтобы снабжать всем необходимым население Британских островов, британскую армию и флот".

Насколько серьезны были опасности, связанные с мореходством, явствует из сведений о потерях в личном составе военного и торгового флота. Общее число убитых и скончавшихся от ран офицеров и моряков военного флота, в том числе моряков военных судов, команды воздушных судов военного флота и всех вспомогательных судов и учреждений составило 22 811 человек. Сюда входит значительное число рыбаков и моряков торгового флота, которые были взяты на военную службу во флот и получали содержание от казны. Если сюда прибавить смерть от других причин, общее число потерь достигнет 34 654 человек; число потерь в британском торговом флоте с 4 августа 1914 г. до 11 ноября 1918 г. равнялось 15 313 морякам. По отношению к общему количеству моряков военного флота потери составили 5,41%. В торговом флоте потери достигли 7,5%. Таким образом работа в торговом флоте была связана с гораздо бо́льшими опасностями, чем в военном флоте. Но, как свидетельствует Гавелок Вильсон, оставшиеся в живых снова были готовы во имя службы родине поставить на карту свою жизнь в самых опасных морских зонах. Наши моряки шли на свою работу, не ожидая ни чинов, ни орденов, подобно солдатам нашей сухопутной армии и матросам военного флота; нашим триумфом над подводными лодками мы обязаны больше всего храбрости наших моряков.

В 1918 г. наши потери от неприятельских подводных лодок и мин значительно уменьшились по сравнению с огромными потерями весной 1917 г.

Нижеследующие цифры дают представление об общих потерях тоннажа в результате действий неприятеля:

Годы	Общие потери (в тоннах брутто)
1914	252 738
1915	885 471
1916	1 231 867
1917	3 660 154
1918	1 632 228

По месяцам уменьшение наших потерь может быть проиллюстрировано следующими данными за 1917—1918 гг. Потоплено судов (в больших тоннах):

1917 г.	Январь	153 899	1918 г. Январь	173 387
	Февраль	310 868	Февраль	213 045
	Март	352 344	Март	199 426
	Апрель	526 447	Апрель	214 426
	Май	345 293	Май	179 395
	Июнь	398 773	Июнь	143 639
	Июль	359 539	Июль	163 801
	Август	331 370	Август	143 944
	Сентябрь	186 647	Сентябрь	129 483
	Октябрь	261 873	Октябрь	56 330
	Ноябрь	175 194	Ноябрь	15 352
	Декабрь	257 807		

Этим цифрам наших потерь мы можем противопоставить цифры нашего нового строительства. В следующей таблице приведены данные о постройке британских торговых судов во время войны.

Общий тоннаж спущенных на воду судов вместимостью в 100 и более тонн

Годы	В тысячах больших тонн
1914	1 706
1915	664
1916	630
1917	1 229
1918	1 579

Вплоть до применения новой системы конвоирования наши потери возрастали из месяца в месяц. Так как число германских подводных лодок крейсерского типа еженедельно увеличивалось и приближалась весна с ее более длинными днями, у нас были все основания опасаться дальнейшего роста потерь наших торговых судов. Вместо этого произошло уменьшение потерь. Наконец потери были доведены до такого уровня, который приближался к цифре нового строительства.

К концу войны наше судостроение почти достигло цифры наших потерь; мировое судостроение, включая огромное строительство в США, значительно превысило эти потери. Затем сказались мероприятия, имевшие целью лучшую организацию нашего мореходства. Реорганизация морского транспорта позволила лучше использовать суда, и поэтому статистические данные о потерях уже не отражали всей картины. Наш импорт во второй половине 1917 г. составлял в среднем 2 968 тысяч тонн, а в июне — октябре 1917 г. при значительно меньшем тоннаже мы импортировали в среднем 3 002 тысячи тонн в месяц. В главе, посвященной деятельности министерства морского транспорта, я расскажу о том, как было организовано более эффективное использование тоннажа. Это была величайшая борьба, которую Англия когда-либо вела на море, — величайшая и по масштабу, и по интенсивности, и по значению. Тысячи судов были вовлечены в эту борьбу, начиная с больших дредноутов и кончая самыми скромными сторожевыми судами, от величественных линейных судов до потрепанных судов-бродяг и смелых маленьких трале-

ров; даже яхты принимали участие в борьбе. Бой происходил на всех океанах, на всех торговых путях. Никогда искусство, смелость и выносливость британских моряков не выдерживали такого испытания; никогда превосходство британского мореходства не было доказано с таким триумфом. Моряки Британии изорвали в клочья сеть, в которую Германия пыталась поймать союзников. Они не сдались на милость прусского оружия.

Величайшая победа союзников в 1917 г. заключалась в постепенной ликвидации угрозы подводных лодок. В этом заключалось решение вопроса о победоносном окончании войны, так как морской фронт оказался наиболее существенным из всех фронтов. На этом фронте победа принадлежала союзникам, или, вернее, Британии. В тот момент, когда война стала борьбой на истощение, которая лишь в дальнейшем предусматривала уничтожение всей неприятельской системы внешней обороны, а не борьбой, имевшей целью военный разгром противника в открытом бою, море неизбежно стало решающим фактором. Для победы над Германией необходимо было одно из двух условий: 1) ослабление ее союзников; 2) подрыв боевого духа Германии в результате блокады. Что касается первого условия, то Германия эффективно применяла это средство против нас. Наши союзники сдавались один за другим. Что же касается второго условия, то здесь, несмотря на то, что Германия наносила жестокие удары нашим союзникам, выбив в конце концов из строя четырех из них, тем не менее мертвая хватка британского флота, взявшего Германию за горло, постепенно лишила ее возможности дышать. Для нас важнее всего было, чтобы наша армия не была разбита врагом раньше чем на ее долю не выпадет нанесение окончательного удара обессиленному неприятелю.

Неудачи союзного наступления на Сомме, при Шмен де Дам и на побережье Фландрии не принесли окончательной победы Германии. Но неудача Германии в ее стремлении уничтожить союзное мореходство привела непосредственно к окончательному краху Германии в 1918 г. Усилия Германии блокировать Англию потерпели к концу 1917 г. полную неудачу вследствие роста наших успехов в защите британского мореходства, в строительстве новых судов, в использовании имеющегося у нас тоннажа и в осуществлении планов расширения производства продуктов питания внутри страны. Потери союзников все еще были значительны, но в конце 1917 г. мы уже знали, что германская попытка блокады Англии потерпит неудачу. С другой стороны, наша блокада постепенно подрывала дух германского народа. Немцы еще не голодали, но им уже нехватало некоторых важных продовольственных припасов. Многих предметов роскоши и просто удобств у них давно уже не было. Даже германские солдаты на фронте начали на себе ощущать результаты блокады. Германский солдатский паек уже был меньше того пайка, который выдавали своим солдатам мы. В сухопутной войне центральные державы в 1917 г. имели большие преимущества, но им не удалось одержать окончательной победы. На море центральные державы были

разбиты, и это поражение было решающим. Союзники имели только одну возможность довести на суше войну до победного конца — это разгром Австро-Венгрии, а затем изоляция Германии. Когда это им не удалось, союзники должны были только обороняться на суше, ждать, пока блокада не выполнит своей ужасной задачи, пока не подоспеют американцы, и тогда только приступить к окончательному разгрому ослабленного врага. Генерал Петэн был первым полководцем, понявшим задачи союзников. Пока задача морской блокады медленно и постепенно делала свое дело, союзники на суше ставили себе две важных цели. Одна из этих задач заключалась в том, чтобы сдерживать немцев на западном фронте; другая — чтобы организовать такое сопротивление на восточном фронте, которое могло бы помешать центральным державам прорваться к житницам и нефтяным источникам России. Центральные державы были осаждены. Нам предстояло отбивать их вылазки, до тех пор пока недостаток припасов не заставит осажденных сдаться. В этом заключалось подлинное значение фактического поражения подводных лодок.

Глава сорок первая

ВООРУЖЕНИЕ ТОРГОВЫХ СУДОВ

Вооружение пушками торговых судов во время войны практиковалось уже давно. В прежние годы большие суда обычно и в мирное время имели на борту орудия для защиты против пиратов. Во время наполеоновских войн, особенно после того как поражение при Трафальгаре окончательно уничтожило морское могущество Франции, большинство британских судов было вооружено пушками для защиты против французских крейсеров, которые плавали по морям, нападая на британские торговые суда.

Во время великой войны вооружение торговых судов пушками произошло лишь постепенно: нам недоставало пушек. Адмиралтейство начало с вооружения некоторых судов, занятых наиболее важными перевозками, как например доставкой военных материалов из Америки в 1915 г. Установка пушек на таких судах участилась по мере усиления производства орудий. Но значительные требования армии позволяли оставлять лишь небольшое число орудий для торговых судов. По мере того как учащались германские воздушные налеты, требования на пушки для обстрела самолетов и дирижаблей приходилось удовлетворять в первую очередь за счет других (в том числе и морских) требований на небольшие орудия.

К осени 1916 г. орудиями было снабжено значительное число судов, занятых на наиболее опасных рейсах.

На 1 января 1917 г. только 1 337 наших торговых судов были вооружены пушками. Из судов, потопленных неприятелем в 1916 г., было вооружено всего 83.

Согласно „Официальной истории войны“, „во время кампании 1915 г. германским субмаринам не удалось потопить ни одного торгового парохода, обладавшего оборонительным вооружением. Вплоть до августа 1916 г. вооруженные торговые суда погибали в небольшом количестве“. Летом 1916 г. немцы начали строить большие подводные лодки крейсерского типа. Осенью этого года статистические данные показывали, что командиры подводных лодок начали преодолевать затруднения, которые они испытывали ранее при нападении на вооруженные торговые суда. „В декабре 1917 г. было потоплено 12 торговых судов с оборонительным вооружением, а в январе 1917 г.

их число увеличилось до 20. Заслуживает быть отмеченным, что из числа торговых судов, которые избежали своей участи при столкновении с субмаринами, 9 или 10 уцелели благодаря своей артиллерии...“. К осени 1916 г. вооружение торговых судов оказалось весьма полезным для отражения артиллерийского нападения со стороны старых подводных лодок. Однако большие субмарины, которые начали применять немцы, благодаря дальнобойности своих орудий относительно легко перекрывали мелкокалиберную артиллерию торговых судов. К тому же слишком немногие из наших судов были вооружены.

Весной 1916 г. возник некоторый риск осложнений с Америкой в связи с вооружением таких судов. 18 января 1916 г. президент Вильсон, исходя из доброго намерения устранить ужасы подводной войны, обратился к воюющим сторонам с одной из своих нот, в которой предлагал вести подводную войну „согласно с нормами международного права и принципами гуманности...“. Субмаринам предлагалось не топить пароходы, не обеспечив заранее безопасности всех находившихся на борту парохода людей, и не нападать на суда, если последние не пытались спастись бегством или сопротивляться. С другой стороны, судам предлагалось останавливаться по требованию подводных лодок, и в этих целях воспрещалось вооружение торговых судов. Вильсон даже намекал, что Америка могла начать рассматривать все торговые суда, обладавшие вооружением на борту, в качестве вспомогательных крейсеров, которые подлежат интернированию в нейтральном порту. Эта нота была не приемлема для Англии и встретила оппозицию даже в США, где сенаторы Лодж и Стерлинг горячо отстаивали право торговых судов вооружаться с целью обороны в согласии с традициями морской войны. Итак угроза возражений со стороны Америки против вооружения торговых судов была устранена, и всякая опасность того, что эта угроза возродится, исчезла вовсе, когда в марте 1916 г. германская подводная лодка № 29 потопила без предупреждения пассажирский пароход „Суссекс“ с 380 пассажирами, в том числе несколькими американскими гражданами. Быстрый рост числа потопленных торговых судов подводными лодками в конце осени 1916 г. заставил военный комитет уделить особое внимание вопросу об ускорении вооружения наших судов. Полное тревоги письмо сэра Джона Джеллико премьеру сыграло важную роль в поднятии этого вопроса. На заседании 31 октября 1916 г. военный комитет решил рассмотреть весь этот вопрос через два дня с участием самого Джеллико и предложил адмиралтейству представить военному комитету за это время „статистические сведения о наших потерях от подводных лодок по месяцам, а также соответствующие данные об оборонительных мероприятиях против нападения со стороны подводных лодок с учетом числа установленных на борту торговых пароходов пушек“.

Протокол заседания военного комитета от 2 ноября 1916 г. с участием адмирала Джеллико гласил:

> „Военный комитет придерживается того мнения, что проблема защиты морского транспорта и сохранения тоннажа

является одним из важнейших вопросов, стоящих в данное время перед союзниками...

Адмирал сэр Джон Джеллико в полном согласии с адмиралтейством полагал, что, как явствует из статистических данных, представленных военному комитету, оборонительное вооружение торговых судов представляет в настоящее время наиболее эффективный способ защиты торговых судов против субмарин вне зависимости от того, какие меры защиты могут быть изобретены в дальнейшем. Представители адмиралтейства уведомили военный комитет, что для этой цели необходимы 3 тысячи пушек до 12 фунтов и выше, предпочтительно четырехдюймовых. Эта оценка основана на том, что суда, направляющиеся в продолжительный рейс, могли бы заходить в некоторые удобно расположенные порты для погрузки или разгрузки своего вооружения в зависимости от того, заходят ли они или покидают опасную зону. 500 орудий заказано в Америке и 240 должны быть получены из Японии, но в настоящее время на судах фактически устанавливается лишь около 80 пушек в месяц".

При таких темпах половина наших торговых судов могла быть затоплена, прежде чем другая половина была бы вооружена.

Министр военного снаряжения сообщил, что он интересовался возможностью получения дополнительных орудий для этой цели из Америки и взял на себя обязательство произвести дальнейшее обследование этого вопроса. Было решено, что в ближайшее время должно состояться по этому вопросу совещание специалистов министерства военного снаряжения и адмиралтейства, так как, по мнению военного комитета, увеличение производства этих орудий являлось вопросом первоочередного значения.

В результате междуведомственного совещания было предложено поручить вооружение торговых судов адмиралтейству, военному ведомству и министерству военного снаряжения, причем ответственность и инициатива в этой области должны были оставаться за адмиралтейством.

На другом заседании военного комитета, 13 ноября, было принято следующее решение: Принимая во внимание, во-первых, что возможность для союзников продолжать войну могла быть значительно ослаблена дальнейшими потерями торговых судов, и, во-вторых, учитывая уже имеющиеся и вновь поступающие доказательства значения артиллерийских орудий для обороны торговых судов против нападения субмарин, военный комитет вынес принципиальное решение о том, что вооружение наших торговых судов в количестве, которое адмиралтейство находит необходимым, должно считаться первоочередной военной задачей.

Повидимому эти решения не были немедленно претворены в действие, комитет ограничился лишь установлением принципа.

Меньше чем через четыре недели после этого заседания военного комитета было создано второе коалиционное правительство. За

дело вооружения торговых судов взялись с новой энергией. В своей книге „Кризис морской войны“ лорд Джеллико пишет:

„Оборонительное вооружение торговых судов проводилось с большой энергией и быстротой в течение 1917 г. Этот вопрос был поднят кабинетом немедленно после создания новой адмиралтейской коллегии во главе с сэром Эдуардом Карсоном, и были приняты меры для получения значительного количества орудий от английского военного ведомства, а также из Японии и Франции; помимо того на торговых судах были установлены некоторые орудия, снятые с второстепенных судов нашего военного флота и истребителей, главным образом старого типа, на то время, пока не будет произведено значительное количество пушек для этой цели.

Военный кабинет рассматривал этот вопрос 20 декабря 1916 г. после соответствующей дискуссии между военным ведомством, адмиралтейством и министерством военного снаряжения. Цифры, представленные кабинету, показывали, что вооружение таких судов имело реальное значение и что, несмотря на большие потери от подводных лодок в течение трех последних месяцев, 66% всех вооруженных торговых судов, которые подверглись атаке субмарин, благополучно ее избегли“.

Вскоре после образования моего министерства было решено предложить армии отказаться от части своих заявок на вооружение, для того чтобы позволить адмиралтейству предоставить несколько сот четырехдюймовых орудий и гаубиц военному флоту. Так как это даже в отдаленной степени не отвечало спросу, министру военного снаряжения были предоставлены полномочия для дальнейшего увеличения производства орудий для торговых судов.

Но производство этих новых орудий должно было отнять некоторое время, между тем как дело не терпело отлагательства; поэтому военное ведомство согласилось тотчас же передать адмиралтейству значительное количество 15-фунтовых 4,7-дюймовок.

Кабинет одобрил приостановку производства 724 пушек и гаубиц для армии и вместо этого разрешил производство большого количества четырехдюймовых орудий для вооружения торговых судов; военному министерству, адмиралтейству и министерству военного снаряжения было поручено немедленно подготовить план покрытия требований адмиралтейства на орудия для торговых судов к апрелю 1917 г. Это решение весьма показательно: военный кабинет в это время считал вопросы морского транспорта наиболее срочными.

Представители указанных трех ведомств встретились в тот же день и 29 декабря представили военному кабинету ряд предложений; они договорились между собой о выполнении большей части этих предложений.

Мы также немедленно занялись вопросом не только о вооружении наших торговых судов, но и об увеличении дальнобойности орудий на наших судах. Как я уже указывал, этот вопрос был поднят

адмиралом Джеллико на заседании военного комитета в ноябре 1916 г.; представители адмиралтейства сообщали, что для торговых судов необходимы были пушки 3-фунтовые, 12-фунтовые и выше, предпочтительно четырехдюймовки. Но орудия, которые были заказаны для этой цели, доставлялись лишь в количестве 80 в месяц, а этого было явно недостаточно. Необходимо было ускорить доставку более тяжелых и дальнобойных орудий для наших торговых судов.

Следующие цифры дают представление об успехах мероприятий по вооружению торговых судов.

С начала великой войны и до 9 декабря 1916 г., т. е. до того момента, когда состоялось первое заседание моего нового военного кабинета, общее число вооруженных торговых судов составляло 1 195. К 1 января 1917 г. их число было увеличено до 1 420, из которых 83 были потоплены. Следующая таблица дает представление об увеличении вооружений в течение 1917 г.:

Число английских торговых судов, вооруженных пушками и гаубицами

1 января 1917 г.	1 420
1 апреля »	2 181*
1 июля »	3 001
1 октября »	3 763
1 января 1918 г.	4 407

Для вооружения больших пароходов было доставлено значительное количество гаубиц. Так в течение одного года число вооруженных торговых судов было увеличено более чем втрое, и калибр вооружения был значительно повышен. Таким образом удалось усилить безопасность конвоя и одновременно повысить риск для самих подводных лодок при нападении на наши суда.

* С этого времени на судах устанавливались более тяжелые орудия, для того чтобы справиться с мощными орудиями, которые были установлены на субмаринах крейсерского типа; многие вооруженные пароходы пришлось для этой цели перевооружить.

Глава сорок вторая

ОРГАНИЗАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА СУДОХОДСТВА

Когда началась война, Великобритания обладала огромным превосходством в области торгового мореплавания. В начале 1914 г. под британским флагом находилось около 40 тысяч судов всякого рода. Сюда входили также мелкие суда — тралеры, шхуны, рыболовные суда, яхты, буксирные пароходы, лихтеры и т. д., которые оказались небесполезны во время войны. В Великобритании и британских доминионах было зарегистрировано 10 123 торговых парохода водоизмещением более 100 тонн каждый, общим тоннажем в 20 500 тыс. тонн. Англии принадлежало более половины всего мирового тоннажа.

Шаг за шагом, по мере того как продолжалась война и возрастали обязательства британского правительства по снабжению и усилению наших армий, по мере того как ввоз товаров за правительственный счет количественно возрастал, а требования союзников на наши суда становились все значительнее, по мере того как набеги германских подводных лодок сокращали тоннаж, наконец по мере того как свертывалось судостроение на наших верфях, контроль правительства над мореходством неминуемо должен был расшириться; становилось все более необходимым согласовать деятельность различных контролирующих мореходство организаций в одном ведомстве.

В первое время войны бóльшая часть задач, выполнявшихся правительством в области мореходства, выпадала, как и следовало ожидать, на долю адмиралтейства. Транспортный департамент адмиралтейства нес ответственность за фрахтование судов, необходимых для перевозки наших войск во Францию, Египет и затем в Дарданеллы и для перевозки требовавшегося для войск продовольствия, военного снаряжения и подкреплений. Расширение сферы морской войны потребовало широкой реквизиции небольших кораблей в качестве вспомогательных судов для несения сторожевой службы, вылавливания мин и службы связи. В течение первых десяти месяцев войны около 1 720 яхт, тралеров, шхун и моторных лодок было взято в качестве вспомогательных судов для несения службы в отечественных водах.

Сверх того некоторое количество торговых судов было превращено в вооруженные вспомогательные крейсеры.

Следует однако сказать, что хотя нам и принадлежала весьма значительная доля мирового тоннажа, все же, когда началась война, он оказался недостаточным для обслуживания собственных нужд Англии, главным образом потому, что наш тоннаж обслуживал и другие государства. Одна треть внешней торговли Англии обслуживалась иностранными пароходами. Из товаров, ввезенных в Англию в 1913 г., только 65% было импортировано на британских судах. Таким образом проблема морского транспорта осложнилась сразу с двух сторон.

Рассмотрим прежде всего причины значительного увеличения спроса на тоннаж, связанного с войной. Возникла огромная и все время возраставшая трудность в перевозке людей, животных и всякого рода припасов из Англии на различные театры военных действий. Как и во всех других организациях, обслуживающих армию, задачи морского транспорта для армии вышли далеко за пределы первоначальных предположений. К концу 1914 г. 946 тысяч человек было перевезено из Соединенного королевства за море и обратно. К концу 1915 г. эта цифра увеличилась до 4 миллионов, к концу 1916 г. — до 9 миллионов, к концу 1917 г. — до 16 миллионов и к моменту перемирия — до 24 миллионов. За все время войны вплоть до ноября 1920 г. общее число войск и военнослужащих, перевезенных на различные фронты, включая Францию, Галлиполи, Египет, Месопотамию и др., из Англии и обратно, из Индии и доминионов и колоний и обратно, составило 28 719 315 человек. Сюда следует прибавить еще ряд других категорий перевозок:

Войска и военнослужащие	28 719 315
Больные и раненые	3 221 992
Санитары и гражданские лица	929 521
Беженцы	133 510
Военнопленные	336 398
Итого перевезено людей	33 340 736
Лошадей, мулов и других животных	2 400 654
Автомобилей и экипажей	553 829

К этому огромному количеству людей следует прибавить продовольствие и военное снаряжение для войск. До дня перемирия было перевезено 49 миллионов тонн, что равно водоизмещению в 122 миллиона тонн. В последние месяцы войны ежедневные отправки продовольствия для нашей армии во Франции составляли 90 тысяч тонн.

Интересно отметить, какие многообразные перевозки приходилось осуществлять за счет армии. Так например мы отправили большое количество верблюдов. Один раз нам пришлось отправить один очень забавный политический груз, связанный с нашими военными операциями. Речь шла о предоставлении корабля для перевозки „священного ковра“ и мусульманских паломников в Джедду для их ежегодного паломничества в Мекку. Единственным кораблем, которым мы располагали для этой цели в этот момент, был бывший германский пароход. Мы считали нежелательным пользоваться кораблем,

имевшим немецкое название, и поэтому название парохода было торжественно изменено. В результате ничего страшного не произошло. Так было опровергнуто одно из суеверий моряков.

Другой задачей нашего морского транспорта, связанной с войной, был импорт из-за границы сырья, необходимого для производства военного снаряжения. Нам приходилось снабжать наших союзников снаряжением и сырьем для производства военных материалов, а также многими товарами широкого потребления, которые они прежде получали из тех стран, с которыми мы ныне находились в состоянии войны, или, как Франция, из тех провинций, которые были заняты неприятелем. Большинство угольных копей и железных рудников Франции находилось в руках неприятеля, и ей приходилось ввозить из-за моря бо́льшую часть необходимого ей угля и железа. Франция пользовалась для своих нужд примерно 1 миллионом тонн брутто английских судов, и 43% ее импорта перевозилось на британских судах. 50% ее угольного импорта (1 600 тысяч тонн в месяц), а также бо́льшая часть импортируемого зерна перевозились на английских судах. Кроме того, применяя по отношению к нейтральным судам запрет предоставлять бункерный уголь, мы заставили 400 тысяч тонн брутто нейтрального тоннажа обслуживать нужды Франции.

Во время войны Италия была лишена того угля, который она ранее получала от Германии и Австро-Венгрии. Недостаток в угле должен был быть покрыт за счет морского подвоза из Англии. Около 500 тысяч тонн брутто британского тоннажа обслуживало потребности Италии; около 45% ее импорта и около 75% ее угольного импорта перевозилось на британских судах. Запретив предоставление бункерного угля, мы заставили 300 тысяч тонн нейтрального тоннажа обслуживать нужды Италии.

В то время как наш морской транспорт вынужден был обслуживать целый ряд дополнительных нужд, тоннаж его благодаря войне значительно сократился. Германский торговый флот, второй в мире, был закупорен в германских портах или интернирован в нейтральных гаванях, не считая тех судов, которые были захвачены нами. Неприятельские действия на море, будь то действия подводных лодок, мин или крейсеров, постепенно сокращали наличный торговый флот союзников и нейтральных стран. Судостроение в части торгового флота значительно сократилось, вследствие того, что нашим верфям приходилось удовлетворять растущие требования на постройку военных судов; министерство торговли в свою очередь не позаботилось во-время о том, чтобы обеспечить интересы торгового судостроения, воспрепятствовав набору в армию квалифицированных рабочих с верфей или сохранив достаточное количество мест на верфях для постройки судов торгового флота. Более того, по мере того как возрастал спрос на торговые суда, а наличный тоннаж сокращался без всяких видимых перспектив на пополнение, остающиеся суда по условиям войны оказывались не в состоянии совершать обычное число рейсов. Необходимость принятия мер предосторожности для обхода опасных зон, что влекло за собой отклонение от

обычного пути или в противном случае риск потопления неприятельским крейсером или подводной лодкой, сделала рейсы гораздо более продолжительными; таким образом перевозки, которые могли быть осуществлены при помощи данного тоннажа, сокращались по сравнению с довоенными расчетами. На железных дорогах также образовывались пробки, вызывавшие задержки в погрузке и разгрузке судов. В большинстве случаев эти пробки в железнодорожном движении были неизбежны, но при надлежащей работе и четком контроле они в значительной мере могли быть предотвращены.

В течение первых месяцев войны моя работа не имела прямого отношения к проблемам, возникавшим в связи с растущими требованиями на наш морской транспорт. Единственным серьезным мероприятием, за которое мне пришлось нести некоторую ответственность, был план страхования от военного риска, который был введен в действие в начале августа 1914 г.

Это было одно из тех финансовых мероприятий, которыми мне в качестве канцлера казначейства пришлось непосредственно заниматься в дни, предшествовавшие и последовавшие за объявлением войны, и о которых я уже писал в первом томе этих мемуаров. История плана страхования от военного риска может быть рассказана вкратце в нескольких словах. Незадолго до того подкомиссия Гус Джексона комитета имперской обороны работала над планом поддержания морского транспорта на случай войны путем государственного содействия страхованию от специального военного риска. Эта важная задача была выполнена незадолго перед тем, как начался военный кризис. Когда возникла угроза войны, судовладельцы и страховщики поддались панике. 30 июля 1914 г. фрахтование в североамериканских портах прекратилось, и суда, уже груженные зерном, были задержаны вследствие невозможности, за редкими исключениями, застраховать их от гибели в пути. Возникла опасность паралича всей нашей импортной и экспортной торговли, необходимой для снабжения страны продовольствием и сырьем.

Мне в качестве канцлера казначейства были сделаны по этому поводу настойчивые представления. Единственным выходом из положения могло быть принятие риска от войны на счет правительства. Необходимо было государственное вмешательство, для того чтобы восстановить доверие в данной области, как и в вопросах кредита и финансов.

В субботу 1 августа за завтраком у меня, в доме канцлера казначейства на Даунинг стрит 11, было созвано совещание, на котором присутствовали министры и чиновники всех заинтересованных ведомств. Так как наше обсуждение не привело ни к каким определенным результатам, я добился созыва специальной комиссии кабинета, на заседание которой были приглашены покойный г. Гус Джексон и сэр Раймонд Бек — оба крупнейшие специалисты по данному вопросу — для заслушания их мнения и выработки соответствующих мероприятий. Заседание комиссии состоялось в тот же день и обсуждало этот вопрос почти до полуночи, не придя ни к какому соглашению.

Было явно невозможно оставить наш морской транспорт в неопределенном положении до тех пор, пока наши политики будут спорить между собой об идеальной природе государства и пределах государственного вмешательства, способного вновь сдвинуть с места морской транспорт. Я решил поэтому, что единственным выходом из положения будет рекомендация правительству принятия уже разработанной схемы подкомиссии Гус Джексона в том самом виде, в каком она была уже представлена нам. В момент настоятельной необходимости лучше иметь не вполне хороший план, чем никакого.

Весь следующий день был посвящен разработке административных и иных мероприятий по проведению этой схемы в жизнь. Вечером ассоциация судовладельцев по вопросам военного риска была уведомлена о решении правительства, и ей было предложено представить правительственную схему членам ассоциации. В понедельник министерство торговли приняло временные меры, для того чтобы покрыть риск по отправке судов, задержанных военной опасностью. Во вторник 4 августа я разъяснил в палате общин, что было предпринято и каковы были основания для принятых нами мер, и схема была одобрена парламентом и ассоциациями судовладельцев. 5 августа, в первый день нашего участия в войне, в помещении Каннон стрит отель была открыта государственная контора страхования грузов; в ней работали чиновники министерства торговли при содействии частных страховых обществ. Наши суда начали свои рейсы повсеместно, и мои заботы в этой области были тем самым исчерпаны.

В течение последующих месяцев морской транспорт находился в непосредственном ведении адмиралтейства, военного министерства и министерства торговли.

Наиболее важным фактором в создавшемся положении был рост реквизиций судов со стороны транспортного департамента для специальных военных нужд и тем самым уменьшение тоннажа, служившего для обычных перевозок. К январю 1915 г. около 1 100—1 200 пароходов были вынуждены отказаться от своих обычных рейсов. Впоследствии, когда было создано министерство военного снаряжения, его широкие требования на тоннаж для доставки сырья заводам, работавшим на оборону и находящимся под государственным контролем, вызвали дальнейшее отвлечение судов от их нормальных путей.

Проведение блокады требовало по необходимости широкого вмешательства в морские перевозки, в особенности под нейтральным флагом; нейтральные суда подвергались строгому контролю и часто приводились в порт, где оставались до решения призовых судов по вопросу о том, является ли перевозимый ими груз контрабандой. Этот вопрос входил в компетенцию министерства иностранных дел, адмиралтейства и министерства торговли. Были назначены различные комиссии, как-то: комиссия контрабанды, комиссия экспорта из неприятельских стран, комиссия по ограничению ввоза в неприятельские страны. Эти комиссии ведали различными сторонами одной и той же проблемы. В конце концов в начале 1916 г. было созвано

специальное министерство блокады во главе с лордом Робертом Сесилем для согласования их работы и разрешения проблемы в целом.

Тем самым по необходимости расширялась ответственность правительства за наблюдение над морским транспортом.

В начале 1916 г. кабинет создал комиссию контроля над морским транспортом под председательством лорда Керзона. Эта комиссия была первым органом, которому была поручена проблема мореходства в целом. В компетенцию комиссии входило:

1) обеспечение экономии в использовании тоннажа для армии и флота;

2) установление определенного контингента тоннажа для союзников, требования которых ранее удовлетворялись безоговорочно;

3) ограничение импорта;

4) разгрузка портов;

5) судостроение.

После назначения комиссии в течение десяти месяцев не было принято действительных — или во всяком случае достаточных — мер для достижения указанных целей.

10 февраля 1916 г. эта комиссия представила доклад министру торговли г. Рансиману; в докладе указывалось, что общие потребности в тоннаже для перевозок гражданского характера выражаются в 10 328 тысяч тонн при наличном тоннаже всего лишь в 7 068 803 тонны: дефицит составлял около 3¼ миллиона тонн. Надо прибавить, что в исчислении наличного тоннажа была учтена возможность фрахтования иностранных судов. Комиссия пришла к выводу, что „положение исключительно серьезно и требует немедленных и решительных действий“. Доклад предусматривал воспрещение ввоза товаров, не имевших насущного значения. Выраженный в весе импортных товаров недостаток в 3¼ миллиона тонн судов равняется уменьшению импорта на 13 миллионов тонн, так что... импорт по весу... должен быть уменьшен более чем на 25%. В главе, посвященной импорту, мы будем иметь случай убедиться, насколько мы не выполнили этого предложения о решительном сокращении нашего ввоза.

За десять месяцев — с января по октябрь 1916 г. — общие потери торгового флота от неприятельских военных действий (главным образом от подводных лодок) равнялись 1 638 460 тоннам, считая союзные и нейтральные суда. Число потопленных судов стало быстро возрастать, после того как немцы пустили в ход подводные лодки крейсерского типа. Было ясно, что если не будет предпринято (и притом немедленно) эффективных мер, для того чтобы коренным образом изменить создавшееся положение, мы будем лишены возможности принять такое участие в войне, которое хоть сколько-нибудь обеспечит успех союзной коалиции.

В 1916 г. Рансиман выступал с крайне пессимистическими речами и указывал на предел наших конкретных возможностей продолжать борьбу. Этот предел, по его мнению, устанавливался недостатком тоннажа. Министерство торговли заявляло: „Мы исчерпали

все меры экономии в области гражданских перевозок, которые были предусмотрены нашими специалистами или членами правительства и другими министерствами". Поэтому, если не будут предприняты шаги, чтобы улучшить положение путем действительных мер борьбы с подводными лодками, путем постройки большего числа судов, лучшего использования остающегося тоннажа и т. д., то чем скорее мы взвесим вопрос о заключении мира, тем лучше. Это в значительной степени объясняло шаг Ленсдауна в пользу мира. Лорд Ленсдаун цитировал мрачные предсказания г. Рансимана в введении к своему меморандуму в ноябре 1916 г. (см. соответствующую главу предшествующего тома). Прогноз г. Рансимана был основан на цифрах, которые могли бы быть другими, если бы он своевременно принял решительные и действенные меры.

В первую неделю ноября 1916 г. Рансиман выступил перед военным комитетом с особенно мрачным отчетом о положении морского транспорта. Впоследствии он установил, что существовала опасность еще более глубокого падения транспорта сравнительно с теми цифрами, которые он приводил на этом заседании. Так, спустя несколько дней, чтобы еще больше сгустить мрачные краски своей критики, он предупредил нас, что протокол предшествующего заседания не был средактирован с той определенностью, которую он считал бы уместной для характеристики серьезности положения торгового флота. Специалисты министерства торговли заявили ему, что его указание на ожидаемый крах морского транспорта в июне 1917 г. страдает чрезмерным оптимизмом. По их мнению, крах должен наступить ранее. Он особенно подчеркивал требование дополнительного ввоза сырья для министерства военного снаряжения весом до 2 500 тысяч тонн. Это требование, говорил г. Рансиман, было сокращено вдвое. Он также обращал внимание на затруднения пшеничной комиссии, которая в этот момент не была в состоянии найти и зафрахтовать 40 судов, необходимых для доставки пшеницы из Австралии. Комиссия обратилась к фрахтовому рынку нейтральных стран, но была в состоянии зафрахтовать по сходной цене лишь 2 парохода. Еще один нейтральный пароход был предложен нашим фрахтовщикам по высокой цене в 380 шиллингов (19 фунтов стерлингов за тонну), и эту сумму пришлось заплатить. Таким образом недоставало почти 40 судов для первой партии.

Далее в ходе наших дебатов Рансиман указал, что остаток страховых премий от страхования грузов по правительственной схеме страхования от военного риска был совершенно исчерпан.

Обращаясь к вопросу о судостроении, он сказал, что положение оказалось гораздо хуже, чем он предполагал. Министерство военного снаряжения потребовало от сталелитейных заводов Южного Дюрхема, чтобы они ограничились выплавкой стали для снарядных оболочек. В результате все судостроительные верфи, зависевшие от этого источника поставок стали, должны будут закрыться вовсе, если им не удастся покрыть дефицит в стали за счет производства шотландских заводов. Он привел данные о ряде шотландских предприятий,

от которых министерство военного снаряжения потребовало снижения размеров производства стали для судостроения; от одной фирмы потребовали снижения отпуска стали с 3 тысяч до 600 тонн и от другой — с 2 тысяч до 250 тонн, а после 31 декабря им не разрешалось вовсе поставлять сталь для нужд судостроения.

Согласно протоколу заседания, после того как комитет был наводнен этими сплошными жалобами, я заметил, что положение было очень серьезно и что к разрешению проблемы следует подходить с более широкой точки зрения, чем предлагал министр торговли. Я выставил предложения о развитии сталелитейного производства в США и Канаде, о прекращении экспорта машин и о достижении соглашения с тред-юнионами по вопросу о ввозе рабочей силы из стран Британской империи.

Наиболее важным из выдвинутых мною проектов было предложение о назначении директора торгового флота, подчиненного министру торговли, с возложением на него обязанности наладить организацию:

а) торгового морского транспорта, которая гарантировала бы его наилучшее использование в интересах Англии;

б) строительства нового тоннажа в Англии и Америке.

Я закончил указанием, что, „по моему мнению, решительные меры в этом направлении совершенно необходимы и всякие менее определенные предложения ни к чему не приведут“.

Я полагал, что с того времени как верховное командование привело дело к тому, что война превратилась исключительно в войну на истощение, наш морской транспорт стал одним из наиболее важных средств, чтобы выиграть войну. Я был убежден, что нужно было сделать больше, чем могли выполнить вместе или в отдельности адмиралтейство и министерство торговли, для того чтобы вывести нас из безнадежного положения, в которое мы попали благодаря отсутствию инициативы, неумению понимать ход событий и решительно действовать. Я полагал, что вопрос об использовании нашего тоннажа был настолько важным вопросом, требовавшим самого серьезного внимания ко всякого рода мелочам в области организации рейсов, контроля портов, постройки новых судов, что эту задачу следовало поручить специальному администратору, который мог бы пользоваться услугами особого государственного учреждения.

В отношении первых двух моих предложений министр торговли заметил, что по существу они либо уже проведены в жизнь, либо не могли быть проведены в жизнь вовсе. По поводу предложения о назначении директора по вопросам торгового транспорта он уже решил пригласить одного из двух крупнейших специалистов, *которые помогут ему разгрузить себя от очень тяжелой работы, связанной с вопросами морского транспорта. Постепенно он рассчитывал передать им ответственность за это дело.* Подобное заявление свидетельствовало о непонимании срочности вопроса. Если наш тоннаж должен был иссякнуть к июню, — а адмиралтейство ручалось, что оно не имеет средств остановить наши огромные поте-

ри, — то каждый час был дорог, как дорога кровь человеку, получившему глубокие раны.

В качестве возражения против моего предложения было указано еще, что существовала уже комиссия лорда Керзона по вопросам контроля над морским транспортом. Но пришлось признать, что „вне министерства торговли не было специального учреждения, которое бы ведало постройкой дополнительных судов в Англии и Америке“.

В ответ я объяснил, что мне было хорошо известно о великолепной работе, проделанной комиссией по контролю над морским транспортом, и что эта комиссия должна была бы продолжать свою работу при осуществлении моего проекта, для того чтобы помочь новому директору; однако по моему проекту последний будет обладать исполнительной властью в таких масштабах, какие раньше считались бы совершенно недопустимыми для какого-либо отдельного лица. Я настаивал на том, что ни одна комиссия не могла удовлетворительно выполнять *административных* функций и что хотя я всецело доверял способностям и энергии председателя, последний однако не мог найти достаточно времени, чтобы одновременно ведать и морским транспортом и воздухоплаванием, так как каждая из этих областей требовала всей его энергии. Я указал, что существующая административная система во всяком случае не оберегла нас от перспективы краха уже будущим летом, нарисованной министром торговли.

Я неоднократно настаивал перед премьером и военным комитетом, чтобы было создано министерство морского транспорта и был назначен контролер по вопросам мореходства, который мог бы ведать этим сложным аппаратом. Министерство торговли сопротивлялось этому ограничению своей компетенции, а общеизвестная нерасположенность премьер-министра к смещению своих вялых, но обладающих университетскими дипломами коллег все усиливалась. Он всегда откладывал необходимое хирургическое вмешательство, если ему указывали, что менее решительные меры также помогут делу. Так шло время, и с каждой неделей наш тоннаж таял.

При первом коалиционном правительстве ничего не было сделано для проведения подлинной и действительной реорганизации и для осуществления контроля в области морского транспорта. Необходимость разрешения этой проблемы была одним из наиболее сложных вопросов, доставшихся в наследство новому правительству. Я знал, что это была задача, которую мог разрешить только человек большого практического ума и испытанных способностей. Я считал положение морского транспорта настолько серьезным, что как только мне было поручено королем составление нового правительства, я, не дожидаясь заполнения важнейших правительственных постов, предложил известному в Глазго судовладельцу, пользовавшемуся прекрасной репутацией, сэру Джозефу Маклею, занять место контролера по вопросам морского транспорта; мой выбор получил полное одобрение г. Бонар Лоу. Я ни разу ранее не встречался с Маклеем, но так как г. Бонар Лоу хорошо знал его и был высокого мнения о

его способностях и моральных качествах, я позвонил Маклею по телефону в его контору в Глазго в первый же день моего пребывания на посту премьера. Разговор был плохо слышен, и я пригласил сэра Джозефа Маклея приехать ко мне в Лондон. Он отправился в Лондон в тот же день и явился ко мне на следующее утро в военное министерство (я еще не переехал из военного министерства на Даунинг стрит). Я обратился к нему с предложением занять пост контролера морского транспорта.

С присущей ему скромностью сэр Джозеф Маклей отклонил мое предложение, заметив, что, по его мнению, на этот пост следует пригласить человека, обладающего бо́льшим опытом и влиянием. Мне совместно с г. Бонар Лоу пришлось убеждать сэра Джозефа Маклея в том, что именно он является человеком, подходящим для этого поста, и поэтому должен, пусть даже против воли, дать нам свое согласие. Мы имели все основания гордиться тем, что оказали на него давление, так как ни один министр не служил так успешно своей стране в момент опасности. На следующее утро 9 декабря 1916 г. на первом заседании военного кабинета я уведомил членов кабинета, что сэр Джозеф Маклей будет назначен контролером морского транспорта. Пока проект образования министерства морского транспорта не получит законодательной санкции, сэр Джозеф Маклей будет председателем комиссии контроля мореходства, но ему должны быть предоставлены самые широкие полномочия, которые он по ознакомлении с делом сам предложит.

Военный кабинет поручил секретарю кабинета предложить адмиралтейству и министерству торговли оказывать сэру Джозефу Маклею необходимую помощь и содействие.

Новое министерство было создано согласно новому закону о министерствах и министрах, получившему королевскую санкцию 22 декабря 1916 г. Но новый министр морского транспорта не дожидался этого события. Хотя, как он впоследствии мне признался, он чувствовал себя, приняв назначение, „одним из самых несчастных людей в Лондоне“, тем не менее в тот же вечер он вызвал на совещание в свой отель двух судостроителей и договорился с ними о немедленном созыве судостроительной ассоциации, чтобы убедить ее в необходимости постройки большего числа судов, столь важной в интересах страны в настоящий момент. Он тотчас же установил контакт с комиссией контроля над мореходством, которую должно было заменить новое министерство. Лорд Керзон, бывший председатель комиссии, должен был при всех условиях подать в отставку, для того чтобы войти в мой военный кабинет; из состава комиссии вышел еще один член — лорд Фаррингдон. Но другие три члена комиссии — сэр Томас Ройден, сэр Кеннет Андерсон и г. Фред Льюис, трое наиболее способных судовладельцев в мире — согласились сотрудничать с Маклеем над созданием новой комиссии и затем работали с ним в теснейшем контакте, отдаваясь всецело стоявшей перед ними задаче.

Так как необходимо было, чтобы новый контролер и его сотруд-

ники находились в постоянном контакте с морскими учреждениями, министерству морского транспорта было в конце концов предоставлено помещение в новых домах, выстроенных на скорую руку на единственном свободном участке близ адмиралтейства — на месте озера в Сент-Джемском парке, которое было осушено для этой цели; участок был застроен рядом серых двухэтажных железобетонных домов. Пока строилось помещение министерства, сэру Джозефу Маклею было предоставлено место в домах адмиралтейства. До тех пор адмиралтейство в значительной степени контролировало морской транспорт, и новое министерство таким образом избавляло адмиралтейство от очень тяжелой и все более трудной задачи, которая выходила за пределы обычной деятельности адмиралтейства и для которой оно не располагало необходимым коммерческим и промышленным опытом.

Тем не менее и здесь, точно так же как и в военном министерстве при создании министерства снаряжения, мы встретили мало благодарности за избавление от обязанностей, которых адмиралтейство не могло выполнить. Сэр Джозеф Маклей не встретил дружественного отношения со стороны адмиралтейства. Напротив, он сообщал, что коллектив адмиралтейства отнесся враждебно к его назначению и не выражает готовности помочь ему.

Но сэр Джозеф Маклей не был тем человеком, которого можно было остановить прохладным приемом и помешать тотчас же приступить к выполнению принятых на себя обязанностей. Климат и опыт приучили его к непогоде. В течение нескольких дней он наметил план значительного увеличения нашего судостроения, и менее чем через неделю после своего назначения, добившись соглашения с адмиралтейством о программе постройки ряда судов-„бродяг“ по 8 тысяч тонн, он обратился к военному кабинету с просьбой санкционировать его намерение действовать по намеченному им плану. Эта санкция была немедленно дана, и на том же заседании (15 декабря 1916 г.) ему было разрешено провести намеченный им план покупки у Японии судов водоизмещением в 77 500 тонн. Через неделю, 22 декабря 1916 г., первый лорд адмиралтейства доложил, что согласно полученной им в то утро информации строительство торговых судов, намеченное на ближайший год, предусматривало постройку 400 тысяч тонн в течение первых шести месяцев 1917 г. при потерях от подводных лодок в размере, равном 300 тысячам тонн в месяц.

Однако контролер по вопросам морского транспорта сообщил, что, по его сведениям, при наличии соответствующих материалов и рабочей силы можно рассчитывать на постройку судов водоизмещением в 1 миллион тонн *в течение первых шести месяцев предстоящего года.*

В эту цифру включалось строительство по большим заказам, выданным в США. Когда американцы вступили в войну, все суда, строившиеся на их верфях, были реквизированы для их собственных нужд.

Новое министерство мореходства приняло на себя задачу, ранее лежавшую на министерстве торговли, наблюдения за строительством

торговых судов наряду с программой государственного судостроения стандартных судов, намеченных новым министром.

Судостроение оставалось в ведении министерства мореходства до мая 1917 г. За эти пять месяцев сэр Джозеф Маклей значительно ускорил окончание судов, уже находившихся в постройке, и наметил программу, которая эвентуально предусматривала постройку торговых судов общим водоизмещением в 3 миллиона тонн в год. В таком форсировании строительства была насущная нужда, так как со времени объявления войны наше строительство торгового флота все более свертывалось при полном игнорировании того печального факта, что германские подводные лодки каждую неделю вырывали у нас десятки тысяч тонн. В 1913 г. было закончено постройкой 1 919 578 брутто тонн торговых судов. В 1915 г. тоннаж построенных судов составлял всего 688 629 тонн, а в 1916 г. сократился еще более — до 538 797 тонн. Отчасти это уменьшение было вызвано более крупным строительством военных и вспомогательных судов по заказам адмиралтейства, но даже принимая это во внимание, мы получаем по сравнению с 1913 г. значительное снижение всего вновь построенного тоннажа. В течение первых пяти месяцев 1917 г. общее число законченных постройкой торговых судов насчитывало 376 588 тонн. Намеченная программа строительства дала за весь 1917 г. тоннаж законченных постройкой судов в размере 1 163 474 тонны.

Кроме того были заключены соглашения о значительных закупках иностранных судов.

Помимо увеличения нашего тоннажа контролер морского транспорта занялся еще вопросом о более рациональном и экономном использовании того тоннажа, которым мы располагали. В январе 1917 г. из общего количества 3 731 пассажирских и грузовых судов тоннажем от 1 600 брутто тонн и выше под британским флагом с общим тоннажем в 16 591 032 тонны имелось 1 500 судов с общим тоннажем в 7 082 099 тонн, которые не были реквизированы адмиралтейством для военных целей и не предназначались для специальных перевозок вроде снабжения союзников или привоза пшеницы в Англию. С точки зрения интересов нации эта система была сплошным расточительством. Она была в высшей степени несправедлива, давая преимущество владельцам судов, которые не были реквизированы, перед теми, чьи суда были реквизированы адмиралтейством. Министерство морского транспорта должно было следить не только за тем, чтобы реквизированные суда использовались наиболее рационально, но и за контролем всего еще нереквизированного тоннажа, за тем, чтобы нереквизированные суда применялись для наиболее разумных целей. В этих целях контролеру были даны общие полномочия по контролю над всем британским судоходством, и во исполнение старого решения военного комитета от 28 апреля 1916 г. о соблюдении экономии в использовании судов, реквизированных для военных и военно-морских операций, он стал настаивать перед адмиралтейством на освобождении от реквизиции части взятых им судов.

Таким образом удалось освободить от реквизиции 17,5% реквизированного тоннажа для перевозки грузов, в частности для доставки угля союзникам. Быстрота действий нового контролера может быть иллюстрирована тем, что 22 декабря военному кабинету было доложено, что почти весь тоннаж за исключением 20 тысяч тонн был уже освобожден от реквизиции.

Следующим важным шагом в этом направлении было рассмотрение военным кабинетом 9 февраля 1917 г. подготовленного контролером меморандума, в котором предусматривались полномочия, необходимые контролеру для выполнения его задач. Быть может наиболее важной частью меморандума была та, где предлагалось передать транспортный департамент адмиралтейства, которому ранее поручалось множество обязанностей, связанных с контролем и использованием судов, в новое министерство. В этой части меморандум гласил:

> „Следует обратить внимание на теперешнее ненормальное положение транспортного департамента. Директор транспортного департамента является в настоящее время чиновником адмиралтейства, всецело ответственным перед адмиралтейством. Однако на практике транспортный департамент регулирует распределение торговых судов не только по заданиям адмиралтейства, но и по реквизициям военного ведомства, пшеничной комиссии и прочих государственных учреждений. Пока спрос со стороны всех правительственных учреждений мог быть полностью удовлетворен, такого рода порядок должен был быть признан превосходным, но лишь только становится необходимым ограничивать заявки в том или ином направлении, затруднения неизбежны, и директор департамента должен оказаться в сетях ведомственных разногласий. Мы полагаем, что этот момент наступил. Спрос на личный тоннаж таков, что необходимо учесть относительную важность отдельных правительственных заявок, в том числе и адмиралтейства, и установить, какую заявку следует удовлетворить в первую очередь".

Этот меморандум был первоначально составлен контролером судоходства после совещания со мною и представлен им адмиралтейству 12 января 1917 г. Разумность предложения о передаче министерству судоходства департамента, которому принадлежал контроль над судоходством, была слишком явной, чтобы можно было возражать против этого. Но с другой стороны, лорды адмиралтейства неохотно мирились с мыслью о том, что часть их власти должна перейти к другому. Особенно адмиралтейство приходило в ужас от того, что моряками будут командовать „штафирки". Сэр Джозеф Маклей апеллировал к военному кабинету.

Борьба была таким образом перенесена в заседание военного кабинета. Лорды адмиралтейства появились в полном составе, чтобы разоблачить кощунственные предложения сэра Джозефа Маклея.

Один из лордов адмиралтейства пожелал узнать, могли ли стар-

шие офицеры адмиралтейства, занятые вопросами морского транспорта, получать приказания от какого-то судовладельца. Но военный кабинет, несмотря на их возражения, решил одобрить предложения контролера, прибавив к тому же, что адмиралтейство могло, если бы оно того пожелало, согласно предложению директора транспортного департамента сохранить в штате часть аппарата, занятого военными и военно-морскими перевозками. Так кончилось это морское сражение. Пираты победили. Департамент транспорта и судоходства занял место на осушенном озере Сент-Джемского парка под скромным кровом нового министерства, и, несмотря на сомнения начальников адмиралтейства, новый порядок оказался вполне целесообразным.

Другим вопросом, который вскоре пришлось разрешать контролеру, был вопрос, связанный с обязательством, которое я дал тотчас же по занятии мною поста премьера, а именно об установлении более широкого национального контроля над всем нашим судоходством. Эта проблема между прочим была связана с вопросом о прибылях британских судовладельцев. По поводу этих прибылей в общественном мнении было поднято немало шуму. По мере того как требования на тоннаж возрастали и правительственные реквизации вызывали уменьшение тоннажа для обычной торговли, судовладельцы всего мира стали повышать фрахты до невиданного ранее уровня. К концу 1913 г. ставка фрахта на перевозку зерна из района Ла-Плата в порты Соединенного королевства составляла 12 шиллингов 6 пенсов за тонну. К концу 1915 г. ставка повысилась до 115 шиллингов, а к концу 1916 г. — до 145 шиллингов. Точно так же фрахт на уголь из Кардифа до Порт-Саида повысился с 7 шиллингов 9 пенсов за тонну в конце 1913 г. до 62 шиллингов 6 пенсов к концу 1915 г. и до 80 шиллингов в 1916 г.

Эти высокие ставки фрахта конечно способствовали общему поднятию цен, которые и без того по целому ряду причин имели тенденцию к повышению. Народные массы, к которым обращались с призывом нести жертвы во имя интересов родины, все более страдали от дороговизны жизни, вызываемой алчностью некоторых судовладельцев. Военный риск не оправдывал таких высоких ставок. Правительственное страхование покрывало убытки на море, а зарплата далеко не повысилась в такой степени. Увеличившийся риск смерти не распространялся на судовладельцев. Это был скандальный пример военной наживы. Таково было положение вещей, которое заставило меня объявить рабочей депутации, что новое правительство намерено установить контроль над судоходством.

Возникли горячие прения по вопросу о том, не следует ли провести национализацию судоходства в смысле полного устранения частных собственников. Контролер судоходства выступил против этого, считая, что опытный судовладелец при соответствующем контроле и при налоге на сверхприбыль или других методах отвлечения большей части военных прибылей в казну мог лучше всякого другого руководить деловой стороной судоходства. Он выразил свое мнение

в письме, которое сохраняет известное значение и по сей день в связи с современными спорами:

„2 февраля 1917 г.

Многоуважаемый премьер-министр,

С момента последнего заседания военного кабинета на прошлой неделе я самым серьезным образом изучал вопрос о национализации судоходства в связи с Вашими обещаниями, относящимися к этому вопросу.

Я полагаю, что Вы можете с полным основанием считать, что судоходство национализировано в тех пределах, к которым Вы стремились, раз Вы получили в руки полный контроль над всеми судами британского торгового флота и будете располагать доходами по своему усмотрению. Таково положение на сегодняшний день.

При системе реквизиций и лицензий на суда ни один британский пароход не может отправиться в какой-либо рейс без прямого указания правительства, и таким образом контроль правительства является абсолютным.

Затем в отношении прибылей Вы можете поступить следующим образом:

1. Вы можете выдавать прибыль в размере средних прибылей за два года до войны плюс известный процент с остальной прибыли.

2. Вы можете поступить так, как я предусматривал в своем меморандуме, и просто применить существующий налог на сверхприбыль, установив соответствующим образом самую ставку налога.

3. Вы можете выдавать среднюю прибыль за два года перед войной плюс сколько Вы пожелаете или ничего вовсе.

4. Вы можете приравнять судоходство к предприятиям, находящимся под контролем правительства, которые получают прибыль в размере средней прибыли за два года перед войной плюс 20%.

Мое собственное мнение вполне сложилось. Я считаю ошибкой не оставить стимула к максимальным усилиям, как бы незначителен ни был этот стимул. По моему мнению, твердо установленная цифра прибыли в контролируемых предприятиях является ошибкой. У них нет никакого стимула к экономии, — это доказано опытом. Во многих предприятиях не стремятся ни к экономии времени, ни к экономии средств; то же самое относится к железнодорожным компаниям. Я поэтому особо рекомендую Вам первое или второе из намеченных выше пожеланий. В том и другом случае Вы принимаете за основу среднюю прибыль за два года перед войной и, давая определенный, хотя бы минимальный процент на остальную прибыль, достигаете того, что судовладельцы и их служащие вкладывают

в дело всю свою душу. Помните, что мы при всех условиях должны пользоваться этими же кадрами.

Я полагаю, что не может быть большей ошибки, чем пытаться каким-либо другим порядком взять в руки государства все британское судоходство. Вы сохраните в своих руках все преимущества людей практических, которые знают свое дело, и, насколько возможно, весь сложный механизм, созданный частной инициативой, ничем не оплачивая его; при этой системе кроме того есть полная уверенность, что после войны судовладельцы смогут без всякой потери времени возобновить свои регулярные рейсы.

С совершенным почтением
Дж. П. Маклей".

Это письмо было представлено мною военному кабинету 12 февраля 1917 г., когда мы рассматривали вопрос о прибылях судовладельцев и о национализации судоходства. Я дал определенное обещание в моей речи в палате общин 19 декабря 1916 г., сказав следующее:

„*Правительство полагало, что наступило время взять в руки государства более полный контроль над всеми пароходами страны и поставить их практически в то же положение, в котором находятся железные дороги;* таким образом во время войны судоходство будет национализировано в реальном смысле этого слова. Потрясающие прибыли, которые были получены благодаря высоким фрахтам, в значительной степени способствовали дороговизне жизни, и я всегда считал, что дело не только в этом, но и в том, что высокие прибыли затрудняли наши взаимоотношения с рабочими. Каждый раз, когда я встречался с организованными рабочими, настаивая на том, чтобы они отказались от своих привилегий, мне всегда приходилось слышать упреки в чрезмерных и неоправданных прибылях судовладельцев. Это нетерпимо в военное время, когда многие приносят такие жертвы на алтарь отечества".

После кратких прений военный кабинет принял следующее решение:

1. Контролер судоходства должен распространить реквизиции тоннажа по государственным ставкам на все суда торгового флота и по мере возможности на все рейсы; отступление от норм реквизиции допустимо только в исключительных случаях и по исключительным мотивам.

2. Контролер судоходства обязан еженедельно или через определенные сроки доводить до сведения военного кабинета о достигнутых им результатах.

3. Вопрос о прибылях должен быть разрешен теми же методами, что и на железных дорогах, разумеется с соответствующими поправками и с учетом особенностей судоходства, т. е путем уста-

новления средних прибылей за определенный довоенный период; контролер судоходства сообщит военному кабинету о том, к чему привело бы установление прибылей на базе двух, трех, четырех или пяти лет до войны.

Это решение военного кабинета привело к установлению почти полного контроля правительства над всем судоходством в течение войны.

Отчет контролера о выполнении принятых решений был рассмотрен кабинетом 10 и 17 апреля. Контролер имел возможность сообщить, что почти весь торговый флот страны подвергся реквизиции по государственным ставкам. После рассмотрения вопроса о норме прибыли до войны кабинет решил, что „вопрос об ограничении прибылей должен быть разрешен канцлером казначейства и г. Гендерсоном по соглашению с контролером судоходства; их решение должно быть в кратчайший срок доложено военному кабинету“.

В мае 1917 г. в адмиралтействе произошло важное событие, которое имело непосредственное влияние на работу министерства судоходства.

Когда я в конце апреля посетил адмиралтейство, чтобы посоветоваться с руководителями по вопросу о мерах борьбы с подводными лодками, мне было заявлено, что военно-морское командование не в состоянии должным образом развернуть систему конвоирования судов, потому что несмотря на огромные силы, находящиеся в распоряжении адмиралтейства, оно не имело достаточно судов для конвоя. Таким образом для осуществления системы конвоирования необходимо было установить немедленно наблюдение за строительством новых судов и поручить его человеку, обладающему достаточной энергией и способностями. В согласии с этим я рекомендовал военному кабинету назначение в качестве лорда адмиралтейства делового человека, который ведал бы всей системой судостроения, включая снабжение строительными материалами. Это предложение было неприемлемо для адмиралтейства. Кабинет рассмотрел его 2 мая 1917 г. Первый лорд адмиралтейства указал, что такого рода обязанности уже предусмотрены положением, установленным по инициативе г. Черчиля для дополнительного гражданского лорда адмиралтейства, хотя на самом деле он не исполнял этих обязанностей. Он заявил, что главный адмирал и он сам разделяют ту же точку зрения на этот вопрос и готовы, если потребуется, расширить полномочия, предоставленные этому лицу положением г. Черчиля. Он подчеркивал однако, что важно назначить на этот пост лицо, облеченное доверием военного кабинета.

Военный кабинет считал, что на этот пост должен быть назначен человек выдающихся качеств и что, учитывая крупнейшее значение вопроса, необходимо подыскать такого кандидата. Все соглашались, что генерал-майор сэр Эрик Геддес, имеющий огромные заслуги в деле обороны, был бы наиболее подходящим человеком, если бы можно было рассчитывать на его согласие занять этот пост.

Генерал-майор Геддес был вызван в военный кабинет, и от имени кабинета ему было предложено взять на себя эту задачу. Он обещал подумать и дать ответ в ближайшее время.

Военный кабинет считал также, что, принимая во внимание тесную связь между судостроением для военного флота, торговым флотом и внутренним водным транспортом, контролируемым военным ведомством, необходим постоянный контакт между руководителем нового ведомства и комиссией, работавшей под руководством контролера судоходства. Было предложено, чтобы новый гражданский лорд адмиралтейства был облечен в вопросах судостроения правом контроля над всеми тремя ведомствами, руководствуясь для этого общими политическими указаниями военного кабинета.

Я лично говорил с сэром Эриком Геддесом по этому вопросу и заявил ему, что вопрос о транспорте для армии теперь в основном разрешен, и что я хотел бы, чтобы он занялся этой важнейшей задачей. Нашим слабым местом были теперь морские сообщения, а нашей наиболее серьезной заботой — обеспечение продовольственных ресурсов страны. Военный кабинет просил его взять на себя задачу, параллельную в отношении флота той задаче, которую выполняло министерство военного снаряжения для армии, а именно ускорить строительство судов для борьбы с подводными лодками и производство других средств обороны на море, а также военно-морского снаряжения вообще. После обсуждения этого вопроса с сэром Эдуардом Карсоном и адмиралом Джеллико и по получении согласия сэра Дугласа Хейга на эту перемену сэр Эрик Геддес изъявил готовность занять предложенный ему пост.

Таким образом 11 мая 1917 г. я имел возможность сообщить о его согласии, и в соответствии с этим состоялось его назначение.

Военный кабинет решил, что в связи с предполагаемыми другими обязанностями Геддеса в адмиралтействе, в частности по заготовке снаряжения, а также ввиду сложности проектирования в военно-морском строительстве необходимо было, чтобы его связь с адмиралтейством была весьма тесной, и поэтому решено было назначить Геддеса одним из лордов адмиралтейства при одновременном его назначении членом комиссии контроля морского транспорта.

Он был назначен на пост контролера флота в чине вице-адмирала. По своему горькому опыту во Франции он знал уже, что это значит для штатского чиновника, когда он должен отдавать приказы людям в военной форме. Вот почему ему был дан чин генерала. Благодаря этому выполнение его приказов стало в дальнейшем почти автоматическим. В связи с этим назначением произошел весьма забавный случай, не имевший дотоле прецедента: по соглашению с сэром Дугласом Хейгом сэр Эрик в течение нескольких месяцев сохранял еще связь с отделом военного транспорта и таким образом имел своеобразное отличие, будучи своего рода амфибией — генералом и адмиралом одновременно, — факт, для штатского совершенно беспримерный.

В согласии с решением военного кабинета ему также был передан контроль над торговым судостроением, которое таким образом было изъято из ведения министерства судоходства. Это произошло не потому, что министерство судоходства не работало с достаточной энергией или не могло справиться с этой частью своей задачи. Нет, мы нашли только более целесообразным объединить все судостроение — военное и гражданское — в руках одного контролера, который был бы специально занят этим важнейшим делом.

Следует упомянуть о важнейшем достижении министерства судоходства в области экономии использования тоннажа в 1917 г., когда потери от подводных лодок достигли своего апогея, когда система конвоирования судов еще не была полностью налажена и большая программа нового судостроения еще не была проведена за недостатком времени. Речь идет о мероприятиях, связанных с бо́льшей концентрацией нашего транспорта в Атлантическом океане. Эта схема была подготовлена сэром Лео Киоцца Моней с помощью сэра Артура Солтера и сэра Нормана Лесли. Короче говоря, эти лица взялись за изучение вопроса о том, насколько спрос на необходимые нам товары мог бы быть покрыт странами, ближе расположенными к Англии, вместо того чтобы привозить товары из стран, расположенных вдвое и втрое дальше. Совершенно ясно, что при таком изменении маршрутов мы выиграли бы огромное количество тоннажа. Они пришли к выводу, что почти все необходимые нам грузы могут быть получены с континента Северной Америки и что их легко будет перевести на судах, находящихся в нашем распоряжении, если только наш тоннаж будет концентрирован на данном пути, вместо того чтобы быть распыленным на всех морях мира. Подобная концентрация способствовала бы также сокращению сторожевого флота, необходимого для защиты нашего торгового транспорта, и таким образом удалось бы также облегчить задачу торгового флота и помочь военному флоту усилить борьбу против подводных лодок.

Это предложение поступило в весьма благоприятный момент, когда адмиралтейство только что согласилось одобрить введение системы конвоирования. Если бы адмиралтейство не согласилось на это, то концентрация всех или большей части судов в одном океане и на определенных рейсах, ведущих к Великобритании, повела бы только к увеличению наших потерь, так как подводные лодки получили бы более постоянную мишень. Однако учреждение конвоя для атлантических рейсов способствовало тому, что морской транспорт в Атлантическом океане был в значительной степени обеспечен от нападения.

Меморандум сэра Лео Киоцца Моней был послан мне на рассмотрение сэром Джозефом Маклеем 2 мая 1917 г., в тот же день, когда этот меморандум был написан.

Отрицательной чертой его схемы было конечно то, что проведение ее в жизнь должно было отрицательно отразиться на торговле Англии с остальными частями света; в особенности неблагоприятным оказывалось положение нашей торговли с Индией и Австралазией.

Но эти возражения не были достаточно вески, чтобы умалить значение намеченного плана для успеха всей нашей борьбы за существование.

Сэр Лео Киоцца Моней направил вслед за краткой запиской по этому вопросу ряд меморандумов, в которых развивал глубже свою мысль. Его схема была горячо воспринята контролером судоходства и встретила благоприятное отношение в адмиралтействе. Военный кабинет рассматривал эту схему 14 мая и передал ее на заключение небольшой смешанной комиссии при участии представителей адмиралтейства, министерства торговли, министерства судоходства и министерства военного снаряжения. Эта комиссия представила свой доклад 17 мая. В нем комиссия горячо поддерживала схему в ее общих чертах и настаивала на том, чтобы заготовительные органы в дальнейшем закупали свои запасы по возможности в США и Канаде, ограничив свои закупки на других рынках до возможного предела. Необходимо было достигнуть сотрудничества Америки, и г. Бальфуру было поручено согласовать этот вопрос с американским правительством. Предполагалось создание специальной комиссии по изучению последствий этого плана для нашей экспортной торговли, с тем чтобы эта же комиссия изыскала пути и средства для возможного ограничения ущерба от предстоящего изменения путей нашей внешней торговли. Конечно некоторая доля нашей импортно-экспортной торговли с Индией и доминионами должна была сохраниться.

Военный кабинет рассмотрел и в принципе одобрил этот доклад 30 мая 1917 г. Затем наш морской транспорт был соответствующим образом ориентирован, и нужно сказать, что в течение того исключительно трудного времени, которое мы переживали летом и осенью 1917 г., эти мероприятия значительно увеличили наши транспортные возможности и в немалой степени помогли нам перенести подводную войну.

Практические мероприятия такого рода, основанные на здравом смысле и проведенные компетентными деловыми людьми, были только частью достижений нового министерства судоходства в области рационального использования нашего тоннажа. В следующей главе я намерен описать дальнейшие мероприятия, проведенные нами с целью экономии нашего морского транспорта.

Глава сорок третья

ПРОБЛЕМЫ СУДОХОДСТВА

1. РАЗГРУЗКА ПОРТОВ

Беспримерные нужды войны привели к полному перевороту в нормальной организации и деятельности английских портов. Это неудивительно, если учесть тот факт, что вся работа по обороне Англии была связана с ее портами и гаванями. Многие из наших гаваней использовались военным флотом в качестве военно-морских баз. Саутгемптон был закрыт для торгового мореплавания. Призовые суда с грузом военной контрабанды беспрерывно доставлялись в порты, и груз выгружался на склады вдоль доков, где он ожидал решения призового суда. В порты прибывали огромные партии закупленных правительством товаров и ожидали здесь распределения. Эта напряженная работа портов в необычных условиях во всяком случае должна была создать чрезмерную нагрузку и даже беспорядок. Затруднения усиливались благодаря тому, что многие из портовых рабочих были призваны в ряды войск; в результате в портах стал наблюдаться недостаток рабочей силы для разгрузки и погрузки судов.

Я изложу вкратце мероприятия, принятые для разрешения этой проблемы в первый период войны.

Уже 22 января 1915 г. депутация судовладельцев посетила министра торговли, обратив его внимание на перегрузку портов и выразив ряд пожеланий; в числе их депутация предлагала кооперирование и объединение принадлежащих частным лицам и компаниям транзитных железнодорожных линий, пристаней и складов и систему согласования спроса военных учреждений и торговых организаций; далее депутация предлагала установить штраф за опоздание вывоза товаров с портовых набережных и приступить к расследованию вопроса о рабочей силе в портах. В течение 1915 г. комиссия по изучению изменений судоходных рейсов приняла ряд резких, но ни к чему не приведших резолюций по вопросу о перегрузке портов. В своей работе г. К. Э. Фейль указывает, что советами комиссии либо пренебрегали, либо о них забывали среди множества затруднений, создаваемых бюрократической рутиной*. Потребовалось почти десять

* *C. E. Fayle,* The war and the shipping industry, p. 152.

месяцев, считая с того момента, как депутация судовладельцев обратилась к министру торговли, чтобы был создан исполнительный комитет (администрация) портов и транзитных путей для разрешения этого вопроса. Комитет тотчас же повел последовательную борьбу с ведомством рекрутского набора, для того чтобы помешать призыву в армию портовых рабочих.

Среди причин, которые выдвигала комиссия контроля судоходства в своем обосновании необходимости ограничения импорта, в меморандуме по этому вопросу от 10 февраля 1916 г. мы находим между прочим следующее заявление:

> „Уменьшение импорта дало бы возможность разгрузить порты, а между тем администрация портов и транзитных путей надеется за это время реорганизовать работу портов. Следовало бы очистить целый ряд складов и магазинов, которые тем самым оказались бы в состоянии быстрее принимать новые товары, когда впоследствии полностью возобновится нормальное движение грузов“.

Комиссия судоходства в том же меморандуме от 10 февраля выдвинула и ряд других соображений, которые в дальнейшем время от времени служили предметом обсуждения военного комитета. Некоторые из них были формально одобрены министерством и санкционированы военным комитетом.

11 апреля 1916 г. военный министр сообщил военному комитету, что он не имеет возможности привести какие-либо утешительные сведения по вопросу о разгрузке британских портов. Выдвинутое 11 апреля предложение о создании батальона докеров в Лондоне наподобие уже созданного батальона в Ливерпуле находилось еще 28 апреля в стадии обсуждения между военным ведомством и министерством торговли.

В мае 1916 г. решено было создать батальон транспортных рабочих в качестве резерва для борьбы с перегрузкой портов; этот батальон мог быть легко переброшен из одного порта в другой. В июле месяце он был набран полностью в согласии с установленной для него численностью. 23 ноября 1916 г. военный комитет решил увеличить число рабочих транспортного батальона до 10 тысяч человек.

В меморандуме от 29 октября 1916 г. по вопросу о торговом мореплавании г. Рансиман писал о разгрузке портов:

> „Характерно, что статистические данные, полученные администрацией портов и транзитных путей, показывают, что ни один порт не имеет возможности повысить обычную нормальную разгрузку судов, а из многих портов сообщают о норме разгрузки гораздо более низкой, чем нормальная... Ввиду того что имеющиеся в портах рабочие с трудом справлялись с работой в течение периода относительного затишья, совершенно ясно, что необходимы срочные мероприятия, для того чтобы

не допустить образования пробки в портах к моменту начинающегося оживления".

Вслед за этим г. Рансиман 9 ноября представил кабинету другой меморандум, в котором писал:

„Возможность эффективного использования нашего тоннажа ослаблена вследствие медленности погрузки и разгрузки портов; портовые операции совершаются тем медленнее, что рабочие гаваней, доков и железнодорожных складов, грузчики и возчики в большом числе взяты в армию. Теперь нам удается перевозить меньшее количество грузов на каждой сотне судов, чем год назад".

Между тем представленный комиссией контроля меморандум от 1 ноября 1916 г. обращал внимание на пробку, созданную нашими грузами во французских портах:

„Обычное движение судов затруднено не только в английских, но еще в большей степени во французских портах; суда задерживаются во французских портах в такой степени, что благодаря этому наблюдается недостаточное использование тоннажа. Вот два характерных примера из многих:

Пароход „Тистлерд" водоизмещением 7 370 тысяч тонн прибыл в порт Бордо 9 октября; принят в доке порта Бордо 27 октября; предполагаемая разгрузка — 17 ноября. В общем пять недель вместо 10 дней в нормальных условиях.

Пароход „Алжириана" водоизмещением 7 370 тысяч тонн прибыл в порт Бордо 13 октября; 30 октября все еще ожидает захода в доки.

Чтобы предотвратить подобные задержки, комитет полагает, что правительство его величества должно настаивать перед французским правительством на принятии решительных мер для улучшения положения в портах, с тем чтобы прибывшие суда могли быстрее производить погрузочно-разгрузочные операции.

Действуя на основании инструкции военного комитета и с санкции адмиралтейства и военного ведомства, один из членов нашей комиссии, господин Ройден, специально посетил в июне некоторые порты северной Франции и представил доклад, в котором выдвинул ряд ценных предложений. По нашим сведениям, немногие из этих предложений фактически проведены в жизнь, и мы вновь обращаем внимание правительства на этот вопрос.

Такие же, если не худшие условия господствуют в бискайских портах Франции, где, насколько нам известно, не было сделано никаких серьезных попыток улучшить положение".

По вопросу о ввозе иностранных рабочих для работы в доках комиссия в своем отчете писала:

„Совершенно очевидно, что в Англию невозможно будет ввезти иностранных рабочих вследствие оппозиции со стороны тред-юнионов. Во Франции однако повидимому не встречается подобных затруднений. Комиссия поэтому предлагает, чтобы во Францию были ввезены иностранные (португальские) рабочие для работы в доках; тем самым можно было бы освободить от работы во французских портах английских рабочих и вернуть их в Англию.

Комиссия также настаивает на том, чтобы вопрос о применении военнопленных в британских доках в условиях, сходных с теми, которые были успешно применены во французских портах, был пересмотрен вновь“.

Эти вопросы были подняты на заседании военного комитета 3 ноября 1916 г., и было решено установить, какие именно меры могут быть приняты для использования иностранных рабочих во французских портах. Решение об увеличении численности батальона транспортных рабочих до 10 тысяч человек было принято, как я уже указывал, 23 ноября 1916 г.

Когда проблемы морского транспорта все в большей и большей степени становились вопросами жизни и смерти для Англии и ее союзников, задержка судов в портах, которую легко можно было устранить, казалась совершенно нетерпимой. Нам говорили, что мы сможем продолжать войну лишь несколько месяцев и не более того. Новое правительство решило, что мы обязаны выйти из создавшихся затруднений, и полагало, что это вполне осуществимо; действительно, возникшие препятствия были серьезны, но их нельзя было считать непреодолимыми. Проблема разгрузки портов является иллюстрацией стоявших перед правительством затруднений и того, как они были постепенно устранены.

На заседании военного комитета от 21 декабря 1916 г. военный министр сообщил военному кабинету подробные сведения по вопросу об увеличении числа участников батальона транспортных рабочих до 10 тысяч человек в соответствии с решениями военного комитета прежнего правительства от 23 ноября 1916 г. Заявление лорда Дерби сводилось к тому, что общее число участников батальона транспортных рабочих, включая тех, кто в настоящее время входил в его состав, будет доведено приблизительно до 5 тысяч человек в конце текущей недели и что еще 5 тысяч человек будут набраны в дальнейшем, с тем чтобы общее число участников было доведено до 10 тысяч человек в согласии с постановлением военного комитета.

Лорд Дерби указал однако, что из Франции поступило требование еще на 40 тысяч человек тех же возрастов для работы на железных дорогах и что в связи с этим может оказаться необходимым несколько задержать набор этих дополнительных 5 тысяч.

Эти факты иллюстрируют растущие затруднения в связи с требованиями армии о присылке пополнений для покрытия огромных потерь при наступлении на Сомме.

31 января 1917 г. контролер судоходства представил военному кабинету меморандум по вопросу о задержке в разгрузке судов в ряде портов. В меморандуме указывалось, что если железные дороги смогут более быстро отправлять грузы, то оборот судов в портах также был бы ускорен и в результате удалось бы сберечь от 4 до 5 миллионов тонн судов в год. Министр торговли предложил создать междуведомственную комиссию в составе представителей министерства судоходства, министерства военного снаряжения и министерства торговли. Этой комиссии предлагалось изучить вопрос и сообщить, какие меры должны быть приняты для обеспечения более быстрой разгрузки судов.

Военный кабинет решил предложить члену парламента г. А. Г. Иллингворсу, занимавшему пост министра почт и телеграфа, взять на себя председательские функции в этой комиссии. 16 февраля 1917 г. комиссия представила свой первый суммарный отчет, в котором предлагала ряд решительных мероприятий.

Отчет этой комиссии рассматривался военным кабинетом 19 февраля. Военный кабинет пришел к следующим выводам по выдвинутым комиссией десяти важнейшим пунктам.

Было решено воспретить продажу английских железнодорожных вагонов на экспорт без лицензий министерства торговли.

Кабинет констатировал, что по указанию министра торговли министерство торговли создало необходимый аппарат для объединения пользования всех частновладельческих железнодорожных вагонов; министерству торговли было предложено разрешить железнодорожным компаниям производить погрузку пустых частных вагонов на обратном пути. Военному министру было предложено представить объяснения кабинету о том, почему обещанные военным ведомством на заседании кабинета 21 декабря 1916 г. 10 тысяч человек не были отпущены из рядов войск для участия в батальоне транспортных рабочих. Военному министру было указано, что вследствие невыполнения военным ведомством своих обязательств возникли серьезные затруднения; контролер судоходства отмечал, что в его распоряжении находилось лишь 6 тысяч человек.

Было решено, что по вопросу о недостатке рабочей силы на каналах, в мастерских по ремонту паровозов, возчиков и грузчиков при погрузке и разгрузке вагонов в портах и в местах назначения грузов секретарь междуведомственной комиссии под председательством г. Иллингворса должен связаться с директором национального обслуживания и военным ведомством.

Военный кабинет констатировал, что по заявлению министра торговли он не принимал мер, для того чтобы железнодорожные компании самым действенным образом могли принудить получателей грузов к быстрой разгрузке вагонов в местах назначения и положить конец установившейся практике использования вагонов в качестве складов.

Кабинет отмечал обязательство контролера судоходства поднять через посредство администрации портов и транзитных путей вопрос

о возможности выгрузки сырья и полуфабрикатов под открытым небом, где это окажется необходимым, для того чтобы избежать перегрузки складов; в особенности это относилось к материалам, принадлежащим министерству военного снаряжения.

Было решено поручить секретарю комиссии г. Иллингворсу совместно с военным министром разрешить вопрос об очищении военным ведомством всех транзитных складов или доков, которые используются правительством не по назначению.

По вопросу об окончательном сформировании батальона транспортных рабочих военный министр дал кабинету обязательство провести окончательное пополнение батальона к 1 марта 1917 г.

15 мая военный министр запросил военный кабинет, следует ли в первую очередь сформировать рабочий батальон во Франции или батальон транспортных рабочих в Англии. Военный кабинет решил, что поскольку за границей имеется возможность применения иностранной рабочей силы, тогда как в Англии ее нет, военному министру должно быть предложено в первую очередь пополнить английский батальон транспортных рабочих теми людьми, которые находятся в его распоряжении.

26 мая 1917 г. контролер судоходства сообщил военному кабинету, что он подготовляет план непрерывной работы в портах в течение суток и что с этим связано специальное соглашение касательно рабочей силы; этот план имеет целью ускорение оборота судов в портах.

Задержка судов в портах была вызвана не только медленностью их погрузки, разгрузки и снабжения углем. Часто суда задерживались в порту на несколько дней вследствие полученных сообщений о действиях подводных лодок вблизи данного порта. Было подсчитано, что в конце 1916 г. и в первые месяцы 1917 г. немцам удалось создать эффективную внешнюю блокаду портов, которая помешала выходу судов в море в течение 40% всех дней в году.

Дальнейшие затруднения возникли в связи с тем, что по мере того как правительство реквизировало все бо́льшее и бо́льшее число судов, владельцы переставали интересоваться своим делом. Они, казалось, не понимали, что именно во время войны они должны прилагать крайние усилия к тому, чтобы ускорить оборот судов. Они продолжали работать, как в мирное время: каждая компания имела свои частные пристани для разгрузки и погрузки; ни одна фирма не стремилась к общему благу и не хотела помочь своим соседям путем предоставления им прав на использование свободных пристаней в порту или запасов бункерного угля, которые не были в данный момент необходимы самой фирме.

В результате гораздо больше времени затрачивалось на стоянку в Ливерпуле, чем это было необходимо. В Америке положение было немногим лучше. Некоторые из больших и быстроходных судов, как „Адриатик", затрачивали от 50 до 55 дней на путь из Англии в Америку и обратно против 25 дней в 1913 г. С этим затруднением можно было справиться, оказав со стороны правительства давление

на судовладельцев, которые в момент чрезвычайной опасности для страны исходили из чисто эгоистических побуждений и не считались с ответственностью в военное время.

Вслед за тем правительство разрешило затруднения, связанные с объединением судов для конвоя.

В январе 1917 г. ливерпульские судовладельцы создали комиссию конвоя с санкции министерства судоходства; министерство предложило нью-йоркским судовладельцам создать у себя подобную же комиссию. Весной 1917 г. в США были отправлены чиновники портового бюро конвоя; в самой Англии также были учреждены соответствующие портовые учреждения. Отчет министерства судоходства о системе конвоя гласит:

> „Средняя длительность пребывания судов-„бродяг“ в портах в США уменьшилась с 27,5 дня в январе до 16,75 дня в сентябре, тогда как длительность пребывания рейсовых (конвоируемых) судов сократилась с 22,5 до 14 дней. Задержка судов в ожидании конвоя, которая составляла 3,5 дня для судов-„бродяг“, была доведена в среднем до двух дней, а задержка рейсовых судов, составлявшая в среднем 5 дней, была доведена в сентябре до полутора дней. Время, затраченное на погрузку для судов-„бродяг“, было сокращено почти на 50%, а для рейсовых судов — почти на 20%.
>
> В Ливерпуле комиссия конвоя вскоре взяла дело разгрузки в свои руки, в особенности в отношении больших атлантических рейсовых судов. Комиссия достигла таких успехов в своей деятельности, что с помощью нью-йоркской комиссии для 77% всех рейсов удалось добиться 40-дневного возвращения судов, а для некоторых судов с грузом около 3 тысяч тонн, как например пароход „Мелита“, обратное путешествие было совершено в 32 дня. Средний оборот судов, включая удачные и неудачные поездки, составил 42,68 дня...
>
> Все эти усилия без сомнения вызвали значительное улучшение в использовании тоннажа, и нет никаких сомнений, что внимание, которое этому вопросу уделяли лица, заинтересованные в конвоировании судов, стимулировало работу всех участников разгрузки и погрузки; эти последние в свою очередь достигали таким образом лучших результатов, чем прежде, когда существовала полная независимость отдельных рейсов“.

Конечно затруднения в работе морского транспорта в условиях жесточайшей войны всех времен, в частности известные задержки по сравнению с нормальными условиями, были неизбежны. Но министерству судоходства удалось постепенно сократить эти задержки в обороте судов и в значительной степени устранить их. При помощи этих мероприятий транспортные средства страны были значительно увеличены, в то время как наличный тоннаж под влиянием подводной войны уменьшался.

2. КОНТРОЛЬ И ОГРАНИЧЕНИЕ ИМПОРТА

Мы подходим теперь к дальнейшим мерам, принятым правительством для обеспечения наиболее экономного использования нашего сократившегося тоннажа и для ограничения импорта всех тех товаров, которые не являлись насущно необходимыми. Все эти мероприятия ставили своей задачей сосредоточение усилий правительства на удовлетворении первоочередных потребностей страны.

Систематическое проведение этих мер должно было начаться тотчас же, как определилось (уже в 1915 г.), что война может продолжаться несколько лет и потребует крайнего напряжения ресурсов всех воюющих стран. Энергичные мероприятия сделались особенно необходимыми, когда выяснилось, что нашего тоннажа во все большей и большей степени нехватает для покрытия наших потребностей. Спрос на тоннаж для военных целей возрастал и должен был возрастать, между тем наличный тоннаж уменьшался вследствие подводной войны и от обычных потерь на море, а замена погибших судов новыми была недостаточна. На самом деле однако вплоть до 1917 г. правительственные мероприятия отличались крайней половинчатостью и бессистемностью, они были введены неохотно и имели лишь очень скромное влияние на изменение нашего импорта в связи с недостатком тоннажа.

Правительство и страна имели возможность пойти по двум различным путям в вопросе о сокращении импорта, вызванном недостатком тоннажа. Один путь заключался в снижении потребления до крайнего минимума, иными словами, в ограничении импорта теми товарами, которые являлись совершенно необходимыми. Другой путь заключался в увеличении до максимума внутреннего производства ранее импортировавшихся товаров. Правительство применяло оба метода в полной мере в течение двух последних лет войны. В настоящем разделе я займусь анализом первого из этих путей, т. е. обзором мероприятий по ограничению потребностей.

Меры экономии всегда неприятны. Таких семей, которым никогда не приходилось урезывать себя вследствие временных финансовых затруднений, немного, и их можно считать исключительно счастливыми. Начинать экономить — всегда трудно. Затем дело идет легче. На практике необходимость в экономии всегда откладывается до самого последнего момента. Опыт показывает, что часто режим экономии откладывается до тех пор, когда становится слишком поздно, чтобы спасти семью от неизбежного банкротства. В данном случае голод и банкротство угрожали всей нации. Когда мы наконец обратились к разрешению этой проблемы, мы поняли, что гораздо легче осуществить суровый режим экономии, если его применять в отношении всех; не эгоизм мешает установлению режима экономии, т. е. сокращению расходов, а привычка и в особенности гордость. Однако вмешательство высшей власти может сломить силу привычки, а гордость обыкновенно идет на компромисс, когда ближние находятся в таком же тяжелом положении. Когда речь идет о нацио-

нальных интересах, диктуемых железной необходимостью, патриотизм обязывает гордость итти на жертвы. В этих случаях никто не в праве в сознании своего превосходства показывать пальцем на расчетливую семью, урезывающую себя в расходах, так как при этих условиях предметом общественного презрения становятся как раз люди расточительные. Разница между нормальным уровнем жизни и сведенным до минимума колеблется в зависимости от страны и в каждой стране в зависимости от класса населения. Но почти во всех странах почти все классы населения могут пожертвовать чем-либо, не оказываясь в состоянии крайней нужды, способной подорвать здоровье населения. Народное здравие терпит ущерб только тогда, когда речь идет об отказе от таких предметов питания, которые необходимы для поддержания жизненных сил. В области продовольствия, напитков, одежды, комфорта и развлечений Англия могла бы многим пожертвовать без ущерба для здоровья населения. Удовлетворение некоторых потребностей цивилизованного общества, например строительство новых домов или ремонт старых, могло быть отложено на 2 или 3 года, не вызывая нестерпимых лишений для общества. Отсрочка жилищного строительства привела к значительной скученности населения в районах военных заводов, но даже в худших случаях эта скученность вредила здоровью меньше, чем антисанитарные условия жизни в трущобах. Только тогда, когда искусственное сокращение потребления переходит в лишения, когда урезка потребностей переходит в голодание, наступает ослабление сил и духа народа. Это и случилось в России, Германии и Австро-Венгрии. Были ли мы в состоянии предотвратить эту катастрофу у себя? Такова была стоявшая перед нами проблема.

Нам неизбежно предстояло сократить весь наш импорт. Мы должны были задать себе три вопроса. Во-первых, без чего может обойтись страна, т. е. обойтись, не отказывая себе в том, что могло бы подорвать ее работоспособность? Во-вторых, какие лишения могла бы перенести страна без риска вызвать волнения? В-третьих, в каких пределах мы могли производить в самой Англии те нужные нам товары, которые до тех пор привозились из-за границы? Этот последний вопрос я рассматривал в других главах. Здесь мы обратимся к первым двум вопросам и к политике ограничения импорта.

Известное ограничение импорта было вызвано сокращением имевшегося в нашем распоряжении тоннажа для перевозки импортных товаров. В другом месте я уже писал о тех значительных требованиях к нашему морскому транспорту, которые предъявлялись нашими войсками за границей и нашими союзниками. Сюда следует прибавить сокращение наличного тоннажа, вызванное войной и нашими потерями на море, а также сокращением темпов судостроения за первые два года войны. За вычетом (из первоначального количества тоннажа) судов, брошенных на обслуживание обороны, а также судов, потопленных и потерянных, у нас оставалось гораздо меньше судов, чем нам было необходимо для поддержания импорта в довоенных размерах. Вопрос заключался не в том, предстояло ли нам сокра-

тить импорт. Это было само по себе неизбежно. Вопрос заключался в том, ограничим ли мы решительно те виды импорта, без которых мы можем обойтись, и сосредоточимся ли на перевозке тех товаров, которые являются абсолютно необходимыми, или же мы предоставим все дело случаю в надежде, что наиболее важные товары будут ввозиться без сознательного выбора с нашей стороны и регулирования ввоза.

Разрешение проблемы импорта является, пожалуй, одним из наиболее характерных примеров той перемены, которая была внесена вторым коалиционным правительством в систему использования наших ресурсов тоннажа. Сэр Джозеф Маклей и г. Рансиман были оба судовладельцами: первый был судовладельцем сам, второй — сыном судовладельца. Тогда как сэр Джозеф Маклей пытался разрешить проблему импорта, исходя из необходимости полного государственного контроля над судоходством, политика г. Рансимана отличалась медлительностью, осторожностью и готовностью считать, что все решения правительства являются в силу самого факта их принятия уже осуществленными. Эти факторы к концу 1916 г. едва не привели нас к гибели по вине министерства торговли и других министерств.

В 1913 г. импорт в Англию составил примерно 53 млн. тонн. За первый год войны, несмотря на увеличившийся спрос, импорт понизился до 50 миллионов тонн. Важнейшим фактором, определявшим сокращение ввоза тех или иных товаров, было повышение фрахтовых ставок, вызванное наличием спроса при значительно уменьшившемся количестве тоннажа. Импортировались те товары, которые легче могли перенести возросшие фрахты. Ввоз других товаров был урезан. Это был стихийный процесс, и мы не имели гарантии в том, что будем получать те товары, которые были действительно нам наиболее нужны. К счастью другие мероприятия помогли делу. Уже в начале войны были приняты меры к тому, чтобы обеспечить доставку мяса и пшеницы путем реквизиции судов-рефрижераторов и судов по перевозке пшеницы, а впоследствии были введены еще так называемые пошлины Мак-Кенны с целью ограничения ввоза предметов роскоши. В ноябре 1915 г. комиссия по выдаче лицензий торговым судам начала помогать делу, отказывая в лицензиях в тех случаях, когда пароходы были зафрахтованы для перевозки никчемных импортных товаров. Но лицензионная система не могла быть осуществлена без плана, который предусматривал бы ограничение определенных видов импорта.

Говоря о положении в этой стадии войны, Фейль в своей книге пишет:

> „Это был не только вопрос о положении с ввозом предметов роскоши, который вообще был незначителен; речь шла о выборе между товарами, которые обычно считались необходимыми; и только правительство имело возможность в свете военных нужд установить, какие виды импорта действительно являлись наиболее нужными. Эта задача не выходила за пре-

делы компетенции правительства; ее можно было разрешить административным путем... Правительство однако уклонялось от связанной с этим ответственности...“ *.

10 февраля 1916 г. комиссия контроля судоходства представила министру торговли отчет, в котором описывалось положение британского тоннажа, необходимого для удовлетворения потребности страны. В этом отчете комиссия настаивала на ограничении импорта товаров, без которых можно было обойтись, указывая, что это единственный путь, следуя которому наш морской транспорт мог бы справиться со своей задачей. По данным отчета, из 3 468 пароходов водоизмещением в 1 600 тонн брутто и более с общим тоннажем в 15 441 тысячу тонн было уже реквизировано к тому времени для военных нужд или занято в торговле других частей света (т. е. не в рейсах из портов Соединенного королевства и в порты Соединенного королевства) 1 894 парохода с общим тоннажем в 8 373 тысячи тонн. Таким образом для перевозки необходимых импортных товаров и удовлетворения обычных потребностей населения оставалось всего 1 574 корабля с общим тоннажем в 7 068 тысяч тонн, т. е. меньше половины британского торгового флота. В это число входили и те корабли, которые были реквизированы адмиралтейством для перевозки пшеницы и сахара в Великобританию.

В отчете комиссии приводились цифры, показывавшие, что даже при учете максимального количества товаров, которые могли быть привезены на иностранных судах, необходимо было иметь 10 328 тысяч тонн брутто британского тоннажа, для того чтобы продолжать осуществлять импорт на уровне первого года войны и предоставлять известный дополнительный тоннаж для покрытия срочных потребностей наших союзников — Франции и Италии.

Между тем имевшийся в нашем распоряжении тоннаж был меньше этого на $3^1/_4$ миллиона тонн брутто, что соответствовало перевозке 13 миллионов тонн товаров по весу в год.

В первый год войны импорт составил почти 50 миллионов тонн по весу. В 1916 г. мы могли надеяться привезти на английских и иностранных судах не более 37 миллионов тонн. После этих констатаций меморандум комиссии перешел к перечислению мероприятий, необходимых для того, чтобы справиться с лишениями, связанными с отказом от 25% импорта предшествующего года.

Комиссия не установила списка товаров, которые должны были быть полностью или частично запрещены к ввозу в целях сокращения импорта. Вместо этого она составила список продовольственных, сырьевых и других важнейших товаров, которые, по ее мнению, мы должны были продолжать ввозить. По предложению комиссии эти товары подлежали ввозу в тех же размерах, что и в 1915 г., за исключением лесоматериалов, бумаги и бумажного сырья, ввоз которых мог быть, по мнению комиссии, уменьшен на

* *C. E. Fayle*, The war and the shipping industry, p. 156.

1 миллион тонн лесоматериалов и на 800 тысяч тонн бумаги и бумажного сырья. При условии такого снижения ввоз необходимых товаров должен был составить 35 375 тысяч тонн. Таким образом оставалось 1 635 тысяч тонн до указанной выше предельной возможности перевозок в 37 миллионов тонн общего импорта. Комиссия предлагала воспретить к ввозу все, кроме тех товаров, которые были перечислены в списке, сохранив возможность в пределах указанного остатка разрешать ввоз отдельных необходимых товаров, не вошедших в список.

Этот план был несколько примитивен и не отвечал всей сложности вопроса. Сэр Артур Солтер пишет в своей книге по этому поводу:

> „Сокращение импорта в этом плане и в этом масштабе, осуществленное при помощи непосредственных и полных запрещений, имело бы тяжелые последствия для все еще не исследованной и не организованной хозяйственной системы страны. Та подготовительная работа и те сведения, на основании которых комиссия пришла к своим выводам, были явно недостаточны, для того чтобы оправдать столь решительные меры. В частности последующий опыт показал, что хотя известное ограниченное число товаров могло быть полностью исключено, достигнутая этим путем экономия могла оказаться незначительной. В основном экономия достигалась не столько полным исключением определенных товаров, сколько воспрещением ввоза всех товаров сверх определенного лимита“ *.

Как показали последующие события, комиссия контроля морского транспорта придерживалась чересчур пессимистической точки зрения в вопросе о наших импортных возможностях на основе наличного тоннажа. Вместо 37 миллионов тонн нам удалось в 1916 г. ввести 42,3 миллиона тонн, так что сокращение нашего общего импорта, вызванное недостатком тоннажа, составило не 13 миллионов тонн, а менее 8 миллионов тонн.

Это сокращение ввоза только в малой степени являлось результатом применения плана министерства торговли. После того как министерство торговли познакомилось с положением вещей по отчету комиссии, г. Рансиман 8 марта 1916 г. доложил военному комитету, что максимальное плановое сокращение ввоза товаров, не являющихся необходимыми, которое он определенно надеялся провести при помощи ограничения ввоза, не превышало 4 миллионов тонн. Военный комитет решил предоставить министру торговли полномочия ограничить импорт по своему усмотрению, но с обязательством согласовывать в отдельных случаях свои решения с заинтересованными ведомствами.

Как было осуществлено обязательство о снижении ввоза на 4 миллиона тонн? 24 октября 1916 г. (через семь месяцев после

* *Salter,* Allied shipping control, p. 65.

того как он дал обязательство составить план сокращения ввоза на 4 миллиона тонн) г. Рансиман представил меморандум по вопросу о торговом судоходстве, в котором, говоря об ограничении импорта, заявлял, что установленные им ограничения еще не сказались в полной мере, но что, по его предположениям, сбережение тоннажа за год составит от 1 500 тысяч тонн до 1 800 тысяч тонн. Он прибавил, что после тщательного изучения вопроса министерство торговли придерживалось того мнения, что дальнейшее существенное сокращение импорта товаров, не являющихся необходимыми, неосуществимо при помощи прямых запретов. Оно могло быть достигнуто лишь косвенным путем, при помощи высоких цен, благодаря постепенному прекращению производства в тех отраслях промышленности, которые не являлись наиболее важными, вследствие недостатка рабочей силы и т. д. и наконец в силу самого факта недостатка тоннажа.

К этому времени был составлен чрезвычайно длинный список временно запрещенных к ввозу товаров, импорт которых допускался только с разрешения и по лицензиям министерства торговли. Но эти лицензии выдавались достаточно свободно для того, чтобы ограничить возможное действие запрещений в тех скромных пределах, на которые указывал г. Рансиман. Последний продолжал надеяться главным образом не на полный охват импорта планированием и контролем, а на косвенные и бесконтрольные действия высоких фрахтовых ставок. При отсутствии планового ограничения импорта и правительственной реквизиции всего нашего тоннажа суда выполняли те перевозки, в которых фрахты были наиболее высоки. Таким образом в то время как к 1916 г. наш импорт сократился на 7—8 миллионов тонн, только полтора миллиона тонн товаров не были ввезены благодаря этим ограничениям.

15 декабря 1916 г., после смены правительства, комиссия контроля судоходства направила мне длинное послание в ответ на мой запрос о морском транспорте, прибылях судовладельцев и ограничении импорта. В этом послании комиссия между прочим указывала:

„С самого начала своих работ, с января 1916 г., комиссия настаивала на необходимости ограничения импорта, чтобы обеспечить покрытие потребностей при помощи наличного тоннажа. Предложения комиссии были изложены в меморандуме от 10 февраля, представленном министерству торговли. В это время комиссия предлагала, чтобы ввоз определенных товаров, не являющихся необходимыми, был воспрещен или ограничен. Комиссия предлагала, чтобы вместо списка товаров, *не* подлежащих ввозу, был подготовлен список необходимых товаров, которые *допускаются* к ввозу, и чтобы в течение определенного периода был воспрещен ввоз каких-либо других товаров. Это предложение было выполнено, но в такой слабой степени, что его результаты для судоходства были ничтожны. То, что комиссия считала настоятельно необходимым тогда, следует считать еще более необходимым сегодня“.

Десять месяцев дискуссий, расследований и предложений влиятельной комиссии, состоявшей из очень способных людей, привели к ничтожным результатам. И это произошло в обстановке, когда мы столкнулись лицом к лицу с возможностью поражения в войне вследствие недостатка тоннажа для ввоза необходимых товаров! Людям деловым, привыкшим действовать, всякая комиссия может помочь найти правильный путь. Но для слабых или нерадивых администраторов работа комиссии представляет лишь предлог, для того чтобы отложить разрешение трудных вопросов.

Получив это сообщение, я устроил совещание с контролером судоходства и внес этот вопрос на обсуждение военного кабинета 21 декабря 1916 г. Мы решили немедленно созвать междуведомственную комиссию для рассмотрения вопроса об ограничении импорта; в эту комиссию, которой было поручено составить отчет, были назначены следующие лица: лорд Керзон (председатель), канцлер казначейства или другой представитель казначейства, министр военного снаряжения, министр иностранных дел, министр торговли, контролер судоходства, капитан Клемент Джонс (секретарь — способный и опытный специалист по вопросам судоходства).

В случае необходимости предполагалось вызывать на заседания комиссии представителей министерства колоний и министерства по делам Индии. Министрам — членам комиссии — предоставлялось право в случае надобности приглашать на заседания своих экспертов.

9 января 1917 г. лорд Керзон сообщил военному кабинету, что его комиссия назначила междуведомственную подкомиссию. Заседая непрерывно в течение двух недель, эта подкомиссия должна была подробно рассмотреть всю номенклатуру нашего импорта, для того чтобы установить необходимые ограничения. Подкомиссии было поручено составить план импорта, исходя из уменьшения нашего импорта на 500 тысяч тонн в месяц, т. е. на 6 миллионов тонн в 1917 г. против 1916 г. 17 января комиссия лорда Керзона представила предварительный отчет о своей работе, а 14 февраля подкомиссия, председателем которой был сэр Г. Бабингтон Смит, представила детальную программу ограничений, необходимых для осуществления предусмотренного уменьшения нашего импорта на 6 миллионов тонн. Предложенные ограничения охватывали огромный список товаров. В другой части настоящей главы я намерен рассмотреть вопрос об ограничении ввоза лесоматериалов и вопрос о том, каким образом мы имели возможность провести это ограничение в жизнь. В отношении бумаги и бумажного сырья комиссия предлагала ограничение импорта 1916 г. на 50%. Для того чтобы облегчить напряженное положение в области импорта зерна, комиссия предлагала решительное и дальнейшее сокращение пивоварения, о чем я уже писал в главе, посвященной вопросам продовольствия. Ввоз кормов для скота также подлежал сокращению; эти мероприятия, целью которых было добиться более раннего и более значительного убоя скота, позволяли одновременно сократить ввоз мяса. В общем предложения комиссии

носили весьма решительный характер; с очень немногими изменениями они получили одобрение правительства.

Между тем началась интенсивная подводная война, имевшая целью уничтожение нашего морского транспорта. За первые два месяца 1917 г. было потоплено 900 тысяч тонн союзных и нейтральных судов; на этих судах погибли ценные грузы зерна и других необходимых товаров. Стало ясно, что нам придется считаться с возможностью сокращения импорта не на 6, а на 8, 10 или более миллионов тонн. Подкомиссия немедленно парировала эту угрозу дополнительными предложениями, которые она представила кабинету 21 февраля 1917 г., о дальнейших, еще более решительных ограничениях ввоза лесоматериалов, бумаги, фруктов, овощей, бутылок, кормов для скота, железной руды, сахара и других товаров. Комиссия высказала мнение, что введение карточек на сахар позволило бы сократить ввоз сахара без серьезного ущерба для удовлетворения насущных потребностей населения. Кабинет одобрил наиболее важные из этих ограничений.

При проведении в жизнь этих мероприятий время не было упущено зря. В отчете министерства торговли от 10 мая 1917 г. по вопросу об „импорте в связи с положением судоходства“ оказалось, что к апрелю, на второй месяц после введения ограничений, сокращение импорта подвергшихся ограничению товаров составило 499 тысяч тонн в месяц по сравнению с цифрами импорта тех же товаров в апреле 1916 г. Таким образом первоначально поставленная цель — плановое сокращение импорта на 500 тысяч тонн в месяц — была на деле достигнута уже через два месяца. Отчет министерства торговли гласил:

> *„Для необходимого сокращения импорта были приняты решения, имевшие первоначально целью привести импорт в 1917 г. к снижению на 4 500 тысяч тонн. Есть надежда на сбережение таким образом более 6 миллионов тонн“.*

Фактически наш импорт в 1917 г. был на 7,9 миллионов тонн меньше, чем в 1916 г. В течение года неприятелем было потоплено союзных и нейтральных судов общим водоизмещением в 6 миллионов тонн, в большинстве случаев с грузом. Ясно, что только при помощи тщательного регулирования нашего импорта, которое обеспечило бы его сокращение на 6 миллионов тонн, пропорционально нашим потерям тоннажа, т. е. сокращение ввоза товаров всех тех категорий, без которых мы могли обойтись, Англия оказалась бы в силах устоять против такой атаки и продолжать подготовку победы.

Справедливость требует отметить, что эти достижения были результатом согласованных действий, ослабивших нашу зависимость от ввоза необходимых товаров. Описанные мною в другом месте настоящего тома мероприятия позволили увеличить производство продовольствия в самой Англии. Рубка леса была так хорошо организована, что мы имели возможность обойтись без ввоза громоздких лесных грузов, поглощавших значительную долю нашего тоннажа. Мы при-

ступили к эксплоатации заброшенных железных, медных и марганцевых рудников. Мы использовали наши внутренние ресурсы для получения необходимых товаров личного и национального потребления в большей степени, чем это нам удавалось в течение полувека.

Перед нами стояла громадная задача. Правительственный контроль был распространен почти на все товары. Реквизиция охватила все суда, в том числе суда-„бродяги“ и суда рейсовые. Во всех направлениях осуществлялись ограничения и меры экономии. Сэр Артур Солтер так описывает этот процесс:

> „До того как удовлетворение потребностей десятков миллионов людей, нуждавшихся в импортных товарах, достигало стадии выдачи администрацией разрешения на ввоз и лицензий на соответствующий тоннаж, эти потребности процеживались неоднократно через множество сит все большей и большей частоты... Все требования на тоннаж поступали в министерство судоходства. Три административных отдела министерства (морской отдел, военный отдел и торговый отдел) рассматривали эти требования и устанавливали, сколько судов в определенных пунктах и в определенный срок необходимо было для этой цели. В этом виде запрос пересылался в отдел реквизиций. Запросы всегда превосходили общее количество наличного тоннажа. Таким образом каждую неделю руководители этих четырех отделов собирались на неофициальное заседание для окончательного согласования общего спроса на тоннаж... Даже в то время, когда составлялся план действий, подводные лодки, либо срочные военные нужды, либо полученные позже статистические данные о продовольственном положении или потребностях в продовольствии, либо... (и т. д. и т. д.)... требовали изменения плана“.

Нарисованная Солтером картина дает представление о затруднениях, возникавших в процессе контроля и ограничения ввоза, но из его слов явствует также то, что созданная в течение последних двух лет военная система позволяла осуществлять эффективное руководство и контроль в области всех импортных товаров и приводила к гибкому повседневному применению ограничений при исключении менее существенных видов импорта в пользу более существенных. Так удалось нам преодолеть острый период 1917 г. Если бы мы продолжали действовать безалаберными методами 1916 г., которые давали возможность систематически планировать лишь на 1 500 тыс. — 1 800 тыс. тонн сокращение импорта, не нужно было быть большим пророком, чтобы понять, что крах в 1917 г. стал бы почти неизбежным.

Эти поразительные достижения следует приписать практическим знаниям и упорству лорда Маклея, а также административным способностям лорда Эшфильда, которым помогали министерства, занятые вопросами производства и распределения продовольствия.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТНЫХ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

По мере того как возрастал недостаток в судах и приходилось изобретать мероприятия для экономии наличного тоннажа, мы стали рассматривать ввоз лесоматериалов как такой вид импорта, который особенно следовало ограничить как по тем причинам, что лес является исключительно громоздким товаром по отношению к стоимости ввоза, так и потому, что была возможность восполнить значительную часть нашего импорта лесоматериалов за счет внутренних ресурсов — лесов Англии и Франции.

До войны леса Великобритании были до крайности заброшены. К началу войны из всех стран мира (за исключением Португалии) в Англии было наименьшее количество лесных площадей пропорционально к общей территории страны. Наши три миллиона акров лесных площадей давали около одной трети того леса, который они могли дать при более эффективном лесном хозяйстве. Начало лесонасаждению на научных основаниях было положено комиссарами эксплоатации, назначенными мною согласно проведенному в 1909 г. закону об эксплоатации и улучшении дорог. Но лесные комиссары имели в своем распоряжении до войны слишком мало времени, чтобы достигнуть определенных результатов в области лесонасаждения, где время исчисляется не годами, а десятилетиями. Незадолго до войны ежегодная рубка леса в Англии достигла примерно 45 миллионов кубических футов — около 1 миллиона лодов при импорте в 1913 г. в 10,4 миллионов лодов.

Лесоматериалы были необходимы для ряда целей. Около трех миллионов лодов составлял ввоз крепежного леса для угольных копей. Для строительства необходимо было большое количество леса; известная доля приходилась на производство мебели, и значительная часть импортированных мягких пород использовалась на производство ящиков, тары и т. д. для отправки и упаковки фруктов.

С наступлением войны спрос на лесоматериалы значительно вырос. Производство военного снаряжения и снарядов требовало большого количества угля, и таким образом вырос спрос на крепежный лес. Растущая лавина товаров, отправляемых за границу для нашей действующей армии, требовала огромного количества всякого рода ящиков, в том числе ящиков для снарядов.

Хотя частное строительство в большинстве приостановилось, строительство фабрик и заводов для военных нужд, строительство воинских бараков и в Англии и во Франции продолжалось с большой быстротой и интенсивностью, а для этой цели в первую очередь были необходимы лесоматериалы. Окопная война опять-таки требовала лесоматериалов, этого же требовало строительство железных дорог в тылу с его колоссальным спросом на шпалы. Иными словами, древесные материалы были более необходимы, чем когда-либо. Мы не могли выделить тоннажа для перевозки этих громоздких товаров из отдаленных стран. Уже в 1915 г. правительство создало комиссию по использованию английских лесоматериалов, и в начале 1916 г.,

когда были намечены первые шаги по ограничению нашего импорта, было решено сократить импорт крепежного леса и попытаться обеспечить потребности преимущественно за счет английского леса.

Ввоз леса должен был неизбежно уменьшиться в течение первых двух лет войны, но не настолько, как этого можно было ожидать, принимая во внимание возможность замены ввозных лесоматериалов местными. Изданный в мае 1917 г. итоговый отчет подкомиссии комитета восстановления оценивал ввоз леса в 1915 г. в 75%, а в 1916 г. в 62% среднего импорта за довоенное пятилетие. Но так как весь наш импорт уменьшился по сравнению с довоенным за эти два года, то пропорциональное сокращение было гораздо меньше. В 1909—1913 гг. лес составил 11,6% общего импорта, в 1915 г. на долю леса приходилось 11,4%, в 1916 г. — 10,5%.

Серьезное положение морского транспорта, с которым столкнулся новый военный кабинет в начале 1917 г., требовало, как уже было указано в другой части настоящей главы, дальнейшего серьезного сокращения импорта. Созванная для рассмотрения этого вопроса 21 декабря 1916 г. комиссия лорда Керзона предложила сократить за счет ввоза леса общий импорт на 200 тысяч тонн из общего сокращения в 500 тысяч в месяц. Военный кабинет рассмотрел отчет комиссии 16 февраля 1917 г., и в целях проведения этого сокращения, но без того чтобы был нанесен ущерб делу обороны вследствие соответствующего недостатка леса, мы решили назначить при военном министерстве директора лесозаготовок, которому должна была помогать специально назначенная междуведомственная комиссия. Первым директором был назначен сэр Дж. Бамфильд Фуллер. На заседании военного кабинета от 19 февраля мы приняли решение о том, чтобы ввоз леса был ограничен еще на 100 тысяч тонн в месяц, т. е. иными словами на 300 тысяч тонн. Этот вопрос мы рассматривали до 21 февраля. В меморандуме, представленном комиссией об ограничении экспорта, указывалось, что сокращение импорта леса на 200 тысяч тонн в месяц, как это первоначально предполагалось, сохранило бы ввоз леса в 1917 г. в размере 360 тысяч тонн в месяц; дальнейшее сокращение на 100 тысяч тонн должно было таким образом сократить наш ввоз более чем вдвое по сравнению с 1916 г. Во Франции и Соединенном королевстве было достаточно леса, чтобы восполнить соответствующий недостаток, но возможность дальнейшего увеличения порубки леса в Англии была ограничена недостатком рабочей силы, недостатком пил и транспортными затруднениями. В Англии мы имели возможность, будь у нас соответствующая рабочая сила и транспортные средства, получить еще один миллион тонн крепежного леса в дополнение к 300 тысячам тонн, которые были предусмотрены. Далее, если бы во Франции удалось получить дополнительно источники рабочей силы, то ввоз пиленого леса для британской действующей армии мог бы быть значительно сокращен.

Мы просили военное ведомство пригласить лесного специалиста для изучения вопроса о том, можно ли покрыть общие потребности нашей армии во Франции за счет лесов вблизи фронта. Нас особенно

интересовал вопрос, какое количество рабочей силы может быть предоставлено армией и какие транспортные средства были необходимы. Я отмечу здесь, что организация лесозаготовок была проведена во Франции в значительной мере лордом Ловат, главным образом с помощью рабочей силы канадских лесных рабочих, набранных из состава канадского экспедиционного корпуса во Франции.

Мы решили запросить наши доминионы, чтобы установить, в какой степени они могли помочь нам присылкой квалифицированных рабочих; одновременно решено было выяснить возможность получения иностранных рабочих, в частности финнов и португальцев.

Военное ведомство уже ранее просило канадское правительство предоставить 5 тысяч канадских лесорубов. 2 марта 1917 г. канадские представители поставили военный кабинет в известность, что они приложат все усилия, чтобы увеличить число лесорубов. Эту задачу было бы легче выполнить, если бы канадские лесные рабочие были освобождены от набора в армию. Дело в том, что все работавшие до настоящего времени канадские лесорубы были солдатами канадского экспедиционного корпуса. Мы также получили предложение о доставке 1500 лесных рабочих из Ньюфаундленда.

Одним из затруднений в использовании лесных ресурсов Англии было то, что наличные лесные площади в каждом отдельном случае были очень незначительны и разбросаны на большом расстоянии, так что помимо королевских лесов мы располагали лишь небольшим количеством акров лесных площадей, где могли бы найти применение механические пилы. Но на заседании военного кабинета 2 марта мне представился случай сообщить о великодушном предложении г. Альфреда де Ротшильда. Последний принес в дар стране два ценных лесных парка в районе Чильтерн. Он сообщил мне об этом в следующем письме:

„28 февраля 1917 г.

Многоуважаемый премьер-министр!

Простите, что я позволяю себе побеспокоить Вас настоящим письмом, когда Вы в такой степени завалены работой, но я надеюсь, что Вы простите меня, когда прочтете приведенные ниже строки.

Я хотел бы предоставить в полное Ваше распоряжение леса, которыми я владею в моем Гальтонском имении, где, как Вы без сомнения знаете, с самого начала войны существует большой лагерь, вмещающий в среднем около 15 тысяч, а иногда до 20 тысяч солдат.

Я должен сознаться, что не являюсь специалистом в вопросе о том, какого сорта лесоматериалы пригодны для крепежного леса, но я надеюсь, что так как в моем Гальтонском имении имеется большое количество прекрасных деревьев, то по крайней мере некоторые из них будут пригодны для этой цели. Могу ли я просить Вас о любезности прислать ко мне Вашего специалиста, который легко сможет дать Вам полный отчет в поло-

жении. Я буду горд, если мое предложение приведет к каким-либо практическим результатам. Я надеюсь, что для Вас совершенно ясно, милостивый государь, что это предложение может быть принято без всяких обязательств с Вашей стороны и что речь идет не о продаже мною за деньги хотя бы ветки или листика срубленных деревьев.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы поздравить Вас с Вашим назначением на пост премьера. Вся страна поздравляет себя с этим назначением.

Остаюсь, многоуважаемый премьер-министр, искренне Ваш

Альфред Ротшильд".

Я тотчас же ответил на это письмо, выразив Ротшильду мое восхищение его великодушным даром, обещавшим принести значительные выгоды стране. Военный кабинет присоединился к выражению благодарности Ротшильду, особенно когда я сообщил об условиях его предложения. Оно было крайне своевременно в нашем тогдашнем затруднительном положении, и вскоре украшавшие склоны Чильтернских холмов буковые леса были срублены канадскими лесорубами.

В это время Шотландия была самым светлым пятном в наших лесозаготовках. Лесная торговля была здесь прекрасно организована, и Шотландия не только полностью удовлетворяла свои собственные потребности в лесоматериалах, особенно в крепежном лесе, но и имела возможность посылать лесоматериалы в некоторые северные графства Англии. Шотландия располагала квалифицированной рабочей силой в составе 4 500 человек. Лесоторговцы Шотландии отстояли своих рабочих в мае 1917 г., когда военное министерство намеревалось призвать часть из них в армию.

В Англии и Уэльсе мы не располагали к этому времени подобной хорошо организованной бригадой местных лесных рабочих, и нам приходилось использовать людей, негодных к набору в армию, временно освобожденных от действительной военной службы солдат, лесных рабочих Канады и Ньюфаундленда, португальских и финских матросов с потопленных кораблей, военнопленных и женщин. В 1917 г. прибыла партия американских лесных рабочих, но вскоре они были переведены в состав американского лесного корпуса во Франции.

Этим рабочим самых различных наций и категорий пришлось выполнять весьма важную задачу. Нам по необходимости пришлось резко сократить в 1917 г. наш лесной импорт. Тогда как в 1913 г. ввоз леса составил в общем 11 500 тысяч тонн, в 1917 г. импорт лесоматериалов сократился до 2,875 тысяч тонн. Частью это сокращение было проведено при помощи тщательной экономии в потреблении. Значительная часть наших потребностей для действующей армии была покрыта лесозаготовками во Франции. В Англии мы увеличили производство лесоматериалов всех сортов с довоенного уровня в 900 тысяч тонн до 3 миллионов тонн в 1917 г. В 1918 г. это количество было уже увеличено до $4^1/_4$ миллиона тонн, из кото-

рых 2 миллиона составлял крепежный лес для угольных копей. Импорт в 1918 г. уменьшился на 1 200 тысяч тонн по сравнению с 1917 г.

Отчет департамента лесозаготовок дает представление о составе лесорубов к концу 1918 г. На 1 декабря 1918 г. по заданию департамента работало 4 728 английских рабочих, 1 740 португальских, 1 124 моряков, в том числе финнов с потопленных кораблей, 84 датчанина, 3 035 военнопленных и 2 323 женщин-лесорубов и лесомеров. В дополнение к этому канадский лесной корпус в Великобритании на 1 октября насчитывал 7 518 человек и ньюфаундлендский корпус — 427 человек.

Этот отчет, который был представлен мне департаментом 27 октября 1918 г., заканчивался словами: „Принятые меры дают надежду на то, что нам удастся выйти из затруднений в течение всего периода войны“. Эта надежда была полностью оправдана.

В нашей смертельной борьбе с подводными лодками не было ни одного достижения полезнее подобной организации лесозаготовок. Но лучшие леса Англии были таким образом уничтожены. К сожалению предпринятые после войны лесонасаждения оказались недостаточными. В настоящее время не только многие из склонов наших гор, но и большие площади, где раньше росли леса, совершенно лишены деревьев. Уроки войны в этом отношении, как и во многих других, не пошли впрок. Наказанные всегда склонны неправильно понимать преподанный им урок. Мы не вынесли ничего из уроков войны.

Глава сорок четвертая

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

1. ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Лучшей иллюстрацией того, как традиционные учреждения реагируют на появление нового неожиданного фактора, является то пренебрежение, с которым военное руководство во всех странах отнеслось к важнейшему вопросу организации продовольственных ресурсов — не только для снабжения армий, но и для снабжения гражданского населения.

Как случилось, что ни одна страна в течение первого года или первых двух лет войны не уделила сколько-нибудь серьезного и постоянного внимания продовольственному вопросу, который в конце концов решил исход войны? Продовольственное положение непосредственно вызвало крах трех великих империй; косвенным образом оно вызвало вступление Америки в войну. Неограниченная подводная война была ответом Германии на блокаду. И все же вначале в течение некоторого времени Германия столь безразлично относилась к угрозе ожидавшего ее голода, что в 1915 г. сама продавала хлеб Голландии. Русское правительство думало лишь о том, как доставить фураж для огромной по численности конницы, которая вовсе не играла решающей роли в войне. Транспортные средства, которые следовало использовать для продовольственного снабжения городов, затрачивались русскими на перевозку фуража для лошадей. Франция искала оправдания нехватки пшеницы в факте захвата части ее территории немцами. На Британских островах мы допускали сокращение посевной площади и не делали попыток увеличить производство важнейших продуктов питания. Чем объяснить такое преступное и тупое пренебрежение к такому важнейшему фронту военных действий? Одной из причин, которая объясняет нам этот невероятный промах, следует считать мнение всех военных специалистов, что война должна быть решена на полях сражений и на морях. Продовольственная проблема в их представлении ограничивалась масштабом полевой кухни.

Это объяснялось общим убеждением, что война в таких огромных масштабах не могла продолжаться долго. По этому вопросу пацифисты и милитаристы были согласны между собой. Пацифисты предсказывали, что финансовое банкротство вскоре наступит во всех

странах и что военный пожар погаснет таким образом потому, что нечем будет его поддерживать. Они были также уверены в том, что вследствие смертоносного характера современного оружия потери будут так велики, что после некоторого опыта люди вскоре откажутся истреблять друг друга. С другой стороны, милитаристы были убеждены, что наступление их огромных великолепно снаряженных армий окажется решающим фактором для противника и что они достигнут полной победы через несколько месяцев. Ни пацифисты, ни милитаристы не оказались в состоянии изменить свои взгляды после сражений на Марне и на Ипре, выявивших невозможность решительной военной победы. Этот факт является доказательством того, как живучи иные закоренелые убеждения. В 1915 г. и те и другие все еще верили в возможность быстрого исхода войны: германцы надеялись на победу на восточном фронте, французы и англичане— на западном. Зачем в таком случае затрачивать энергию и рабочую силу на сбор урожая в 1916, 1917 и 1918 гг.? Большим счастьем было то, что не мы одни были жертвой этого опасного заблуждения. Проницательность и тупость в равной степени не являются монополией одной какой-либо страны. Победа зависит от соотношения сил в критический момент. Это спасло нас и погубило Германию. Если бы Германия заранее уделила достаточное внимание своему опасному продовольственному положению и с 1915 г. стала пользоваться средствами своей науки и огромными организационными способностями немцев в области производства продуктов питания, она могла бы предотвратить крах 1918 г. и добиться для себя менее унизительного мира.

В одной из глав второго тома* я уже показал, как растущий недостаток продовольствия в 1916 г. стал серьезно беспокоить кабинет министров и как лорд Крофорд, лорд Сельборн и я не раз настаивали на разработке определенного плана решения продовольственной проблемы, а также на назначении специального контролера над продовольственными ресурсами, который ведал бы распределением продовольствия в стране. Последнее предложение было одним из многих, в отношении которых „принципиально“ было принято положительное решение, но без каких-либо практических последствий.

Все попытки убедить прежнее правительство в необходимости принятия мер для увеличения производства продовольствия оказались напрасны. Попрежнему допускалось сокращение посевной площади, благодаря чему наши внутренние ресурсы уменьшались.

При составлении правительства в декабре 1916 г. я имел в виду взяться за продовольственную проблему с обеих сторон: со стороны продовольствия и распределения. Я пригласил лорда Девонпорта занять пост первого контролера. Это был пост, к которому он был великолепно подготовлен продолжительной и весьма плодотворной работой в качестве крупного коммерсанта, а также административным опытом. Девонпорт был организатором больших коммерческих пред-

* Ср. т. I—II, глава 38.

приятий по продаже пищевых продуктов. Он был также председателем управления лондонского порта с 1909 г., а в 1905—1909 гг. — парламентским секретарем министерства торговли.

Этот пост требовал от лица, его занимающего, выдающихся административных способностей. Это не был пост, на котором человек посредственный мог хорошо управлять машиной, спокойно катившейся вперед по проторенному пути, с помощью штата чиновников-бюрократов. Необходимы были люди, которые были в состоянии принять твердые и энергичные меры по обеспечению ввоза и производства достаточного количества продовольствия для гражданского населения, для армии и наших союзников на континенте и в то же время могли изобрести соответствующие методы распределения, ограничив потребление таким образом, чтобы за счет уменьшенных и пожалуй недостаточных ресурсов удовлетворить потребности страны. Перед новым ведомством стояли две задачи, каждая из которых требовала вмешательства в деятельность наиболее индивидуалистических и наиболее консервативных отраслей хозяйства. Решение первой задачи требовало тесного сотрудничества между министерством сельского хозяйства, министерством мореходства, министерством национального обслуживания и военным министерством; разрешение второй задачи требовало твердости и такта в обращении с коммерсантом и потребителем. Лорд Девонпорт был знаком со всеми этими вопросами.

В своей первой речи в палате в качестве премьера 19 декабря 1916 г. я указал на эти задачи. К ним относится следующий отрывок из моей речи:

„Я считаю себя обязанным сказать несколько слов по продовольственному вопросу. Это несомненно серьезный вопрос. Продовольственное положение станет еще более серьезным, если не только правительство, но и вся страна не будет готова немедленно и смело взяться за разрешение этой проблемы. Важнейшие факты, характеризующие создавшееся положение, общеизвестны. Недород постиг почти весь мир. Возьмите Канаду и Соединенные штаты Америки. По сравнению с прошлым годом урожай уменьшился на несколько сот миллионов бушелей. Это означает, что остаток для экспорта уменьшился катастрофически. В мирное время мы всегда в состоянии восполнить недостаток в одной стране избытком в другой. Если неурожай, скажем, постиг Северную Америку, есть излишки хлёба в России или в Аргентине. Теперь однако виды на урожай в Аргентине плохи, а доставка хлеба из России и Австралии невозможна или связана с величайшими транспортными затруднениями. Обратимся к нашему собственному урожаю, который отнюдь нельзя считать ничтожной частью необходимого нам целого. У нас не только был плохой урожай, но — что еще более серьезно — в то время, когда должны были производиться посевы озимой пшеницы, погода стояла исключительно неблагоприятная. Я полагаю, что размер посевов составил не более трех восьмых обычного. Попы-

таемся разобраться в том, что это значит. Обратимся к последствиям создавшегося положения. Если страна не знает, как обстоит дело в действительности, нельзя требовать от народа, чтобы он выполнил свой долг. Правда, до некоторой степени недостаток можно восполнить посевом яровых. Однако, как известно каждому сельскому хозяину, посев яровых никогда не дает таких результатов, как посев озимых.

Таковы важнейшие факты об урожае. Нам следует также подумать об угрозе со стороны подводных лодок. Прежнее правительство приняло решение о назначении контролера продовольственных ресурсов. Мы провели это назначение: назначен способный опытный администратор, имеющий опыт в этом именно деле, человек весьма решительный и обладающий большой силой воли. Его помощники — наилучшие специалисты по этому вопросу из числа членов палаты... Стоящая перед ними задача носит двоякий характер: вопросы распределения сочетаются с вопросами производства. В отношении обеих сторон одной и той же проблемы мы должны обратиться ко всему народу с призывом принести подлинные жертвы. Однако в этих целях необходимо соблюдать принцип равенства жертв. Чрезмерное потребление богатых не должно создавать прямой недостаток у тех, кто не обладает значительными средствами. Мы можем, я уверен, рассчитывать на то, что люди всех классов и состояний в этом отношении будут честно выполнять свой долг. Всякого рода утайка в данном случае наносит вред всей стране, притом в такой момент, когда страна ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Поэтому мы должны обратиться ко всему народу (без помощи всего народа мы вообще не сможем добиться ничего), предложив всем помочь нам распределить наши ресурсы таким образом, чтобы в стране не было ни одного мужчины, ни одной женщины и ни одного ребенка, которые страдали бы от голода только потому, что другие имеют слишком много.

Обратимся к вопросу о производстве пищевых продуктов. Мы должны позаботиться о том, чтобы на каждом имеющемся клочке земли могло производиться продовольствие. Рабочие, которые могут найти применение в сельском хозяйстве, не должны быть заняты украшением садов и частных имений, пока не обеспечены продовольственные потребности страны. Необходимо наилучшим образом использовать землю и рабочие руки, увеличив продовольственные ресурсы страны в части зерна, картофеля и прочих пищевых продуктов. Все должны знать, что их долг помочь государству в производстве продовольствия и в увеличении общих запасов страны, которые были бы доступны для всех... Сотни тысяч людей отдали жизнь родине, миллионы пожертвовали удобствами домашнего очага и променяли их на повседневное соседство со смертью. Множество людей пожертвовало теми, кто им дороже всех. Пусть вся страна по-

жертвует удобствами, роскошью, избытком, тем, что украшает жизнь, во имя жертв, которые были принесены сынами родины. Провозгласим на время войны национальный пост...".

Этот отчет о продовольственном положении отнюдь не был преувеличением. Следует отметить еще и неблагоприятность метеорологических условий, которые вместе с фактом пренебрежительного отношения прежнего правительства к продовольственной проблеме создавали реальную угрозу нашим ресурсам.

Мы пожинали теперь плоды этой непредусмотрительности. Посевы были испорчены в силу метеорологических условий. Было слишком поздно подготовить значительное расширение площади посева для яровых. Непредусмотрительность прежнего правительства значительно ограничила возможности увеличения урожая в 1917 г. Это произошло не по вине министра сельского хозяйства. И лорд Сельборн и в особенности лорд Крофорд сделали все возможное, чтобы обратить внимание на эту угрозу; они настаивали на решительных мероприятиях. Но им не удалось побудить правительство принять нужные меры. Казалось, что в последний год пребывания прежнего правительства у власти влиятельная группа его членов решила, что мы не можем выиграть войну, и поэтому война должна быть закончена как можно скорее. Вот почему эта группа препятствовала проведению всех планов, которые могли затянуть войну. Они, казалось, не понимали, что неизбежный мир должен был быть плохим миром.

Летом 1915 г. был создан комитет под председательством лорда Милнера для выработки необходимых мероприятий с целью увеличить производство продовольствия в Англии и Уэльсе. Комитет предложил увеличить посевную площадь до уровня семидесятых годов; предлагалось занять вновь под пашню те площади, которые за истекшие десятилетия были превращены в пастбища для скота. Под пшеницу предполагалось засеять вновь более миллиона акров. Комитет предлагал гарантировать определенные сельскохозяйственные цены на четыре года вперед, создав для фермеров стимул к превращению пастбищ в пашню. Одновременно комитет предлагал гарантировать повышенные ставки зарплаты для сельскохозяйственных рабочих.

Эти предложения были однако тогда же отвергнуты правительством. Лорд Сельборн, который был тогда министром сельского хозяйства, заявил 26 августа 1915 г. на собрании сельских хозяев, что ввиду благоприятных видов на урожай в Канаде и Австралии, исключительно высокого урожая, собранного в этом году в Великобритании, а также вследствие того, что по мере развития военных действий на восточных фронтах необходимость в отправке сельскохозяйственных рабочих на фронт возрастет и в связи с этим возрастут затруднения, испытываемые фермерами, а также ввиду неизбежности крупных финансовых затруднений после войны правительство решило, что оно не в состоянии взять на себя дополнительные обязательства, связанные с гарантированием сельскохозяйственных цен.

В этот период угроза подводной войны несколько ослабела. Немцы были испуганы бурей протестов, вызванных подводной войной в нейтральных странах. В течение последующих нескольких месяцев подводная блокада не была столь ожесточенной. Не предполагали, что она достигнет угрожающих размеров к осени 1916 г. Но в 1916 г. урожай повсюду был недостаточен. В Канаде, США и Аргентине общий урожай зерновых был меньше урожая 1915 г. более чем на 400 тысяч тонн. Набор в армию вызвал сокращение числа рабочих в деревне. Сельское население является наиболее пригодным для военной службы с точки зрения здоровья, и поэтому сельскохозяйственные рабочие особенно привлекают внимание чиновников, проводящих рекрутский набор. Недостаток рабочих рук в деревне принял угрожающий характер. Когда к этим затруднениям прибавился внезапный рост потерь тоннажа от подводной войны, наивный оптимизм предшествующего года был резко поколеблен.

Я всегда испытывал тревогу по поводу наших продовольственных ресурсов, а усиление подводной войны в 1916 г. еще увеличило мои опасения. Существовали два пути разрешения этой проблемы. Один путь заключался в более рациональном использовании наличных продовольственных ресурсов, другой — в увеличении производства в Англии. Я всегда придерживался того мнения, что при расширении агрономических знаний и с помощью механизации мы могли по крайней мере вдвое увеличить сельскохозяйственную продукцию страны. В течение многих лет до войны я поддерживал связи со многими передовыми сельскими хозяевами королевства, и мое убеждение основывалось на их опыте.

Следующее письмо дает понятие о том, как представлялось создавшееся тогда положение одному хорошо осведомленному наблюдателю.

Один из наиболее видных сельских хозяев сэр Кристофер Тернор писал мне в ноябре 1916 г., за две недели до того, как я стал премьером:

„Сток Рочфорд
Грантам,

23 ноября 1916 г.

Вопрос о производстве пищевых продуктов в самой Англии становится настолько серьезным, что я прошу Вашего разрешения представить Вам по этому поводу некоторые свои соображения, зная Ваш глубокий интерес к английскому сельскому хозяйству.

Мы производим в Англии меньше, чем до войны, и в 1917 г. урожай будет ниже, чем в 1916 г.

Значительная часть нашей земельной площади не обрабатывается более. Мы не успеем оглянуться, как общая стоимость земли в стране уменьшится на 300—400 миллионов фунтов стерлингов. Это будет весьма серьезным препятствием к восстановлению хозяйства после войны.

Мы совершили большую ошибку, что не считали продовольствие важнейшим видом военного снаряжения и сельскохозяйственную ферму — своего рода военным заводом.

Если бы мы с самого начала пришли к соглашению с фермерами и определенно указали им, что им следует предпринять, наше положение уже сегодня было бы совершенно иным.

Искренно ваш

Кристофер Тернор".

Новый военный кабинет 13 декабря 1916 г., т. е. спустя четыре дня после своего образования, посвятил специальное заседание рассмотрению продовольственного вопроса и организации внутреннего производства. Новый контролер продовольственных ресурсов лорд Девонпорт и его ближайший помощник по новому ведомству капитан Бетгерст (ныне лорд Бледисло) присутствовали на этом заседании вместе с министром сельского хозяйства г. Р. Е. Прозеро (ныне лорд Эриле). Кабинет пришел к следующим выводам, которые представляют интерес и сегодня, поскольку речь идет о соглашении между производителями и потребителями в вопросе, интересующем обе стороны.

1. Прежде всего необходимо разграничение компетенций контролера продовольственных ресурсов и министра сельского хозяйства и рыболовства. Г-н Прозеро и лорд Девонпорт обязались выработать соответствующее соглашение и сообщить о результатах своих переговоров военному кабинету.

2. Установление твердых цен на 1917 г. было в принципе одобрено. Детальная разработка этого вопроса была предоставлена министру сельского хозяйства и рыболовства совместно с контролером продовольственных ресурсов; разногласия между ними подлежали разрешению военного кабинета.

3. Если после взаимной консультации оба министра сочли бы желательным распространить фиксацию цен на более продолжительный период, этот вопрос подлежал повторному рассмотрению на заседании военного кабинета.

4. Для того чтобы обеспечить производство молока по твердой цене, контролеру продовольственных ресурсов предлагалось разрешить вопрос о ценах на корма для скота.

5. Контролеру продовольственных ресурсов и министру сельского хозяйства и рыболовства предоставлялось право производить расходы, необходимые для стимулирования сельскохозяйственного производства в стране.

Так как расширение производства пищевых продуктов было совершенно необходимо, то решительные меры были приняты немедленно. В данном вопросе нам очень помог отчет, составленный группой специалистов под руководством лорда Крофорда.

1 января 1917 г. министерство сельского хозяйства учредило департамент производства пищевых продуктов под руководством сэра Т. Х. Миддльтона со специальной целью способствовать увеличению посевной площади. 10 января королевским декретом министерству

сельского хозяйства и рыболовства для Англии и Уэльса и шотландскому министерству сельского хозяйства для Шотландии были предоставлены права издавать распоряжения об улучшении обработки земли.

Министерство получило право отбирать у частных лиц в целях сельскохозяйственной обработки всякую территорию, которую министерство найдет недостаточно используемой, конфисковать сельскохозяйственные орудия и скот, необходимые для увеличения производства пищевых продуктов, регулировать использование земли и предписывать запашку пастбищ, а также отчуждать в принудительном порядке землю фермеров, производивших недостаточное количество продовольствия на своей земле, и передавать другим лицам. Интересы всего государства были поставлены над частными интересами и классовыми привилегиями, которые не должны были служить помехой обеспечению безопасности страны и успешному исходу того ужасного предприятия, в которое была втянута страна ходом исторических событий.

Ведомство Миддльтона работало с помощью небольших местных комитетов, созданных военными сельскохозяйственными комитетами графств, которые существовали уже ранее. Дальнейший набор в армию сельскохозяйственных рабочих вне зависимости от того, кончилась ли их отсрочка по призыву, воспрещался, пока правительство не получит возможности познакомиться с результатами сельскохозяйственной переписи, во всяком случае до 1 февраля 1917 г. Было предложено, чтобы солдаты территориальной армии, имеющие опыт в сельскохозяйственных работах, были сформированы в специальные батальоны и предоставлены в распоряжение министерства; к ним следовало присоединить также определенное число лиц, не обладавших достаточным опытом работы в сельском хозяйстве. Германские военнопленные, пригодные для сельскохозяйственных работ, также могли быть использованы министерством. Предлагалось усилить существующую организацию набора женщин для работы в сельском хозяйстве. „Военные сельскохозяйственные комитеты должны были сделать все, что было в их силах, для более полного использования женского труда и создать условия, необходимые для его рационального применения в сельском хозяйстве“.

Министерство должно было также обеспечить использование всех наличных сельскохозяйственных машин и орудий. Оно должно было „обеспечить использование всех паровых плугов, подвижных молотилок и тракторов, которые находятся в обладании тех, кто обычно сдает их в аренду фермерам на срок“. И далее: „Стараясь не вмешиваться в обработку земли теми фермерами, которые обладают этими орудиями на правах собственности, министерство тем не менее должно обеспечить за собой право распоряжения этими машинами в то время, когда они не используются собственником по назначению, для того чтобы использовать их для обработки земли в том же районе“. Другие пожелания комитетов относились к доставке удобрений, фуража и картофеля для посева и к убою скота. В отноше-

нии вспашки пастбищ комитеты предлагали действовать в принудительном порядке. Предлагалось гарантировать цены на пшеницу и овес сроком на четыре года. Эти предложения служат отражением политики, которую мы немедленно начали осуществлять.

Увеличение нашего собственного производства продовольствия не могло быть достигнуто легко или немедленно. Урожай 1916 г. был неблагоприятен; урожай зерна недостаточен, урожай картофеля — недостаточен и плохого качества. Посев озимых на 1917 г. задерживался вследствие неблагоприятных метеорологических условий. Вследствие неосмотрительного набора в войска в сельском хозяйстве нехватало рабочих рук. Наблюдался недостаток удобрений, кормов для скота и тракторов. Земля плохо обрабатывалась и получала недостаточное количество удобрений, в то время как тщательная обработка была нужнее, чем когда-либо. Поэтому недостаточный урожай 1916 г. должен был в дальнейшем еще более сократиться. Предполагавшееся увеличение производства продовольствия не могло быть осуществлено ранее осени 1917 г., но это могло быть только результатом исключительных мероприятий. Общее сокращение ввоза вследствие войны и недостатка судов препятствовало поступлению достаточного количества фуража для скота и удобрений для почвы.

Для разрешение вопроса о снабжении продовольствием рабочих мы предлагали два пути. Во-первых, мы пытались мобилизовать досуг всех граждан для развития огородничества. Эти мероприятия были одобрены прежним правительством. Уже в первый год войны быстро росло движение в пользу развития городского огородничества. К концу 1916 г. лорд Крофорд решил с этой целью настоять на дальнейшем расширении своих прав по закону об охране государства. 5 декабря 1916 г. были изданы правила, по которым министерство сельского хозяйства получало право временно отчуждать любой участок земли для обработки и переуступать свои полномочия местным властям. 8 декабря, на следующий день после того как я занял пост премьера, я предоставил министерству сельского хозяйства право издать распоряжение об обработке земли (1916 г.). Это распоряжение предоставляло городским властям полномочия по отчуждению незанятой земли под огороды, не запрашивая предварительно согласия владельца, по выделению участков на коммунальной земле с согласия министерства и на любой земле с согласия владельца и арендатора. Согласно этому распоряжению были выделены земельные участки на пустошах, коммунальных и незанятых землях, предназначенных под застройку. Гемпстед Хис в Лондоне был распахан под картофель. Городские власти не вносили никакой арендной платы владельцам незанятой земли или пустошей, а держатели участков уплачивали ренту лишь в таких размерах, которые покрывали стоимость предоставления им земли и подготовки ее для обработки.

Местным властям было предоставлено право не только приводить землю в пригодное для обработки состояние, но и предоставлять огородникам семена, удобрения и сельскохозяйственные орудия по себестоимости. Предоставление картофельных семян было осо-

бенно затруднительно ввиду относительного неурожая в 1916 г., в особенности в Шотландии и Ирландии, откуда мы получаем лучшие семена. В конце концов это затруднение удалось преодолеть с успехом, достигнув значительного увеличения посевов картофеля в 1916 г. по сравнению с предшествующими годами.

Статистические сведения, собранные в 1 161 городе, показывают, что в 1917 г. городские власти предоставили под огороды 19 812 акров земли, всего 273 822 участка при 301 359 поступивших требованиях на них. Это движение еще более разрослось в 1918 г., и департамент огородничества считал, что в 1918 г. во всей стране имелось около 1 400 тысяч огородных участков, из которых 830 тысяч было распределено после начала войны. Около 400 тысяч участков было распределено с 1916 г. местными властями, которые воспользовались полномочиями, предоставленными им распоряжением об обработке земли (1916 г.). Преобладающее большинство огородов возделывали городские жители. Таким образом это движение, которое быть может лишь отчасти содействовало увеличению запасов продовольствия на рынке, привело по крайней мере к обработке нескольких десятков тысяч акров пустоши.

Горожане применили свои способности к огородничеству, увеличили производство продовольствия и обеспечили картофелем и свежими овощами почти $1\frac{1}{2}$ миллиона семей.

Как бы ни была важна роль, которую сыграло движение огородничества, содействуя поддержанию здоровья населения во время войны, тем не менее это движение могло лишь частично помочь разрешению продовольственной проблемы. Большая часть наших продовольственных ресурсов, в равной степени предназначенных для внутренних потребностей страны и для армии, должна была либо производиться нашими фермерами, либо ввозиться из-за границы; по причинам, которые были указаны мною выше, перспективы того и другого были неблагоприятны.

Мы немедленно занялись рабочим вопросом и приняли меры для того, чтобы покончить с недостатками рабочих рук в сельском хозяйстве.

При всей необходимости обеспечить дополнительные рабочие руки для сельского хозяйства в добровольном порядке нам надо было также удовлетворить требования военного командования в части набора солдат для армии. Эти требования с каждым днем становились все решительнее. Опустошения в рядах наших войск после кровопролитных боев на Сомме должны были быть восполнены. На военном совете в Шантильи было решено возобновить атаки такого же характера, едва только наши потрепанные части будут доведены до нормального состояния. Поэтому каждая отрасль хозяйства должна была внести свою лепту на алтарь войны. Военное ведомство уведомило г. Невилля Чемберлена, бывшего директором национального обслуживания, что военному ведомству понадобятся в течение первого квартала 1917 г. еще 350 тысяч рекрутов категории А, а также

100 тысяч человек категорий Б и В. Невилль Чемберлен предложил в числе прочих мероприятий, направленных к удовлетворению этих требований военного ведомства, отменить все удостоверения об освобождении от военной службы лиц, родившихся в 1895—1898 гг. (т. е. в возрасте от 19 до 22 лет). Это предложение было рассмотрено военным кабинетом, который вынес следующие решения:

1. Решение военного кабинета об изъятии из сельского хозяйства 30 тысяч человек для отправки на фронт к концу января остается в силе.

2. Фельдмаршалу лорду Френчу поручается найти 15 тысяч человек для замещения выбывающих сельскохозяйственных рабочих из состава территориальных войск; 15 тысяч должно дать военное ведомство из числа лиц, призванных в армию, но найденных негодными для военной службы.

3. Представители военного ведомства получают указание сообщать военному ведомству и конногвардейскому управлению имена владельцев ферм и все необходимые сведения о них в тех случаях, когда фермерам необходима рабочая сила.

4. Министру сельского хозяйства поручается представить военному ведомству списки районов, в которых необходимы особые меры для борьбы с недостатком рабочих рук в сельском хозяйстве.

5. Директор национального обслуживания получает право принудительно изымать рабочих из садоводства и тому подобных профессий; одна треть всех садовников должна быть направлена на работы в сельском хозяйстве.

6. Предложить различным женским организациям подыскать женщин-работниц, которые могли бы заменить мужчин; все необходимые в этом отношении меры должны быть немедленно приняты министерством сельского хозяйства.

7. Все данные в парламенте обещания не препятствовать свободному переходу рабочих с одной работы на другую должны быть немедленно взяты назад в согласии с решением прежнего правительства по этому вопросу.

Эти решения сопровождались двумя оговорками:

1. Военный комитет сам примет решение по вопросу об угрозе десанта на территории Англии, и фельдмаршал лорд Френч освобождается от всякой ответственности в этом вопросе.

2. Вопрос о Шотландии подлежит особому рассмотрению в связи с предложениями, представленными министром по делам Шотландии премьер-министру и военному министру.

Упомянутая угроза десанта относилась к поднятому адмиралтейством вопросу об опасности появления германской армии на берегах Англии. Это была самая заплесневелая, самая выгодная для наших военных „угроза". Всякий раз, когда наши генералы и адмиралы хотят увеличить количество нужных им солдат и снаряжения, они очищают от исторической пыли и обновляют это оружие. В течение минувшего столетия эта опасность принимала французские цвета; ныне ее одели в германскую форму. Военное командование требовало

солдат, и следовательно адмиралов убедили заявить, что они, дескать, не могут поручиться, что неприятель не окажется в состоянии высадить в Англии 150 тысяч человек в любой момент, и что главная эскадра не сможет помешать подобной операции в течение 24 или более часов, после того как германская эскадра появится у берегов Англии. Мы присутствовали при позорном зрелище признания своего бессилия командованием величайшего флота в мире. Но адмиралы, которые не стеснялись признаться в своей неспособности помешать подводным лодкам, естественно должны были бояться всего на свете. Военный кабинет отказался серьезно считаться с этим нервным припадком адмиралов. Было ясно, что если Германия, не обеспечив своего господства на море, отправит подобный десантный корпус и если ей даже удастся высадить его и перевезти для него снаряжение, то он будет немедленно отрезан с суши и с моря и вынужден будет сдаться. Транспортам, на которых эти войска были бы перевезены, и кораблям, их сопровождавшим, грозила гибель в море или сдача. Лорд Френч согласился с нами в том, что возможность подобного десанта была в высшей степени сомнительна. Правительство считало, что наши потребности в увеличении производства продовольствия были гораздо более реальными и настоятельными, чем необходимость держать в боевой готовности большие силы для отражения этой фантастической опасности.

Поэтому военный кабинет одобрил предложения совещания и поручил министру сельского хозяйства подготовить совместно с военным министром сообщение в печать о намеченных мероприятиях.

Проблема рабочих рук в сельском хозяйстве осложнилась в это время вследствие ряда новых факторов. Армия вдвойне притягивала к себе сельскохозяйственных рабочих. Во-первых, среди сельскохозяйственных рабочих было больше людей категории А, чем среди городских рабочих, выросших в домах-трущобах и на нездоровых улицах наших отравленных фабричной копотью городов. Поэтому военные в каждой рекрутской комиссии с вожделением смотрели на здоровых сыновей земли и с радостью готовы были одеть их в военную форму. С другой стороны, зарплата сельскохозяйственных рабочих была настолько низкой, что солдатский оклад с прибавкой пособий на семью казался им идеалом; этого конечно нельзя сказать о хорошо оплачиваемых рабочих военных заводов или служащих Сити. Более того, сельское хозяйство не было организовано, чтобы противостоять этой тяге в армию. Сельскохозяйственные рабочие не были объединены в мощные тред-юнионы, которые могли бы защитить интересы своих членов, а у фермеров не было своей федерации предпринимателей, которая могла бы сравниться по своему значению с федерациями заводчиков и фабрикантов в важнейших отраслях обрабатывающей промышленности. Какое бы влияние ни оказывали теперь на правительство союз сельскохозяйственных рабочих и союз фермеров, в те дни это влияние было ничтожно.

Организационные дефекты и отсутствие гибкости затруднили замену взятых на фронт квалифицированных сельскохозяйственных рабочих,

Когда фермерам впервые предложили в качестве рабочих германских военнопленных, они крайне неохотно соглашались воспользоваться их услугами, хотя почти все немцы были квалифицированными сельскохозяйственными рабочими. Но когда умение и прилежание немцев были доказаны на опыте, со стороны фермеров возник значительный спрос на их работу. Осенью 1918 г. не менее 30 тысяч германских военнопленных работало в английских деревнях, помогая нам собирать урожай.

Когда в 1915 г. министерство сельского хозяйства пыталось содействовать применению женского труда — юбочной бригады, как некоторые говорили в шутку, оно встретилось вначале с большими затруднениями со стороны фермеров. Конечно на семейных фермах были работы, которые давно уже выполнялись женщинами — они доили коров, сбивали масло, ходили за птицей, участвовали в сборе урожая и т. п. Но мысль о том, чтобы женщины выполняли обычные сельскохозяйственные работы, вызывала у сельского населения лишь насмешки. Эти насмешки вызвали гнев „слабого пола“, когда один из членов ланчестонского опекунского совета публично заявил, что женщины не в состоянии выполнять определенные виды сельскохозяйственных работ. Женщины опровергли его заявление в печати, и восемь женщин явились на публичное состязание, в котором они успешно справились с важнейшими сельскохозяйственными работами. Это состязание состоялось в марте 1916 г. и привлекло такой интерес, что через месяц в Труро состоялось новое публичное состязание всего графства. Здесь в состязании приняли участие 43 женщины. Они выполнили семь тяжелых процессов сельскохозяйственных работ, в том числе по упряжке, езде на лошадях, пахоте, закладке удобрений и посеву картофеля. Заданные сельскохозяйственные работы были такого характера, какие выполняют лишь квалифицированные и вполне здоровые сельскохозяйственные рабочие. Один из членов жюри впоследствии писал:

> „Некоторые работы были действительно выполнены весьма успешно. Закладка удобрения и посев были проведены великолепно, а то, как некоторые из состязавшихся обращались с лошадьми в упряжке и с бороною, даже поразило многих зрителей... Я хотел бы видеть тех мужчин, которые посмели бы смеяться над тем, как эти женщины пахали“.

Успешное выполнение сельскохозяйственных работ женщинами, о котором свидетельствовало отмеченное состязание, постепенно завоевало себе признание среди фермеров; с лета 1916 г. число сельскохозяйственных работниц стало увеличиваться.

В январе 1917 г. министерство сельского хозяйства создало отдел женского труда, который в марте был подчинен департаменту производства продовольствия. Этот отдел занялся организацией женского труда для ферм. Работницы были разбиты на два разряда — случайных или сезонных работниц, которые не могли оставить своего дома в городе, но могли помочь в сельскохозяйственных работах, и

работниц постоянного состава женской сельскохозяйственной армии, т. е. тех девушек и женщин, которые готовы были итти на постоянную работу по любому требованию.

Работниц первого разряда всегда было довольно много. Перепись 1911 г. показала, что в сельском хозяйстве было занято 70 тысяч женщин. При посредстве комитетов женского труда в графствах удалось привлечь значительно большее число работниц. К 1918 г. статистика показала, что в сельском хозяйстве в Англии и Уэльсе работало около 230 тысяч женщин и девушек.

Набор женской сельскохозяйственной армии начался в начале 1917 г. при посредстве ведомства национального обслуживания, а затем при участии министерства труда и департамента производства продовольствия. Правительство с самого начала предложило женщинам следующие условия: бесплатное обучение в течение одного месяца в одном из 600 центров обучения, организованных на фермах, где имелись соответствующие бараки и прозодежда; *минимальная зарплата в размере 18 шиллингов в неделю** и пропитание в бараках в случае безработицы. Конечно было очень важно, чтобы новая сельскохозяйственная армия произвела хорошее впечатление с самого же начала и преодолела таким образом общее недоброжелательство и недоверие со стороны фермеров. Первые рекруты женской армии были подобраны весьма тщательно. Из 47 тысяч женщин, подавших заявления, было принято в самом начале всего 7 тысяч.

Среди различных категорий рабочих, которые были вовлечены в сельское хозяйство во время войны — солдат из территориальных войск, военнопленных, необученных городских рабочих, взятых взамен призванных в войска сельскохозяйственных рабочих, — работница в деревне была наиболее красочной фигурой и в некоторых отношениях может быть наиболее ценной. Одетая, как мужчина, в сапоги, с коротко остриженными волосами, работница разрушала самые консервативные устои английской деревни. Работницы рекрутировались из самых различных слоев общества, и хотя в каждой группе людей есть плохие, хорошие и средние люди, общий уровень работниц сельскохозяйственной армии был высоким. Работница принесла с собой энтузиазм, энергию, подвижный и лишенный предрассудков ум; одним своим примером она подхлестывала энергию других.

Проблема труда была конечно лишь одним из элементов общей проблемы, с которой нам пришлось столкнуться в первые же недели пребывания у власти нового правительства. Общая проблема заключалась в стимулировании сельского хозяйства, для того чтобы восполнить посевы озимых и увеличить урожай 1917 г. В начале февраля г. Прозеро и я решили обратиться к помощи сэра Артура Ли (ныне лорд Ли оф Фейрхем), который оказал нам столь значительные и важные услуги в организации производства военного снаряжения.

---

* Средняя зарплата до войны в Англии составляла 14 шиллингов в неделю.

Я полагал, что завтрак в доме премьера на Даунинг стрит явится подходящим случаем для обсуждения продовольственной проблемы. Через несколько дней после обсуждения этой темы у меня за завтраком Ли изложил свои соображения в форме меморандума, который был тщательно рассмотрен министерством сельского хозяйства, в основном принят им и представлен мне 14 февраля.

Положение сельского хозяйства характеризовалось в меморандуме как весьма серьезное. Доверие фермеров было опасным образом подорвано за последние несколько месяцев. Ли предупреждал нас, что если это доверие не будет немедленно восстановлено, производство сократится и количество английских пищевых продуктов по сравнению с предыдущим годом уменьшится.

Система гарантированных на несколько лет цен казалась ему единственным средством, которое могло бы восстановить доверие фермера и побудило бы его расширить производство, идя на связанные с этим начальные расходы и риск. Фермеры опасались сильного падения цен после войны. К тому же их пугала перспектива оказаться после войны связанными большим количеством пахотной земли.

Во время войны зарплата сельскохозяйственных рабочих повысилась по крайней мере в полтора раза. Имевшихся рабочих рук нехватало, они были дороги, а рабочие были мало квалифицированы. Удобрения были дороги и недостаточны, корма для скота нехватало. Все эти обстоятельства способствовали тому, что издержки сельскохозяйственного производства выросли почти вдвое.

> „Повышение зарплаты будет постоянным, — гласил меморандум. — Никто из тех, кому дороги интересы деревни и сельского хозяйства вообще, не хочет возвращения к прежним ставкам зарплаты. Однако новые стандартные ставки зарплаты, которые предусматриваются намеченной политикой, делают необходимым обеспечение фермеру таких цен, которые позволили бы ему платить рабочим высокие ставки. Без подобной уверенности в будущем фермер не может и думать о поддержании размеров своего производства на прежнем уровне, не говоря уже о расширении его“.

Далее в меморандуме г. Прозеро предлагалось установить шкалу гарантированных минимальных цен на пшеницу, овес и картофель сроком до 1922 г.; предлагалось установить более высокую шкалу цен, причем правительство обязывалось не производить реквизиций продовольствия по ценам ниже этой шкалы. Одновременно предлагалось установить стандартную зарплату для сельскохозяйственных рабочих.

Этот меморандум был рассмотрен военным кабинетом в тот же день. На заседании присутствовал г. Прозеро и его наиболее верные помощники. Вместе с ними он настаивал на том, что мы должны дать фермерам особый стимул для расширения производства пищевых продуктов.

После продолжительного обсуждения военный кабинет решил

утвердить в принципе гарантирование цен на пшеницу, овес и картофель. Была принята следующая шкала цен:

На пшеницу за четверть в 504 англофунтов:
60 шиллингов в 1917 г.
55 „ в 1918 и 1919 гг.
45 „ в 1920, 1921 и 1922 гг.

На овес за четверть в 336 англофунтов:
38 шиллингов 6 пенсов в 1917 г.
32 „ в 1918 и 1919 гг.
24 „ в 1920, 1921 и 1922 гг.

На картофель за тонну:
6 фунтов стерлингов в 1917 г.
4 „ „ 10 шиллингов в 1918—1919 гг.

При реквизиции продовольствия в течение первых трех лет гарантии правительство обязывалось уплачивать не менее 70 шиллингов за пшеницу и 45 шиллингов за овес, а за картофель не менее 8 фунтов стерлингов за тонну в 1917 г. и 7 фунтов стерлингов в 1918 и 1919 гг.

Для проведения гарантированных цен правительство должно обеспечить зарплату в размере 25 шиллингов в неделю * для сельскохозяйственных рабочих в течение всего периода гарантированных цен и создать трибуналы для фиксации зарплаты, для наилучшего использования в принудительном порядке имеющейся у владельцев и держателей земли и для предотвращения роста арендной платы на все время государственной гарантии. В отдельных случаях допускались исключения, например когда земельный собственник сам уплачивал десятину; в этих особых случаях повышение арендной платы нуждалось в санкции министерства сельского хозяйства.

Решение о фиксации минимальных цен за реквизированное продовольствие было однако пересмотрено 17 февраля, и решено было не создавать в этой области твердых обязательств для правительства; после повторного обсуждения вопрос о ценах на картофель после 1917 г. также был оставлен открытым. На нашем заседании 17 февраля было отмечено, что фермеры, к которым обратились за советом, готовы были уплачивать минимальную зарплату в размере 25 шиллингов в неделю, если им будут гарантированы минимальные цены за их продукты. Лорд Чаплин посетил меня и заявил о том, что поддержит политику гарантии минимальных цен. Он не надеялся на значительное увеличение производства в 1917 г., так как необходимо было еще произвести расчистку почвы; фермеры не соглашались распахать свое пастбище до получения гарантии. Интересные комментарии к намеченной схеме были высказаны капитаном Бетхерстом. Заявив, что он представляет в палате общин округ, где живут наиболее низко оплачиваемые сельскохозяйственные рабочие в Ан-

* Средняя зарплата сельскохозяйственного рабочего в Англии до войны колебалась от 12 шиллингов 9 пенсов до 18 шиллингов в неделю. Средняя может быть установлена примерно в 14 шиллингов в неделю.

глии, капитан Бетхерст указал, что сами фермеры все более и более убеждаются в том, что лучше оплачиваемые рабочие лучше работают. Более просвещенные фермеры склонялись к созданию трибунала для установления размеров зарплаты, потому что этот трибунал создал бы одинаковые условия для всех фермеров.

На этом заседании мы также обсудили вопрос об охоте на фазанов и решили поручить министерству сельского хозяйства принять все необходимые меры, чтобы помешать им наносить вред нашим посевам. Война почти совершенно уничтожила осеннюю охоту. В результате вред, наносимый фазанами, значительно увеличился. Министерству было предоставлено право издать циркуляр, который разрешал держателям земли истреблять фазанов в тех случаях, когда сами землевладельцы не заботились об их истреблении.

Война, которая уничтожила столько старинных обычаев, нарушила в данном случае священные феодальные пережитки — английские законы об охоте. Для военного времени характерно, что это решительное нарушение привилегий, ревностно оберегавшихся в течение стольких столетий, было проведено в жизнь и осуществлено без малейшего протеста.

Другим важным мероприятием было решение о предоставлении сельскохозяйственных кредитов фермерам. 23 января 1917 г. было предложено министру сельского хозяйства выработать план предоставления фермерам кредитов на покупку семян, удобрителей и кормов для скота при посредстве местных банков под обеспечение урожая 1917 г., который правительство обязывалось закупить у фермеров по гарантированным ценам. 22 февраля министр сельского хозяйства сообщил, что он достиг необходимого соглашения с банками и что кредиты могут быть получены на основании выданных военными сельскохозяйственными комитетами графств удостоверений о том, что полученные суммы будут затрачены на увеличение производительности почвы.

То были смелые решения для правительства, в котором участвовало несколько крупных землевладельцев. Подумайте только: ограничение арендной платы по закону; увеличение вдвое зарплаты сельскохозяйственным рабочим; принудительная обработка парков; право арендаторов убивать дичь. Пока шло обсуждение и принимались решения, лорд Бальфур сидел, не проронив ни слова, но как-то насмешливо улыбаясь. Наконец он посмотрел на часы и сказал: „По моему подсчету, мы делали по революции каждые полчаса“. На следующий день, 23 февраля 1917 г., я произнес пространную речь в палате общин по продовольственному вопросу и по вопросу о мореходстве. В этом выступлении я между прочим сказал следующее:

> „Я теперь подхожу к третьему и быть может наиболее важному средству, с помощью которого в области внутреннего производства мы можем помочь стране преодолеть создавшиеся затруднения. Я имею в виду производство продовольствия. Через двадцать лет после отмены хлебных законов мы производили

у себя дома вдвое больше пшеницы, чем ввозили из-за границы... С тех пор от 4 до 5 миллионов акров были превращены в пастбища и около половины всех сельскохозяйственных рабочих эмигрировали за границу или в города. Без сомнения, государство проявило такое безразличие к сельскому хозяйству, которое может оказаться роковым для самого существования нашей страны, и эту ошибку не следует больше повторять. Ни одна цивилизованная страна в мире не затрачивала — прямо или косвенно — меньше, чем мы, или даже столько, сколько мы, на нужды сельского хозяйства. Я позволил себе обратить внимание на это еще в 1909 г. От 70 до 80% важнейшего из видов зерна для потребления (пшеницы) мы ввозим из-за границы. Я хотел бы, чтобы теперь вся страна знала, что наши продовольственные запасы весьма незначительны, угрожающе незначительны, что они меньше, чем когда бы то ни было на нашей памяти. Поэтому, во имя безопасности страны... необходимо, чтобы мы немедленно сделали все, что в наших силах, для увеличения производства в этом году и для повышения урожая будущего года".

Я обратился с призывом помочь министру сельского хозяйства в осуществлении его тяжелой задачи и указал на некоторые важнейшие ее особенности. Я указал далее, что затруднения на пути к расширению посевной площади заключались не только в недостатке рабочих рук, как бы ни был серьезен сам по себе этот вопрос. Когда заходила речь о запашке пастбищ, важнейшим препятствием были опасения фермеров.

„Фермеры в качестве земледельцев дважды оказались в невыгодном положении и потеряли очень много — в первый раз в 1880 г. и во второй раз в 1890 г. После этого фермеры переживали волнения, кризис и банкротства в течение многих лет. Их сбережения были полностью исчерпаны, им часто приходилось влезать на долгие годы в долги. Никто не помнит прошлого так хорошо, как земледелец; его мозг испещрен бороздами воспоминаний, подобно тому как плуг бороздит землю. Истекшие годы вызвали у английского фермера страх перед плугом, и нет смысла вступать с ним в дискуссию по этому поводу. Нужно восстановить его доверие. В противном случае он откажется итти за плугом".

Я изложил причины, на основании которых мы думали, что во время войны, а также в течение двух или трех лет после войны сельскохозяйственные цены должны остаться на высоком уровне. Основываясь на этом, я заявил о нашем намерении предоставить правительственную гарантию минимальных цен фермерам. Эта гарантия сопровождалась дополнительными обязательствами. Рабочим должна быть предоставлена гарантия минимальной зарплаты. Это не необходимо в Шотландии, где зарплата была выше, но в Англии, где семейное пособие, выплачиваемое женам и семьям солдат, было

больше той зарплаты, которую сельскохозяйственные рабочие привыкли получать за свой труд до войны, такая гарантия была необходима, тем более, что схема национального обслуживания предусматривала установление минимальной зарплаты в размере 25 шиллингов в неделю; этот минимум относился и к тем, кто должен был быть отправлен на сельскохозяйственные работы. В Ирландии предполагалось установить уровень зарплаты путем учреждения особых трибуналов. Далее, в качестве необходимого условия гарантии цен следовало предотвратить повышение арендной платы. „Мы не должны повторять того, что случилось во время наполеоновских войн. Тогда произошло огромное повышение цен, и рента к концу войны была повышена почти вдвое". Землевладельцы не должны воспользоваться правительственной гарантией, которая может повлечь за собой потерю государственных средств, для повышения арендной платы. Даже в исключительных случаях, когда может существовать вполне законный повод для повышения ренты помимо правительственной гарантии, подобное повышение не должно быть произведено без соответствующего расследования и одобрения со стороны министерства сельского хозяйства в каждом отдельном случае. Затем я подошел к самому интересному и быть может самому плодотворному предложению правительства. Полное его значение станет ясно лишь тогда, когда все поймут его ценность для общества в целом.

„Министерству сельского хозяйства будут даны полномочия для принудительной обработки почвы. Совершенно очевидно, что было бы несправедливо по отношению к обществу в целом, чтобы отдельный владелец не использовал своей земли, которая способна производить продовольственные продукты, потому что он слишком эгоистичен или слишком ленив, для того чтобы обрабатывать ее наилучшим образом. Поэтому правительство должно иметь право при посредстве соответствующего ведомства осуществлять обработку почвы в принудительном порядке".

По вопросу о ценах я объявил во всеобщее сведение о том, какие цены были утверждены военным кабинетом на пшеницу, овес и картофель. Я призвал фермеров на основе этой гарантии цен сделать все, что было в их силах, для повышения урожая 1917 г. и наилучшего использования остающегося у них времени. Как показали события последних лет, я проявил известный оптимизм, заявив, что „страна, как никогда прежде, сознает исключительную ценность сельского хозяйства в интересах всего народа; что бы ни случилось с сельским хозяйством, оно всегда может рассчитывать на внимание со стороны любого правительства". Трудно искоренить привычку городского населения смотреть на деревню как на место для пикников и прогулок, где землевладельцы часто ограничивают и уничтожают имеющиеся удобства для спорта и отдыха. Городское население еще окончательно не убедилось в подлинном значении

сельского хозяйства для безопасности, постоянного благоденствия и всеобщего довольства страны.

Созданный в начале января г. Прозеро департамент производства продовольствия был к этому времени значительно расширен. В феврале было решено сделать его самостоятельным ведомством под руководством генерал-директора, ответственного перед министром, но в остальном не связанного с министерством сельского хозяйства. На этот новый пост был назначен сэр Артур Ли. Он принес с собой на новый пост ту же настойчивость, энергию и находчивость, которые он уже обнаружил в своей работе в министерстве военного снаряжения; я рассказал об этом в другом месте. Ли занял свой пост 19 февраля 1917 г., и с тех пор на новый департамент была возложена ответственность за снабжение сельских хозяев рабочей силой, сельскохозяйственными орудиями и удобрениями. Новый департамент стал также осуществлять те полномочия, которые были предоставлены правительству по закону о защите государства в области производства продовольствия.

Наше решение о значительном расширении посевной площади было легче принять, чем осуществить, и департамент производства продовольствия встретился с почти непреодолимыми затруднениями при попытке провести намеченную программу. Даже при наиболее благоприятных условиях одно лишь решение правительства само по себе не обеспечивало распашки пастбищ в широких размерах. Имевшихся при нормальных условиях рабочих рук и сельскохозяйственных орудий оказалось недостаточно для выполнения этой новой задачи. В 1917 г., когда число сельскохозяйственных рабочих сократилось до минимума под влиянием рекрутского набора, а сельскохозяйственное машиностроение было гораздо менее развито, чем теперь, эта задача казалась вовсе неосуществимой. В это время сельскохозяйственный трактор был почти неизвестен в английской деревне, и фермеры смотрели на него с большой подозрительностью, как на новое изобретение лишь относительной полезности. В некоторых районах фермеры были знакомы с паровыми плугами, но из 500 паровых плугов, имевшихся в стране, более половины стояло без дела, так как шоферы были взяты в армию или на военные заводы, а многие плуги были не отремонтированы.

Вследствие недостатка в сельскохозяйственных рабочих было ясно, что мы можем осуществить нашу большую программу посева только путем широкого применения машин. Для этой цели необходимо было получить в большом количестве тракторы для распашки почвы и других сельскохозяйственных работ. Тракторы нужно было импортировать из Америки или производить у себя дома. Вследствие недостатка тоннажа желательно было наладить производство тракторов в Англии. Но так как предприятия, которые могли бы взять на себя эту задачу, уже были полностью загружены военными заказами и производством автомобилей для армии, перспективы производства тракторов в самой Англии были неблагоприятны.

Г-н Генри Форд хотел построить автомобильный завод в Ирлан-

дии и предложил, если это ему будет разрешено и оказано необходимое содействие, использовать этот завод на время войны для производства сельскохозяйственных тракторов. Проект Форда был санкционирован военным кабинетом, но его выполнение задержалось из-за трудности получения необходимых строительных материалов. Тогда г. Форд пришел нам на помощь другим образом. В апреле 1917 г. он предложил подарить британскому правительству модель своего трактора фордзон со всеми чертежами, образцами, частями и т. п., необходимыми для его производства. Модель предоставлялась совершенно бесплатно, с тем условием, что произведенные по этому образцу тракторы будут закуплены только правительством, а не частными лицами. Мы решили воспользоваться этим предложением и построить 6 тысяч тракторов для правительства при посредстве английских фирм. В начале июня 1917 г. мы нашли однако необходимым сосредоточить все наши ресурсы на производстве моторов для аэропланов. Таким образом соглашение с Фордом также провалилось. В конце концов половину из намеченных 6 тысяч фордзонов мы собрали на новом заводе, который был построен для этого в Траффорд парке, причем части тракторов были ввезены г. Фордом со своего американского завода. Другая половина тракторов в собранном виде была ввезена из США. В дополнение к этим 6 тысячам фордзонов департамент производства продовольствия дал стране 3 262 трактора других типов. Разыскав все имевшиеся в стране паровые плуги, департамент установил местопребывание шоферов и обеспечил возвращение 300 шоферов из армии. Еще 65 плугов было получено у одной британской фирмы.

Для иллюстрации того, что было достигнуто при помощи механических орудий, укажу, что в подготовке к урожаю 1918 г. тракторами было распахано около 600 тысяч акров и паровыми плугами — около 1 200 тысяч акров. Получение тракторов и паровых плугов представляло лишь часть задачи по обеспечению сельского хозяйства механическими орудиями в целях увеличения наших продовольственных ресурсов. Министерству военного снаряжения было предложено наладить производство всех сельскохозяйственных орудий взамен рабочей силы и в помощь массовому производству пищевых продуктов. Среди этих орудий следует упомянуть тысячу машин для посева, окучивания и рытья картофеля, пять тысяч сноповязалок, более трех тысяч жнеек и много тысяч простых и дисковых борон, вращающихся цилиндров, рядовых сеялок, плугов с двумя бороздами и тому подобных орудий. Одной бичевки для вязки снопов было произведено 3 750 тонн. Молочному хозяйству было предоставлено около 90 тысяч молочных ведер и большое количество чанов для сыра, форм для сыра, сосудов для творога и т. п. Эти военные мероприятия повысили раз навсегда уровень механизации английского сельского хозяйства. Учитывая те исключительные затруднения, с которыми пришлось столкнуться после войны, следует признать, что английское сельское хозяйство пришло к кризисным годам, обладая прекрасным механическим оборудованием. К сожалению, неемо-

тря на это преимущество, наше сельское хозяйство со времени войны едва избегало окончательного банкротства.

Наряду с проблемой замены человеческого труда механическими орудиями нам приходилось заниматься — в связи с предполагаемым расширением посевной площади — проблемой удобрений. В этом смысле затруднения ожидали нас с самого начала войны. Но конечно эта проблема еще более осложнилась в связи с расширением посевных площадей. Важнейшими из искусственных удобрителей, которые покупали английские фермеры до войны, были поташ, селитра и фосфаты; последние два вида удобрений были наиболее важными. Девять десятых всех расходов сельского хозяйства на удобрения до войны шли на селитру и фосфаты. Поташ однако считался необходимым для некоторых культур, в частности для картофеля. К сожалению мы всецело зависели от Германии в отношении поташа, и война отрезала нас от этого источника. В 1916 г. были произведены опыты по получению поташа в качестве побочного продукта при производстве цемента из английских полевых шпатов, но полученное таким образом количество оказалось крайне незначительным. Впоследствии, в 1918 г., министерство военного снаряжения сделало опыт получения поташа из сажи и достигло некоторых успехов. Фермерам советовали использовать по мере возможности древесную золу, водоросли и старый навоз как источники поташа. Тем не менее в течение всей войны и в особенности к концу ее мы испытывали некоторые затруднения в связи с недостатком этого химического продукта.

До войны азотистые удобрения получались чаще всего из импортной селитры. Но селитры нехватало для производства снарядов, кроме того недостаток тоннажа мешал ее получению в нужном количестве из-за границы. В связи с этим созданной министерством сельского хозяйства в октябре 1915 г. комиссии под председательством г. (ныне сэра) Франциска Акланда пришлось взяться за трудную задачу убеждения фермеров заменить отсутствующие удобрители непривычным для них сульфатом аммония. Сульфат аммония в течение многих лет производился на наших газовых заводах в качестве побочного продукта и вывозился за границу. Его гораздо больше ценили иностранцы, понимавшие его значение как удобрителя. Комиссия Акланда выполнила полезную, хотя и тяжелую задачу в этой области, выступив в качестве пионера в области применения сульфата аммония в Англии. Когда функции комиссии, которая провела воспитательную работу среди фермеров, перешли в конце 1916 г. к министерству продовольствия, фермеры стали применять сульфат аммония. Рост применения сульфата аммония иллюстрируют следующие цифры о размерах его потребления в течение последних трех лет войны (в тысячах тонн):

Годы	
1916	75
1917	150
1918	230

Более интенсивное использование азотистых удобрений в 1918 г. вызвало значительное увеличение урожайности в 1918 г. по сравнению с десятилетием перед войной.

Получение фосфатистых удобрений было крайне затруднено в Англии. Мы получали известковые суперфосфаты путем кислотной обработки ввозных фосфатистых пород. Но всякий ввоз требовал тоннажа, которого нам и без того нехватало. Мы воспретили вывоз основного шлака, и отдел удобрений министерства военного снаряжения совместно с департаментом производства продовольствия занялся вопросом об увеличении количества суперфосфатов. К 1918 г. удалось получить 770 тысяч тонн этих важнейших удобрений — больше, чем было необходимо для годового потребления до войны. Быть может требовалось еще большее количество вследствие расширения посевной площади, но во всяком случае недостаток суперфосфатов не привел к неблагоприятным последствиям для зерновых посевов 1918 г. Недостаток их мог скорее отразиться на корнеплодах в 1918 г. и на зерновых в последующие годы.

Поразительным примером тех беспрерывных усилий и энергии, которые были приложены в области увеличения количества удобрений департаментом производства продовольствия и связанными с ним учреждениями министерства военного снаряжения, а также некоторыми сельскохозяйственными организациями, является поднятие урожайности на акр, несмотря на то, что в 1918 г. было распахано больше земли, чем в довоенные годы.

Возвращаясь к вопросу о продовольственном положении весной 1917 г., укажу, что законодательство, предусмотренное в моей речи в палате 23 февраля, было осуществлено в форме билля о производстве хлебов, принятого в первом чтении 5 апреля. Во втором чтении этот билль после жесточайших нападок со стороны таких оппонентов, как сэр Фредерик Банбери, г. Рансиман, г. Р. Д. Холт и г. Рамзай Макдональд был принят 24 и 25 апреля большинством, в 10 раз превышающим оппозицию. Билль состоял из четырех частей. Часть первая предусматривала гарантию минимальных цен на зерно, часть вторая — минимальную зарплату для сельскохозяйственных рабочих, третья часть воспрещала повышение арендной платы в результате гарантии цен и четвертая часть предусматривала введение государственного контроля над обработкой почвы в принудительном порядке. Все эти четыре части были тесно связаны между собой и, как я стремился показать ранее, представляли собой целостную и единую систему мер для увеличения производства пищевых продуктов в стране. Каждая часть закона в отдельности по самому своему характеру вызывала резкий протест со стороны той или другой политической группировки.

Г-н Рансиман и его сторонники выражали крайнее недовольство гарантией цен, которая напоминала о протекционизме и премиях, или по меньшей мере представляла собой отход от чистой теории фритредерства, защитником которой время от времени выступал и выступает г. Рансиман. Его экономические теории зависят

от того политического окружения, в котором он в данный момент вращается. Г-н Рансиман тогда только что снял свою парижскую мантию * и надел свой прежний фритредерский наряд. Г-н Холт нападал на трибуналы, которые должны были устанавливать зарплату; он выступал во имя полной свободы договора между предпринимателем и рабочим. Ограничения повышения арендной платы вызвали гнев сэра (ныне лорда) Фредерика Банбери, этого единственного уцелевшего от доисторической эпохи дикаря в мире экономики. Он, понятно, был возмущен почти всем содержанием билля. Провозгласив обработку почвы законной обязанностью владельца, мы задели множество предрассудков — художественных, эстетических, спортивных и прочих, связанных с самыми различными видами человеческого эгоизма, который восстает против всего того, что способно создать неудобства для эгоиста, или задевает его права, привилегии или комфорт.

Не только независимые или оппозиционные депутаты выступили со своими возражениями против билля. Один из членов правительства, г. Вальтер Лонг, находил этот закон для себя неприемлемым и усиленно пытался заставить нас отказаться от закона или отложить его, в такой степени он был противником всякого государственного контроля над землевладельцем и арендатором. 17 августа 1917 г. я получил от него следующее письмо:

„...Среди сельских хозяев всех классов господствует убеждение, что билль проводится чрезмерно быстро. Мне представляется, что эта точка зрения справедлива...

По закону о защите государства и по этому новому законопроекту министерство сельского хозяйства приобретает права, которые, насколько мне известно, являются беспримерными в истории страны. Их применение может повлечь за собой самые ужасные последствия. Министерство сельского хозяйства приобрело право лишить владельца распоряжения своей землей, право согнать арендатора с земли и принудить владельца и арендатора обрабатывать землю совершенно иным образом, чем они сами считают желательным в интересах производства. Министерство сельского хозяйства намерено, насколько мы понимаем, осуществлять эти права через посредство местных комитетов. Насколько мне известно, местным властям никогда не представлялось таких исключительных прав. Я вполне разделяю то мнение, что в данном случае совершенно несправедливо воспользовались войной как предлогом для того, чтобы провести законодательство, которое было бы в более спокойные времена совершенно невозможным.

---

* В словах «парижская мантия Рансимана» Ллойд Джордж намекает на то, что Рансиман принимал участие в качестве представителя английского правительства на экономической конференции союзников в 1916 г. в Париже, где были приняты решения об экономической войне против Германии. *Прим. переводчика.*

Если эта политика будет все же проводиться и будет санкционирована парламентом, если местным комитетам, составленным из лиц, которые может быть и не избирались даже в данном районе, будет дано право осуществлять принуждение по отношению к их соседям, то тем самым широко будут открыты двери для самых серьезных и тиранических злоупотреблений. Насколько мне известно, в этом направлении уже предпринимаются кой-какие шаги, притом весьма сомнительного характера. Я глубоко убежден, что поправки, внесенные лордом Ленсдауном и предусматривающие возможность апелляции по решениям комитетов, должны быть приняты; я хочу, чтобы меня выслушали еще до того, как кабинет примет окончательное решение.

Из разных кругов мне делали представления о том, что данный билль не является результатом подробного обсуждения людьми, которые действительно представляли бы заинтересованные группы населения. Я конечно не могу сказать, так ли это, ведь я не имел никакого касательства к этому биллю с самого начала. Я присутствовал на заседании кабинета, когда было принято решение о теперешней политической линии. Я выразил согласие, пусть с некоторой неохотой, также с отдельными частями билля.

Я безоговорочно согласился и с той политикой, которая была намечена Вами в двух речах, произнесенных в палате общин и в Лондонском Сити. Но данный билль значительно расходится с тем, что Вы говорили в этих двух случаях, ибо он означает в высшей степени вредное вмешательство в права собственности. Я не колеблюсь выразить этому свое неодобрение и должен конечно поступить так, независимо от того, какое решение примет по этому поводу правительство. Столь радикальный характер аграрного законодательства вызывает глубокое раздражение среди многих, кто с самого начала войны наиболее лойяльно и горячо поддерживал мысль о ее продолжении всеми мерами".

Я передал это письмо лорду Милнеру, прося его выразить свое мнение. Вот что он мне ответил:

„17, Грейт Колледж стрит
Ю. З.
17 августа 1917 г.

Комментарии лорда Милнера; возражения землевладельцев.

Мой уважаемый премьер!

Мне слишком трудно отнестись серьезно к этой тираде Лонга. Он прекрасный человек и мой большой друг. Но мне кажется, он легко теряет голову и безусловно потерял равновесие из-за этого билля.

Перед нами длинная цепь возражений землевладельцев; я выслушивал их терпеливо в течение трех дней. В письме Лонга они выражены в самой резкой форме.

Не может быть и речи о том, чтобы мы, как предлагает Лонг, приостановили до октября проведение всего законопроекта. Он является основой всей нашей продовольственной политики. Теперь мы ведь уже добились с огромными усилиями принятия его в обеих палатах.

Единственным результатом подобной глупости было бы предоставление возможности выиграть время тем, кто хочет организовать нелепую оппозицию. Никто не будет знать, как работать. Важнейшая задача — *увеличение запашки в течение ближайших двух-трех месяцев,* задача трудная при всех условиях, — может задержаться роковым образом.

Я уверен, что Вы не будете ни на минуту задумываться над заявлением Лонга...".

Когда закон был введен в действие, г. Лонг продолжал создавать нам затруднения. Его положение как члена правительства не удерживало его от политики пассивного сопротивления закону.

Как показывает приведенная выше переписка, противников законопроекта поддерживала небольшая группа людей, не понимавших той истины, что когда страна ведет войну, традиционные привилегии ее граждан должны уступить место требованиям общественной безопасности, и обыкновенные законы, которые гарантируют право собственности и распоряжение ею, не могут оставаться в силе. В это время вопрос об увеличении производства продовольствия был вопросом жизни и смерти. Английский народ стойко переносил тяжесть затянувшейся войны и военного положения. Но если бы англичане и их дети оказались перед угрозой чего-то вроде голода, положение на внутреннем фронте могло быть поколеблено. В это время положение на фронтах не сулило никаких благоприятных перспектив, которые помогли бы стране перенести острые лишения в надежде на лучшее будущее. Стратегические неудачи повели к тому, что приходилось вести борьбу на истощение. Русская революция вместе со сведениями о том, что наши потери были ужасны, породила тревогу, особенно в промышленных районах. Рассказы инвалидов, вернувшихся с войны, представляли собой грозную антивоенную пропаганду. Если каждая семья к тому же оказалась бы под угрозой голода, последствия могли быть очень серьезны.

Наша кампания в пользу производства продовольствия сыграла решающую роль. Мы были избавлены от угрозы погибнуть первыми. Действительное значение политики кабинета можно было иллюстрировать на примере Германии. Осенью 1916 г. германское правительство переоценило урожай в Германии и не обнаружило своей ошибки до февраля 1917 г. Когда эта ошибка была установлена, оказалось, что гражданское население потребляло более того, что было для него предназначено. В панике германское правительство со-

кратило паек населению городов, но уже через несколько недель оно убедилось, что дух городского населения поколеблен; вместо стремления к победе раздавались призывы к миру любой ценой. Только путем использования запасов, предназначенных для снабжения армии, германское правительство могло предотвратить крах в начале лета 1917 г. Как велик был риск, на который шли немцы, сократив запасы для армии, они сами убедились в 1918 г. В самые худшие моменты нашего продовольственного кризиса мы ни разу не уменьшили пайка наших солдат на фронте. Но такая политика была бы немыслима без увеличения внутреннего производства и сурового сокращения потребления.

Неограниченная подводная война обострила недостаток в продовольствии в стране, вызванный неурожаем 1916 г. В начале мая 1917 г. мы располагали запасом пшеницы в Англии лишь на $8^1/_2$ недель; приходилось сомневаться в том, останется ли хоть этот запас в наших амбарах к моменту нового урожая. Таким образом было необходимо обеспечить посев всех хлебов, которые могли произрастать в Англии, всех до последнего колоса. После продолжительной борьбы и небольших уступок в палате лордов и палате общин закон о производстве хлебов был проведен. Весна 1917 г. была исключительно холодной и сырой до середины апреля, когда установилась хорошая погода. С помощью солдат и с применением сельскохозяйственных машин земля была распахана и засеяна. Суровые морозы сделали почву более пригодной для обработки. Когда поступили сведения об урожае, мы с удовольствием узнали, что наши усилия увенчались успехом и посевная площадь увеличилась. В 1917 г. было распахано на 975 тысяч акров больше, чем в 1916 г.

Урожай в Англии и Уэльсе был довольно плох; выше среднего был урожай в Шотландии и Ирландии. Урожай картофеля во всех частях страны был лучше, чем в предшествующем году.

Несмотря на плохую осень 1916 г. и на сокращение числа сельскохозяйственных рабочих, общий урожай 1917 г. не только был равен предшествующему, но даже превышал его. По сравнению с 1916 г. увеличение в 1917 г. составляло:

4 928	тысяч	бушелей	пшеницы
5 120	»	»	ячменя
36 700	»	»	овса
41 813	»	мешков	картофеля

Эти цифры показывают, что дело сдвинулось с мертвой точки; оставалось лишь проводить далее намеченную политику увеличения производства продовольствия. Для нас особенно радостным было увеличение сбора картофеля. Это было большим подспорьем. Кроме того увеличение числа лиц, получавших пригородные участки земли, повело к увеличению сбора картофеля и овощей.

Если учесть, что в начале 1917 г. посевы были еще на 15% ниже посевов предыдущего года, то наши достижения покажутся поистине замечательными.

Эти достижения значительно облегчали нам маневрирование нашим недостаточным тоннажем. Я с трудом могу описать ту радость, с которой эти цифры были встречены теми, кто знал, что война превратилась в борьбу на истощение. Мы были полны тревоги в начале весны, когда казалось, что борьба на истощение должна повести к нашему поражению. Когда я получил статистические данные о производстве продовольствия, о судостроении и потерях тоннажа, данные, которые показали, что мы преодолели потери от подводной войны, я почувствовал, что союзники побеждают окончательно и что победа не может быть у нас отнята. Нас могла погубить только невероятная глупость наших военных руководителей. Я знал, что если нам удалось достигнуть таких успехов в области производства продовольствия за такой короткий срок, то в будущем году нам удастся достигнуть еще больших результатов.

Результаты деятельности департамента производства продовольствия не могли сказаться полностью до урожая 1918 г. Продолжительное планирование урожая и подготовка к нему были явно необходимы, для того чтобы добиться действительного сокращения площади пастбищ и обеспечить хорошую обработку ранее пустовавшей земли.

7 мая 1917 г. был составлен меморандум, в котором содержались выводы совещания ведомств сельского хозяйства Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии по вопросу о плане на 1918 г. В этом меморандуме предполагалось значительное увеличение посевов в 1918 г. по сравнению с 1916 г., а также значительное увеличение производства тракторов. Выводы совещания предусматривали наибольшие затруднения по линии рабочей силы. Считалось, что в Англии и Уэльсе недоставало около 80 тысяч рабочих и около 10 тысяч рабочих в Шотландии. Помимо уже занятых в сельском хозяйстве, предполагалось привлечь еще 25 тысяч женщин.

Мы установили, что на пути к выполнению намеченного плана стояли затруднения по линии рабочей силы и что единственным источником дополнительной рабочей силы могла быть только армия. Военный кабинет признал этот факт, но считал желательным использование и других источников рабочей силы, а именно:

а) интернированных подданных враждебных государств;

б) военнопленных.

Было решено, что проведение сельскохозяйственного плана на 1918 г. является делом огромной национальной важности, и лорду Милнеру были даны широкие полномочия, чтобы обеспечить из самых различных источников поступление рабочей силы, необходимой для выполнения плана.

Сэр Артур Ли направил сельскохозяйственным комитетам графств циркулярное письмо с указанием намеченной общей площади посева злаков на 1918 г.; в этом же письме был указан размер увеличения посевов по сравнению с 1916 г., примерное количество акров постоянных пастбищ, подлежащих засеву, и процент всей посевной площади под злаками в том случае, если план будет полностью выполнен.

Эти цифры были приведены для каждого графства в отдельности, а также для Англии в целом. В письме указывалось, что для исполнительных комитетов графств важно обеспечить возможно большую часть норм, отведенных для данного графства, путем соглашения с сельскими хозяевами и прибегнуть к принудительным мерам только в том случае, если все другие средства оказались бы безуспешными.

В общем намеченные нормы не вызвали протеста. Департамент рекомендовал далее комитетам графств создать не менее трех подкомиссий по вопросам труда, машинной обработки почвы и образования запасов. Эти подкомиссии должны были состоять из соответствующего числа членов и аппарата чиновников. В большинстве случаев соответствующие назначения были произведены до начала урожая 1917 г. Следующим шагом в организации сельскохозяйственной кампании было разделение каждого графства на районы при создании районных подкомиссий в каждом. Эти подкомиссии составляли последнее звено в цепи, связывающей департамент продовольствия и отдельных фермеров.

Задачей этих подкомиссий было установление и сообщение комитетам графств:

а) сведений о тех территориях в районе, которые не обрабатывались наилучшим образом и не отвечали интересам увеличения производства продовольствия в стране;

б) сведений о нераспаханных пастбищах;

в) сведений о недостатке рабочей силы и о категориях недостающих сельскохозяйственных рабочих;

г) сведений о недостатке семян, удобрения и др.

Районным подкомиссиям было поручено наблюдение за работой тракторов, паровых плугов и лошадей, а также за использованием военнопленных. Районные подкомиссии должны были ставить фермеров в известность о кредитных льготах, предоставленных им правительством. Они отвечали за мероприятия по борьбе с кроликами, крысами, воронами, дикими голубями и другими вредителями. Они сообщали о недостаточном орошении полей, помогали владельцам огородных участков в их обработке. Они выполнили весьма ценный труд, осуществив земельную перепись по всему королевству, в которой было установлено, как обрабатывается земля и как может быть улучшена обработка земли. К концу августа 1917 г. в одном из типичных графств центральной Англии было обследовано поле за полем около трех-четырех тысяч земельных участков размером более 40 тысяч акров; исчерпывающие замечания были записаны по поводу каждой фермы; вся пастбищная земля была учтена и разбита на разряды и был отмечен каждый прирост посевной площади по сравнению с 1916 г. Были учтены потребности фермеров в отношении рабочей силы, удобрителей, тракторов и прочих сельскохозяйственных орудий и были сделаны определенные выводы в отношении урожая 1918 г.

Эта земельная перепись была тщательно подготовлена заранее

одним из работников ведомства оценки земельной собственности, созданного впервые по бюджету 1909—1910 гг. Для каждого комитета графства были подготовлены карты полей, все детали были разработаны затем районными подкомиссиями. Такая работа по всей стране давала исключительно ценную картину всех наших потенциальных ресурсов и позволила нам на реальных основаниях планировать урожай 1918 г. В октябре 1917 г. все комитеты графств представили сведения о своей работе по земельной переписи; здесь были данные о размерах пастбищ, предположенных к распашке, о площади, уже запаханной фермерами, и той, которую они обещали распахать.

В этой стадии виды на реализацию нашей полной программы отнюдь нельзя было назвать благоприятными. Все еще удалось достигнуть лишь очень слабого увеличения действительно распаханной площади. Рабочих рук недоставало; имевшиеся сельскохозяйственные рабочие были в большинстве неквалифицированными. Из 21 500 обещанных нам пахарей удалось получить лишь 13 тысяч, из них только две тысячи действительно умели ходить за плугом. Было слишком поздно пытаться распахать тяжелую глинистую почву. Итак, несмотря на то, что настоятельная потребность в осуществлении полной программы была совершенно очевидной, нам пришлось изменить ее, обратившись лишь к тем фермерам, которые располагали рабочей силой, с призывом распахать самые лучшие пастбища, которые они намеревались сохранить для скота.

Речь, которую произнес на митинге сельских хозяев в Дарлингтоне 5 октября 1917 г. Прозеро, является прекрасным образцом наших обращений к фермерам. Исходя в своей речи из основной цели — борьбы до победного конца, г. Прозеро указал на те пути, следуя которым сельское хозяйство может способствовать достижению победы.

„...Прежде всего — хлеб. Чем больше хлеба сможем мы производить у себя дома, тем более обеспечено будет прокормление населения, тем меньше вынуждены будем мы покупать за границей, тем больше денег сможем мы сохранить у себя, тем больше судов освободится для перевозки того сырья и тех изделий, от которых зависит самое существование миллионов горожан... Это не вопрос политики, — это вопрос необходимости, необходимости в важнейшем деле снабжения страны продовольствием во время войны.

Мы учли посевную площадь на 1872 г. Мы говорим фермерам в каждом графстве: вот то, что вы производили 45 лет назад, когда мы меньше зависели от заграницы. Поставьте перед собою эти цифры в качестве цели, приложите действительно серьезные усилия, времена наступили критические, и у нас царит острая нужда... Пытаться осуществить „равенство жертв“ значит лишь привести к худшему неравенству. „Одно и то же для всех“ звучит хорошо в теории, но на практике это оказывается не так. Следует ли требовать от человека, чтобы он

вообще распахивал землю, и если да, то какую именно площадь? Это связано с качеством почвы, состоянием пастбищ, балансом фермы, наличием сельскохозяйственных орудий и строений, опытом фермера и целым рядом других соображений, которые зависят от положения вещей на месте... Хлеб крайне необходим, и лишь немногие фермеры, как я в том совершенно уверен, откажутся приложить лишнее усилие или даже принести некоторые жертвы на алтарь отечества, если будут уверены, что к ним не предъявляют нелепых требований..."

Г-н Прозеро далее указал на ту помощь, которую правительство пытается предоставить фермерам, в частности на гарантию цен, на доставку семян, удобрений, сельскохозяйственных орудий, лошадей и предоставление рабочих рук. „За счет одной лишь лондонской полиции мы получили 120 квалифицированных пахарей", — заметил Прозеро. Он упомянул о подготовке солдат и женщин для сельскохозяйственных работ, о мерах, принятых для получения удобрителей, о мерах для орошения почвы, благодаря которым удавалось впервые обработать несколько тысяч акров. Около 4 500 германских военнопленных было занято на дренажных работах.

Г-н Прозеро призывал скотоводов поддерживать производство молочных продуктов на максимальном уровне.

„Я хорошо знаю, что затруднения по линии рабочей силы в этой отрасли сельского хозяйства более значительны, чем в какой-либо другой отрасли, но тем не менее, — обращался Прозеро к фермерам, — держитесь за молочное производство зубами с той же настойчивостью, с которой наши солдаты и матросы ведут борьбу за родину на суше и на море".

Он затронул вопрос о твердых ценах на молоко и указал, что тем фермерам, которые считают твердые цены для себя невыгодными, следовало бы поучиться вести прибыльно свое хозяйство у других, кто умел экономить на кормах и путем отбора скота.

„Некоторые молочные скотоводы должны либо прекратить свое дело, либо жить за счет капитала, либо изменить методы хозяйствования. Единственное изменение, которое может принести какую-либо пользу, — это либо сокращение нормы фуража на одну корову без соответствующего уменьшения удоя, либо повышение удоя на корову. В обыкновенное время и то и другое — дело самих фермеров. Но в военное время добиться того или другого — их долг перед родиной".

Обращаясь к вопросу о производстве мяса, г. Прозеро подчеркнул необходимость настаивать на том, *чтобы скот кормили зимой* и таким образом сохранили на нем жир. Так как запасы жмыхов были ограничены, фермеры должны были скармливать предоставляемые им жмыхи главным образом животным двух лет и старше, сокращая потребление уже истощенного скота, если импорт мяса

не сможет восполнить недостаток скота в Англии. Он также затронул вопрос об удобрении почвы навозом и о положении в области овцеводства и свиноводства.

26 октября 1917 г. вопрос о производстве продовольствия был рассмотрен военным кабинетом. Министр сельского хозяйства поставил кабинет в известность о необходимости получить еще 10 тысяч квалифицированных пахарей отрядами в две тысячи человек. Отпуск квалифицированных сельскохозяйственных рабочих из армии, который был разрешен военным кабинетом 13 июля, не был полностью проведен. Территориальная армия не могла дать нам этих людей, и лучшее время года пропадало зря. Мы решили, что военное ведомство должно приложить все усилия к тому, чтобы немедленно отпустить две тысячи квалифицированных пахарей на сельскохозяйственные работы, „даже если для этого необходимо изъять их из тех дивизий на фронте, которые должны принять участие в развертывающемся теперь наступлении, или даже если их можно отпустить не долее, чем на два-три месяца". Сообщая 6 ноября о результатах принятого решения, лорд Милнер заявил, что фермеры сделали все, что было в их собственных силах. Но армия до сих пор дала лишь немногим более половины того числа солдат, которое было установлено военным кабинетом, и только небольшая часть этих солдат состояла из действительно квалифицированных сельскохозяйственных рабочих. Территориальная армия предоставила почти всех квалифицированных рабочих, которые оставались в Англии. Мы должны были получить рабочих с фронта. Но наша главная квартира во Франции отказывалась вырвать солдат из ужасных объятий Пашенделя и требовала все новых и новых сынов родины для окопной борьбы во Фландрии.

Бои при Пашенделе нанесли удар союзникам в их борьбе на истощение. Последствиям этих боев для нашей армии во Франции я уделю внимание в другом месте. Пока мы в Англии выполняли нашу продовольственную программу, военное командование бросало все больше и больше людей в окопы и болота Фландрии; господа военные твердо держались за каждого здорового молодого рекрута, не желая выпускать его из своих объятий. Они насмехались над той мыслью, что исход войны решается на возделанных полях Англии и на морях, окружающих Британские острова. Каждый молодой сельскохозяйственный рабочий, которого они заполучали в армию, становился для них прежде всего новобранцем. Он был потерян для нас еще раньше, чем он попадал на поле сражения. Мы не могли иметь его на том фронте, который был наиболее важным.

Этот вопрос обсуждался еще раз в военном кабинете 12 и 13 декабря 1917 г. К этому времени тысяча пахарей была отозвана из армии во Франции и направлена на сельскохозяйственные работы; одну тысячу продолжали набирать в армии. Важнейшим дополнительным источником рабочей силы в наших руках были германские военнопленные. Кабинет решил ослабить ограничения, установленные для применения труда военнопленных в фермерском хозяйстве. Наблюдение за ними могло быть предоставлено местной полиции. На

деле германские военнопленные не выказывали желания бежать из плена. К этому времени только один германский офицер и двое солдат сумели действительно осуществить побег из Англии. Было решено составить список германских военнопленных, имеющихся у нас во Франции, и перевезти в Англию всех, кто был в состоянии пахать. Г-н Прозеро сообщил кабинету о предполагаемых изменениях в сельскохозяйственной программе на 1918 г. Предполагалось засеять хлебными культурами 2 695 тысяч акров в Англии и Уэльсе; была надежда выполнить по крайней мере 80% этой программы. В Шотландии мы стремились повысить посевную площадь на 300 тысяч акров по сравнению с 1917 г. и в Ирландии еще на 600 тысяч акров. Но выполнение этой программы зависело от достаточного количества рабочих и удобрителей, а в Ирландии — от деятельности шинфейнеров, которые, по имевшимся у нас сообщениям, открыли кампанию в пользу сокращения посевов.

Из предшествующего ясно, что выполнение нашей программы, предусматривавшей значительное расширение сельскохозяйственного производства, было связано с рядом трудностей. 1 500 солдат-пахарей из состава армии на фронте во Франции получили трехмесячный отпуск к концу 1917 г. и вернулись на работу. К 15 марта 1918 г. было создано 74 трудовых лагеря германских военнопленных и 2 650 военнопленных работали в деревне. В общей сложности фермеры получили из различных источников около 7 тысяч рабочих. Между тем требовалось 28 тысяч. Наше военное командование терпело поражения во Фландрии, зато с успехом отбивало все атаки, которым оно подвергалось на внутреннем фронте, причем здесь его потери были крайне незначительны. Весной была прекрасная погода, которая очень благоприятствовала сельскохозяйственным работам. Фермеры были готовы распахать пастбища и засеять их хлебами; они только требовали рабочих. Затем произошел германский прорыв в марте 1918 г., и в результате в апреле нам пришлось принять решение об изъятии из сельского хозяйства еще 30 тысяч человек для армии.

К счастью к этому времени подготовка к урожаю 1918 г. была уже почти закончена. Достижения осенней продовольственной кампании 1917 г., несмотря на все препятствия, были поразительны, как это показывает отрывок из письма, полученного мною от сэра Артура Ли, генерал-директора департамента продовольствия, 15 марта 1918 г.:

> „По озимой пшенице наблюдается беспримерное увеличение посевов. По сравнению с прошлым (1917) годом наблюдается увеличение на 45%, а по яровым и озимым посевам пшеницы, вместе взятым, — на 31%.
>
> Эти цифры представляют собой не приблизительные подсчеты, а основаны на подлинных, в обязательном порядке представленных, сведениях, полученных от каждого отдельного фермера в стране...“

Начатая осенью кампания продолжалась с той же энергией, несмотря на все затруднения. Каждый пригодный по состоянию здо-

ровья к труду, и почти каждый непригодный житель деревни работал, когда только позволяла погода. 21 мая 1918 г. сэр Артур Ли в сопроводительном письме к предварительному отчету о результатах кампании 1917/18 г. заметил:

„Я надеюсь, что вы будете удовлетворены сведениями о результатах продовольственной кампании. Во всяком случае потери сорока лет устранены в течение пятнадцати месяцев“.

В предварительном отчете приводились сведения о результатах переписи от 27 апреля 1918 г. по Англии и Уэльсу. По этим сведениям, общая посевная площадь под хлебами и картофелем была больше чем в 1916 г. на 2 142 тысячи акров. Увеличение распространялось на все виды хлебов и картофель. Площадь под пшеницей была больше чем когда-либо с 1882 г.; посев овса превышал максимум внутри Англии на 20%, а картофеля — на 27%.

Увеличение запашки было конечно еще более значительным, потому что севооборот требовал, чтобы значительная часть распаханной земли оставалась под другими посевами. Отчет гласил:

„...Можно считать, что увеличение распаханной площади в Англии и Уэльсе по сравнению с 1916 г. составляет не менее 2 500 тысяч акров.

Приведенная цифра показывает, что общая площадь посевов в Соединенном королевстве под пшеницей, ячменем и овсом будет самой значительной в истории английского сельского хозяйства. Площадь под картофелем выше, чем когда-либо с 1872 г. Сведения об остальных культурах еще не поступили...

Если переложить эти достижения на тоннаж судов, мы можем сказать, что благодаря увеличению производства хлебов и картофеля в Англии и Уэльсе мы сберегли стране около 1 500 тысяч тонн...“

В отчете далее указывалось, что в приведенные цифры не была включена сельскохозяйственная продукция огородных участков, увеличившихся в числе по сравнению с довоенным временем на 800 тысяч; можно считать, что на этих участках производилось на 800 тысяч тонн продовольствия более, чем обычно. Эти достижения в области сельского хозяйства, гласил отчет, были осуществлены, несмотря на то, что, включая всех солдат и военнопленных, предоставленных нам военным командованием в качестве сельскохозяйственных рабочих, число сельскохозяйственных рабочих-мужчин в деревне было на 200 тысяч меньше, чем в 1913 г.

Статистические данные о сельскохозяйственной продукции в 1918 г. показывали, что пастбищная площадь, обращенная в пашню, составляла в Соединенном королевстве 3 381 тысячу акров. Общий урожай хлебов и картофеля показывал замечательный рост по сравнению с 1917 г. В нашем положении это был весьма положительный фактор. По отдельным культурам урожай 1917 и 1918 гг. составлял (в тысячах тонн):

	1917 г.	1918 г.	Увеличение в 1918 г.
Пшеница	1 757	2 579	822
Ячмень	1 359	1 540	181
Овес	3 632	4 461	829
Картофель	8 604	9 223	619

Полученное таким образом увеличение урожая было поразительно и вместе с тем необычайно ценно для нас. Урожай пшеницы в Англии и Уэльсе превышал средний урожай за довоенное десятилетие на 59,3%, урожай овса — на 38,5% и картофеля — на 59,2%. Для Соединенного королевства в целом урожай пшеницы в 1918 г. был на 64,9% выше, чем в среднем за десятилетие перед войной. На самом деле урожай 1918 г. был наивысшим за последние 60 лет.

Этот урожай был бы еще выше, если бы погода в 1918 г. продолжала оставаться столь же благоприятной по окончании весны. Но начало лета было холодным и засушливым. В июле было очень много дождей, и посевы пострадали от сильных гроз. В августе на юге Англии была хорошая погода, и здесь удалось бо́льшую часть урожая собрать в хорошем состоянии. Но в сентябре опять выпало много осадков, и в центральной полосе, на севере, в Шотландии и Ирландии условия уборочной кампании были весьма неблагоприятны. Сбор хлебов был затруднен, и большая часть сбора сгнила на полях. Были предприняты героические меры, чтобы спасти урожай. Сельскохозяйственные рабочие с помощью 70 тысяч солдат и 30 тысяч военнопленных работали в поле, когда позволяла погода, пользуясь всевозможными орудиями — тракторами, жнейками, сноповязалками и т. п., — предоставленными департаментом продовольствия. Более четырех пятых этого урожая удалось таким образом спасти вопреки самым неблагоприятным метеорологическим условиям. Таким образом мы имели и большие достижения в озимой и яровой посевной кампании и полный успех в области уборки урожая.

Если бы Германия осуществила нашу сельскохозяйственную программу и ограничила потребление, как это сделали мы, у нее не было бы того острого недостатка в продовольствии, который вызвал в Германии революцию и разложил армию.

1918 год знаменовал собой апогей наших усилий по увеличению производства продовольствия. Когда весной 1918 г. предстояло наметить программу на 1919 г., стало ясно, что значительную часть посевной площади, так тщательно обрабатывающуюся перед тем, придется теперь оставить под паром, если не удастся применить к ней удобрения. Между тем удобрений нехватало. Поэтому производство могло быть сохранено на уровне 1918 г. лишь в том случае, если бы удалось распахать еще полмиллиона акров целины взамен земли под паром или под клевером. Департамент продовольствия расширил программу запашки еще на 550 тысяч акров „вспомогательной территории“, для того чтобы сохранить прежние размеры посевной площади под хлебами. Но наиболее удобная пастбищная

земля уже была использована для этой цели, и осуществление дополнительной программы означало бы такое сокращение оставшихся пастбищ, которое должно было вызвать резкое недовольство фермеров. Всякая надежда на согласие фермеров добровольно осуществить эту программу была потеряна, когда германское наступление заставило нас изъять еще 30 тысяч молодых людей из сельского хозяйства для отправки на фронт. Были призваны старшие возрасты и одновременно самые младшие. Несмотря на острую нужду в угле и военном снаряжении, пришлось также пожертвовать углекопами и рабочими военных заводов. Но изъятие сельскохозяйственных рабочих подорвало бодрость духа фермеров. Для них и раньше было невероятно трудно продолжать обработку земли. Казалось невозможно, забрав лучших работников, требовать от них, чтобы они распахали свои лучшие пастбища. Итак, когда законопроект о производстве хлебов (с новыми изменениями) был внесен в парламент, с тем чтобы дать департаменту продовольствия дополнительные права для принудительной распашки пастбищ, он встретился в парламенте с ожесточенной оппозицией.

Взятый в целом, аграрный эксперимент дал результаты, которые определенно помогли стране преодолеть кризис. Этот факт однако не смягчил гнева критиков, которые видели в успехе нашей кампании оскорбление их собственному достоинству.

Изданные постановления о распашке земли не всегда были удачны. Хотя в общем и целом выбор земель был произведен осторожно и справедливо, однако во многих случаях он оказался сомнительным, а иногда и определенно неправильным. Средства, при помощи которых проводилась программа сельскохозяйственных улучшений, не всегда были лучшими из возможных. Но это были лучшие средства в условиях войны. Организация была создана наспех для экстраординарных задач. Приходилось брать специалистов из числа тех, кто оставался в стране, после того как лучшие люди ушли на фронт или были взяты на другую работу по обороне страны. Ошибки поэтому были неизбежны, и недовольные распространяли о них преувеличенные слухи. Многие члены парламента, принадлежавшие к классу землевладельцев, ощутили лично на себе тяжелую десницу департамента. В палате лордов большинство было настолько враждебно настроено к биллю, что пришлось согласиться на поправку, предусматривавшую право апелляции на решение департамента в тех случаях, когда департамент требовал дальнейшей распашки пастбищной земли или желал отобрать у владельца территорию, которая, по мнению департамента, обрабатывалась плохо или недостаточно. Эта поправка обрезала крылья деятельности департамента продовольствия и сорвала надежду на проведение полностью в жизнь намеченной на 1919 г. программы.

Стачка „юнкеров" была серьезным затруднением для коалиционного правительства, тем более что значительная и влиятельная часть его сторонников принадлежала к этому классу. Но стачка „юнкеров" не явилась неожиданностью. Приказ о распашке

территории, использованной до тех пор под парками или вовсе не использовывавшейся из-за „эстетического“ каприза владельца, вызывал возмущение со стороны некоторых лиц, привыкших распоряжаться своими землями бесконтрольно и неограниченно. Они не способны были примириться с тем, что какие-то комитеты графств предписывают им, как они должны использовать свои парки и заповедники. Ворчание превратилось в рычание, а затем в вой. Один крупный землевладелец, который пользовался значительным политическим влиянием, явился ко мне, возмущенно показывая полученное им извещение. Ему угрожали судебным преследованием, если он не выполнит приказа о распашке части своего парка. Он игнорировал полученный им приказ, считая его нахальным. Так возникла угроза судебного преследования. Он явился ко мне весь красный от бешенства. Это был человек, патриотизм которого был несомненен. Но новые методы он считал оскорблением своего достоинства. Он был одним из ревностных защитников права и порядка. Тем не менее он заявил мне, что не исполнит полученного приказа. Я напомнил ему, что он бросает вызов законам страны. Это не успокоило его. Он считал несправедливым всякий закон, который нарушал комфорт домашнего очага. Я указал ему, что он принадлежал к тому классу, из представителей которого в сельских местностях набирались судьи, применявшие законы. Эти законы более бедные соседи считали весьма несправедливыми, но мнение последних никогда не принималось судьями в расчет, когда законы нарушались. Нельзя было допускать различного отношения к закону со стороны богатых и бедных. Он ушел более взбешенный, нежели огорченный. Это был человек, владевший крупным поместьем, аристократ с большим чувством собственного достоинства. Во всяком случае взгляды, которые я ему высказал, были ему не по вкусу.

Трудно понять границы патриотизма, которые считают вправе установить для себя такие люди, а ведь, казалось бы, они принесли во время войны гораздо бо́льшие жертвы, более непоправимые и ощутимые, чем потеря земли. Но такова уже человеческая природа: благородство и мелочность уживаются рядышком в одном человеке. Эти элементы его „я“ никогда не соприкасаются друг с другом. Но они по очереди движут чувствами человека. Когда одно из этих качеств управляет его душевными движениями, другое бывает выключено. Поведение каждого человека зависит от того, какое чувство движет им в данный момент.

Сэр Артур Ли был так огорчен ударом, нанесенным его плану взбунтовавшимися пэрами, что подал в отставку и покинул свой пост генерал-директора департамента продовольствия. Он не желал нести ответственность за отказ от программы, выработанной им на 1919 г. Я принял его отставку с искренним сожалением, не только потому, что я полностью одобрял программу Ли, но и потому, что ценил его редкие способности и энергию, с которой он служил своей стране в области производства военного снаряжения и продовольствия. Достигнутые им успехи свидетельствовали лучше всего,

что его опасения были напрасны. Он все-таки помог нам пройти самую опасную зону.

Некоторое количество акров пастбищной земли было распахано для урожая 1919 г., несмотря на то, что правительство не имело полномочий требовать обработки земли в принудительном порядке. Однако посевная площадь под хлебами сократилась на 488 тысяч акров. Таким образом подтвердилось предсказание департамента продовольствия о том, что посевная площадь под хлебами сократится на полмиллиона акров, если не будет распахано соответствующее количество акров целины. Но департамент проделал свою работу с исключительным эффектом; благодаря этому мы относительно благополучно перенесли самые критические месяцы войны, пока не достигли победы. Без нескольких миллионов тонн продовольствия, которые мы произвели у себя дома, народ голодал бы в 1918 г. Во всяком случае нам пришлось бы затянуть пояс на несколько дюймов, и единственным выходом был бы неудачный мир, которому предшествовала бы или за которым последовала бы революция.

2. РАЦИОНИРОВАНИЕ

Задача продовольственного контроля и обеспечения населения продовольствием не ограничивалась проблемой увеличения внутреннего производства. Растущие затруднения с закупкой продовольствия за границей и с его ввозом, необходимость снабжения наших армий и растущие потребности наших союзников сделали необходимым введение контроля запасов наряду с решительными мероприятиями в области распределения. Никто не должен был голодать.

В течение первых двух лет войны правительственные мероприятия в области продовольственного контроля были весьма ограничены. Правительство еще в феврале 1916 г., по указанию совещательного комитета по импорту, решило сократить ввоз товаров, не имевших существенного значения, на 4 миллиона тонн. Тем не менее ничего существенного не было сделано, пока г. Рансиман оставался во главе министерства торговли.

В дебатах по вопросу о ценах на продовольствие в палате общин 17 октября 1916 г. г. Рансиман заявил:

> „...Мы должны стремиться прежде всего к тому, чтобы не ставить Англию по какой бы то ни было причине в положение блокируемой страны. Хлебные карточки, мясные талоны, — все эти искусственные мероприятия приносят вред, и вред прежде всего тем, у кого меньше средств для покупки этих предметов потребления... Мы стремимся избежать всякой карточной системы при распределении продовольствия".

Усилившаяся подводная война вскоре заставила Рансимана изменить свое мнение. 15 и 16 ноября в палате общин вновь происходили дебаты по вопросу о ценах и запасах продовольствия. За два дня перед тем военная комиссия правительства в принципе согласилась

с предложением, которое я не раз выдвигал перед нею, а именно с предложением о назначении контролера продовольственных ресурсов, которому должны быть предоставлены самые широкие права в области производства, распределения и регулирования цен на пищевые продукты *. В соответствии с этим г. Рансиман сообщил в прениях о намерении правительства назначить контролера и о дополнительных полномочиях по контролю над производством, распределением и торговлей продовольственными припасами. „Если нам придется перейти к карточной системе, — сказал Рансиман, — совершенно ясно, что мы должны иметь соответствующие полномочия, не нуждаясь в продолжительном обсуждении этого вопроса в палате. Лишь только эта необходимость станет очевидной, мы должны иметь возможность действовать". Вот что можно было сделать в области эффективного государственного контроля над промышленностью, имея в качестве сотрудников таких способных деловых людей. Для того чтобы несколько обнадежить тех, кто, как и он сам, опасался контроля и ненавидел государственное вмешательство, Рансиман сослался на деятельность министерства военного снаряжения.

17 ноября 1916 г. был издан ряд распоряжений о продовольственном контроле. Министерству торговли было поручено издавать обязательные постановления с целью самого решительного ограничения потребления пищевых продуктов.

Всякое нарушение этих обязательных постановлений влекло за собой штраф.

На следующий день министерство торговли издало два обязательных распоряжения, установив предельные цены на молоко и максимальный процент различных сортов пшеницы в муке. Министерство торговли также издало распоряжение, воспрещавшее пользоваться пшеницей для пивоварения (пиво из пшеницы начали варить вследствие недостатка ячменя). Но дальнейшее систематическое применение правительственных полномочий стало возможным лишь тогда, когда был назначен контролер продовольственных ресурсов. Это назначение было осуществлено в декабре 1916 г. при образовании нового правительства.

14 декабря 1916 г. новый контролер лорд Девонпорт заявил в палате лордов, что он примет меры не только для того, чтобы сохранить наши продовольственные запасы, но и для того, чтобы обеспечить их справедливое распределение. Прежде всего, заявил он, ему придется на основании статистических сведений установить, какие запасы продовольствия имеются в стране и на какие запасы можно рассчитывать; затем лишь будет возможно подойти к вопросу об их справедливом распределении. Между тем в середине декабря было издано распоряжение министерства торговли, ограничивавшее подачу обедов в отелях, клубах и других общественных столовых от 6 часов и до 9 часов 30 минут тремя блюдами, а все остальные подачи — двумя блюдами, и устанавливавшее макси-

* См. т. I - II, гл. XXXIII.

мальные цены на обеды для солдат во всех зарегистрированных ресторанах Лондона.

11 января 1917 г. контролер продовольственных ресурсов издал шесть новых распоряжений. Эти распоряжения могут быть суммированы следующим образом:

Пшеница. Использование пшеницы для других целей кроме посева и помола воспрещалось. Мельницы должны были прибавлять к пшенице от 5 до 10% отходов муки из ячменя, маиса, риса или овса. Кормить дичь зерном или зерновыми продуктами, необходимыми для питания или производства пищевых продуктов, воспрещалось.

Сладости, шоколад и пирожные. Производство дорогих сладостей было воспрещено. Всем фабрикантам воспрещалось производить более 50% продукции 1915 г. Покрывать пирожные или торты сахаром и шоколадом воспрещалось. Зимой воспрещалось употреблять молоко в производстве шоколада.

Ирландский овес. Экспорт овса из Ирландии разрешался лишь по правительственной лицензии.

12 января 1917 г. контролер поднял в военном кабинете вопрос о сокращении потребления алкоголя в целях экономии пищевых продуктов, необходимых для пивоварения. Он представил меморандум, в котором предлагал сократить пивоварение до 50% уровня 1915 г.; таким образом можно было бы сэкономить для других целей 40 тысяч тонн ячменя, 23 тысячи тонн крупы (главным образом кукурузной) и 50 тысяч тонн сахара. Он обосновывал это предложение следующим образом:

„1. Удастся освободить тоннаж, необходимый ныне для доставки сахара, ввозного ячменя и крупы; эти продукты будут доставляться только в меру подлинной необходимости.

2. Английский ячмень можно будет использовать для смешения его с пшеницей. Ячмень особенно пригоден для этой цели, так как при помоле его не встречается никаких специальных затруднений, которые потребовали бы применения иных мельничных жерновов. Таким образом опять-таки удастся сэкономить тоннаж на импортной пшенице и других видах зерна.

3. Несомненно улучшится использование калорийности производимого ячменя по сравнению с пивом (ср. ниже выдержку из отчета академической комиссии).

4. Удастся достигнуть экономии на рабочей силе, внутреннем транспорте громоздких товаров и на топливе“.

В своем меморандуме лорд Девонпорт излагал далее методы, при помощи которых его предложение могло быть проведено в жизнь; в приложении к меморандуму он остановился также и на возражениях, выдвинутых против его проекта.

Последний меморандум центрального управления контроля (над производством и продажей спиртных напитков) рассматривался одновременно с меморандумом контролера продовольственных ресурсов. Управление контроля сообщало, что его постановления в настоящее

время соблюдаются в большей части Великобритании, что часы продажи и подачи спиртных напитков строго ограничены, продажа и подача в кредит воспрещена, крепость напитков уменьшена и установлены также иные ограничения.

„Отовсюду мы получаем сообщения о тех удивительных улучшениях, которые являются следствием применения наших распоряжений; имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на значительное увеличение покупательной способности рабочего класса, потребление спиртных напитков сократилось. Это показывает, что успех принятых управлением контроля мероприятий значительно больше того, чего можно было ожидать от ограничений, не сопровождавшихся коренной реорганизацией всего дела производства и продажи спиртных напитков. Однако на основании получаемых им отчетов управление контроля выражает уверенность, что в этой области возможны дальнейшие достижения. Чрезмерное потребление спиртных напитков все еще препятствует успешному продолжению войны“.

В дальнейшей части меморандума содержались предположения о новых мероприятиях, причем отдавалось предпочтение непосредственному и прямому государственному контролю над производством и продажей спиртных напитков.

Военный кабинет рассмотрел эти предложения и постановил отложить решение вопроса о государственной закупке спиртных напитков до того времени, пока не будут разрешены более срочные вопросы. 23 января кабинет постановил, что пивоварение должно быть временно ограничено до 60% уровня 1915 г. и что выдача акцизных свидетельств на продажу вин и водочных изделий должна быть соответственно ограничена. После использования определенного количества зерна для пивоварения контролер продовольственных ресурсов обязан приостановить дальнейшее использование зерна для этой цели. Соответствующее извещение было опубликовано контролером продовольственных ресурсов 24 января.

16 февраля мы решили еще на 30% сократить производство пива, предусмотренное законом об ограничении пивоварения. В результате этого решения годовое производство пива должно было составить 10 миллионов бочек против 35 миллионов бочек до войны. 21 февраля министру внутренних дел было поручено создать комиссию при участии пивоваров для анализа положения, созданного этими ограничительными мероприятиями, и затем представить отчет комиссии кабинету.

Отчет комиссии, представленный кабинету 22 марта, предлагал государственную закупку спиртных напитков, несмотря на затруднения, связанные с установлением цены на напитки в условиях, созданных ограничением производства; кабатчики, за исключением Ирландии, высказывались против этого. После продолжительных частных переговоров с предпринимателями мы приняли 31 мая реше-

ние об установлении государственного контроля над винокурением и возможном введении государственной закупки спиртных напитков после войны. Были созданы комиссии для изучения положения в Англии и Уэльсе, Шотландии и Ирландии, а также для того, чтобы установить условия, на которых должен быть проведен государственный контроль.

Но не так-то легко было справиться с укоренившимися привычками. Правительственные мероприятия вызвали общее недовольство. С наступлением лета недовольство, вызванное недостатком пива и его дороговизной, распространилось на военных заводах и среди сельскохозяйственных рабочих. Было решено пойти навстречу недовольным, разрешив производство легкого пива. Далее вместо немедленного установления государственного контроля мы разрешили 21 июня 1917 г. варку еще 31$^1/_3$% установленного количества пива в течение ближайших трех месяцев под условием, что его крепость будет понижена и цены соответственно снижены. 5 июля было решено, что это увеличение производства будет оставлено в силе при условии, что 13$^1/_3$% дополнительного количества будет сварено крепостью в 1030° и предоставлено в распоряжение департамента продовольствия для распределения на военных заводах и в сельскохозяйственных районах на время урожая; половина остального пива (в том числе и дополнительные 20%) должна быть крепостью не выше 1030°. На дальнейших заседаниях военного кабинета было решено производить большую часть пива именно этой крепости, а в марте 1918 г. было принято решение, по которому все производимое в Великобритании пиво должно быть крепостью в 1030°.

Результаты этих последовательных изменений могут быть суммированы следующим образом:

Производство пива составляло (в миллионах стандартных боченков):

в 1913/14 г.	36
в 1915/16 г.	30

Закон об ограничении пивоварения 1915 г. уменьшил производство пива в 1916/17 г. до 26 миллионов стандартных боченков.

В результате дальнейших ограничений, введенных в 1917 г. с учетом летнего дополнения 13$^1/_3$% (под условием снижения крепости), производство пива в течение всего остающегося периода войны составляло 12 500 тысяч боченков в год. Хотя безвредность и бесвкусность этого легкого пива послужили поводом к некоторому недовольству, нет сомнения, что тем самым нам удалось отучить много миллионов английских рабочих от их довоенной привычки к чрезмерно крепким напиткам. Стародавняя привычка опьянять себя крепкими напитками, которые если не опьяняли совершенно, то одурманивали пьющих, была окончательно сломлена. Точно так же была сломлена господствовавшая до войны среди многих рабочих привычка напиваться допьяна по субботам вечером. Вот одно из благ, оставшихся от военной деятельности департамента продовольствия.

Но вернемся к рассмотрению мероприятий в области контроля над распределением и потреблением пищевых продуктов.

Немедленно после своего назначения на пост контролера лорд Девонпорт образовал комиссию под председательством г. (ныне сэра) Альфреда Батта для изучения вопроса о введении карточной системы. Мы многим обязаны Батту за его умелое выполнение неприятного долга. В течение трех недель эта комиссия подготовила детальный план установления карточной системы на продовольствие. Этот план почти без изменений был затем введен в действие лордом Рондда. Составители плана исходили из предположения, что рано или поздно карточную систему придется ввести в действие принудительным порядком. Но время для такой крайней меры еще не пришло.

20 января 1917 г. лорд Девонпорт объявил, что хотя в данный момент он не хотел вводить мясопустные дни принудительным порядком, но считал необходимым внести другие предложения для экономии пищевых припасов.

23 января он доложил военному кабинету, что в настоящий момент статистические данные еще не дают оснований для немедленного введения карточной системы; тем не менее мы решили установить, какой тоннаж может быть освобожден для других целей в том случае, если карточная система будет тотчас же введена в действие. В частности необходимо было установить, какой тоннаж можно будет выгадать с помощью карточек на сахар. Оказалось однако, что в это время потребление сахара составляло не более 300 граммов на душу в неделю, и мы решили пока не вводить карточек. Контролеру продовольственных ресурсов было поручено опубликовать специальное обращение к населению с предложением добровольно ограничить потребление пищевых продуктов.

В начале февраля лорд Девонпорт издал соответствующее обращение. Он заявил, что принудительное введение карточной системы будет отложено поелику возможно, и предлагал населению ограничить закупки важнейших продуктов следующими количествами: хлеб — 4 англофунта в неделю (или 3 фунта муки); мясо — $2^1/_2$ фунта; сахар — $^3/_4$ фунта. Он указывал, что только при помощи подобной бережливости можно было обеспечить достаточное количество для всех, а также полный паек для солдат и матросов.

Немцы неожиданно пришли к нам на помощь, объявив в Америке, что Великобритания располагала запасами продовольствия лишь на 30 дней.

Мы отправили срочное опровержение нашему послу в США, но решили не помещать опровержения в английской печати, так как необходимо было побудить наш народ к бережливости. Таким образом немцы снова помогли нам в наших намерениях.

3 февраля 1917 г. я произнес речь на многолюдном собрании в Карнарвоне о задачах войны. Я воспользовался случаем, чтобы присоединиться к обращению лорда Девонпорта. Я сказал между прочим:

„К кому бы еще обратиться с призывом участвовать в

общем деле? Я обращусь к домашним хозяйкам. Я прошу домашних хозяек прочесть сегодняшнее обращение контролера продовольственных ресурсов о том, что нам всем предстоит есть на будущей неделе (смех). Неважно, как отнесутся к этому муж и дети. Хозяйки, покажите семье обращение контролера и заявите: „Довольно. Вы съели ваши 2½ фунта и не получите ни одного грамма более“ (смех). Контролер обратился к вам с призывом добровольно последовать его указаниям; на это есть важные причины. Создание новой организации требует затрат энергии и труда, а нам и без того нужны люди и средства, чтобы с успехом закончить войну. Для создания принудительной системы необходима новая организация, а мы хотим, чтобы наш народ добровольно выполнил наши пожелания. Так будет лучше для всей страны. Правительство должно сделать так много, что мы хотим просить весь народ помочь нам. Мы хотим, чтобы каждая домохозяйка стала членом правительства, чтобы она взяла на себя управление той частью владений короля, которая находится в сфере ее непосредственной деятельности. Пусть каждая домохозяйка управляет ею от имени короля и выполняет указания королевского правительства. В Англии восемь миллионов хозяйств. Пусть в этих хозяйствах будет отныне восемь миллионов правительств и каждое из них поможет нам выиграть войну. Вот к чему я призываю вас от имени контролера продовольственных ресурсов. Перед нами угроза подводной войны. Экономия продовольствия означает экономию тоннажа, а экономия тоннажа имеет в настоящий момент жизненное значение для страны“.

Страна с горячим энтузиазмом откликнулась на обращение о добровольном ограничении потребления пищевых припасов. Через несколько дней лорд Девонпорт удостоился посещения сэра Дерека Кеппеля, который известил его от имени короля, что добровольные ограничения строго соблюдаются при королевском дворе, не причиняя ни малейших неудобств. Но растущая угроза подводной блокады настолько отражалась на наших импортных возможностях, что мы вскоре оказались вынуждены еще более усилить продовольственные ограничения — за пределы того, что могло быть достигнуто в порядке добровольности. 12 марта было введено в действие распоряжение контролера продовольственных ресурсов, согласно которому хлеб мог продаваться только на вес — не ранее чем через 12 часов после выпечки. 15 марта военный кабинет рассматривал вопрос о картофеле и принял решение ввести картофельный паек в принудительном порядке для отелей, клубов и ресторанов вплоть до того времени, пока картофель с острова Джерсей не поступит на рынок (в середине мая), так как сбор картофеля 1916 г. оказался недостаточным; населению было предложено соблюдать те же ограничения в добровольном порядке. Мы решили, что „картофельный паек должен равняться 150 граммам на человека в день при одном дне без

картофеля в неделю, или, другими словами, 900 граммам в неделю; тот же паек должен выдаваться территориальной армии, в солдатском пайке недостающий картофель должен быть заменен другими продуктами".

Солдатский паек на фронте не был сокращен ни на один грамм, и вплоть до конца войны качество фронтовых пайков не было ухудшено ни по калорийности, ни по содержанию витаминов и протеинов.

19 марта 1917 г. военный кабинет еще раз вернулся к рассмотрению продовольственного положения и принял ряд решений, одно из которых привлекло к себе наибольший интерес населения, а именно решение о введении мясопустного дня во всех ресторанах и столовых. Пока мы не считали необходимым требовать соблюдения мясопустного дня в домашнем хозяйстве. Мы одобрили обращение к более богатым потребителям об отказе от потребления картофеля, так как картофель потребляли более бедные классы населения. Лорд Девонпорт в палате лордов сделал 22 марта предупреждение, что, несмотря на общее соблюдение продовольственных ограничений в добровольном порядке, необходимо дальнейшее воздержание со стороны тех, кто еще потребляет слишком много. В противном случае придется ввести более широкие ограничения. В палате общин на следующий день капитан Бетхерст заметил, что в случае необходимости контролер продовольственных ресурсов произведет обследование книг торговых предприятий, для того чтобы помешать чрезмерному отпуску продуктов в одни руки.

В апреле было издано несколько продовольственных распоряжений. 4 апреля было опубликовано постановление о введении мясопустного дня во всех ресторанах и столовых. Через два дня было издано постановление, направленное против накопления продовольственных запасов. 18 числа были установлены максимальные цены на пшеницу, ячмень и овес и было издано специальное распоряжение о правительственном контроле над продажей ячменя. Другой приказ воспрещал производство с целью продажи легких пирожных, булочек, кексов и т. п. Количества сахара и пшеничной муки в производстве кондитерских изделий были ограничены. Кафе имели право отпускать лишь ограниченное количество булок и сдобы к чаю. 20-го числа новый приказ воспрещал использование пшеницы и ржи для каких-либо других целей кроме посева или употребления в пищу, и 22-го числа контролер продовольственных ресурсов объявил о переходе в руки государства крупнейших мельниц.

25 апреля лорд Девонпорт заявил в палате лордов, что население должно добровольно ограничиться хлебным пайком в размере 4 англофунтов на человека в неделю и пайком сахара в размере 200 граммов на человека в неделю. Он также сообщил, что предстоит создание организации, нужной для введения карточной системы, когда это станет необходимым. 17 мая он сделал новое заявление о том, что вне зависимости от того, будет ли введена карточная система в принудительном порядке, местным властям будет предложено вскоре при-

нять участие в системе распределения и контроля в области пищевых продуктов. Днем раньше контролер продовольственных ресурсов издал приказ об установлении государственного контроля на горох, бобы и чечевицу, импортируемые из-за границы и годные для употребления в пищу.

Таким образом к концу мая 1917 г. была создана далеко идущая система контроля над поступлением продовольственных припасов и были установлены нормы распределения и потребления, хотя и на началах добровольности. К концу месяца лорд Девонпорт счел невозможным для себя оставаться на посту контролера вследствие слабого здоровья. Следуя настоятельным требованиям врача, он вручил мне заявление об отставке. Я принял ее с большим сожалением. Он был замещен лордом Рондда.

30 мая военный кабинет принял решение в качестве первого шага на пути к введению карточной системы об ограничении потребления сахара. Став во главе министерства продовольствия, лорд Рондда учредил отдел расчетов, который исчислял издержки производства и торговли пищевыми припасами. Работа этого отдела была нужна для установления твердых цен. 29 июня на основании закона о защите королевства был издан приказ правительства о предоставлении полномочий контролеру продовольственных ресурсов для реквизиции продовольственных припасов и фиксации цен. Необходимо было принять в этом направлении самые решительные меры, так как к июню 1917 г. розничные цены на продовольствие, по данным министерства торговли, повысились на 102% по сравнению с уровнем июля 1914 г., тогда как общий индекс прожиточного минимума, включая продовольствие, повысился только на 70—75%.

Военный кабинет еще раз рассматривал этот вопрос на заседании 19 июля 1917 г. Непрерывно растущие цены на продовольствие вызывали острое недовольство среди рабочих, угрожавшее производству военных материалов. Рабочие бастовали, чтобы добиться повышения заработной платы и таким образом преодолеть дороговизну жизни. Мы полагали, что для успешного ведения войны необходимо устранить недовольство рабочих, и учли также и то, что во Франции хлеб продавался населению по цене в 8 пенсов за четырехфунтовую булку. Так как пшеница и мука отныне находились под полным контролем правительства, мы решили установить цену хлеба в размере 9 пенсов. Казначейство таким образом должно было понести убыток в 33 миллиона фунтов стерлингов. Французы затрачивали 37 миллионов фунтов стерлингов на хлебную субсидию. Мы также уполномочили контролера продовольственных ресурсов установить твердые цены на мясо, учитывая различные обычаи в отдельных местностях. Принятые решения были объявлены лордом Рондда в палате лордов 26 июля. Он объяснил, что его целью было установить твердые цены на те предметы широкого потребления, по которым департамент продовольствия имел возможность контролировать все стадии производства и торговли — от производителя до потребителя. Работу министерства продовольствия предполагалось по мере воз-

можности децентрализовать и передать важнейшие функции контроля местным властям. Каждому местному самоуправлению предполагалось поручить образование местного продовольственного комитета, в задачу которого должно было входить выполнение приказов контролера продовольственных ресурсов, регистрация розничных магазинов различных пищевых продуктов, рекомендация различных изменений в шкале розничных цен на продовольствие, поддержание и развитие кампании в пользу экономии пищевых припасов, проведение новой схемы распределения сахара при помощи карточек на сахар. Лорд Рондда подробно остановился также на тех мероприятиях, при помощи которых предполагалось установить твердые цены на хлеб и субсидировать его продажу.

В самом начале августа лорд Рондда обратился с циркулярным письмом к местным властям, представив им свою схему продовольственного контроля. Его политика была основана на трех важнейших принципах: сохранения запасов, обеспечения равенства в потреблении бедных и богатых и поддержания цен на низком уровне. Он рекомендовал создать общие кухни для экономии продовольствия и топлива и извещал местные власти о своем намерении установить общую шкалу цен на все важнейшие пищевые продукты. К концу августа были установлены твердые оптовые и розничные цены на мясо. 10 августа было объявлено о назначении шести продовольственных комиссаров: в том числе четыре комиссара было назначено для Англии и Уэльса и два для Шотландии. В течение того же месяца было издано постановление о создании местных продовольственных комитетов.

Таким образом был создан аппарат, который функционировал в течение всего оставшегося времени войны и обеспечивал справедливое и экономное использование наших ограниченных продовольственных запасов. Весь этот аппарат приходилось создавать заново без всякого опыта; нужно было разрешить поистине беспримерную задачу. Те, кому приходилось проводить эту политику, уже были перегружены всякого рода другими делами. Лучшие сыны родины находились за морем на фронтах, а лучшие умы работали в области производства военного снаряжения или в других областях государственной службы. Приходилось ограничивать потребление продовольствия, этих наиболее необходимых продуктов. Принимая все это во внимание, трудно преувеличить похвалы по адресу тех, кто с таким энтузиазмом и таким умением выполнял поставленную перед нами задачу. Из всех контрольных систем, применявшихся в воюющих странах, наша система производства и контроля продовольствия была самой суровой, но и самой эффективной. Тот факт, что эта система применялась с неослабным беспристрастием, делал ее приемлемой для всех классов населения.

Вряд ли необходимо далее останавливаться на последующей истории продовольственных ограничений. В сентябре были введены в действие распоряжения, предусматривавшие максимальные оптовые и розничные цены на мясо, масло, муку, картофель и молоко, а также оптовые цены на сыр. В ноябре была объявлена новая норма добро-

вольных пайков — на мясо, хлеб и все виды зерна, маргарин, сало, жиры и масло. Лорд Рондда имел возможность сообщить, что повышение цен на продовольствие приостановлено и что в некоторых случаях удалось даже понизить цены. Цены на мясо упали на 15—20% в течение последних месяцев.

В декабре 1917 г. рост очередей у продовольственных лавок в Лондоне и в нескольких провинциальных городах повлек за собой издание нового постановления контролеров продовольственных ресурсов о борьбе с очередями. Согласно этому постановлению местным продовольственным комитетам предоставлялось право разрешать продажу определенных пищевых припасов только в определенных лавках или магазинах, продукты должны были отпускаться только потребителям, зарегистрированным в данной лавке или данном магазине и притом только в определенных количествах, установленных продовольственными комитетами. Эти комитеты далее приобретали право воспрещать розничным торговцам брать на себя обслуживание большего количества потребителей, чем данная лавка была в состоянии удовлетворить, не создавая очередей. Комитеты отныне могли требовать передачи продуктов одним торговцем другому и регулировать время и порядок продажи товаров.

1 января 1918 г. в принудительном порядке был введен мясопустный день, и один раз в неделю всякая продажа мяса в сыром или вареном виде была воспрещена. Рабочие организации, которые до сего времени возражали против введения карточной системы, в конце декабря 1917 г. высказались в пользу нее, так как полагали, что таким образом можно будет уничтожить очереди. В январе 1918 г. г. Клайнс в качестве парламентского секретаря министерства продовольствия заявил, что вскоре будет введена карточная система в широком масштабе. За много месяцев перед тем соответствующая схема была выработана сэром Альфредом Баттом и специальной комиссией под руководством лорда Девонпорта, еще до того как последний подал в отставку. 25 февраля в Лондоне и в графствах Миддльэссекс, Серрей, Кент и Эссекс была введена карточная система на мясо, маргарин и масло; в апреле эта система была распространена на всю страну. В июле была введена карточная система дополнительно на сахар и сало; вскоре она была распространена на чай, варенье, мармелад.

Огромному большинству населения эта карточная система при всех ее неудобствах обеспечивала регулярное и достаточное поступление продовольствия; она позволила правительству довольно точно рассчитать, как наилучшим образом распределить имевшиеся запасы продовольствия. Когда мяса бывало немного больше, паек увеличивался. Когда мяса нехватало, мы сокращали его количество, выдаваемое на талон. Постепенное улучшение показателей народного здравия во время и после войны по сравнению с довоенными данными показывает, что принудительное недоедание было по своим последствиям в общем скорее полезно, нежели вредно. Хотя наблюдался некоторый недостаток продовольствия, однако мы никогда не сталкивались

с голодом или с подлинными лишениями. Следует воздать должное нашему народу за то лойяльное отношение, с которым он встретил введенные во время войны непривычные и неприятные для него ограничения. Без общего проявления доброй воли нельзя было бы сделать эти ограничения действительно эффективными. Эта добрая воля была проявлена. Немногие судебные преследования за нарушение правительственных ограничений не помешали, а лишь помогли делу, так как контролер продовольственных ресурсов вел свое дело, невзирая на лица, и проводил законные распоряжения одинаково беспристрастно в отношении богатых и бедных.

Задача ведомства продовольствия осложнялась тем, что Англии в качестве крупнейшей морской державы союзной коалиции приходилось заботиться не только о себе, но и о своих союзниках. Нам приходилось время от времени направлять грузы, которые были нам настоятельно необходимы для нашего гражданского населения, Франции и Италии, и тем спасать правительства этих стран от проявления опасного недовольства населения. В то время как Англия, обычно импортирующая продовольствие, не только сохранила свое собственное производство продовольствия, но даже увеличила его, Франция, являющаяся в нормальных условиях производителем пищевых продуктов и имеющая меньшую плотность населения, была вынуждена все более и более обращаться к ввозу. Во-первых, некоторые из наиболее плодородных провинций Франции находились в руках неприятеля, во-вторых, по мере того как возрастала дальнобойность орудий и интенсивность бомбардировки, размеры обрабатываемой площади сокращались, в-третьих, наконец больше половины французских солдат происходило из сельских местностей. Это обстоятельство вызвало острейший недостаток в рабочих руках в деревне и соответствующее сокращение сельскохозяйственного производства.

Вскоре после того как Америка вступила в войну, г. Гувер, который стоял во главе организации помощи Бельгии, был назначен продовольственным контролером в США; он имел свидание с лордом Робертом Сесилем и вручил ему меморандум, в котором предлагал, принимая во внимание, что все союзники намерены закупать продовольствие в США, создать международную комиссию по согласованию спроса, установлению имеющихся запасов и их распределению среди союзников. Он указывал, что „так как повидимому имеющиеся запасы продовольствия и тоннажа будут скорее уменьшаться, чем увеличиваться, необходимо контролировать их распределение среди союзников“. Далее Гувер отмечал, что „за исключением Аргентины важнейшие страны, производящие предметы питания, в настоящее время находятся под контролем союзников, и поэтому их запасы могут быть распределены исключительно между союзниками“. Обращаясь к положению вещей в Америке, Гувер в своем меморандуме писал:

> „С чисто американской точки зрения централизация закупок всех важнейших продовольственных товаров в одних руках будет способствовать регулированию цен. Сведения о потребностях

союзников в том или ином виде продовольствия будут полезны американскому правительству для контроля над ценами, для стимулирования производства и ограничения потребления определенных товаров или для замены другими американскими товарами тех видов продовольствия, которые должны быть предназначены для экспорта. Мне представляется, — писал г. Гувер, — что большое повышение цен в течение последних месяцев в значительной степени вызвано соперничеством различных союзных организаций на американском рынке“.

Этот вопрос рассматривался на заседании военного кабинета 18 апреля 1917 г. На это заседание был приглашен и г. Гувер. Он — единственный американский политический деятель, будущий президент США, который принимал участие в заседании английского кабинета.

Мы решили: 1. Одобрить в принципе создание международной продовольственной комиссии и просить лорда Милнера обсудить совместно с министром колоний вопрос о представительстве доминионов в указанной комиссии. 2. Предложить лорду Роберту Сесилю снестись с американским послом по вопросу о присоединении США к этому проекту и затем, при посредстве США, обратиться к Франции и Италии.

Согласие других союзников было получено нескоро. Но в конце концов 27 августа 1917 г. в Лондоне была создана междусоюзническая комиссия по мясу и жирам; этой комиссии были поручены закупки бэкона, ветчины, сала, масла, сыра и мяса, в том числе и мясных консервов. Комиссия работала в тесном контакте с г. Гувером и выработала схему, при помощи которой закупки для союзников осуществлялись тем же порядком, что и для американской армии и флота.

Эта комиссия не имела отношения к закупкам пшеницы, производившимся акционерным обществом по экспорту пшеницы, которому было дано представительство интересов королевского комитета пшеничных закупок в США. Королевский комитет работал в контакте с международным пшеничным комитетом, созданным в Лондоне для обслуживания интересов Англии, Франции и Италии. Все поставки пшеницы для союзников осуществлялись в США через посредство этой организации.

25 октября 1917 г. военный кабинет обсуждал требования наших союзников об увеличении импорта пшеницы. Лорд Милнер сообщил, что г. Клемантель, французский министр торговли, который находился в это время в Лондоне, настаивал на увеличении импорта зерна во Францию и на заключении соглашения, которое устанавливало бы минимальные потребности Англии, Франции и Италии. Я в свою очередь сообщил, что меня посетил в то же утро итальянский посол, вручивший мне настойчивое требование о ввозе продовольствия в Италию. Посол сообщил о тяжелом продовольственном положении Италии на основании личных впечатлений.

Члены военного кабинета указывали, что если урожай во Франции

даже ниже нормального, тем не менее там должно быть достаточно продовольствия. Во Франции не было введено организованное распределение продовольствия, которое могло бы сравниться с системой, применявшейся в Англии. Требования Франции сводились в сущности к тому, чтобы мы восполнили недостаток, создавшийся во Франции из-за неприменения французским правительством достаточно суровых мер, чтобы заставить крестьян сдать имевшиеся у них скрытые запасы. Было ясно, что во Франции вскоре наступит подлинная нужда, и нам придется оказывать ей помощь; это произойдет, потому что французское правительство не создало удовлетворительной системы контроля и не ограничило потребления в целях такой же экономии продовольствия, какой мы достигли в нашей стране в добровольном порядке. Мы решили, что необходимо предпринять тщательное обследование, перед тем как согласиться на те или иные условия объединения продовольственных ресурсов.

Через пять дней, 30 октября 1917 г., г. Бальфур сообщил военному кабинету, что по предварительным данным продовольственное положение в Италии было действительно серьезно. Разгром при Капоретто произошел как раз в эти дни. Хотя мы теперь и принимали меры для оказания военной помощи Италии, эта помощь оказалась бы безрезультатной, если бы вследствие недостатка продовольствия население Италии отказалось воевать. Что касается Франции, то г. Клемантель объявил о своем намерении вернуться во Францию и подать в отставку, если к концу недели не будут приняты удовлетворительные решения.

Трудность разрешения вопроса заключалась в недостатке тоннажа. Наше мореходство должно было обслуживать много фронтов и между прочим удовлетворять требования со стороны союзников на военное снаряжение и уголь. Перед нами стоял вопрос о том, сможем ли мы выполнить другие наши важнейшие обязательства в области тоннажа и в то же время увеличить импорт продовольствия для наших союзников. Весь этот вопрос был тесно связан с общей военной политикой, и мы считали, что не можем притти к окончательному решению, пока не будет пересмотрена общая политика, а в связи с этим и вопрос об общем положении мореходства.

В конце концов мы решили следующее:

1. В течение ближайших двух месяцев некоторые суда с грузом пшеницы должны быть отправлены вместо Англии во Францию и Италию. Об этом решении министру иностранных дел было поручено поставить в известность французское и итальянское правительства.

2. Министру торговли и контролеру мореходства поручено было подготовить общий доклад о положении мореходства вообще и о наличии тоннажа для обслуживания союзников. Было решено передать этот доклад в копии г. Клемантелю.

Для того чтобы обнадежить г. Клемантеля, было заключено соглашение, по которому мы изъявили готовность считать снабжение пищевыми припасами Франции и Италии общим делом всех союзников,

в том числе и США. На заседании военного кабинета 6 ноября лорд Роберт Сесиль подчеркивал важность этого шага, указывая, что итальянские опасения оказаться без продовольствия и угля были использованы германской пропагандой в качестве одного из средств, способствовавших разгрому при Капоретто.

По этому соглашению перевозка и закупка продовольствия для союзников совершались за общий счет. Сэр Джозеф Маклей заметил, что если мы должны будем предоставить еще 2 миллиона тонн судов в 1918 г. для перевозки зерна во Францию и Италию, то нам придется соответственным образом ограничить собственное потребление. По его подсчету нам приходилось и без того пойти на сокращение наших перевозок на 6 миллионов тонн, и таким образом общее сокращение наших перевозок должно было составить 8 миллионов тонн.

Мы назначили комиссию для рассмотрения всей проблемы ограничения импорта в связи с указанными выше решениями. Задача этой комиссии не была облегчена тем, что, как выяснилось на заседании военного кабинета 14 ноября, французское правительство воздержалось от реквизиции всего французского тоннажа и позволило использовать часть тоннажа в интересах частных владельцев. Мы узнали также, что французы получили дополнительно 800 тысяч тонн угля из своих угольных копей в течение года, но не известили нас об этом.

Между тем от нас требовали, чтобы мы направили в Италию пароходы, груженые овсом, которые находились на пути из Америки в Англию, для того чтобы спасти итальянскую кавалерию от вынужденного бездействия. Кавалерийское помешательство перевалило через Альпы. Ни один генерал не мог представить себе войны, в которой не было бы хотя бы одного случая кавалерийской атаки. Запасы овса у нашей армии во Франции были в этот момент очень незначительны, но я понимал, что в этот критический момент необходимо сделать все, чтобы удовлетворить Италию. Поэтому мы приняли меры, чтобы направить в Италию овес, который мы закупили в США для нашей собственной армии, и пополнить наши собственные запасы овса во Франции за счет имевшихся запасов в Великобритании и Ирландии.

Не подлежит никакому сомнению, что наши континентальные союзники не ввели у себя системы продовольственного контроля подобной той, которая применялась у нас; они не знали таких суровых ограничительных мер. На заседании военного кабинета 14 февраля 1918 г. министр иностранных дел заявил, что французский посол выразил серьезные опасения по поводу продовольственного снабжения Англии и сомневался в том, не проявит ли английский народ недовольство предполагаемой нормой пайков. Французы пытались установить твердые цены, но их попытки потерпели неудачу, и в результате им пришлось применить другую систему продовольственного контроля.

24 апреля мы рассмотрели новое настойчивое требование Италии

о подвозе пшеницы. Пшеница поступала во все союзные страны в меньшем количестве, чем следовало по плану; сокращение было пропорционально потреблению, но разница между Францией и нами, с одной стороны, и Италией, с другой, заключалась в том, что мы начали год, имея запас на несколько недель. Французы также должны были признать, что они располагали в начале года кое-какими запасами, хотя и меньшими, чем Англия. Между тем Италия не имела никаких запасов и уже стала потреблять хлеб нового урожая до начала нового сельскохозяйственного года. Италии едва хватило бы хлеба даже в том случае, если бы по временам не происходило больших потерь зерна в пути.

Мы решили отправить в Италию особо и дополнительно 25 тысяч тонн пшеницы. Нет сомнения, что истощение человеческих резервов во Франции лишило ее сельское хозяйство необходимого количества рабочих рук. В августе 1918 г. Франция нашла необходимым произвести набор сельскохозяйственных рабочих в Ирландии. Между тем, учитывая, что почти половина населения Франции и две трети населения Италии жили сельским хозяйством против одной десятой населения в Англии, учитывая далее, что население Франции и Италии было гораздо более редким, следует все же поражаться тому, что в последний год войны нам пришлось взять на себя снабжение обеих стран. Французы и итальянцы не приняли тех мер, которые были приняты в Англии, чтобы усилить механическую обработку почвы и увеличить применение удобрений.

Без всякого сомнения наша продовольственная организация качественно превосходила организацию всех других воюющих стран. Нам удалось увеличить собственное производство продовольствия, ограничить и наилучшим образом распределить имеющиеся ресурсы среди всего населения страны. Трудно переоценить заслуги нашего военного министерства продовольствия и тех, кто предоставил министерству свои услуги — часто безвозмездно — ради победы союзников.

Глава сорок пятая

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

В войне решающей проблемой является проблема кадров. В последнем счете решающими факторами, позволившими нам перенести всю тяжесть войны до победного конца, явились количество, качество, экипировка и подготовка тех людей, которые производили оружие, либо сражались с оружием в руках, либо поддерживали производство необходимых для страны предметов потребления. Победа должна остаться не за самой могущественной страной, а за той, которая наилучшим образом умела использовать свои силы.

К концу третьей кампании во всех воюющих странах встал вопрос о приближающемся истощении людских резервов. Германия использовала механические орудия войны, технику и техническую подготовку в значительно большей мере, чем какая-либо другая воюющая страна. Поэтому, несмотря на огромное протяжение фронтов, на которых сражались германские армии, и на сотни сражений, в которых они принимали участие — на западе, востоке и юго-востоке, потери Германии по отношению к общему числу ее солдат были меньше потерь любой армии обеих коалиций. Безумная атака на Верден была предпринята с тем расчетом, что артиллерия должна сыграть главную роль в сокрушении обороны. В результате, несмотря на то, что мы имели дело с атакой против войск, находившихся под защитой могущественных фортов, французы — защитники Вердена — потеряли бóльшее число людей, чем атаковавшие Верден немцы. Тем не менее немецкие потери были велики. Кроме того Германии трудно было возмещать убыль в рядах войск и одновременно удовлетворять растущий спрос на рабочие руки в военной промышленности. В то же время Германия должна была пополнять сокращавшиеся запасы продовольствия. Австро-Венгрия также потеряла много людей в крупных боях с русскими, итальянцами, сербами и румынами, но еще больше солдат она потеряла оттого, что славянские войска охотно сдавались в плен на русском фронте — иногда тысячами, часто десятками тысяч.

После одного сражения в плен сдалось более ста тысяч австрийских солдат. Расточительное расходование молодых жизней в плохо продуманных атаках во Франции и Англии, а в России вследствие хаоса и коррупции лишило воюющие стороны необходимых резервов.

К этому времени воюющие державы потеряли 10 миллионов человек убитыми и увечными. Число военнопленных достигло нескольких миллионов. Наша великая добровольческая армия не могла выступить на фронте ранее 1916 г. Наши потери были поэтому несравнимы с потерями Франции и Германии, но к концу этого года они уже превышали один миллион. Весеннее наступление прибавило еще 200 тысяч к этой начальной цифре. По мере того как истощались людские ресурсы Франции, тяжесть борьбы во все большей степени падала на нас. Борьбу на море приходилось вести исключительно нам, и тяжесть ее все более усиливалась. На суше борьбу на западном фронте постепенно стала выдерживать наша армия. На Ближнем Востоке войну приходилось всецело вести нам. Это означало, что мы должны давать все больше и больше людей для отправки на фронт. Но это означало также, что спрос на рабочие руки для промышленности, производящей снаряжение для армии и флота, должен был неизбежно возрастать. Удовлетворение нужд армии и флота требовало людей, людей и людей. Нашим верфям приходилось втрое увеличить судостроение и ремонт судов, без чего наш морской транспорт не смог бы выносить исключительное бремя непрерывной активной службы. В противном случае мы потеряли бы господство на морях, и союзникам под угрозой голода пришлось бы просить мира. Союзники требовали себе все бо́льших количеств угля; угольные копи нуждались в людях, чтобы увеличить добычу. Сельскому хозяйству нужны были люди, для того чтобы производить необходимые пищевые припасы и таким образом уменьшить потребность в импортных продуктах. Одновременные требования на людей с разных сторон ставили перед нами задачу наилучшего использования человеческой энергии в условиях недостатка кадров даже при наиболее эффективном и научном их применении. Наконец даже возможности идеального правительства в части использования сил народа были все же ограничены.

Глубокие традиции личной свободы, которые так прочно укоренились в Англии, делали весьма затруднительной для любого правительства возможность добиться общего согласия на применение обычного права государства призвать в войска во имя защиты страны всех граждан, способных носить оружие. Нельзя бросаться людьми с той же легкостью, с какой двигают пешки на шахматной доске. Есть предел подобной игре судьбами людей. В конце концов сложнейшая система человеческих эмоций начинает оказывать сопротивление нажиму внешней воли, нажиму извне, направленному на то, чтобы человек окончательно порвал со своими привычками и обычаями. В различных странах границы патриотизма подчас удивительны и не поддаются определению. Трудно установить исторические корни тех традиций, которые в ряде стран прямо повелевают гражданам оказывать сопротивление требованиям государства и становятся чуть не отличительной чертой национального характера. Во Франции, где в течение многих поколений граждане привыкли к обязательной военной службе, не было затруднений с призывом в армию всех

способных носить оружие. С другой стороны, французское правительство не решалось вводить для покрытия военных расходов новые налоги, к которым французские граждане ранее не привыкли. Молодежь Франции и Германии охотно откликнулась на призыв подчиниться суровой дисциплине войны и столь же охотно шла навстречу смерти по приказу свыше, но ни французское, ни германское правительство не решались установить ту же военную дисциплину на заводах, где производились военные материалы. Традиции завода не те, что традиции армии. Точно так же при глубокой вспашке мы наталкиваемся на валуны, которые остались в почве со времен ледникового периода.

Я уже рассказывал ранее, как медленно и неохотно прибегли мы к системе принудительной военной службы. Но военная служба, будучи делом наиболее импозантным и наиболее героическим, отнюдь не была единственным способом служения родине. Действительно, за все время войны большее число мужчин оставалось на работе в самой Великобритании (да и во всех воюющих странах) по заданию государства. Помимо работы на военных заводах, включая сюда работу по выполнению обширной программы судостроения и ремонта судов, оставалась еще забота об удовлетворении обычных потребностей 46-миллионного населения. Необходимо было удовлетворить эти потребности, после того как 8 миллионов человек были отвлечены в армию, флот и на военные заводы. Для правительства было исключительно трудной задачей обеспечить наилучшее применение сил каждого отдельного человека. Эта задача никогда не была разрешена полностью, но в течение последних двух лет войны были достигнуты значительные успехи на пути к ее разрешению. По мере того как шла война, а требования новых пополнений со стороны сухопутного фронта и морской войны становились все настойчивее, людские же резервы сокращались, проблема кадров принимала все более срочный характер.

Самым лучшим выходом из положения было бы призвать на государственную службу все население страны в самом начале войны и затем немедленно распределить всех и каждого по заранее обдуманному плану и по тем местам, где каждый мог бы оказать наибольшую помощь в работе на оборону. Но такой войны, какою оказалась война 1914—1918 гг., никогда ранее не было и ни мы, ни континентальные державы Европы не могли ее предусмотреть и еще менее заранее составить план ее ведения. Что касается нас самих, то мы полагались на наш флот для предупреждения возможного вторжения в страну. Наша армия несла чисто полицейскую службу в империи. Под защитой Ламанша, служившего нам крепостным рвом, сложился наш национальный характер, всецело приспособленный к мирным условиям существования.

Поэтому наши действия вначале были бессистемными и непоследовательными. Мы разрешали тем, кто был крайне необходим дома, отправиться на фронт, тогда как другие, кем мы скорей могли пожертвовать для отправки на фронт, продолжали считать себя

нужными для работы в тылу. Вопрос об оставлении в тылу решался скорее в плоскости личных настроений, а отнюдь не в плоскости выполнения национального долга. Организация промышленности мирного времени как в отношении капитала, так и в вопросах труда, была сохранена в полной неприкосновенности; у нас не было никакого плана замены ее иной организацией. По мере того как продолжалась война, государственный контроль и управление промышленностью были постепенно расширены. Капиталисты были до известной степени привлечены на службу государству тем, что мы установили налоги на сверхприбыль и ввели контроль доходов военных заводов. Промышленность испытала непосредственное вмешательство государства только тогда, когда многие фабрики и заводы были превращены в предприятия, работающие под контролем правительства, и когда были созданы национальные заводы. Железнодорожный и морской транспорт, ввоз в условиях запретительно-разрешительной системы и всякие перевозки вообще постепенно все больше и больше подпадали под контроль государства. Рабочие также оказались во власти государства, по мере того как были созданы „особые профессии", т. е. были выделены лица, занятые на государственной службе, и были введены ограничения перехода с одной работы на другую; правительство приобрело право отправлять рабочих на фронт, в случае если они не выполняли работы на оборону в Англии. Но некоторые из этих мероприятий были проведены лишь с большим трудом при самом упорном сопротивлении и вопреки укоренившимся традициям представителей капитала и труда. Дело было не в недостатке патриотизма, а в косности, в предрассудках, зависти и подозрительности большинства людей. Эти моменты немало мешали полному проявлению патриотизма.

При осуществлении контроля над ресурсами рабочей силы мы сталкивались в наших взаимоотношениях с тем бесспорным фактом, что рабочие с подозрением относились к предпринимателям, получавшим военные заказы. Рабочие подозревали предпринимателей в том, что они наживались на военных заказах; рабочие не чувствовали, что работая они приносят ту же непосредственную пользу стране, что солдаты на фронте и матросы на море. Рабочим казалось, что призвать их в принудительном порядке на работу в промышленности означает то же, что заставить их по закону работать для выгоды частных предпринимателей, т. е. сделать то, против чего они справедливо возражали бы самым решительным образом. Между тем во многих случаях работа в тылу была столь же существенна для нашей национальной безопасности, как и поддержание в полной боевой готовности наших армий. Для армии мы имели возможность набирать людей по своему усмотрению и устанавливать собственные требования в отношении возраста и состояния здоровья рекрута. На внутреннем фронте нам приходилось все еще полагаться на добрую волю каждого, которая лишь в некоторой степени была ограничена законодательными актами.

Для разрешения именно этой весьма трудной, но необходимой

задачи я решил после составления моего кабинета в конце 1916 г. создать новое министерство национального обслуживания. Военный комитет предшествующего правительства уже одобрил в принципе на одном из своих последних заседаний (от 30 ноября 1916 г.) введение системы национального обслуживания, предоставив детальную разработку этой системы комиссии под председательством г. Монтегю, занимавшего тогда пост министра военного снаряжения. Предполагалось применить эту систему ко всем взрослым мужчинам до 60 лет, а быть может также и к женщинам. Первый проект закона о введении системы национального обслуживания был подготовлен этой комиссией и был рассмотрен новым военным кабинетом 14 декабря 1916 г. Я не мог тогда присутствовать на заседании, так как был болен инфлюэнцей. В моем отсутствии военный кабинет не хотел принять окончательное решение, но, обсудив проект в целом, дал предварительное заключение, которое сводилось к следующему:

1. Должен быть назначен директор национального обслуживания, который будет ведать военной и гражданской службами.

2. Гражданская и военная части ведомства национального обслуживания должны быть полностью разграничены, т. е. директор национального обслуживания должен иметь двух помощников — одного по гражданской и одного по военной части при четком и абсолютном разделении их функций. Это имело целью предупредить всякие толки о том, что введение принудительной гражданской службы может в какой-либо мере поставить призванных на гражданскую службу лиц под контроль военных властей.

3. Функции ведомства национального обслуживания должны получить срочное и точное определение во избежание параллелизма с министерством труда. Г-н Гендерсон взял на себя обязательство обсудить этот вопрос с новым министром труда и его коллегами.

4. Пока новый директор национального обслуживания не назначен и его функции не определены, в печати не должно появляться никаких сообщений о предполагаемом назначении.

Военный кабинет держался того мнения, что лучшим кандидатом на пост директора был г. Е. С. Монтегю, участвовавший в качестве председателя комиссии в выработке схемы национального обслуживания. Мы предложили ему этот пост, но тогда он не считал себя подготовленным к тому, чтобы занять его. В конце концов мы обратились к г. Невиллю Чемберлену. Его пришлось спешно назначить, так как я должен был объявить об этом назначении в своей речи в парламенте в связи с общей политикой нового правительства. Я никогда не встречался с ним ранее и знал о том, что он способен занять этот пост, лишь со слов тех, кто слышал о его деловом опыте и опыте в делах муниципального управления.

Последствия этого решения кабинета о введении принуждения в промышленности иллюстрируют те беспримерные затруднения, с которыми столкнулись правительства не только в Англии, но и во всех других странах, когда речь шла об обязательной службе для рабочих на фабриках и заводах.

Переговоры г. Гендерсона с его коллегами по рабочей партии имели весьма серьезные результаты. 19 декабря, когда мы возобновили обсуждение этого вопроса, Гендерсон сообщил нам, что оппозиция организованных рабочих против принудительного труда в промышленности так сильна, что будет очень трудно провести такие меры в жизнь, не вызывая широкого недовольства и волнений. Мы лишь с большим трудом уговорили союзы квалифицированных рабочих разрешить использовать чернорабочих на квалифицированной работе и ослабить действие профсоюзных правил. Эти уступки рабочих были освящены соглашениями с правительством. Надо вспомнить, что прежнее правительство обязалось не вводить принуждения в промышленности. Но было ясно, что если организованные квалифицированные рабочие объединятся для оказания сопротивления принуждению в промышленности, то политически будет большой ошибкой пытаться ввести его в действие, даже если бы это вообще было осуществимо. Только национальное единство могло принести нам победу. Между тем на этом пути мы могли встретить враждебное отношение организованных рабочих масс. В соответствии с этим кабинет, приняв во внимание оппозицию организованных рабочих и обязательства, данные прежним правительством, решил отказаться от законопроекта и остановиться на системе национального обслуживания в добровольном порядке, т. е. на основе добровольной записи и перемещения рабочих без принятия соответствующего законопроекта. Было постановлено провести предварительную работу по созданию соответствующего гибкого аппарата в центре и на местах.

Мы решили далее, что в правительственной декларации в обеих палатах парламента мы дадим заверения об участии представителей рабочих во всех организациях, которые будут созданы под руководством директора национального обслуживания, и что мы не установим срока введения принудительного начала. Премьер-министр в палате общин и лорд Керзон в палате лордов должны были разъяснить, что если система добровольности потерпит неудачу, то правительство испросит у парламента полномочия на то, чтобы отказаться от данных ранее в этой области обязательств и ввести в действие соответствующие новые законы о принудительной гражданской службе. Между тем директору национального обслуживания будет поручено составить списки добровольцев гражданской службы, давших самообязательство о поступлении и перемещении, и организовать аппарат национального обслуживания, который затем мог бы быть применен в целях принуждения.

Военный министр пожелал занести в протокол, что, по его мнению, для пополнения убыли в рядах действующей армии на западном фронте необходимо отправить на фронт не менее 100 тысяч человек до января. Для осуществления этой задачи необходимо немедленно провести через парламент новый закон о призыве на военную службу. Эти решения правительства были объявлены мною в палате общин в моей речи 19 декабря 1916 г. В этой речи я между прочим сказал:

„Я подхожу теперь к еще более трудному вопросу, который играет столь же важную роль для нашей победы. Я до сих пор говорил главным образом о мобилизации материальных ресурсов страны. Я перехожу к вопросу о мобилизации трудовых ресурсов, которые более важны для победы, чем материальные ресурсы. Когда речь идет о спасении страны в течение короткого срока, нельзя полагаться на действие закона спроса и предложения. Только в том случае, если наряду с материальными ресурсами трудовые ресурсы также будут использованы наилучшим образом, если каждый гражданин будет призван отдать стране свой труд, только в этом случае можем мы рассчитывать на победу... Почти год назад мы решили, что для сохранения численности наших армий на фронтах мы должны иметь возможность осуществлять контроль над кадрами пригодных к военной службе лиц. Но было бы невозможно призвать людей в армию, не снимая их с более или менее полезной работы в тылу. Нам становится все яснее, что с течением времени придется создать такую систему военного набора, которая позволит не отправлять на фронт тех, кто может выполнять более полезную работу в промышленности. Для того чтобы закончить выполнение плана организации всех ресурсов страны, мы должны иметь право заявить, что каждый, кто не взят в армию, каково бы ни было его социальное или имущественное положение, действительно занят на работе, имеющей национальное значение...

Этот вопрос рассматривался военным комитетом прежнего правительства и тогда же было принято единогласное решение о том, что наступило время для проведения в жизнь принципа всеобщего национального обслуживания. Этот вопрос был одним из первых, за разрешение которых взялось настоящее правительство, и военный кабинет единогласно присоединился к решению прежнего правительства... Мы предполагаем немедленно назначить директора национального обслуживания, которому будут подчинены и военный и гражданский набор на государственную службу. Мы не предполагаем производить каких-либо изменений в порядке призыва на военную службу. Что касается службы гражданской, то мы предполагаем поручить директору национального обслуживания произвести вначале перепись отраслей промышленности и занятий, имеющих национальное значение во время войны. Некоторые отрасли промышленности будут считаться совершенно необходимыми производствами, и заинтересованные учреждения будут обращаться за рабочей силой к директору национального обслуживания. Остальные отрасли промышленности будут ограничены в праве привлечения рабочих и в использовании сырья и энергии. Освободившаяся рабочая сила из тех отраслей промышленности, которые не признаны необходимыми или ограничены в своих правах, будет использована для замены тех, кто в настоящее время

освобожден от воинской повинности и работает на оборону и для пополнения рабочей силы в производствах, необходимых для обороны. Этим рабочим будет предложено немедленно взять на себя самообязательство и зарегистрироваться в качестве рабочих военных производств на тех же началах, что добровольцы военных заводов, и с теми же правилами о ставках зарплаты и семейных пособиях.

У меня нет сомнения, что когда народ поймет, как насущно необходимо наилучшее использование сил всех и каждого, мы получим достаточное число добровольцев труда... Если мы не сможем получить необходимое нам число людей, мы не поколеблемся обратиться к парламенту с просьбой освободить нас от обязательств, данных при других условиях, и дать нам полномочия для того, чтобы провести намеченный нами план. Страна борется не на жизнь, а на смерть и имеет право на труд всех сыновей родины.

Мы имеем счастливую возможность привлечь лорд-мэра Бирмингама (г. Невилля Чемберлена) к занятию поста генерал-директора национального обслуживания...".

Приведенные выдержки из моей речи дают правильное представление о плане работы нового министерства. В распоряжении нового министерства был прежний аппарат набора в армию, обладавший некоторым опытом, и так называемое управление кадров, которое уже в течение некоторого времени разыскивало рабочих и предоставляло их учреждениям и предприятиям, выполнявшим правительственные заказы. Перед новым директором стояла задача быстро и полностью организовать добровольные самообязательства всех имевшихся в стране рабочих с учетом потребности в рабочей силе различных отраслей промышленности и хозяйства в порядке очередности их значения для военных целей. Мы, с одной стороны, должны были знать, где нам искать людей, необходимых для армии, и, с другой, как заменить всякого, кто был снят с важной работы, другим работником из числа тех, кто мог быть освобожден от работы в менее важных предприятиях.

Короче говоря, г. Чемберлену было поручено создать аппарат, при помощи которого мы могли осуществить контроль и наиболее экономное и эффективное распределение всех людских ресурсов страны. Для начала в его распоряжение для гражданской службы были предоставлены лишь кадры добровольцев, хотя для военных целей он имел возможность набрать в армию всех пригодных мужчин призывного возраста. В принципе и прежнее правительство и мой кабинет одобрили введение национального обслуживания в принудительном порядке. Если добровольная система привела бы к неудаче, мы готовы были предоставить г. Чемберлену дальнейшие полномочия. Ему оставалось лишь построить свой аппарат таким образом, чтобы он мог распоряжаться всеми трудовыми ресурсами страны.

Обязательная военная служба косвенно подразумевала право пра-

вительства привлекать в принудительном порядке на службу государству годных по состоянию здоровья мужчин призывного возраста. Если мужчина призывного возраста не был нужен на работе в каком-либо необходимом производстве в тылу, он мог быть взят в армию или во флот. Это знал каждый и всякий вне зависимости от профессии или положения. Это сознание не оставалось без влияния на дисциплину и производительность труда в стране. Этим сознанием проникся каждый с того самого момента, когда была введена обязательная военная служба; люди знали, что, не выполняя своего гражданского долга в той области, в какой они могли быть наиболее полезны стране, они рискуют оказаться необходимыми во Франции или на других участках фронта и будут призваны в войска.

Когда было принято решение о введении в действие добровольной системы национального обслуживания, я сделал все, что мог, для того чтобы помочь г. Чемберлену начать свое дело с успехом. 10 января 1917 г. военный кабинет принял решение о роспуске управления людских ресурсов и передаче всех его функций и архивов новому министерству. В то же время мы предложили новому директору подготовить сообщение о предполагаемых им мероприятиях и о тех шагах, которые он считал необходимыми для согласования действий всех государственных учреждений, соприкасавшихся с проблемой труда. Через два дня я созвал совещание, на котором лорд Милнер, г. Гендерсон и я встретились с директором национального обслуживания, министром по делам местного управления, министром сельского хозяйства и министром труда, для того чтобы позволить г. Чемберлену совместно с другими министрами рассмотреть все затруднения, связанные с осуществлением стоящих перед ним задач, и решить, как помочь наилучшей организации его министерства. В результате этого обсуждения ему было поручено подготовить меморандум, в котором должны были заключаться:

а) его предложения об организации в центре и на местах аппарата, необходимого для составления списков добровольцев национального обслуживания;

б) его мнение о методе распределения добровольцев в различных отраслях национального обслуживания, о форме взаимоотношений рабочих с предпринимателями, о ставках зарплаты, при учете возможности дальнейшего перехода всей организации к набору на принудительных началах;

в) предполагаемые мероприятия для содействия военному набору.

Меморандум г. Чемберлена был готов 19 января 1917 г. и тотчас же подвергся тщательному рассмотрению военного кабинета. Меморандум состоял из двух частей; в первой рассматривался вопрос о наборе в армию, а во второй описывалась предполагаемая организация набора гражданского населения и распределение рабочей силы в соответствии с наиболее насущными потребностями. Главным предложением г. Чемберлена по вопросу о военном наборе была отмена всех удостоверений об освобождении от воинской повинности, выданных лицам в возрасте моложе 22 лет. В дальнейшем г. Чемберлен пред-

лагал допускать лишь очень немногие исключения из этого общего правила. Затем предполагалось дальнейшее изъятие всех способных носить оружие из числа лиц, занятых в менее важных отраслях промышленности. По вопросу об организации национального обслуживания г. Чемберлен предлагал создать штаб в центре и назначить районных комиссаров, а также взять в ведение своего министерства биржи труда, чтобы через их посредство осуществлять передачу добровольцев в те отрасли промышленности, где наблюдался наибольший недостаток в рабочих. Г-н Чемберлен требовал себе права разрешать все конфликты, возникающие в связи с использованием и перемещением рабочих и работниц на гражданской службе. Он желал также иметь право издавать приказы и распоряжения, относящиеся к созданию соответствующего административного аппарата.

Военный кабинет внес ряд изменений в намеченную схему. Мы разрешили изъять для отправки на фронт 30 тысяч человек из числа занятых в сельском хозяйстве, 20 тысяч из числа занятых в угольной промышленности, 50 тысяч полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих военных заводов, и помимо того призвать в войска всех молодых людей в возрасте от 18 до 22 лет. Но биржи труда должны были оставаться под контролем министерства труда, которое должно было предоставить их в распоряжение директора национального обслуживания в целях проведения намеченной им схемы. Мы просили г. Чемберлена представить новый проект в согласии с указанными изменениями.

6 февраля 1917 г. была начата национальная кампания записи добровольцев для национального обслуживания; в Центральном зале в Вестминстере состоялся митинг, на котором г. Чемберлен изложил свои предложения. Я произнес речь, в которой горячо поддержал их. Я указал, что война значительно увеличила спрос на рабочую силу и в то же время уменьшила количество работоспособного населения, вследствие того что миллионы лучших и наиболее пригодных по здоровью рабочих находились в войсках. Несмотря на это, мы все еще имеем под ружьем пропорционально меньшее число людей, чем Франция. С другой стороны, мы должны сохранять наш военный и торговый флот для обслуживания всей союзной коалиции и снабжать наших союзников углем, сталью и деньгами. Наш внутренний фронт столь же важен для победы Антанты, как и фронт внешний. Нам необходима национальная организация, для того чтобы наилучшим образом использовать имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы. Мы готовы сделать все, что в наших силах, чтобы получить рабочую силу на добровольных началах, так как добрая воля и сотрудничество больших рабочих организаций чрезвычайно ценны в военном отношении. Если мы получим достаточное количество добровольцев, заметил я, „несомненно преимущества добровольного порядка перевесят его недостатки“. Если добровольческая система провалится, то правительство прибегнет к законодательству, „для того чтобы обеспечить содействие каждого гражданина в спасении родины и цивилизации от полного краха“.

Г-н Чемберлен обратился ко всему гражданскому населению в возрасте от 18 до 61 лет с призывом записаться на гражданскую службу (за исключением врачей и служителей культа, для которых были созданы специальные условия набора). Предполагалось создание особого департамента женской гражданской службы под руководством г-жи Г. Дж. Теннант. Обращение относилось и к добровольцам, работавшим на военных заводах, хотя, дав самообязательство, они не могли быть переведены на другую работу. Волонтерам должна была быть предоставлена работа, к которой они были лучше всего подготовлены, и по возможности в районе их местожительства. Ставки зарплаты должны быть одинаковы с теми, какие существовали в данной отрасли труда, при минимальной зарплате в 25 шиллингов в неделю и дополнительном пособии в случае, если рабочим придется жить отдельно от семьи.

Г-н Чемберлен указал, что в стране почти не было безработных, и поэтому придется прибегнуть к ограничению менее важных отраслей производства, для того чтобы обеспечить рабочей силой более важные отрасли производства. Он предложил, не уничтожая предприятий, добиться возможной экономии рабочей силы путем объединения и слияния ресурсов отдельных фирм по линии оборудования, труда и сырья, освободив таким образом избыточное число рабочих и рационализировав данные отрасли промышленности до конца войны.

22 февраля в палату общин был внесен законопроект о создании министерства национального обслуживания, в котором определялись функции и положение директора национального обслуживания и его права по изданию приказов и распоряжений. Этот законопроект был утвержден королем 28 марта. Дебаты в парламенте по поводу этого законопроекта показали, что в некоторых кругах существовали значительные опасения, что данный законопроект явится первым шагом на пути принуждения. Правительству пришлось дать специальные обязательства, что принудительный труд не будет введен без особого согласия парламента. Эти обязательства были внесены в текст закона.

Для популяризации своего призыва о записи добровольцев труда г. Чемберлен прибег к широкой кампании в печати. Ему была оказана полная поддержка со стороны правительства в надежде, что его усилия увенчаются успехом и наша задача освоения трудовых ресурсов будет удовлетворительным образом разрешена; в этом случае предполагалось, что он создаст организацию, которая будет работать успешно и без перебоев.

Наши надежды не оправдались. Нужно откровенно признаться, что министерство национального обслуживания явилось для нас большим разочарованием, особенно в первые месяцы своего существования. Работая в неблагоприятных условиях добровольческой системы, министерство не сумело выполнить той задачи, которая была перед ним поставлена, но еще серьезнее был тот факт, что министерство не проявило никаких признаков того, что оно работало бы лучше, если бы ему были предоставлены принудительные права.

Затруднения, с которыми столкнулось министерство, были дей-

ствительно огромны. Пригодные к военной службе мужчины, все еще занятые на работе в тылу, были освобождены либо потому, что они были заняты на работе, жизненно необходимой для нации, или же по каким-либо другим, исключительным основаниям. Предприниматели, у которых предполагалось забрать рабочих, сражались до последней капли крови за их освобождение от призыва и крайне неохотно соглашались брать менее опытных рабочих на место призываемых. Каждый профсоюз также сопротивлялся снятию с работы своих членов-рабочих и дальнейшему „разводнению“ профессий, которое было связано с заменой одних рабочих другими. Предоставление заместителей означало, что те отрасли промышленности и хозяйства, которые считались менее важными для нашего национального дела, лишались рабочих. Если было крайне затруднительно составить такой черный список отраслей хозяйства, то не менее трудно было заставить отдельные предприятия примириться со своей тяжелой судьбой. Г-н Чемберлен конечно мог опираться на сотрудничество бирж труда, но ему не удалось наладить порядок, при помощи которого биржи труда выполняли бы важную задачу перемещения рабочих в иные отрасли хозяйства.

В результате создались хаос и беспорядок. Многие из тех, кто записался в добровольцы и кому было приказано оставить работу и ждать распоряжений министерства, были вынуждены ждать в течение многих недель, не получая ни зарплаты, ни работы. В результате запись в добровольцы прекратилась. Между тем военное ведомство жаловалось, что оно не могло получить людей, которые были обещаны согласно принятому проекту. К концу мая поступило далеко не то количество новобранцев, которое было обещано за счет сельского хозяйства, железнодорожного транспорта, угольной промышленности и заводов военного снаряжения. С другой стороны, сельское хозяйство не получило взамен мобилизованных обещанного количества рабочих и солдат территориальной армии для сельскохозяйственных работ.

Добровольная запись оказалась явно недостаточной. Из тех, кто записался в добровольцы, три пятых были уже заняты на работе национального значения, и только менее половины оставшихся были пригодны для работы в тех предприятиях, в которых действительно нуждалась страна. Г-н Чемберлен обратился первоначально с призывом дать полмиллиона добровольцев. По прошествии двух месяцев запись дала менее трети этого количества. 17 апреля 1917 г. в ответ на поставленный ему вопрос г. Бриджмен заявил:

„Из 163 161 добровольца, записанных на биржах труда на 6 апреля (последняя дата, когда были получены сведения), 93 622 работали в предприятиях первоочередного значения или по другим причинам не могли быть сняты с работы; из остающихся 69 539— 26 873 были по своему опыту или по состоянию здоровья вполне пригодны для использования их в тех отраслях промышленности, которые имеют первоочередное значение и где имеется значительный спрос на мужскую рабочую силу; в настоящий момент нет

возможности точно установить, какая часть из этого числа занята на работе национального значения и может быть перемещена. Из 16 тысяч добровольцев, услуги которых были предложены предпринимателям, 2 804 начали работу и 11 826 ожидают ответа от предпринимателей. Кроме того 5 765 человек ожидают ответа от комиссаров министерства национального обслуживания в связи с протестами против их снятия с работы".

Эти данные были несомненно очень неблагоприятны. До этого времени единственным результатом создания большого министерства и назначения ряда чиновников по всей стране, не говоря уже о затрате шестидесяти тысяч фунтов на кампанию в печати, было предоставление работы трем тысячам человек. Конечно министерство повело полезную работу во многих областях, и в дальнейшем эта работа оправдала себя; в частности это можно сказать об организации женщин-работниц женским отделом под руководством г-жи Теннант, давшей нам женщин-работниц для сельского хозяйства. Но в качестве средства для разрешения нашей задачи — организации кадров для привлечения новобранцев в армию и замены их соответствующей рабочей силой в тылу, новое министерство национального обслуживания потерпело неудачу.

Кабинет вполне сознавал неблагоприятное положение вещей, и много усилий было затрачено на то, чтобы помочь новому министерству справиться со своей работой, но все эти старания были безуспешны. Самодовольное упрямство нового министра еще усиливало те трудности, которых мы не могли преодолеть при всех наших стараниях.

У всех, кто пытался расследовать причины неудачи нового министерства, господствовало убеждение, что руководство министерством было организовано из рук вон плохо. Не было никакой инициативы сверху; министерство было насквозь пропитано духом бюрократической волокиты, которая мешала ему выполнять свою задачу. Постоянные попытки с моей стороны и со стороны других лиц внести новые начала в деятельность министерства, дав ему более подходящих людей, в частности людей для работы с печатью, г. Чемберлен считал выражением недоверия к достоинствам тех лиц, которых он сам подобрал для этой цели, лиц может быть и способных, но более пригодных для других целей.

Механизм, созданный г. Чемберленом, оказался неспособен справиться даже с добровольцами и был безусловно недостаточен, для того чтобы ему могли быть доверены диктаторские полномочия. Быть может эта задача вообще была не по силам любому человеку. Она требовала большой широты взглядов, смелости, исключительной энергии и настойчивости, а также большого такта в отношении с другими министерствами, в частности с ведомством рекрутского набора и министерствами труда, военного снаряжения, сельского хозяйства и торговли. Все это необходимо было для предупреждения ведомственных разногласий, бюрократической волокиты и взаимного подсиживания. Нам нужен был, короче говоря, человек исключи-

тельных дарований. Не каждый обладает большими способностями. Входя в эту категорию людей, г. Невилль Чемберлен был человеком весьма компетентным, но и только. Такие люди могут быть полезны в обычные времена на обычных постах и они незаменимы на вторых ролях в любое время. Но они теряются при чрезвычайных обстоятельствах или когда им предстоит действительно создать что-либо новое.

13 июля 1917 г. военный кабинет рассмотрел доклад г. Невилля Чемберлена, в котором последний настаивал на отмене всяких удостоверений об освобождении молодежи, призванной в армию. В обоснование своих предложений он заявил, что в настоящее время было так мало вакантных мест для работы, что если его предложения не будут приняты, то он не видит „оснований для дальнейшего существования его министерства".

13 августа 1917 г. К. Бек, парламентский секретарь министерства, в ответ на интерпелляцию заявил в парламенте:

> „Общие расходы министерства национального обслуживания с момента создания его и вплоть до 1 августа 1917 г. составили 192 709 фунтов стерлингов 6 шиллингов 1 пенс. Из этой суммы приблизительно 87 тысяч фунтов стерлингов было затрачено на кампанию в печати, связанную с первоначальным проектом мероприятий министерства. Число добровольцев, которые были поставлены на работу министерством, равняется 19 951. В дополнение к этому удалось привлечь для сдельной работы 9 817 человек, и министерство провело распределение 68 595 солдат и рабочих, принимавших участие в сельскохозяйственных работах. Число женщин, которые были поставлены на работу в различных предприятиях, равняется 14 256. Таким образом общее число лиц, услуги которых были использованы министерством, составляет 112 609 человек".

Если подойти к вопросу без предвзятости, то нужно сказать, что достижения министерства быть может не заключали в себе ничего героического, но в целом его работа оказала некоторую помощь в момент крайней необходимости. Однако парламент счел эту помощь не отвечающей действительным нуждам страны и не соответствующей произведенным расходам. 25 июля 1917 г. палата общин назначила специальную комиссию для рассмотрения вопроса об экономии государственных средств. Эта комиссия в своем докладе отметила, что система хранения архивов и переписки в министерстве национального обслуживания могла быть с пользой упрощена, что штат министерства мог быть размещен в меньшем здании, что некоторые ставки чиновников были чрезмерно высоки и вообще что, „по мнению комиссии, результаты деятельности министерства несоразмерны со сделанными приготовлениями и значительными предварительными затратами".

В начале августа г. Невилль Чемберлен подал в отставку, и министерство национального обслуживания было вслед затем реорга-

низовано. Организация набора в армию была передана министерству, и на пост генерал-директора был назначен вместо г. Чемберлена сэр Окланд Геддес. Он взял с собою из военного министерства генерала Хетчисона (ныне лорда Хетчисона), который оказал ему значительную помощь, обнаружив при этом большой такт. Вскоре после этого между министерством национального обслуживания и министерством труда было достигнуто соглашение о точном разделении и согласовании деятельности обоих ведомств. Это соглашение было оформлено в специальном меморандуме, который был рассмотрен и одобрен комиссией лорда Милнера по вопросам трудовых ресурсов и набора в армию и затем одобрен военным кабинетом 12 сентября 1917 г. Меморандум затрагивал вопросы общего распоряжения рабочей силой страны, очередности отраслей хозяйства, порядка записи добровольцев, предоставления, перемещения и замены рабочей силы, рабочих организаций в промышленности, пособий безработным, ввоза рабочих из-за границы и т. д. Комиссия лорда Милнера дополнила меморандум предложением по вопросу о функциях министерства; это дополнение определяло отныне деятельность министерства. Его функции выражались в следующем:

1. Рассмотрение вопроса о трудовых ресурсах страны, сообщение военному кабинету по любому его требованию сведений о результатах всех одобренных военным кабинетом предложений министерства.

2. Осуществление мероприятий, имеющих целью перемещение лиц с гражданской работы, не объявленной военным кабинетом работой первоочередного значения; перемещение по приказу военного кабинета из состава флота, армии или воздушного флота на работу национального значения такого числа людей, которое, по мнению военного кабинета, является необходимым в дополнение к тем, кто уже занят на данной работе.

3. Определение с одобрения военного кабинета и в согласии с заинтересованными ведомствами степени важности различных видов гражданских занятий и периодическая подготовка списков специальных занятий с учетом возрастных и иных ограничений, которые (занятия) необходимы для сохранения основного ядра лиц гражданских занятий и занятых в гражданской промышленности.

4. В пределах количественных ограничений, установленных военным кабинетом, получение для армии, флота и воздушных сил того числа людей, какое может быть изъято без нанесения излишнего ущерба работе в тылу, необходимой для поддержания в боевой готовности действующей армии, флота и воздушных сил и основного ядра лиц гражданских занятий и занятых в гражданской промышленности, которое будет признано необходимым военным кабинетом.

5. В связи с задачей, предусмотренной § 4, определение физической пригодности наличных рабочих, или могущих быть полученными за счет тыла.

(Примечание. Задачи министерства по §§ 4 и 5 ограничены действием трибуналов, функционирующих в согласии с установлениями и инструкциями, изданными от имени военного кабинета в Англии и

Уэльсе министерством местного управления, и в Шотландии — министерством по делам Шотландии.)

6. Организация замены мужской рабочей силы женской в тех случаях, когда рабочая сила была изъята во исполнение § 4 и где это является необходимым.

7. Все другие обязанности, которые могут быть поручены министерству военным кабинетом.

8. Вышеприведенный перечень функций министерства отнюдь не должен заменить собою всякого рода соглашения, которые могут быть заключены по этому поводу министерством национального обслуживания и любым другим правительственным учреждением.

После этого министерство работало гладко и без перебоев, успешно выполняя намеченные функции. Задачи министерства были связаны со все возраставшими затруднениями, по мере того как проблема одновременного набора новобранцев для армии и сохранения необходимого количества рабочих в тылу все более обострялась, а также по мере нарастания рабочих волнений. Вот иллюстрация некоторых из затруднений, которые приходилось испытывать в связи с появлением бактерий лихорадки, продвигавшейся из России на запад, заражая все вокруг. В середине октября 1917 г. кабинет узнал, что положение в угольных копях Южного Уэльса было серьезно, так как антивоенные элементы среди углекопов организовывали сопротивление набору в армию. Сэр Окланд Геддес просил нас помочь ему, так как угольная промышленность представляла последний обширный резерв людей и для армии и для других отраслей промышленности. Мы решили поддержать его действия полностью, и так как мы узнали, что более патриотически настроенные лидеры углекопов в Южном Уэльсе предложили организовать посещение Уэльса генералом Смутсом, мы обратились к последнему с просьбой выступить в ближайшее время на митинге в Маунтен Эш. Генерал Смутс согласился.

Генерал Смутс рассказал о своих приключениях в горах Южного Уэльса. Перед тем как отправиться туда, он просил меня дать ему совет, как выступать. Я кажется сказал ему: „Помните, что мои соотечественники превосходные певцы“. Смутс принял мои слова к сведению. Это был мой единственный совет. О том, что произошло в Уэльсе, генерал Смутс прекрасно рассказал сам:

> „Я приехал на следующее утро в Кардифф, где меня ждал великолепный прием. Меня избрали почетным доктором Кардиффского университета. После завтрака я отправился в угольный район, где должен был выступить вечером. Оказалось, что почти весь путь от Кардиффа до угольного района был занят толпами бастующих. Но забастовщики интересовались мною как пришельцем из Южной Африки. Я думаю, что они ожидали увидеть негра и казалось были удивлены тем, что я не оправдал их ожиданий. Я ходил повсюду и произносил большие

речи. Наконец я прибыл в Тонипэнди, где находился центр этой мощной забастовки. Здесь я созвал свой первый митинг из числа тех, которые были организованы заранее. Передо мною была многотысячная толпа возбужденных и недовольных углекопов, и когда я поднялся, я чувствовал, что в воздухе нависла гроза.

Я начал со слов: „Господа, как вам известно, я прибыл издалека. Я не принадлежу к гражданам вашей страны. Я прибыл издалека, чтобы внести свою лепту в эту войну, и я хочу поговорить с вами об этом трудном деле. Но я слышал на родине, что валлийцы — лучшие певцы на свете, и перед тем как начать, я хочу просить вас спеть мне какую-нибудь песню вашего народа".

Тотчас же кто-то в толпе запел „Родина моих предков". Все присутствовавшие пели по-валлийски с большим чувством. Когда они кончили, все смолкло, и я видел, что настроение изменилось. Я почувствовал это на себе самом. Я сказал: „Итак, господа, мне не стоит говорить много. Вы знаете, что случилось на западном фронте. Вы знаете, что десятки тысяч ваших товарищей рискуют жизнью в окопах. Вы знаете, что фронт не только во Франции, фронт здесь — точно так же, как и в других частях страны. Окопы вырыты в Тонипэнди, и я уверен, что найду в вас тот же боевой дух, которым проникнуты ваши товарищи во Франции. Мне не нужно ничего к этому прибавлять. Вы знаете это так же хорошо, как и я, и я уверен, что вы готовы защищать родину ваших предков, о которой вы пели сегодня, что вы будете защищать ее до последнего, что никакие разногласия, которые могут быть у вас с правительством по поводу зарплаты или по другому поводу, не помешают вам защищать „родину ваших предков".

Вот и все, что я сказал. Кажется, я говорил лишь несколько минут. Я отправился затем на следующий митинг и повторил то же самое, и так объездил весь угольный район. Вечером я сел в поезд, шедший в Лондон, чтобы успеть на завтрашнее заседание кабинета. Министры обратились ко мне: „Что случилось? Они все стали на работу. Как Вы добились этого?". Я сказал: „Я и не знал, что они стали на работу".

Эта великая песня помогла нам победить в тот самый момент, когда нам был нанесен сильнейший удар, когда наш флот имел запасы угля лишь на неделю. Если бы стачка продолжалась еще неделю, наши усилия были бы парализованы, и нам пришлось бы сдаться. Вот когда „Родина моих предков" нас спасла.

Такие волнующие эпизоды, как этот, были нередки во время войны, и министерству национального обслуживания для выполнения своей важнейшей задачи приходилось постоянно сочетать огромный такт с твердой решительностью действий.

Стачки и волнения среди рабочих, характеризовавшие события

1917 г., углубляли наши затруднения в области рабочей силы. Но даже если бы не было волнений среди рабочих, число физически пригодных людей было все же недостаточно для выполнения нашей важнейшей работы. При всех условиях спрос на труд не мог быть удовлетворен. Бойня при Пашенделе обострила наши затруднения. В дальнейшем, когда речь зайдет об этой кровавой битве, или битвах, я расскажу, как французы намеренно избрали такой стратегический план, который позволил им сохранить своих солдат до момента появления американской помощи. Наши генералы намеренно избрали противоположный план и пачками бросали солдат на пулеметные гнезда противника, выведя таким образом из строя сотни тысяч людей.

Затем они потребовали новых солдат взамен тех, кем они вовсе не должны были пожертвовать в бою. Еще в мае 1917 г. мы не раз предупреждали наше военное командование, что в 1917 г. у нас не будет людей, для того чтобы предпринять большое наступление, требующее больших потерь. Военные пренебрегали этими указаниями и тем самым усиливали наши затруднения. Нам еще труднее стало находить людей, нужных для страны на суше и на море, дома и за границей. В главах, посвященных продовольственному вопросу и мореходству, рассказано, как нам мешал недостаток в людях в нашей борьбе с голодом, борьбе не на жизнь, а на смерть. Без министерства национального обслуживания мы не могли бы разрешить проблемы наилучшего использования наших людских ресурсов. Министерство начало неудачно, но после реорганизации оно выполнило свою щекотливую и трудную задачу успешно и удачно.

Глава сорок шестая

ВОЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НА 1917 г.

1. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

В числе первоочередных задач, которые выпали на долю кабинета, был вопрос о военном положении, точнее, вопрос о необходимости или возможности какого-либо изменения плана кампаний 1917 г., уже принятого прежним правительством.

Так как мне пришлось выслушать немало упреков за то, что я не настоял на полном изменении проводившейся до тех пор стратегии, необходимо, чтобы я здесь же дал обзор положения на фронте к тому моменту, как я занял пост премьера.

Когда я взял на себя гражданское руководство войной в качестве премьер-министра, условия действительного развития вещей по сути дела уже были окончательно созданы решениями прежнего правительства или его неуменьем принимать определенные решения; против политики этого правительства я, как известно, неоднократно выступал с самыми решительными, но к сожалению безуспешными протестами.

Наше командование отказывалось или пренебрегало организацией прорыва неприятельского фронта на тех участках фронта и тогда, когда такой прорыв был возможен, и предпринимало неудачные попытки прорыва на тех фронтах, где это было невозможно. Тем самым командование пожертвовало многими миллионами жизней и потеряло огромное количество времени и возможностей, а затем, не будучи в состоянии выдумать что-либо более оригинальное, обратилось к борьбе на истощение, следуя таким образом тактике плохого игрока.

Вот как представлялось положение на фронте главному командованию:

> „Союзники имеют пять солдат на каждых трех, которых может выставить неприятель. Поэтому, если мы сможем затратить четырех солдат на уничтожение трех неприятельских солдат, неприятель должен быть в конце концов разгромлен“.

В великих умах генералов никогда не зарождалась мысль о том, что оставшиеся в живых рано или поздно могут заявить решитель-

ный протест против этого метода жертвовать четырьмя ради гибели трех; генералы никогда не представляли себе, что солдаты просто могут отказаться занять свое место в очереди на бойне, на которой погибло уже столько миллионов человеческих жизней. Сухие стратеги видели только то, что войска, которыми они командовали в течение ряда лет, безропотно шли на смерть и что до самого конца грозных боев 1916 г. они ни разу не испытывали колебаний или сомнений, несмотря на то, что уже 12 миллионов солдат легло убитыми или ранеными на полях сражения. Почему же теперь оставшиеся в живых должны вдруг отказаться от той судьбы, которую их товарищи сумели встретить с такой твердостью и с таким самопожертвованием?

С каждой кампанией возможность наступления на неприятеля в наиболее уязвимых местах все более и более суживалась, и в настоящее время эта перспектива была ограничена Италией. Вплоть до конца 1915 г. возможность наступления на Балканах существовала благодаря сербской армии, бывшей одной из лучших армий мира. После провала дарданельской операции отказ использовать салоникскую базу и наконец отдача Сербии на произвол судьбы создали такую обстановку, в которой балканский фронт уже не представлял никаких шансов для наступления. Поражение Румынии и предстоящий крах в России должны были вскоре уничтожить последние возможности успешных действий на востоке. Все благоприятные возможности наступления на дунайском фронте были по глупости упущены. Шансы на использование союзниками гигантских людских резервов России почти полностью отпали; практически на эти резервы уже нельзя было рассчитывать, хотя в данный момент еще никто не отдавал себе отчета в этом грозном факте. Оставались ли у нас какие-нибудь шансы на то, чтобы еще раз попытаться залить кровью храброй молодежи Франции и Англии западный фронтон храма Молоха? Я решил изучить все оставшиеся перед нами возможности, перед тем как согласиться на возобновление ужасов западного фронта.

В ноябре 1916 г. на военной конференции в Шантильи генералы лицемерно заявляли, что прорыв на Балканах еще возможен и что они намеревались предпринять соответствующую операцию ранней весной. Они заставили политиков поверить, что еще имелась возможность прорыва на юго-восточном фронте, что решительная атака на армии центральных держав с балканского фланга отбросит их из Румынии и восстановит связь и с Румынией и с Россией. Я был уверен, что генералы никогда не относились к этому серьезно, так как они не принимали никаких мер для подготовки к такому серьезному предприятию. Это было лишь новым доказательством лицемерия: генералы смеялись в душе над тем, как легко можно обмануть политиков. Они не предприняли никаких мер для посылки подкреплений на Балканы. Они даже не пытались пополнить потери войск, которые уже находились там, или перебросить на салоникский фронт пушки и военное снаряжение для наступления. Формально на конференции в Шантильи стратеги договорились предпринять наступление на Балканах с целью достигнуть Дуная. Ноябрьская Парижская

конференция поддержала план, предложенный союзными генеральными штабами, и тем не менее не было принято никаких мер, для того чтобы привести этот план в исполнение. По сути дела положение салоникского экспедиционного корпуса в отношении людских резервов, пушек, военного снаряжения, транспорта было пожалуй еще хуже после решений в Шантильи, чем до них. Попытка прорыва, если бы она была проведена немедленно со всеми имевшимися в распоряжении западных держав силами, могла иметь успех, хотя все говорило за то, что уже слишком поздно рассчитывать на полное спасение Румынии от германских волков, которые уже пожирали ее внутренности. Западные союзники почти насильно заставили Румынию вступить в войну, не постаравшись однако установить, в какой степени Румыния была подготовлена к войне и не сделав никаких приготовлений, чтобы притти ей на помощь, если она окажется в тяжелом положении. Генерал Алексеев высказывался против вступления Румынии в войну. Он знал, что румынская армия плохо подготовлена к борьбе с теми огромными силами, которые центральные державы могли против нее выставить. Он также понимал, что на истощенные русские войска должна была пасть задача спасения Румынии, когда та окажется под угрозой разгрома со стороны ее могучих противников. Но хотя генерала Алексеева решение о вступлении Румынии в войну касалось в гораздо большей степени, чем кого бы то ни было другого из союзных генералов, с ним не посоветовались. Вот образец этого единого фронта, о котором мы так много слышали на Парижской конференции из уст гг. Бриана и Асквита, произносивших столь громкие и пламенные речи на эту тему. Между тем, если бы были приняты соответствующие мероприятия сейчас же после Шантильи, положение можно было бы еще полностью изменить в пользу союзников. Австро-Венгрия, угрожаемая с трех сторон, без сомнения должна была бы потерпеть поражение. Для русской армии открылись бы возможности возрождения, и она прониклась бы новой силой. Немцам пришлось бы снять часть своих лучших войск с западного фронта, для того чтобы поддержать падающую Австро-Венгрию. Но как всегда, не было сделано попытки выполнить этот смелый план. Этот план был хорош лишь для того, чтобы обмануть министров и заставить их согласиться на старую стратегию. Единственным фронтом, на котором генералы выступали атакующей стороной, был фронт политический, и, одержав на нем хотя бы самую незначительную победу, штабы сообщали друг другу, говоря военным языком, что „цель была достигнута". Они могли бы прибавить: „потери были невелики", но к этому они не привыкли в своих официальных сообщениях. Кое-какие потери однако были. Жоффр, который составил этот план, пал, и правительство Асквита, которое согласилось на него, также должно было уйти.

К январю 1917 г. поражение Румынии совершенно изменило положение на Балканах. Полное поражение румынской армии и оккупация наиболее важных городов Румынии, а в особенности тот факт, что румынский хлеб попал в руки немцев, совершенно уничто-

жили стратегические планы союзников и укрепили положение центральных держав, в то же время несомненно ухудшив и ослабив стратегическое положение союзников, в частности России. Изоляция России стала почти полной тогда, когда помощь и товарищеская поддержка были нужны ей более, чем когда-либо. Румыния не являлась более угрозой с фланга для Австро-Венгрии. Напротив, самой России уже приходилось думать о прикрытии против Австрии. Поражение Румынии было окончательным и в этом смысле являлось роковым ударом для России. Истощенное российское правительство прилагало прямо поразительные усилия, для того чтобы поддержать своего несчастного союзника, и эти усилия ввергли Россию в состояние прострации, она сама оказалась едва ли не при последнем издыхании. Недостаточные транспортные средства России были до крайности напряжены уже до крушения румынского фронта. Огромное протяжение фронта, для которого Россия не имела достаточно подготовленных и снаряженных солдат, увеличилось с начала румынской операции еще на много сотен километров. На румынский фронт пришлось послать одну четверть русских войск. Последние остатки боевой энергии русской армии были затрачены на это, и сердце России, не выдержав напряжения, уже не находило в себе больше сил, чтобы возобновить отпор ее победоносным противникам. Всякая надежда на восстановление мощи России рухнула на берегах Прута, и Молдавии было суждено стать кладбищем романовской империи. Поражение Румынии значительно ухудшило общее положение союзников, тогда как положение центральных держав, особенно в экономическом отношении, заметно улучшилось благодаря победе над Румынией. Поражение Румынии ослабило действие блокады и дало центральным державам передышку, которая в свою очередь стимулировала усиление подводной войны. Людендорф указывает, что оккупация румынских земледельческих округов и нефтяных источников дала центральным державам область, богатую как раз теми ресурсами, которых им недоставало. Говоря о румынских запасах, которые попали в руки центральных держав, Людендорф пишет:

> „Как мне пришлось теперь ясно убедиться, мы не были бы в состоянии существовать, а не только продолжать войну без румынской пшеницы и нефти, даже если бы нам удалось спасти нефтяные источники Галиции (Дорогобуж) от русских“.

С заслуженной гордостью он хвастает тем, как удалось предотвратить серьезный кризис в Константинополе своевременной доставкой румынской пшеницы.

Вместо того чтобы пробить себе дорогу из Салоник в Галац и оттуда в Москву, союзники позволили, чтобы центральные державы открыли себе новый путь к Эгейскому морю через Рущук и Адрианополь. Суть перемены, которая произошла в стратегическом положении на Балканах со времени совещания в Шантильи, сводилась к тому, что вместо подготовки широкого наступления с целью

прорыва неприятельского расположения нам приходилось считаться с угрозой самому существованию нашего экспедиционного корпуса в Салониках.

Отношения с греческим правительством незадолго перед тем стали натянутыми. В Греции руководящей фигурой оказался вновь зять кайзера — король Константин. Он неоднократно пытался обмануть союзников, и были достаточные основания полагать, что он на самом деле симпатизировал Германии и пользовался всякой возможностью, чтобы помочь ей, а заодно и самому себе. Его соблазняла возможность захвата Монастыря, где он добился таких дешевых успехов в балканскую войну. Венизелос, этот лойяльный друг союзников, именно поэтому должен был бежать из Греции и сделался мятежником в глазах королевского правительства. Сторонники Венизелоса образовали свое собственное временное правительство, которое правило на Крите и нескольких греческих островах, а также в районе Салоник; когда они попадались в лапы правительства Константина, последнее обращалось с ними поистине варварски. Французский штаб получил сведения о том, что немцы намеревались нанести удар салоникскому экспедиционному корпусу. Согласно сведениям, полученным французским командованием, неприятель подготовлял широкое наступление на нашу разрозненную, ослабленную, находившуюся в невыгодном стратегическом положении и плохо снабженную армию с помощью турецких, болгарских, германских и австрийских войск и, что хуже всего, с помощью греков. В то время как победоносные силы центральных держав должны были ринуться вниз с гор на юг и запад, греческая армия должна была напасть на союзников с тыла — с юга. Мы имели кое-какие доказательства, которые заставляли нас не пренебрегать этими слухами. Константин сосредоточивал войска в северной Фессалии; с какой целью, если не с целью атаки? Было ясно во всяком случае, что эти войска стягивались не для того, чтобы помочь угрожаемым армиям союзников. На Морейском полуострове также наблюдалась значительная активность греческих войск. Константин ненавидел союзников. Его борьба с Венизелосом укрепила эту ненависть, сделав вопрос о прогерманских и антантофильских симпатиях вопросом греческой партийной политики. Уязвимость Греции с моря вначале удерживала Константина от присоединения к Фердинанду болгарскому, владения которого были недосягаемы с моря. Кроме того явное столкновение притязаний Болгарии и Греции на Фракию и Константинополь также оказывало известное влияние на Константина. Эти соображения удерживали его от того, чтобы сменить простую враждебность на активные и рискованные действия. Но если риск становился минимальным, если одновременно центральные державы наступали по широкому фронту с севера, а в Салониках союзникам угрожало новое дарданельское поражение, — в этом случае Константин готов был открыто приветствовать своих германских друзей и, по всей вероятности, присоединиться к ним. В Афинах и на Пелопоннесе за Константином шли влиятельные группы, и враждебность к союзникам вскоре прорвалась наружу. Она распро-

странилась на Афины. 11 декабря 1916 г. в Пирее было произведено нападение на английских матросов, в результате которого несколько из них было убито. Французы требовали, или, как выразился генерал Жоффр в письме в наше военное министерство, „настойчиво предлагали“, чтобы мы отправили немедленно в Салоники одну-две дивизии. Необходимо было принять срочные меры, для того чтобы устранить новую угрозу. Мы явно не могли рисковать, так как создавшееся положение угрожало союзникам одним из худших поражений в продолжение всей войны.

Военный кабинет полагал, что угроза со стороны Греции должна быть решительно и быстро устранена еще до того, как центральные державы уведут свои войска с румынского фронта, который благодаря поддержке нескольких русских дивизий все еще оказывал упорное сопротивление в Молдавии. Мы полагали, что в Греции надо действовать, до того как греческий король соберет достаточные силы вблизи Лариссы для нанесения решительного удара на левом фланге союзников. Французское правительство и его военные советники приходили в паническое состояние по поводу положения салоникского корпуса. Они были убеждены, что нападение со стороны неприятеля неизбежно. Генерал Саррайль склонялся к военным действиям с целью захвата Фессалии у греков. Французский генеральный штаб продолжал требовать от нас немедленного подкрепления корпуса двумя дивизиями. Мы указывали, что даже наша действующая армия во Франции насчитывает на много тысяч меньше того, что полагается, так как мы не обладали достаточными транспортными средствами ни в Англии, ни где-либо в другом месте. Если можно было бы найти где-либо суда для перевозки, мы ни минуты не задумывались бы использовать их для доставки подкреплений и военного снаряжения салоникскому фронту, с тем чтобы довести тамошние дивизии до их нормального уровня и снабдить их достаточной артиллерией. В данное время однако было бы лучше предупредить маневры Константина, вызвав кризис, до того как союзники этого потенциального нашего противника будут готовы к удару. К этому времени военный кабинет решил предъявить Константину ультиматум, требуя немедленного увода греческой армии из Фессалии и отхода ее в Пелопоннес. Ультиматум давал Константину 24 часа на размышление. Если бы Константин отказался выполнить это требование, на него было бы произведено нападение с суши и моря. Константин обещал повиноваться. Вначале он медлил выполнить свое обещание, но блокада, осуществленная при помощи британского флота, убедила его, что наиболее безопасным выходом из положения было ускорить отвод войск из Фессалии. Таким образом наше беспокойство за судьбу Салоник несколько улеглось. Мы сознавали однако попрежнему, что численность наших войск в Салониках недостаточна и что их позиции чересчур слабы, для того чтобы устоять против серьезного наступления со стороны победоносных центральных держав.

В соответствии с этим мы предложили, чтобы итальянцы, ко-

торым было ближе до Салоник, послали одну-две дивизии через Адриатическое море на Санти-Кваранта и немедленно занялись бы улучшением сообщения между Санти-Кваранта и Монастырем. Я излагаю наши переговоры по этому вопросу в главе сорок седьмой, посвященной конференции в Риме.

Если бы итальянцы почему-либо были лишены возможности дать солдат для этой цели, мы предлагали принять следующие меры на случай серьезного наступления противника: отвести союзные салоникские корпуса на заранее подготовленные позиции перед Салониками и тем временем в срочном порядке послать сюда подкрепления и восстановить в полном составе те формирования, которые были обескровлены спорадическими боями и болезнями. Так как французский корпус в Салониках также был ослаблен, то мы требовали от генерала Жоффра, чтобы и он послал подкрепления на салоникский фронт.

На время пришлось отказаться от мысли о наступлении из Салоник. Пока румынская армия в составе нескольких тысяч человек еще существовала и, продолжая сражаться, сковывала определенное число неприятельских дивизий, мы могли еще действовать из Салоник в направлении на север с незначительными силами, в особенности если бы своевременно были предприняты серьезные попытки к улучшению шоссейных и железных дорог и портовых сообщений. Но в настоящий момент, даже если бы нам и удалось собрать в Салониках более или менее значительные силы, уже было слишком поздно начинать на этом фронте крупные операции с надеждой на решительный успех. В течение тех месяцев, которые истекли после Шантильи, румынская армия в качестве наступательной силы стала настолько незначительной, что нескольких неприятельских дивизий легко могло хватить на то, чтобы разбить ее. Английские и французские штабы еще не успели даже подумать о том, как провести коренную реконструкцию транспорта в Салониках. Не был даже поставлен учет необходимых рельс и паровозов для улучшения сообщения на салоникском фронте. Поэтому из Салоник не поступило заказов на снабжение салоникской армии необходимыми средствами вооружения. В этих условиях успех румынской армии зависел от того давления на неприятеля, которое могли оказать на севере русские войска. Однако до тех пор пока в Петрограде не состоялась проектировавшаяся конференция по русским делам, мы мало знали о возможности наступления со стороны России.

Таким образом положение салоникского экспедиционного корпуса через несколько недель после принятия в Шантильи великого проекта о балканском наступлении явилось новым подтверждением недостатка энергии у военного командования. Объединенные действия со стороны всех союзников были необходимы, но они были не по вкусу генеральному штабу. Принятая на союзной конференции в Париже резолюция, одобрявшая этот план, считалась якобы подлинным осуществлением самого плана. С этой целью было введено в стратегический принцип старое юридическое правило: „Решения,

принятые или согласованные, считаются проведенными". Вероятно этот принцип и объясняет полное пренебрежение, проявленное штабами в отношении важнейших потребностей салоникской армии. Это пренебрежение вызвало у бедного Саррайля его знаменитую фразу: „Наполеон не был великим полководцем. Ему ведь пришлось сражаться только с коалицией".

В то время как Жоффр был занят арьергардными боями в Париже против политических деятелей, которые стремились убрать его с поста главнокомандующего, в то время как Робертсон исподтишка смеялся над тем, как еще раз ловко удалось провести в балканском вопросе английских политических деятелей, — немцы, австрийцы, болгары и турки рвали на части румынскую армию, грабили и распределяли между собой румынскую пшеницу. Бриан был слишком занят спасением последних остатков авторитета Жоффра, чтобы думать о войне. Правительство Асквита более не существовало, а новое правительство было слишком недолго у власти, для того чтобы изучить те гигантские проблемы войны на суше и на море, которые стояли перед нами. Что сказать о положении на других фронтах? Конференция в Шантильи обязала нас предпринять наступление в широком масштабе в 1917 г. на французском, итальянском и салоникском фронтах. Россия обещала сотрудничать с нами, организовав наступление на восточном фронте. Когда центральным державам удалось отрезать Румынию, вопрос о наступлении в Салониках отпал. Отныне считалось, что нам придется ограничиться в этом случае простой обороной, во всяком случае до тех пор, пока России не удастся восстановить прежнее военное положение в Румынии. А это ей было далеко не по силам.

Что сказать о предполагавшемся наступлении на французском и итальянском фронтах? Оставались ли в данном случае в силе планы, принятые в Шантильи? По этим планам предполагалось начать во Франции новое наступление на Сомме; в Италии предполагалось возобновить атаку в Истрии или в Трентино. На обоих фронтах мы были вынуждены повторять все ту же тактику ударов молота, к которой мы уже привыкли, и каждый союзник действовал при этом на своем собственном фронте независимо от других. Единственной попыткой сотрудничества явился бы план одновременного наступления на всех фронтах со стороны всех тех союзных держав, которые внесли свою лепту на алтарь войны. Такая попытка означала бы конец бесцельной гибели миллионов храбрецов в разрозненных атаках. На деле получилось нечто совсем другое, и кампания 1917 г. лишний раз дала пример дряблого ведения военных операций, задуманных людьми без всякой инициативы или слишком усталыми, чтобы думать о каком-либо новом варианте борьбы.

Было слишком поздно, чтобы пытаться полностью изменить план кампании 1917 г. Это нужно было сделать в ноябре на конференции в Париже. Кроме того, чтобы избегнуть обвинения в предательстве, нельзя было ничего сделать без согласия руководителей четырех крупных союзных армий. Но и это было безнадежно, так как план

Шантильи принадлежал самим генералам и они естественно считали его наилучшим из возможных. Без дальнейших совместных совещаний нельзя было внести никаких изменений, кроме тактических. Но можно ли было в этот поздний час достигнуть действительного соглашения? Всякое коренное изменение плана требовало признания ошибок со стороны этих великих полководцев. Конечно давление со стороны государственных деятелей могло бы повлечь за собой общий пересмотр стратегических планов. Но можно ли было ожидать, что такое давление будет произведено? Мои сведения об отношении руководящих кругов Франции, Италии и России не позволяли мне рассчитывать на это. Французский премьер был человеком легкомысленным и мягким, ему недоставало инициативы. Если его ум находил правильный путь, то его темперамент заставлял его соглашаться с теми, кто шел по наиболее гладкому пути. Итальянский премьер был честным человеком с самыми скромными способностями. Его наиболее влиятельный коллега — Соннино — был человеком сильным, но его сила лежала главным образом в плоскости дипломатии. У него не было способностей к руководству войной. Он не чувствовал специального интереса к военному делу. Что касается России, то во главе ее стоял слабый самодержец, которым руководила суеверная и истеричная жена. Волнения внутри страны угрожали судьбе этой коронованной четы.

Несмотря на неблагоприятные условия, я решил приложить новые усилия к тому, чтобы спасти Антанту от повторения бесцельных кровавых трагедий 1915—1916 гг. Так как я обязан во имя истины полностью изложить все события, в которых я принимал участие, вне зависимости от того, идет ли речь об успехах, или неудачах, я расскажу здесь о всех бесплодных попытках, предпринятых мною для того, чтобы предотвратить ужасы Шмен-де-Дам, Пашенделя и Капоретто, а также о моей последней попытке отсрочить, если не предотвратить крах в России.

2. УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Ход событий за первые два года войны полностью выявил те условия, при которых мы могли рассчитывать на успешное наступление. Не нужно было специальной подготовки или особого ума, для того чтобы прочитать на скрижалях судьбы причины прежних поражений.

Первой причиной было понижение боевого духа обороняющейся армии либо вследствие того, что обороняющиеся ослабели под влиянием постоянных поражений, либо потому, что по той или иной причине отвага солдат не соответствовала напряжению, которое от них требовалось. Об этом с большой убедительностью говорит Фалькенгайн в своей книге в связи с проблемой германского наступления на русском фронте:

„Наступление в Галиции не было предпринято до тех пор, пока немцы не почувствовали уверенности в том, что дух неприятельских

войск был ослаблен беспрерывными боями. На самом деле это было важнейшим фактором в разрешении той проблемы, которую так часто обсуждали во время войны, — следует ли делать попытку прорвать неприятельский фронт и таким образом решить исход войны? Без сомнения, нельзя было рекомендовать этого в борьбе против неприятеля, который сохранил нетронутым свой боевой дух. Поэтому в течение всей войны прорыв удавался только тогда, когда учитывался этот фактор".

Генералы обеих сторон соглашались с этой аксиомой, но едва ли сколько-нибудь честно применяли ее. Готовя наступление на какомнибудь определенном участке фронта, они всегда переоценивали значение известий о падении боевого духа неприятельских войск на данном фронте. Наша разведка получала со всех сторон огромную массу всяких противоречивых слухов и сплетен.

По мере того как сведения разведки обрабатывались и подытоживались, в ее отчеты проникала тенденция в пользу того тезиса, который уже наметился в плане верховного командования, как впрочем и следовало ожидать, зная особенности человеческой природы. Те подчиненные, которые отказываются пожертвовать своим мнением во имя ложного представления о лойяльности, редко находят признание со стороны своего начальства, за исключением тех начальников, которые подлинно являются великими людьми. Хейг, Робертсон и Нивелль одинаково заявляли о своем убеждении, что дух германской армии настолько потрясен боями на Сомме, что германские корпуса не выдержат повторения подобного опыта.

В подтверждение этой точки зрения нам приводили целую лавину секретных сообщений, полученных по большей части от терроризированных военнопленных, временно испытывавших первное потрясение от боев, от которых они были только что избавлены пленом. Учитывая шансы на победу, генералы не задумывались над теми последствиями, которые имели для духа французских войск огромные потери 1916—1917 гг. Генералы заведомо и слепо верили, что союзные солдаты созданы из несгибающейся стали, а неприятельские силы — из обыкновенной человеческой плоти. А между тем на деле дух французов был поколеблен. Оба больших наступления 1917 г. были проведены на основании совершенно неверных оценок боеспособности нашего величайшего врага и выносливости союзных войск. Но и на другом фронте наблюдалось определенное ослабление боевого духа солдат. Говоря о турецкой армии к концу 1916 г., Людендорф пишет:

> „Силы турецкой армии были исчерпаны хотя бы в связи с тем, что турецкая армия не успела оправиться от балканской войны, когда ей пришлось начать новую войну. Потери турецкой армии от болезней и от плохого снаряжения были все еще очень высоки. Верные и храбрые анатолийцы исчезли из рядов армии. Вспомогательные арабские отряды, на которые нельзя было положиться, играли все более и более важную роль в со-

ставе турецкой армии, в особенности в Месопотамии и Палестине. Подлинные турецкие силы были в это время значительно меньше их численности на бумаге; солдаты плохо питались и были еще хуже снаряжены, в особенности ощущался недостаток в подготовленных офицерах".

Пожалуй одним из наиболее серьезных обвинений по адресу нашего военного руководства может служить то, что оно позволило такой армии не только сдерживать превосходные силы нашего войска, но и нанести нам два серьезных поражения. Не может быть сомнений, что решительное и хорошо подготовленное наступление на турок в 1915—1916 гг. привело бы к краху Турции и освободило бы значительные силы в Египте и Месопотамии для решительной атаки на балканском фронте. Одно лишь сбережение на тоннаже могло представить существенную помощь нашим ресурсам. Поражение Турции в 1916 г. могло привести к решительным результатам. В 1917 г. последствия такого поражения сами по себе уже не были бы настолько значительными, если бы за этим поражением не последовало поражение болгарской армии.

Но обращаясь к вопросу о концентрическом наступлении на Австро-Венгрию как возможной цели кампании 1917 г., мы видим, что перспективы победы, которая имела бы решающее значение для всего исхода войны, были здесь еще более значительны. Германское верховное командование в это время делило австро-венгерские войска на „надежные" и „ненадежные"; при этом число ненадежных было гораздо более значительно. Во время брусиловского наступления 1916 г. австро-венгерская армия не оказывала серьезного сопротивления. Целые дивизии сдавались в плен без единого выстрела. Число одних лишь пленных достигало 300 тысяч человек. Гинденбург говорил, что здесь речь шла не о сдаче в плен, а о предательстве. Славяне и румыны, которые составляли большинство австро-венгерских военнообязанных, не пылали любовью к габсбургской империи, точно так же и мадьяры не так пламенно защищали Австро-Венгрию как австро-германцы. Верно, что славянские полки предпочитали сражаться с итальянцами, нежели с русскими, но по существу они не были заинтересованы в борьбе ни с теми, ни с другими. У венгров были основания не любить русских, но не было никаких оснований ненавидеть итальянцев. У австрийцев не было воспоминаний, которые вызывали бы ненависть к соседям, равную той вековой вражде между галлами и тевтонами, которая достигла своего апогея в кровавой схватке под Верденом.

Продовольственное положение в Австро-Венгрии было также неблагоприятным. Венгрия страдала от неурожая и во многих областях австро-венгерской монархии царил подлинный голод. Один из наших тайных агентов в Испании, которая во время войны поддерживала тесную связь с Веной и в частности с австрийскими клерикалами, писал: „Австрийцы сами чрезвычайно удивлены, что союзники не предпринимают решительного наступления на Австрию, так как в

этом случае поражение Австрии было бы неизбежным". Из тех же источников наша разведка установила, что в Австрии даже в высших военных кругах „царит величайшее уныние и стремление к заключению мира".

Австро-Венгрия начала войну для того, чтобы наказать Сербию за преступление, в котором, по мнению каждого австрийца и венгерца, были замешаны сербские государственные деятели. Сербия была ныне под австрийским сапогом, и каждая пядь сербской территории была занята австрийскими или болгарскими войсками. Таким образом для австрийцев не оставалось никакой реальной цели рисковать своей жизнью на фронте или рисковать жизнью своих жен и детей, умиравших с голода в тылу. Для Австрии цель войны была достигнута, в виду чего там пропал военный дух. Вот почему решительная атака на австро-венгерскую армию, набранную из таких ненадежных слоев населения, плохо снабженную и павшую духом, имела бы бóльшие шансы на успех, чем наступление на великолепно подготовленные оборонительные позиции, занимавшиеся германской армией, лучшей армией мира, лучшей по боевой подготовке, по снаряжению и руководству, лучшей по боевому духу. Вплоть до германского поражения боевой дух немцев был равен духу лучших частей лучших армий союзников на любом фронте.

Говорят, что вплоть до этого времени итальянская армия не добилась значительных успехов, несмотря на ряд наступлений, предпринятых против австро-венгерских войск. В действительности итальянцы продвинулись несколько больше, чем мы при Лоосе или на Сомме, или французы в Артуа, Шампани или на Сомме в гораздо более благоприятных географических условиях. Итальянцы потеряли меньше людей и достигли бóльших успехов, затратив гораздо меньше военного снаряжения, чем французская или английская армия. Тем не менее результаты были столь же неопределенными, как и в наступлении французов и англичан. Между итальянским наступлением и наступлением на французском фронте была та существенная разница — и в этом заключался основной вывод для суждения о последующем наступлении, — что итальянская артиллерия во всех отношениях уступала австро-венгерской, в особенности тяжелая артиллерия. Запасы снарядов у итальянцев были недостаточны даже для тех орудий, которыми они располагали, — вот почему им никогда не удавалось довести наступление до положительных результатов. Итальянцы не имели достаточно артиллерии не только для того, чтобы сравнять с землей окопы, построенные на каменистом нагорье Карсо, но эта артиллерия была недостаточна даже для уничтожения заграждений из колючей проволоки. Было немало случаев, когда итальянцы пользовались садовыми ножницами, для того чтобы восполнить недостаток артиллерийской подготовки. Даже самые безрассудные и упрямые генералы западных армий, убежденные в необходимости наступления во что бы то ни стало, вряд ли бросились бы в наступление на окопы в мягкой почве Шампани после такой слабой артиллерийской подготовки. А между тем итальянской армии приходилось пробивать

себе дорогу через оборонительные укрепления противника, сооруженные в гранитной почве Альп и твердом порфире Доломитов. По-моему солдат итальянской армии мало хвалили за те достижения, которых они добились в столь тяжелых условиях и при столь недостаточной артиллерийской помощи. То, что им вообще удавалось продвигаться, объясняется не только их собственной храбростью и уменьем, но и недостатками австро-венгерской пехоты, которая сражалась без всякого энтузиазма, без должной военной дисциплины и уступала в этом отношении закаленным и хорошо тренированным легионам германцев. Наступление в Горици итальянцам пришлось приостановить в момент наибольшего успеха, потому что нехватало военного снаряжения. Пришлось оставить ряд командных высот, взятых штурмом альпийскими стрелками, единственно потому, что шедшая за ними артиллерия не могла привести к молчанию дальнобойные австрийские орудия. Победа австрийцев в южном Трентино в мае 1916 г. была одержана потому, что австрийцы сосредоточили на итальянском фронте подавляющее число тяжелых орудий, с которыми итальянская артиллерия не могла сравниться. В то время было принято говорить, что итальянские войска „не привыкли“ к такой артиллерийской бомбардировке и поэтому терпели поражение. Было бы одинаково правильно сказать, что австрийцы в общем могли обороняться на этом фронте потому, что им не приходилось испытывать той ужасной бомбардировки, которая сметала германские оборонительные части на Сомме и французские форты и траншеи при Вердене, и потому, что они могли оставить свои войска в этих унылых горных местностях без артиллерийского прикрытия.

Итальянская армия в 1916 г. значительно увеличила свой артиллерийский парк и особенно тяжелую артиллерию за счет осадных пушек, снятых с прибрежных крепостей. Но многие из этих крепостных орудий уже устарели, их дальнобойность и механизм не соответствовали превосходной тяжелой артиллерии, производившейся австрийцами на заводах Шкода. Но даже для этих устарелых орудий у итальянцев нехватало снарядов. Итальянцы таким образом лишены были возможности держать под продолжительным и интенсивным обстрелом все позиции противника. Поэтому австрийцы всегда ощущали свое артиллерийское превосходство и тем самым укрепляли боевой дух своей армии. Но представим себе, что положение было бы обратным и артиллерийским превосходством обладали бы итальянцы: разве в этом случае солдаты гибнущей империи, вообще воевавшие неохотно, последовали бы примеру немцев, французов и англичан на западном фронте и согласились бы в течение многих часов и многих дней лежать плашмя в своих окопных дырах, защищая свои позиции под убийственным огнем противника? Я уверен, что они отказались бы воевать. Их верность габсбургской империи не была достаточной, для того чтобы проявлять подобный героизм в течение длительного периода. В боях истекшего столетия хорваты и чехи неоднократно доказывали свою храбрость, но в данном конфликте их симпатии не были на стороне Габсбургов, а между тем смелость и вер-

ность солдата зависит именно от того, с кем ему велит итти душа.

Если бы австрийцы были разбиты на итальянском фронте, им пришлось бы снять ряд дивизий и батарей с восточного фронта. Немцам поэтому пришлось бы удлинить и тем самым ослабить свой восточный фронт. Это в свою очередь облегчило бы тяжелое положение русских и румын и дало бы им время произвести реорганизацию армии и восстановить ее прежнюю боевую мощь. Но в этом случае немцы были бы вынуждены снять несколько дивизий с французского театра войны, что сделало бы прорыв германского фронта на западе гораздо более вероятным.

Совершенно очевидно, что если бы мы отправили артиллерию и войска в Италию, гибельные атаки при Шмен-де-Дам и при Пашенделе не могли быть предприняты. Генералы были бы вынуждены принести эту жертву здравому смыслу. Чем было бы хуже наше положение, если бы нам удалось избежать этих кровавых поражений? Они стоили союзникам более 750 тысяч человек; они привели к чрезмерному напряжению материальных ресурсов, нервов и боевого духа армии. Если бы немцы, вместо того чтобы помочь Австро-Венгрии, воспользовались нашим ослаблением на западе, для того чтобы в свою очередь предпринять наступление на наши позиции, то мы попрежнему с успехом отразили бы их атаки. В результате такого наступления германцы могли бы только добиться нового Вердена, бросив Австрию на произвол судьбы, т. е. приведя ее к полному поражению. Когда германцы летом 1917 г., услышав о бунтах во французской армии, напали на войска, павшие духом от ужасных потерь, морально подавленные и охваченные волнениями, они были все же отбиты. А из-за того, что 150 тысяч французских солдат были бы отправлены в Италию, наступление германцев тоже не могло иметь успеха: ведь немцы были отбиты с большими потерями, даже после того как число французских войск сократилось на 200 тысяч человек вследствие потерь убитыми и ранеными, и даже после того как боевой дух французской армии был значительно поколеблен. Союзные штабы всегда, казалось мне, рассуждали с той же слабой последовательностью и с тем же отсутствием логики, которое отличает детей. Для военных самое главное всегда то, к чему они стремятся в данный момент. Факты, цифры, неосуществимые цели для них не существуют или уступают место их желаниям.

Если на австрийцев будет произведено нападение со стороны союзников, говорили генералы, германцы немедленно придут им на помощь, сняв с западного фронта войска и артиллерию; германцы всегда могут послать в Австрию на помощь больше солдат и артиллерии, чем мы. Таков был один аргумент, выставлявшийся военными. Другой заключался в том, что если бы австрийцы подверглись одновременно нападению с нескольких сторон, немцы воспользовались бы своим превосходством сил, для того чтобы прорвать фронт во временно ослабленной Франции. И то и другое не могло быть верно одновременно. Но для господ военных эти аргументы не казались

альтернативой; они считали, что один аргумент лишь усиливает другой. Я процитирую относящиеся сюда комментарии английской официальной истории македонской кампании: „Отношение генерального штаба к различным аргументам значительно разнится в зависимости от того, соответствует или не соответствует этот аргумент собственным желаниям генерального штаба“.

3. ВНЕЗАПНОСТЬ

Существовало еще одно соображение, которое, по моему мнению, недостаточно принималось во внимание, но несколько раз сыграло большую роль даже в окопной войне, — я имею в виду элемент внезапности в атаке. Можно смело сказать, что ни один замечательный успех не был до тех пор достигнут за исключением случаев, когда победителю удавалось захватить врасплох армию противника неожиданным наступлением или наступлением неожиданной силы. Так было вплоть до самого конца войны.

Ни одно сражение великой войны не было решающим в том смысле, что за ним последовало бы немедленное окончание борьбы и победа той или другой стороны. Но многие из этих сражений имели очень большое значение для всей кампании и могли считаться поворотными пунктами во всей войне; одни из них временно изменяли характер военных действий, другие окончательно способствовали перемене счастья. За ними следовало преобладание одной воюющей стороны над другой на том или ином участке военных действий, на том или ином фронте; за ними следовало завоевание определенной территории, которая могла быть значительной пропорционально затраченным усилиям и понесенным потерям; часто за ними следовал прорыв неприятельского фронта, временный распад неприятельских сил и системы обороны. Между тем сражения на западном фронте — даже те сражения, которые происходили в течение первых недель маневренной войны, — представляли собой серую картину боев между армиями, которые медленно двигались вперед и назад, оставаясь по существу непобедимыми. Зато на восточном и юго-восточном фронтах большие сражения приводили к тому, что армия той или другой стороны бывала отброшена в беспорядке на много миль и отступала в результате нанесенного ей серьезного поражения.

Заслуживает внимания, до какой степени элемент внезапности играл решающую роль в этих критических случаях.

После Марны и выжидательной тактики, которую стали применять обе стороны, считалось, что больше не остается никаких возможностей для какого-либо внезапного наступления в широком масштабе. Сила и ресурсы воюющих сторон на каждом определенном участке и на определенный период были известны противникам. Современные методы наблюдения, воздушная разведка, допрос военнопленных и широко развитая система шпионажа дополняли другие средства информации о движении неприятельской армии. Поэтому казалось, что ни та, ни другая сторона не имели возможности осу-

ществить какой-либо стратегический план, который не был бы известен противной стороне и против которого неприятельские войска не могли бы своевременно подготовиться, использовав все находившиеся в их распоряжении ресурсы.

Но хотя в великой войне и трудно было наносить внезапные удары, это не было невозможно. Обе стороны все же оказывались в состоянии застать друг друга врасплох в отношении места и времени наступления, диспозиции войск и применения тех или иных средств войны. Заслуживает внимания, что наиболее успешными операциями в эту войну были главным образом те, которые были внезапными для одной стороны или по крайней мере заставали неприятеля неподготовленным в данное время и на данном фронте, при данном количестве оружия или данной численности войск. В тех случаях, когда каждая сторона полностью отдавала себе отчет в том, что может сделать противник, и была подготовлена к тому, чтобы отбить атаку, общие результаты сражения оставались неопределенными и приводили лишь к кровавой бойне без каких-либо существенных территориальных потерь и без катастрофического поражения.

Таких кровавых сражений, не приводивших к определенным результатам, было немало. Но наиболее решительные победы и успехи достигались по крайней мере с помощью некоторого элемента внезапности.

Нельзя полностью скрыть от противника какое бы то ни было крупное передвижение войск, но умелый генерал может так организовать свою деятельность за линией фронта, чтобы спутать карты даже наблюдательного противника. Если полководец знаком с умственным складом командующего неприятельской армии, — а наличие известного дарования в области психологии является важнейшим качеством всякого командира, — эта задача будет нетрудной. Когда на западном фронте командование находилось в руках Жоффра, Нивелля и Хейга, не нужно было быть гением, чтобы разгадать, как будут действовать эти генералы в шорах. Каждый из них был всегда уверен, что неприятель не в состоянии снять ни одного батальона на западном фронте, если только союзники будут продолжать свои атаки. Поэтому разгром Сербии и Румынии и поражение Италии при Капоретто явились для наших генералов неожиданностью. Немцы все-таки сумели снять несколько дивизий на западе для участия в этих наступлениях в то самое время, когда Жоффр и Хейг были убеждены, что предпринятое ими наступление довело германскую армию до полного истощения. Можно было быть совершенно уверенным, что союзные генералы не обратят внимания на те случаи, которые, казалось бы, давали им возможность временно ослабить свои армии во Франции. Ибо этим самым они поставили бы под вопрос шансы на ослепительную победу, которая, по их мнению, должна была вскоре увенчать их стратегию на западном фронте.

Таким образом элемент внезапности как один из важнейших факторов успеха отвергался нашими генералами во всех тех случаях, когда он базировался на предупреждениях со стороны. Они, наоборот,

учитывали и переоценивали его, когда сами вели наступление, т. е. когда элемент внезапности соответствовал планам наших штабов. Классическими примерами являются поведение Жоффра в начале войны, а затем при Вердене, безразличие, с каким Китченер, Робертсон и Жоффр отнеслись к сообщениям об австро-германо-болгарском наступлении на Сербию в 1915 г., убежденные в том, что немцы понесли сильное поражение при Пашенделе и не смогут отправить хотя бы одну дивизию на итальянский фронт, и наконец отказ Петэна и Хейга в 1918 г. обратить какое бы то ни было внимание на многочисленные указания о предстоящем наступлении близ Амьена. Ни в одном из этих случаев наши великие полководцы не склонны были верить предупреждениям, которые впоследствии были полностью оправданы событиями и вполне заслуживали доверия.

Обратимся к рассмотрению нескольких из этих примеров.

(а) Германское наступление через Бельгию в августе 1914 г.

Быть может наиболее удивительной чертой этого наступления было то, что французы вообще были застигнуты врасплох. Жоффр не ожидал того, что немцы предпримут широкий обход французов с севера через Бельгию и сосредоточат такое количество войск на западном фронте в начальной стадии войны. В результате немцам удалось провести наступление, почти не встретив сопротивления, если не считать боев под архаическими фортами Льежа и Намюра, которые вскоре — и на этот раз неожиданно для союзников — были взяты немцами с помощью тяжелой артиллерии. Армия фон Клюка прошла через Бельгию севернее, чем предполагал Жоффр, и почти не встретила сопротивления, легко справившись с небольшими английскими силами. Затем армия фон Клюка прошла к Парижу и едва не достигла успеха в поставленной себе цели — взять Париж, нанести французской армии второе седанское поражение, и окончательно разгромить Францию.

Таким образом несколько раз элемент внезапности содействовал продвижению немцев:

1. Силы Германии, которые были мобилизованы и брошены на западный фронт в течение первых дней войны, были гораздо больше, чем рассчитывал Жоффр.

2. Наступление фон Клюка через центральную Бельгию севернее от Ланрезака было неожиданным.

3. Немцы пользовались полевой артиллерией гораздо большего калибра, чем того ожидали французы и англичане, не имевшие подобной артиллерии. Между тем французские генералы в течение многих лет имели в руках немецкий план и знали о том, что его предполагают осуществить. Французам было известно все о тяжелой германской артиллерии. Неожиданность заключалась лишь в быстроте проведения плана.

(б) Сражение на Марне

Сражение на Марне, равного которому по своему решающему значению для дальнейшего хода событий еще не было в истории войны, было главным образом маневренным сражением, основанным на стратегии подвижных армий, а следовательно в значительной мере на элементе неожиданности. На чьей ответственности лежало сражение на Марне? Когда в день суда победителя на Марне призовут, чтобы воздать ему по заслугам и оценить его способности, на этот зов откликнутся столь многие, что положение победителя можно будет сравнить с тем, о котором писал Байрон, когда говорил об Юниусе, призванном в качестве подсудимого:

В тот миг, как вы его узнали,
Тотчас же его внешность менялась, и он становился другим;
Лишь только совершалась эта перемена,
Как он вновь становился иным, так что его собственная мать
(Если у него была мать) не могла бы
Его узнать, так менялся его облик.

Но кто бы ни был победителем при Марне, все исследователи сходятся в вопросе о факторах, решивших исход сражения. Исход сражения был определен:

1. Поворотом VI французской армии под командованием Манури и парижского корпуса обороны Галлиени против правого фланга фон Клюка. Фон Клюк не ожидал этого нападения и не был подготовлен к нему; когда он хватился, было уже слишком поздно.

2. Ослаблением германских армий, создавшимся из-за отправки двух корпусов в Восточную Пруссию, для того чтобы отразить неожиданное наступление армии Самсонова — еще одна неожиданность — и оставлением еще двух корпусов в Бельгии у Антверпена, для того чтобы предупредить появление якобы отправленной на западный фронт через Англию русской армии.

3. Новым появлением в полной боевой мощи той самой английской армии, которую немцы, по их расчетам, якобы окончательно разбили в пограничных боях.

(в) Дарданельская операция

Дарданельская операция могла быть неожиданной, если бы мы высадили войска одновременно с бомбардировкой с моря. Мы знаем теперь, что турки были полностью застигнуты врасплох и что мы могли бы занять Галлиполийский полуостров почти без всяких потерь. Но нашими криками и шумом мы только лишний раз предупредили неприятеля, пробудили его от спячки и дали ему время для подготовки обороны. В результате мы понесли значительные потери и не могли завоевать Галлиполи.

(г) Наступление Брусилова

Наступление Брусилова против австрийцев в начале июня 1916 г. было наиболее успешным для русской армии сражением за все время войны.

Наступление было начато месяцем раньше, чем ожидали. Брусилов начал подготовку к наступлению одновременно в двадцати местах, так что даже дезертиры не могли сообщить неприятелю, где действительно будет начато наступление. Вместо того чтобы сосредоточить свои резервы, Брусилов „явно“ широко разбросал их. Отсутствие всякого видимого сосредоточения войск было действительной тайной его поразительных успехов. В этот момент австрийцы не ожидали такого наступления. С июня по август русские захватили более 350 тысяч пленных, почти 400 пушек, 1 300 пулеметов и территорию протяжением в 200 миль и частично в 60 миль шириной. Если бы у русских оказалась достаточная артиллерия, чтобы использовать эту победу, их неожиданное наступление могло бы решить исход войны.

(д) Наступление Макензена при Горлице

Наступление Макензена в Галиции весной 1915 г., которое отбросило назад русские армии и привело в том же году к разгрому Сербии, является иллюстрацией той внезапности, которая была вызвана отказом генералов принять во внимание сведения, не совпадавшие с их любимыми планами. У русских были сведения, которые, казалось, должны были предупредить их о предполагавшемся грандиозном наступлении немцев в направлении Горлицы, но русское верховное командование исходило из других соображений, имело другие планы и вследствие этого пренебрегло сведениями о вероятном наступлении Макензена. Поэтому, хотя русские и были предупреждены о наступлении, само наступление имело характер неожиданности. То же относится и к наступлению на Сербию.

Объединенное австро-германо-болгарское вторжение в Сербию в 1915 г. было стратегически неожиданным, в том смысле по крайней мере, что союзники позволили захватить себя врасплох. Это наступление следовало предвидеть. Мы были полностью предупреждены об австро-германском плане и о том, что Болгария намеревалась выступить на стороне немцев. Но внимание западных генералов было в такой степени приковано к их собственным планам нанесения сокрушительного удара во Франции, что они закрывали глаза на предстоящую опасность на востоке. Когда эта угроза воплотилась в действие, она имела для них характер „неожиданности“.

(е) Сражение при Вердене

До известной степени сражение при Вердене представляет собой другой пример этого рода внезапности. В первоначальной стадии атака на Верден явилась неожиданностью не потому, что главная квартира не получила достаточно предупреждений о германских приготовлениях, но потому, что в план французов не входило доверять этим сообщениям. Поэтому атака имела большой успех. Но по мере того как она продолжалась, растянувшись на недели и месяцы, элемент неожиданности отпадал, и с течением времени атакующим уже не удавалось больше одерживать какие-либо победы.

(ж) Сражение на Сомме

Большое сражение на Сомме и впоследствии при Пашенделе является великолепной иллюстрацией длительной попытки своевременно уведомить неприятеля о наших намерениях. Дороги в течение недели были покрыты движущимися колоннами войск; тяжелые орудия следовали одно за другим на тракторах и больших грузовиках; небо кишело аэропланами-разведчиками; в воздухе плавали воздушные шары, которые указывали противнику точное направление нашего удара. Наше наступление напоминало архаическую обстановку вчинения иска в английском суде, когда ответчик получал самые точные сведения и самые подробные указания о тех аргументах, с которыми ему придется иметь дело и против которых ему самому придется возражать. Подобная форма иска приводила к длительной и дорого стоящей тяжбе. Окончательное решение тяжбы наступало лишь тогда, когда обе стороны были полностью истощены этим поединком за судейским столом. Наши великие полководцы могли бы сыграть роль превосходных адвокатов у Диккенса. Beati possedentes — блаженны имущие, — вот принцип этой системы. В данном случае „имущими" были немцы, так как они были обладателями территории, которую союзники намеревались отвоевать. Поэтому стратегия союзников вполне удовлетворяла интересам немцев.

Английское наступление было поддержано колоссальной артиллерийской подготовкой, самой значительной, которую когда-либо предпринимали англичане, и в этом наступлении участвовали лучшие солдаты-добровольцы. Но оно ни в коей мере не было „внезапным". Неприятель хорошо знал о том, как, когда и где будет предпринято наступление. Будучи предупреждены, немцы успели подготовиться. В результате нам удалось достигнуть очень незначительных успехов и то лишь ценою ужасных потерь в первый же день сражения.

Однако в начале сражения при Сомме был один элемент неожиданности. Французы атаковали немцев к югу от английского фронта с пятью дивизиями. Немцы ожидали английского, но не французского наступления, и в результате французы могли продвинуться с быстротой молнии, отбросили немцев на 5 миль в первый же день и через 5 дней имели возможность сообщить о захвате 9 тысяч военнопленных и 60 пушек, потеряв всего 8 тысяч человек.

(з) Поражение Румынии

Быстрый разгром Румынии в сентябре—октябре 1916 г. должен считаться одной из наиболее успешных кампаний за все время войны. Среди важнейших факторов германской победы следует считать:

1. Мнение союзников, что в это время Карпаты непроходимы для артиллерии и обозов. Это было неверно.

2. Быстрое объявление войны Румынии болгарами, за которым последовало блестящее и неожиданное наступление Макензена через

Добруджу. Союзники считали, что Болгария отсрочит момент открытия военных действий против Румынии или будет избегать их вовсе и что австро-германо-болгарские войска будут слишком поглощены операциями против салоникского оккупационного корпуса, и не выделят особой армии для наступления на Румынию.

3. Уверенность союзников, что немцы настолько ослаблены в результате чудовищного наступления на Сомме, что Германия не в состоянии отправить ни одного батальона на румынский фронт; для союзников было полной неожиданностью, что в разгар сражения на Сомме несколько германских дивизий были сняты с западного фронта и переброшены на Карпаты, через которые они потом вторглись в Румынию.

Эти события показывают, что окопная война и воздушная разведка не устраняют элемента внезапности. Союзные генеральные штабы должны были поставить перед собой вопрос, была ли у них возможность на каком-либо участке фронта добиться таких же решающих и неожиданных успехов, как те, которых добивались немцы. Несомненно, неприятель ожидал возобновления наступления на западном фронте — это видно было по приготовлениям к отражению нашей атаки. Эта осведомленность противника и заставила его очистить в мае плато Соммы и отступить на новую, более короткую линию обороны, которая была им тщательно подготовлена. На самом деле этот отход немцев был действительно неожиданностью для союзников. Наши планы были опрокинуты, и немцам удалось вывести из окопов целые дивизии и тем самым накопить в ближайшем тылу огромные резервы; при помощи этих резервов они подготовлялись к контратаке и покрывали потери в передовых частях. Нельзя себе представить, чтобы эта крупная операция германской армии могла быть проведена, оставаясь совершенно неизвестной французской и английской разведке. Аэропланы пересекали германские линии и возвращались назад, не замечая подготовки, которая продолжалась неделями и даже месяцами и состояла в постройке новой и массивной линии окопов. Они не замечали увода солдат, пушек, запасов снаряжения и других материалов, а между тем эта работа велась немцами в течение многих дней. Разведочные управления в союзных генеральных штабах привыкли верить, что неожиданные операции в широком масштабе неосуществимы в условиях западного фронта, где обе стороны стабилизовали свое положение. Союзникам ни разу не удалось провести действительно внезапного наступления и обмануть немцев. Почему в таком случае немцы в состоянии были обмануть их? Это была одна из аксиом в стратегии этих великих полководцев. Если вы высказывали сомнение в этой стратегии, будучи штатским, вас называли профаном. Если сомнение выражал военный, его считали маньяком, годным только на то, чтобы сражаться в окопах, где мыслить — значило нарушать дисциплину. Поэтому на западном фронте всякая внезапность, казалось, была исключена.

Почему не попытаться застигнуть неприятеля врасплох на италь-

янском фронте? Нас заверяли, что ничего неожиданного сделать нельзя и здесь. Австрийцы знали, что подготовляется наступление. Так оно вероятно и было, но они ожидали, что это будет наступление в прежнем виде: предварительная бомбардировка окопов в тяжелых природных условиях при помощи совершенно недостаточной артиллерии и недостаточного количества снарядов. Наш штаб знал, что подобное наступление не может повести ни к чему, за исключением потери нескольких километров, которые могли быть легко отняты в одну ночь при помощи своевременной и хорошо проведенной артиллерийской контратаки. Такое обычное наступление могло быть полезным элементом в общем стратегическом плане, созданном в Шантильи, так как благодаря ему известное число австрийских пушек должно было оставаться в районе Трентино или Изонцо и не могло быть отправлено на Карпаты, или потому, что австрийцы не были в состоянии доставить свои гигантские пушки на французский фронт. Генералам в шорах, служившим в обоих генеральных штабах, никогда не приходило в голову, что на итальянском фронте можно было предпринять внезапное наступление на австрийцев и осуществить настоящий прорыв австрийского фронта, а может быть и разгром Австро-Венгрии, до того как немцы могли бы в достаточном количестве притти на помощь своим побежденным союзникам. Справедливо отметить здесь, что Петэн, Франше д'Эспере и Мишле предлагали объединенное наступление в Италии вместо наступления при Шмен-де-Дам. Таким образом можно было предупредить разгром при Капоретто или превратить его в победу. Итальянцы обладали численным превосходством над австрийцами. Если бы они обладали таким же превосходством в области тяжелой артиллерии и военного снаряжения, австрийцы могли быть побеждены. Они безусловно были бы застигнуты врасплох. Австрийские солдаты ни на одном фронте не сталкивались с настоящей артиллерийской бомбардировкой; такого рода обстрела не выдержали бы нервы австрийцев, по крайней мере в первый раз. Им нужна была бы неделя, для того чтобы притти в себя и подготовиться к новым боям. Если бы успехи итальянского наступления оказались в территориальном отношении равными тем, которых австрийцы добились своим неожиданным наступлением в мае 1916 г., или немцы своим прорывом нашего фронта под Амьеном в марте 1918 г. или в июне 1918 г. под Шато-Тьери, итальянцы могли бы захватить полуостров Истрию, и Пола — база подводных лодок, приносивших немало беспокойства союзникам, была бы отрезана. Если бы итальянское наступление дало союзникам такой же значительный успех, как Капоретто центральным державам, то итальянцы могли бы достигнуть Люблян и продвинуться вплоть до угольного бассейна Карниола. Почему это не могло быть осуществлено? Были ли австрийцы лучшими солдатами, чем англичане, которые сражались на фронте под Амьеном, или французы, которые в 1918 г. были отброшены назад к Марне?

Таковы были соображения, заставившие меня, после того как я стал премьером, приложить новые усилия, чтобы убедить француз-

ское правительство в необходимости отказаться от намеченного наступления во Франции и вместо этого предпринять объединенное широкое наступление на австрийцев. Если бы это предложение было одобрено на конференции в Риме, нам удалось бы на конференции в Петрограде согласовать одновременно и наступление на восточных границах Австрии. Я был уверен, что генеральные штабы Англии и Франции проявят упрямство. Для каждого генерального штаба смерть (солдат другой союзной державы) на западном фронте была приемлемей, чем победа (других генералов) на любом другом фронте. Единственная моя надежда заключалась в том, что мне удастся убедить французское и итальянское правительства принять мой план и что все три правительства будут настаивать на его принятии верховным командованием. Я знал, что генералы будут рассматривать этот план как новое проявление нахальства со стороны штатских профанов, желающих поиграть в солдатики. В дальнейшем я расскажу о том, как три крупных французских генерала в апреле склонились к тому же стратегическому плану, который был впервые выдвинут „профанами“.

Глава сорок седьмая

КОНФЕРЕНЦИЯ В РИМЕ

26 декабря 1916 г. в Лондоне собралась англо-французская конференция для рассмотрения условий союзного ответа на германскую и вильсоновскую ноты о мире. Я предложил конференции, чтобы представители правительств и верховных командований Англии, Франции и Италии встретились в ближайшее время на другой конференции, для того чтобы обстоятельно обсудить военное и политическое положение.

Мы должны были немедленно принять решение по вопросу о Балканах. Было высказано пожелание, чтобы в работах конференции принял участие генерал Саррайль, командующий союзными войсками в Салониках, мнение которого было для нас очень ценно, особенно при обсуждении вопроса о положении в Греции. Было решено, что конференция состоится в Риме.

Конференция в Риме состоялась 5, 6 и 7 января 1917 г. Я взял с собою лорда Милнера, сэра Виллиама Робертсона и сэра Мориса Ханки. Вместе с французским премьером г. Брианом от Франции присутствовали Альберт Тома и Бертело, а также новый французский военный министр генерал Лиотэ, от Италии все министры в полном составе вместе с командующим генералом Кадорна. Генерал Саррайль и генерал-лейтенант Мильн, командовавший британскими силами на Балканах, приехали из Салоник. Сэр Френсис Эллиот и полковник Фейрхолм, наш военный атташе в Греции, прибыли из Афин.

Чтобы точнее определить цели конференции и по мере возможности дать направление дискуссии на конференции, я представил делегатам меморандум, который гласил:

„1. Конференция созвана по желанию британского правительства, так как мы полагаем, что в существующих условиях необходимо откровенно обменяться мнениями и по поводу предстоящей кампании 1917 г. и в частности по поводу недавних событий на Балканах и в Греции.

2. Мы просим разрешения конференции говорить с возможной откровенностью и предлагаем представителям Франции и

Италии последовать нашему примеру. За последние два с половиной года представители Англии и Франции благодаря сравнительной близости Лондона и Парижа имели возможность встречаться весьма часто. В результате мы все лично познакомились друг с другом; постепенно формальные соображения были оставлены и на нашей недавней конференции мы были в состоянии высказывать свои мнения друг другу без всякой излишней сдержанности и не вызывая взаимного непонимания или обиды.

Дальность расстояния к сожалению мешала нам до сих пор столь же часто видеться с представителями Италии, но ввиду традиционной дружбы между народами Британии и Италии и расовой близости между французами и итальянцами мы полагаем, что представители трех наций, собравшись на конференцию во время нынешнего тяжелого политического кризиса, должны иметь возможность говорить друг с другом с полной свободой и стремиться к установлению самого тесного взаимопонимания. Только установив взаимное понимание, мы можем надеяться на то, что нам удастся обеспечить самое тесное сотрудничество, столь необходимое для победы.

3. Британское правительство больше всего стремится при помощи дружеского соглашения с союзниками наладить такое сотрудничество, которое свело бы на-нет грандиозные преимущества, вытекающие для противника из факта единства контроля над всей политикой центральных держав.

4. Материальные и моральные ресурсы союзников значительно превышают ресурсы неприятельской коалиции. Державы Антанты сами обладают бóльшим числом людей, пушек, бóльшими материальными ресурсами и в то же время имеют возможность располагать ресурсами остальных стран мира. Тем не менее мы вплоть до настоящего времени еще не победили общего врага. Почему? Причиной этому является то, что Германская империя заручилась полным контролем над ресурсами обеих центральных держав и имеет возможность располагать ими там, где они могут быть использованы с наибольшей эффективностью во всех областях военной деятельности.

5. В течение 1916 г. каждая из армий держав Антанты вела борьбу весьма умело и с большой смелостью. Мы только можем восхищаться тем, как воевали наши армии. Мы полагаем однако, что каждая страна чрезмерно сосредоточивала свои усилия на своем собственном фронте, в результате чего те преимущества, которыми обладают союзники в области людских и материальных ресурсов, не были использованы с предельной эффективностью. Усилия британской и французской армий на западном фронте, итальянской армии на южном фронте, русской — на восточном фронте хотя в последнее время и были согласованы во времени, но не были достаточны, для того чтобы помешать противнику с меньшими силами оккупировать сначала Сербию,

а впоследствии и Румынию. Эти события дают серьезный повод для критики наших общих усилий, и каждое правительство должно сделать все, что в его силах, для того чтобы исправить эту основную ошибку.

6. Такова та основная причина, по которой мы просили о созыве данной конференции. Мы стремились установить, можно ли найти какое-либо средство для объединения усилий союзников таким образом, чтобы в течение 1917 г. можно было раздавить и окончательно разбить неприятеля. Короче говоря, мы хотели бы, чтобы конференция в настоящее время нашла практическое выражение и осуществила тот принцип, который подвергся обсуждению на конференции в Париже 15 и 16 ноября прошлого года*.

7. Предполагая, что принцип полного сотрудничества и единства союзников будет принят, в чем мы заранее уверены, рассмотрим теперешнее военное положение и подумаем, как лучше всего этот принцип применить.

8. Без сомнения наиболее серьезным для союзников нужно считать положение, создавшееся в связи с крахом Румынии. Русским пришлось удлинить свой фронт, для того чтобы румынская армия могла отойти в тыл и подготовиться к новому выступлению. Это обстоятельство, опасаемся мы, может иметь весьма крупные последствия для мощи самой России во время наступления 1917 г. Недостаток артиллерии и военного снаряжения, помешавший в 1916 г. России полностью развернуть всю свою мощь и преодоленный, как мы полагаем, теми поставками, которые были сделаны в области вооружения русской армии за последние несколько месяцев, может, боимся мы, вновь помешать наступлению нашего великого восточного союзника, поскольку дополнительную тяжелую артиллерию пришлось в целях обороны рассеять по значительно удлиненному фронту.

9. Мы опасаемся, что центральные державы могут, если они этого пожелают, продолжать свое наступление в глубь России либо в направлении Одессы, либо в направлении Петрограда.

10. Центральные державы могут также в качестве альтернативы предпочесть, утвердившись на самом коротком по протяжению оборонительном фронте, перевести часть своих сил для нападения на союзников в Салониках и нанести нам поражение на этом театре войны... По мнению наших военных советников, союзники при их теперешних ресурсах достаточно сильны, чтобы отразить всякую атаку, которую неприятельские войска могли бы развернуть против них на балканском театре военных действий, но эта задача осуществима только при условии эвакуации Монастыря; между тем последствия эвакуации Монастыря представляются весьма неприятными, поскольку такая эвакуация приведет к установлению непосредственного кон-

* Речь идет о принципе объединения фронта и ресурсов союзников.

такта между центральными державами и Грецией и может повлечь за собой вмешательство в войну на стороне неприятеля еще одного балканского государства, правда, слабого, но отнюдь не такого, которым следует пренебрегать вовсе (т. е. Греции. — *Прим. перев.*). Более того, эвакуация Монастыря окажет весьма отрицательное действие на боевой дух сербской армии, и нам следует опасаться, что солдаты сербской армии будут настолько обескуражены, что дезертируют из своих полков и попросту вернутся домой. Во всяком случае сербская армия всегда выказывала свое превосходство в наступлении, а не в обороне. Таким образом, отступая на более короткий фронт, союзники рискуют не только ослабить себя еще более, но быть может и уменьшить свои силы на балканском театре военных действий. Отступление от Монастыря и вторжение неприятельских войск в Грецию будет моральным ударом для дела союзников, ударом, который не может не оказать самого неблагоприятного влияния как на наши собственные народы, так и на народы нейтральных стран*.

11. *Есть еще один путь, по которому могут пойти центральные державы. Они могут обратить свои главные маневренные армии против Италии перед тем или после того, как они справятся с русскими, или в качестве альтернативы после победы над нашей армией на Балканах. Будем ли мы оставаться бессильными, хотя и неравнодушными наблюдателями, пока Германия будет уничтожать наших друзей одного за другим?* Такова наша позиция в настоящее время по отношению к Румынии.

12. Итак, спрашиваю я, каковы планы союзников для борьбы с этой опасностью? Без сомнения, генерал Гурко, генерал Саррайль и генерал Кадорна каждый в отдельности располагают планом действий для отражения подобных атак.

Но какого плана придерживаются союзники как коалиция? Объединенное наступление против Болгарии, которое было запроектировано в Шантильи, не является более возможным и, насколько нам известно, союзники не имеют абсолютно никакого плана, за исключением плана каждого командующего продолжать „продырявливать" германский фронт у себя. Мы не говорим, что этим методом следует пренебрегать. Без сомнения, операции вроде тех, которые мы предприняли на Сомме или на Карсо, имели значительный эффект в том смысле, что они отвлекли часть маневренных сил противника и по очереди истощали войска, которые неприятель бросил на фронт для отражения наших атак, но ни одна из предпринятых нами операций не могла спасти Румынию. *В современной войне силы обороняющихся при наличии первоклассного и хорошо снаряженного войска настолько значительны, что наступление мо-*

---

* Это именно то, что случилось впоследствии при Капоретто.

жет быть отражено даже армиями, меньшими по численности, чем войска наступающего врага. Надо признать, что наш противник обороняясь обнаружил громадную силу сопротивляемости и исключительное умение использовать или улучшить искусственным путем те естественные укрепления, которые дают ему условия местности.

13. Мы предлагаем, чтобы данная политическая конференция обратилась к союзным генералам с требованием рассмотреть возможность более тесного и широкого сотрудничества и чтобы правительства оказали командованию в этом вопросе свою полную поддержку.

14. Мы опасаемся, что невозможно будет предоставить какую-нибудь непосредственную помощь России, кроме доставки таких количеств военного снаряжения, какие можно отправить через Архангельск и Владивосток *.

Вопрос о пределах, в которых материальная помощь должна быть оказана России с точки зрения общих интересов союзников, является первоочередным вопросом, подлежащим рассмотрению на предстоящей конференции в России. Если конференция в России придет к выводу, что при увеличении запасов военного снаряжения Россия в 1917 г. сможет оказать такое влияние на исход войны, которое соответствует численности ее войск, то мы полагаем, что западные союзники сами должны быть готовы на все жертвы, необходимые для достижения этой цели. Мы однако не вполне уверены, что это возможно; у нас нет определенного мнения в этом вопросе. Мы полагаем, что технические затруднения морского и железнодорожного транспорта, отсутствие путей сообщения на русском фронте, недостаток мостов, неудовлетворительность обстановки для подготовки командного состава и стратегические невыгоды растянутого фронта, на которые мы уже указывали, взятые вместе могут оказаться настолько серьезными, что помешают полному использованию артиллерии, предоставленной России. Этот вопрос однако должен быть поставлен на разрешение конференции в России, и я не буду задерживать настоящую конференцию дальнейшим его рассмотрением.

15. В балканском вопросе британское и французское правительства в принципе согласны, что:

„Союзники должны продолжать удерживать Монастырь и занятый ими в настоящий момент фронт, пока это возможно, не подвергая армию опасности поражения. Следует воспользоваться передышкой, для того чтобы подготовить в случае необходимости занятие более короткой линии фронта, которая позволит нашим войскам с успехом отразить все атаки со стороны неприятеля“.

Для того чтобы устранить угрозу, нависшую над салоник-

* Все другие пути были закрыты неприятелем.

ским корпусом, французское правительство решило послать в Салоники две дивизии и предложило британскому правительству рассмотреть вопрос о возможности посылки также двух британских дивизий.

16. Технические соображения делают для нас чрезвычайно затруднительным удовлетворение этого предложения. Отправка войска из Великобритании в Салоники требует продолжительного морского путешествия и предоставления нового тоннажа на продолжительный срок. Более того, всякое увеличение армии в Салониках означает увеличение необходимого для снабжения армии тоннажа, который будет занят на этом опасном пути сообщения. Усиление проводимой Германией подводной войны делает этот путь опасным на всем его протяжении. По этой причине мы очень не хотели бы посылать дальнейшие подкрепления в Салоники в то самое время, когда наши союзники обращаются к нам со все большими требованиями о предоставлении им наших судов для перевозки сырья, продовольствия и военного снаряжения. Положение морского транспорта настолько серьезно, свободный тоннаж является настолько важным фактором для сохранения могущества Антанты, что мы еще вернемся к этому вопросу в качестве самостоятельной темы. Пока мы должны обратиться к конференции с предложением согласиться с нашей точкой зрения. После тщательного расследования мы пришли к выводу, что тяжелое положение морского транспорта представляет собой решающий аргумент против отправки дальнейших британских подкреплений в Салоники.

17. Это возражение однако не относится в такой же степени к Италии. Морской путь из Италии на балканский театр военных действий сравнительно непродолжителен, и значительная часть пути может считаться безопасной“.

В следующих пяти параграфах своего меморандума — с 18 по 22 включительно — я настаивал на том, чтобы итальянцы послали дополнительные подкрепления в Салоники и взяли на себя оборудование и обеспечение трассы Италия — Адриатика — Санти-Каранта — Монастырь, с тем чтобы подкрепление и военные запасы могли быть посланы в Салоники сухим путем на всем протяжении, кроме короткого перехода через Адриатику. Таким образом удалось бы сэкономить тоннаж и значительно ослабить угрозу подводных лодок при сообщении с Салониками.

„23. Обратимся теперь от балканского фронта к итальянскому. Здесь есть две возможности: оборона или наступление. Если неприятель сосредоточит, как мы указывали выше, свои маневренные войска на итальянском фронте, то здесь откроются благоприятные условия для союзников. Если неприятель действительно пойдет по этому пути, то он будет полагаться на глупость союзников и на их недостаточную подвижность. Без сомнения, он считает нас глупцами, не обладающими доста-

точной инициативой. Воспользуемся этим милым убеждением. Неприятель будет исходить в своем плане атаки из той предпосылки, что ему придется встретиться с относительно малочисленной итальянской артиллерией, часть которой, по его сведениям, принадлежит к старому типу и лишена необходимой подвижности. Если неприятель поступит именно так, как мы ожидаем, необходимо, чтобы союзники согласовали свои планы военных действий таким образом, чтобы неприятель встретился не с ожидаемой им артиллерией, а с противником, владеющим превосходным количеством пушек, в том числе не только итальянских, но и английских и французских орудий, обслуживаемых соответствующим количеством союзных артиллеристов. Мы можем разбить немцев на итальянском фронте точно так же, как и на западном фронте. Приняв этот план, мы могли бы превратить отпор врагам в их разгром, точно так же как немцы, сосредоточив в свое время артиллерию на румынском фронте, превратили румынское вторжение в Трансильванию в полное поражение Румынии. Мы предлагаем нашим союзникам благожелательно рассмотреть это предложение и при условии одобрения их конференцией мы предлагаем, чтобы нашим генеральным штабам был дан приказ разработать это предложение во всех его технических подробностях, включая разработку необходимого расписания железнодорожных сообщений и подготовку отправки необходимой артиллерии, а также улучшение сообщений *.

24. Другая возможность заключается в том, что сами союзники предпримут наступление в этом районе. Мы считаем, что инструкции союзным штабам не должны быть ограничены разработкой чисто оборонительного плана на итальянском фронте, как то было намечено выше. Мы считаем, что союзным штабам должно быть также предложено рассмотреть последствия использования возможности нашего наступления на итальянском фронте. Мы хотели бы также просить наших генералов сообщить нам, не могут ли они составить план внезапного сосредоточения артиллерии для наступательных целей на фронте вблизи Изонцо. Если наши сведения верны, то итальянская армия располагает достаточными силами для ведения наступательных операций в широком масштабе на этом сравнительно узком участке фронта, который пригоден для большого наступления; кроме того итальянская армия обладает достаточно сильной пехотой, для того чтобы удерживать фронт и на бо́льшем протяжении, чем ныне. Мы полагаем, что причиной недостаточного успеха итальянцев в их блестящем наступлении является недостаток артиллерии, в особенности тяжелой артиллерии и снаряжения для тяжелой артиллерии, что мешает им довести дело до полной победы.

---

* Такая подготовка к австро-германской атаке спасла положение после Капоретто.

Нет ли возможности нанести серьезный и внезапный удар противнику, сосредоточив английскую и французскую артиллерию на фронте при Изонцо так, чтобы не только обеспечить безопасность Италии от сосредоточения неприятельских войск, но, что еще более важно, разбить противника и нанести ему решительное поражение, продвинувшись далее к Триесту и оккупировав полуостров Истрию?

25. Стратегические преимущества, которые могут быть достигнуты наступлением на итальянском фронте, представляются нам весьма значительными. Это наступление явилось бы вероятно большой неожиданностью для неприятеля. Операция могла бы быть проведена на неприятельской территории. Она позволила бы итальянцам полностью применить свои силы, заставив неприятельские войска защищать более растянутую линию фронта. Таким образом вероятное действие наступление со стороны Италии тотчас же сказалось бы на русском и румынском фронтах. Это наступление возможно позволило бы союзникам атаковать Полу и быть может уничтожить австро-венгерский флот или заставить его выйти в открытое море, где он мог бы стать добычей наших подводных лодок. Это в свою очередь помешало бы подводной кампании неприятеля в Средиземном море. Более того, итальянское наступление могло бы быть проведено без всякого дополнительного отягощения нашего морского транспорта. Оно имело бы само по себе политическое и моральное влияние и явилось бы противовесом успехам неприятеля в Румынии. Оно дало бы союзникам возможность воспользоваться тем временем, когда погода на западном фронте неблагоприятна для развития большого наступления. Однако абсолютно необходимо полностью отдать себе отчет в том, что через некоторый период времени тяжелая артиллерия должна быть снята с итальянского фронта, что вновь позволит британской и французской армиям продолжать свое наступление на западном фронте *.

26. Таковы проблемы, которые, по нашему мнению, должны поставить перед собой правительства и генеральные штабы держав. Вкратце они выражаются в следующем:

а) Желательность отправки артиллерии в Россию, с тем что западные державы пойдут на соответствующие жертвы. В этом вопросе мы должны однако выждать отчета конференции в России.

б) Желательность отправки двух итальянских дивизий на балканский театр военных действий либо через Санти-Кваранта, либо на Салоники; в связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о развитии железнодорожного сообщения через Италию и Грецию.

в) Проведение оборонительного и наступательного плана сотрудничества на итальянском фронте".

* Это условие впоследствии было мною снято на конференции.

Копии этого документа были розданы гражданским, военным и морским представителям различных делегаций еще до начала конференции. Следует принять во внимание, что в этом меморандуме довольно точно были предусмотрены последующие действия противника: центральные державы, после того как им удалось справиться с Россией, действительно предприняли объединенное наступление против Италии. Наш меморандум требовал от союзников своевременных мер, для того чтобы отразить этот удар.

После предварительного совещания конференция разбилась на две секции: политическую и военную. Обе секции прежде всего занялись вопросом о положении в Салониках. Военное совещание по этому вопросу зашло в окончательный тупик, так как французские военные делегаты, поддержанные представителями России, настаивали, чтобы Англия и Италия послали еще три дивизии в Салоники, не имея точного представления о том, каким целям должны служить эти дивизии. Для обороны эти дивизии были излишни, а для наступления они были недостаточны. Англичане и итальянцы настойчиво повторяли, что они не в состоянии выполнить это пожелание и что немногие суда, которыми они располагают, должны быть использованы для пополнения убыли в частях, уже находившихся на месте. Если же с севера противником будет предпринято наступление с превосходными силами, в чем англичане и итальянцы сомневались, то союзные войска должны быть готовы отступить на более короткую линию фронта.

Генерал Саррайль испытывал острое беспокойство за безопасность своего левого фланга в случае наступления неприятеля на салоникском фронте. 1 декабря 1916 г. союзные войска были высажены в Афинах, для того чтобы настоять на выполнении Константином требований союзников; они подверглись нападению со стороны королевских войск. Существовала подлинная опасность, что фронтальная атака со стороны неприятеля на салоникский корпус явится сигналом для начала враждебных действий со стороны греческих королевских войск в тылу со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями для салоникского корпуса.

Ввиду создавшегося положения генерал Саррайль явился ко мне с личным визитом на третье утро конференции. Саррайль был одним из тех людей, к которым нельзя относиться безразлично. Сторонники Саррайля считали его блестящим генералом. Его критики смотрели на него как на наглого шарлатана. Жоффр говорил, что ничто не давало права считать Саррайля способным генералом: заслуг во Франции у него не было. Другие выдающиеся французы, с которыми я встречался, говорили, что борьба Саррайля против немцев в районе Нанси была одним из наиболее блестящих эпизодов войны. Я был убежден в одном, что официальная военная клика и в Англии и во Франции готова была его утопить в ложке воды. Для военной клики он был политическим генералом, что попросту означало, что руководящие политические деятели Франции относятся к Саррайлю с доверием. Лучше быть „другом мытарей и грешников“, чем другом

политиков. Для французского генерального штаба Саррайль был поэтому более опасным врагом, чем сам фон Клюк. Генерал, который не пользуется симпатиями генерального штаба, имеет меньше шансов на успех, чем политик, которого не любят партийные руководители. Последний может апеллировать к народу и тем самым занять такое угрожающее положение в партии, что лучше будет успокоить его, продвинув на лучший пост. Но для солдата обратиться к какому-либо гражданскому судилищу, подвергая сомнению стратегический план или компетентность своих начальников, является само по себе таким прегрешением против профессиональной этики, которое делает его отщепенцем.

Перед тем как я встретился с Саррайлем в Риме, я создал себе мнение о нем на основании официальных сведений, учтя также те похвалы, которые расточали ему гг. Альбер Тома и Пенлеве. Я знал, что Тома был превосходным знатоком людей, а не только вещей. Я был поэтому прекрасно подготовлен к тому, что Саррайль вовсе не окажется на деле тем „блестящим авантюристом", который подчиняет вопросы тактики политике. Но я совсем не был подготовлен встретиться с такой привлекательной и поистине крупной фигурой, с какой я встретился в лице Саррайля на конференции в Риме.

Это был исключительно красивый человек с высоким лбом, голубыми глазами, симпатичным взглядом и спокойными манерами интеллигентного человека, умевшего прямо отвечать на обращенные к нему вопросы. Он потребовал для себя полномочий, необходимых для того, чтобы предупредить действия греков путем вторжения в Грецию союзных войск и нападения на королевскую армию. Я отказался дать от имени Англии согласие на такого рода действия. Я не соглашался разрешить такие меры, которые могли повести к военным действиям против населения Греции, дружественно относившегося к союзникам. Все это предприятие могло для посторонних иметь неприятное сходство с поведением немцев в Бельгии. Но мы были вправе принять все необходимые меры, для того чтобы защитить наши войска от опасности внезапного нападения на их наиболее уязвимый фланг. После событий 1 декабря мы поэтому установили строгую блокаду Греции, которую мы намеревались поддерживать, до тех пор пока не убедились бы сами, что греческий король принял необходимые меры к нашему успокоению.

Я сделал все, что было в моих силах, для того чтобы обнадежить генерала Саррайля, и получил его обещание, что он не примет никаких мер, не уведомив меня заранее. Можно было рассчитывать, что давление нашей блокады заставит греческое правительство выполнить наши условия хотя бы медленно и неохотно.

На конференции я часто встречался с Саррайлем. Он не жаловался на своих начальников, хотя он вправе был так поступить, ибо ни с одним генералом в этой войне не поступали так несправедливо. Его заставили, когда он взял на себя командование, принять участие в предприятии, которое едва ли могло иметь успех, даже

если бы в его распоряжении были значительные ресурсы. Его оставили без сколько-нибудь компетентного штаба и снабдили отвратительным военным снаряжением в крайне неудовлетворительных транспортных условиях. Его войска были далеко не лучшим образцом среднего французского войска. Кроме того его дивизии не имели полного состава. От него ожидали, что он атакует превосходные, почти неприступные укрепления с помощью войск, обладавших ничтожным количеством тяжелой артиллерии и недостаточным количеством снарядов. Его английские союзники находились в таком же положении: им недоставало материальных средств и они не были готовы к тому, чтобы действительно оказать содействие Саррайлю. При этих условиях я только удивлялся тому, что он, казалось, сохранил хорошее настроение и присутствие духа. Но это безусловно было так. У него не чувствовалось никакой горечи и он не произнес ни единой жалобы на то, как плохо обращались с ним и его армией. Благоприятное впечатление, которое он произвел на меня, разделяли и другие участники Римской конференции.

Если Саррайль не достиг ничего в течение двух лет, то это потому, что ему не хотели дать эту возможность. А военная клика во Франции и в Англии следила за тем, чтобы отбить у этого смелого, но неприятного генерала вообще всякую охоту совершить что-либо.

Соглашение по вопросу о посылке дальнейших подкреплений в Салоники достигнуто не было. К концу обсуждения — на второй день конференции — Бриан произнес страстную речь, в которой просил нас отправить в Салоники две дивизии. С точки зрения ораторского искусства эта речь была наиболее ярким образцом красноречия, который когда-либо мне приходилось слышать. Эта речь была произнесена Брианом в сравнительно небольшом зале за столом, где сидело не более 12 человек. Г-н Бриан говорил сидя. Его голос, его жесты, его интонация наилучшим образом отражали его ораторское искусство, и впечатление было такое же, как если бы он обращался к переполненной палате депутатов. Его речь была полна драматической силы, и все же мы все ни разу не почувствовали неловкости от того, что подобная речь произнесена в таком небольшом и интимном кругу. С ораторской точки зрения это был полный триумф. Когда Бриан кончил, барон Соннино повернулся ко мне и сказал: „Это самая лучшая речь, которую я когда-либо слышал". Но, будучи великолепным проявлением дарований г. Бриана, эта речь была также ярким отражением его недостатков. Он не указывал способов разрешения практических затруднений. Заслуживают быть отмеченными еще две характерных подробности. Мы должны были обедать в этот вечер во французском посольстве. Его речь задержала нас, и г. Баррер (французский посол) должен был отложить час нашего обеда. Когда г. Бриан закончил свою речь, напряжение в его лице сразу пропало и блеск в его глазах исчез. Улыбаясь он обратился к нам со словами: „А теперь поедем в посольство обедать!". На следующее утро Альбер Тома пытался возобновить дискуссию и довести ее до какого-либо практического решения вопроса,

Но его красноречивый шеф остановил его. Он не хотел более дебатировать этот вопрос. Он приехал для того, чтобы произнести речь, а не для того, чтобы добиться решения. Его речь была произнесена. Она была триумфом, и больше ничего ему не было нужно.

Я однако считал необходимым указать на практические затруднения, мешавшие нам согласиться с французскими пожеланиями, и я заметил, что если бы с помощью одного красноречия можно было бы перевести две дивизии в Салоники, то речь г. Бриана в конце прошлого заседания конференции выполнила бы эту задачу. К сожалению для этого кроме красноречия нужны корабли, а их-то у нас и нет. Я прочел телеграмму, полученную в это утро от генерал-квартирмейстера военного ведомства, в которой мне сообщали, что с прошлого четверга из-за подводных лодок движение наших судов в Средиземном море вовсе приостановилось, хотя была надежда на возобновление сообщения через 1 или 2 дня. Я указал на то, что чрезвычайно сочувствую желанию г. Бриана послать подкрепление нашим войскам на Балканах, в особенности если имеются возможности использовать эти войска для наступления. Но наш морской транспорт значительно ослаблен кампанией подводных лодок и нам нужен бо́льший, чем когда-либо, тоннаж для перевозки запасов не только для нас самих, но и для наших союзников. В это время 1200 тысяч тонн наших судов были заняты перевозками для французов и несколько сот тысяч тонн — перевозками для итальянцев. Если те и другие не хотели отказаться от поставок угля, стали и других предметов, которые мы им отправляли, то мы попросту не в состоянии взять на себя еще перевозку подкреплений и необходимого снаряжения в Салоники, во всяком случае до тех пор, пока критическое положение, созданное кампанией подводных лодок, не будет преодолено. У нас уже было больше солдат в Салониках, чем у французов и итальянцев. Посылать дальнейшие подкрепления за счет свежих войск и снабжать их продовольствием, военными материалами и снарядами на другом конце Средиземного моря, кишевшего неприятельскими лодками, представляло для нас немалые трудности. Кроме того салоникский фронт все еще был плохо приспособлен для наступательных действий в широком масштабе.

Очень мало было сделано, для того чтобы улучшить транспортное сообщение из портов в глубь страны. Шоссейные дороги были в исключительно плохом состоянии. Я поэтому настаивал на конференции, чтобы итальянцы отправили группу инженеров и рабочих для постройки дополнительного пути от Санти-Кваранта до Монастыря и для улучшения железнодорожной линии, с тем чтобы таким образом можно было создать новое сообщение с Балканами, которое по преимуществу шло бы по суше, за исключением небольшого и легко защитимого перехода от Бриндизи до Санти-Кваранта. Но генерал Кадорна наотрез отказался предоставить инженеров и не хотел даже дать обещание найти рабочих для этой цели.

Мы подходим теперь к обсуждению вопроса, который представлял для меня главную цель конференции; я имею в виду попытку

коренным образом пересмотреть стратегию союзников на всех фронтах. Я подытожил свои взгляды в меморандуме, розданном делегатам до конференции, и предложил вести дискуссию по поводу своих предложений. Открывая дискуссию, я обратил особое внимание на два вопроса, поднятые в этом меморандуме. Первый из этих вопросов относился к перевооружению русских армий, а второй — к объединенному наступлению на итальянском фронте. Обратившись ко второму из этих вопросов, я сказал, что итальянский фронт, казалось мне, представляет собой исключительно благоприятную возможность для прорыва неприятельского расположения. Итальянская армия, несмотря на то, что ее военное снаряжение улучшалось весьма быстро, все еще не располагала такой боевой мощью, особенно по части тяжелой артиллерии, чтобы с успехом атаковать противника. Наряду с этим на итальянском фронте союзникам приходилось иметь дело с неприятельскими силами, которые были слабее, чем где бы то ни было на западном фронте, где союзникам противостояли одни германцы. У австрийцев не было такого же единства, как у немцев, и они представляли гораздо меньшую опасность в качестве боевой силы. Я указывал также, что на этом фронте центральные державы были более уязвимы, чем на других фронтах. Если бы нам удалось отбросить германцев назад на 20—30 миль на нашем (западном) фронте, мы все еще застали бы их на территории Франции, и нам пришлось бы уничтожать французские деревни одну за другой, для того чтобы продвинуться далее. На итальянском фронте однако мы могли достигнуть жизненных центров противника. Здесь наступление могло быть осуществлено на неприятельской территории, и речь шла о разрушении не своих, а неприятельских деревень. Я подчеркивал тот факт, что австрийцы представляют собой слабейшего противника, и я предложил ударить по самому слабому, а не по самому сильному участку неприятельского фронта. Я указывал, что Германия представляет собой огромную силу, до тех пор пока она располагает Австрией, еще не разбитой союзниками, но если Австрия будет разбита, Германия также окажется разбитой. По этим причинам я сильно настаивал на том, чтобы вопрос о разгроме Австрии был поставлен на повестку дня. Далее я указывал, что дополнительной выгодой было бы несомненно отвлечение внимания противника от балканского фронта. Если бы австрийцы подверглись атаке на итальянском фронте, они не были бы в силах продолжать вторжение на Балканы. Быть может действия итальянцев могли бы также приостановить наступление в Молдавии.

Я указывал также, что операции на Сомме не привели к переброске войск с восточного фронта Германии на западный. На западе неприятель дорого отдавал занятую им территорию. Решив взять например деревню Курселет, мы должны были заплатить за нее 10 тысяч жизней. Позьер имел большее значение, чем Курселет, и неприятель требовал за него 40 тысяч жизней; Комбль имел еще большее значение, и за него пришлось заплатить 60 тысяч жизней. Уступая нам такие пункты по столь дорогой цене, неприятель еще

не сдал нам на западном фронте ни одного пункта, который имел бы действительно крупное значение.

Затруднения в области морского транспорта не мешали нам оказать содействие итальянскому наступлению. Мы могли доставить известное количество транспортных средств для перевозки артиллерии на итальянский фронт, и операция, которую я здесь предлагал, могла быть осуществлена без всякого дополнительного использования тоннажа.

Я поэтому настаивал, чтобы генеральные штабы рассмотрели мое предложение. Я указывал однако, что этого недостаточно и что мое предложение никогда не сможет быть проведено, если министры сами не возьмутся за это дело и не настоят на том, чтобы оно было рассмотрено в благоприятном свете. Генералу Хейгу казалось, что признание фронта генерала Кадорна более важным, чем его собственный фронт, противно человеческой природе. С другой стороны, нельзя было рассчитывать, что генерал Кадорна признает, что значение британского фронта было более важно, чем значение итальянского.

Я зачитал затем следующую резолюцию:

„Конференция убедилась в преимуществах итальянского фронта для объединенного наступления трех западных союзников. Эти преимущества представляются в следующем виде:

1. Наступление на итальянском фронте облегчит положение России, Румынии и армии на Балканах.

2. Оно позволит атаковать неприятеля на фронте, где его силы слабее по численности, качеству и снаряжению, чем в каком бы то ни было другом пункте, доступном союзным армиям на западе.

3. Такое наступление позволит союзникам захватить Триест, что даст им важные политические преимущества.

4. Оно позволит союзникам захватить Полу, главную стратегическую морскую базу противника, и тем самым уменьшить опасность, грозящую от неприятельских подводных лодок в Средиземном море.

5. Наступление на итальянском фронте не повлечет за собой дополнительной потребности в тоннаже.

6. Союзники вели бы борьбу на неприятельской территории.

Конференция предлагает немедленно обсудить этот вопрос министрам соответствующих стран совместно с их военными представителями; в частности подлежит обсуждению вопрос о том, в какой форме должно быть осуществлено сотрудничество Франции и Англии“.

Я объяснил, что последняя фраза относилась к вопросу о том, понадобятся ли генералу Кадорна только пушки, или также пехотные дивизии.

Г-н Бриан указал на то, какая сложная организация необходима при современных условиях, для того чтобы вообще предпринять на-

ступление. Эта организация не уступает организации большого промышленного предприятия. Он заявил, что генеральные штабы союзников недавно выработали планы операции в Шантильи и что подготовка к их выполнению в настоящее время в значительной степени уже проведена. Ввиду этого Бриан сомневается в том, следует ли теперь изменить эти планы. Г-н Бриан указал далее, что, по сообщению генерала Нивелля, германские войска сильно истощены и далеко не так твердо удерживают занимаемую ими территорию, как ранее. Принимая во внимание недавно обнаружившееся превосходство французских войск, генерал Нивелль считал возможным осуществить прорыв германского фронта. Г-н Бриан поэтому настаивал на том, что при рассмотрении вопроса об итальянском наступлении следовало тщательно обсудить, какое влияние могут иметь события в Италии на подготовлявшееся так долго наступление во Франции. Он выразил поэтому свое сочувствие внесенному предложению, но считал нужным подвергнуть его анализу с военной точки зрения; в данный момент он не считал для себя возможным предугадывать заключение военных экспертов. Однако г. Бриан полагал, что весеннее наступление во Франции должно сохранить решающее значение.

Продолжая, г. Бриан отметил, что если мы действительно могли бы прорваться к Триесту, то он выразил бы согласие с внесенным предложением и считал бы, что мы можем предпринять эту операцию. Однако, принимая во внимание важность предотвращения всего, что каким-либо образом могло бы нарушить проведение тех военных планов, которые в значительной степени уже подготовлены, Бриан считал необходимым сделать оговорку по существу внесенного предложения.

Я ответил, что я ни на минуту не предполагал, чтобы решение по моему плану было принято без исчерпывающего анализа. Я настаивал на том однако, что правительства не должны считать окончательными заявления генерала Нивелля или генерала сэра Дугласа Хейга о том, что они не в состоянии отдать артиллерию. Конечно генералы не хотят расстаться с артиллерией. Я указал на то, что генералы всегда были так же уверены в своем успехе накануне всех предшествовавших атак. Центральные державы однако не ограничивают своих усилий одним фронтом, как поступает каждый из союзных генералов. Центральные державы осуществляли наступление в Румынии, на Балканах, т. е. во всех тех странах, где они могли нанести в данный момент решающий удар. Центральные державы весьма вероятно вскоре нанесут удар на итальянском фронте, если они будут иметь основание полагать, что это будет им выгодно.

Барон Соннино указал, что по мнению итальянского правительства было вполне возможно, что итальянские войска начнут наступление на этом фронте через месяц или два.

Г-н Бриан вновь вернулся к вопросу об огромном значении организации наступления при современных условиях. Современное наступление действительно напоминало большое промышленное предприятие. Приходилось учитывать протяжение фронта со всеми его

особенностями, количество войск, количество и качество необходимых орудий; все это нужно было тщательно подсчитать и сделать еще целый ряд приготовлений. Бриан указал, что когда генерал Нивелль командовал армиями в районе Вердена, он явился к Бриану и предложил начать атаку. Г-н Бриан выразил сомнение, указав на истощение войск. Генерал Нивелль однако точно описал Бриану, как он намерен провести операцию, и заметил, что он будет отправлять Бриану телеграммы в определенный час из определенных пунктов, которые будут им заняты. В конце концов г. Бриан санкционировал это наступление, и генерал Нивелль выполнил его в точности так, как он предсказывал. Это конечно создало у г. Бриана чрезвычайно благоприятное впечатление о способностях генерала Нивелля и заставило его проникнуться доверием к дальнейшим планам Нивелля. Под Верденом, указал г. Бриан, французы действительно прорвались через линию германского фронта; в силу природных условий они зашли в тупик, откуда уже не могли дальше наступать. Тем не менее французские войска получили огромный опыт. Французы полагали, что хорошо подготовленная атака имела в данный момент большие шансы на успех. Г-н Тома, не отвергая моего предложения, настаивал на том, что оно должно быть рассмотрено подробно, в частности должны быть подвергнуты детальному анализу срок наступления и вопрос о равновесии сил на различных фронтах.

Г-н Бриан указал, что есть значительная разница между качествами неприятельских войск в настоящее время и в начале войны. Прежде все неприятельские дивизии состояли из отборных бойцов, а в настоящее время только часть неприятельских войск может считаться соответствующей такому названию. Поэтому на значительном протяжении германского фронта мы должны встретить войска весьма посредственные. Г-н Бриан именно так оценивал стратегическое положение противника. Он не отвергал моего предложения, но настаивал на том, что оно требовало тщательного рассмотрения.

Русский посол указал, что было бы чрезвычайно важно добиться согласования планов союзников. Он считал, что мое предложение имеет многое за себя.

Г-н Бриан указал, что операция на Сомме спасла Верден, падение которого было бы большим бедствием для союзников. Барон Соннино указал, что можно рассматривать вопрос с двух точек зрения:

1. Исходя из того, что итальянские войска нуждались только в материальных ресурсах.

2. Исходя из того, что итальянцам необходимы были дополнительные войска.

Г-н Бриан заметил, что генерал Кадорна наверное имеет в виду сделать какое-нибудь определенное предложение по этому поводу. Я просил генерала Кадорна рассмотреть вечером мое предложение и на следующий день представить конференции свое мнение по этому поводу.

Барон Соннино выразил мнение, что для генерала Кадорна было

бы лучше познакомиться с моими взглядами теперь же, и предложил вызвать его на конференцию. В этот момент генерал Кадорна сам прибыл на конференцию, и барон Соннино объяснил ему мое предложение. Генерал Кадорна заметил, что он уже ознакомился с моим меморандумом. Он указал в качестве одного из менее серьезных возражений, что ему трудно было бы согласиться с мыслью о наступлении на Полу. Наступление на Полу отвлекло бы Италию от главной цели — от наступления на Любляны по дороге в Вену. В этом пункте я вмешался в разговор и указал, что буду вполне удовлетворен, если генерал Кадорна сможет, получив подкрепления, наступать на Вену.

Генерал Кадорна спросил, как долго он сможет располагать предоставленными ему военными материалами. Этот вопрос казался ему чрезвычайно существенным. Из разговоров с генералом Лиотэ и Робертсоном он вынес впечатление, что ему пришлось бы вернуть военное снаряжение к маю. Он напомнил конференции, что артиллерия должна была быть возвращена за 8 или 10 дней перед тем, как предполагалось наступление, если эти орудия вообще могли быть полезны для наступательных действий. Затем следовало принять в расчет время, необходимое для перевозки орудий из Франции и обратно во Францию. Следовало также учесть время, необходимое для погрузки и разгрузки их на железной дороге. Нужно было учесть и целый ряд технических моментов, как то: контроль прицела, применение метрических мер (вместо английских мер), порядок стрельбы и т. д.; необходимо было некоторое время для того, чтобы приспособить английскую и французскую артиллерию к итальянским методам. После всего этого много ли времени еще останется у итальянского командования? Если артиллерия будет предоставлена Италии на достаточно долгий срок, то конечно, заявил Кадорна, он был бы этому очень рад. Генерал Кадорна далее указал на опасность наступления австро-германцев из Трентино, — опасность, которая представлялась ему весьма значительной. До тех пор пока горы были покрыты снегом, итальянцы могли считать себя в безопасности. Но после мая генерал Кадорна считал возможным наступление в двух пунктах. Я был возмущен тем, с каким малым энтузиазмом Кадорна отнесся к предложению, сделанному Италии одним из наиболее могущественных союзников коалиции о предоставлении ему снаряжения, необходимого для продолжительной атаки против австрийцев. Кадорна явно пренебрегал возможностью получить тяжелую артиллерию, которая пополнила бы его недостаточное снаряжение. Я обернулся к сэру Морису Ханки и сказал: „Вот старичок отказывается от пушек". Соннино слышал это замечание и от своего имени разъяснил, что замечания генерала Кадорна сводились лишь к тому, что если бы ему к определенному сроку пришлось возвратить пушки для наступления союзников на западе, у него не было бы времени провести какую-либо значительную операцию на итальянском фронте.

Я указал на то, что это могло относиться к французским пушкам, но я лично до настоящего времени не исключал возможности оставить

английские пушки на более продолжительное время на итальянском фронте.

Г-н Тома выразил удивление по поводу моего последнего замечания. Он указал, что я выступал так, как будто бы у меня были неограниченные ресурсы. В одно и то же время я говорил о посылке орудий в Россию и в Италию. Но можно ли это сделать без изменения соотношения сил на западном фронте? Я ответил, что в настоящий момент на английском фронте было вдвое больше тяжелых орудий, чем в начале битвы на Сомме. Я указал, что мы не давали обязательства уделить определенное количество орудий для французского фронта. В настоящий момент, сказал я, мы обладаем втрое большим количеством военного снаряжения, чем мы имели в начале наступления на Сомме. Более того, если бы мы предоставили еще 250—300 тяжелых орудий Италии, то к концу февраля мы имели бы возможность при современных размерах производства полностью восстановить это количество. Г-н Тома без сомнения имеет право говорить о положении Франции, но я считал себя в праве самостоятельно судить о положении с артиллерией в Англии. Генерал Кадорна указал, что он будет счастлив иметь в своем распоряжении большее число тяжелых орудий. Он с удовольствием принял бы их, но если он может располагать ими только в течение трех месяцев, считая от настоящего времени, то это для него не имеет никакого смысла.

Я ответил указанием, что конечно генерал Кадорна с удовольствием примет пушки. Каждый генерал хотел бы располагать большим количеством тяжелой артиллерии. Но не это было мотивом моего предложения. Генерал Кадорна должен был подумать над тем, мог ли бы он, если ему дадут большое число тяжелых орудий, провести на итальянском фронте значительную или даже решающую операцию для всех союзников. Именно по этому вопросу конференция желала знать его мнение.

Генерал Кадорна ответил, что он без сомнения мог бы провести значительную операцию при условии предоставления ему тяжелых орудий, но что эта операция по необходимости должна быть продолжительной. Возвращаясь к моему меморандуму, он указывал, что застать неприятеля врасплох при современных условиях неосуществимо. Неприятель без сомнения установил бы, что орудия перевозятся на итальянский фронт. Я указал однако что для неприятеля было бы уже некоторой неожиданностью, что союзники так тесно сотрудничают друг с другом. Я не намеревался сделать само наступление неожиданностью в тактическом смысле, но я полагал, что наша инициатива по необходимости разрушит планы неприятеля. Я спросил, чтó именно генерал Кадорна мог бы выполнить с помощью тяжелых пушек. Я не просил его дать мне немедленный ответ, но я хотел бы узнать, что он считает возможным сделать. Генерал Кадорна заявил, что он без сомнения может сделать гораздо больше, чем теперь на более широком фронте, и он обязался подумать над этим вопросом. Затем он покинул конференцию.

По вопросу о неожиданности наступления лорд Милнер указал, что, как нам всегда повторяли, мы не можем застать неприятеля врасплох. Однако неприятель всегда застигал врасплох нас. В качестве примера он привел Верден и наступление на Румынию; в обоих случаях мы были застигнуты врасплох, и инициатива оставалась в руках неприятеля. Генерал Кадорна указал, что он мог бы сделать кое-что, если бы ему были предоставлены новые орудия, но мы хотели знать другое — сможет ли он предпринять в этом случае действительно значительную и успешную операцию? Не стоило бы перевозить пушки только для того, чтобы выиграть пять миль вместо трех. Но если бы удалось осуществить прорыв, тогда дело другое. Во всяком случае захват стратегической инициативы в наши руки на этом фронте не мог не разрушить планов неприятеля, даже если бы полная тактическая неожиданность была бы вообще неосуществима.

Выводы, к которым в конце концов пришла Римская конференция, заключались в следующих восьми предложениях:

1. Конференция в принципе соглашается на установление в будущем более тесного сотрудничества между союзниками. Конференция согласна с тем, что в дальнейшем необходимо устраивать более частые совещания союзников.

2. Конференция считает необходимым для успеха дела союзников, чтобы западные державы приняли немедленные меры для предоставления дружественной русской армии необходимой артиллерии и военного снаряжения, с тем чтобы дать России возможность полностью использовать ее огромные людские ресурсы и прорвать германский фронт на востоке.

Для того чтобы провести на практике вышеприведенную резолюцию, правительства, представленные на конференции, соглашаются далее, что их представителям на предстоящей конференции в России должны быть даны все полномочия для принятия тут же необходимых решений, после телеграфной санкции в случае надобности своих правительств.

3. Конференция одобряет в принципе установление новых путей сообщения с Македонией, для того чтобы сократить морской путь, который в настоящее время находится под серьезной угрозой атаки со стороны подводных лодок; тем самым зависимость военных операций от морского транспорта уменьшится.

С этой целью итальянский министр транспорта взял на себя обязательство обсудить совместно с английскими и французскими экспертами, которые должны были быть командированы в Рим, вопрос о перевозке союзных войск и материалов по итальянским железным дорогам до портов южной Италии. Он указал на то, что разрешение этого вопроса зависело главным образом от количества подвижного состава, который может быть предоставлен в распоряжение итальянского правительства. Этого можно было лучше всего достигнуть, перебросив в Италию подвижной состав из Франции, который легче мог быть обслужен итальянскими паровозами, чем английские вагоны; английские вагоны могли быть посланы во Францию, для

того чтобы заменить по возможности вагоны, взятые из Франции. С целью использовать новую линию коммуникации с Монастырем и Санти-Кваранта французское правительство взяло на себя обязательство послать в Италию две группы инженеров путей сообщения, а итальянское правительство обязалось сделать все, что было в его силах, для посылки на Балканы итальянских гражданских инженеров и примерно двух тысяч рабочих.

4. Конференция одобрила немедленное вручение греческому правительству от имени четырех правительств специальной декларации, помещенной в приложении к решениям конференции.

5. Конференция выразила согласие со следующими принципами действий генерала Саррайля по отношению к Греции:

а) в течение предусмотренных декларацией 48 часов генерал Саррайль не должен предпринимать никаких военных мероприятий против Греции;

б) если за декларацией последует отказ Греции подчиниться, генералу Саррайлю должно быть предоставлено право по своему усмотрению принять такие военные меры, какие он сочтет необходимыми для безопасности союзных армий на востоке;

в) если условия, установленные в союзной декларации, будут приняты и выполнены греческим правительством, генерал Саррайль не должен предпринимать военных действий по отношению к Греции без согласия союзных правительств;

г) если греческое правительство примет условия, предусмотренные декларацией, но не выполнит их в течение двух недель, установленных декларацией, генерал Саррайль должен заручиться согласием британского, французского, итальянского и русского правительств, перед тем как взять на себя инициативу военных действий.

6. Представленные на конференции правительства согласились между собой, что в будущем взаимоотношения между главнокомандующим союзной армией на востоке и генералами, командующими корпусами различных стран, должны быть основаны на тех же принципах, на которых основывались взаимоотношения между британским главнокомандующим и командующими французскими силами в галлиполийской экспедиции, т. е. командир каждого из союзных корпусов должен выполнять приказ главнокомандующего в области военных операций, при том условии, что он сохраняет право непосредственных сношений со своим собственным правительством.

7. Конференция убедилась в благоприятных возможностях, представляемых итальянским фронтом для объединенного наступления трех западных союзников. Участники конференции соглашаются в том, что вопрос о предоставлении помощи западными союзниками итальянской армии на Карсо должен быть поставлен перед военными советниками союзных правительств, для того чтобы три заинтересованные правительства могли принять по этому вопросу определенное решение.

8. Конференция приняла решение о созыве в кратчайший срок технической конференции в Лондоне по вопросам мореплавания и судоходства.

Упомянутое выше в четвертом пункте резолюции конференции приложение содержало французский текст ультиматума Греции. В этом документе союзники указывали на свою решимость оградить свои армии от угрозы, созданной наличием греческих войск у них в тылу. Безопасность союзников была бы обеспечена в случае отвода греческих войск в Пелопоннес в кратчайший срок, как это было предусмотрено в нашей ноте Греции от 14 декабря и во второй ноте от 31 декабря. Необходимо было также, чтобы союзники имели полную возможность контролировать передвижение греческой армии. Если в течение 48 часов после получения этой декларации греческое правительство не выразило бы своего согласия выполнить требования союзников, последние сохраняли за собой полную свободу действий, для того чтобы оградить безопасность своих армий другим путем. Со своей стороны союзники, относясь с уважением к желанию греческого правительства сохранить нейтралитет в войне, готовы были препятствовать вторжению сторонников Венизелоса на территорию Греции или захвату контроля над территориями, все еще находившимися под управлением королевского правительства. Союзники готовы были снять блокаду, лишь только их требования будут удовлетворительно выполнены.

Этот ультиматум возымел свое действие.

Забегая несколько вперед в оценке последствий Римской конференции для салоникской экспедиции, я скажу, что хотя греческое правительство проявило определенное желание уклониться от выполнения союзного ультиматума, оно тем не менее было вынуждено соблюдать его условия. К концу января генерал-бригадир Филипс имел возможность сообщить, что хотя вся греческая армия и не была в назначенный день уведена к югу от Коринфского перешейка, однако достаточное число греческих солдат было уже отправлено на Пелопоннес, а остальная часть армии Константина не представляла для нас никакой угрозы. Создавшееся к тому времени положение было настолько удовлетворительно, что мы уже имели возможность частично санкционировать смягчение блокады.

Римская конференция приняла между прочим решение, которое в дальнейшем имело важные результаты. Она временно разрешила греческий вопрос. И по отношению к Афинам и по отношению к Салоникам Римская конференция избавила нас от поспешных шагов, которые могли бы нанести ущерб делу союзников. Римская конференция приняла в области транспорта решение об использовании итальянских железных дорог для перевозки войск и военных материалов из Франции в Бриндизи. Это соглашение позволило нам сократить спрос на наш тоннаж и, что еще более важно, оно в конце концов позволило французским и английским войскам притти на помощь разбитой итальянской армии после Капоретто без всякой потери времени.

Быть может одним из наиболее важных решений была резолюция о созыве межсоюзнической морской конференции для согласования политики союзников в области морского транспорта. Ка-

жется невероятным, что такая конференция не состоялась ранее. На самом деле руководители военных действий союзников, казалось, никогда не понимали того, что транспортный вопрос являлся решающим вопросом во всех их затруднениях.

Центральные державы имели несомненное преимущество перед союзниками в том, что они действовали по внутренним коммуникационным линиям. Мы овладели важнейшим преимуществом — господством на море. Мы должны были учесть оба эти факта со всеми вытекающими отсюда последствиями и принять немедленные меры, для того чтобы нейтрализовать превосходство неприятеля, занимавшего центральное положение, и в большей мере использовать наше собственное превосходство на море. Но в тот момент мы начинали четвертую кампанию, и союзники решили в первый раз заняться более подробно рассмотрением одной из наиболее существенных проблем всех военных действий. В этом отношении переговоры в Риме имели крупное политическое значение.

Я не был в состоянии убедить французов даже в принципе согласиться с мыслью о возможном объединенном наступлении на итальянском фронте; прохладное отношение Кадорны роковым образом помешало мне настаивать на моем предложении.

Ввиду попыток приписать мне всю ответственность за наступление Нивелля вследствие того, что я так горячо стремился обеспечить успех его начинания, когда наступление Нивелля было уже решено, я считал для себя необходимым процитировать выше те места из моих римских выступлений, в которых я настаивал на отказе от проекта большого весеннего наступления во Франции и на сосредоточении нашей наступательной артиллерии на итальянском фронте. Читатель увидит, что мне не удалось убедить союзников пойти по этому пути. На последующей Парижской конференции в ноябре все союзники согласились с планами, выработанными в Шантильи. Эти планы представляли своего рода военный пакт, принятый всеми заинтересованными правительствами. Для серьезного изменения условий этого пакта необходимо было согласие всех подписавших Парижскую конвенцию. Между тем Франция твердо стояла на своем, а Италия проявляла полное безразличие. Поэтому без серьезного конфликта между союзниками не представлялось возможным внести какое-либо стратегическое изменение в этот „военный пакт“. В конце концов конференция согласилась с предложением, которое я уже цитировал в качестве седьмого параграфа ее выводов:

> „Конференция убедилась в благоприятных возможностях, представляемых итальянским фронтом для объединенного наступления трех западных союзников. Участники конференции соглашались с тем, что вопрос о предоставлении помощи западными союзниками итальянской армии на Карсо должен был быть поставлен перед военными советниками союзных правительств, для того чтобы все три заинтересованные правительства могли принять по этому вопросу определенное решение“.

Я был разочарован этим результатом конференции. Когда мы подошли к действительному, а не показному соглашению стратегических планов, — конференция не нашла окончательного решения, и генеральные штабы остались хозяевами положения. Для этого было много причин.

Профессионал считает вопросом чести защищать мнения своих коллег против всех тех, кто стоит вне данной профессии, даже в тех случаях, когда последние опираются на непреложные факты. У меня нет сомнения в том, что это справедливо и в отношении верховного командования. Я видел, как профессиональное чванство действовало в Риме. Я знал, что Кадорна был сторонником объединенного наступления на итальянском фронте. Но он не боролся за свою идею даже тогда, когда английский премьер предоставил ему эту возможность. В Шантильи его убедили принять иной стратегический план.

Здравый смысл генерала Кадорны должен был отступить перед престижем людей, авторитет которых был больше его собственного. Он заключил с ними определенное соглашение, своего рода военную конвенцию, и крайне неохотно решался предпринять что-либо, означавшее нарушение слова, данного им его собратьям — командующим армиями. Робертсон и французские генералы виделись с ним, до того как он прибыл на конференцию, и настояли на выполнении им своего обязательства целиком, даже если бы ему пришлось отказаться от самого лучшего шанса добиться величайшего триумфа для своей страны. Профессиональная честь стояла на его пути. Она объясняла колебания Кадорны и его возражения, она же заставила его изобрести целый ряд препятствий. Для того чтобы оправдать отказ Кадорны принять мощную поддержку, которую я предлагал, Робертсон и Лиотэ заявили, что тяжелые орудия предоставляются ему только во временное пользование и должны быть возвращены на западный фронт до мая. После того как я снял это условие на конференции, им нельзя было более пользоваться в качестве предлога для отказа от поддержки. Но когда я заявил Кадорне, что по крайней мере английская артиллерия не будет уведена, он попросту пренебрег моим замечанием. Угроза увода тяжелой артиллерии была лишь частью общего заговора, и Кадорна в душе должен был знать об этом. Если бы Кадорна начал успешное наступление в марте или апреле, ни один французский или английский генерал не посмел бы настаивать на уводе хотя бы одной единственной пушки. Неудаче моей попытки пересмотреть союзную стратегию способствовало также то, что французские министры — Бриан и Альбер Тома — решительно поддерживали представителей своего штаба. Их действия казались невероятными для тех, кто был знаком с их прежним отношением к вопросу. Они были и всегда оставались ревностными защитниками „обходных“ движений. Они никогда не верили в стратегию истощения. С января 1916 г. они последовательно защищали идею атаки на более слабый неприятельский фронт. Почему же они в такой мере изменили свои позиции на Римской конференции? В следующей главе я попытаюсь осветить и этот поворот.

Глава сорок восьмая

ПСИХОЛОГИЯ И СТРАТЕГИЯ

ТРУДНОСТИ ВОЕННОГО СОЮЗА

Вдумываясь в прения Римской конференции, я испытывал чувство беспокойства, потому что стратегия коалиции была продиктована не одними лишь соображениями военной выгоды для союзников вместе взятых.

Выдвигавшиеся на конференции аргументы, казалось мне, имеют лишь слабое отношение к различным предложениям, исходившим от той или иной делегации. В каждом отдельном случае поддержка или сопротивление определенному плану вызывались мотивами, о которых представители союзников в переговорах между собой друг другу ничего не сообщали. Мой жизненный опыт показал мне, что обыкновенно действия людей определяются не столько открытой аргументацией, сколько мотивами, которые никогда не раскрываются в дискуссии. Стоит только преодолеть эти нераскрытые импульсы или предрассудки, как задача увещевания становится гораздо проще. Дорога убеждению открыта. В пользу отказа помочь Кадорне тяжелой артиллерией, столь необходимой ему для начала широкого наступления, на конференции выдвигались соображения настолько тривиальные, что они не могли быть подлинными. В чем же заключалось действительное препятствие?

Луиджи Виллари в своей увлекательной книге „Война на итальянском фронте“, упоминая о моем римском плане объединенного наступления на итальянском фронте, пишет:

> „Враждебность английских и французских военных представителей привела к отказу от плана Ллойд Джорджа. Это не был вопрос личной или национальной зависти с чьей-либо стороны, а просто вопрос разногласий между двумя школами военного дела. Кадорна верил в принцип концентрации против слабейшего неприятеля, а его британские и французские коллеги — против сильнейшего“ *.

---

* *Luigi Villari,* The war on the Italian front, p. 104.

Это мнение доказывает, что автор с большим великодушием умеет находить остроумный выход из положения, но его доводы не делают чести знакомству автора с человеческой природой.

Все теперь привыкли обращать внимание на странное переплетение мотивов, объясняющих поведение человека; это общее место. Поведение человека исходит из мотивов сложных, противоречивых, эгоистических и альтруистических, великодушных и низменных, благородных и пошлых; иногда поведение человека отражает борьбу между равными по силе страстями: все эти страсти умещаются в одной душе, все эти чувства управляют одним человеком в одно и то же время. Смешение чувств при одной руководящей страсти определяет характер человека. У некоторых натур разные свойства характера дают сочетание страстей в виде резких пятен. Ошибочно было бы думать, что лучшие люди лишены худших страстей, что у худших из нас нет и следа добра. Иногда даже у человека благородного могут возобладать чувства, далеко расходящиеся с его характером, и в этом случае его близкие бывают поражены и разочарованы.

Разве на Римской конференции не было личной и национальной зависти, которая лишила участников способности беспристрастно судить о событиях, в частности когда речь шла о проекте наступления из Италии? Разве люди, занимающие высокое положение, завоеванное ими благодаря их интеллектуальным дарованиям, кристальной честности и подлинным достижениям, совершенно свободны от этих низменных чувств? Я приведу пример, заимствованный из неприятельских источников. Великий австрийский главнокомандующий Конрад фон Гецендорф был стратегом большого таланта. Я слышал об этом от многих военных критиков и читал произведения, в которых его называли самым крупным стратегом войны. В кампанию 1916 г. ему пришел в голову план выбить Италию из рядов противников атакой из Трентино. Сопротивление итальянской армии Конрад собирался сломить превосходной артиллерией, поддержанной многочисленной пехотой. Это была вполне осуществимая операция: было известно, что Италия весьма слаба по части тяжелой артиллерии и что ее запасы снарядов недостаточны. Итальянскому командному составу в это время недоставало необходимой подготовки и опыта в маневрировании большими массами. Пока итальянская армия занимала сильные и укрепленные позиции в горах, легкая артиллерия и артиллерия среднего калибра еще позволяли ей отражать атаки неприятеля вплоть до момента его генерального наступления в Трентино в мае 1916 г. Но как только итальянцы были сброшены в долину, у них не было времени окопаться, а недостаток пушек и маневренных способностей не мог не повлиять на их систему обороны.

Весной 1916 г. Франция и Англия еще уступали центральным державам в области тяжелой артиллерии и поэтому не были в состоянии в момент, когда они сами вели крупную атаку на западном фронте, предоставить итальянцам то вооружение, с помощью которого итальянцы могли бы отразить сильнейшую атаку австро-германской коалиции. Если бы германцы в этот момент помогли осуществлению

австрийского проекта посылкой нескольких дивизий и дополнительного количества тяжелых орудий, австрийцы располагали бы достаточными наступательными силами для выполнения всей намеченной операции без всякого ущерба для своей оборонительной позиции на Карпатах. Фон Гецендорф представил свой план Фалькенгайну, который решительно отверг его. Почему? У Фалькенгайна был также и свой план.

Фалькенгайн предлагал выбить из строя Францию, сломив боевой дух ее превосходной армии на наковальне Вердена. Если бы боевые качества французской армии были уничтожены, у союзников не оставалось бы ничего, чем можно было ее заменить. Англия не была еще готова; ее добровольческая армия еще не была тренирована для борьбы. Ее артиллерийское вооружение и снабжение снарядами не было обеспечено. Мы все знаем теперь, как сильно недооценивал Фалькенгайн силу сопротивления французского солдата и как дорого ему обошлась эта недооценка. Мы также знаем, что если бы австрийцы начали свое наступление из Трентино в марте или апреле вместо конца мая (а это было возможно при условии согласия немцев на австрийский план), то русские не были бы в состоянии нанести австрийцам знаменитый брусиловский удар. Таким образом своевременная отправка на итальянский фронт германской тяжелой артиллерии и нескольких германских дивизий в сочетании с лучшими качествами германского руководства могли бы превратить итальянское поражение 1916 г. в оглушительный разгром Италии. Это было бы еще бо́льшим крахом, чем Капоретто, более смертельным, чем последнее, так как направление удара шло в тыл итальянским армиям на Изонцо. Успех наступления должен был поэтому закончиться полным крушением всей итальянской системы обороны. В 1916 г. союзники еще не приняли тех мер, которые были согласованы между ними в 1917 г. в результате Римской конференции, — перевозка войск на помощь Италии на случай австро-германского наступления не была еще намечена. Это упущение вызвало бы потерю нескольких недель для оказания действенной помощи находящимся в тяжелом положении итальянцам — промедление, которое оказалось бы роковым. Даже когда английские и французские войска появились бы на сцену, они не имели бы возможности привезти с собой такое количество тяжелых орудий, которое позволило бы возродить дух разбитой и деморализованной армии на открытых долинах Ломбардии, вдобавок под огнем артиллерии, превращавшей в порошок форты Вердена.

Италия не стала бы просить мира, но ее потери людьми и военными материалами были бы огромны. Ее фабрики и заводы, при помощи которых она могла бы восполнить материальные потери, были расположены главным образом в северной Италии, которая была бы в этом случае занята неприятелем; деморализация Италии была бы тем значительнее и глубже. Для того чтобы оправиться от поражения, Италии понадобился бы по крайней мере год. В качестве эффективной нападающей страны Италия была бы выведена из строя

до конца войны. Это был блестящий стратегический план. Почему же Фалькенгайн отказался испытать его?

Рассмотрение вероятного влияния такого успеха на положение отдельных личностей и стран поможет нам найти подлинный ответ на этот вопрос.

Возможность полного провала плана была исключена. Следовало по крайней мере ожидать частичного успеха. Если бы успех оправдал хотя бы скромные надежды, самая большая победа за все время войны выпала бы на долю Конрада, а не Фалькенгайна. Если бы уничтожение итальянской армии в 1916 г. обеспечило окончательный триумф армий центральных держав, героем тевтонов стал бы Конрад, а не Фалькенгайн. С другой стороны, если бы план Фалькенгайна о прорыве под Верденом привел к уничтожению французской армии, он завоевал бы себе навеки имя в германской военной истории. Рассмотрим более детально шансы обоих планов. Если бы итальянская армия была уничтожена, это был бы успех австрийской армии. Германский корпус составил бы не более одной четверти общих сил победителей. Престиж австрийских войск превзошел бы престиж непобедимых прусских легионов. Борьба между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германской империи была только временно разрешена единственным сражением в войне 1866 г. (при Садовой. — *Прим. перев.*). Было явно нежелательно, чтобы австрийские военные успехи оказались значительнее военных успехов пруссаков. Ни один настоящий пруссак не мог равнодушно отнестись к такой возможности или с энтузиазмом способствовать ей. Фалькенгайн был пруссаком от головы до ног. С национальной и личной точки зрения германская победа под Верденом представлялась Фалькенгайну более желательной для его страны, чем австрийская победа в Трентино.

Сам Фалькенгайн близко подошел к признанию этих мотивов, говоря о причинах своего отрицательного отношения к плану Конрада:

> „Когда мы подошли к вопросу о том, как нам справиться со странами, играющими роль британского орудия на континенте, Австро-Венгрия настаивала на немедленном сведении счетов с Италией. Мы не могли согласиться с этим предложением. Если бы мы приняли его, оно представляло бы выгоды одной лишь Австро-Венгрии, усилило бы ее в будущем и непосредственно не оказало бы никакого влияния на исход войны в целом“ *.

Высказывал ли Фалькенгайн открыто это соображение своему генеральному штабу? Я позволю себе сомневаться в этом. Напротив, я уверен, что он никогда не решился взять перо в руки, для того чтобы изложить эти аргументы на бумаге. Наверное нет. Влияние этих мотивов было подсознательным, если не бессознательным. Тем не менее эти мотивы не являлись главным основанием его решения; они укоренились так глубоко в его душе, что он мог сам не отдавать

* «Мемуары Фалькенгайна», стр. 215—216.

себе в этом отчета. Выставленные Фалькенгайном аргументы носили чисто стратегический характер. В своей книге он приводит аргументы в пользу наступления под Верденом вместо наступления в Трентино. Эти аргументы явно недостаточны, для того чтобы изменить мнение такого умного человека и такого способного солдата. Это не означает, что сам Фалькенгайн не убедил себя в том, что наступление под Верденом действительно может выполнить поставленную им задачу — полного уничтожения наиболее мощной из союзных армий. Он был искренно убежден, что его план был лучшим из всех. Если бы этот план удался, он несомненно был бы самым лучшим. Но обстоятельства были против него; шансы на успех Фалькенгайн не проанализировал сколько-нибудь беспристрастно. Когда человек колеблется между двумя путями, в пользу каждого из которых можно привести многое, решающим является личное пристрастие и личные предрассудки, — а там „где душевных страстей подымается вал, справедливости там не ищи“.

Там, где пробуждается патриотизм — это великое „я“, немногие люди (и люди непопулярные) в состоянии сохранить должное беспристрастие.

Фалькенгайн был одним из самых благородных людей, выдвинутых войной. Его патриотизм был столь же силен, как патриотизм Жоффра, Нивелля, Фоша, Кадорны, Хейга и Робертсона. Но он не был столь узок. Можно ли в таком случае считать, что решения союзных генералов по вопросам военной стратегии были более свободны от соображений выгоды, чем решения Фалькенгайна? Замените Фалькенгайна Нивеллем и место Конрада предоставьте Кадорне, замените Пруссию Францией и на место Австрии поставьте Италию,— и аналогия будет полной, а выводы неотразимыми. Нивелль, убежденный в том, что именно ему удастся прорваться сквозь германский фронт и с помощью своих победоносных армий начать повторное завоевание Эльзаса, не считал себя обязанным отказываться от этого триумфа, чтобы позволить Кадорне освободить Триест для Италии. Если французская армия была убеждена в том, что ей удастся разгромить на самом мощном участке величайшую военную крепость, которую когда-либо видел мир, то почему французы должны были отказаться от этого блестящего успеха, для того чтобы уступить лавры итальянским солдатам? Ведь в этом случае именно итальянцам удалось бы пробить еще более широкую и более важную брешь в стенах того же бастиона... Зависть Франции к Италии заключала в себе элементы, которых не было в прусской зависти по отношению к Австрии. Французы рассматривали самое существование объединенной Италии, как нечто, недавно созданное доблестью французской армии. Для французов Италия была еще объектом покровительства. Поэтому позиция Франции по отношению к Италии могла быть выражена следующей фразой: „Если бы мы не сражались и не проливали крови, чтобы сделать Италию свободной страной, она все еще оставалась бы австрийской провинцией“. В частных разговорах французы всегда с насмешкой отзывались об итальянских солдатах и моря-

ках. Отношение французов к Италии было выражено в циничном замечании одного французского государственного деятеля. Италия колебалась, следует ли ей присоединиться к союзникам или позволить Австрии купить ее нейтралитет территориальными уступками. Когда этого государственного деятеля спросили, что сделает Италия, он ответил: „Она полетит на помощь победителю". Героические подвиги ее солдат, штурмовавших почти неприступные горные вершины, захват системы окопов, защищенных превосходной артиллерией, тяжелые потери итальянской армии вследствие недостаточного артиллерийского вооружения, поразительные достижения итальянских инженеров, — все это французы совершенно игнорировали, и каждый француз встречал всякое упоминание о достижениях Италии насмешкой.

Через несколько недель после Римской конференции я получил от хорошо осведомленного английского чиновника в Италии конфиденциальный отчет, небольшой отрывок из которого, имеющий ближайшее отношение к этому аспекту итало-французских отношений, я привожу ниже:

> „...Обращаясь к мысли о будущем, я более всего взволнован отношениями Италии и Франции. Несмотря на весь внешний блеск, все разговоры о братской дружбе и единстве латинской расы, итальянцы — я в этом не сомневаюсь — не доверяют французам и глубоко оскорблены высокомерным отношением к ним „латинской сестры". В качестве союзницы обеих стран Англия должна стремиться смягчить это взаимное недружелюбие и поддерживать равновесие между Францией и Италией; между тем наша явная поддержка французской точки зрения, будь то в отношении переговоров о Малой Азии, или по вопросам греческой политики и отношений к венизелистам, в вопросе о блокаде и в других областях, влечет за собой, я опасаюсь, недоверие к ним со стороны итальянцев, недоверие не столько к нашей дружбе или лойяльности, сколько к нашим суждениям и к нашему чувству меры. Я не мог не почувствовать, что итальянцы смотрят на нас, как на людей, обманутых французами, и до известной степени я не уверен, что они не правы. В вопросах, в которых они сами заинтересованы, итальянцы обладают большим здравым смыслом и они поневоле судят о нас по своим собственным образцам, критикуя наше сентиментальное великодушие в вопросах, где сталкиваются политические требования и принципиальные соображения...".

Бриан и Тома, бывшие сторонниками наступления на Германию через Австрию, сделались явными и даже ярыми западниками, когда было предложено поставить Италию во главе союзного наступления в 1917 г. Мы с Тома были большими друзьями. Но когда было предложено, чтобы Италия заняла первое место в кампании 1917 г., Тома потерял терпение в разговоре со мной на Римской конференции.

Бриан и Тома красноречиво настаивали на необходимости усилить наши войска в Салониках, но когда то же было предложено для

итальянского фронта, они оказались не в состоянии уделить итальянцам что-либо за счет наступления Нивелля. В Риме мне пришлось первый раз столкнуться с этим завистливым и презрительным отношением французских генералов, государственных деятелей и дипломатов к Италии. Это было не в последний раз.

В этом заключается в значительной степени объяснение и оправдание агрессивной позиции, занятой Муссолини в течение первых лет его правления. Следует указать в интересах справедливости, что французы немедленно были готовы броситься на помощь Италии, когда та была разбита австро-германцами при Капоретто. Это находилось в полном согласии с исторической ролью Франции по отношению к Италии. Но когда речь шла о помощи Италии, для того чтобы та первой вошла под портик храма победы и первой надела на себя лавровый венок победителя, ни один французский патриот не мог согласиться с этой возможностью, — а все французы патриоты. Лучше сомнительный бой во Франции с возможной победой, чем безусловный успех в Италии с возможным триумфом.

Робертсон отнюдь не был в таком положении, как Нивелль. У него не было особого расположения ни к Нивеллю, ни к Кадорне; оба они были для него иностранцами и поэтому за ними нужно было тщательно следить. Его хроническая ксенофобия заставила его в данном случае проявить полное беспристрастие. Нивелля он в самом деле не любил, а к Кадорне относился в это время с известным высокомерием и даже презрением. Но главная британская армия находилась во Франции и Фландрии, и поэтому захват нескольких километров территории на этом фронте (предпочтительно на бельгийской почве) был более желателен, чем победа в другом месте.

Впоследствии он пытался обосновать свои возражения против объединенного наступления на итальянском фронте заявлением, что если Австро-Венгрия в результате такой атаки была бы разбита, Италия заключила бы сепаратный мир со своим разбитым противником и оставила бы нас одних дальше сражаться с Австрией и Германией *. Это была ничем не оправданная инсинуация, накладывавшая тень на честь великого народа. Но сам факт, что такая инсинуация могла зародиться у него в уме, показывает, что Робертсон не отрицал возможности полного успеха наступления на этом участке.

Французский и британский генеральные штабы обосновывали свои возражения против концентрации ударов на слабейшем фронте противника тем, что высшие стратегические принципы требовали нападения на самого сильного противника на наиболее укрепленном неприятельском фронте. Поистине удивительная теория! Если бы Франция и Фландрия были самым слабым фронтом противника, а Италия и Балканы — самым сильным, то для Жоффра, Нивелля, Хейга и Робертсона не встретилось бы никаких затруднений в применении своих стратегических принципов к требованиям этого фронта. В этом случае у меня нет никаких сомнений, что они с

* См. обсуждение боев при Пашенделе.

насмешкой отнеслись бы к той мысли, что следует бороться с противником на самом сильном фронте противника. Робертсон стал бы уверенным и догматическим сторонником теории Кадорны, а Кадорна превратился бы вероятно в скромного и вежливого сторонника теории Робертсона.

Интересно отметить, что через шесть месяцев после конференции в Риме (11 июня 1917 г.) генерал сэр Ян Гамильтон, обращаясь с письмом к Черчилю, выдвинул ту же точку зрения, которую я выдвигал перед своими коллегами в Риме. В своем письме к Черчилю он писал:

> „Теперь, когда слишком поздно надеяться на какой-либо успех на востоке, посмотрим, нет ли какой-либо другой альтернативы. Я пытался размышлять в этом направлении, сидя над картой, и полагаю, что помимо русского фронта остается еще одна прекрасная возможность. Что если бы итальянская армия, получив подкрепление, внезапно стала бы пробиваться на север по направлению к Вене? Я полагаю, что итальянцы могли бы прорваться и нанести австрийцам окончательный удар, немцы же не столько подготовлены в области транспорта и окопных сооружений, чтобы предупредить удар в этом направлении. Нелепая идея захвата Триеста могла бы быть использована в качестве предлога вплоть до последнего момента, а затем от нее можно было бы отказаться. Это идея чисто политическая, которая не даст ничего для окончательного исхода войны.
>
> Я всегда придерживался той точки зрения, что ни один генерал не должен атаковать неприятеля в самом сильном его пункте. Он должен сковывать его там, где он силен, и атаковать его там, где он слаб. В настоящее время север Италии дает нам большие шансы на действительно серьезные территориальные завоевания“.

Сэр Ян Гамильтон был не штатский политический деятель, а солдат, имевший большие заслуги. Быть может он более пригоден для занятия поста в генеральном штабе, чем для командования войсками действующей армии. Он был начальником штаба у генерала Китченера в Южной Африке, членом военного совета, и в течение пяти лет (1910—1915) главным инспектором наших экспедиционных войск, не говоря уже о том, что он командовал британскими войсками во многих кампаниях. Он был единственным командиром, который имел опыт и изучал современное военное дело. Он был свидетелем больших сражений в русско-японской войне. Это был безусловно не такой человек, взгляды которого в вопросах стратегии могли быть немедленно отвергнуты, и поэтому его поддержка моего предложения о наступлении из Италии является тем более показательной.

Петэн и два-три других французских генерала в марте выдвигали тот же план в качестве альтернативы к наступлению Нивелля. Одобрение этого плана выдающимися военными руководителями тем самым снимает с моих римских предложений обвинение в том, что они являются стратегическим планом профана.

Глава сорок девятая

ЖОФФР

Смена военного руководства во Франции привела не к изменению стратегии, а лишь к применению старой стратегии на новых участках фронта.

Когда я пришел к власти, звезда Жоффра уже закатилась. В течение двух с половиной лет он был фактически диктатором Франции. Правительство выполняло его приказы, или, вернее, предоставляло ему средства для их проведения. Жоффр не допускал никакого вмешательства гражданских властей в вопросы руководства военными действиями и не принимал с их стороны никаких предложений. Никто не решался в его присутствии или даже за его спиной критиковать его действия. Своей угрозой подать в отставку он зажимал рот всякого рода скептикам и ворчунам среди политических деятелей и журналистов. Его понимание задач сменявших друг друга министерств сводилось к тому, что правительство должно поставлять штабу людей, военное снаряжение и военные материалы, которые позволили бы осуществить военные меры, задуманные в данный момент главнокомандующим. На этом функции правительства кончались. Так как все усилия страны были направлены на борьбу с вторгшимся врагом, то Жоффр фактически правил Францией. Резкое обращение с людьми, которые во-время предупреждали его о предстоящей атаке на Верден, поколебало власть Жоффра. Его трон становился все более и более шатким. Разочарование, вызванное кровопролитными наступлениями на Сомме, не приведшими к цели, еще более поколебало его авторитет. Жоффр халатно отнесся к задаче своевременной подготовки помощи Румынии, бросившей вызов центральным державам, и эта ошибка окончательно подорвала остатки его престижа. Людендорф указывает, что союзники настойчиво торопили румын выступить на их стороне, не подготовив однако никакого плана совместных действий. Хотя британские генералы были так же виновны в этой ошибке, как и генерал Жоффр, однако он один нес ответственность за нее перед французским общественным мнением. В Англии пало правительство; во Франции осуждали главнокомандующего. В результате, несмотря на попытку Бриана взять Жоффра под свою защиту, главнокомандующего постепенно

лишили всякой власти и в конце декабря он сам подал в отставку.

Поскольку Жоффр нес главную ответственность за военную политику союзников в течение первых трех кампаний (можно сказать даже, что его идеи лежали в основе английской стратегии), я хотел бы дать здесь оценку его достоинств и недостатков. Все те, кто соприкасался с ним, не могут сомневаться в том, что Жоффр был человек поистине замечательный. Но его сила заключалась главным образом в его характере, а не в его способностях. Это был человек, обладавший всеми природными чертами крестьянина; крепкий, хорошо сложенный, выносливый, он обладал смелостью, доходившей до безрассудства, хладнокровием, переходившим в упрямство, умом, граничившим с хитростью. Если бы его умственные способности соответствовали его силе воли, он был бы крупнейшим деятелем войны. Его патриотизм, честность, смелость, настойчивость и чувство долга были выше всяких похвал. Это был человек, обладавший непреклонной волей, безграничной уверенностью в себе и лишь посредственными умственными способностями. Уверенность в себе давала ему спокойствие и уравновешенность в минуту опасности, а ограниченный ум лишал его инициативы, широты взглядов и воображения — свойств, необходимых в его положении главного ответственного лица. Ему пришлось столкнуться с военными задачами еще более значительными, чем даже Наполеону; но ему приходилось разрешать их, обладая умом, более посредственным, чем Велингтон или Грант. Подобно им он был превосходным профессионалом-солдатом, сделанным из хорошего материала и хорошо подготовленным к своему ремеслу. Подобно им он был прекрасным бойцом и умелым тактиком и, обладая неисчерпаемыми ресурсами, подобно Велингтону и Гранту мог бы в конце концов победить и гения. Его ум, как и ум его британского коллеги Хейга, мог действовать хорошо — подобно примитивному танку, когда перед ним была ограниченная цель, т. е. когда Жоффр или Хейг видели перед собой только один какой-нибудь участок действий. Достигнув намеченной цели, оба одинаково нуждались в переключении на следующий ход в игре. Но когда Жоффру и Хейгу приходилось думать о какой-либо более отдаленной цели или более широких задачах, они испытывали величайшие затруднения; для таких задач у них нехватало пороху, нехватало какого-то винтика в голове.

В тех случаях, когда полководец не располагает неисчерпаемыми резервами — людскими и материальными, упрямство в применении одной какой-нибудь тактики может лишь привести к бедствию. Именно это временно погасило в 1917 г. пламя французского патриотизма. Та же ошибка окончательно сломила верность России. Она же в 1917 г. едва не привела к крушению боевого духа английских войск. Руководство Жоффра в союзной стратегии на протяжении четырех кампаний отличалось удивительным суеверным преклонением перед магическим значением „плана“ без учета новых обстоятельств. Тщательно продуманный план кампании был конечно необходим, но для

такого человека, как Жоффр, план являлся целью „в себе“, независимым от новых фактов и новых условий. Сильная воля при гибком и разностороннем уме необходима во всяком значительном предприятии. Но если эта сильная воля сочетается с ограниченностью и упрямством — ошибки неизбежны. В таком случае упрямая воля всегда сталкивается с новыми фактами и попадает впросак, не зная, как справиться с новыми опасностями. План оказывается безошибочным только в том случае, если неприятель сам применяется к нему. Но иногда неприятель выходит из повиновения. Немцы оказались предательски коварными людьми—этого Жоффр и должен был ожидать со стороны такого врага, как Германия. Немцы каждый раз отказывались играть ту роль, которую Жоффр предназначал для них в своем „плане“. Союзные генералы виновны были в одном: они полагали, что их противники были так же умны, как они сами; между тем на самом деле противники иногда были несколько умнее.

Выдвинутый Жоффром план сопротивления германскому вторжению в 1914 г. был основан на предположении, что даже если немцы направятся через Бельгию, они пройдут не западнее Арденн. Эта ошибка не была бы столь гибельной, если бы Жоффр умел быстро примениться к неожиданным действиям противника. Но что стало бы тогда с его великим „планом“? Он считал, что нельзя отказаться от уготованного самой судьбой плана спасения страны из-за преходящих и случайных обстоятельств. Когда уже стало ясно, что германские армии намереваются обойти французские и британские войска с фланга, минуя Мобеж, Жоффр все еще не отказался от своего „плана“. В результате французам было нанесено поражение, и на целых четыре года северо-западные области Франции были заняты немцами. В течение трех кампаний Жоффр настойчиво продолжал свои наступательные операции, даже долгое время после того, как каждому трезвому солдату стало ясно, что таким путем ничего нельзя добиться, что в лучшем случае такая тактика может привести лишь к потере лучших офицеров и солдат. Жоффр пожертвовал Балканами ради одного из таких наступлений; им руководило здесь упрямое желание продолжать атаку, даже после того как операция окончательно провалилась. Жоффр был образцом тех военных кумиров, которым союзные народы поклонялись до тех пор, пока они не убедились в их непригодности. Неудачи ничему не научили наших великих генералов, напротив, каждая новая неудача приводила их только к следующему, еще более позорному и дорогостоящему фиаско.

У Жоффра, Хейга и Робертсона было много общего. Из них троих Жоффр был самой сильной личностью. Он конечно был лучше подготовлен и имел больший опыт в руководстве массовой армией. Все они обладали в общем одинаковыми качествами — это были ограниченные люди. Они были подлинными патриотами. Этим они не отличались от миллионов их соотечественников, — в одной лишь Англии во время войны более 4 миллионов молодых людей добровольно отправились на фронт, рискуя жизнью, рискуя стать кале-

ками на всю жизнь во имя родины, не рассчитывая на отличия или выгоды. Все трое были прилежными работниками; они честно выполняли свой долг, как они себе его представляли. К счастью для человечества этим качеством обычно обладает большинство людей, призываемых судьбой на какое-нибудь важное дело. Они знали свое дело в результате продолжительного изучения стратегии и некоторого хотя и незначительного опыта. В этом отношении все три генерала уступали хорошим работникам любой профессии, так как к счастью для человечества их военный опыт был непродолжителен. Ни один из этих трех полководцев не принимал участия в современной войне, не видел такой войны. Имевшийся у них опыт не соответствовал тому огромному делу, к которому они были призваны: их опыт уже устарел. Конечно патриотизм, честность, прилежание, знания и некоторый опыт имели существенное значение для оправдания той высокой ответственности, которую союзные правительства возложили на этих людей. Но этих качеств было мало для руководства таким огромным предприятием. Этим генералам недоставало инициативы, находчивости, гибкости, кругозора, воображения, готовности учиться на опыте, смелости и умения учиться на ошибках, а не упорствовать в них. Эти благородные люди обладали в общем большими недостатками. Весь мир по сегодняшний день страдает от последствий их ограниченности.

Французские государственные деятели в течение некоторого времени отдавали себе отчет в этих недостатках Жоффра. Они имели достаточно исторических оправданий, для того чтобы возможно скорее сместить Жоффра с поста главнокомандующего. Французская революция была спасена тем, что французское революционное правительство быстро сменяло неудачливых генералов. В великой войне союзники бывали разбиты в девяти случаях из десяти вследствие того, что союзные правительства не заменяли непригодных и некомпетентных людей компетентными. Сам Жоффр дал великолепный пример того, как нужно поступать с генералами, которые не соответствовали своему назначению; ведь не кто иной, как он, уволил целый батальон генералов после первого большого отступления. Он избавился от них до того, как они приобрели печальную общественную репутацию.

Подобно отношению английского общественного мнения к Китченеру, французское общественное мнение (в том числе солдаты) сохраняло доверие к Жоффру еще в течение долгого времени, после того как те, кто непосредственно имел с ним дело, уже стали сомневаться в его компетентности. Решительность Жоффра безусловно внушала веру в его силы. Очутившись в беде, измученный народ инстинктивно ищет сильного человека. Часто люди делают ошибку, полагая, что выдающаяся челюсть свидетельствует о высоком уме. Великие генералы, диктаторы и профессиональные боксеры обычно обладают выдающейся челюстью. Она-то и внушает к себе доверие у тех, кто делает на них ставку. Этим объяснялась популярность Жоффра. Почему собственно французское правительство не

сменило Жоффра? Победа на Марне спасла его от последствий самой серьезной из его ошибок. Этот триумф вместо наказания возвел его на пьедестал. Но за этим триумфом последовал ряд военных действий, которые, если исходить из критерия военной истории, должны были считаться поражениями. Почему же он и тогда не был лишен поста главнокомандующего? Разве не было ни одного генерала, который обладал бы бо́льшими способностями к командованию и следовательно мог бы заменить Жоффра? Фош участвовал в большинстве неудачных выступлений Жоффра от Артуа до Соммы. Поэтому Фош не подходил как преемник Жоффра. Кроме того Фош и Кастельно были оба ревностными католиками; горькие воспоминания о прошлом затрудняли во Франции назначение генералов-католиков на высшие командные посты. Петэн, Манжен и Франше д'Эспере имели за собой ряд успехов, но до тех пор еще не проявили тех блестящих дарований, которые необходимы для верховного командования в мировой войне. Жоффр сам выбрал своим преемником Нивелля, когда понял, что командование французским фронтом ускользает из его рук. Государственные деятели неохотно устраняют чиновников, которые честно и в меру своих способностей выполняют свой долг, только за то, что этим чиновникам не удаются сложные задачи; государственные деятели увольняют их лишь тогда, когда удается найти более способных заместителей. Французские политические деятели невооруженным глазом не видели никого, кто был бы способнее Жоффра. Поэтому Жоффр оставался главнокомандующим даже тогда, когда его слава уже померкла и его влияние во Франции и за границей давно пало. В конце концов он подал в отставку. Ему был пожалован фельдмаршальский жезл, который ему оставалось повесить в своей вилле в Париже. Его место занял Нивелль.

Глава пятидесятая

НАСТУПЛЕНИЕ НИВЕЛЛЯ

С уходом Жоффра многие полагали, что прежняя стратегия расходования огромных человеческих резервов на овладение бесконечным лабиринтом окопов, унизанных пулеметами и защищаемых самой могущественной артиллерией и самой тренированной пехотой мира, будет сдана в архив; многие надеялись, что новое командование не будет более полагаться на прорыв неприятельского фронта в результате расточительного обращения с человеческими жизнями.

Преемник Жоффра — генерал Нивелль был известен в качестве хорошего солдата; он заслужил репутацию осторожного, умелого и удачливого генерала в ужасных боях под Верденом. Его способности в качестве стратега в условиях более широкого театра военных действий еще не были доказаны. Но его блестящие заслуги под Верденом и его известные интеллектуальные достоинства заставляли ожидать того, что в лице Нивелля в главной квартире придет к власти новый и свежий человек, который сможет подойти к делу с иными критериями, чем его предшественник. Мы ждали, что он не будет связан традиционной тактикой и откроет новые возможности действий в этой великой войне. Мы надеялись, что таким образом удастся открыть новое, более уязвимое место в том железном кольце, которым окружили себя центральные державы.

Западный фронт стал для них крепостью, которая до сих пор устояла против всех попыток наступления со стороны самых сильных армий и самой сильной артиллерии союзников. Однако нам суждено было испытать разочарование. У нас нет оснований думать, что генерал Нивелль вообще уделял внимание другим фронтам, кроме того, на котором он командовал сам.

К сожалению, французское правительство, вместо того чтобы поручить Нивеллю, как это было при Жоффре, ведение всех военных действий, ограничило его функции командованием французской армией во Франции. Другие фронты находились вне его компетенции; он не изучал их и не руководил военными действиями на этих фронтах. Когда ему предлагали рассмотреть другие оперативные возможности, он отметал в сторону всякое предложение и наотрез отказывался даже вступать в дискуссию по этому вопросу. Он счи-

тал, что эти вопросы интересуют его лишь постольку, поскольку военные действия на всяком другом фронте могут привести к ослаблению сил, находившихся в его распоряжении на его собственном фронте. По мнению Нивелля, отклонению подлежал всякий проект или стратегический план, связанный в какой-либо степени с уводом солдат и артиллерии с французского фронта. С помощью новых идей трудно штурмовать эгоизм генеральских эполет. Война для Нивелля кончалась на фронте, где он был главнокомандующим. Всякий другой фронт или фланг играл для него „подсобную роль“. В дальнейшем я подробно расскажу о том, как убеждение в решающем значении французского фронта привело в этом году французскую армию на край гибели, едва не вызвало непоправимой катастрофы и погубило людей, составлявших цвет английской армии и нашедших себе могилу в грязных окопах Фландрии. Зато когда речь зашла о пересмотре принятых в Шантильи тактических решений, Нивелль обнаружил к этому живейший интерес. Он должен был оправдать смену главного командования, и новая задача несомненно представляла собой удобнейший случай для этого.

Чтобы быть справедливым к Нивеллю, следует указать, что у него были кое-какие новые идеи, которые были успешно использованы его преемниками и противниками на дальнейшей стадии войны. Но он сам не мог привести их в исполнение по причинам, которые только частично зависели от него. В результате бойня продолжалась; применялись те же нелепые и примитивные методы войны, которые господствовали при Жоффре. Разница заключалась только в том, что арена кровопролитных боев была перенесена с Соммы на Шмен-де-Дам. Вот по существу все выгоды, которые были достигнуты заменой Жоффра Нивеллем.

Как же случилось, что союзники соскользнули на кровавую дорогу прежней стратегии? Я намерен рассказать об этом в дальнейшем, не считаясь с последствиями того, о чем я расскажу, для репутации тех или иных военных и государственных деятелей, сыгравших в этом деле свою роль. Я не посчитаюсь и с тем, насколько пострадает от этого моя собственная репутация. Наступило время, когда необходимо предать гласности без всяких прикрас все факты, относящиеся к наступлению Нивелля и наступлению англичан при Пашенделе.

„Обходные движения“ в это время были уже немыслимы. Выше я указывал, почему в этом году была исключена возможность всяких балканских операций. Прорваться через Италию не представлялось возможным. Осторожность Кадорны и мягкотелость итальянского правительства позволили французам без лишних слов снять с порядка дня проект выступления французов на итальянском фронте. Было также и другое обстоятельство, которое вызвало повторный приступ наступательной лихорадки на западном фронте. Вплоть до декабря французская армия и французский народ, — а они составляли одно целое, поскольку каждая французская семья была представлена в армии, — не питали никакой веры в возможность прорыва на запад-

ном фронте. Каждый французский солдат, который защищал окопы Вердена или остатки его разрушенных фортов, каждый солдат, который бросался в атаку на защищенные пулеметами германские окопы на Сомме, знал, что беспримерная отвага нападающих встречалась с равной храбростью оборонявшихся; каждый знал, что и немцам и французам одинаково не под силу было захватить траншеи противников в такой короткий срок, который мог бы помешать противной стороне выстроить тотчас же за линией утерянных новую линию окопов, которую так же трудно было захватить, как и первую. Даже если бы Жоффр остался во главе армии, я сомневаюсь, чтобы французское правительство и французский народ согласились на повторение кампании на Сомме. Жоффр, который кое-как разбирался в настроении своих соотечественников, хорошо это понимал и сообщил об этом сэру Эдуарду Хейгу, побуждая его таким образом взять на себя более тяжкое и более кровопролитное наступление 1917 г. Хейг, сделавшись фанатиком стратегии на Сомме, согласился на это. В его распоряжении была великолепно тренированная армия, включавшая цвет британской молодежи. Он располагал превосходным набором новых пушек самого последнего образца. Так родилось соглашение в Шантильи.

Затем наступила одна из тех внезапных перемен, к которым легче склонить французов, чем их флегматичных соседей на Британских островах. Жоффр ушел в отставку, и командование было передано Нивеллю. Нивелль в течение пяти месяцев успешно защищал высоты Вердена. Это давало ему право на любовь каждого француза и каждой француженки. Англичанам трудно понять, что значит Верден для Франции. Во всем мире нет ни одного поля сражения, которое могло бы сравниться с Верденом. На высотах Вердена галлы и тевтоны вступили в смертный бой, подхлестываемые расовой враждой, имеющей тысячелетнюю давность. Они сражались без устали от февральских дождей до декабрьских снегов. Здесь творила свое страшное дело веками накопленная злоба. Она беспрерывно в течение десяти месяцев гнала людей на взаимное беспощадное истребление, не имеющее себе равного во всей истории человечества. Дорога, по которой шли подкрепления, по которой доставлялись пушки и снаряды, спасшие Верден, остается до сего времени священной для французов.

Генерал, который принимал решающее участие в организации и руководстве защитой Вердена и в конце концов добился успеха, прогнав немцев, — такой генерал мог рассчитывать на привязанность и благодарность всех своих соотечественников. Уже один дуомонский эпизод в борьбе за Верден мог создать Нивеллю репутацию не только превосходного полководца в упорной обороне, но и умелого руководителя в наступлении, а это заставляло относиться к его назначению с новой надеждой.

Нивеллю приписывали авторство того удачного плана, при помощи которого французам одним стремительным ударом удалось обратно захватить Дуомонский форт. Падение Дуомона в феврале больно

ударило по французскому самолюбию. Немцы изгнали французов из форта, который представлял собой последнее достижение инженерного искусства, достижение, которым французы по праву гордились и на которое они возлагали огромные надежды. Поэтому тот человек, которому удалось вернуть Дуомон, считался героем. Это был удачный удар, но это был также результат тщательно подготовленного и точно выполненного плана. Нивелль занимал всего лишь три дня пост главнокомандующего, когда он предпринял свою хорошо задуманную атаку на верденском участке, обеспечив неожиданность атаки кратковременной, но чрезвычайно мощной артиллерийской бомбардировкой и наступлением под прикрытием артиллерии. Через 48 часов ему удалось вернуть значительную полосу земли и захватить 11 тысяч пленных. Число пленных превышало число французских потерь. Французы полагали, что наконец появился настоящий главнокомандующий, который несет избавление истекающей кровью Франции, командир, который будет выигрывать сражения, не расточая жизни своих храбрых солдат.

Без сомнения значительная доля этого успеха принадлежит Манжену — одному из самых смелых и решительных генералов, которых выдвинула война.

Ввиду дальнейших отношений сэра Виллиама Робертсона к Нивеллю интересно привести здесь отчет Робертсона военному кабинету об удачной операции Нивелля 16 декабря 1916 г. вместе с комментариями Робертсона к стратегическому плану Нивелля.

„21 декабря 1916 г.

Французское наступление при Вердене явилось повидимому полной неожиданностью для неприятеля. За неделю перед тем была произведена сильная бомбардировка на обоих берегах Мааса, и повидимому это обстоятельство обмануло неприятеля, не позволив ему отгадать, где именно будет предпринято наступление. Быстрый захват Кот-де-Пуавр повидимому привел к тому, что для значительного числа неприятельских солдат путь к отступлению был отрезан. Потери неприятеля, не говоря уже о военнопленных, были повидимому очень велики. Силы обеих сторон были приблизительно равны.

Но 15 декабря, как и 24 октября, неприятель был застигнут врасплох; сопротивление неприятельских войск было легко преодолено равными или даже меньшими силами и сопровождалось исключительным по количеству захватом пленных и пушек. В наступлении 15 декабря французы взяли в плен около одной трети всех солдат неприятеля; пропорционально это самое большое число пленных, которое когда-либо было взято на каком-либо участке западного фронта в каком-либо бою.

Успех французов еще раз показывает, чего можно достигнуть ценой небольших потерь даже со сравнительно малыми силами, если наступление хорошо подготовлено и организовано и в особенности *если принять меры, для того чтобы застигнуть неприятеля врасплох.*

В данном случае немцы должны были знать на основании предварительной бомбардировки, что предстоит атака: неожиданность была достигнута изменением метода атаки — тем именно, что бомбардировка была применена на гораздо большем протяжении фронта, чем тот участок, на котором фактически была произведена атака; далее интенсивная бомбардировка на самом участке, где предполагалась атака, началась до восхода солнца; наконец наступление пехоты началось раньше, чем того ожидал неприятель... В печати много писали о „методе Нивелля“, который иногда сравнивали (делая выводы в пользу Нивелля) с британской тактикой на Сомме. Так называемый „метод Нивелля“ состоит главным образом в исключительно тщательной артиллерийской подготовке, комбинированной с системой артиллерийского прикрытия, при которой одна линия артиллерии движется непосредственно впереди атакующей пехоты. Для того чтобы этот метод оказался успешным, необходимо, чтобы пехота полностью доверяла точности и своевременности артиллерийской стрельбы...“

Эти две блестящих победы вызвали бурю восторга и надежд во всей Франции. Но что более всего произвело впечатление на умы французов — это то, что внезапность и неожиданность атаки позволили Нивеллю добиться успехов ценой небольших потерь. В стране, потрясенной и омраченной жертвами Вердена и печальными результатами бойни в Артуа, Шампани и на Сомме, нового вождя армии приветствовали как избавителя.

Общественное мнение во Франции было доведено до экзальтации; оно готово было приветствовать всякий стратегический план, исходивший от такого генерала. Когда в этой обстановке пошли умело распространявшиеся слухи, что Нивелль имеет какой-то „новый план“ и новый метод, при помощи которого он надеялся прорвать линию германских укреплений и изгнать из Франции ненавистного врага, ни один человек не посмел больше возражать против того, чтобы этот новый план был тотчас же испытан. Я понял совершившуюся перемену, когда встретился с осторожным Рибо в конце декабря на совещании в Лондоне. Направляясь через несколько дней вместе с французской делегацией в Рим, я убедился, что наступательная лихорадка заразила и Бриана и Альбера Тома, которые до сих пор были всегда убежденными сторонниками „обходных движений“.

Оба они до тех пор привыкли с насмешкой говорить о расчетах обоих генеральных штабов на „неизбежность прорыва германского фронта в настоящее время“. Я поэтому с удивлением наблюдал перемену, наступившую в их отношении к наступательным планам: эти люди стали горячими сторонниками нового большого наступления на западном фронте с целью прорыва линии германской обороны. Я уже цитировал отрывки из речи г. Бриана на конференции в Риме, где он ясно указал на то, что перемена его точки зрения была вызвана уверенностью в военном гении нового главнокомандующего, — уверенностью, возникшей после успехов Нивелля под Верденом. Бриан

подчеркивал существенную разницу между предстоящим новым наступлением и органическими недостатками всех других попыток наступления, между осторожностью новоявленного стратега и нереальностью планов его предшественников. Альбер Тома, который выступал принципиальным противником наступательных действий как на официальных конференциях, так и в частных разговорах, отныне, как я убедился, стал убежденным сторонником проектируемого наступления Нивелля. Он возражал против того, чтобы хотя одна пушка была снята с фронта, где предпринималась такая многообещающая операция. Было ясно, что эти два выдающихся государственных деятеля были захвачены бурей энтузиазма в пользу нового метода и нового полководца.

После конференции в Риме я понял, что противодействие этому эксперименту могло бы иметь катастрофические последствия для союзников. Если бы Кадорна и его правительство высказали больше предприимчивости, была бы еще возможность затормозить роковую тенденцию и предотвратить результаты, которых я больше всего опасался, выступая на конференции в Риме. Но в тот момент, когда план комбинированной кампании в Италии был снят с порядка дня вследствие возражений французов и безразличия итальянцев, единственной альтернативой при отклонении проекта Нивелля оставалось бы не предпринимать ничего и зарыться в своих собственных окопах, ожидая чего-нибудь, что произойдет само собой. Америка еще не объявила войны, и не было никаких оснований возлагать надежды на какие-либо новые факторы. На Востоке все предвещало бурю. На Западе небо покрылось серыми тучами. Последствия отказа с нашей стороны участвовать в общем наступлении Нивелля были бы катастрофическими для французского общественного мнения. Франция была несчастна и далеко могла отойти от нас. Несмотря на огромные усилия и колоссальные жертвы, принесенные французским народом, некоторые из наиболее цветущих провинций Франции были попрежнему заняты неприятелем. Три кровопролитнейших кампании позволили отвоевать из-под тяжкой пяты противника всего несколько километров французской территории.

Каждый миллиметр освобожденной территории был глубоко изрыт воронками и пропитан кровью солдат-освободителей. Сотни городов и деревень Франции, тысячи километров ее богатейших полей были разрушены. Франция истекала кровью; она держалась на ногах, все время стоя лицом к лицу с врагом, но временами уже покачивалась от слабости. В лице Нивелля у нее появилась новая надежда на быстрое избавление. Если бы ее надежды не оправдались, или если бы кто-либо попытался их подорвать, во Франции могло возникнуть острое недовольство. Как и обычно, в обеих странах народ всегда обвинял бы политиков. Отвечать за все — ведь это их удел. Бюрократы управляют страной, а политики, деля с ними славу, выносят на своих плечах всю тяжесть ответственности. Бриану и его министрам пришлось бы без сомнения сложить свои полномочия. Но кто пришел бы им на смену? Возможно, Клемансо, но может

ПЛАН
ПРИНЯТЫЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ
В ШАНТИЛЬИ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Намеченные для атаки участки фронта.
Разделение участков фронта между союзниками.

ЗЕЕБРЮГГЕ
ОСТЕНДЭ
НЬЮПОРТ
Бельгийцы
р. Изер
р. Лис
ПАШЕНДЕЛЬ
ИПР
МЕССИН
АРМАНТЬЕР
р. Шельда
ВИМИ
РИДЖ
АРРАС
КРУАЗИЛЬ
КЕННА
БАПОМ
КАМБРЕ
р. Самбр
АЛЬБЕР
БУШАВЕН
ПЕРРОН
СТ. КВЕНТИН
ШОЛЬМ
РУАЙЕ
НУАЙОН
р. Уаза
КРЕОН
БЕРРИ-О-БАК
р. Эн
КОМПЬЕНЬ
СУАССОН
РЕЙМС
ВЕРДЕН

ПЛАН
ГЕН. НИВЕЛЛЯ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Главный фронт атаки
Вспомогательный участок атаки
Добавочный участок главн. фронта атаки после германского отхода
Участок фронта (от Бушавена до Руайе) перешедший от французов к британцам
Новая линия Гинденбурга на которую германцы отошли

ЗЕЕБРЮГГЕ
ОСТЕНДЭ
НЬЮПОРТ
р. Изер
ПАШЕНДЕЛЬ
ИПР
МЕССИН
р. Лис
АРМАНТЬЕР
р. Шельда
ВИМИ
РИДЖ
АРРАС
КРУАЗИЛЬ
КЕННА
БАПОМ
КАМБРЕ
р. Самбр
АЛЬБЕР
БУШАВЕН
ПЕРРОН
СТ. КВЕНТИН
ШОЛЬМ
РУАЙЕ
НУАЙОН
ЛАОН
КРЕЙОН
р. Эн
КОМПЬЕНЬ
СУАССОН
РЕЙМС
ВЕРДЕН

быть и Кайо! Мир в этот момент явился бы по существу признанием поражения и мог быть заключен только на этом основании.

Новый луч надежды приобрел к началу первой союзной конференции в Лондоне на рождестве 1916 г. такую яркость, что никакая сила не могла бы его утаить. В основе этой надежды не было ни логики, ни последовательности, свойственных всякому религиозному и патриотическому верованию. В отсутствие больного Бриана г. Рибо с необычайной резкостью потребовал, чтобы британский кабинет тут же дал свое согласие на выполнение плана Нивелля, предусматривавшего сотрудничество британской армии в атаке на германский фронт на таком его участке и при помощи таких методов, которые явно отличались от намеченных нами на Парижской конференции в ноябре.

Нивелль был главнокомандующим только две недели. Когда собралась конференция, еще не высохли чернила на его новом плане победы.

Я впервые услышал об изменении плана накануне конференции. Мне тогда сообщили о нем в общих чертах. Было рождество. Такой день пришлось затратить британскому кабинету на рассмотрение плана, который посылал два миллиона молодых людей, граждан трех христианских стран, на убой, на смерть, на взаимное уничтожение! Но война не знает ничего святого. Те же варварские законы войны, во имя которых были уничтожены великолепные соборы во Франции и Фландрии, заставили нас посвятить день христианского праздника рассмотрению плана новой кровавой бойни. Никто даже не подумал о том, что этот день традиционно считается днем мира. Я позволю себе привести здесь цитату из Бернса. Война, говорит Бернс, „ожесточает наши чувства и разрушает нашу душу“. Я прибавлю: война уничтожает ни в чем неповинных младенцев в сотнях новых Вифлеемов, разрушенных бомбами.

О „новом плане“ сообщили, как затем обнаружилось, сэру Дугласу Хейгу 21 декабря 1916 г. в следующем письме:

„Мой дорогой генерал,

В согласии с нашими переговорами 20 декабря я имею честь представить Вам свои соображения по поводу нашего наступления в 1917 г. и по поводу тех изменений, которые я считаю необходимым внести в первоначальный план этих операций.

Цель. В наступлении 1917 г. франко-английские армии должны стремиться к уничтожению главной массы неприятельских армий на западном фронте. Этот результат может быть достигнут только при помощи решительного сражения, которое мы должны начать с значительным численным перевесом против всех сил, находящихся в расположении противника. Наша задача поэтому заключается в том, чтобы:

связать насколько возможно самую важную часть сил противника;

прорвать неприятельский фронт при таких условиях, чтобы немедленно использовать прорыв;

уничтожить все наличные силы, которые противник может выставить против нас;

использовать при помощи всех наших сил результаты этого решительного сражения.

Необходимые средства. — Для того чтобы осуществить эту программу, мы должны иметь в нашем распоряжении помимо тех сил, которые с самого начала предназначаются для того, чтобы связать неприятеля и прорвать его фронт, достаточно сильную маневренную массу, которая безусловно могла бы разбить все наличные силы неприятеля.

Я считаю, что эти силы могут состоять лишь из однородных войсковых частей, крепко спаянных и подготовленных к этой задаче своими командирами. Отсюда следует, что эта маневренная масса не может быть создана путем извлечения отдельных боевых единиц из тех армий, которые предназначены для осуществления наступления, истощения противника и для прорыва неприятельского фронта.

Я считаю, что для этих маневренных целей необходимо создать особую боевую группу в составе трех армий; каждая из них должна состоять из трех корпусов по три дивизии.

Общий характер операций. Исходя из этих предпосылок, я представляю себе операции наших армий в следующем виде.

Мы будем связывать неприятельские силы в секторе Аррас-Бапом, а также на участке между Уазой и Соммой посредством атак, предпринятых армиями под Вашим руководством совместно с французскими войсками.

В это время внезапное наступление, предпринятое на другом участке французского фронта, должно привести к прорыву. За этим немедленно последует расширение поля сражения.

Этот бой, результаты которого не замедлят проявиться на всем фронте, приведет к использованию широкого пространства, где французские и британские армии будут сражаться во всеоружии всех тех ресурсов, которые находятся в их распоряжении.

Состав маневренной массы. Успех наших операций будет зависеть таким образом прежде всего от маневренной массы.

По тем причинам, которые я приводил выше (однородность, спаянность, подготовка, командование), я считаю, что эти войска должны отличаться от тех частей, которым поручено проведение атаки к северу от Уазы и осуществление прорыва. Для меня в теперешних условиях разделения фронта между нашими союзными армиями нет возможности создать этот резерв в 27 дивизий.

Для того чтобы я имел возможность создать такие резервы, совершенно необходимо, чтобы британские армии заменили зна-

чительную часть французских войск, которые удерживают фронт между Соммой и Уазой, и чтобы я в связи с этим мог располагать теми французскими дивизиями, которые занимают позиции между *Бушевеном и дорогой Амьен-Руа.* Я полагаю, что этот участок фронта можно легко удержать с помощью *семи-восьми дивизий;* это соответствовало бы численности германских сил на данном участке фронта.

Для того чтобы избежать серьезной задержки в подготовке нашего предстоящего наступления, необходимо осуществить соответствующую замену без всякого промедления; поэтому я прошу Вас провести ее не позже 15 января.

Роль британских армий. Вкратце роль британских армий в нашем совместном наступлении должна заключаться в следующем:

1. Позволить мне без промедления создать маневренную массу, необходимую для решительного сражения.

2. Предпринять на фронте, где Вы решили начать атаку, достаточно мощное наступление на достаточно широком участке фронта, для того чтобы связать здесь важную часть германских резервов. Я считаю, что Ваш участок наступления должен иметь протяжение в 30—40 километров в зависимости от того, рассчитываете ли Вы в пределах этого участка оставить некоторые пассивные промежутки или нет.

3. Участвовать в общем использовании прорыва, которое должно последовать за решительным сражением на другом участке фронта, путем окончательной дезорганизации тех неприятельских сил, которые расположены впереди фронта нашего наступления, и путем дальнейшего преследования неприятеля в пределах зоны, которую мы установим в дальнейшем общим соглашением.

Определив таким образом задачи британской армии, я хотел бы подчеркнуть, что я предусматриваю также возможное применение моих маневренных войск на правом фланге Вашего фронта.

Если бы неприятель попытался начать наступление через Швейцарию, я не считал бы необходимым просить Вас уделить часть Ваших сил в мое распоряжение, чтобы оказать немцам сопротивление на этом участке.

С другой стороны, совершенно ясно, что эта резервная группа будет участвовать в генеральном сражении в такой же мере в интересах Вашей армии, как и в интересах моей.

Далее, расширение британского фронта, чего я прошу от Вас, в известной степени освободит Ваши армии от проведения тех наступательных операций, которые они должны были предпринять в течение зимы в согласии с решением, принятым на конференции в Шантильи 15 ноября.

Наконец изложенный мною план операций не исключает возможности проведения в случае необходимости операций, на-

правленных к овладению Остендэ и Зеебрюгге, поскольку эти операции все равно не могут быть предприняты до лета.

Этот план должен быть изучен во всех деталях на основе уже принятых решений. Я считаю также что наши бельгийские союзники должны были бы отныне начать готовиться к той роли, которую им придется играть в этой операции.

Если наше большое наступление увенчается успехом, совершенно ясно, что неприятель должен будет очистить бельгийский берег в результате общего отхода германских армий и без непосредственной атаки с нашей стороны.

Если, с другой стороны, наше наступление окажется неудачным, то всегда можно будет осуществить операции, намеченные во Фландрии.

Заканчивая настоящее разъяснение своего плана, я прошу Вас не отказать сообщить мне в возможно близкий срок, возьмете ли Вы на себя защиту фронта между Бушевеном и дорогой на Руа. Состав войск, которыми я мог бы располагать, является действительно важнейшим вопросом, который я хочу разрешить без промедления, принимая во внимание могущие произойти события.

Искренне Ваш Нивелль".

И французская и британская армии должны были таким образом предпринять наступление, каждая на своем фронте, более или менее в согласии с прежними планами. Но позади французского фронта предполагалось создать огромную „маневренную массу". После того как обе армии начнут наступление, эту массу без предупреждения предлагалось бросить в атаку на неприятеля на другом участке французского фронта. Легко заметить, что по своему общему характеру этот план коренным образом отличался от плана в Шантильи; успех его зависел от внезапности нападения и от того, удастся ли обмануть нериятеля в вопросе, где именно следует ожидать главного наступления.

Ни в одном отношении перемена не была столь разительной, как в смысле снижения роли, предназначенной британской армии в общем наступлении. Враждебность сэра Дугласа Хейга к этому плану объясняется в большей мере этой переменой, чем какой-либо другой причиной. По плану в Шантильи основная тяжесть наступления падала на плечи англичан, и сэр Дуглас Хейг играл бы в предстоящем наступлении руководящую роль. По плану же Нивелля французы должны были вынести на себе главную тяжесть наступления, а роль, выпадавшая на долю британской армии, заключалась лишь в том, чтобы связать немцев на их собственном фронте при помощи вспомогательной атаки и таким образом лишить их возможности освободить войска с данного участка для оказания помощи тем германским силам, которые окажутся в тяжелом положении в результате неожиданного наступления французов на юге. Сэр Дуглас Хейг с чувством горечи возражал против второстепенной роли, которая пред-

назначалась для британской армии по этому плану. Эта горечь чувствуется в ответе, посланном сэром Дугласом Хейгом генералу Нивеллю:

„Монтрейль, 27 декабря 1916 г.

В ответ на Ваше письмо, подписанное генералом Нивеллем, генерал Хейг сделал сегодня утром следующую декларацию:

1. Пожелания французского командования требуют использования десяти новых британских дивизий; тогда как у меня остается всего восемь новых дивизий, из них шесть имеют весьма сомнительную ценность*.

2. Генерал Хейг при существующих условиях не может согласиться с таким положением, которое лишило бы британские армии всякого наступательного значения.

3. Поэтому он передал этот вопрос на разрешение британскому военному кабинету с просьбой отправить во Францию необходимые дивизии, для того чтобы удовлетворить пожелания французского командования.

4. Генерал Хейг настойчиво требует возвращения британских дивизий из Салоник.

5. Замена французских войск английскими может быть начата через 15 дней и будет проведена по мере прибытия новых дивизий и в том случае, если они будут присланы.

6. Следует заранее сказать, что британский генеральный штаб будет возражать против расширения фронта к югу от дороги Амьен — Перонн ввиду необходимости располагать нужными частями для предстоящих наступательных действий".

Предложение сэра Дугласа Хейга о том, чтобы переход части французского фронта к англичанам, представлявший собой существенный элемент в плане создания маневренной массы для наступления, был обусловлен снятием британских дивизий с фронта в Салониках для восполнения пробела в наступательной мощи сэра Дугласа Хейга, было неосуществимо.

Это предложение было смехотворно, если принять во внимание обстоятельства, которые были хорошо известны британскому главнокомандующему. В этот момент французский, английский и итальянский генеральные штабы учитывали возможность мощного наступления на Салоники со стороны победоносных сил центральных держав. Были некоторые основания опасаться того, что греческая армия также присоединится к нападению со стороны неприятеля. Генерал Жоффр требовал от нас, чтобы мы послали в Салоники еще две дивизии для подкрепления нашего экспедиционного корпуса. Мы настаивали на том, чтобы итальянцы сделали то же самое. Г-н Виллиам

* Вот характерное возражение. Когда в дальнейшем главнокомандующий убеждал кабинет согласиться на наступление при Пашенделе, у него оказались 42 дивизии, которыми он мог располагать для своей операции, и все они состояли из самых лучших войск. В данном случае он не мог выделить 10 дивизий для того плана, которому он не сочувствовал.

Робертсон принял меры к тому, чтобы послать в Салоники подкрепление в 15 тысяч человек. Сэру Дугласу Хейгу все это должно было быть известно, и таким образом его предложение повидимому было сделано только для того, чтобы опрокинуть весь план. Он не мог не знать, что если бы даже десять дивизий и могли быть сняты с салоникского фронта, они будут доставлены во Францию не ранее середины или конца февраля. Сэр Дуглас Хейг знал, что отклонение нами предложения Жоффра о посылке двух дивизий в Салоники было мотивировано тем, что мы не располагаем достаточным тоннажем для перевозки английских дивизий.

Как могли мы в таком случае найти достаточно судов для перевозки десяти дивизий?

Получив приведенное выше извещение, генерал Нивелль тотчас же телеграфировал французскому военному министру.

„24 декабря 1916 г.
Лично.

При сем имею честь препроводить Вам копии следующих документов:

1. Письма, посланного мною генералу Хейгу, главнокомандующему британских военных сил во Франции, с целью согласовать с ним план операций на 1917 г.

2. Телеграммы генерала де Вальер, главы французской военной миссии при британской армии, содержащей изложение взглядов генерала Хейга по этому вопросу.

Из вышеприведенной телеграммы явствует, что генерал Хейг передал вопрос на разрешение английскому военному кабинету и обусловил проведение нашего плана присылкой подкрепления британским войскам во Франции.

С другой стороны, сегодня в моей главной квартире я встретился с генералом Давидсоном — начальником оперативного отдела британской армии, который сообщил мне от имени генерала Хейга, что последний полностью согласен со мною в вопросе об общем плане предстоящих операций и в соответствии с этим о необходимости взять на себя часть нашего фронта и таким образом освободить известные французские силы, нужные для предстоящей операции; генерал Давидсон сообщил мне, что генерал Хейг сделает все, для того чтобы полностью удовлетворить мою просьбу.

Это может быть выполнено при сочетании трех различных мероприятий:

а) расширения фронта с помощью наличных дивизий (британская армия повидимому боится стать на этот путь; между тем следует учесть, что речь идет о том, чтобы удержать участок фронта, составляющий меньше одной четверти нашего участка, с общим числом дивизий, превышающим то число дивизий, с которым мы сдерживали неприятельские силы

на остальном фронте, хотя наши дивизии численно меньше английских дивизий);

б) временного сокращения британских резервов, но с устранением всяких затруднений для осуществления плана весеннего наступления англичан в условиях, которые между нами согласованы;

в) подкрепления английских сил при помощи новых дивизий из Англии.

Не подлежит сомнению, что сотрудничество, которого мы требуем от британской армии, относительно гораздо меньше того участия, которое мы принимаем в общей операции на себя; оно вполне согласуется с теми особыми планами дальнейших операций, которые намечены британским командованием и которые во всяком случае не могут быть предприняты до лета.

Разрешение этих вопросов не терпит отлагательства, поскольку согласно решениям, принятым на последнем совещании союзных генеральных штабов в Шантильи, мы должны быть готовы к наступлению в середине февраля. Опасения, которые были высказаны в отношении швейцарской границы, требуют от нас, с другой стороны, создания в кратчайший срок необходимых маневренных масс.

Итак мне кажется, что Вы может быть сочтете полезным предварительно возложить на одного из членов правительства, который постоянно ездит в Лондон, специальную миссию — поддержать всем своим авторитетом при встрече с английским премьером и генералом Робертсоном мою точку зрения; поручить ему же убедить военный кабинет в необходимости дать генералу Хейгу соответствующие инструкции и ускорить отправку территориальных дивизий, предназначенных для французского фронта, с тем чтобы замена наших дивизий могла произойти как можно ближе к тому сроку, который я наметил.

Я позволяю себе настаивать на решающем значении плана операций, намеченных на 1917 г., и на тех серьезных неудобствах, которые могли бы произойти от того, что мы предпримем эти операции с недостаточными силами.

Р. Нивелль".

Результаты этого обмена письмами не были доведены до сведения военного кабинета вплоть до вечера 26 декабря, когда было назначено заседание англо-французской конференции. Мы не имели возможности совещаться по этому вопросу с начальником штаба или с главнокомандующим британской армии. Это обстоятельство может объяснить характер обсуждения на конференции.

Г-н Бьюкен в своей „Истории войны", отдаваясь поэтическому вдохновению, приводит фантастическую картину моей встречи с генералом Нивеллем на Северном вокзале. Он рассказывает о том, как генерал Нивелль воспользовался десятиминутным разговором на вокзале, для того чтобы нарисовать мне свой большой стратегиче-

ский план. Г-н Бьюкен рассказывает далее, как, услышав впервые об этом плане, я тут же выразил свое беспокойство. Когда блестящий романист берет на себя непривычную роль историка, он неизбежно время от времени забывает, что он не занят более беллетристикой, а выполняет литературную работу, где его фантазия должна быть ограничена сообщением только действительных фактов. Если бы г. Бьюкен взял на себя заботу прочитать документы, которые находятся в распоряжении военного ведомства и которые поэтому были ему доступны, он узнал бы, во-первых, что план Нивелля был сообщен мне 25 декабря и подвергся обсуждению на заседании военного кабинета 26 декабря, т. е. за неделю перед тем, как я отправился в Рим. Во-вторых, он узнал бы, что на Римской конференции я выразил свои сомнения по поводу предполагаемого наступления во Франции и предложил наступление на другом фронте; г. Бьюкен узнал бы, что и британский и французский генеральные штабы возражали против этой альтернативы, так как штабы твердо настаивали на необходимости наступательных операций именно на французском фронте и соглашались с общим планом Нивелля. Протокол дискуссии по этому вопросу, который я уже цитировал, полностью подтверждает мои слова. В-третьих, г. Бьюкен узнал бы, что на вокзале в Париже я отказался обсуждать этот план с генералом Нивеллем в отсутствие сэра Дугласа Хейга. Об этом говорят официальные документы. Даже для писателя, который приобрел славу своим умением выдумывать несуществующие факты, три грубых ошибки в одном предложении можно считать значительным достижением. Действительное объяснение фантастических рассказов г. Бьюкена заключается в том, что автор нашел для себя гораздо более легким повторять кулуарные сплетни военного ведомства, чем познакомиться с подлинными военными документами.

Вернемся теперь к конференции 26 и 27 декабря, на которой мы впервые обсуждали план Нивелля.

Со всей нетерпимостью новообращенного, призывающего к принятию благой вести нового евангелия, г. Рибо от имени французского правительства настаивал на том, чтобы мы немедленно, не заслушав мнения наших военных советников, разрешили все те вопросы, которые были поставлены в переписке между двумя главнокомандующими. Мы однако настаивали на том, чтобы нам была дана возможность посовещаться с сэром Дугласом Хейгом. На одном из заседаний конференции я согласился с тем, что поднятые вопросы не терпели отлагательства. Но, указывал я, генерал Нивелль командовал французскими армиями всего две недели. Правительство его величества узнало о новом плане только вчера. Проведение нового плана требует коренного изменения военных операций и поэтому правительство его величества должно предварительно обсудить этот вопрос не только с генералом Робертсоном, но и с британским главнокомандующим на фронте — сэром Дугласом Хейгом.

Кабинет считал, что решение вопроса должно быть отложено на короткое время, в течение которого сэр Дуглас Хейг и генерал

Нивелль попытались бы притти к определенному решению. Но если бы это соглашение и не состоялось, французское правительство могло вновь обратиться к правительству его величества, которое вполне соглашалось с необходимостью скорого решения вопроса и скорейших действий.

После ряда других настойчивых, но необоснованных нажимов со стороны французских делегатов я выразил удивление, что г. Рибо настаивает на том, чтобы правительство его величества разошлось во мнении с британским главнокомандующим, не услышав даже, что последний сам скажет в защиту своего мнения.

> „Кабинет, — заметил я, — с симпатией относится к плану Нивелля, но мы хотели бы выслушать сначала мнение сэра Дугласа Хейга. Со стороны начальника имперского генерального штаба (генерала Робертсона) не последовало никаких возражений, он был уверен в том, что этот вопрос мог быть удовлетворительным образом разрешен".

Из последней фразы ясно, что на этом заседании сэр Виллиам Робертсон лично не возражал против плана Нивелля. Он стремился лишь получить согласие сэра Дугласа Хейга. Как явствует из письма Нивелля от 21 декабря, сэр Дуглас Хейг вначале выразил согласие с новым планом. Но сэр Виллиам Робертсон знал, что в это время главнокомандующий был огорчен и обижен передачей французской армии руководящей роли, которая была предназначена ему по решению в Шантильи. Но поскольку дело касалось западного фронта, начальник имперского генерального штаба был все же удовлетворен; он считал, что главнокомандующий также мог примириться с данным решением вопроса.

Я привожу ниже извлечение из протокола Лондонской конференции:

> „Предложение французских представителей о немедленном расширении участка фронта, занятого британской армией на западном фронте, было воспринято с полной симпатией британским военным кабинетом. Но до того как вынести окончательное решение о проведении этого предложения в жизнь, британский военный кабинет считал, что необходимо устроить совещание с главнокомандующим британского экспедиционного корпуса. Военный кабинет поручил начальнику имперского генерального штаба уведомить генерала сэра Дугласа Хейга, что военный кабинет предлагает ему в пределах возможности пойти навстречу пожеланиям французского правительства.
>
> Было решено, что если согласие между сэром Дугласом Хейгом и генералом Нивеллем — удовлетворительное для французского правительства — не будет достигнуто в ближайшем будущем, вопрос будет вновь поднят французским правительством в совместных переговорах".

Я не имел в виду давать здесь детальное описание тех затяжных и сложных переговоров, которые повели к окончательному при-

нятию плана Нивелля. Это отняло бы у нас слишком много места. Я тщательно просмотрел всю массу официальных документов — меморандумов и протоколов, относящихся к переговорам об апрельской операции 1917 г. Я попытаюсь суммировать эти документы здесь, с тем чтобы дать справедливое и беспристрастное представление о случившемся.

В чем в сущности заключался план Нивелля и в каком отношении он отличался от остальных „прорывных наступлений“, которые до тех пор являли собой столь отвратительную картину чудовищных неудач?

Основным отличительным признаком был элемент неожиданности. Нивелль подчеркивал этот фактор в качестве главной идеи своей стратегической концепции успешного наступления. Необходимо атаковать неприятеля на определенном участке фронта в момент, когда он не ожидает здесь каких-либо операций. Поэтому у неприятеля не будет достаточных резервов, для того чтобы противостоять атаке. Прорыв на таком участке фронта был бы поэтому менее затруднительным, потребовал бы меньше жертв и мог быть лучше использован. Предварительная бомбардировка должна быть максимально сильной, но кратковременной. Бомбардировка должна вестись на более широком фронте, чем когда-либо до сих пор. Но основной чертой операции должна быть неожиданность: неприятеля следует обмануть в вопросе о пункте нанесения главного удара и таким образом застигнуть врасплох.

Это была блестящая стратегическая концепция. Почему же она так печально провалилась?

Провал объясняется главным образом, если не сказать исключительно, тем, что в процессе осуществления плана элемент неожиданности, который служил основной предпосылкой успеха, бесповоротно и полностью был утерян.

Чьей это было ошибкой? Тяжело распределять вину и в этом случае трудно распределить ее справедливо. Но я не сомневаюсь, что вину несут обе стороны: французы и англичане, англичане так же как и французы. Однако по причинам, о которых я расскажу далее, неумение скрыть план от неприятеля следует приписать французской беззаботности.

Имелись два элемента неожиданности. Одним из этих элементов был выбор участка фронта, где предполагалось общее наступление. Немцы ожидали возобновления атаки на Сомме главным образом со стороны британской армии. Таков был план, принятый в Шантильи, и немцы видели здесь те обычные приготовления, которые предшествуют большому наступлению. Маневренная масса Нивелля была предназначена для атаки на совершенно другом участке, где немцы не ожидали никакого нападения на свои линии. На долю англичан выпадала бы только „связывающая атака“. Таким образом неприятеля можно было застигнуть врасплох; неприятель должен был бы разбросать свои резервы на большом протяжении фронта, тогда как в том пункте, где предполагалось начать действи-

тельный штурм неприятельских позиций, у немцев не осталось бы никаких резервов.

Новый участок фронта, избранный Нивеллем для главного удара, был особенно пригоден для подготовки удара врасплох. Это признает и Людендорф:

„Благодаря наличию достаточного количества рабочей силы Антанта имела возможность снабдить не только участок фронта под Верденом, но также значительную часть всего фронта необходимыми средствами сообщения и военным снаряжением для производства наступления. Поэтому союзники могли в кратчайший срок и в различных частях фронта начать наступление, не выдавая нам своих планов предварительными приготовлениями. Фотографическая съемка полевых укреплений и работ неприятеля, производившаяся нашими авиаторами, даже постоянная проверка съемок не могли таким образом дать нам ничего кроме общих указаний о предполагаемых действиях союзников.

Французский фронт между Вальи на реке Эн и Аргоннами был особенно хорошо укреплен, так что специальная подготовка для наступления здесь вовсе не была необходима. При наступлении в 1918 г. мы видели эти укрепления к югу от Шмен-де-Дам. Повидимому постройка их относилась к 1915—1916 гг. Возможно, что французы предполагали начать здесь наступление в 1916 г., в чем им помешало германское наступление под Верденом *.

Все признают, что местность, включавшая тот участок фронта, на котором предполагалось начать атаку, представляла исключительные затруднения. Это было плоскогорье, представлявшее естественные преимущества для сооружения сложной системы оборонительных укреплений, и немцы полностью воспользовались этой возможностью, превратив возвышенность Шмен-де-Дам в систему окопов, представлявшую собой самую мощную крепость на всем протяжении западного фронта. Но генерал Нивелль считал, что этот факт сам по себе является благоприятным моментом в условиях неожиданной атаки. Немцы не могли ожидать, что наступление предполагалось начать именно на том участке фронта, где они чувствовали себя наиболее сильными, в то время как у них было много гораздо более уязвимых пунктов. Поэтому в их планы не входило принятие каких-либо специальных мер предосторожности по укреплению данного участка фронта путем стягивания резервов и пушек в непосредственном тылу. Поэтому же высоты и другие важные германские укрепления могли быть взяты еще до того, как немцам удалось бы построить новую систему обороны и собрать достаточные резервы для контратаки. На этом основывались все ожидания Нивелля. Но реализация плана всецело зависела от неожиданности.

* «Военные мемуары генерала Людендорфа», англ. изд., т. II, стр. 410.

Другим фактором было время. Немцы привыкли к медленным и неуклюжим движениям Жоффра и Хейга, к медлительным, неповоротливым и шумным приготовлениям, отголоски которых можно было слышать при благоприятном ветре за много миль. Немцы знали, что ни один солдат не выступит до тех пор, пока последний снаряд не упадет в последний окоп и не будет вбит последний гвоздь, необходимый для успешной подготовки всего плана атаки. Отсюда — постоянное откладывание наступления, вместо того чтобы начать его раньше назначенного срока; благодаря этому немцы бывали полностью предупреждены и имели время сделать свои контрприготовления. Вот почему наступление „с заранее обдуманным намерением" всегда проваливалось. Обороняющиеся выигрывали от всякого промедления вчетверо больше, чем наступающие. Нивелль превосходно понимал это. Его последний успех был вызван неожиданностью; надежду на дальнейшие успехи он основывал на том же. Если бы план Нивелля был реализован полностью, я все еще убежден, что он увенчался бы огромным успехом. В момент, первоначально предназначенный Нивеллем для атаки, немцы располагали на атакуемом участке фронта всего восемью дивизиями, включая резервы. Когда же наступление было действительно предпринято, т. е. два месяца спустя, число германских дивизий в резерве было доведено до сорока.

Будучи предупреждены о нашем наступлении, немцы сосредоточили свои резервы позади того пункта, где они ожидали удара. Отведя свои войска к этому времени на так называемую линию Гинденбурга, они тем самым сберегли несколько дивизий, которые они присоединили к своим резервам. Они построили новые окопы позади первой линии обороны, в пункте, где они ожидали удара. Они сосредоточили также огромную массу пушек и снаряжения в тылу угрожаемого сектора. Промедление совершенно изменило весь характер операций. Стратегическая концепция Нивелля оказалась минированной изнутри, и военные идеи Жоффра и Хейга снова воскресли, однако в гораздо более затруднительных природных условиях. Единственным критерием при выборе того или иного участка фронта для атаки было не то, что здесь условия местности были более к этому пригодны, а то, что удар в данном пункте должен был оказаться неожиданным для неприятеля. Если мы от этого преимущества отказывались, то у нас оставались лишь два пути: один — отказ от всякого большого наступления в этом году во Франции и Фландрии вообще, другой — сосредоточение наших усилий на другом театре или на других театрах войны. Роковой ошибкой, в которой повинны и Англия и Франция, было то, что они не остановились ни на одной из этих двух возможностей. Второе предложение выдвигалось тремя крупными французскими генералами, в том числе и генералом Петэном, но только после того, как британские войска уже начали свои действия. Это было одной из причин, но не единственной, почему эта идея не была доведена до сведения британского правительства.

На ком и на чем лежала ответственность за промедление, которое лишило нас шансов на успех? Оно объяснялось главным образом результатами разделения командования. После тщательного анализа фактов и документов не будет преувеличением сказать, что если бы обе союзные армии находились в полной мере под контролем одного главнокомандующего, как это было установлено после решения в Бувэ в апреле 1918 г., то стратегический план Нивелля, не приведя вероятно к решающему поражению немцев, тем не менее обеспечил бы нам значительный успех. Между тем на деле союзные армии не имели даже шансов на такой успех. Упрямство Хейга не позволило ему отвлечься от Соммы. Когда было предложено перенести атаку на новый участок фронта, понадобилось долгое время, чтобы Хейг с этим освоился — настолько его мысли увязли в грязи Соммы. Во всех случаях, когда требовалось быстрое и гибкое маневрирование, Хейг всегда двигался медленно и неповоротливо. Были затрачены недели на обширную дискуссию и взаимные укоры в связи с расширением фронта британских войск, которое было необходимо для создания маневренной массы, представлявшей основу нового плана. Затем последовали проволочки и промедления в связи с вопросами транспорта и согласования действий обеих армий. Пришлось созвать конференцию министров и генералов, для того чтобы покончить с разногласиями по всем этим вопросам. Конференция состоялась в Кале 26 февраля. *К этому времени, согласно первоначальному плану, наступление должно было уже начаться.* Германская атака на Верден началась, как известно, на неделю раньше срока, вот почему вначале она имела такой успех. Жоффр не верил, что армия способна двигаться так рано, в сущности еще зимой.

На конференции в Кале г. Бриан и генерал Лиотэ представляли французское правительство, я же принимал участие в конференции от имени британского военного кабинета. На конференции присутствовали генерал Нивелль и сэр Дуглас Хейг, каждый из которых приехал в Кале, для того чтобы изложить свою точку зрения. Сэр Виллиам Робертсон присутствовал в качестве начальника имперского генерального штаба. Большая часть конференции прошла в обсуждении транспортных вопросов. Самый характер дискуссии обнаруживает, чтó именно лежало в основе проволочек. Когда каждый час имел такое важное значение для успеха, возникшие затруднения ни в коем случае не должны были нас задерживать. Британская армия требовала 250 поездов — на 120 поездов больше, чем англичанам было уже предоставлено. Французские железные дороги не могли предоставить нам больше 200 поездов, да и то с трудом, только на короткий период — на 15 дней, до первого апреля, приостановив для этого подвоз продуктов для гражданского населения на две недели.

Как указывали французские министры, британская армия требовала вдвое больше паровозов и вагонов, чем французская для перевозки половины войск, предназначенных для участия в операции. Генерал Ражено заявил в Кале, что он был до крайности удивлен требованиями англичан о составе и количестве поездов по сравне-

нию с требованиями французских армий, которые вели подготовку к таким же операциям. Французы, располагавшие для наступления 70 дивизиями, требовали для обеих своих групп армий только 2 800 вагонов в день. Британские же части, по численности уступавшие французским вдвое, требовали 8 тысяч вагонов в день. Генерал Ражено не мог понять, почему британская армия нуждалась в значительно большем числе вагонов, когда количество солдат у французов настолько превышало численность британских солдат.

Генерал Нивелль соглашался с генералом Ражено. Если бы военные операции, говорил генерал Нивелль, калькулировались на тех основаниях, каких придерживались англичане, ни одна из них не была бы осуществлена. Он отказывался понимать, почему для предстоящей операции требовалось столько вагонов. „Если мы не добьемся успеха в течение первых пятнадцати дней, мы не будем продолжать нашего наступления, — говорил он. — Если мы потерпим неудачу, мы остановимся. С другой стороны, если мы будем иметь успех, мы начнем маневренную войну, и тогда количество военных материалов, необходимых для окопной войны, сократится“. В качестве командира, ответственного за проведение плана в целом, он давал обязательство, что пятнадцати дней будет достаточно.

Ни Нивеллю, ни английским министрам не сообщили, что, как оказалось потом, эти дополнительные вагоны и паровозы были нужны британским генералам вовсе не для проведения плана Нивелля, а для того, чтобы осуществить огромные приготовления, которые уже делались, т. е. для того, чтобы привести к трагедии Пашенделя.

Созданные Хейгом затруднения в вопросе о расширении британского фронта вызвали новую отсрочку наступления. Новые затруднения возникли в связи с вопросом о верховной ответственности и о руководстве операциями в ходе предстоящего сражения. Сэр Дуглас Хейг не возражал, когда ему было поручено верховное командование объединенными британскими и французскими силами в трудном наступлении при Пашенделе. Но и Хейг и Робертсон не соглашались на единое командование (французов) в весеннем наступлении. До тех пор, пока по этим вопросам было достигнуто соглашение, состоялись три конференции — две в Лондоне и одна в Кале.

На конференции в Кале 26 и 27 февраля, которая состоялась спустя много дней после первоначальной даты наступления, был достигнут компромисс, принятый и подписанный обоими командующими, а также генералами Лиотэ и Робертсоном от имени французского и английского военных министерств.

„Соглашение, достигнутое на англо-французской конференции в Кале 26 и 27 февраля 1917 г.

1. Французский военный комитет и британский военный кабинет одобряют план операций на западном фронте в том виде, как он был изложен им генералом Нивеллем и фельдмаршалом сэром Дугласом Хейгом 26 февраля 1917 г.

2. С целью обеспечения полного единства командования в течение предстоящих военных операций, предусмотренных

параграфом первым, французский военный комитет и британский военный кабинет согласились между собой в нижеследующем:

а) Поскольку важнейшей целью предстоящих военных операций, упомянутых в параграфе первом, является изгнание неприятеля с французской территории и поскольку французская армия численностью превышает британскую, британский военный кабинет признает, что общее руководство кампанией должно находиться в руках французского главнокомандующего.

б) С этой целью британский военный кабинет принимает обязательство дать указание фельдмаршалу, командующему британским экспедиционным корпусом, согласовать свою тактику с общими стратегическими планами главнокомандующего французской армии.

в) Британский военный кабинет кроме того принимает на себя обязательство приказать — на период с момента подписания настоящего соглашения и до начала операций, предусмотренных в параграфе первом, — фельдмаршалу, командующему британским экспедиционным корпусом, согласовать свои приготовления со взглядами главнокомандующего французской армии, за исключением того, что может поставить под угрозу, по его мнению, безопасность английской армии или помешать ее успеху. Во всяком случае, если фельдмаршал сэр Дуглас Хейг по этим причинам найдет необходимым уклониться от выполнения инструкций генерала Нивелля, он сообщит о принятых им мерах и о причинах этого начальнику имперского генерального штаба для осведомления британского военного кабинета.

г) Британский военный кабинет далее принимает на себя обязательство приказать фельдмаршалу, главнокомандующему британского экспедиционного корпуса, чтобы он с момента начала операций, предусмотренных в параграфе „а“, вплоть до их окончания следовал распоряжениям главнокомандующего французской армией во всех вопросах, относящихся к ведению этих операций. Британский главнокомандующий будет в праве свободно выбирать средства для выполнения этих указаний, а также и методы использования английских войск на том участке операций, который выпал на его долю согласно первоначальному плану французского главнокомандующего.

д) Британский военный кабинет, британское правительство и французское правительство в отношении своих армий установят срок, когда операции, предусмотренные параграфом „а“, будут считаться законченными. После окончания этих операций будет восстановлено положение, существовавшее до их начала.

М. Бриан — Ллойд Джордж
Лиотэ — В. Р. Робертсон (начальник имперского генерального штаба)
Р. Нивелль — Д. Хейг (фельдмаршал)“.

Когда это соглашение было заключено и подписано, я полагал, что отныне все разногласия устранены и что после нашей конференции обе армии будут двигаться вперед, составляя единую боевую силу. Но никогда не следует слишком доверять соглашениям упрямых людей, в особенности если они считают, что их лишили принадлежащих им прав. Я поэтому не должен был в сущности удивляться тому, что через три дня после заключения соглашения в Кале я получил меморандум от сэра В. Робертсона и сэра Дугласа Хейга с протестом против того самого соглашения, под которым они дали свою подпись; они пытались созвать новую конференцию, на этот раз в Лондоне, для того чтобы вновь предать земле те воскресшие обиды, которые, казалось мне, были уже один раз похоронены со всеми подобающими воинскими почестями. На этот раз Хейг и Робертсон убеждали друг друга и себя самих в личной неприязни к Нивеллю, — я боюсь, неприязнь была взаимной. Легче заключить мир, чем победить личную неприязнь; старая вражда всегда может легко возобновиться.

Сэр В. Робертсон возражал против соглашения главным образом на том основании, что если единство командования будет установлено для данной операции, оно может послужить прецедентом для дальнейших операций, в которых будут участвовать обе армии. Он был убежденным противником идеи единого командования даже для одной операции, в которой участвуют обе армии, т. е. в том случае, если верховное командование выпадало на долю французов. Как я уже указывал, прецеденту единого командования мы следовали затем при Пашенделе, но я конечно не слышал тогда никакого протеста со стороны сэра В. Робертсона. От сэра Дугласа Хейга мною был получен пространный меморандум, в котором указывалось на целый ряд трудностей в практическом проведении соглашения и предлагалось внести целый ряд ограничений и оговорок в права генерала Нивелля.

Все эти вопросы могли быть подняты и разрешены еще несколько недель перед тем. Можно с полным правом сказать, что некоторые из опасений, высказанных в этих протестах, были вызваны резким и несколько дерзким посланием со стороны одного из представителей французского генерального штаба британскому генералу. Это послание было написано в тонах непререкаемого приказа начальника подчиненному. Оно вызвало в уме сэра Дугласа Хейга всякого рода сомнения относительно дальнейших целей французского правительства и его генералов. Между прочим Хейг заявил, что „он слышал еще до конференции в Кале о том, что в некоторых кругах во Франции существует стремление добиться почти полного контроля над британской армией, разбив даже ее единство и разместив английские формирования между французскими войсками под французским контролем“. На самом деле это и было сделано в 1918 г. без всяких практических затруднений и без всякого ущемления достоинства и авторитета командиров. Французские дивизии были размещены на севере среди английских дивизий, причем и те и другие

были поставлены под начало сэра Дугласа Хейга; несколько британских дивизий в районе Суассона были размещены среди французов под общим командованием генерала Петэна.

Я не видел никаких затруднений в том, чтобы ликвидировать возражения, поднятые сэром Дугласом Хейгом. Однако Робертсон шел гораздо дальше и возражал против всякого соглашения по принципиальным мотивам и на том основании, что таким образом будет создан нежелательный прецедент. Еще до конференции в Кале он открыто заявил нам, что отвергает целиком весь план. На конференции в Кале он ни разу ни одним словом не выразил однако своего протеста. Он обнаруживал свои разногласия с Нивеллем только тем, что нечленораздельно ворчал, когда тот выступал. Это ворчание вызывало непреодолимое веселье Бриана, который находился в самом лучшем состоянии духа. Бриан переживал тогда один из приступов веселого настроения, и все ему было нипочем; это было несомненным признаком того, что ему все надоело и что он намеревался подать в отставку, что он вскоре и сделал.

Робертсон ничего не говорил мне ни на конференции, ни тотчас же после ее окончания, но через несколько дней я получил его письменный протест. Я процитирую этот протест, так как он объясняет позицию, которую Робертсон занял в 1918 г. и которая в связи с протестом вызвала его отставку.

> „Мне кажется, — писал Робертсон, — что принятое соглашение опасно в принципиальном отношении, потому что оно может оказаться острием кинжала, с помощью которого французы могли бы осуществить свое давнишнее желание поставить британские войска во Франции под определенный французский контроль. *Трудно будет оправдать отказ от этого принципа, если он хоть один раз будет установлен, так как если данный метод хорош для одного сражения, то можно доказывать, что лучше всего сохранить его навсегда.* Нельзя ожидать от наших офицеров и солдат, чтобы они сражались так же хорошо под началом иностранного командира. Против этого могут возражать правительства доминионов. Доверять судьбу этого великого сражения полностью иностранному командиру, который еще не имел случая доказать свою подготовленность к этому посту, значило итти на чрезвычайно серьезный шаг с точки зрения интересов Британской империи. С юридической точки зрения ни один английский офицер не может быть поставлен под начало командира, не состоящего на службе его величества. Быть может в соглашении это предусмотрено фразой „выполнять указания“, — писал Робертсон, — я не знаю, так ли это“.

Сэр В. Робертсон объяснял дачу своей подписи под соглашением в Кале тем, что поскольку дело касалось его лично, он не был поставлен предварительно в известность о том, что предполагалось

сделать. Он однако признавал, что сэр Дуглас Хейг уведомил его в Кале, что по его, Хейга, мнению инструкции военного кабинета о предстоящих операциях соответствовали тем, которые он ранее получал от кабинета, и что он, Хейг, постарается в меру своих сил выполнить эти инструкции.

Эти печальные разногласия заставили нас созвать еще одну конференцию, которая состоялась 12—13 марта в Лондоне, через 3 или 4 недели после срока, который был первоначально установлен для наступления.

В процессе переговоров я разъяснил, что британский военный кабинет был недоволен тем тоном, который усвоил в переписке с сэром Дугласом Хейгом французский генеральный штаб. Ниже я привожу в качестве иллюстрации той поддержки, которую я всегда оказывал главнокомандующему во всех вопросах, затрагивавших его личный авторитет и престиж, ту часть протокола заседания конференции, которая относится к данному вопросу.

„Ллойд Джордж заметил, что здесь возникает другой пункт разногласий, о которых ему приходилось беседовать с обоими главнокомандующими. Он настаивал на том, что если между сторонами не будет взаимного понимания, всякое соглашение приведет к неудаче. Он указал, что первые же два письма, посланные генералом Нивеллем сэру Дугласу Хейгу после подписания соглашения в Кале, были составлены в форме приказа и в резких тонах. Как и следовало ожидать, — указал Ллойд Джордж, — эти письма были написаны не самим генералом Нивеллем, а одним из его подчиненных. Он напомнил генералу Нивеллю, что фельдмаршал сэр Дуглас Хейг командовал армией численностью более полутора миллиона людей, т. е. самой большой британской армией, которая когда-либо существовала. Он указал далее, что фельдмаршал сэр Дуглас Хейг пользовался полным доверием военного кабинета, что на него смотрели с восхищением в Англии и, как он полагал, также и во Франции. Ллойд Джордж поэтому указал генералу Нивеллю, — гласит протокол, — что, по его мнению, оба письма носят несколько резкий характер. Генерал Нивелль в ответ заметил, что в его намерения отнюдь не входило проявлять какую-нибудь невежливость по отношению к фельдмаршалу сэру Дугласу Хейгу. Ллойд Джордж признал, что генералу Нивеллю менее всего свойственны невежливые поступки, и все, встречавшиеся с ним в Англии, имели случай убедиться в его совершенной учтивости. Ллойд Джордж хотел лишь подчеркнуть перед французским правительством опасность того, что старшие офицеры порой бывают нескромными по отношению к своим подчиненным. Оратор далее отметил, что важен был не только текст соглашения, но также и тот дух, в котором соглашение выполнялось“.

В последовавшей затем дискуссии генерал Лиотэ указал, что еще

перед тем, как я об этом писал, он сам убедился, что сообщения генерала Нивелля носили несколько резкий характер.

Г-н Тома указал, что по этому вопросу все члены французского военного кабинета согласны между собой и с генералом Лиотэ.

Генерал Лиотэ указал, что он предложил генералу Нивеллю не посылать более ни одного письма в британскую главную квартиру, не удостоверившись в том, что письмо составлено не только знающим и вполне компетентным офицером, но также человеком, способным выбирать необходимые выражения, с которыми следует обращаться в британскую главную квартиру.

Адмирал Лаказ указал, что мои слова полностью соответствовали чувствам французских министров. От своего имени он хотел бы прибавить, что каждый главнокомандующий в случае получения от другого главнокомандующего какого-либо документа, составленного слишком поспешно и в выражениях, могущих причинить обиду, должен, вместо того чтобы сохранять позу молчаливого недовольства, попытаться встретиться с обидчиком в ближайшее же время и выяснить все дело.

На конференции присутствовали четыре французских министра. После продолжительных словопрений удалось покончить с разногласиями без всякого инцидента и, насколько мне известно, больше не возникало личных обид или личного непонимания, которые мешали бы сотрудничеству обоих генералов. Но все эти споры приводили к промедлениям. По плану, принятому в Шантильи, и по плану Нивелля союзники должны были быть готовы в первой половине февраля.

Между тем наступила уже первая половина марта, а союзные командиры все еще спорили о приготовлениях к наступлению. В этот период французские военачальники и французские министры уже были совершенно убеждены, что британское верховное командование и британское военное министерство сознательно стремятся к срыву плана Нивелля. Британские генералы не скрывали своего отвращения ко всему плану. Они предпочитали наступление в старом стиле, громко выражали свое недовольство тем, что основная тяжесть борьбы и, следовательно, основные потери должны пасть не на британскую, а на французскую армию.

Генерал Нивелль был настолько убежден в этом антагонизме и в том, что именно этим объясняется опоздание со стороны англичан, что открыто говорил о том, что положение не улучшится, пока сэр Дуглас Хейг останется во главе британской армии. Косвенным путем это мнение было сообщено мне. Я немедленно выразил свое отрицательное отношение к этому. Отсюда мы можем заключить, с какой антипатией относились друг к другу те люди, от лойяльности и тесного сотрудничества которых зависело так много. Но мы не переставали медлить. На этот раз в нашем промедлении были виноваты немцы.

Неприятельские войска решили укоротить свой фронт в районе Соммы. Таким образом они получали выгоду в трех направлениях.

Их новые позиции были гораздо сильнее прежних. Они получили возможность защищать новую линию фронта с меньшими силами и пополнить несколькими дивизиями резервную армию, создаваемую за линией фронта для отражения наступления, которое, как они знали, намеревались предпринять союзники. Кроме того немцы нарушали все те планы, которые тщательно подготовляли союзники, как раз к тому времени, когда должно было начаться наступление.

Не в пользу французского и английского генеральных штабов говорит то обстоятельство, что немцы имели возможность закончить все приготовления, необходимые для такого отхода, без того чтобы об этом узнали их противники.

Постоянные отсрочки наступления дали немцам возможность построить линию Гинденбурга и провести не спеша свой план отхода. Эта операция была выполнена до последних деталей без малейших затруднений. Можно спорить о том, должны ли были принятые немцами меры вызвать отказ от плана Нивелля. Немецкое отступление в несравненно меньшей степени отразилось бы на плане Нивелля, чем на проекте возобновления атаки на Сомме; германское наступление распространилось на весь район нашего прежнего наступления и на большую часть района предполагавшейся атаки. Территория, которую очистил неприятель и которую должны были пройти наши войска со всеми их огромными обозами и артиллерией, была настолько опустошена и разрушена, дороги, мосты и рельсы были в такой степени сравнены с землей, что понадобилось несколько недель, для того чтобы вновь притти в соприкосновение с немцами. Таким образом атака на Сомме не могла быть предпринята до конца апреля.

В середине февраля произошел инцидент, который дал немцам общие указания не только о предполагавшемся наступлении, но и о том, где и когда предполагалось нанести им удар. Вот что пишет об этой странной случайности — если это была случайность — Людендорф:

„В середине февраля 1917 г., с целью улучшить свое положение, III германская армия произвела местную операцию на сентябрьских полях сражения 1915 г. в Шампани. Эта операция была удачной. Среди захваченных трофеев был найден приказ по 2-й французской пехотной дивизии от 29 января, в котором определенно указывалось на предстоящее французское наступление на Эн в апреле того же года. Этот приказ давал нам чрезвычайно важные указания о предстоящих действиях противника. Мы не уделяли отныне внимания слухам о наступлении в Лотарингии в сторону Бадена“ *.

Тот факт, что документ столь конфиденциального характера и

---

* «Военные мемуары генерала Людендорфа», англ. изд., т. II, стр. 410.

такого огромного значения мог находиться в передовых окопах, где он легко мог попасть в руки неприятеля, свидетельствует о столь невероятной небрежности, что в данном случае трудно вовсе устранить мысль о предательстве. Этого никогда нельзя было установить окончательно, быть может этого нельзя будет сделать и впоследствии. Правда, немцы еще не имели сведений о предстоящем внезапном ударе на правом фланге, но самый факт, благодаря которому они узнали о том, на каком участке фронта им следовало ожидать главного наступления, имел, как оказалось в дальнейшем, роковые результаты.

За ним последовал другой факт, полностью проверенный французской следственной комиссией, назначенной после сражения французским кабинетом для рассмотрения вопросов, связанных с методами проведения наступления. Отчет следственной комиссии по этому поводу гласит:

> „Тайна операции была нарушена прискорбной нескромностью и тем, что у одного взятого в плен французского унтерофицера немцы нашли приказ, содержащий диспозицию третьей группы“.

Этот унтерофицер был взят немцами в плен в ночь на 4 апреля; текст приказа, который находился у него, содержал сведения о диспозиции войск к северу от Эн в предстоящем сражении и о тех целях, которые стояли перед различными корпусами. В данном случае неприятелю открывался весь план. Заслуживает быть отмеченным, что такого рода вещи никогда ранее не случались ни с той, ни с другой стороны. Трудно думать, что это произошло совершенно случайно.

В течение некоторого времени французские генералы и штабы вели между собой резкую полемику по вопросу о достоинствах и недостатках нового плана. Перед тем как французская армия начала наступление, в ней происходила борьба, которую можно было бы назвать великой войной рек; ее вели между собой защитники наступления на Сомме против сторонников наступления на Эн. Среди французских военных обнаружилось недовольство в связи с назначением генерала Нивелля на пост главнокомандующего; говорили о том, что обошли выдающихся и компетентных старших офицеров. В ходе этой распри сторонники соперников и различных территориальных вариантов повидимому легко и широко обменивались документами. Та легкость, с которой наиболее конфиденциальный из этих секретных документов попал к неприятелю, дает основание для подозрений, от которых трудно полностью отказаться.

Немцы воспользовались полученным предупреждением и подготовились к защите.

Если бы наступление началось в первоначально установленный срок, нам удалось бы либо предупредить германские контрмеры, либо французская атака, подготовка к которой могла быть к тому времени полностью закончена, не дала бы неприятелю времени приготовиться

и ускорить выполнение своего плана обороны. Немцы все еще занимали бы свои старые позиции на Сомме, и дивизии, которые они могли сберечь своим отходом на линию Гинденбурга, были бы все еще заняты обороной старых и бесполезных позиций. У немцев не было бы в этом случае времени для переброски новых дивизий из России и Румынии; их усталые войска не имели бы времени отдохнуть. Наступление началось бы еще до русской революции, и немцы не могли бы заменить лучшие дивизии на востоке усталыми дивизиями с запада.

Когда наступление было начато, оно уже могло считаться обреченным на неудачу вследствие проволочек и предупреждений, полученных немцами. Очевидно поэтому некоторые из руководящих подчиненных Нивелля, в том числе Петэн, Франше д'Эспере и Мишле, пытались уговорить главнокомандующего вовсе отказаться от наступления и продумать возможность альтернативных действий с бо́льшим эффектом. Интересно отметить, что первой и единственной альтернативой, которая пришла в голову этому выдающемуся генералу (Петэну), было наступление на итальянском фронте; пусть это будет утешением для тех, кого постоянно обвиняли в том, что они являются стратегами-любителями. Г-н Пенлеве, бывший тогда военным министром, писал, что Петэн, Франше д'Эспере и Мишле единогласно заявили, что если мы откажемся от атаки во Франции, нам следует тотчас же отправить армию в Трентино.

Французские генералы не настаивали на этом в своих обращениях к правительству, потому что французское командование уже взяло с британской армии обязательство начать атаку под Аррасом (на самом деле в это время англичане уже начали бомбардировку). Французы не могли отказаться от своего соглашения с англичанами; было слишком поздно поднимать этот вопрос вновь. Кроме того французские генералы чувствовали, что французское общественное мнение в течение трех месяцев ожидало результатов наступления; если бы от него внезапно отказались и французские войска были бы отправлены в Италию, разочарование было бы слишком велико.

Можно не сомневаться в том, что если бы атака по плану Нивелля не была отложена вследствие возникших главным образом искусственных трений и затруднений, которые могли быть улажены и преодолены одним проявлением доброй воли, то союзные армии застали бы немцев „в процессе переезда с одной квартиры на другую" со всеми последствиями, вытекающими из такого массового переселения. Между тем задолго до наступления союзников немцы уже с комфортом устроились на новых квартирах. Перед тем как французы начали наступление, неприятелю были хорошо известны места, направление и сила удара со стороны противников.

Так как подготовка к атаке потеряла элемент неожиданности, немцы выиграли достаточно времени, для того чтобы улучшить свою оборону. Спор о „250 поездах" имел роковые последствия. Было потрачено время на то, чтобы дать Хейгу гарантии и устранить его

подозрения по поводу результатов, которые могло иметь единство командования для его авторитета. Тем самым немцы выиграли время, чтобы укрепить свои позиции. К этому времени друзья и враги в равной степени знали все о плане предстоящего наступления; друзья кляузничали, пока враги готовились к обороне. Предполагавшееся „неожиданное“ наступление превратилось в наиболее подготовленное и наиболее разрекламированное наступление за все время войны.

Французы повидимому не знали о захвате немцами их планов еще в феврале месяце. Второй инцидент 4 апреля, когда весь план наступления попал в руки противника, был хорошо известен французскому генеральному штабу. Но об этом ничего не было сообщено кабинету и, насколько мне известно, британскому генеральному штабу. Пенлеве указывает, что эти важные инциденты, которые должны были сыграть решающую роль и заставить нас пересмотреть план кампании, так и не были сообщены французскому правительству до тех пор, пока не произошло сражение. Весь характер военной операции, успех которой полностью зависел от неожиданности, тем самым изменился. Нивелль атаковал наиболее неприступную часть германских укреплений на западном фронте, после того как неприятель получил полное и точное представление о его намерениях. Генерал Жоффр в свое время избегал прямого нападения на эту укрепленную позицию и предусматривал возможность захвата ее без непосредственного штурма путем атаки с обоих флангов. Идея Нивелля заключалась в том, что немцы, не ожидая фронтального нападения на такую грозную позицию, будут держать поэтому свои резервы в более уязвимых частях фронта. Успехи, достигнутые „неожиданным“ наступлением, к которому немцы готовились в течение двух месяцев, показали, что расчет Нивелля вовсе не был неправильным. Если бы нам удалось захватить эти укрепленные позиции, Лаон стал бы досягаемым для Нивелля и германский фронт был бы наконец прорван.

Что же заставляло Нивелля упорствовать в проведении своего плана, после того как тайна его была раскрыта и элемент неожиданности, на котором он основывался, совершенно отпал? На это может быть лишь один ответ. План подобного большого наступления, раз заняв воображение главнокомандующего, перестал быть просто планом действий, планом победы. Он становился страстью, и ее нельзя было побороть, как и другие страсти, которым подвластны люди. Эта страсть ослепляла его, отметая всякий страх и подавляя внутренний голос, призывавший к осмотрительности и осторожности. Чем больше критиковали Жоффра, Нивелля и Хейга, чем больше им возражали, тем ревностнее стремились они к проведению своих планов. Они пренебрегали или недооценивали наши затруднения, они скрывали неприятные факты даже от самих себя. Мы увидим, как это сумасшествие проявилось вновь при Пашенделе. План опьяняет командира, а опьянение переходит в горячку. К этому времени горячечный маниак, находящийся во власти своего плана, совершенно ослеплен.

В декабре генерал Нивелль хладнокровно и с полным знанием дела составлял свой новый план. К апрелю он стал азартным игроком. Мы часто наблюдали это превращение на примере многих неудачливых людей, которые в своей прежней успешной карьере завоевали себе репутацию людей осторожных и осмотрительных. Когда им приходится сталкиваться с неожиданным препятствием в осуществлении хорошо продуманного плана, от которого они ранее были вправе ожидать значительных выгод, они внезапно теряют контроль над собой, отбрасывают накопленный опыт в сторону и решают пробиться силой, не учитывая возможного риска. Часто одни бросают таким образом на ветер накопленное раньше богатство, другие совершенно теряют заслуженную раньше репутацию честных и уважаемых людей.

Нивеллю было известно, что немцам его план знаком, он знал, что они готовились сорвать его намерения, что русская революция позволила немцам снять с востока их лучшие войска и что эти войска были присоединены к тем резервам, которые еще раньше были заготовлены для противодействия „неожиданностям" со стороны французов. Эти факты, которые были известны Нивеллю и на которые ему указывали самые способные из его помощников, казалось, не играли для него больше никакой роли. Нивелль был доведен до состояния полного самозабвения, опьяненный неиссякаемой чашей предстоявшей победы. Он находился в том состоянии экзальтированного опьянения, которое совершенно уничтожало его обычное спокойствие. Тихий и скромный человек стал чванлив, хвастлив и агрессивен. Подобное состояние объясняет большинство нелепых атак во время войны и в особенности то, что генералы настаивали на этих атаках, уже после того как каждому трезвому наблюдателю становилось ясно, что наступление постигла неудача.

Как и предполагалось по плану, атаку начали англичане; ей предшествовала продолжительная бомбардировка, которая длилась пять дней. Пехота начала наступление 9 апреля.

В начальной стадии наступление привело к блестящим успехам. Нам удалось взять высоты Вими, прорвать германский фронт на 6 километров вглубь, захватить 12 тысяч пленных и 150 пушек; сам генерал Людендорф, командовавший тогда германской армией, пишет, что положение к концу первого дня сражения было в полном смысле слова критическим для немцев и „могло иметь самые серьезные последствия, если бы неприятель продвинулся дальше". Его дальнейшие комментарии по поводу победы британских войск 9 апреля заслуживают быть процитированными; они показывают, как мы были близки к такой победе, которая если бы и не была решающей, то по крайней мере повлекла бы отход германской армии на линию значительно дальше той, которую немцы занимали в начале этого дня.

„Битва при Аррасе 9 апреля, — пишет Людендорф, — представляла плохое начало для решительных боев этого года.

10 апреля и последующие дни были по истине критическим

периодом. Нелегко справиться с последствиями прорыва на протяжении 12—15 километров и в ширину в 6 и более километров. Ввиду значительности потерь людьми, артиллерией и военным снаряжением, последовавших в результате такого прорыва, требовались колоссальные усилия, чтобы исправить создавшееся положение вещей. Задачей главной квартиры было обеспечить резервы. Но для нас было совершенно невозможно при тех ресурсах, которые были в нашем распоряжении, и ввиду общего военного положения располагать в непосредственном тылу по одной резервной дивизии на каждую дивизию, которая могла выбыть из строя. За один день, подобно 9 апреля, все наши расчеты были опрокинуты. Потребовалось много дней, для того чтобы создать и укрепить новую линию фронта. Ликвидация критического положения зависела главным образом (даже в том случае, если бы нам удалось найти свежие войска) от того, будет ли неприятель после первой победы продолжать наступление и затруднит ли он своими дальнейшими успехами укрепление нашей новой линии фронта. После того как наше положение было ослаблено, неприятель мог добиться победы с большей легкостью. Англичане атаковали нас на том же участке вновь 10-го числа с большими силами, но в действительности отнюдь не в большем масштабе“ *.

Перехваченный немцами французский документ, в котором раскрывались тайные цели Нивелля на Эне, по сути дела помог британской армии, так как он заставил немцев сосредоточить резервы за Шмен-де-Дам. Нам удалось поэтому прорвать германский фронт и продвинуться в одном месте на 6 миль. Один офицер говорил мне, что он продвинулся со своим батальоном на четверть мили дальше того пункта, где ему было приказано остановиться, но не встретил немцев, за исключением нескольких солдат-одиночек, которые сдались в плен без боя. На следующий день эта эвакуированная немцами территория была вновь ими занята. Неудача в использовании этой победы британскими войсками была повидимому вызвана кавалерийским психозом, который владел сердцами и умами кавалерийских генералов, командовавших британской армией в мировой войне, в которой техника артиллерии и тактика пехоты значила все, а кавалерийские наскоки меньше, чем ничего.

Тысячи всадников были собраны в одном пункте позади фронта, и оттуда их бросили в дыру, которая образовалась от прорыва германского фронта. Но из этого ничего не получилось за исключением „атаки смерти“ под Монши, где лошади и люди были сметены несколькими пулеметчиками, лишь только они попали в полосу огня. Для овладения деревней пришлось призвать пехоту. Кавалерия оказывалась только препятствием к наступлению. Благодаря присутствию кавалерии пришлось отложить некоторые мероприятия до тех пор,

* Военные мемуары генерала Людендорфа, англ. изд., т. II, стр. 421—422.

пока не стало слишком поздно. Из-за кавалерии тактика „инфильтрации“, которую так успешно применили немцы в марте 1918 г., была невозможна. Эта тактика позволяла опрокинуть линию неприятеля в одном пункте, если в другом она оказывалась несокрушимой. Немцы со своими пулеметами двигались вперед повсюду, где только открывалась для этого возможность, окружая неприятельские части, которые задерживали немецкое продвижение, и вынуждая их либо к поспешному отходу либо к сдаче в плен. Между тем кавалерия должна была иметь перед собой открытое пространство, достаточно большое, для того чтобы броситься лавиной, могущей преодолеть всякое сопротивление. История участия австралийцев в войне показывает, как они, стремясь неожиданно атаковать германскую армию на правом фланге, должны были в течение многих дней откладывать наступление, потому что для их кавалерии еще не был создан достаточный простор. Когда наконец был дан приказ об атаке, подошли германские резервы, и германская линия обороны была восстановлена. Отсюда — бесполезность атаки и кровопролитие при Бюллекуре. В конце концов благодаря беспредельной смелости и упорству австралийцам удалось захватить какие-то несчастные развалины и создать новые развалины, но они не добились никакого тактического преимущества. Так был упущен исключительно благоприятный случай добиться решительной и сокрушающей победы, которая легко могла бы привести к значительным результатам, заставив немцев еще более истощить свои резервы на Эне. В результате того, что мы не использовали возможностей, созданных смелостью и боевой подготовкой наших войск, а также небрежностью наших врагов, немцы были избавлены от необходимости выполнить план отступления на линию Вотана — в нескольких милях вглубь от их первоначальных позиций, — отступления, о котором они подумывали было 9 апреля. Линия Вотана в это время еще только строилась и не была закончена. Поэтому в случае неудачи немцев она могла быть занята, подобно тому как наши укрепления перед Амьеном были захвачены при разгроме в марте 1918 г. Между тем в данном случае немцам было дано достаточно времени, для того чтобы притти в себя и бросить в дело резервы; с помощью контрнаступления им удалось укрепить свои линии обороны, не потеряв значительной территории. Сражение затем выродилось в ряд атак и контратак на отдельные деревни и позиции. Все это было бесполезно и лишь приводило к кровопролитию.

16 апреля французы начали свое большое наступление на плато реки Эн. Было ли это наступление поражением или победой? Немцы не сомневаются, что это было их успехом. Среди союзников было немало генералов и политиков, которые соглашались в этом с немцами. С другой стороны, находились выдающиеся генералы, которые хотя ни в какой мере и не участвовали в выработке стратегии и тактики этого сражения, все же считали это сражение успешным для французов. Назначенная французской палатой депутатов комиссия по расследованию хода этого сражения в составе Фоша, Гуро и Брюера следующим образом суммирует результаты боя:

„Это был успех, но не прорыв...

Подведем итоги: с 17 по 23 апреля, т. е. до того дня, которым заканчивается расследование комиссии, генерал Нивелль отказался от мысли быстро и решительно прорваться к Лаону и ограничил свою цель в этом направлении захватом высот Шмен-де-Дам.

Принятые им меры имели своей задачей очистить Реймс от неприятеля, чего он пытался достигнуть соединенной атакой IV и V армий. Первая из них должна была при помощи ряда последовательных атак продвинуться к северу на массив Меронвилье. V армия должна была двигаться к северо-востоку, захватив сначала высоты Бримон Спен и Сапеней. Этот бой, целью которого было прорвать фронт противника, постепенно принял характер продолжительного сражения с целью истощения неприятельских войск. Неприятельские войска вскоре стали испытывать истощение.

К 1 апреля неприятель обладал на западном фронте пятьюдесятью свежими резервными дивизиями, т. е. одной третью общего числа неприятельских войск на этом фронте. К концу апреля все эти резервы были использованы. Для продолжения боя неприятелю приходилось уводить войска с более спокойных участков фронта. Вначале дивизия, уведенная с атакуемого фронта, еще могла отдохнуть несколько дней; вскоре это уже сделалось невозможным, истощение войск прогрессировало с невероятной быстротой. Разбитые части, снятые с атакуемого фронта, непосредственно перебрасывались на спокойные участки, например в Аргонны или на высоты Марны. Так например уже 25 мая мы встретили вблизи Талонского холма 2-ю германскую гвардейскую дивизию, разбитую в сражении при Гаразу между 5 и 16 мая, а также германскую 28-ю дивизию. Единственным отдыхом для этих дивизий было время, потребовавшееся для их переброски с одного места на другое.

На английском фронте можно было наблюдать те же результаты“.

Эти объяснения напоминают нам официальные высказывания о неудаче при Пашенделе. Прорваться через фронт нам не удалось и тогда, но и при Пашенделе мы захватили ряд высот и способствовали истощению неприятельских дивизий.

Условия, в которых заканчивались последние приготовления к атаке, и атмосфера, в которой атака была начата, отнюдь не способствовали уверенности в себе и тому спокойствию, которое было необходимо, чтобы выполнить предприятие, имевшее огромное значение.

Точка зрения французского правительства на возможные успехи, эффект и результаты наступления Нивелля не были формально сообщены британскому правительству. Нам удалось однако получить сведения о тех сомнениях, которые возникли вокруг этого наступления.

В то время, когда сражение еще продолжалось, британский военный кабинет все еще продолжал рассматривать создавшееся положение. 16 апреля я уведомил военный кабинет, что мною получены от г. Тома новые данные о позиции, которую незадолго перед тем заняло французское правительство по отношению к генералу Нивеллю. Эти данные были дополнены информацией, поступившей к нам от начальника имперского генерального штаба. Оказалось, что на созванном генералом Нивеллем совещании командиров его армии с критикой плана Нивелля выступил генерал Петэн, который, будучи старшим по выслуге лет, являлся теперь подчиненным Нивелля.

Об этом своем выступлении генерал Петэн сообщил непосредственно французскому военному кабинету. Генерал Нивелль был вызван кабинетом на совещание, но отказался дать объяснения о своем плане и оправдывать его перед одним из своих подчиненных. После этого некоторые французские министры сами отправились на французский фронт, для того чтобы обсудить создавшееся положение.

Начальник имперского генерального штаба подчеркивал в своих сообщениях военному кабинету, что, одобрив план, принятый французским главнокомандующим в начальной стадии, французское правительство в дальнейшем стало выражать сомнения по поводу правильности плана, хотя в сущности за это время не произошло ничего такого, что оправдало бы перемену ранее занятой позиции. Такое отношение вряд ли было справедливо по отношению к командующему, который должен был выполнить столь ответственную операцию.

Я в свою очередь указывал, что, по моему мнению, французское правительство не могло совершенно игнорировать аргументы офицера, занимавшего такое высокое положение, как генерал Пэтен.

Нет сомнений, что для генерала, подготовляющего важнейшее наступление, чрезвычайно неприятно, когда конклав из политиков и подчиненных ему генералов обсуждает его диспозиции, подвергая их критике и сомнениям. Иногда такая дискуссия происходила в главной квартире генерала Нивелля; иногда же ему приходилось отправляться в Париж, для того чтобы там объяснять и защищать свой план. Это нервировало не только главнокомандующего, но и ближайших его помощников и всех генералов, которым предстояло принять участие в наступлении. Атмосфера опасения и сомнений распространялась все шире и шире среди тех, на ком лежала ответственность за наступление на самые укрепленные позиции противника.

За ходом сражения наблюдала делегация членов французского парламента. Нет сомнения, что отказ продолжать наступление в результате неудачи намеченного прорыва был непосредственно вызван ее вмешательством. Депутаты были свидетелями ужасов, неизбежных во всяком большом сражении. Эти ужасы заставили их от огорчения преувеличить число павших. Генералы, участники следственной комиссии, в следующих словах суммируют свою точку зрения на то, чего удалось достигнуть в объединенном наступлении по плану Нивелля:

„Как бы то ни было, если наступление и не дало тех результатов, на которые мы справедливо надеялись, оно тем не менее привело к реальному успеху для наших армий. Под угрозой нашей подготовки к наступлению неприятель отказался от обороны целого участка фронта, эвакуировав две тысячи квадратных километров и освободив таким образом одну восьмую захваченной им территории. Что касается самого наступления, то оно позволило нам захватить в плен 55 тысяч человек, 800 пушек и тысячу пулеметов.

Помимо этого материального результата благодаря быстрому истощению неприятельских резервов нам удалось существенно ослабить неприятеля на итальянском фронте, устранить всякую опасность на русском фронте и взять инициативу военных действий в свои руки“.

Французские депутаты чрезвычайно преувеличивали потери французской армии. Французская следственная комиссия весьма резко отозвалась об этих преувеличениях. Так например ее заключение по вопросу о потерях гласит:

„Что касается наших потерь, которые общественное мнение считало особенно значительными, то эти потери не превышали тех, которые мы понесли в предшествующих больших сражениях. В этом отношении апрельские бои 1917 г. могут быть сопоставлены с боями в Шампани в сентябре 1915 г. Целью обоих сражений было прорвать неприятельский фронт. Потери в Шампани в сентябре 1915 г. на фронте протяжением в 40 километров были равны 150 тысячам человек. Потери на Эне за такой же период на фронте в 80 километров не превышали 117 тысяч человек“ *.

„Для того чтобы понять значение выгод, которые принесло это наступление, достаточно подумать о том впечатлении, которое произвели бы во Франции те же результаты, если бы они были достигнуты нашими противниками. Легко представить себе тот триумфальный тон, который усвоили бы немцы в своих сводках; вся Германия покрылась бы флагами“.

* * *

Этот отчет был получен слишком поздно, для того чтобы рассеять и опровергнуть всевозможные слухи, нашептывания и сплетни, которые столь обильно распространялись в кулуарах парламента взволнованными депутатами, только что вернувшимися с фронта, видевшими сражения вблизи в сопутствии всех тех ужасов, которые по сути дела неотделимы от всякого крупного боя в современных усло-

---

* Если же сравнить потери и достижения боев на Сомме и на Эне, то это сравнение говорит в пользу наступления Нивелля.

Та же комиссия с неодобрением отозвалась о попытках врагов генерала Нивелля истолковать бой при Шмен-де-Дам как серьезное поражение.

виях. Слухи вдвое и даже втрое преувеличивали понесенные потери; народное воображение было потрясено этими слухами. Поворот в народных чувствах был тем более резок, что вся Франция предавалась ранее таким радужным надеждам. С высоты этих надежд Франция была ввергнута одним ударом в бездну отчаяния. Когда Нивелль заменил Жоффра, все французы, военные и штатские, говорили, как я уже указывал выше: „Вот наконец новый человек". Когда же французы убедились в том, что они, как лягушки в сказке, сменили аиста на цаплю, которая продолжала их пожирать, их отчаяние сменилось раздражением, а раздражение перешло в волнение в окопах и в парламенте.

Слухи, шопотом передававшиеся среди гражданского населения в тылу, вскоре распространились и в лагерях, где солдаты ожидали отправки в окопы. В результате в войсках начались волнения, а коегде и восстания, которые одно время едва не угрожали революцией. Французская палата депутатов восстала против верховного командования; французское правительство потребовало отставки генерала Нивелля. На его место был назначен генерал Петэн. Он был специально подготовлен к тому, чтобы справиться с положением. Это был человек спокойный и здравомыслящий; к этому времени всей армии стало известно, что он был противником наступления, оказавшегося столь неудачным при таких больших потерях. Французские солдаты знали таким образом, что назначение генерала Петэна было гарантией того, что не повторятся больше кровопролития, на которые в течение трех лет обрекали французскую молодежь в экспериментах и планах, подготовленных генералами, большинство которых никогда не участвовало в подлинных сражениях, в окопах или в открытом поле. Такт, умение разбираться в людях и твердость Петэна восстановили доверие французских войск. Но это могло означать, что по крайней мере на ближайший год французская армия перестала быть эффективным боевым механизмом, способным предпринять какую-либо атаку в большом масштабе.

Глава пятьдесят первая.

ПОСЛЕДСТВИЯ НАСТУПЛЕНИЯ НИВЕЛЛЯ

Для того чтобы устранить сомнения, существовавшие у нашего главнокомандующего и начальника имперского генерального штаба по поводу намерений французов, в конце апреля было решено наконец созвать конференцию в Париже при участии политических и военных руководителей союзников. Конференция была назначена на 4 мая. 1 мая имперский военный кабинет тщательно обсудил вопрос о той политической линии, которой должны были придерживаться британские представители на конференции. За несколько дней до конференции генерал Смутс специально посетил нашу главную квартиру во Франции, чтобы познакомиться с создавшимся положением. Сэр Дуглас Хэйг повидимому воспользовался его посещением, чтобы убедить генерала Смутса в важности британского наступления для очищения от неприятельских войск побережья Фландрии. Генерал Смутс вернулся весь во власти этой идеи. По моей просьбе он изложил свою точку зрения в письменном виде. Так как этот документ представляет собой интересный обзор положения на фронте в том виде, в каком оно представлялось в это время компетентному и независимому наблюдателю, я позволю себе процитировать его текстуально.

„Общее стратегическое и военное положение, в частности положение на западном фронте

1. Общие вопросы

Теперешнее стратегическое и военное положение определяется не только предшествовавшим ходом военных действий, но также в значительной степени нашей общей политической линией, т. е. теми политическими целями, ради которых мы ведем войну, и нашей возможностью точно определить и ограничить эти цели.

Военное положение, представляющееся совершенно безнадежным, если исходить из преувеличенной и претенциозной политической программы, напротив, дает достаточно оснований для оптимизма и бодрости духа, если наша программа военных целей будет ограничена должным минимумом. В этом случае

победа как необходимая предпосылка к выполнению наших военных целей представляется в совершенно другом аспекте. Четкое и ясное определение наших военных целей стало совершенно необходимым на этой весьма поздней стадии опустошительной войны, продолжающей требовать от нас до сего времени несметных жертв. В двух комиссиях военного кабинета военные цели уже были определены. Если учесть дополнительные пожелания этих комиссий, наши военные цели в настоящее время сводятся к следующим четырем пунктам:

1. Уничтожение германской колониальной империи с целью обеспечения безопасности коммуникаций Британской империи. Это уже достигнуто. В мирных переговорах не следует ставить под угрозу это огромное достижение.

2. Отторжение от Турецкой империи тех частей, которые могут дать Германии возможность экспансии на восток и тем самым возможность угрожать нашему положению в качестве азиатской державы. Это в основном уже достигнуто, хотя для окончательного завершения этой задачи нам необходимо еще завоевать Палестину.

3. Эвакуация неприятелем Бельгии, севера Франции, Сербии, Черногории и Румынии и уплата возмещения Бельгии, а также быть может Франции и Сербии.

4. Такое устройство Европы, которое ограничит или уничтожит военное превосходство германских держав; все детали такого устройства могут быть оставлены открытыми до мирной конференции.

Две последних цели еще должны быть достигнуты.

До сих пор результаты войны могут быть суммированы в следующем виде: все участники войны потеряли значительную часть своей территории, за исключением Германской и Британской империй; Германия заняла ряд территорий в Центральной Европе, Британская империя — в остальном мире. Наши завоевания значительно укрепили наше положение, но остается все же риск того, что, поскольку Германская империя выиграла относительно больше и не разбита ныне, в будущем Германия может стать для нас еще более серьезной угрозой, чем в прошлом. Как же добиться поражения Германии?

Я уже заявлял военному кабинету и откровенно повторю здесь мое мнение, что поражение Германии не должно быть только или даже полностью военным поражением. Конечно необходима известная военная победа; она должна быть достигнута не только потому, что она нужна для наших целей, но также и в качестве памятного урока прусскому милитаризму.

За нас ведут борьбу более могущественные силы, чем наши собственные армии. Исход этой войны будет зависеть в значительной степени от обстоятельств, которые трудно учесть: от общественного мнения во всем мире, которое потрясено и

возмущено германскими зверствами, от страха правящих классов Центральной Европы перед темными силами революции, которая уже маячит на горизонте, от призрака нужды или даже голода, который уже бродит по стране, сплачивая воедино все те моральные факторы, которым еще Наполеон придавал бо́льшее военное значение, чем храбрости своих солдат. Таким образом теперешнее бессилие русской армии почти уравновешивается, а в конце концов целиком будет компенсировано теми опасениями, которые вызывает у правителей Центральной Европы пример победоносной революции. Наконец вступление в войну пацифистской Америки указывает на растущее значение тех, на первый взгляд невесомых, но на деле весьма важных сдвигов, которые вызвала война в сознании народных масс.

В связи с этим нам следует тщательно учесть два соображения. Во-первых, наша дипломатия и военная тактика должны всячески стремиться к тому, чтобы сохранить симпатии мирового общественного мнения. Мы не должны отходить от нашей политической линии, не должны поддаваться на провокацию варварских германских методов войны. Сюда относится вопрос об усилении наших репрессий, о давлении на малые нейтральные страны и даже о подчеркнутом расширении наших традиционных уступок в чисто внутренних делах и т. п. Во-вторых, мы должны учитывать, что действие таких моральных факторов будет продолжаться и после войны; оно неизбежно приведет к бо́льшим изменениям, нежели те, которые мы были бы в состоянии реализовать сегодня или которые будут нами предусмотрены в мирном договоре. В настоящее время представляется весьма вероятным, что демократизация Центральной Европы, которая явится неизбежным последствием войны, поможет нам достигнуть той цели войны, которая предусмотрена приведенным выше пунктом 2, в значительно бо́льшей мере, чем какие-либо мероприятия, которые мы сами можем придумать. Но даже в этом случае для достижения наших целей, изложенных в пп. 3 и 4, необходим значительный военный успех. Как его достигнуть? Это подводит нас к рассмотрению современного стратегического и военного положения.

2. Салоники

В связи с этим вопросом важно отметить значительное сокращение масштаба наших военных действий по мере хода войны. В начальных стадиях войны перед нами были возможности наступления, которые в настоящее время закрыты; многие блестящие идеи в настоящее время уже не могут быть испробованы на опыте. С другой стороны, даже наше теперешнее поле действий может быть ограничено и возможно даже, что нам придется пересмотреть теперешние стратегические возможности. Первый лорд адмиралтейства так

настойчиво предупреждал нас о серьезности положения военного и торгового флота, что было бы чрезвычайно опасно вовсе пренебрегать его предупреждениями. Поэтому возникает вопрос: какая из наших морских операций обещает наименьший успех в достижении наших целей и требует наибольшего количества тоннажа?

Несомненно, что к числу таких операций относится кампания в Салониках, которая не выполнила своих первоначальных задач и которая во все большей степени станет источником не только военных и морских, но возможно и политических забот и затруднений. Кроме победоносного наступления, которое могло бы серьезно угрожать Софии, я склонен видеть сегодня лишь два преимущества, вытекающие из этой кампании: а) она может содействовать отрыву Болгарии от центральных держав и б) она может служить прикрытием для Греции и помешать немцам достигнуть этой страны, где они могли бы получить свежие людские резервы и воспользоваться греческими портами в качестве баз и убежища для подводных лодок.

Учитывая наличие наших сил на этом фронте, я считаю, что создание действительной угрозы Болгарии исключено. Стратегическое и географическое положение в Центральной Европе таково, что на балканском фронте должна либо находиться одна из самых мощных по численности армий с мощной артиллерией, или этот фронт должен быть оставлен вовсе. Всякая средняя линия, которой мы следовали до сих пор, является либо бесполезной, либо опасной...

Министерство иностранных дел должно немедленно рассмотреть вопрос о том, возможна ли изоляция Болгарии от ее союзников; если эта цель может быть достигнута, то салоникскую кампанию не придется причислять к списку наших поражений. Болгария, которая не только стала бы могущественной страной, но и удовлетворила бы свои национальные устремления ценою измены Германии в самый критический момент войны, явится важнейшим положительным фактором в будущем политическом устройстве Балкан. Я уже не говорю о тех непосредственных военных преимуществах, которые вытекают отсюда для союзников. Если это возможно, нам следует предпринять определенные шаги в этом направлении. Если нет, то я могу лишь предложить изменить наши планы и постепенно увести наши войска с балканского фронта, не поставив под угрозу положение наших союзников, которые останутся там на сокращенной линии фронта. Положение на Балканах требует прежде всего дипломатических действий, и наши военные планы должны быть соответствующим образом пересмотрены.

Следующим по важности вопросом после отделения Болгарии от центральных держав является вопрос об отделении Турции. Оно осуществимо, если русское правительство определенно откажется от своих прав, предусмотренных босфорским согла-

шением. Однако опасность того, что Россия на том или ином основании выйдет из войны, является настолько серьезной и имела бы такие огромные последствия, что я не считал бы желательным ставить перед Россией этот вопрос в настоящее время, а предпочел бы, чтобы положение выяснилось само собою в ходе событий. Раздражать больную Россию значило бы ухудшить ее состояние. Я поэтому исхожу из предпосылки, что наша кампания против Турецкой империи будет продолжаться с полной силой.

3. Месопотамия

Что касается Месопотамии, то мы достигли здесь всего того, к чему стремились; мы в состоянии теперь консолидировать наше положение и сделать наши позиции неуязвимыми для всяких контратак в будущем. Генералу Моду следует избрать и подготовить сильную оборонительную позицию на наиболее удобном участке этого фронта, одновременно продолжая давление на неприятеля...

4. Палестина

Палестинская кампания представляет много интересных военных и даже политических возможностей. По мере того как наше продвижение в Палестине подходит к Иерусалиму и Дамаску, оно несет с собою гораздо более сильную угрозу Турецкой империи, чем все, что мы предпринимали до сих пор, за исключением дарданельско-галлиполийской кампании. Мы должны быть поэтому готовы к самому упорному сопротивлению. Вот почему для нас важно рассмотреть вопрос о постепенном полном переводе наших войск из Салоник на этот фронт. Это перемещение даст нам также возможность сократить наши перевозки в опасном для нас Средиземном море. Палестинскую армию можно в значительной степени снабжать за счет стран Востока, Австралии и Южной Африки. Суда, которые в настоящее время крейсируют у берегов Восточной Африки, также скоро освободятся для этой цели. Сокращение салоникского фронта и усиление давления в Палестине должны несомненно иметь своим последствием переброску всех турецких сил на азиатские фронты. Следует полностью учесть, что если русские не будут продолжать решительного наступления в Армении, а генерал Мод не будет попрежнему нажимать на неприятеля на своем фронте, то наша палестинская армия безусловно встретит сильнейшее сопротивление, еще до того как она достигнет Иерусалима. Во всяком случае, начав решительное наступление, мы должны быть готовы к тому, что этот фронт приобретет в конце концов первостепенное значение, которое будет уступать лишь значению западного фронта. Для того чтобы избегнуть в будущем всякого разочарования, необходимо соответствующим образом оценить предстоящую кампанию с этой точки зрения.

5. Западный фронт

Мне остается рассмотреть наиболее важный и наиболее сложный вопрос — положение на западном фронте. Я всегда считал несчастьем, хотя и неизбежным при создавшихся обстоятельствах, что британские войска целиком поглощены войной на этом фронте. В результате на этом театре военных действий в условиях, созданных неприятелем, две наиболее мощных армии Антанты связаны, очутившись перед почти непреодолимыми позициями противника.

Для наших целей весьма существенно сохранить инициативу в своих руках и продолжать наступление. И то и другое весьма трудно в том положении, в какое мы поставлены на этом фронте. У меня нет уверенности, что мы можем прорвать неприятельский фронт на сколько-нибудь значительном протяжении. Нет сомнения, что при нашем превосходстве в тяжелой артиллерии мы можем ударить по любому участку неприятельского фронта, но в каждом отдельном случае нам до сих пор не удавалось продвинуться более чем на короткое расстояние. У нас нет оснований полагать, что это положение сколько-нибудь серьезно изменится в ближайшем будущем, если у неприятеля не произойдут непредвиденные бедствия. Я установил, что боевой дух нашего командного состава и наших солдат великолепен; солдаты и командиры полны уверенности и решимости. Но мое посещение фронта только укрепило прежнее впечатление, что благоприятный исход борьбы на этом фронте может быть достигнут лишь в процессе беспощадного истощения неприятеля. А это метод весьма дорогой и требующий продолжительного времени, притом не менее опасный для нас, чем для неприятеля; он угрожает нам тем, что людские ресурсы в процессе борьбы на истощение будут исчерпаны. Такая победа в войне обходится дороже всего победителю.

Мое посещение западного фронта также убедило меня в неудовлетворительности создавшегося положения как в области верховного военного руководства, так и в отношении наших стратегических резервов. По обоим этим вопросам я изложил свою точку зрения начальнику имперского генерального штаба немедленно после своего возвращения. Моя точка зрения в основном нашла отражение в его важном меморандуме военному кабинету от 17 апреля, который без сомнения удостоился самого тщательного рассмотрения. Я здесь вкратце повторю свою точку зрения.

Мы начали войну с небольшими военными силами и не в качестве главного участника борьбы, а скорее в качестве вспомогательной армии по отношению к Франции... Это находило отражение в нашей общей военной политике, которая по необходимости отличалась крайней скромностью и почти полным подчинением политике Франции. Наша армия заняла свои пози-

ции рядом с французской армией, приступив к обороне французской территории. По мере того как наши силы продолжали возрастать, мы брали на себя все бóльшую и бóльшую часть французского фронта. Тем не менее наша политика оставалась весьма скромной. Мы попрежнему подчиняли свою роль роли Франции, несмотря на то, что в течение последних двух лет положение изменилось и Англия в настоящее время стала главным противником центральных держав, стала главной финансовой, морской и в значительной степени военной опорой Антанты. Это ненормальное положение в настоящее время находит отражение в трех весьма любопытных обстоятельствах...

Наиболее серьезным результатом этого положения является то, что наша армия (за исключением частей, которые заняты на других фронтах) связана полностью на западном фронте. У нас нет больших стратегических резервов, которые мы могли бы использовать для непредвиденных обстоятельств. Без сомнения имелись достаточные причины для того, чтобы мы постепенно брали на себя все бóльшую часть задачи по обороне Франции и создали тесную связь французской и английской армий на нынешнем западном фронте. Вероятно немцы еще обладают значительными резервами, которые они могут бросить на тот или другой из существующих фронтов для новой диверсии, которая может дать им успех...

Я считаю, что наступило время для решительной попытки устранить эти три аномалии. Мы должны стремиться вновь взять в свои руки дипломатическую инициативу, особенно на Балканах; мы должны после теперешнего наступления вновь приобрести независимость нашего военного руководства. Помимо всего прочего мы должны стремиться освободить в кратчайший срок с западного фронта по крайней мере одну из наших армий, которая могла бы оставаться на севере Франции или вблизи бельгийской границы в качестве стратегического резерва на случай серьезных затруднений. Большая армия в роде нашей, лишенная стратегических резервов, идет на большой риск. Германские стратегические резервы в декабре прошлого года были брошены в Румынию, лишь только возникла опасность румынского вторжения в Трансильванию. Мы должны быть в таком же положении, ибо только оно даст нам безопасность при непредвиденных обстоятельствах.

Эти впечатления, полученные мною на фронте, были с тех пор подкреплены слухами о том, что многие видные члены французского правительства не одобряют теперешнего наступления генерала Нивелля и считают, что для французской армии лучше всего придерживаться оборонительной политики. Если эта политика будет применяться не только французами, но и британской армией, это будет означать, что к концу третьего года войны военная политика неприятеля, обрекающая нас на обо-

рону, имеет успех. Учитывая также тот факт, что неприятельские силы в настоящее время более значительны, чем когда-либо с начала войны, что немцы занимают значительную часть союзной территории, которую они все еще удерживают в своих руках, и что подводная война, уже приобретшая такое серьезное значение, все более обостряется, можно сказать, что мы потерпели поражение. Это обстоятельство не может не обескураживать все союзные народы и в конечном счете должно ускорить серьезное движение в пользу мира в одной или нескольких союзных странах. Если распад начнется, его трудно будет приостановить. Нет сомнения, что участие Америки в войне скажется в 1918 г. Опасность заключается в том, что мы пожалуй не вынесем бремени войны до 1918 г., если не будут предприняты активные действия и если длительные военные успехи не улучшат боевого духа в союзных странах. Тогда союзники в состоянии будут продолжать борьбу до тех пор, пока Америка не выступит в качестве решающего фактора. Опасность чисто оборонительной политики представляется мне весьма серьезной. На случай, если французы будут проводить такую политику, я считаю, что мы должны были бы заставить их взять на себя оборону значительной части того фронта, который мы теперь занимаем. Так как у них не будет больше необходимости в значительных резервах для наступления, они будут в состоянии выполнить эту задачу. Наши силы в этом случае следует концентрировать к северу; часть их должна быть сосредоточена в тылу в качестве стратегического резерва, а с остатками наших сил мы должны попытаться вернуть северное побережье Бельгии, изгнав неприятеля из Зеебрюгге и Остендэ. Это огромная задача, особенно если учесть то, что русские и французы могут остаться пассивными. Мы должны сделать все, используя при этом все средства давления, чтобы побудить тех и других к активным действиям, даже если они на самом деле окажутся не в состоянии перейти в наступление. Как бы трудна ни была эта задача, все должно быть сделано, для того чтобы мы могли продолжать наше наступление. Мне представляется, что наступление с целью вернуть бельгийское побережье и лишить неприятеля двух его наиболее близких к Англии баз для подводных лодок представляет больше преимуществ, чем теперешнее наступление, которое, по мере того как оно увенчается успехом и приведет к очищению от неприятеля французской территории, уменьшит готовность французов продолжать борьбу после достижения ими их непосредственной цели. Если французы будут решительно придерживаться оборонительной политики, то наша задача на западном фронте может стать настолько затруднительной, что кабинету министров придется пожалуй отказаться от продолжения палестинской кампании и вернуть наши войска из Салоник в качестве подкрепления на западный фронт.

Я упоминаю об этом здесь, так как считаю, что приближается время, когда военному кабинету придется тщательно рассмотреть военное положение в целом; обстоятельства могут побудить военный кабинет сократить линии нашего фронта в еще большей степени, чем я предлагал выше. Мы переходим к конечной стадии этой продолжительной борьбы, когда мы не можем позволить себе дальнейших ошибок. Всякий ложный шаг, предпринятый той или другой стороной, может оказаться решающим и роковым.

6. Непредвиденные обстоятельства

Таковы причины, благодаря которым я стремлюсь к созданию настоящих стратегических резервов. В этой войне было так много нелепых случайностей, что нередко исход борьбы зависел от какого-либо непредвиденного обстоятельства, возникавшего в самом конце операции. Мы нуждаемся в резервах, для того чтобы оказаться в состоянии использовать всякий благоприятный случай для наступления...

Наконец я хотел бы особо обратить внимание военного кабинета на то, что наступило, или вскоре должно наступить, время для пересмотра всего стратегического положения на суше и на море. Нам предстоит пересмотреть вопрос о наших материальных ресурсах и о наших дипломатических действиях; необходимо по возможности установить определенную политическую линию по вопросам, поднятым в данном меморандуме, а также по другим вопросам, на которых я здесь не останавливался. Если первый морской лорд и начальник имперского генерального штаба не будут иметь четкого представления об общей политике военного кабинета, они не будут в состоянии полностью и самым эффективным образом использовать тот военный механизм, которым они руководят.

27 апреля 1917 г.

Дж. К. Смутс“.

Сэр Виллиам Робертсон направил в военный кабинет свои замечания по поводу меморандума Смутса:

„Операции на западном фронте

1. Французское правительство повидимому не желает продолжать серьезные наступательные операции. Если это так, то тем самым намечается серьезная перемена военного положения. Наступательные операции местного значения, которые как будто подготовляют французы, не могут дать ощутительного эффекта. В войне нет середины между сражением, в котором борьба ведется с твердой решимостью разбить неприятеля, и между чисто оборонительными действиями. Выражения вроде „активная оборона“ или „наступательная оборона“ являются попросту софизмами, не имеющими никакого практического смысла.

2. Если французы теперь остановятся хотя бы только на время и откажутся от мысли о больших сражениях и больших потерях, то в дальнейшем будет трудно, если не вообще невозможно, убедить их перейти в наступление. В лучшем случае такая обстановка будет означать, что французы не начнут наступления до весны 1918 г. До появления американской армии во Франции нет основания полагать, что союзники окажутся в лучшем положении для продолжения борьбы на западном фронте.

3. Французы могут ссылаться на следующие выгоды бездействия. Германия может быть изнурена голодом (на это мы безусловно не можем рассчитывать, особенно после того как Германия овладеет румынскими запасами и возможно окажется в состоянии использовать впоследствии Россию); размеры потерь уменьшатся, и поэтому политика уменьшения масштаба борьбы будет популярна во Франции (это наиболее ложный из всех аргументов); Америка может в дальнейшем помочь своими войсками*. Но можем ли мы быть уверенными в том, что у нас будет тоннаж, для того чтобы в течение 9—12 месяцев перевезти во Францию около 500 тысяч американцев и снабдить их всем необходимым? Можем ли мы быть уверенными, что наш тоннаж выдержит еще год войны и что народы Англии и Франции вынесут год бездействия, одновременно испытывая все больше лишений.

4. Можем ли мы быть уверенными в том, что Россия и Италия не заключат сепаратного мира, если Германия будет иметь возможность беспрепятственно нанести им жестокий удар. В настоящее время Россия представляется легкой добычей для врага; она не сможет выдержать решительной атаки. Каково будет отношение к нам нового русского правительства, если мы допустим новое вторжение неприятеля в Россию. Опасность, грозящая Италии, общеизвестна, и о ней не стоит распространяться.

5. Такова вкратце опасность бездействия. Посмотрим теперь, какие преимущества дает продолжение наступления.

В каждом большом сражении наступает период исключительного напряжения; обычно одерживает победу тот, кто обнаруживает бо́льшую выдержку. Другой важнейшей предпосылкой серьезного успеха в бою служит истощение неприятельских резервов. Это казалось ранее вопросом нескольких часов, а в настоящее время — это вопрос недель и даже месяцев. Командир, располагающий резервами, обычно побеждает.

Когда план генерала Нивелля был представлен военному

* Одна Англия перевезла на своих судах в 1918 г. миллион американских солдат во Францию. Еще один миллион американских солдат был перевезен на американских судах.

кабинету, я указал, что не верю в такую быструю возможность прорыва германского фронта. Я никогда не верил в возможность подобного прорыва; к тому же полный прорыв германского фронта вовсе не должен с необходимостью предшествовать удовлетворительным условиям мира. Если мы в достаточной мере добьемся истощения неприятельских резервов, мы можем рассчитывать на такой успех, когда неприятель сам убедится в том, что его ждет еще худшее поражение и что для него бесполезно продолжать борьбу.

6. *В теперешнем сражении мы добились большего, чем сами ожидали (так например мы захватили более 250 орудий). Французы не оправдали своих надежд главным образом потому, что надежды эти были безумно оптимистичны. Они не захватили значительной территории, однако совместно с нами французы нанесли германским резервам бо́льший удар, чем мы раньше считали возможным. Из первоначальных 49 германских дивизий 20 было брошено в бой на французском фронте и 16 на нашем. Без сомнения тяжелые бои медленно и постепенно склоняются в нашу пользу. Если бы на месте неприятеля мы каждый день были бы вынуждены отходить, теряя 40 тысяч пленных и 400 пушек, я не думаю, что у нас не было бы основания для беспокойства. Именно таково положение врага, как это показывает информация из Германии и недавние германские коммюнике.* Впервые во время войны Германия столкнулась с действительно серьезными рабочими волнениями внутри страны. Явным доказательством этого является прокламация генерала Гренера (ср. телеграмму сэра В. Туанли от 27 апреля). План Германии заключается явно в том, чтобы обороняться на западе и связывать наши силы до тех пор, пока подводная кампания не окажет на нас своего действия. Германия надеется на то, что это случится еще до следующего урожая, в ожидании которого самому германскому народу придется испытать значительные лишения. Если бы мы могли усилить беспокойство Германии в связи с ее продовольственным положением и одновременно посеять в Германии тревогу за судьбы ее военной обороны, нам удалось бы вынудить ее к необходимым уступкам. Мы заставляем Германию сражаться вопреки ее желанию, а это само по себе оправдывает продолжение наступления.

С другой стороны, если мы благодаря нашему бездействию дадим Германии возможность легко добиться успехов на других фронтах кроме западного и позволим ей заявить перед всем миром, что мы потерпели поражение, то ей безусловно удастся сохранить единство германского народа и его союзников. Имея эти преимущества и располагая вдобавок дополнительными ресурсами в виде румынского урожая, она окажется в 1918 г. с чисто военной точки зрения в таком положении, которое позволит ей спокойно ожидать прибытия десятка американских

дивизий на западный фронт, даже если мы будем обладать необходимым тоннажем для их перевозки и снабжения.

7. Я считаю, что риск ожидания слишком велик и что мы должны принять все меры, к тому чтобы побудить французов к дальнейшим сражениям. В меморандуме, только что разосланном военному кабинету, генерал Смутс подчеркивает эту точку зрения. Он говорит по поводу западного фронта следующее:

„Для наших целей весьма существенно сохранить инициативу в своих руках и продолжать наступление. И то и другое весьма трудно в том положении, в которое мы поставлены на этом фронте... Эти впечатления, полученные мною на фронте, были с тех пор подкреплены слухами о том, что многие видные члены французского правительства не одобряют теперешнего наступления генерала Нивелля и считают, что для французской армии лучше всего придерживаться оборонительной политики. Если эта политика будет применяться не только французами, но и британской армией, это будет значить, что к концу третьего года войны военная политика неприятеля, обрекающая нас на оборону, имеет успех. Учитывая также тот факт, что неприятельские силы в настоящее время более значительны, чем когда-либо с начала войны, что немцы занимают значительную часть союзной территории, которую они все еще удерживают в своих руках, и что подводная война, уже приобретшая такое серьезное значение, все более обостряется, можно сказать, что мы потерпели поражение. Это обстоятельство не может не обескураживать все союзные народы и в конечном счете должно ускорить серьезное движение в пользу мира в одной или нескольких союзных странах. Если распад начнется, его трудно будет приостановить. Нет сомнения, что участие Америки в войне скажется в 1918 г. Опасность заключается в том, что мы пожалуй не вынесем бремени войны до 1918 г., если не будут предприняты активные действия и если длительные военные успехи не улучшат боевого духа в союзных странах. Тогда союзники в состоянии будут продолжать борьбу до тех пор, пока Америка не выступит в качестве решающего фактора“.

8. Если окажется, что мы не сможем убедить французов в необходимости наступления, или если они согласятся наступать, но мы не будем полностью уверены, что они действительно намерены выполнить свое обещание в меру своих сил, то в худшем случае мы должны настоять на том, чтобы они взяли на себя защиту большей части своего фронта, ныне охраняемого нами, а мы сами будем продолжать подготовлять наше наступление в Бельгии. Я отнюдь не хотел бы рекомендовать провести эту операцию именно сегодня, если французы будут попрежнему бездействовать и если на западном фронте будет столько же германских войск, сколько теперь, так как я сомневаюсь в осуществимости этой операции в данных усло-

виях*. Но для нас весьма важно, чтобы это наступление было начато. Если оно окажется вообще осуществимым и если неприятельские войска дадут нам какой-нибудь шанс, мы должны быть готовы воспользоваться им. После всего сказанного следует отметить, что у нас в самом деле нет иной, более удовлетворительной возможности, которая могла бы заменить продолжение начатого нами и французами наступления.

9. Уже в течение долгого времени я указывал военному кабинету на необходимость в большей степени, чем до сих пор, взять в свои руки контроль над ведением войны. Я всегда полагал, что наступит время, когда выдержка французского правительства будет сломлена под бременем войны. Так и случилось. Единственным исходом для нас является взять дело в свои руки. Я прилагаю памятную записку генерал-лейтенанта Вильсона, который поддерживает мою точку зрения.

30 апреля 1917 г.".

Ввиду презрительных замечаний о неудаче наступления Нивелля, которые впоследствии стали постоянно фигурировать в документах штаба, небезынтересно отметить, что в приведенных выше высказываниях по поводу итогов наступления Нивелля сэр Вилльям Робертсон через две недели после самого сражения заявлял, что, по его мнению, мы добились „большего, чем сами ожидали". Французы и англичане объединенными силами нанесли бóльший удар германским резервам, чем мы раньше считали возможным. Робертсон был настолько удовлетворен достигнутыми в данном наступлении успехами, что стремился продолжать это наступление. В вопросе о нашей общей политике он вернулся к „стратегии истощения". У него не появилось никакой другой мысли, кроме той, что все наши усилия должны быть направлены к истощению неприятельских резервов. Казалось, он не думал о том, что в то же самое время мы растрачиваем наши собственные силы и что успех „стратегии" истощения зависит от того, чьих сил хватит на более продолжительное время. Робертсон высказывает крайне пессимистические соображения об американской помощи; тон его записки дышит презрением к американцам. Он придерживается пессимистической точки зрения также в вопросе о перспективах и эффекте подводной войны. Робертсон считал, что к 1918 г. союзники не смогут выделить необходимого тоннажа, для того чтобы перевезти более полумиллиона американцев и „снабдить их всем необходимым в Европе". Он полагал, что к этому времени мы можем быть вынуждены под угрозой голода заключить плохой мир. Робертсон был близким другом Джеллико; они работали в тесном сотрудничестве. И Джеллико и Робертсон придерживались германской точки зрения на вероятный исход

* Выраженное в этом абзаце мнение начальника имперского генерального штаба совершенно не соответствует позиции, занятой им в июне, когда рассматривался и разрешался вопрос о решительном наступлении вдоль бельгийского побережья.

подводной войны. В этом подлинное значение замечаний Робертсона о тоннаже. Отсюда вероятно вытекало и его согласие с проектом наступления во Фландрии. В своем меморандуме Робертсон не высказывается оптимистически по поводу возможных результатов наступления и считает его едва ли не последним актом отчаяния. Но он не может придумать ничего другого и поэтому в данный момент предпочитает продолжать наступление Нивелля.

Я вынужден прибавить сюда несколько слов о моем тогдашнем отношении к этому наступлению.

На Римской конференции я тщетно пытался отговорить моих французских коллег от попытки предпринять новое большое наступление во Франции в этом году и, ясно указав на то, каковы могут быть, по моему мнению, результаты такого решения, я предлагал атаку на другом театре войны, на итальянском фронте. Когда французы настаивали на выполнении обязательств, принятых нами на себя в Шантильи, я не имел возможности отказаться от подписи Англии под этим соглашением и рискнуть разрывом между союзниками, в особенности потому, что наши собственные военные советники соглашались с французской точкой зрения. Поддерживая французов в Риме, Робертсон до мельчайших подробностей был знаком с предусмотренным Нивеллем изменением плана в Шантильи. На конференции в Риме Робертсон был одним из наиболее ярых и упрямых защитников французского плана. Когда наступление Нивелля оказалось единственным оставшимся в нашем распоряжении планом, я принял все меры к тому, чтобы обеспечить ему успех, способствуя его выполнению транспортными и материальными ресурсами и людьми. Я не жалел наших сил и настаивал на единстве командования в качестве существенного условия успеха. Мы могли только жалеть о том, что этот первый опыт не был удачным. Изложенные мною факты позволят всем тем, кто знаком со всей злосчастной историей глупых ошибок, взаимного подсиживания, зависти, бестактности и обидчивости, поровну распределить между нами ответственность за то, что действия союзников не были успешны. Нам пришлось отложить объединение военного руководства до тех пор, пока сами события не заставили генералов подчинить их чванство, гордость и национальное самолюбие требованиям общего дела в тяжелый момент. Для того чтобы достигнуть этой цели, нужны были бо́льшие бедствия, чем разочарование в наступлении Нивелля. Несмотря на все, что случилось, это наступление для британской армии было определенным успехом, успехом гораздо бо́льшим, чем наступление на Сомме. Оно могло бы кончиться триумфом, если бы нам удалось более действенно и более решительно его использовать. Но и на этот раз „апокалипсические всадники“ испортили весь праздник.

Я не был настолько компетентен, чтобы высказывать суждения по вопросу о том, могли ли бы мы выиграть что-либо, продолжая атаку, которая так многообещающе была начата на нашем участке фронта. Я склонялся к тому, чтобы следовать взглядам Петэна,

считавшего, что ничего серьезного нельзя было достигнуть, продолжая наступление в сколько-нибудь значительном масштабе. Но я знал, что другие члены кабинета придерживались другого мнения. В частности генерал Смутс, которому кабинет поручил отправиться на фронт, для того чтобы представить отчет о военном положении, вернулся из главной квартиры убежденным и пламенным сторонником продолжения наступления на западном фронте. Впоследствии я убедился, что большинство членов военного кабинета находилось под впечатлением той решительной поддержки, которую Смутс оказывал точке зрения главной квартиры.

В это время мы еще ничего не знали о серьезных волнениях во французской армии. Самые худшие события наступили только впоследствии. Если бы мы знали, каково было в действительности положение во французской армии, я убежден, что генерал Смутс не решился бы отклонить осторожные советы Петэна.

Меморандумы Смутса и Робертсона были розданы членам кабинета и рассматривались на заседании 1 мая. При обсуждении этих меморандумов начальник имперского генерального штаба зачитал письмо фельдмаршала сэра Дугласа Хейга. Хейг указывал, что ему не совсем ясно, кто собственно фактически является главнокомандующим французской армии, в то время как генерал Нивелль номинально числится главнокомандующим, а генерал Петэн состоит начальником штаба французского военного министерства. Как бы то ни было, фельдмаршал Хейг не сомневался в том, что контроль над военными операциями перешел к французскому правительству и что последнее придерживается оборонительной тактики. Хейг считал бесполезным для себя продолжать свое тогдашнее наступление, если французы не намеревались активно сотрудничать с нами, и предлагал изменить свои планы в соответствии с создавшимся положением.

Военному кабинету предстояло разрешить следующие вопросы:

1. Должны ли британские представители на предстоящей англо-французской конференции требовать от французского правительства, чтобы последнее придерживалось политики активного наступления?

2. Какова должна быть позиция британских представителей, если французы откажутся перейти в наступление или, приняв на себя обязательство начать наступление, всем своим отношением покажут, что не намерены выполнить их целиком?

Я попытался подытожить те аргументы, с которыми британские представители вероятно встретятся на конференции. Французы могут сослаться на двух видных генералов (Алексеева и Петэна), которые высказываются против больших атак. Алексеев указывал, что, по его мнению, Россия не сможет предпринять в этом году серьезного наступления и что в результате союзники на западе окажутся лицом к лицу с основной массой германских резервов; своим наступлением союзники исчерпывают свои людские резервы в операции, которая, не открывая шансов на успех, тем самым ограничивает наступатель-

ные возможности на 1918 г. Далее, французы могли указать на то, что генерал Петэн правильно предсказал неудачу наступления Нивелля, подчеркнув предпочтительность повторных неожиданных атак в гораздо меньшем масштабе. Французы могли спросить нас, открываются ли у нас какие-либо перспективы на успех при наступлении на западном фронте в течение 1917 г. Они могли привести цифры в подтверждение того, что немцы обладают превосходством в тяжелой артиллерии и что в отношении численности войск у союзников нет значительного превосходства. Иными словами, французы могли доказать, что превосходства людских и материальных ресурсов как основной предпосылки успешного наступления у союзников нет. Они могли далее указать, что блокада оказывает на неприятеля свое действие, что к 1918 г. положение в России определенно разрешится в ту или иную сторону и что к тому времени США смогут выставить полмиллиона солд... Даже если транспортные затруднения не позволят американской армии появиться на западном фронте, она может быть послана в Россию, где с помощью американцев-организаторов тяжелое положение на транспорте может быть устранено. Французы без сомнения укажут, что если наша тактика на западном фронте в настоящее время должна быть оборонительной, то мы в то же время можем использовать наши дополнительные силы для других целей, например для борьбы в Сирии, выключив сначала Турцию, затем Болгарию и наконец быть может даже Австрию из числа наших противников. Французы будут настаивать на том, что если британские генералы высказывают полную уверенность в успехе теперь, то не следует забывать, что как они, так и французские генералы уже неоднократно выражали уверенность в успехе предшествующих атак на западе, которые однако до сих пор ни разу не привели к полной победе.

Такова могла быть французская аргументация, и я прибавил, что ее не так-то легко будет отвергнуть. Я считал необходимым признать, что на меня лично эти аргументы произвели известное впечатление. Кроме того мы должны были считаться с возможностью, что через несколько месяцев мы столкнемся с настоятельным требованием мира. Если в России произойдет крах, говорил я, то мы не будем в состоянии разбить Германию, ибо блокада окажется в значительной степени неэффективной и все силы немцев могут быть брошены на борьбу с западными противниками. Нельзя следовательно допустить и мысли о том, что мирная конференция может собраться в момент, когда неприятель будет держать в своих руках значительную часть союзной территории, а мы не закончили еще завоевание Месопотамии и Сирии. Генерала Петэна считают весьма решительным и серьезным человеком. Его будет полностью поддерживать г. Пенлеве. Если они откажутся содействовать нашему наступлению, то тем самым мы будем по существу лишены возможности вести какое бы то ни было наступление. Мы не сможем добиться победы, если значительная часть германских резервов не будет уведена. Наконец я напомнил военному кабинету, что у нас

не было достаточно людских ресурсов, для того чтобы продолжать борьбу с большей частью германских резервов, пока США не перебросят свои войска в Европу. Я напомнил также военному кабинету, что для сохранения нашего тоннажа на минимальном уровне, необходимом для продолжения войны, мы должны были выполнить строительную программу в размере 3 миллионов тонн брутто и поэтому не могли отправить на фронт рабочих судостроительной промышленности и связанных с нею отраслей. Тоннаж являлся в данный момент самым уязвимым местом в нашей системе обороны. Мы не могли увести людей с этого участка. С другой стороны, после специального изучения этого вопроса в течение целой недели я пришел к выводу, что нам еще придется забрать людей из армии для нужд судостроительной промышленности. Выдвигая эти соображения как аргументы против продолжения нашего наступления на западе, я объяснил, что сам отнюдь не считаю себя связанным этими аргументами, но полагаю, что они должны быть рассмотрены со всей серьезностью. Изложенная выше речь отражала мою точку зрения на военное положение и стратегические возможности в 1917 г. Среди моих коллег я однако не встретил поддержки этой точки зрения и вытекающей отсюда политики.

В ходе последующего обсуждения стало ясно, что кабинет в целом придерживался иной точки зрения, нежели та, которая была выражена в моей речи.

В процессе обсуждения указывалось, что если союзники ограничатся на западе оборонительной тактикой или тактикой малых атак, авторство которой обычно приписывали генералу Петэну, т. е. тактикой, которую начальник генерального штаба и генерал Смутс считали равнозначущей политике обороны, то немцы в состоянии будут освободить резервы для операций против России и Италии. Все были согласны в том, что Россия была слабым звеном Антанты. Наметились однако некоторые разногласия по вопросу о том, будут ли результаты германского наступления в России благоприятны или неблагоприятны для немцев. Одни считали, что такое наступление может укрепить сопротивление России и способствовать новому сплочению страны; другие полагали, что решительное поражение и тяжелые потери русской армии приведут Россию к окончательному краху.

Даже признавая, что союзники не имели значительных шансов прорвать германский фронт в этом году, члены кабинета однако настаивали на том, что, продолжая неустанно долбить неприятельский фронт, мы можем побудить Германию согласиться на условия мира, приемлемые для союзников. В связи с этим указывалось, что в Германии вероятно наступит момент наибольшей моральной депрессии и материальной нужды между маем 1917 г. и временем сбора нового урожая, между тем как союзники все еще будут в состоянии продолжать военные действия. В дальнейшем однако в результате новых потерь от подводных лодок мы окажемся если не под угрозой голода, то во всяком случае перед необходимостью снять суда

с обслуживания военных нужд и тем самым сократить наши операции на фронте. Иначе говоря, отказаться от наступления теперь — значило бы упустить момент, когда наши силы достигли максимальных размеров и когда неприятель переживает наиболее острые затруднения.

Нам указывали далее, что ослабить наш нажим в такой момент значило бы нанести решительный удар боевому духу народов союзных стран. В связи с этим обращали внимание на то, что французские социалисты большинством всего лишь в два голоса отвергли приглашение на международную социалистическую конференцию в Стокгольме, в которой предполагалось участие германских социалистов и которая была созвана в целях заключения мира.

Генерал Смутс настойчиво обращал внимание на моральную сторону вопроса. Он считал, что отказ от наступления на третий год войны был бы роковым и означал бы начало конца. Для нас стало бы невозможным поддерживать боевой дух народа; пессимизм и отчаяние должны были бы возобладать среди народов союзных стран, между тем как настроение в Германии соответственно улучшилось бы; немцам в общем была бы дана возможность снова поднять боевой дух своих солдат. Смутс не считал, что нам удастся прорвать германский фронт, но, по его мнению, безостановочное долбление германских позиций в конце концов может заставить неприятеля пойти на уступки. Если нам и не удастся прорвать неприятельский фронт, мы все-таки подорвем моральное сопротивление противника. Это будет трудно и потребует от нас значительных потерь, но к сожалению надо же считаться с тем, что западный фронт является для нас решающим и что только эта установка может дать нам успех. В конце концов мы должны рассчитывать на возмещение своих потерь за счет США. Было бы гибельно откладывать решительные действия до тех пор, пока США не окажут нам помощи своими войсками, т. е. до 1918 г. Даже если бы французы отказались перейти в наступление, мы должны быть готовы продолжать наше наступление во что бы то ни стало; мы должны настаивать на том, чтобы французы снова взяли на себя тот участок фронта, который был занят нами недавно в целях облегчения наступления Нивелля. Генерал Смутс исходил также из того, что французам во всяком случае трудно будет всецело оставаться пассивными; он считал, что с чисто британской точки зрения было бы целесообразно наступать во Фландрии, где могут быть достигнуты более важные цели британской политики. Французам следовало оставить „стимул“ к наступлению, т. е. страстное желание очистить территорию Франции от неприятельских войск. Этот стимул исчез бы, если бы недавние операции привели к отступлению неприятеля за реку Маас.

Первый лорд адмиралтейства указал, что тоннаж может оказаться решающим фактором в войне. Он взял на себя обязательство обследовать вопрос о транспортных ресурсах, которые могут быть предоставлены в распоряжение США в 1918 г.

Рассмотрев вышеприведенные соображения, военный кабинет решил:

1) что британские представители на конференции должны требовать, чтобы французы продолжали наступление;

2) что британские представители должны настаивать на полной свободе действий Англии и на том, чтобы французская армия вновь возвратилась в окопы, недавно занятые британскими силами, если после ознакомления с взглядами генерала Петэна или после совещания начальника имперского генерального штаба с генералом Петэном английские представители не удостоверятся в том, что французское наступление будет действительно эффективным.

Приведенные выше соображения повлияли на военный кабинет, заставив его поддержать британское командование в вопросе о наступлении во Франции, которое представлялось английским генералам самым лучшим планом на ближайшее будущее. Этот план, по их мнению, мог воспрепятствовать немцам освободить часть войск на западе для наступления в России, которая находилась в состоянии смуты, и тем самым помешать немцам окончательно вывести Россию из строя. Вдобавок он должен был не позволить Германии направить дополнительные дивизии на помощь австрийцам во время предстоящих на австрийском фронте атак со стороны итальянцев. Впоследствии мы убедились, что наше наступление на западе привело к противоположным результатам; оно лишь повлекло за собой колоссальные потери для нашей армии.

По просьбе сэра Дугласа Хейга и сэра Виллиама Робертсона я отправился вместе с ними в Париж на конференцию, назначенную на 4 мая, чтобы обсудить положение совместно с французским правительством и новым французским главнокомандующим. Перед тем как началось совместное совещание министров и генералов, в военном министерстве состоялась специальная военная конференция. На этой конференции было принято соглашение и во второй половине дня на совместной конференции министров и генералов было зачитано сообщение о достигнутых результатах.

Ниже я привожу это сообщение сэра Виллиама Робертсона.

„4 мая 1917 г.

Сегодня утром совместно с фельдмаршалом сэром Дугласом Хейгом мы имели совещание с генералами Петэном и Нивелем. Мы обсудили все военное положение, в том числе и положение в России и Италии, а также вопрос о вступлении Америки в войну. Мы единогласно пришли к мнению о желательности продолжать наступательные операции на западном фронте. Большая часть неприятельских резервов уже истощена атаками со стороны французов и англичан. Если неприятелю будет дано время восстановить свои силы, то плоды победы будут потеряны. Неприятель окажется в состоянии напасть на Россию или Италию; между тем и та и другая страна не в состоянии в настоящее время сопротивляться атаке значительных сил противника.

Задача Германии в настоящее время заключается в том, чтобы побудить германский народ стойко переносить войну, пока подводная блокада не окажет своего действия. Если неприятелю удастся добиться легких успехов в тех пунктах, где они осуществимы, и Германия сможет объявить миру, что она разбила двух своих главных врагов, эта цель будет достигнута. Так мы могли бы роковым образом потерять наши шансы на победу. Мы однако единогласно придерживаемся того мнения, что с тех пор как оба правительства пришли к соглашению относительно плана начатого в апреле наступления, положение изменилось, и этот план не является больше ближайшей оперативной задачей. Речь идет не о том, чтобы прорвать неприятельский фронт или поставить перед собой далекие задачи. Речь идет о том, чтобы ослабить и истощить противника. Если это удастся, необходимо будет в полной мере использовать истощение противника. Мы согласны с тем, что для достижения этой цели совершенно необходимо вести борьбу при максимальном напряжении всех наших сил и иметь в виду полное уничтожение живой силы врага. Мы единогласно придерживаемся того мнения, что между этой политикой и политикой обороны не может быть никакой промежуточной линии. В этой стадии войны всякая иная политика была бы признанием нашего поражения. Мы придерживаемся того мнения, что наша цель может быть достигнута с помощью постоянных атак, ставящих себе ограниченную задачу, но с полным использованием наших артиллерийских возможностей. Этим путем мы надеемся достигнуть разрешения поставленных перед нами задач с минимальными потерями.

Единогласно высказываясь в пользу вышеприведенных принципов, мы считаем, что вопрос о методах проведения их в жизнь, а также о выборе времени и места атаки должен быть предоставлен ответственным военным руководителям; им следует поручить немедленное изучение этого вопроса и разрешение его".

Затем последовало обсуждение меморандума, и достигнутое соглашение было одобрено.

Генерал Петэн выразил свое полное согласие с сообщением Робертсона и заявил, что генералы придут к соглашению не только по общим принципиальным вопросам, но и в деталях. Речь шла в сущности о продолжении наступления с „ограниченными" целями. Британские генералы разъяснили, что для этого должны быть использованы силы обеих армий — французской и британской. На этом пункте я остановился особо, подчеркнув, что было бы чрезвычайно важно продолжать давление на Германию с помощью всех наших сил именно в 1917 г. Я указал, что и Франция и Англия недооценивают уже достигнутые ими успехи лишь потому, что они исходили из тех значительных и повидимому чрезмерных надежд, с которыми было начато англо-французское наступление в апреле 1917 г.

Я спросил присутствовавших: что переживали бы мы, потеряв 45 тысяч пленными, т. е. почти 5 дивизий, 450 орудий, в том числе много самых тяжелых, около 800 пулеметов, и если бы 36 наших дивизий были выведены из строя при одновременной потере 70 квадратных миль территории? В обеих странах пессимистические настроения распространились бы вероятно настолько, что нам трудно было бы поддерживать боевой дух наших народов. Захваченные нами немецкие документы показывают, что у немцев нехватает военных материалов; мы узнали, что продовольственное положение Германии стало гораздо серьезнее, чем наше собственное. Мы должны продолжать политику ударов по Германии со всей силой, до тех пор пока неприятельское сопротивление не даст наконец трещину.

Рибо согласился со мною. Он указал, что ограничиваться обороной после трех лет войны было бы политикой неосторожной и безрассудной. Мы должны продолжать наступление со всеми нашими силами. Но вопрос о резервах был вопросом серьезным, в особенности для Франции, которая почти одна выносила на себе всю тяжесть войны, до тех пор пока британская армия не была подготовлена к бою. Поэтому Франция, сохраняя на фронте все свои силы, должна стремиться предупредить чрезмерные потери.

Я повторил, что мы готовы бросить все силы британской армии в атаку. Но этого будет недостаточно, если Франция не сделает того же. В этом случае немцы могли бы бросить своих лучших солдат, свою лучшую артиллерию и все свое военное снаряжение сначала против британской армии, а затем против французов. В конечном счете слабые частичные атаки обходятся дороже.

Г-н Пенлеве указал, что французское правительство полностью соглашается с выраженным мною мнением. Он полагал, что необходимо исправить создавшееся со времени последнего наступления впечатление о том, что Франция, оберегая жизнь своих солдат, якобы стремилась теперь к пассивному ведению войны. На самом деле французское правительство стремилось лишь к тому, чтобы найти наилучший метод для всестороннего использования французских ресурсов, обеспечив полную эффективность жертв со стороны Франции при минимальных потерях. По мнению г. Пенлеве, вся конференция единодушна в том, что необходимо нанести противнику возможно больший ущерб. Обсуждение закончилось взаимными уверениями в полном доверии к намерениям Англии и Франции полностью использовать все имеющиеся у них силы.

Генерал Петэн твердо придерживался своей политики „ограниченных“ наступлений. Стратегия прорыва, которая лежала в основе нашей борьбы в Шампани, на Сомме, при Шмен-де-Дам и впоследствии во Фландрии, была таким образом окончательно отвергнута и заменена тактикой ограниченных атак с определенной целью. Эта тактика в дальнейшем была с успехом применена генералом Петэном при Моренвилье и Вердене.

Заслуживает быть отмеченным, что на конференции сэр Вилльям Робертсон без оговорок принял тезисы Петэна о „возможно более

полном использовании артиллерии". Это означало, что Петэн намеревался беречь жизнь солдат и нанести наибольший ущерб людским ресурсам противника посредством артиллерийской бомбардировки. Начальник имперского генерального штаба категорически заявил, что „речь не идет более о попытках прорыва неприятельского фронта и об отдаленных целях". Таким образом он как бы исключал проект широкого наступления с целью прорыва германского фронта во Фландрии и очищения бельгийского побережья. Такое наступление не могло конечно считаться „ограниченным наступлением без отдаленных целей".

Так складывалось положение после Парижской конференции.

Глава пятьдесят вторая

ПЕТРОГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Как я уже указывал в предшествующих томах, я неоднократно пытался побудить британское правительство установить более непосредственный контакт с Россией с помощью людей, пользовавшихся авторитетом. Необходимо было выяснить подлинное положение вещей в этой стране; необходимо было знать, в чем заключались причины недостатка военного снаряжения и организационные дефекты обороны. Я также настаивал на созыве союзных конференций с привлечением наиболее ответственных государственных деятелей и военных руководителей России. Это было возможно при условии, что некоторые из этих совещаний будут происходить на Востоке. В условиях отступления наиболее ответственные русские командиры не могли уделить время посещению Парижа. Царь, который являлся верховным главнокомандующим, не мог покинуть Россию.

Наконец на Парижской конференции 15—16 ноября 1916 г. было решено после предварительного согласования с царем созвать в скором времени в Петрограде конференцию для обсуждения и окончательного согласования военных операций в кампанию 1917 г. Делегатам на Петроградской конференции предполагалось дать инструкции, обязывавшие их настаивать на создании „единого фронта союзников"; под этим подразумевалось и объединение всех материальных ресурсов.

На заседании военного кабинета 11 декабря 1916 г. обсуждался вопрос о созыве конференции союзных правительств и генеральных штабов в России в соответствии с решениями ноябрьской Парижской конференции. Нашему министерству иностранных дел было поручено уведомить наших союзников, что британские представители будут готовы к отъезду в Петроград тотчас после рождества.

Возникли однако задержки в связи с вопросом о личном составе делегаций различных стран. Я придавал большое значение составу британской делегации, который обеспечил бы ей авторитет и влияние в России. Из штатских я назначил делегатом лорда Милнера. Другим единственным кандидатом мог бы быть г. Бальфур, но он не оправился еще от тяжкой инфлуэнцы. Из лиц военных сэр Дуглас Хейг не мог оставить командование во Франции, а сэр Виллиам Робертсон

отправился бы в Россию крайне неохотно, если бы вообще согласился на это. Поэтому мы не располагали ни одним генералом достаточной квалификации, за исключением сэра Генри Вильсона, который и был избран для этой цели. Это был человек блестящих способностей, но у него были явные недостатки, вследствие которых он производил впечатление человека, на которого нельзя положиться. Если бы сила характера равнялась у него его умственным способностям, он заслуживал и вероятно достиг бы самого высокого поста в британской армии. Его всестороннее абсолютное знакомство с британской и французской армиями на западном фронте делало его особенно пригодным для данной миссии.

Я обратился к французскому правительству с настоятельной просьбой послать на конференцию генерала, авторитет которого русские признавали бы в полной мере. Я привожу ниже выдержку из протокола на Лондонской конференции 28 декабря 1916 г., где обсуждался это вопрос.

„...Премьер-министр перешел затем к вопросу о Петроградской конференции. Отъезд делегатов из Англии предполагается 9 января. Правительство его величества рассчитывает, что в составе британской делегации будет один из членов военного кабинета и один из самых способных генералов британской армии. Правительство стремилось к тому, чтобы вся британская делегация была возможно более авторитетной и могла убедить Россию в необходимости единства и подлинного сотрудничества на востоке и западе. Премьер-министр выразил поэтому надежду, что французское правительство также отправит авторитетную делегацию.

Г-н Рибо заявил, что в составе французской делегации будет член французского кабинета и генерал высшего ранга. Генерал Кастельно выразил столь твердое желание сохранить непосредственный контакт с армией, что не могло быть и речи о его отправке в Россию; французское правительство намерено отправить на конференцию бывшего военного министра генерала Рока.

Премьер-министр заявил, что он намерен высказаться совершенно открыто и откровенно; это единственный способ обеспечить полное взаимное доверие между союзниками. Он считает, что посылка в Россию делегации, которая будет говорить одни комплименты, бесполезна. Таких делегаций в Россию посылалось уже много. Представители союзных правительств, отправляющиеся на этот раз, не только должны иметь все необходимые полномочия, с той оговоркой, разумеется, что окончательное решение остается за их правительствами, но должны быть способны принимать ответственные решения. Почему собственно выдвигается кандидатура генерала Рока? Потому ли, что он лучше других может обсудить кампанию 1917 г., или потому, что лучшие генералы заняты в других местах? В последнем случае французская делегация будет только одной видимостью

и окажется бесполезной. Делегация должна состоять из авторитетных и способных людей...

Лорд Керзон заметил, что, воздавая должное общей линии поведения генерала Рока на предшествующих конференциях, он должен сказать, что генерал не принимал активного участия в прениях. По мнению лорда Керзона, в настоящее время необходимо, чтобы на конференции было представлено мнение французского военного командования, и он присоединяется к пожеланию, высказанному премьер-министром о назначении в состав французской делегации боевого генерала.

Премьер-министр указал, что представителями союзников должны быть люди, к которым действительно будут прислушиваться русский император и его советники. Союзным делегатам придется сказать русским немало неприятных вещей. Это должны говорить люди, к словам которых отнесутся достаточно серьезно. Премьер-министр просил французское правительство считать вопрос о составе делегации вопросом исключительной важности. Военным руководителем делегации должен быть генерал, занимающий такое положение и пользующийся таким авторитетом, как например генерал Кастельно. Британское правительство отправит в Россию члена военного кабинета и одного из лучших британских генералов. Если французская делегация не будет обладать таким же авторитетом, как британская, вся тяжесть переговоров ляжет на последнюю, и конференция может оказаться неудачной. Если французское правительство по мере сил не поможет Англии, затруднения союзников в России значительно возрастут.

Г-н Рибо высказал мнение, что опасность заключалась вовсе не в том, что русское правительство не будет прислушиваться к голосу союзников, а в том, что оно не выполнит своих обещаний, как только делегации покинут Россию.

Премьер-министр указал, что русское правительство не будет даже прислушиваться в достаточной степени к голосу союзников, если союзные представители не будут обладать достаточным авторитетом. Единственный шанс на подлинный успех кампании 1917 г. заключается в полном и эффективном сотрудничестве с Россией. Быть может самый исход кампании зависит от авторитета отправляемых в Россию союзных делегаций.

Г-н Рибо обещал информировать своих коллег по кабинету о состоявшемся обсуждении и поблагодарил премьер-министра за полную откровенность, с которой тот выступал".

В результате этого краткого обсуждения французское правительство отказалось от мысли о посылке в Россию генерала Рока и избрало генерала Кастельно главой военной части делегации.

После этого созыв конференции несколько раз откладывался. Все эти отсрочки говорили о событиях угрожающего характера. Почва в России уже начала содрогаться от подземных толчков. Были

получены известия об убийстве протеже царя и друга царицы Распутина кликой молодых аристократов. Гнев двора нашел себе выражение в смене министров, не сумевших защитить фаворита. Подземные толчки раздавались все более явственно; вулкан начинал уже выбрасывать газы; появились первые следы лавы; недовольство возрастало, распространяясь по всей стране.

По просьбе русского правительства отправка союзных миссий была отложена до середины января в тщетной надежде, что деятельность вулкана ослабеет. Потом созыв конференции был снова отсрочен, что указывало на дальнейшие затруднения. Русские выразили желание, чтобы посещение союзников было отложено еще раз на том основании, что 25 января предполагался созыв Думы. Так как в России ожидали, что первые заседания Думы будут крайне бурными, русское правительство предпочитало, чтобы союзная конференция была созвана после того, как состоятся первые три или четыре заседания Думы. На самом деле атмосфера в русской столице была так накалена, что открытие Думы было отложено на месяц; революционная лава готова была затопить самое здание, в котором должна была собраться конференция. Первое заседание Думы фактически состоялось 27 февраля, т. е. через неделю после того, как закончилась союзная конференция. Еще через две недели революционный кратер вскрылся, и извержение русского вулкана до настоящего времени все еще окрашивает в красный цвет все небо Востока.

Представители Англии, Франции и Италии собрались в Англии 19 января 1917 г. и через два дня отплыли из Обана в Россию. На этой первой в истории войны конференции на восточном фронте западные державы были представлены способными людьми, делегированными в качестве гражданских представителей, и по крайней мере двумя выдающимися военными. Главными британскими представителями были: лорд Милнер — член военного кабинета; генерал сэр Генри Вильсон — в качестве представителя армии; лорд Ревельсток — в качестве авторитета по финансовым вопросам и сэр Вальтер Лейтон — по вопросам военного снаряжения. Сэр Дж. Бьюкенен — британский посол в России — присутствовал на конференции в качестве дипломатического представителя. В состав делегации входило также несколько делегатов — специалистов по отдельным вопросам. Руководителями французской делегации были г. Думерг — бывший премьер, а впоследствии президент республики и снова премьер, и генерал Кастельно — один из самых выдающихся французских военных. Во главе итальянской делегации стоял синьор Шалойа. Впервые за время войны союзники совещались на восточном фронте. Впервые за все эти годы войны Восток и Запад были представлены авторитетными представителями на союзной конференции. Но теперь, увы, поскольку дело касалось России, было слишком поздно исправить ошибки, вызванные недостатком согласованности в действиях союзников в прошлом.

Союзные делегации прибыли в Петроград 29 января, и комиссия по вопросам военного снаряжения начала работу на следующий день. Первое пленарное заседание конференции состоялось 1 февраля. В

общем пленарные заседания конференции и заседания комиссий растянулись на три недели. Последнее заседание состоялось во второй половине дня 20 февраля 1917 г. В перерывах между заседаниями конференции члены союзных миссий разъезжали по России и пытались получить непосредственное впечатление о положении в стране, встречаясь с русскими руководящими деятелями, а также со своими собственными агентами и представителями в этой стране.

Союзные делегации отбыли из Романовского порта на Мурманском побережьи 25 февраля и прибыли в Скапа Флоу 2 марта. Через десять дней началась русская революция, а 15 марта царь Николай II отрекся от престола.

Информация, собранная нашими представителями, и установленные во время конференции факты блестяще показали необходимость более тесного сотрудничества между Россией и ее западными союзниками. Они еще раз доказали гибельные последствия российской неспособности и западного эгоизма. Бессистемные и не способные что-либо дать методы русского самодержавия были хорошо известны на Западе. Но союзные делегации только теперь впервые вполне уяснили себе, насколько эгоизм и глупость военного руководства Франции и Англии, настаивавшего на сосредоточении всех усилий на западном фронте, и вытекающее отсюда пренебрежение к затруднениям и лишениям восточного союзника способствовали тому хаосу и разрухе, которые вскоре вызвали окончательный крах России.

Союзные делегации застали Россию в состоянии полной дезорганизации, хаоса и беспорядка, раздираемой партийной борьбой, пронизанной германской пропагандой и шпионажем, разъедаемой взяточничеством. Что касается самой конференции, то лорд Милнер в конфиденциальном сообщении военному кабинету писал по этому поводу:

> „Пленарные заседания конференции носили крайне бессодержательный и поверхностный характер... Вся конференция была исключительно плохо организована“.

На конференции разрешалось присутствовать в большом числе самым различным людям. Одним из наиболее угрожающих мест в отчете Милнера было указание причин, по которым Милнер считал невозможным обсуждать важные вопросы на самой конференции. Эти причины заключались в недостаточном соблюдении секретного характера заседаний и широкой возможности шпионажа.

> „Было явно недопустимо обсуждать какие-либо конфиденциальные вопросы в присутствии более 40 человек; многих из них мы не знали вовсе, а против одного или двух имели довольно основательные подозрения...“.

Другой член делегации в своем отчете заявлял, что в общественном мнении России можно было различить три различных течения.

Первую группу составляли германофилы, сочувствие и интересы которых были всецело на стороне немцев. Эта группа состояла из представителей двора, чиновничества и делового мира. Ставленники

этой группы готовы были заключить мир при первой возможности, хоть завтра... Эта группа лиц состояла из реакционеров; она считала, что интересы Германии и России идентичны и всегда останутся такими.

Тот же наблюдатель сообщал:

„Можно считать совершенно установленным, что в Россию все еще ввозятся товары из враждебных стран и что германские агенты дают большие деньги правительственным чиновникам. По всей вероятности это имело место на Мурманской железной дороге, где группа лиц, заинтересованных в конкурирующей с Мурманской Архангельской железной дороге и в работе архангельского порта, с помощью германских денег мешала сооружению необходимой для России на Кольском полуострове железной дороги, обладающей требуемой провозоспособностью". В объяснение этого сообщения следует указать, что, по сведениям наших представителей, Кольский, или Романовский порт обладал пропускной способностью в 1 500 тонн в день, а железная дорога не могла перевозить более 600 тонн в день; вдобавок в середине мая предполагалось закрыть дорогу на лето на ремонт.

Эти сообщения показывают, какой свободой пользовались германские агенты и германская пропаганда в России.

Во время переговоров с самого начала стало ясно, что русские решили поставить на первый план требование об осуществлении слов г. Бриана о „едином фронте" и „объединении ресурсов союзников". Это требование выразилось в предложении фиксировать для каждого союзника „известный минимальный контингент" при условии выполнения каждым своей доли участия в общем наступлении. Это резонное и практичное предложение поступило, увы, слишком поздно. Почему оно не было выставлено в самом начале войны? Одной из неразрешенных загадок мировой войны навсегда останется вопрос о том, почему лица, руководившие военной политикой, до февраля 1917 г. ни разу не собрались для совместного обсуждения стратегических вопросов. В феврале 1917 г. было уже слишком поздно исправлять допущенные ранее гибельные стратегические ошибки.

Русский министр иностранных дел г. Покровский открыл конференцию следующим заявлением о новых русских требованиях к союзникам:

> „Наши ресурсы людьми, военными материалами, всякого рода продуктами явно превосходят ресурсы противника. Поэтому наша победа неизбежна. Тем не менее наше военное положение отнюдь не таково, каким оно должно было бы быть... Необходимо, чтобы инициатива была захвачена нами и удержана в будущем. Мы можем сохранить ее лишь при помощи постоянной и непрерывной активности на всех фронтах. Для этой цели нам необходимо распределить наилучшим образом и по возможности с наибольшим эффектом все наши ресурсы, т. е. людей и военные материалы, и таким образом добиться наибольших результатов полезного действия. *Вот, господа, одна из целей и в сущности главная цель наших совещаний*".

Генерал Алексеев — самый способный стратег из всех русских генералов, не мог присутствовать на конференции отчасти вследствие нездоровья. Его место занял начальник русского генерального штаба генерал Гурко. Он точно так же считался хорошим полководцем. Гурко выступил вслед за г. Покровским и подчеркнул ту же мысль:

„Русское верховное командование считает согласование действий союзников самым существенным условием успеха. Для того чтобы дать возможность союзникам довести до победного конца предполагаемые военные действия, необходимо рассмотреть вопрос о том, как наилучшим образом распределить имеющиеся в распоряжении союзников ресурсы. В связи с этим необходимо еще и еще раз подчеркнуть важность самого принципа объединения ресурсов союзников“.

Лорд Милнер полностью признавал важность этого принципа. В конфиденциальной ноте, подготовленной им в России и переданной затем Покровскому и царю, он подчеркивал тот же принцип. В этой ноте Милнер стремился изложить русским свою точку зрения по вопросам, которые трудно было бы обсуждать на многолюдных пленарных заседаниях конференции. В этой ноте лорд Милнер писал:

„Я считаю, что мы находимся перед лицом крупнейшего события. Мы оказались вместе на одном корабле и должны потонуть или выплыть вместе. У нас не должно быть и мысли об отдельных интересах каждой из союзных стран. У всех нас есть только один высший интерес — победить...

...Мы должны рассматривать все вопросы исключительно с точки зрения общей совокупности сил союзников. Поскольку можно преодолеть крайние физические затруднения по перевозке людей и материальных ресурсов, необходимо, чтобы все люди, все военные материалы, все денежные средства, находящиеся в распоряжении любого из союзников, были применены на том участке, где они могут дать наибольший эффект... *Может быть политически наиболее правильно было бы пожертвовать в известной мере дальнейшим укреплением западного фронта, для того чтобы пойти навстречу срочным потребностям России. Вполне возможно, что известное количество военных материалов, которое не может иметь решающего значения для итогов борьбы на западном фронте, где противники и без того обладают огромными вооружениями, сыграет решающую роль на восточном фронте.* Это соображение имеет большое значение и оно естественно заставляет нас в данный момент в первую очередь уделять внимание нуждам России...“.

Эта цитата показывает, с какой решительностью лорд Милнер выступил с поддержкой той точки зрения, которую, как показывают документы, приведенные в предшествующих томах настоящих мемуаров, я выдвигал уже в течение долгого времени. Если бы часть того

военного снаряжения, которое попусту растрачивалось во Франции на бессмысленные и кровопролитные атаки, и часть тех транспортных средств, которые были необходимы для этого ужасного наступления на западе, были переданы русским, сербам и румынам, последние вероятно оказались бы в состоянии отбросить назад врага и привести дело к решительному исходу.

Отказ союзников предоставить России часть военных материалов, растрачиваемых попусту союзниками на западном фронте, повидимому запал глубоко в русскую душу и вызвал общее раздражение против действий союзников на западе. В своем отчете военному кабинету Милнер писал:

> „Я считаю необходимым, чтобы мои коллеги поняли то, чего я не понимал до своей поездки в Петроград. Необходимо понять, как относятся в России к вопросу о неудачах и потерях союзников в этой войне. Нет сомнения, что в России господствует заметное разочарование в войне. Как бы пренебрежительно ни относились в России к человеческой жизни, огромные потери России (6 миллионов русских убито, взято в плен или искалечено) начинают сказываться на народном сознании. Более того, русские с горечью видят, что исключительные потери России не были неизбежны, они знают, что русские солдаты, храбрость которых несомненна, никогда не имели в этой войне и до сих пор не имеют подлинных шансов на успех вследствие вопиющего недостатка в военном снаряжении... Русские безусловно уверены, что союзники, учитывая свое гораздо более благоприятное положение в области военных материалов, должны сделать все, что в человеческих силах, и даже пойти на некоторые жертвы, для того чтобы устранить это неравенство“.

Когда я перейду к главе, посвященной русской революции, я уделю особое внимание вопросу о том, как действовала на психику русских безрассудная скупость союзников в отношении военных материалов.

Настаивая на проведении в жизнь известного объединения материальных ресурсов, русские вновь и вновь выдвигали свои интересные практические предложения о том, чтобы для выполнения операций той или иной армией принимались во внимание *ее минимальные* военные нужды. В своей речи генерал Гурко между прочим заявил:

> „Русская армия не может успешно принимать участие в наступлении по широкому фронту, не имея минимального технического вооружения... Русская армия надеется, что союзные правительства во имя нашей общей цели — победы над врагом — найдут средства, для того чтобы снабдить русскую армию всем необходимым. Только при этом условии русская армия сможет бросить против неприятеля все свои силы. Совершенно ясно, что если удастся превысить необходимый минимум снаряжения, час конечной победы значительно приблизится“.

Выдвинутое Гурко предложение не могло вызвать спора. Если бы оно подверглось дружескому обсуждению со стороны союзников в 1914 г. или даже в 1915 г. и было тогда же принято и претворено в действие в качестве основного принципа всего стратегического плана союзников, оно позволило бы им добиться победы еще до конца 1916 г., если не раньше. Кажется непонятным, что только на данной конференции этот принцип впервые был выдвинут и обсужден. Ни на одной конференции до ноября 1916 г. этот принцип вообще не выдвигался.

Когда к концу первого пленарного заседания конференции г. Покровский перечислил вопросы, подлежащие рассмотрению конференции на дальнейших пленарных заседаниях и в комиссиях, он особо подчеркнул этот вопрос, причем сказал следующее:

> „На основании какого принципа будет разрешен вопрос о количестве военных материалов, подлежащих отправке в Россию? Будет ли сочтено возможным для достижения наилучших результатов распределить имеющееся военное снаряжение таким образом, чтобы обеспечить каждой из союзных армий определенный минимум? В этом случае не должен ли данный минимум военных материалов находиться в известной пропорции к количеству боевых единиц и к значению каждого фронта, его протяжению и стоящим перед ним боевым задачам?“.

Как выяснилось из дальнейшего обсуждения на конференции, выполнение этого предложения оказалось неосуществимым вследствие затруднительности доставки грузов в Россию, а если они уже оказывались в России, — вследствие недостаточно быстрого продвижения их к месту назначения. Во-первых, следовало учесть недостаток тоннажа в связи с активностью германских подводных лодок. Затем необходимо было считаться с загруженностью и плохой организацией немногочисленных русских портов, с недостатком железнодорожных линий и подвижного состава и наконец с плохим использованием существующих возможностей по доставке материалов из портов в глубь страны и на фронт. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что русские иногда не умели собрать как следует посланные им части орудий или машин и надлежащим образом использовать их. Так наши представители сообщали, что во Владивостоке скопились военные материалы в количестве 400—500 тысяч тонн. Бо́льшая часть их была свалена под открытым небом ввиду ограниченной провозоспособности Сибирской ж. д. На Мурмане образовалась такая пробка, что суда задерживались в порту по нескольку недель, а иногда по нескольку месяцев в ожидании разгрузки. Так как на Мурмане не было экспортных грузов для отправки на возвращавшихся пароходах и не было необходимого баласта, то в виде баласта „на борт погружался уголь, только что полученный здесь из Англии“.

Россия явно страдала от недостатка подвижного состава. Между тем мы узнали, что наряду с подвижным составом, использую-

мым для перевозки запасов и военного снаряжения, „большое количество вагонов использовалось не по прямому назначению, например в качестве бараков для солдат и для хранения запасов". „Утверждают также, что стратегические резервы подвижного состава значительно выше того, что необходимо с военной точки зрения, и что некоторые железные дороги так забиты вагонами, что временами ими нельзя даже пользоваться".

Такое же положение существовало и в отношении подвижного состава железных дорог, назначенного для перевозки грузов, необходимых для гражданского населения:

> „Местные власти применяют столь медленные и бюрократические способы распределения, что в результате тысячи вагонов задерживаются в различных пунктах в ожидании своей судьбы. Иногда задержка вагонов достигает нескольких недель и даже месяцев.
>
> Частные лица обходят эти промедления, давая взятки чиновникам за пропуск вагонов. Так как от имени правительства никто взяток не дает, то правительственные грузы задерживаются дольше других.
>
> Взяточничество всегда играет антиобщественную роль".

Все это не могло казаться неожиданным для тех, кто был знаком с царской Россией. Это давало материал для сплетен и насмешек всякий раз, когда обсуждались военные нужды России. Но союзникам следовало подумать об этих затруднениях и об их преодолении на много лет раньше. Организация России для успешного ведения войны должна была быть одной из первых забот западных союзников.

На этой конференции были приняты меры для реорганизации транспорта и распределения снаряжения. При обсуждении вопроса о необходимых поставках в Россию речь шла частью о том, какое максимальное количество грузов могло быть ввезено в Россию и использовано здесь в течение 1917 г. В связи с этим лорд Милнер сообщил военному кабинету:

> „Я полагаю, что конференция выполнила две задачи:
>
> 1. Мы выработали практический план доставки военных материалов, основанный на использовании всего имеющегося тоннажа с целью передачи русским максимального количества того вооружения, которого им больше всего недостает.
>
> 2. Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы обеспечить наилучшее использование этих материалов".

Аргументация союзников о том, что транспортные затруднения помешают использованию значительных запасов военных материалов в России, несомненно была убедительна.

Но все это надо было учесть и исправить за много лет до того. О недостаточной организованности России хорошо знали еще до войны. Если бы такая же авторитетная союзная конференция собралась в России хотя бы в 1915 г., все эти недостатки могли быть

устранены, и нужды России были бы удовлетворены своевременно еще до того, как у России истощились силы и терпение, еще до того, как отчаянье и голод привели к народным волнениям. Русские были так встревожены и испуганы своими поражениями в 1915 г., что согласились бы на любую систему наблюдения и контроля, которая обеспечила бы поступление военных материалов. Русские вообще привыкли к тому, что иностранцы организуют у них в стране промышленность и всякого рода предприятия. До войны в каждой отрасли металлопромышленности были германские инженеры; англичан можно было встретить в районах производства чугуна и стали и в районах добычи угля. В 1916 г. сэр Хенбери Вильямс сообщал, что царь рассчитывал на посещение лорда Китченера как на благоприятную возможность реорганизации и модернизации транспортной системы в России.

Генерал Хенбери Вильямс был военным, вполне пригодным для того, чтобы представлять Англию в главной квартире, где главнокомандующим был великий князь, а затем император. Вильямс обладал достаточным умом, чтобы видеть, что дело идет из рук вон плохо; он был в достаточной мере солдатом, чтобы чувствовать необходимость обратить внимание высшей власти на всякие безобразия и провалы, но он был также в достаточной мере придворным, для того чтобы сделать это, не нанося никому обиды, но и не доводя дело до каких-либо положительных результатов. Его почтительная критика создавала у царя впечатление, что прямой и откровенный англичанин выполняет свой долг по отношению к собственному начальству и только. Вместе с тем сама форма этих критических замечаний не вызывала у царя раздражения, не порождала в нем тревоги и не давала никаких результатов. Вот почему я хотел, чтобы сэр Виллиам Робертсон и лорд Ридинг отправились со специальной миссией в Россию в сентябре 1916 г. Даже в этот поздний час кое-что могло быть достигнуто путем реорганизации транспорта, которая без сомнения значительно улучшила бы положение. Удалось бы перевезти сотни тысяч тонн продовольствия и топлива в города и доставить снабжение в окопы в самые тяжелые дни жестокой зимы 1916 г. и таким образом предупредить революцию. Принятый на конференции план перевооружения русской армии и снабжения городов обещал немедленно улучшить положение вещей в России. Был ли этот план достаточен или нет и удалось ли бы его честно осуществить, —вот вопросы, на которые теперь никто не может ответить. Я полагаю, что этот план мог быть достаточно хорошо осуществлен, если бы удалось достигнуть активного сотрудничества в его проведении со стороны думских лидеров. Но для этого было уже слишком поздно. Революция была уже у самого порога; революционная буря началась, лишь только делегаты покинули Россию.

Каково же было положение русской армии? В начале 1917 г., несмотря на пережитые ею ужасы, русская армия по численности все еще оставалась большой силой и состояла из превосходных

солдат. Слабость русской армии чувствовалась главным образом в тылу. На фронте ей больше всего недоставало снарядов, но наблюдался также недостаток необходимых запасов продовольствия и одежды. В своем дневнике сэр Генри Вильсон писал:

„Позиции русских на фронте очень сильны и на некоторых участках снабжены большим количеством проволочных заграждений. На многие мили тянутся проселочные дороги; я видел в одном месте несколько узкоколеек и хороший мост протяжением в 2 тысячи ярдов. В общем я был гораздо более удовлетворен организацией и системой обороны на фронте, чем я того ожидал. Солдаты вполне сыты и хорошо одеты*... Лошади малорослые, но в превосходном состоянии.

Армия, которой удалось полностью оправиться от катастрофы, постигшей ее полтора года назад, может многое сделать для выполнения своей задачи. Ни французская, ни английская армии не могли бы так скоро оправиться от поражения. По сравнению с русской армией число бошей невелико. Я вполне могу себе представить прорыв германского фронта на востоке и атаку массы казаков. У русских есть 52 кавалерийских дивизии. Я держусь того мнения, что при известном военном счастье русские могут еще совершить великие дела...".

В своем отчете военному кабинету Вильсон писал:

„Русские держатся великолепно. В большинстве случаев это рослые, сильные, веселые ребята. Они удивительно смелы и терпеливы. С другой стороны, они неграмотны и невежественны, им недостает предприимчивости и инициативы. Они хорошо одеты (за исключением румынского фронта), у них хорошая обувь**, они сыты, о них заботятся, конечно на уровне, принятом в России, а не в Англии. Русские солдаты отдают честь более внимательно, чем солдаты какой-либо другой армии, с которой мне приходилось сталкиваться на войне...

Насколько я мог убедиться из личных впечатлений, боевой дух русской армии превосходен. Командный состав и солдаты менее удручены недостатком пушек, военного снаряжения и аэропланов, чем какая-либо другая союзная армия в подобном же положении".

Но где видел сэр Генри Вильсон другую союзную армию „в подобном же положении"? На одном из участков фронта, который он посетил, произошел инцидент, о котором он не упомянул в своем отчете, но который произвел на него такое впечатление, что он часто говорил о нем впоследствии. Через посредство переводчика он беседовал с несколькими солдатами в окопах и был крайне удивлен,

* В этом отношении Вильсон был введен в заблуждение.

** Вильсон не был достаточно информирован в вопросе об обуви и продовольствии. На некоторых участках фронта наблюдался большой недостаток в том и другом.

что они особенно настойчиво задавали вопрос, „приходилось ли английским солдатам на западном фронте разрывать колючую проволоку голыми руками".

Лорд Милнер не скрывал от себя, что та помощь, которую мы намеревались оказать России, была недостаточна. В своем докладе он писал:

> „Конечно после всего, что было сказано и сделано, та помощь, которую мы предлагаем России, даже если она будет полностью осуществлена, далеко не покроет ее насущных потребностей".

Но если солдатам недоставало оружия и снарядов, то, как удостоверилась наша миссия, гражданское население все с меньшим энтузиазмом относилось к продолжению войны. Лорд Милнер сообщал:

> „В настоящее время среди русских господствует весьма неважное настроение; недовольство вызвано почти в такой же мере внутренними причинами, как и усталостью от войны. Россия оказалась далеко не тем твердым, устойчивым, непреодолимым „паровым катком", каким ее рисовало себе у нас народное воображение. На самом деле русские весьма чувствительные, впечатлительные и неустойчивые люди... В воздухе чувствуются общее недовольство и смутная неудовлетворенность, которые легко могут перейти в отвращение к войне. Короче говоря, я полагаю, что с русскими необходимо, в частности теперь, обращаться крайне бережно. В особенности это необходимо иметь в виду англичанам... Такое бережное отношение необходимо, учитывая внутренние затруднения в России. Эти затруднения тесно связаны с ее военными неудачами. Но я не уверен, что сами русские вполне отдают себе в этом отчет... Когда мы подходим к анализу этих вопросов, становится ясно, что основными причинами внутреннего недовольства являются неудовлетворенность ходом войны и возмущение той разрухой, ответственность за которую возлагают на правительство и которая явилась причиной стольких поражений".

Неспособность русского правительства вошла в то время в поговорку.

Пессимизм лорда Милнера разделяли и его коллеги, едва только они ознакомились с ужасными условиями, господствовавшими в России. В своем дневнике генерал Вильсон рассказывает о своей встрече с французским военным делегатом генералом Кастельно. „Вернувшись 19 февраля из поездки на фронт, генерал Вильсон застал генерала Кастельно „в самом пессимистическом настроении":

> „Генерал Кастельно не считал возможным, чтобы русские начали наступление в 1917 г., и не думал, что им вообще удастся предпринять что-либо до мая. Но даже после мая, по его мнению, нельзя было ожидать особенно серьезных операций. Солдаты, офицеры, штаб, вся военная организация произ-

вели на него отрицательное впечатление, хотя, по словам самого генерала Кастельно, он не доехал до линии фронта. По его мнению, железные дороги в России находились в безнадежном состоянии. Короче говоря, Кастельно не верил, что русские могут удержать находящиеся на восточном фронте дивизии бошей. Поэтому он сомневался и в успехе нашего наступления на западе".

Две недели спустя Вильсон встретился с Милнером и записал в своем дневнике:

„Я застал Милнера в удрученном состоянии. Он устал, встревожен и нуждается в отдыхе... Кастельно повергего в самое мрачное настроение".

Генерал Вильсон попытался обнадежить Милнера, но повидимому эта попытка была неудачной, так как после разговора с Милнером, Кастельно и другими членами миссии, которые часто обменивались своими впечатлениями и записями, он на обратном пути в Англию писал в своем дневнике:

„Милнер считает невозможным военное поражение бошей и поэтому готов говорить об условиях мира".

Уныние лорда Милнера по поводу положения вещей в России должно было быть поистине глубоким, если он выражал такие мрачные предположения.

Начало русской революции, которая последовала немедленно за союзной конференцией, свела на-нет всю ее работу. Тень быстро надвигавшейся политической катастрофы висела все время над конференцией. Протоколы заседаний, а в особенности меморандумы и конфиденциальные доклады, представленные британскими делегатами, рисуют картину общего состояния хаоса и дезорганизации, открытого взяточничества и бестолкового руководства, которые заранее обрекали на бесплодие работу конференции.

Убийство Распутина произошло 31 декабря 1916 г., за месяц перед тем как союзная миссия прибыла в Петроград. Вместо того чтобы закончить все счеты между династией и народом, эта смерть вызвала лишь более яркое и свободное выражение нараставшего недовольства. Во время своего пребывания в России наши делегаты слышали громкие разговоры даже в высших кругах петроградского общества о возможности убийства царя и царицы. Оказалось, что в некоторых кругах существовали радужные надежды на то, что союзная конференция может привести к какому-либо соглашению, которое позволит под тем или иным предлогом выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента, которому удалось бы справиться с положением.

Странно однако, что британские делегаты не сумели отнестись достаточно серьезно к этим разговорам. Помимо этих сообщений сэр Дж. Бьюкенен уведомил британскую делегацию, что

царь колебался между дарованием либеральной конституции и роспуском Думы, склоняясь в пользу последнего. Председатель Думы Родзянко также сообщил лорду Милнеру, что большинство членов Думы определенно решило не подчиняться царскому приказу о роспуске. Начинался конфликт между императором и народными представителями.

Британская делегация получила еще более определенную информацию от полковника Нокса — откровенного офицера, который не только умел видеть вещи как они есть, но сообщал о них и устно и письменно своему начальнику без всяких прикрас. По заявлению полковника Нокса, царь, ожидая волнений на время роспуска Думы, отдал приказ об отправке двух лучших полков (включая гвардию) с фронта в Петроград для поддержания порядка и для борьбы с изменой. Все офицеры этих полков подали коллективное письменное заявление с просьбой оставить их на фронте. И все же наша делегация не ждала немедленного переворота в России.

Британская делегация получила еще одно предупреждение. Дума должна была быть созвана через неделю после закрытия конференции. Делегация просила разрешения остаться в России и присутствовать на заседании. Официальный представитель двора предупредил делегацию, что если она останется, созыв Думы будет отложен еще на две недели. Это было плохим признаком. Делегаты должны были понять, что это решение означало намерение царя разбить все мечты о сотрудничестве с либеральными лидерами (социалисты еще не появились на сцене). Делегаты должны были понять, что этот путь ведет к анархии. Тем не менее они уехали, убежденные в том, что революции в России не будет до самого конца войны. Единственным исключением быть может был сэр Вальтер Лейтон. Когда его по возвращении спросили, „охотно ли русские воюют", он ответил: „Нет, они думают лишь о предстоящей революции". Однако в официальном отчете Лейтон, не выходя за пределы своей компетенции, затрагивал только вопрос о военном снаряжении, и военный кабинет поэтому не был осведомлен о тех выводах, к которым он лично пришел.

Глава британской делегации лорд Милнер был по своей подготовке и по своему темпераменту бюрократом чистейшей воды. Он не был знаком с народной массой, и его кругозор ограничивался стенами того учреждения, где он заседал. Он не презирал массу, а просто упускал ее из вида в своих расчетах. Изучение характера и настроений толпы не входило в курс тех дисциплин, знание которых требовалось для поступления на бюрократическую должность и для успеха чиновничьей карьеры. Наоборот, чем больше люди, подобные Милнеру, стали бы интересоваться этой стороной правительственной деятельности, т. е. изучением настроений толпы, тем меньше шансов было бы у них на успешное продвижение по службе. По мнению этих людей, такими делами должны заниматься политические деятели, сам же Милнер никогда не был политиком.

Генри Вильсон был с головы до пят — а он был очень высокого роста — профессиональным солдатом. Существует мнение, что военные не должны считаться с народом, кроме тех его представителей, которые служат в армии. Солдат Вильсон оценивал положение исключительно с точки зрения военной дисциплины. Высшим проявлением дисциплины было для него отдание чести офицеру. Он видел собственными глазами, что русские солдаты великолепно справлялись с этой задачей. Поэтому он считал возможность волнений в русской армии весьма отдаленной, а раз армия надежна, то, по его мнению, „штафиркам“ (так называл он политиков), болтавшим в Думе, можно было не придавать никакого значения. У Вильсона были крепко укоренившиеся политические предрассудки, но они были связаны с его сектантскими религиозными убеждениями и не имели никакого отношения к положению в России. Вильсон ненавидел католиков и ирландских патриотов, а среди русских солдат и гражданского населения он не встретил ни тех, ни других. Поэтому, независимо от Милнера и исходя из совершенно иной точки зрения, он поддерживал его вывод, что на ближайших порах нечего опасаться переворота в России.

Итак все главные представители британской делегации были того мнения, что хотя революция неизбежна, но ее следует ожидать только после войны. Сравнивая свои записки с записками коллег, лорд Милнер от своего и от их имени сообщил кабинету:

> „Что касается чисто политической стороны рассматриваемого положения, то я убедился, что в разговорах о революции в России наблюдаются значительные преувеличения, особенно поскольку речь идет о мнимой измене армии. Вполне естественно, что армия недовольна тем, как правительство вело войну. Но есть значительная разница между недовольством в армии и в стране и даже между громким публичным выражением этого недовольства (в России существует удивительная свобода слова) и действительным революционным движением. Однако если допустить на минуту, что революция будет успешна, то я с величайшей тревогой оцениваю ее влияние на дальнейший ход войны. Хотя самодержавие и представляет собой плохую форму правительства, понадобится целое поколение, чтобы заменить его чем-либо новым“.

Учитывая, что со всех сторон делегация получала указания на грядущие события, кажется непонятным, что делегаты могли оставаться в такой степени глухими и слепыми. Вот еще одно доказательство того, как разумные люди могут быть введены в заблуждение внешностью, установившимся порядком и не обращают достаточного внимания на внутреннее состояние здания, которое украшено столь пышным фасадом. То, что они видели, большая часть того, что они слышали, указывало на неизбежность революции и притом революции немедленной. Даже сэр Генри Вильсон писал в своем частном дневнике:

„Не подлежит никакому сомнению, что император и императрица идут к гибели. Офицеры, купцы, женщины — все открыто говорят, что абсолютно необходимо убрать царскую чету. Они потеряли доверие своего народа, дворянства и даже армии; мне кажется, что их положение безнадежно; наступит день, когда здесь начнутся ужасные волнения".

Дж. Клерк (ныне сэр Дж. Клерк), теперь британский посол в Париже, а тогда опытный чиновник министерства иностранных дел, сопровождавший союзную делегацию в Россию, представил лорду Милнеру отчет о своих впечатлениях. Вот некоторые выдержки из него:

„Когда наша делегация 21 января покинула Англию, положение в России, казалось, находилось под влиянием последствий убийства Распутина. Прибыв в Петроград, мы узнали, что помимо общего чувства облегчения от того, что одним вредным и отвратительным субъектом стало меньше па свете, убийство Распутина ничего не изменило; единственным результатом пожалуй являлась пессимистическая оценка убийства как средства воздействия на самодержавие. Таково настроение умов не только в Петрограде, но и во всей России. Все члены делегации слышали со всех сторон — из русских и из иностранных источников, о неизбежности серьезных событий; вопрос заключался лишь в том, будет ли устранен император, императрица, или г. Протопопов, или все трое вместе. Вместе с тем все одинаково считали, что во время войны не должно быть революции, а без революции или без дальнейших убийств никто не мог себе представить, как сломить вредное влияние императрицы. Всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с Россией, поражала откровенность, с которой люди всех классов, в том числе люди, наиболее близкие к трону, и офицеры, занимавшие командные посты в армии, высказываются против императрицы и двух ее слепых орудий — императора и г. Протопопова. Но мне казалось особенно достойным внимания то, что союзная миссия была окружена каменной стеной, мешавшей ей получить какие-либо серьезные объяснения в защиту политики императора. До некоторой степени это несомненно объяснялось нежеланием реакционеров дать миссии какой-либо предлог для обсуждения внутренних дел России. С другой стороны, такая изоляция миссии, по моему мнению, была вызвана тем, что либеральная и антиправительственная группировка пытались, и я полагаю не без успеха, использовать миссию в качестве предлога для демонстрации в пользу своих собственных политических принципов. Между тем, до тех пор пока нынешний министр внутренних дел продолжает пребывать в милости у императора, он останется самым могущественным человеком в России. Нам же, пока не кончится война, придется считаться с ним и его преемниками, которые будут придерживаться той же политики.

Я не верю, что в России произойдет революция до самого окончания войны, если только правительственная разруха и беспечность русских не приведут к жакерии, что впрочем весьма мало вероятно. Я должен однако признать, что принадлежу к меньшинству, которое разделяет это мнение о России (см. прилагаемый отчет о Вашей беседе с г. Челноковым и князем Львовым в Москве)...".

Беседа, упоминаемая Клерком, должна была убедить лорда Милнера, что опасность потрясения неизбежна. Тем, кто по сию пору еще продолжает верить, что царский режим до того времени с помощью героических усилий справлялся с большей частью затруднений, выпавших на долю России, и был свергнут в тот самый час, когда ему уже улыбалась победа, — самым красноречивым выразителем этой точки зрения является г. Черчиль, — рекомендуется прочесть этот конфиденциальный отчет о переговорах лорда Милнера с двумя наиболее умеренными лидерами русской Думы. Разговор имел место тотчас же после приезда лорда Милнера, 11 февраля.

Г-н Челноков в качестве московского городского головы благодаря своей активности и умению, с которыми он выполнял обязанности, связанные с этим положением в течение войны, стал одним из наиболее известных деятелей в России; с другой стороны, деятельность князя Львова в качестве председателя Всероссийского земского союза выдвинула его по общему признанию в ряды лучших организаторов в России.

Разговор носил строго конфиденциальный и весьма откровенный характер. Оба выдающихся русских деятеля стремились доказать лорду Милнеру, что существующее положение вещей не может долго продолжаться. Они указывали, что развал государственного аппарата достиг таких размеров, что в стране, где вообще нет и не было подлинного недостатка в продовольствии и был даже избыток топлива, отдельные районы близки к голоду. До сих пор еще правительство, хотя всегда с запозданием, отпускало денежные средства Союзу земств и городов, выполнявшему огромную и чрезвычайно ценную работу по снабжению русской армии во время войны. Однако налицо все признаки того, что министр внутренних дел в своем стремлении уничтожить всякую организацию, содержащую малейший зародыш политического либерализма, попытается прекратить выдачу правительственной субсидии союзу. Этот шаг был бы в полном смысле слова фатальным для русской армии; может быть сознание роковых последствий этого шага спасет еще деятельность союза. Однако последний уже встречается со всякого рода затруднениями. Ему все чаще ставятся палки в колеса, хотя открыто правительственные чиновники не ставят вопрос о прекращении субсидий.

Другим примером полной организационной разрухи являлось безразличие, с которым сотни тысяч людей были оторваны от своей

полезной работы и призваны в армию. Так например в настоящее время тысячи призванных были расквартированы по Москве без всякой нужды с точки зрения военных целей; в то же время недостаток в рабочей силе в самой Москве при одновременном недостатке топлива приводит к закрытию фабрик. Нехватает рабочей силы для транспорта, для доставки сырья на фабрики с железных дорог и фабрикатов на железнодорожные станции. Всего было призвано в армию 17 миллионов человек; более половины призванных оставалось без оружия и попросту слонялось без дела.

Несколько месяцев назад одного слова императора, обращенного к народу, которое показывало, что он понимает положение и готов с ним считаться, было бы достаточно, чтобы изменить все и при общем энтузиазме объединить Россию во имя успешного окончания войны. Но в настоящий момент авторитет батюшки царя был потрясен до основания, чего ни один русский не считал возможным ранее. Дело заключалось не в том, что царя не любили или что он был непопулярен, а в том, что русский народ проявлял теперь полное безразличие к особе своего государя. Крестьяне часто покидали храмы, когда поп произносил молитвы о здравии государя; это было самой яркой иллюстрацией народных настроений.

Князь Львов выразил опасение, что революция неминуема, если не будут немедленно приняты меры для изменения создавшегося положения вещей. С каждым днем положение становится все труднее, с каждым днем дезорганизация усиливается. Отсюда — необходимость принятия самых срочных и решительных мер. Князь Львов питал раньше серьезную надежду, что еще удастся пожалуй изменить положение к лучшему и создать приличное правительство на время войны, не прибегая к революции. Но с каждым днем его надежды слабеют. Далее князь Львов дал почувствовать, хотя и не высказывая этого прямо, что присутствие союзной миссии является быть может последним шансом, чтобы открыть императору глаза на действительное положение вещей, пока еще не поздно. Единственное определенное предложение, которое выдвинул князь Львов, сводилось к тому, чтобы союзная миссия поставила условием дальнейшей доставки военных материалов использование этих материалов, или хотя бы части их, организациями, к которым союзники относились с доверием, например Союзом городов и Земским союзом, возглавлявшимися князем Львовым и г. Челноковым.

Лорд Милнер указал, что союзная миссия прибыла не для того, чтобы обсуждать внутреннее положение России, а исключительно для выяснения вопросов, относящихся к ведению войны; и лишь постольку, поскольку внутренее положение России неблагоприятно отражается на ведении войны, союзные представители могут косвенно подойти к этой политической проблеме. Но лорд Милнер ясно указал, что его симпатии всецело на стороне князя Львова и г. Челнокова и что он воспользуется открывшейся перед ним возможностью уведомить императора о том благоприятном впечатлении от их работы, которое он вынес из своего посещения Москвы. Он прибавил также,

что он охотно заявил бы его величеству, хотя ему и не следует это делать, что, по его мнению, русскому царю следовало бы назначить князя Львова министром внутренних дел. Князь Львов тотчас же заявил, что он не мог бы занять этого поста, но подчеркнул, что он вполне понимает точку зрения лорда Милнера. По словам князя Львова, он и г. Челноков желали только, чтобы лорд Милнер мог составить себе отчетливое представление о подлинном положении вещей в России, и в этом отношении они считают свое дело сделанным.

Обращение обоих весьма влиятельных лидеров к лорду Милнеру свелось таким образом к просьбе использовать все влияние союзной миссии, для того чтобы царь вступил на путь тесного сотрудничества с избранными представителями своего народа и осуществил необходимые реформы. Соответствующее обращение было сделано и французской делегации.

Есть что-то трагическое в обращении русских лидеров к г. Думергу и его коллегам с просьбой предпринять что-либо, чтобы спасти страну от неизбежного развала. Выдающийся юрист Милюков и лучший думский оратор Маклаков страстно возражали против призыва французов — терпеливо ждать.

При слове „терпение“ Милюков и Маклаков вскрикнули: „С нас довольно терпения! Наше терпение окончательно истощилось. Кроме того, если мы не будем действовать, народные массы перестанут нас слушаться“. Маклаков напомнил нам замечание Мирабо: „Не просите отсрочек: бедствие никогда не заставляет себя ждать“.

Делегаты однако видимо стеснялись оказывать на царя давление в вопросах внутреннего управления страной, где он был самодержавным государем. Сэр Дж. Бьюкенен говорил с ним с большой откровенностью. Его прямота была вознаграждена ответом, резкость которого навсегда останется одним из лучших примеров той надменности, которая обрекает людей на гибель*. Но в докладах, представленных правительству английскими делегатами, нет указаний на то, чтобы кто-нибудь из них подал повод к такому резкому отпору. Что касается французских гражданских делегатов, то они казались более поглощенными вопросами о расширении французских границ после победы, чем обеспечением условий, которые одни могли сделать победу возможной и близкой.

В своем интереснейшем дневнике Палеолог дает удивительный отчет о своей первой встрече с Думергом. Последний сначала спросил посла о внутреннем положении в России. Получив заверение, что „Россия прямо идет к гибели и что мы должны спешить“, он тотчас же попросил посла немедленно принять меры к тому, чтобы получить от императора письменное подтверждение его обещания добиться

* Сэр Дж. Бьюкенен: „Ваше величество, позвольте мне заявить Вам, что у Вас есть лишь один безопасный путь. Вы должны сломить ту преграду, которая отделяет Вас от Вашего народа и вновь приобрести его доверие“. Император: „Вы хотите сказать, что я должен вновь завоевать доверие моего народа, или же *мой народ* должен вновь завоевать *мое* доверие?“.

для Франции левого берега Рейна по мирному договору. Французский премьер очевидно снабдил делегацию инструкциями только по данному вопросу. Царь давал официальный прием в честь всех союзных делегатов. На этом приеме он должен был говорить с главами французской делегации. Когда вечером эта возможность представилась, г. Думерг воспользовался ею с подлинно французской живостью. Разговор начался с пустого замечания Думерга о желательности одновременного наступления на различных фронтах. Царь с этим согласился. Тогда французский делегат обратился к существу дела, „затронув вопрос о левом береге Рейна". Франции, указал Думерг, должны быть возвращены Эльзас и Лотарингия, — последняя в границах IX столетия. Остальные германские территории на левом берегу Рейна, продолжал Думерг, должны быть отделены от Германии и их управление должно быть предметом соответствующих специальных соглашений. Г-н Думерг подверг все эти вопросы „самому тщательному" анализу и получил полное одобрение императора. Поэтому для обсуждения внутренних затруднений в России не осталось времени; не осталось времени и для обсуждения вопроса о недостатке продовольствия и топлива, от которого страдали большие города с их скученным и все более возраставшим населением, где царили общее недовольство и волнения; не осталось времени для обсуждения вопроса об отсутствии военного снаряжения на фронте, которое помогло бы русской армии занять свое место в общем наступлении.

Французский посол рассказывает, что царь опасался со стороны делегатов „непрошенных советов по вопросам внутренней политики". Теперь он успокоился. Нельзя же было после этого злоупотреблять вежливостью императора на официальном придворном приеме; нельзя было платить за такую вежливость обращением к неприятным темам, в особенности после того, как император удовлетворил главную цель и главную просьбу делегатов; это было бы по меньшей мере бестактно и до крайности невежливо...

Император, по словам Палеолога, обнаружил свое удовлетворение сдержанностью французов тем, что закурил папиросу и подошел к другим группам делегатов. Он не был уверен, что разговор с английскими и итальянскими делегатами будет столь же приятен. Поэтому он решил не брать на себя никакого риска. Палеолог сообщает, что „все удостоились от него любезных замечаний, но не более того; он не задержал разговором никого".

„В это время Россия шла прямо к гибели", — пишет Палеолог. Через несколько недель ее гибель началась; вместе с Россией погибли любезный и согласный на все царь и его обещание Франции.

В то время считали бесспорным, что революция ограничится свержением царя Николая и заменой его царевичем Алексеем. Обязательства, данные императором, связывали и его преемника. Отсюда стремление французского министерства добиться этого соглашения с царем прежде, чем Николай сам провалится в преисподнюю. Регент и его советники могли оказаться не столь сговорчивыми.

Чтобы устранить всякое сомнение по важнейшему вопросу о передаче Франции левого берега Рейна, г. Бриан предложил послу представить французские пожелания в письменном виде. Я цитирую далее рассказ Палеолога о принятых им мерах:

„Среда, 14 февраля 1917 г.

Действуя на основании инструкций, полученных от Бриана, я только что отправил нижеследующее письмо Покровскому:

Настоящим имею честь уведомить императорское правительство, что правительство Французской республики намерено включить нижеследующие территориальные требования гарантии в условия мира, которые должны быть предписаны Германии:

1. Эльзас и Лотарингия подлежат возвращению Франции.

2. Границы Лотарингии должны распространяться по крайней мере на пределы бывшего герцогства Лотарингского; новые границы должны удовлетворять требованиям стратегической необходимости и включить в территорию Франции весь Саарский угольный бассейн.

3. Прочие территории на левом берегу Рейна, которые ныне входят в состав Германской империи, должны быть полностью отторгнуты от Германии и освобождены от политической и экономической зависимости от Германии.

4. Территории на левом берегу Рейна, которые не будут включены в территорию Франции, составят автономные и нейтральные государства; эти территории будут оккупированы французскими войсками до тех пор, пока неприятельские государства не выполнят полностью всех условий и гарантий, предусмотренных мирным договором.

Правительство республики было бы счастливо, если бы оно могло рассчитывать на поддержку императорского правительства в осуществлении своих проектов...“ *.

В качестве комментария к тем братским чувствам доверия, которыми характеризовались взаимоотношения между союзниками, следует отметить, что правительство „коварного Альбиона“ не имело представления об этих тайных переговорах и обязательствах по поводу будущего мирного договора. Это обещание было получено от царя в присутствии британских и итальянских представителей в Петрограде, но так, что они этого не слышали; англичанам и итальянцам не было сделано даже намека на эту тайную сделку. Когда революционеры впоследствии раскрыли существование этого тайного договора между двумя союзниками, французское правительство частным образом объяснило нашему послу, что Думерг в этом случае превысил свои полномочия.

Интерес французской делегации к вопросу, который не имел отношения к эффективному ведению войны, отвлек ее внимание от

* Мемуары Палеолога, англ. изд., стр. 102.

основного — от необходимости совместных усилий для того, чтобы убедить императора и его правительство принять нужные меры для устранения разрухи в России. Даже смелому Бьюкенену приходилось соблюдать осторожность и не доводить далеко свою дипломатическую откровенность. После знаменитой встречи, когда он открыто указал императору на опасность потери доверия его народа, состоялся обед в честь союзных делегатов, на котором сэр Дж. Бьюкенен в качестве старшины дипломатического корпуса сидел рядом с императором. Я имел возможность познакомиться с письмом, в котором Бьюкенен дает интересный отчет об этом обеде. Бьюкенен опасался, что царь будет немилостив к нему, помня о его последней аудиенции; но он „с радостью отметил, что царь не проявлял никаких следов недовольства тем, что ему тогда было сказано". Бьюкенен пишет далее: „Стремясь восстановить прежнее отношение ко мне со стороны его величества, я тщательно избегал опасных тем". Так уважение к царям парализует даже самые смелые и опытные умы. Если посол чужой и к тому же более крупной державы не мог свободно говорить с российским императором, то как можно было ожидать от бедных русских министров, что они решатся противостоять гневу царя. Сегодня они были министрами, а завтра ничем, если того захотел бы император. Облака и туман, окружающие трон, могут порождать страх, но они скрывают также и грозу...

Попытки миссии оказать давление на государя в смысле прекращения разрухи в стране и побудить его к сотрудничеству с патриотически настроенными, лойяльными и независимыми русскими, эти попытки носили спорадический характер; миссия выступала робко, боязливо и поэтому не произвела никакого впечатления. Вот почему ее усилия были неудачны. Если бы Милнер, Думерг и Шалойя сделали сообща настойчивое представление царю, заявив, что России не будет оказана помощь, пока царь и его министры не станут лойяльно работать с Думой, положение еще могло быть спасено.

Через неделю после возвращения делегации в Лондон в России начались серьезные волнения; произошли бунты в городах и волнения во флоте. Наиболее серьезным из всех был конфликт между Думой и императором. Почти с самого начала солдаты и матросы стали на сторону народного собрания. Через несколько дней царь отрекся от престола. Ему не было назначено преемника. Царь отрекся в пользу своего брата великого князя Михаила, но страна отказалась принять это назначение. Дума создала Временное правительство, и тем самым закончилось царствование Романовых.

Хотя ясный и проницательный ум сэра Дж. Бьюкенена предвидел волнения в России, но когда они действительно произошли, Бьюкенен не понял значения событий, которые он постоянно предсказывал. Ежедневно поступали сообщения о беспорядках, стачках и продовольственных бунтах. Изо дня в день положение становилось все хуже и хуже. Улицы были полны рабочих, которые бастовали, потому что они голодали. Народ останавливал поезда; участились столкновения с полицией. Были вызваны казаки для охраны порядка. Затем нача-

лась стрельба, появились убитые и раненые. Тем не менее нами было получено успокоительное заверение: „Если сегодня ночью и завтра порядок будет сохранен без серьезных жертв, то, по мнению советника британского посольства, волнения пройдут бесследно, как это уже случалось раньше". Конечно посольство не преминуло прибавить кое-что о „необходимости разрешения продовольственной проблемы" и о том, что не следует упускать из виду также и другие важные политические вопросы.

В самый день революции, когда военный атташе телеграфировал, что вся гвардия в Петрограде восстала, что гвардейские офицеры убиты, войска ворвались в арсенал и захватили пушки, когда восставшие были уже господами положения, когда солдаты остались без руководителей и офицеров, мы получили от нашего посла следующее сообщение: „Повидимому на ближайшее время наступит успокоение, если сегодня не будет активных выступлений". Почему их не должно было быть? Неужели только потому, что все это случалось уже раньше и кончалось успокоением? Но быть может в прошлом дело не обстояло так тревожно, хотя положение и было достаточно плохо.

Однако наступил момент, когда стало совершенно ясно, что на этот раз волнения носили совершенно иной характер и приняли гораздо бóльшие размеры, чем когда-либо в прошлом. Петроградский гарнизон изменил царю. Все зависело теперь от армии на фронте, от того, осталась ли армия лойяльной по отношению к Николаю II. Если да, то положение могло быть восстановлено. В течение многих дней мы продолжали сомневаться в исходе революции. Как я укажу в дальнейшем, исчезла даже преданность высшего командного состава к царю и царице. Никто в Петрограде не знал, что случилось с царем. Через два дня после того как началась революция, министр иностранных дел „считал, что восстание нетрудно подавить, так как силы восставших вскоре будут истощены и им не хватит продовольствия". Даже г. Гучков — член Исполнительного комитета Государственной думы — заявил сэру Дж. Бьюкенену, что, „по его мнению, положение нельзя назвать безнадежным, если только император последует данному ему совету и создаст новое правительство".

Сэр Дж. Бьюкенен в телеграмме от 15 марта г. Бальфуру заявляет, что „местопребывание императора неизвестно, и никто не знает, когда император прибудет в Царское Село". Бьюкенен указывает, что „промедление может иметь самые серьезные последствия, так как крайняя социалистическая партия повсеместно имеет успех". Социалисты агитировали в пользу республики; среди них многие требовали мира. Было создано Временное правительство, в состав которого вошел только один социал-демократ Керенский.

Временное правительство потребовало отречения императора.

По совету сэра Дж. Бьюкенена, кабинет решил признать новое правительство. 16 марта в Петрограде стало известно, что император отрекся от престола и солдаты прошли через город, „срывая императорские орлы".

Когда революция стала совершившимся фактом, британский кабинет обсудил вопрос об отношении к российскому Временному правительству и решил предложить палате общин послать приветственную резолюцию Думе. Как поступить по отношению к доброму другу, который нанес ущерб общему делу? Нет задачи более трудной и неприятной. Если не притти ему на помощь, то сам чувствуешь, что покидаешь верного товарища в трудную минуту. Если же оказать другу поддержку, то теряешь последнее, что еще осталось от общего дела. К счастью царь уже отрекся от престола. Поэтому не возникал вопрос о личной нелойяльности по отношению к человеку, который честно поддерживал союзников в хорошие и дурные времена. В качестве лидера палаты общин г. Бонар Лоу 22 марта внес следующую резолюцию в палату общин:

> „Палата общин посылает Думе свое братское приветствие и горячо поздравляет русский народ с созданием в России свободных учреждений в полной уверенности, что это приведет не только к счастливому и быстрому развитию русского народа, но также к тому, что Россия с новой силой и новой энергией будет дальше вести войну против прусского самодержавного милитаризма, который угрожает свободе Европы".

В обоснование этой резолюции Бонар Лоу выступил с речью, которая полностью отвечала чувствам всех партий в палате общин и в стране по отношению к переменам в государственном строе великого союзного народа.

> „Не мы, полагаю я, призваны судить и еще в меньшей степени осуждать тех, кто принимал участие в правительстве союзной страны. Я надеюсь, что мне будет позволено выразить чувство, которое, я полагаю, разделяет вместе со мной огромное большинство членов палаты. Я говорю о чувстве симпатии к бывшему царю, который в течение трех лет или почти трех лет был нашим верным союзником; он унаследовал от предков бремя, которое оказалось для него слишком тяжелым. Но мы не можем забыть, что самое важное из всего — исход войны зависит от того, выдержат ли свободные учреждения натиск военного деспотизма. Мы можем лишь радоваться тому, что в последней стадии этого мирового конфликта все союзные державы находятся под управлением правительств, действительно представляющих их народы. Наше правительство, внося настоящую резолюцию на рассмотрение палаты общин, прекрасно знает, что ее могут счесть преждевременной. Мы предложили ее палате в надежде и уверенности, что эта резолюция укрепит положение русского правительства перед лицом ожидающих его трудных задач".

Поддерживавший резолюцию г. Асквит удачно сказал в своей речи:

„Резолюция, которую предложил мой достопочтенный друг, выражает, по моему убеждению, мнение не только палаты общин, но и мнение всего народа всего Соединенного королевства и всей Британской империи... Казалось, что самодержавие, несмотря на все свои исторические метаморфозы и разность судеб государей, занимавших трон, является необходимой составной частью русской жизни; казалось, что оно незыблемо и несокрушимо. Между тем в течение нескольких дней самодержавие было уничтожено без всякого сопротивления и даже защиты. Вопрос о государственном строе будущей России должен быть решен, как мы рады узнать, свободным волеизъявлением свободного народа. Каково бы ни было окончательное решение русского народа, отныне Россия заняла свое место на стороне великих демократий мира. В Англии, которая, как нам напомнил мой достопочтенный друг, является родиной парламентских учреждений и народоправства вообще, мы считаем своей привилегией, даже своим правом первыми радоваться освобождению России и приветствовать Россию в лагере свободных наций мира“.

24 марта я отправил следующую телеграмму новому русскому премьеру — князю Львову:

„С чувством глубокого удовлетворения народы Великобритании и британских доминионов узнали, что их великая союзница Россия находится в настоящее время среди народов, государственный строй которых основан на ответственном перед народом правительстве. Как бы мы ни ценили лойяльность и верное сотрудничество бывшего императора и русских армий в течение последних двух с половиной лет, мы полагаем, что революция, с помощью которой русский народ связал свою судьбу с твердой основой свободы, является лучшей лептой, которую Россия принесла на алтарь союзников в борьбе за общее дело, начатое в августе 1914 г. Русская революция еще раз подтверждает ту истину, что великая война является борьбой за народоправство и борьбой за свободу. Русская революция показывает, что в результате войны принцип свободы, который является единственной основой мира во всем мире, уже победил“.

Глава пятьдесят третья

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Затем наступил потоп.

Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа советников, набранных из Думы, советов солдатских, матросских и рабочих депутатов, политических организаций всех мастей и направлений, которые растрачивали большую часть времени и сил на споры о том, куда направить ковчег, пока в конце концов ковчег не был захвачен людьми, которые хорошо знали, куда его вести.

Я полагаю, что те, кто забыл о дореволюционных условиях в России, не смогут объяснить себе позиции английского и французского правительств по отношению к революционным правительствам, возникшим немедленно после падения царя, если я не укажу здесь некоторые из причин, приведших к краху. Помимо этого русская революция сама по себе является таким значительным фактом в мировой истории, что для каждого, кто интересуется прогрессом человечества, знакомство с причинами русской революции всегда будет интересно. Так как мне в Англии пришлось подходить к вопросам русской революции с точки зрения практической политики, я полагаю, что читатель мне простит, если я остановлюсь здесь подробнее на некоторых обстоятельствах, вызвавших революцию в России.

В 1915 и 1916 гг. я стремился побудить союзников устранить ряд дефектов в русской государственной машине, особенно в части ее военных нужд, которые в конце концов привели к революции. Петроградская конференция была последней, правильнее сказать, первой, организованной попыткой союзников предупредить или отсрочить катаклизм путем устранения тех зол, которые усиливали и ускоряли крах режима во время и вследствие войны.

Эта попытка была сделана слишком поздно, чтобы можно было спасти царя, слишком поздно, чтобы сохранить Россию в качестве мощного союзника. Если бы подобная конференция была созвана после поражения 1915 г., она могла бы привести к ощутительным

результатам. Конференция такого же характера в 1916 г. привела бы к некоторым изменениям режима, которые позволили бы России продержаться еще в 1917 г. и, если это было бы необходимо, в 1918 г. Россия все еще оставалась бы угрозой для армий центральных держав, угрозой достаточно серьезной, чтобы не позволить немцам уводить свои лучшие войска с восточного фронта во Францию. Но резолюции конференции 1917 г. не могли быть осуществлены, так как не оставалось уже достаточного времени хотя бы для того, чтобы подвезти лишний вагон хлеба голодным толпам Петрограда.

Г. Черчиль пишет: „В наше время принято, хотя и совершенно напрасно, говоря о царском режиме, без дальних слов называть его слепой, никуда негодной тиранией, совершенно разложившейся изнутри“. Далее Черчиль говорит: „Россия пала подобно Ироду, пожираемая червями, засевшими внутри организма, когда победа была уже в ее руках“. Но черви, которые пожирали внутренности старого режима и подрывали его силы, были вызваны к жизни разложением самого режима.

Царизм пал потому, что его мощь, его значение и его авторитет оказались насквозь прогнившими. Поэтому при первом ударе революции царизм распался. Когда голодная петроградская толпа вышла на улицу, не считаясь больше с устрашающими указами царского правительства, последнее уже не обладало достаточной силой, даже чтобы спасти скипетр императора.

Г. Черчиль, описывая катастрофу в России, говорит: „Пароход утонул близ заветной гавани“. Эта нелепая картина кажется привлекательной только потому, что прекрасный художник вставил ее в рамку блестящей риторики.

Г. Черчиль продолжает: „Россия перенесла шторм“. Да, Россия перенесла шторм с разбитым кузовом, с негодным, нуждавшемся в серьезном ремонте механизмом. Слабый и глупый капитан беспомощно пытался вести ее дальше с помощью дрянных офицеров и с командой, которая вот-вот готова была взбунтоваться и во всяком случае открыто выражала свои недовольства, грозившие перейти в восстание. Генерал Кастельно считал, что Россия неспособна еще раз начать наступление, и сам исключал возможность активного участия России в кампании 1917 г.

Болезненная ненависть г. Черчиля к революции, которая в 1919 г. опрокинула все его хитроумные военные планы в России, лишила его способности беспристрастно анализировать причины, повлекшие за собой падение самодержавия.

Революция была неизбежным следствием банкротства царизма, а не причиной его. Заговорщиками, свергнувшими царизм, были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры, которых сами выдвигали и которым оказывали поддержку царица и Распутин.

Царь, сам того не сознавая, был главою заговора. У гигантской страны, столкнувшейся с величайшим кризисом в своей истории, страны, населенной десятками миллионов впечатлительных, но

довольно примитивных по своей психологии людей, не было вождя.

Существовала корона, но без головы. По словам Черчиля, царь был „простецким человеком средних способностей и не лишенным добрых намерений“, но совершенно непригодным, как признает Черчиль, к выполнению своих функций; он был „лишь простым, добрым и правдивым человеком средних способностей“. Ни одно правление акционерного общества не избрало бы Николая в руководители большого предприятия; во всяком случае ему не доверили бы вести дела во время серьезного кризиса. Николаю было тяжело видеть себя призванным вести в качестве верховного правителя огромную страну в самые грозные дни ее истории. Кроме того слова г. Черчиля не вполне соответствуют истине; в одном отношении Черчиль неточно описывает качества царя, как они проявлялись на деле. Трудно говорить о „доброте“ царя во все времена, если учесть его обращение с лучшими из своих подданных. В его царствование случались события, за которые он несет непосредственную личную ответственность, события, которые заставляют сомневаться в том, что ему была свойственна жалость. Орошенные кровью площади Петрограда (9 января 1905 г. — *Прим. перев.*) и унылые тундры Сибири свидетельствуют о других, гораздо менее симпатичных качествах царя. Ужасная смерть Николая притупляет критику его действий, но если не хотят этой критики, то пусть лучше не вызывают ее агрессивными заявлениями о его „доброте“ *.

Если бы революции не было или революция произошла позже, Россия могла бы выйти из хаоса только при помощи активного вмешательства союзников, которые предложили и провели бы полную реконструкцию страны. Ничто другое не могло бы вывести Российскую империю из того хаоса и беспорядка, в котором она находилась благодаря управлению царя и его советников. Союзники не могли бы осуществить свою цель, если избранные царем министры остались бы у власти. Единственная надежда на успех заключалась в безоговорочной сдаче самодержавной власти Думе и назначении министров, которые пользовались бы доверием Думы и являлись бы на деле ее ставленниками. Царизм окончательно обанкротился. И в мирное и в военное время царизм как государственный строй оказался непригодным для такой великой страны, как Россия. Население России

* Княгиня Радзивилл в своей книге „Последний царь Николай II“ пишет (на стр. 197). „Я должна здесь несколько удивить моих читателей. Я убеждена что ненависть к Распутину, которая открыто выражалась в лучшем обществе Петербурга и Москвы, была лишь прикрытием кампании в пользу свержения самого императора. Необходим был лишь хороший предлог для этого. Но многие из тех, кому надоели взяточничество, коррупция и полный беспорядок в управлении страной, кто был возмущен никчемностью, лживостью и низостью Николая II, той хладнокровной жестокостью, с которой Николай пытался подавить всякое стремление и всякое движение в пользу реформы, ставили перед собой гораздо более серьезные задачи, чем устранение Распутина. Потоки крови, пролитые с тех пор, как Николай вступил на престол, лишили его всякого уважения и привязанности его подданных; русские стали смотреть на царя как на препятствие развитию и благоденствию России“.

не получало образования, было невежественно и не подготовлено ни к чему, кроме самых примитивных задач, которые оно осуществляло самыми примитивными методами. Способности русских не получали достаточного развития. Малейшая попытка что-либо изменить в этом отношении считалась угрозой самодержавию. Эксплоатация богатейших естественных ресурсов этой великой страны — ее водной энергии, ее лесных богатств, земельной площади — только начиналась. Эксплоатация минеральных богатств и промышленность страны зависели главным образом от иностранцев. Пути сообщения и транспорт были совершенно недостаточны для потребностей такой огромной страны, такого многочисленного населения и столь плодородной почвы. Жестокая рука войны быстро обнаружила банкротство царского самодержавия, не сумевшего в мирное время наилучшим образом использовать неисчерпаемые людские и материальные ресурсы России.

Каковы же были результаты этого неумения? Эти факты хорошо известны; о них писали почтенные люди всех направлений, испытывающие ужас перед большевизмом, его принципами и методами. Добродетельный и добросовестный государь должен был нести непосредственную ответственность за режим, проникнутый коррупцией, ленью, развратом, протекционизмом, завистью, низкопоклонством, пресмыкательством, неспособностью и предательством — смешением всех тех пороков, которые не могли не привести к окончательному банкротству режима и к неизбежной анархии. Добродетель определяли слишком узко; отсюда множество ошибок и заблуждений. Трагедия Карла I в Англии и трагедия Людовика XVI во Франции, к которым ныне присоединилась трагедия Николая II в России, являются ужасными иллюстрациями одной и той же истины.

Люди, которые дали первый толчок революции, принадлежали к числу недовольных аристократов и буржуа — князей, коммерсантов и адвокатов. Затем последовали волнения среди полуголодных рабочих и восстания солдат и матросов. Но последние в течение многих лет безропотно переносили свою несчастную судьбу. Родзянко — председатель Думы и глава конституционного движения, был камергером. Это был аристократ и крупный помещик, в прошлом офицер-кавалергард. Князь Львов принадлежал к тому же классу. Милюков был консервативным адвокатом, а Гучков — фабрикантом; все они принадлежали к классу собственников. Они были ревностными сторонниками монархии, но принадлежали к той русской интеллигенции, которая со времен Александра I стремилась к конституционной монархии, а не к самодержавной власти. По своим взглядам в социально-экономических вопросах они по существу были людьми более консервативными, чем лидеры торизма направления Дизраэли, с которыми я делил власть в военном кабинете. Если бы царь обладал достаточным умом, чтобы сделать те скромные уступки, о которых они просили, он мог бы до сего дня оставаться гордым властелином победоносной, могущественной и благоденствующей империи. Он упрямо цеплялся за свою самодержавную власть, будучи менее подготовлен пользоваться ею, чем кто-либо из его предше-

ственников. От него отшатнулись все наиболее стойкие и заслуживающие доверия элементы его империи, — они в отчаянии обратились к революции.

Пришедший затем к власти социалист Керенский представлял иную и более передовую часть общественного мнения, чем Дума. Это был адвокат из чиновничьей среды, который исповедовал умеренные социалистические взгляды. Во многом Керенский напоминал Филиппа Сноудена в молодости. Одни лишь большевики впоследствии совершили подлинный революционный переворот, и конечно только история покажет, насколько эта революция увенчалась конструктивным триумфом. Но первый импульс, который вызвало стремительное падение русского самодержавия вниз по наклонной плоскости революции, был вызван такой невероятной разрухой в управлении, что переносить ее не могли даже лойяльные сторонники империи (за исключением одной лишь правящей клики).

Тот час, когда люди, патриотически и лойяльно настроенные, вынуждены выбирать между троном и страной, является роковым для монархии. Необходимость этого выбора означала конец царизма.

Я обратился к одному выдающемуся русскому эмигранту с вопросом, в ком или в чем, по его мнению, следует искать причину падения царизма? Он отвечал: „В Распутине“. Почему? Ведь Распутин не был руководителем армии, он не вмешивался в военные вопросы; он не вмешивался в вопросы транспорта или военного снаряжения; он не участвовал непосредственно в руководстве военного снаряжения; он не участвовал непосредственно в руководстве военными действиями. Каким же образом мог Распутин оказать столь пагубное влияние на судьбы страны и сделаться главным действующим лицом в ускорении хаоса? В анналах грязных исторических трагедий Распутин представляет собой исключительную фигуру. По всей вероятности вся правда о Распутине не рассказана.

Распутин был сатир с религиозным уклоном, обладающий гипнотической силой. Распутину косвенным образом удалось приобрести влияние на царя, бывшего превосходным семьянином, тем, что он подавлял волю в высшей степени добродетельной царицы при помощи средств, вполне достойных ее материнского чувства. Распутин не раз спасал от смерти ее сына — наследника престола — своими удивительными гипнотическими способностями. С того времени, как это ему удалось, его влияние при дворе стало неоспоримым. Император и императрица не верили или закрывали глаза на его оргии и похоть, не допуская и мысли, чтобы это отвратительное чудовище могло причинять им зло. Он сохранил до конца великой трагедии отношения, дававшие ему, этому мерзкому негодяю, власть над императорской четой. Все, что нашептывали его похотливые губы ослепленной царице, доходило до ее слабого мужа; нескольких слов Распутина было достаточно, чтобы подорвать доверие к самым преданным и лучшим слугам государя, будь то штатский или военный. Всякий, кто подымал голос протеста против абсурдного и мерзкого режима, толкавшего Россию на путь гибели, рисковал тем, что на-

влечет на себя подозрение Распутина и в конце концов будет устранен. Распутин выдвигал людей или смещал их, руководствуясь не критерием вреда или пользы для империи, а только степенью враждебности или преданности лично ему того или иного субъекта. „Прихоть была для него единственным стимулом“. Он устранял честных, способных, но недостаточно угодливых министров и заменял их непригодными людьми. Это повидимому был человек исключительных качеств, так как, несмотря на свой отвратительный разврат, он поддерживал отношения с государственными деятелями несомненных способностей и неоспоримого благородства. Он был в дружеских отношениях даже с человеком такой высокой репутации, как граф Витте. Распутин пользовался несомненным влиянием даже на многих добродетельных лиц духовного звания, из которых некоторые занимали высокое положение в церкви; эти люди верили в святость его жизни и руководства. Это был человек, который хорошо умел разбираться в людях, женщинах и событиях. Когда была объявлена война, он уехал к себе на родину, в далекую Сибирь. Услышав, что военные действия неминуемы, он направил царю письмо, в котором убеждал Николая, вопреки советам Сазонова и великого князя Николая, не итти па войну с Германией, так как война неизбежно приведет к падению империи. Распутин убедил царицу в том, что безопасность ее детей зависела не от сомнительной и трудно достижимой победы к концу длительной войны, а от заключения мира при первой возможности. Опасения царицы привели ее к колебаниям, которые разделял и ее всемогущий супруг. Поэтому царица с недоверием относилась к тем, кто советовал продолжать войну до бесконечности. Это настроение или, вернее, нервное состояние царицы породило в России слухи, которым впрочем все доверяли, о германофильстве Александры. Для этих подозрений не было оснований. Через некоторое время после свержения режима царица в разговоре с одним из наиболее дружелюбно настроенных к ней тюремщиков говорила: „Меня обвиняют в германофильстве, между тем я ненавижу немцев; я англичанка, говорю по-английски и люблю Англию“.

Однако не пацифизм Распутина был главным фактором падения империи. Существовала другая, гораздо более важная причина. Распутин разрушил то обожание, с которым русские относились к личности императора и к монархии; ведь только при этом условии народ мог обнаружить такое долготерпение и ту готовность к жертвам, которые позволили стране преодолеть ряд тяжелых поражений, сопровождавшихся огромными потерями молодых жизней. По мере того как военные неудачи продолжались, царь стал строить свои расчеты в большей степени на страхе своих подданных, чем на их привязанности. Пока этот страх сохранялся, власть царя была несокрушима. Затем смерть Распутина рассеяла иллюзию несокрушимости царской власти. Убийство интимного друга царя людьми, которые открыто хвастались своим преступлением, и то, что никто не решался их арестовать, — вот что уничтожило авторитет императора. И как только шаткость царской власти была разоблачена,

люди перестали пугаться громов Юпитера на троне. При жизни Распутин подорвал всякое уважение к царю; своей смертью он уничтожил последний остаток страха перед государем. Тот выстрел из револьвера, который убил Распутина, проник в самое сердце царизма. Распутин не только предсказал свою собственную насильственную смерть, но также и то, что его убийство приведет к гибели империи меньше чем через шесть месяцев. Так оно и случилось. Царь был вне себя от гнева после убийства Распутина. Этот гнев еще разжигала царица, и царь погрузился в чувство острейшей вражды ко всем тем, кто не пытался скрыть своей радости по поводу убийства Распутина. Пропасть между царем и интеллигенцией страны, которую представляла Дума, еще более расширилась. Ненависть депутатов к Распутину нашла свое выражение на одном заседании Думы. При посредстве Родзянко Дума сделала представление царю, указывая на то, как опасно сохранять Распутина при дворе. Лидеры Думы бурно проявляли свою радость по поводу его насильственного устранения. Поэтому гнев царя прежде всего обратился на них; царь с недовольным лицом отказывался выслушивать их мудрые советы. С другой стороны, безумный Протопопов, утверждавший, что он поддерживает загробную связь с духом умершего пророка, стал пользоваться со стороны царя еще бо́льшим уважением и бо́льшим доверием. Таким образом Распутин и после своей смерти продолжал оказывать гибельное влияние на царя. При жизни это был хитрый негодяй, когда же его идеи стали распространяться болванами, последние приобретали дополнительные качества медиумов.

Как обстояло дело в армии? В ту ночь, когда известие об убийстве царского фаворита дошло до армии, все офицеры в диком восторге пили за здравие его убийц. Народные вожди и офицеры насмехались над царем всея Руси. С падением Распутина пало самодержавие Романовых; ни один друг не сожалел о свержении последнего представителя династии.

Царизм олицетворял старую Россию. Ни в одной стране мистическая власть и авторитет монарха не имели такого повсеместного и всепроникающего значения. Нигде власть монарха не была связана в большей степени с личностью того, кто в данный момент занимал трон. Каждый новый великий монарх, появляющийся через определенные промежутки времени на троне, вносит новую жизнь в институт монархической власти, заново оплодотворяет ее, укрепляет ее устои, сохраняя свое влияние на политику страны на ряд поколений. После смерти великого монарха власть часто переходит к бездарным преемникам. Как мало было действительно великих монархов в Европе в течение двух последних столетий. Как много было посредственных и никчемных представителей монархической власти! В Англии выдающимся монархом была королева Виктория. Но ее положение на престоле было не более устойчивым, чем положение ее бездарного и развратного дяди Георга IV. В условиях конституционной монархии слабости государя находят отпор у парламента или подчинены его контролю. Это ограничивает лич-

ную власть монарха, но увеличивает его безопасность. Однако в условиях самодержавия свержение монарха, которое в России было синонимом его убийства, являлось единственно возможной поправкой к режиму. Пока Николай II оставался царем всея Руси, все русские подчинялись царскому указу вне зависимости от того, одобряют ли они данный указ или нет. Указы царя не нуждались в одобрении народа. Царь объединял в себе власть монарха, кабинета министров и законодательного собрания. Вот почему всякая оппозиция в России приобретала форму заговора против монарха. Отсюда — появление военного заговора для устранения царя Николая и для замены его другим монархом. Речь шла о том, чтобы, как и в прошлом, сменить царя; заговорщики по ошибке изменили самый режим.

Разоблачения, появившиеся после революции, дают возможность лучше уяснить себе создавшееся тогда положение. В воздухе носились различные слухи о подготовлявшемся заговоре; даже члены союзных делегаций, за которыми превосходно следила русская полиция, слышали о том, что такой заговор существует.

Вожди армии фактически уже решили свергнуть царя. Повидимому все генералы были участниками заговора. Начальник штаба генерал Алексеев был безусловно одним из заговорщиков. Генералы Рузский, Иванов и Брусилов также симпатизировали заговору. Когда перед Брусиловым был поставлен вопрос о том, чтобы избавиться от царя, он якобы заявил: „Если мне придется выбирать между царем и родиной, я выберу родину". Настроения офицеров нашли своё выражение в тех взрывах восторга, с которыми было встречено известие об убийстве Распутина. В доказательство существования заговора среди командующего состава армии можно привести тот факт, что оставшиеся в Петрограде полки состояли из молодых новобранцев, только что призванных с заводов, где они были заражены общим недовольством. Число офицеров в полках было недостаточно; большинство офицеров страдало от болезней, а некоторые только что выписались из госпиталей. Один из наиболее спокойных русских эмигрантов, с которым мне довелось встретиться, был убежден, что все это было заранее подготовлено высокопоставленными генералами, чтобы обеспечить успех заговора и предотвратить возможность его подавления. Генералы решили избавиться от Николая II.

Стоит отметить, что когда в ставку поступили известия о волнениях в Петрограде и царь немедленно отправился в столицу, чтобы руководить отпором революции, генерал Рузский задержал его в Пскове.

Взрыв произошел раньше времени вследствие внезапных волнений, которые начались среди несчастных жителей, стоявших в очередях за хлебом; они не могли больше выносить своего тяжелого положения. Взрыв произошел, перед тем как военные подожгли запал. Царизм взлетел на воздух, но в то же время был сорван хорошо организованный план заговорщиков-генералов. Пламя, прорвавшееся слишком рано, вышло из подчинения тем, кто подготовлял пожар. Вместо хорошо организованного государственного переворота гене-

ралов, направляемого из ставки и следовавшего доброй русской традиции, произошло восстание пролетариата, которое было беспримерным в своем развитии, если не считать французской революции.

Приведенные выше выводы основаны главным образом на официальных отчетах, которые находятся в моем распоряжении. Вулканическое извержение, происшедшее в России, не было внезапным или неожиданным. Вулкан заранее подавал признаки грядущих извержений. Все, кто посещал Россию еще в 1915 г., могли слышать подземные толчки, все чувствовали, как под ногами колеблется почва. Я приведу ниже отрывок из письма, полученного в ноябре 1915 г. от сэра Яна Малькольма, бывшего тогда консервативным членом парламента от Кройдона.

Малькольм путешествовал тогда по всей России по поручению Красного креста:

„...Серьезность общественного положения в России *не может быть* преувеличена; положение страны поистине ужасно. С чего мне начать? Продовольствие и топливо исчезли. Что касается топлива, которое состоит исключительно из дров, то наше посольство (наряду с прочими) и многие фабрично-заводские предприятия не имеют достаточно дров на зиму и не знают, где их искать. Цены на продукты исключительно высокие, и самые богатые круги населения начинают испытывать нужду в продовольствии.

...Не говоря уже о существующем среди высоких чиновников взяточничестве и явном безразличии средних классов, следует обратить внимание еще на одну сложную проблему. В столице накопилось 400 тысяч беженцев из Польши и балтийских провинций и огромная армия солдат. Речь идет о миллионе новых жителей за последние 12 месяцев при сокращенном подвозе продовольствия и отсутствии хотя какого бы то ни было жилищного строительства с начала войны. Положение беженцев исключительно тяжелое. Мне пришлось видеть этих несчастных. Они лежат рядами бледные, голодные, истощенные, подавленные мрачной обстановкой, в которую они попали, во власти болезней. Мужчины, женщины и дети, принадлежащие к различным народам и говорящие на разных языках, сбиты в кучу, как свиньи в хлеву; полиция не обращает на них внимания и не поддерживает никакого порядка; дочерей насилуют на глазах матерей; дети наги и голодны. На улицах столько же людей, сколько и в бараках, которые я только что описывал...

...Опера и балет открыты каждую ночь. Вчера был отдан приказ о закрытии всех ресторанов и увеселительных заведений в 11 часов вечера. Этот приказ вызвал прямо душераздирающие вопли богатых. Но надо признать, что приказ отдан своевременно. Все говорят об ужасном будущем, которое ждет правящие классы, после того как кончится война, но *не раньше*. По этому вопросу все придерживаются одного мнения. У императора, царской семьи и двора нет ни единого друга. Го-

ворят, что император и двор совершили все ошибки, какие только были возможны. Когда придет революция, о которой говорят почти открыто, по крайней мере половина армии, возмущенная бойней, в которой погибло столько солдат из-за недостатка снарядов, безусловно присоединится к восставшим. Один офицер рассказывал мне, что его дивизия отправилась в бой, *имея по три ружья на каждые десять человек; остальным семи было предложено хлопать в ладоши, чтобы раздавалось подобие звука от выстрела.* Конечно теперь дело обстоит лучше, и есть наконец достаточное количество снарядов... Они просто не знают, что мы делаем, и не зная думают, что мы не предпринимаем ничего, чтобы им помочь. Вы скажете может быть, что это ребячество, но вы должны помнить, что русские в сущности те же дети...“

Более тщательно продуманный доклад о положении в России был представлен профессором Бернардом Пэрсом, видным ученым, который хорошо знал Россию и русский язык. Он посетил в 1915 г. Петроград в качестве официального корреспондента при русской армии и по возвращении представил правительству весьма интересный отчет о положении в России. Этот отчет еще не был опубликован и является беспристрастным и в то же время живым и точным описанием, будучи одновременно пророческим предсказанием предстоящего шторма. Мне кажется полезным привести из него некоторые, хотя и длинные отрывки, которые помогут нам лучше понять причины революции в России:

„Я должен высказать свое твердое убеждение, что достойная сожаления неудача Викерса, Максима и К°, не доставивших России военного снаряжения, которое должно было быть получено здесь пять месяцев назад, наносит ущерб отношениям обеих стран и в частности сотрудничеству Англии и России в войне. Русские до сих пор выставили 7 миллионов человек; их потери к тому времени, когда я покинул Петроград (11 июля), достигли огромной цифры в 3,8 миллионов. Русское правительство и общественное мнение в России всегда рассчитывали на западных союзников и в частности на Англию в вопросе о доставке снаряжения, необходимого для успеха общего дела, и особенно на доставку тех видов снаряжения, которые сама Россия не в состоянии произвести.

Мне определенно заявляют, что до сих пор в Россию не поступало никаких снарядов из Англии. Мы (полковник Нокс и я) заявили, что контракт российского правительства с Викерсом был осуществлен при посредстве британского правительства. Мы не могли однако смягчить тяжелого впечатления, созданного невыполнением со стороны английской фирмы ее обязательств по доставке снаряжения, которое эта фирма обещала поставить в разные сроки после декабря 1914 г. Все русские, знакомые с этим фактом, объясняют именно этим свои

огромные потери в недавних боях и указывают на необходимость постоянного отступления, до тех пор пока положение дел не улучшится...

Последний военный кризис в России привел кроме всего прочего к отправке в бой больших армий, совершенно не вооруженных. В некоторых случаях количество снарядов в день было ограничено двумя на пушку, а для пехоты — десятью патронами на ружье.

Это неизбежно должно было вызвать волну негодования среди войск; после возвращения огромного количества раненых возмущение распространилось по всей стране. Это общее чувство обиды и возмущения (в особенности в связи с невыполнением обязательств Викерса) не может не нанести удара тому доверию, которое до сих пор Россия питала к ее западным союзникам. *Это обстоятельство повлекло за собой угрожающие признаки недовольства против русского правительства, недовольства, которое, по моему мнению, должно привести, если оно будет расти, даже к серьезным внутренним беспорядкам. Во всяком случае во внутренней политике России неизбежны события*".

На совещании с руководящими членами комиссии, избранными государем из числа членов обоих законодательных палат и Московского военно-промышленного комитета, профессору Пэрсу было поручено представить на рассмотрение британского правительства некоторые предложения. Одно из них имело огромное значение. Оно вновь было повторено в требовании, которое предъявили союзной делегации в феврале 1917 г. представители армии и думские лидеры. Это было по существу требование о том, чтобы прославленный „единый фронт" осуществлялся на деле. Оно гласило:

„Было бы крайне желательным получить определенное заверение в том, что Англия будет прилагать такие же усилия для снабжения русской армии снарядами, какие она прилагает для снабжения английской армии".

По этому поводу профессор Пэрс писал: „По сведениям британского военного министерства, заверение такого рода явится лишь подтверждением существующего факта. Но на русских подобное заверение окажет в ближайшем будущем значительное и успокоительное влияние".

Пэрс писал о „существующем факте". В это время, т. е. летом 1915 г., в момент великого отступления русской армии, мы крайне скупо снабжали русских амуницией. Доклад Пэрса гласил далее:

„...Русские считают, что наиболее ценным элементом сотрудничества является предоставление людей.

Огромные жертвы людьми со стороны России содействовали спасению Парижа и кроме того дали время британской армии для организации и обеспечения себя необходимыми военными материалами. Идя на дальнейшие жертвы, русские ожи-

дают такой помощи со стороны союзников, которая поможет России оказать полностью свое влияние на судьбы войны, предопределяемое самой численностью русских армий, и тем самым сократить свои потери. При существующих же условиях каждое столкновение позволяет неприятелю постепенно уничтожать наше численное превосходство, без того чтобы неприятельские войска несли соответствующие потери..."

Я привожу ниже отрывок из письма, посланного примерно в это время профессору Пэрсу бывшим председателем Думы Николаем Хомяковым:

„Я полагаю, что мы начали теперь в России работать по-настоящему. Я сомневаюсь однако в том, может ли одна Россия удовлетворить потребности своей армии в пушках и снарядах и потребности новых заводов в мощном оборудовании. Мы считаем, что имеем право рассчитывать в этом отношении на помощь наших союзников. Союзники должны считать снаряжение русской армии своей собственной задачей, от успешного выполнения которой будет зависеть исход великой войны. В интересах всего мира мы должны довести войну до желанного конца как можно скорее.

Я не беру на себя задачу перечислить вам все то, что необходимо сделать. Это лучше известно тем, кто отвечает за снаряжение нашей армии. *Но для меня ясно лишь одно — армии союзников должны быть единым целым; их потребности должны быть предметом общих забот всех союзников. Только при условии такого единства можем мы одержать такую победу. Постарайтесь разъяснить в Англии вашему правительству и вашему общественному мнению необходимость полного единства во всех областях войны. Пусть каждый помнит, что в этой войне нет поражения русских, англичан или французов, а есть успех или поражение всех вообще...*"

Я не помню, чтобы сэр Эдуард Грей, которому направлялось это сообщение, принял какие-либо меры, для того чтобы сообщить британскому кабинету об этом важном послании. Он укрылся за той надменностью, которая избавляла его от всяких забот об эффективном ведении войны, той самой войны, в которой он советовал принять участие своему правительству.

Несколько позже (в сентябре 1916 г.) профессор Пэрс сообщал среди прочего о той подозрительности, с которой относятся в России к евреям. Он писал далее:

„Лучшие элементы русского общества находятся в настоящее время в армии или в провинции. И армия и провинция питают глубокую антипатию к политической атмосфере Петрограда, который в настоящее время представляет собой гнездо бюрократических интриг и финансового развала...

Все осуждают реакционное министерство. Это осуждение не вытекает из партийно-политических установок самих критиков. Напротив, все считают, что двор и кабинет министров сами вносят элементы внутренней политики в обсуждение национальных целей войны. Это мнение укрепилось в связи с отставкой г. Сазонова. До тех пор считали, что по крайней мере внешняя политика, базой которой служит тесное сотрудничество союзников во время войны, не будет находиться под влиянием внутренней политической интриги...

Реконструкция министерства означает не простой отказ в требовании назначить министерство общественного доверия. Это требование, как известно, было выдвинуто еще в прошлом году. Общественное мнение в настоящий момент было бы удовлетворено, если у власти были бы поставлены способные министры, знающие свое дело. Между тем до сих пор руководящие круги в своем выборе исходили из двух принципов: проведено было увольнение всех министров, которые в прошлом октябре высказывались за создание министерства общественного доверия; министры были избраны только из числа крайних правых консерваторов. Последние раньше выступали совместно с немецкими элементами при дворе в пользу реакции и против Думы. Император желает бороться с немцами, но хочет сохранить антинациональный курс внутренней политики, сочетать же эти две цели нельзя. Они просто несовместимы, и всякая попытка решения задачи в этом направлении таит в себе опасность новых осложнений. В небольшой группе крайних правых нельзя найти способных людей и редко можно найти людей принципиальных...".

Апологеты старого режима утверждают, что усилия русского правительства, направленные к устранению всех тех недостатков, которые привели к бедствиям 1915 г., полностью изменили положение, и таким образом всякое оправдание революции давно отпало. Некоторые из цитированных мною документов дают возможность опровергнуть эту точку зрения, так как указывают на ужасные условия на фронте и в городах еще зимой 1916/17 г. Осенью 1915 г. царь готов был под влиянием надвигавшихся на Россию бедствий притти к соглашению с народными лидерами в Петрограде, Москве и провинции; Дума была созвана на совещание; была создана предпосылка для сотрудничества с Думой; реакционные министры, вроде Сухомлинова, под давлением своих более разумных коллег подали в отставку и на их место были назначены люди более либеральных взглядов. На помощь правительству были призваны земства, представлявшие все классы населения. Во всех частях империи были созданы добровольческие комитеты для сбора вещей и продуктов для армии; немало было сделано комитетами и в области производства предметов военного снаряжения. Казалось, что отныне царь и народ будут работать рука об руку до побед-

ного конца. Затем вновь подул реакционный ветер. Те самые бюрократы, которые так позорно провалились в деле снабжения армии амуницией и провиантом, стали вдруг коситься на новых людей и на вновь созданные неофициальные учреждения. Они усматривали в усилиях новых людей, направленных к устранению недостатков в армии и в тылу, выражение недоверия и порицание своим собственным действиям. Эти бюрократы не могли вынести того, что другие действовали с энергией, которую они сами никогда не способны были проявить, что меры, принимаемые новыми людьми, оказываются более эффективными, чем их собственная работа в прошлом, особенно в тех областях правительственной деятельности, которые господа бюрократы издавна привыкли считать своей исключительной доменой. Россия в этом отношении отнюдь не была исключением. Мы перенесли то же самое и в Великобритании. Но у нас авторитет в парламенте имел решающее значение. В конечном счете всякий министр, выступающий твердо в интересах нации против непригодных бюрократов, мог быть уверен в том, что он встретит всемерную поддержку парламента, имеющего решающее значение в стране с конституционным образом правления. Отнюдь не таково было положение в России, где, как сам царь заверял генерала Хенбери Вильямса, всякое слово царя было законом. Реакционеры слишком хорошо это знали; они пускали в ход все средства, применяли все меры, которые им были слишком хорошо знакомы, чтобы склонить царя на свою сторону. Постепенно это им удавалось. Реакционеры решили использовать первый представившийся им случай, чтобы устранить людей, стоявших вне обычной бюрократии, людей, организовавших производство военных материалов, которое сами бюрократы не могли наладить. Деятельность этих людей являлась постоянным напоминанием о неспособности бюрократов, об их коррупции и общей бездарности. Вскоре реакционерам представился удобный случай для осуществления своего замысла. Царь покинул столицу, чтобы взять на себя командование фронтом. Это была задача, к которой он совершенно не был подготовлен ни по своим способностям, ни по своему опыту. Все министры единогласно уговаривали его не брать на себя эту роль. От имени кабинета премьер-министр указал императору, что это его решение может иметь роковое значение для империи, ибо в условиях недостатка снаряжения всякое возможное поражение будет использовано не как поражение армии, а как поражение императорского трона; тем самым престиж царя в народе будет подорван. Николай резко отвел этот довод, заявив Горемыкину, что данный вопрос вообще не подлежит компетенции министров и является личным делом царя. Горемыкин уведомил царя, что все министры решили подать в отставку, если царь возьмет на себя командование на фронте. Николай ответил, что министры не имеют права подавать в отставку во время великой войны и что он настаивает на том, чтобы они остались на своих постах. В свою очередь реакционеры всячески убеждали царя взять на себя эту ответственность. Они знали, что командование армией

будет поглощать все внимание царя, что для выполнения других функций у него не останется ни времени, ни сил. И действительно, как только царь покинул Петроград, он потерял контакт с событиями в столице и с теми, кто контролировал политику в тылу. Вместе с тем он лишился и повседневной связи с более либеральными из своих министров. Таким образом дорога для интриг была вновь расчищена. В ставке царь был настолько погружен в подробности своей гигантской задачи, которой хватило бы и на человека, более одаренного, чем он, что просто не был в состоянии следить за событиями, развертывающимися в огромной стране. В этом заключались шансы придворных интриганов, в том числе императрицы и ее духовника. Царя убеждали относиться с подозрением к Думе, городским самоуправлениям и военно-промышленным комитетам. Распутин через императрицу поддерживал эти подозрения царя. Дума была распущена. Независимые министры постепенно были устранены. Контроль над политической жизнью страны был предоставлен неспособным министрам вроде германофила Штюрмера и слабоумным людям вроде Протопопова, находившегося под влиянием Распутина. Лишь только улеглась паника 1915 г., реакция вновь зашевелилась. Пожелания Думы и городских самоуправлений о реформах и мероприятиях по улучшению администрации игнорировались до тех пор, пока к концу 1916 г. положение не стало более угрожающим, чем когда бы то ни было. Зимой 1916/17 г., когда положение обострилось до крайности и все интеллигентные русские люди, не ослепленные блеском самодержавия, предвидели грядущие бедствия, Дума назначила комиссию для расследования причин создавшегося положения и для организации помощи. Я приведу здесь несколько отрывков из выступлений на заседаниях комиссии людей умеренных, лойяльность которых по отношению к царю была вне всяких сомнений:

„Заседание 1 февраля 1917 г.*.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко подчеркнул, что вопрос о возможности возникшего в настоящее время кризиса был поднят Особым совещанием по обороне уже в 1915 г., когда в Донецкий район была отправлена особая комиссия инспекции. Эта комиссия выдвинула целый ряд мероприятий предупредительного характера, которые повидимому не могли быть проведены. Точно так же Особое совещание указывало на необходимость рационального использования наличного транспорта в части железнодорожной сети и подвижного состава, а также на желательность увеличения последнего. Наконец совещание дало указание о своевременном урегулировании вопросов снабжения. Пожелания, выдвинутые совещанием, остались однако неосуществленными. В результате создалось положение, которое председатель Особого совещания назвал угрожающим. К этой угрозе присоединились

* Перевод с английского.— *Ред.*

опасения за судьбу нашей армии, которая начинает испытывать значительный недостаток снабжения, в частности в области продовольствия вследствие дезорганизации железнодорожного транспорта. Согласно сведениям М. В. Родзянко армии юго-западного и южного фронта получают в паек только чечевицу. Если эти затруднения не будут устранены, мы не можем рассчитывать на успешный исход кампании. Такое угрожающее положение заставляет членов совещания, созванного по воле императора для обсуждения вопроса о снабжении армии, просить председателя совещания передать его императорскому величеству всеподданнейшую просьбу членов совещания о созыве объединенного заседания Особых совещаний под личным председательством его императорского величества. Поддерживая это предложение, внесенное П. Н. Крупенским на предшествующем заседании, члены совещания воодушевлены стремлением сообщить императору обо всем, что озабочивает их в настоящее время...".

„Заседание 4 февраля 1917 г.

Заседание открылось возобновлением обмена мнений по поводу предложения, внесенного членом Государственной думы П. Н. Крупенским, о всеподданнейшей просьбе императору по вопросу о назначении объединенного заседания Особых совещаний под личным председательством императора.

Поддерживая это предложение, член Государственной думы А. И. Шингарев заметил, что в настоящее время положение представлялось более серьезным, чем летом 1915 г. Тогда во время нашего отступления из Галиции и Польши здоровый и обеспеченный тыл имел достаточно сил, для того чтобы обеспечить моральную и материальную поддержку армии; врага удалось отразить. Теперь однако наступил период серьезной дезорганизации тыла; исключительные затруднения, которые могут повлечь за собой серьезные последствия, ощущаются в области продовольственного снабжения, транспорта и топлива. Между тем приближается решительный момент всей войны. Для того чтобы найти выход из создавшегося критического положения и добиться подъема народного духа, подавленного тревогой, необходимо принятие немедленных и чрезвычайных мер. Долг совести заставляет членов совещания выразить это лично императору...

Член Государственной думы Н. Е. Марков указал, что он принадлежит к тому политическому направлению, чьим лозунгом является: „царь правит, а народ лишь выражает свое мнение". С точки зрения тех убеждений, которые разделяет Н. Е. Марков, верноподданные государя должны отправиться к царю и сказать ему всю правду, но в то же

время они должны знать, что именно они ему скажут...

Член Государственной думы М. В. Челноков сообщил совещанию о серьезном положении в Москве в отношении продовольствия и топлива. Согласно сведениям М. В. Челнокова, более 50 больших городов империи находятся в таком же затруднительном положении...

Член Государственного совета С. Ф. Ольденбург в качестве представителя петроградской городской думы считал необходимым занести в протокол, что еще в ноябре 1916 г. петроградская городская дума считала положение Петрограда в продовольственном отношении угрожающим и издала правила, регулирующие распределение продовольственных продуктов. Эти правила однако не были осуществлены, и ответственность за это падает на органы правительства.

Член Государственного совета А. И. Гучков выразил убеждение, что с начала войны в России не было такого критического положения, как в настоящее время. Надвигавшийся в течение долгого времени кризис в области удовлетворения наших потребностей в продовольствии, топливе и сырье наконец наступил. Последствия его будут серьезны: грозит приостановка многих заводов, в том числе и тех, которые работают на оборону, серьезные затруднения в области снабжения, угнетенное состояние духа в широких кругах населения — все это не только несет с собой материальный ущерб снабжению армии, но кроме того означает тяжелый моральный удар для армии.

А. И. Гучков пришел к выводу, что государь не знаком с действительным положением вещей. В настоящий момент, перед лицом грозной опасности, А. И. Гучков испытывает величайшую тревогу при мысли о том, что император не осведомлен о серьезности положения, о размерах и значении испытываемого страной кризиса. Эта тревога заставляет А. И. Гучкова полностью поддержать пожелание, выраженное П. Н. Крупенским, о назначении объединенного заседания Особых совещаний под личным председательством императора".

Царь отказался принять это разумное предложение.

„Заседание 8 февраля 1917 г.

...По сведениям А. И. Шингарева, запасы не могут считаться достаточными для снабжения армии. В настоящее время западный фронт уже испытывает острый недостаток в продовольствии, что явствует из телеграммы главного начальника снабжения фронта генерал-лейтенанта Егорьева. Положение представляется угрожающим, так как, насколько известно А. И. Шингареву, еще не подготовлено достаточных запасов хлеба для армии; меры, принятые министерством земледелия, до сих пор не дали удовлетворительных результатов; между тем через несколько

недель доставка хлеба в многих районах станет невозможной.

По мнению А. И. Гучкова правительство должно взять на себя снабжение продовольствием не только армии, но и крупных городских центров, а также заводов, работающих на оборону...“

„Заседание 15 февраля 1917 г.

...Запасы хлеба в стране и в армии постепенно иссякают. После того как управляющий ведомством двора А. А. Риттих взял на себя управление министерством земледелия, т. е. к концу ноября 1916 г., возникло чрезвычайно серьезное положение. Запасы хлеба на всех фронтах крайне недостаточны: хлеба остается всего на несколько дней; для того чтобы избежать катастрофы, необходимо принять немедленные и решительные меры...“.

Свидетельские показания думской комиссии опровергают ту теорию, что царизм преодолел худшие затруднения России и что страна вступила на путь постепенных улучшений как раз в тот момент, когда царю был нанесен предательский удар. События развертывались так, что во всех воюющих странах внутреннее положение не вызывало радости. Но в России у власти не было никого, кто был бы в состоянии справиться с обостряющимся кризисом. С руководящих постов были удалены все хоть сколько-нибудь способные и компетентные люди. Они были устранены главой государства, который в России являлся началом и источником всякой власти. В этих условиях революция не только была неизбежной, она была необходимой.

Перед тем как закончить эту главу о трагическом конце царского режима в России, я должен упомянуть о причинах, которые помешали царской семье найти убежище в Англии и избежать ужасного конца в погребе дома в Екатеринбурге. Некоторые авторы утверждали, что решающим в этом отношении был отказ британского правительства разрешить царю укрыться в Англии. Это неверно. На самом деле с момента отречения и до своего убийства царь был лишен возможности покинуть Россию. От имени короля и правительства ему было послано приглашение отправиться в Англию. Царь не был в состоянии воспользоваться этим приглашением, даже если он этого и хотел. Но о последнем у нас нет данных.

Официальные документы полностью подтверждают мое заявление. Даже по прошествии стольких лет я не в праве опубликовать все связанные с этим официальные документы. Я намерен привести из них отрывки, которые дадут читателю полную картину событий, относящихся к этому тяжелому историческому эпизоду.

19 марта 1917 г. мы получили от нашего посла в России, сэра Дж. Бьюкенена, телеграмму, в которой Бьюкенен сообщал, что г. Милюков запросил его, известно ли ему о каких-либо приготовлениях

к отъезду царя в Англию. На это Бьюкенен ответил отрицательно. Через два дня Бьюкенен вновь отправил нам следующую телеграмму:

„Петроград, 21 марта 1917 г.

Весьма срочно.

Сегодня утром я задал министру иностранных дел вопрос по поводу сообщения в газетах об аресте царя. Его превосходительство господин министр уведомил меня, что это сообщение не вполне соответствовало действительности. На самом деле император был лишен свободы передвижения, и думская делегация вместе с конвоем, предоставленным генералом Алексеевым, должна была сопровождать его в Царское село. Указав министру, что царь был ближайшим родственником английского короля и его интимным другом, я сказал, что хотел бы получить возможность заверить его величество в личной безопасности императора. Я спросил министра, согласится ли русское правительство, чтобы в качестве меры предосторожности царя сопровождал наш военный представитель. Мне ответили, что в этом не было никакой необходимости и что правительство предпочитает избежать такой меры. Его превосходительство господин министр запросил меня, подготовили ли мы какой-либо план отправки царя в Англию. Когда я ответил отрицательно, он сам заявил, что очень хотел бы, чтобы его величество покинул Россию. При этом г. Милюков заметил, что он был бы рад, если бы английский король и английское правительство предложили царю убежище в Англии. Если бы такое приглашение было сделано, оно должно было быть обусловлено тем, что император не покинет Англии до самого конца войны. Г-н Милюков хотел по возможности немедленно получить ответ на свой запрос.

На следующий день, 22 марта, на заседании имперского военного кабинета обсуждался вопрос о разрешении русской императорской семье приехать в Англию. Было решено, что в интересах личной безопасности чрезвычайно важно, чтобы царь покинул Россию в кратчайший срок. Обсудив связанные с этим политические соображения и в частности вопрос о целесообразности предотвращения риска враждебных интриг в случае пребывания царя в нейтральных странах, мы пришли к выводу, что лучше всего было бы пригласить царя вместе с императрицей и семьей переехать на постоянное жительство в Англию, с тем однако, чтобы царская семья дала обязательство не покидать Англию во время войны без согласия британского правительства“.

В соответствии с этим имперский военный кабинет „поручил министру иностранных дел отправить в этом смысле телеграмму британскому послу в Петрограде“. Г-н Бальфур в соответствии с

этим послал телеграмму сэру Дж. Бьюкенену (текст телеграммы в изложении автора):

„22 марта 1917 г.

В ответ на предложение со стороны русского правительства его величество и британское правительство рады пригласить царя и царицу поселиться в Англии и остаться здесь на все время войны. Передавая это сообщение русскому правительству, Вы должны разъяснить, что русское правительство должно нести ответственность за предоставление их величествам необходимых средств к жизни, соответственно положению их величеств“.

На это сэр Дж. Бьюкенен ответил (текст телеграммы в изложении автора):

„24 марта.

Вчера я увёдомил министра иностранных дел о содержании Вашего послания и сегодня сообщил ему содержание Вашей телеграммы от 22 марта по этому вопросу, подчеркнув, что наше приглашение было сделано исключительно в ответ на предложение со стороны русского правительства.

Милюков чрезвычайно заинтересован в том, чтобы это дело не было предано гласности, так как крайние левые возбуждают общественное мнение против отъезда царя из России. Хотя министр иностранных дел надеется, что правительству удастся преодолеть это сопротивление, само правительство еще не пришло к окончательному решению. Во всяком случае царь не хотел бы уехать, пока его дети не оправились еще от кори. Когда я поднял вопрос о средствах царя, меня уведомили, что по имеющимся у министра иностранных дел сведениям царь обладает значительным личным состоянием. Во всяком случае финансовый вопрос будет разрешен правительством с полным великодушием“.

Министр подчеркивал, что нет никаких оснований беспокоиться о безопасности его величества.

Уже из вышеприведенной телеграммы следует, что противодействие отъезду было настолько сильно, что самое решение по этому вопросу задерживалось. На следующий день Бьюкенен в новой телеграмме вновь упомянул о том же.

26 марта посол в телеграмме вновь упомянул об отъезде царя в Англию и прибавил, что, по его мнению и по мнению генерала Хенбери Вильямса, в том случае если будет решение, что император отправится в Англию, его должен сопровождать генерал Хедлам.

Бьюкенен прибавляет:

„По заявлению министра иностранных дел сегодня утром, правительство еще не обращалось к его величеству по этому поводу, так как правительство стремится прежде всего устранить противодействие крайних левых предложению об отъезде“.

2 апреля сэр Дж. Бьюкенен писал министру иностранных дел:

„По поводу отъезда царя в Англию еще ничего не решено. Император живет с императрицей и детьми в Царском под сильной охраной. Ему разрешают гулять в парке, но за ним постоянно наблюдают. Из частных и конфиденциальных источников я слышал, что он вполне счастлив и ради моциона расчищает дорожки от снега в парке. Он еще не знает, что ему не разрешат отправиться, как он надеялся, в Ливадию, но потеря трона повидимому не угнетает его. С другой стороны, говорят, что императрица сильно страдает от того унизительного положения, в которое она теперь поставлена. *Я слышал, что императрица отрицательно относится к мысли об отъезде в Англию.* Опубликованные только что в печати телеграммы, отправленные ею императору до и после убийства Распутина, ясно показывают, что император делал все, чего она от него требовала. Опубликовано также истеричное письмо императрицы Распутину, в котором она обращалась к Распутину, как к святому. В нем она говорит, что находила утешение, только склоняя голову на его плечо. В этом письме императрица просит Распутина благословить „твое дитя". Императрица была злым гением императора с самой их свадьбы. Никто о ней не жалеет".

Из-за болезни великих княжен (у них была корь и две из них были больны в течение некоторого времени) в данный момент ничего нельзя было предпринять для отправки царской семьи в Англию. Но еще до того как это препятствие было устранено, возникло новое. 3 апреля сэр Дж. Бьюкенен телеграфировал нам, сообщая о разговоре, который он имел с г. Керенским. Бьюкенен спросил Керенского, решено ли что-либо по поводу судьбы императора. Г-н Керенский ответил, что „на следующий день он сам отправится в Царское село. Он держится того мнения, что царь не сможет отправиться в Англию в течение ближайшего месяца. До тех пор пока не закончено рассмотрение захваченных документов, вряд ли последует разрешение уехать. Керенский просил не оказывать на правительство какое-либо давление в смысле ускорения решения этого вопроса. Я заверил Керенского, что у нас не было такого намерения, хотя конечно мы стремимся сделать все, для того чтобы обеспечить безопасность императора...".

Посол далее сообщил нам в этой телеграмме, что он просил разрешения передать императрице Марии несколько писем ее сестры королевы Александры. Керенский просил посла отказаться от этого, так как если правительство даст соответствующее разрешение, крайние левые обвинят его в поощрении интриг.

Из этой телеграммы было ясно, что кольцо вокруг царской семьи все суживается и что в стране нарастает движение против того, чтобы разрешить царю покинуть Россию. Г-н Керенский явно не решался взять на себя ответственность за это разрешение.

После получения телеграммы сэра Дж. Бьюкенена этот вопрос снова обсуждался на заседании военного кабинета. Нам трудно было оставить наше приглашение в силе. Во Франции общественное мнение возражало против того, чтобы царю было разрешено пребывание в любой из союзных стран. Во Франции полагали, что предоставление царю убежища может вызвать недовольство революционных элементов в России, поддержка которых была необходима для действенного сотрудничества русской армии в войне. В качестве иллюстрации и в подтверждение этой позиции Франции я приведу отрывок из письма нашего посла в Париже лорда Берти от 22 апреля. Лорд Берти писал министру иностранных дел, выражая удовлетворение, что предложение о приглашении бывшего императора и его семьи в Англию ни к чему не привело, и заметил:

> „Немцы заявили бы, а русские крайние социалисты могли бы этому поверить, что британское правительство держит бывшего императора в резерве в целях реставрации, если в эгоистических интересах Англии окажется поддержание внутренних разногласий в России.
>
> Я не думаю, чтобы Франция рада была принять бывшего императора и его семью. Императрица немка* не только по происхождению, но и по своим симпатиям, она делала все, что было в ее силах, чтобы добиться союза с Германией. Ее считают преступницей или помешанной, а бывшего императора — преступником ввиду его слабости и подчинения воле императрицы".

В Англии также началась агитация, указывавшая на существование в широких массах трудящихся значительного недовольства самой перспективой появления царя в Великобритании. Тем не менее наше приглашение не было взято назад. Вопрос был в конце концов разрешен русским правительством, которое продолжало чинить препятствия отъезду царя.

15 апреля 1917 г. сэр Дж. Бьюкенен отправил нам длинную телеграмму о создавшемся положении. Он выражал серьезные сомнения по поводу желательности отъезда царя в Англию и сообщал, что днем раньше он задал русскому премьеру вопрос — почему правительство не разрешает императору отправиться в ливадийский дворец в Крыму, где безусловно было легче изолировать и охранять царя.

> „Премьер ответил, что путешествие царя на юг связано со слишком большим риском. Премьер желал бы скорее отправить царя за границу, так как пока царь остается в России, возможность движения в пользу реставрации не исключена. При первых признаках контрреволюции жизнь царя окажется в опасности. Премьер все еще считает, что мы разрешим царю приехать в Англию".

* В тексте «сол». — *Ред.*

Но по этому поводу посол ответил:

> „Крайние левые партии, которые далеко не дружелюбно относятся к нам, и германские агенты безусловно используют пребывание царя в Англии в качестве предлога, для того чтобы восстановить общественное мнение против нас“.

Посол намекал на то, что было бы лучше, если бы император отправился во Францию. На следующий день посол отправил нам письмо, в котором писал о своем предложении князю Львову разрешить царю отправиться в Ливадию, но князь выразил опасение, что поезд будет задержан рабочими и жизнь царя окажется в опасности.

Было ясно, что русское правительство не могло принять решения, так как мнения разделились. С одной стороны, правительство хотело избавиться от ответственности за жизнь царя, с другой — оно боялось вызвать недовольство со стороны крайних левых попыткой отправить царя в безопасное место. Правительство не решалось даже попытаться отправить его в Крым, где царю могли быть предоставлены более комфортабельные условия. В еще меньшей степени готово было правительство взять на себя риск отправить его за границу. До тех пор, пока русское правительство оставалось на этой позиции, ничего нельзя было предпринять.

В своей книге „Мое посольство в России“ сэр Дж. Бьюкенен следующим образом подводит итоги этому эпизоду:

> „Мы предложили императору убежище в Англии в согласии с пожеланиями Временного правительства; но по мере того как возрастало сопротивление со стороны Совета, которое правительство тщетно надеялось устранить, оно не решалось взять на себя ответственность за отъезд императора и в конце концов отказалось от своего первоначального решения.
>
> Временное правительство проявило в этом вопросе инициативу, прося нас предложить императору и императорской семье убежище в Англии. Мы со своей стороны тотчас же удовлетворили эту просьбу и в то же время настояли на том, чтобы правительство сделало необходимые приготовления для отъезда царя в Мурманск. Больше мы ничего не могли сделать. Наше предложение оставалось в силе и не было снято. Если им не воспользовались, то лишь потому, что Временному правительству не удалось преодолеть сопротивления Совета“.

Как указывают приведенные мною отрывки из документов, это заявление Бьюкенена соответствует подлинным фактам. Дело закончилось трагедией, подробности которой будут приводить в ужас многие поколения. На Англию однако нельзя возлагать ответственность за эту трагедию.

Глава пятьдесят четвертая

АМЕРИКА ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

В начале 1917 г. вступление США в войну казалось более отдаленным и менее вероятным, чем когда-либо с самого начала военных действий. Хотя большая часть общественного мнения США была настроена в пользу союзников, отношение США скорее можно было назвать сочувствием далекого наблюдателя, которому война надоела, чем стремлением участвовать в конфликте на стороне союзников. По мере того как война затягивалась и борьба превращалась в сумбурную кровавую свалку, в которой ничего не было видно кроме растущей массы убитых, раненых и искалеченных людей, антантофильские настроения Америки стали выливаться в форму благожелательного нейтралитета со стороны могущественного, но потрясенного ужасами войны государства. Война все более и более способствовала процветанию Америки; но Америка все менее и менее готова была принять участие в кровавых ужасах войны и сама отдать дань чудовищной бойне. Лучшие люди Америки хотели скорейшего мира, лишь только заключение более или менее удовлетворительного мира вообще станет возможным.

Результаты президентских выборов, состоявшихся в начале ноября 1916 г., еще раз подчеркнули эту позицию Америки. Вудро Вильсон добился повторного избрания, выставив в качестве своей заслуги то, что он удержал Америку от участия в европейской бойне. Теодор Рузвельт, единственный в то время выдающийся политический деятель в США, который открыто и мужественно выступал в пользу вмешательства на стороне союзников, считал, что он находится в меньшинстве, и даже не пытался выставлять свою кандидатуру на выборах. Юз, выступавший против Вильсона в качестве республиканского кандидата, стремился обеспечить себе голоса американских немцев, а также тех из ирландцев, которые готовы были бежать из лона демократической партии. Юз поэтому поспешил отмежеваться от пылких высказываний своего более популярного, но менее осторожного товарища по республиканской партии. Возможность вступления Америки в войну не являлась предметом спора на президентских выборах. Оба кандидата открыто отказывались от мысли об этом. Я привожу ниже

письмо одного выдающегося и хорошо осведомленного американца — сэра Гильберта Паркера, известного канадского романиста, организовавшего британскую разведку в Америке; это письмо дает сводку взглядов союзников на президентские выборы.

„С точки зрения международной политики я полагаю, что при Вильсоне положение будет менее опасным для союзников, чем при Юзе... Мы знаем, какова позиция г. Вильсона, и мы можем быть вполне уверены, что он не предпримет ничего серьезного, для того чтобы вмешаться в блокаду или в вопрос о вывозе военного снаряжения, т. е. в вопрос, имеющий для нас жизненное значение... Наиболее удовлетворительной чертой выборов был тот факт, что голоса американских немцев не сыграли своей роли. Союз американских немцев и все немецкие газеты почти без исключения горячо выступали за Юза, но тем не менее г. Вильсон был избран в Мильвоки и Сен-Луи — двух немецких центрах. Мы теперь почти уверены, что немцы голосовали в согласии со своей партийной установкой, во всяком случае в согласии со своими симпатиями, но отнюдь не считаясь с тем, что им предписывал союз американских немцев или кайзер. Я считаю это важнейшим и знаменательным фактом избирательной кампании. Он воочию показывает, что усилия пангерманских лидеров в США, направленные за последние шесть-семь лет к созданию прочного блока голосов американских немцев, который в случае надобности следовал бы указке кайзера, полностью провалились...

Между прочим из очень хорошего источника я слышал, что симпатии Бернсторфа были определенно на стороне Вильсона. Я думаю, что дело обстоит так потому, что Бернсторф значительно умнее, чем некоторые из его коллег на Вильгельмштрассе. Он также полагает, что положение при Вильсоне будет более ясным, потому что он знает, чего ему следует ожидать. В отношениях между США и Германией ожидается кризис в связи с потоплением „Марины". По мнению Бернсторфа, Вильсон, как и обычно, ограничится словесным протестом. Но я полагаю, что основной причиной влечений Бернсторфа к Вильсону является то, что он рассчитывает на Вильсона в смысле мирного посредничества. Вильсон обязан своей победой на выборах в значительной степени тому, что он удержал Америку от вступления в войну. Я не сомневаюсь, что его пламенным желанием в течение ближайших четырех лет было бы выступить в роли посредника. Поэтому нам следует постоянно быть настороже в ожидании соответствующих шагов Вашингтона. Я полагаю, что в ближайшее время немцы направят всю свою пропагандистскую работу на то, чтобы повлиять на США в пользу скорейшего заключения мира... Теперь, когда выборы закончились и немцы знают, что им придется в течение следующих четырех лет иметь дело с Вильсоном, они понимают, что возможность

наложения эмбарго на вывоз военного снаряжения исключена и что Вильсон ничего не предпримет для борьбы с блокадой Германии. Поэтому немцы направят свои усилия в сторону пропаганды мира. Они знают, что именно в этом смысле Вильсон скорее всего поможет им...

Мне нечего прибавить к описанию создавшегося положения. Я укажу лишь, что поражение г. Юза ни в какой мере не означает охлаждения антантофильских настроений или изменения основных позиций Рузвельта в вопросе о германском нападении на Бельгию. На самом деле не в этом заключалась основная тема президентской кампании. Г-н Рузвельт создал некоторое расхождение между собой и г. Вильсоном, на базе этого расхождения он мог выиграть или проиграть кампанию.

Лично я думаю, что он выиграл бы, потому что он был бы избран во всех тех штатах, где победа досталась г. Юзу, а также без сомнения победил бы в Калифорнии, где его недавний коллега г. Джонсон был избран в сенат огромным большинством. Но во всяком случае, победил бы Рузвельт или нет, мы имели бы четкое представление о подлинном отношении американского народа к великим вопросам войны. Теперь же избирательные сводки ничего не дают нам в этом отношении. Они просто показывают, что крупные промышленные и финансовые круги выступали против Юза и что прогрессивные элементы в стране склонились к Вильсону. Вам не нужно указывать, что на президентских выборах демократический кандидат всегда располагает 170 голосами независимо от того, что он предпримет или скажет. Весь юг должен был голосовать за Вильсона, независимо от того, как юг относится к его внешней политике. Если мы учтем этот факт, то убедимся, что незначительное большинство, полученное г. Вильсоном, не может считаться выражением поддержки его взглядов, хотя и не должно быть воспринято как оппозиция против них. Вся избирательная кампания носила хаотический характер, и статистические данные о выборах показывают, что избиратели не знали, что им делать...".

Это была правильная оценка положения в том виде, в каком оно представлялось многим серьезным наблюдателям в момент выборов и тотчас же после них. Но и это положение также заключало в себе элементы неожиданности. Шла избирательная борьба, в которой обе стороны были убеждены в общей непопулярности идей вмешательства в войну. Между ними шел лишь спор о том, кто из них меньше подвергался искушению принять участие в войне. Друзья Юза говорили, что он любит немцев больше, чем Вильсон. Вильсон же ссылался на то, что он успешно удерживал страну от вступления в войну в течение двух лет. Кто мог бы в этот момент предсказать, что Германия намеренно спровоцирует колеблющегося пацифиста Вильсона и заставит его через некоторое время вынуть меч из ножен? Полковник Хауз отмечает, что 14 ноября 1916 г. прези-

дент Вильсон намеревался использовать свою вновь подтвержденную выборами власть, для того чтобы выступить с предложением мирных переговоров. Хауз возражал против этого, так как полагал, что Германия в этот момент выдвинет такие условия, которых Америка не могла рекомендовать союзникам, и что пытаться упорствовать в политике посредничества в это время значило бы играть наруку германскому милитаризму. Президент стоял на иной точке зрения. Он серьезно стремился к миру.

Я уже рассказывал, как кайзер вызвал раздражение президента, предупредив его инициативу германской нотой о мире, и как Вильсон, спустя шесть дней, выступил со своей собственной нотой, опасаясь, как бы союзники не захлопнули дверь для переговоров раньше, чем ему удастся к ним обратиться. Перед лицом наглой и самоуверенной по тону германской ноты, ясно показавшей всем, что немцы готовы пойти только на такие условия мира, которые исходят из предположения, что Германия якобы уже одержала значительную победу, выступление Вильсона подчеркивает его пламенное стремление к миру во что бы то ни стало.

Другим доказательством того, что президент Вильсон был до последнего момента полон решимости не отказываться от нейтралитета, является полное отсутствие каких бы то ни было военных или морских приготовлений к войне. Вильсон считал, что вестник мира должен быть вооружен только веткой оливы; он не понимал, что даже целое оливковое дерево в этой стадии войны не могло произвести впечатления, если бы воюющие стороны не знали, что за листвой скрыты пушки.

Это тем более показательно, что еще 18 апреля 1916 г., после потопления парохода „Суссекс" германской подводной лодкой, президент сам вынужден был направить ультиматум Германии, в котором заявлял:

> „Если имперское правительство не объявит немедленно о своем отказе от его теперешних методов подводной войны, направленных против пассажирских и грузовых судов, и не примет мер к реализации этого заявления, правительство Соединенных штатов вынуждено будет порвать дипломатические отношения с Германской империей".

В этом случае Германия уступила, заявив, что германское правительство приказало своим подводным лодкам не топить торговых судов без предупреждения и без попытки спасти команду и пассажиров, за исключением тех случаев, когда пароход будет пытаться ускользнуть или оказать сопротивление. Но в сопроводительной ноте германское правительство ясно указывало, что оно уступало в этом вопросе только во имя необходимости, сохраняя в принципе свое право вновь прибегнуть к более суровым методам борьбы, если Германия сочтет это для себя выгодным. Если Соединенным штатам не удастся побудить Англию отказаться от блокады Германии, „германское правительство, — гласила нота, — окажется перед лицом но-

вого положения, в котором оно должно сохранить за собой полную свободу действий“.

Непонятно, почему Вильсон не принял мер для усиления морских и военных сил Америки, тогда как за истекшие годы войны он должен был уже убедиться в следующем:

1. Та или другая из воюющих сторон или обе воюющие стороны постоянно вмешивались в права американских граждан, причем одна из воюющих сторон и сейчас подвергает опасности жизнь американцев.

2. Америка вынуждена будет раньше или позже вмешаться в войну и предложить мир. Кроме нее не оставалось ни одной страны, которая обладала бы достаточным авторитетом и влиянием и могла потребовать, чтобы воюющие стороны начали переговоры. Но ее вмешательство не оказало бы никакого действия на державы, мнящие себя победительницами, если бы оно не было поддержано силой. В условиях войны обе стороны считали, что победа им обеспечена, и поэтому война могла продолжаться еще много лет.

Президент уже был вынужден адресовать один ультиматум Германии. Он посылал также повторные предупреждения союзникам по поводу их обращения с американскими товарами. Однако в течение многих месяцев он не принимал никаких мер, несмотря на частые настояния полковника Хауза, рекомендовавшего ему подготовить страну к тому, чтобы угроза вмешательства Америки не прозвучала пустой угрозой. В США возникло движение в пользу „национальной подготовки“. Главной силой движения была Лига национальной безопасности, которая широко пропагандировала в печати идею подготовки к войне. Но г. Вильсон отказался дать свое благословение движению, и оно постепенно замерло. Вильсон честно надеялся, что он способствует миру намеренным проявлением своего бессилия. Отказываясь угрожать кому-либо, он мог сослаться на Христа. Но он не подставлял второй щеки для удара оскорбителю, а бежал к пишущей машинке, чтобы излить свое возмущение на бумаге. Эту позицию нельзя было назвать ни достойной, ни христианской. На самом деле его политика привела к продлению войны, вызвав притом наибольшие разрушения. Позиция президента укрепила в Германии естественное убеждение, что американский нейтралитет конечно имеет границы, но если Америка и объявит войну, то останется еще открытым вопрос, будет ли она в состоянии вести ее. Раздраженный Вильсон просто подбавил немного горечи в свои чернила — вот и все. У него не было ни войск, ни артиллерии, ни аэропланов, а только портативная пишущая машинка, которой можно было не бояться; звуки ее никого не страшили. В 1916 г. конгресс вотировал большую судостроительную программу. Но эта программа была рассчитана на несколько лет, и когда Америка фактически вступила в войну, строительство еще не было даже начато. Американцы не построили не одного лишнего истребителя для защиты своего собственного судоходства. Не было принято никаких мер для увеличения численности или повышения боевой подготовки армии.

Неудача германской и вильсоновской нот о мире не изменила позиции президента. В течение последних недель 1916 г. и в январе 1917 г. участились признаки того, что немцы намереваются чрезвычайно усилить подводную войну. Тем не менее 4 января 1917 г. полковник Хауз отмечает заявление Вильсона: „Войны не будет. Америка не намеревается принять участие в войне". Отказ считаться с растущей опасностью вовлечения в войну стал для Вильсона не вопросом политики, а предметом религиозной веры.

22 января 1917 г. президент Вильсон произнес свою знаменитую речь перед конгрессом, в которой провозгласил лозунг „мир без победы". Говоря о своем собственном декабрьском мирном предложении и его результатах, Вильсон подробно остановился на тех принципах мирного договора, которые могла поддержать Америка. Его речь от первого слова до последнего не содержала и намека на то, что Америка может быть вовлечена в войну. Напротив, Вильсон указывал, что хотя заключение мира было не за горами („мы значительно приблизились к определенному обсуждению мира, могущего положить конец войне"), но это будет мир, в выработке условий которого США в качестве невоюющей стороны не смогут принять участие. „Мы не будем, — заявил Вильсон, — иметь решающего голоса в установлении условий мира".

Вильсон наметил основные принципы, которые, по его мнению, должны были лечь в основу прочного мира, в согласии со своими последующими „14 пунктами". Вильсон предлагал создание международного дипломатического концерта, всеобщее разоружение, независимость объединенной Польши, демократический образ правления, всеобщую гражданскую и религиозную свободу, самоопределение народов и свободу морей. По поводу всех этих идей Вильсон заявил, что они прежде всего подразумевают „мир без победы". Он не снизошел до того, чтобы объяснить, как могла быть освобождена Польша и как можно было достичь самоопределения для подвластных Турции, Австро-Венгрии и Германии народов без победы и притом без победы союзников. Без триумфа союзников не было ни малейшей надежды на осуществление тех идеалов, которые так красноречиво выдвигал Вильсон. Германия захватила огромные территории, бо́льшую часть которых она не намеревалась вернуть после войны; некоторые из захваченных областей Германия соглашалась восстановить только при условии их дальнейшей фактической зависимости от нее. Говорить о самоопределении народов, о независимости Польши, о демократическом образе правления, о всеобщей свободе, пока Германия не была побеждена, было насмешкой. Мир без победы! Отказ президента считаться с действительностью был более очевиден, чем когда-либо. Для союзников эта фраза была оскорблением, для немцев — шуткой.

Через девять дней пробный шар Вильсона был расстрелян германским снарядом. 31 января 1917 г. германский посол фон Бернсторф передал государственному секретарю г. Лансингу письмо, в котором германское правительство заявляло:

„Имперское правительство в интересах человечества в высоком смысле этого слова и для того, чтобы обеспечить справедливость своему собственному народу, вынуждено продолжать борьбу за существование, к которой Германию побудили вопреки ее воле, и в этой борьбе вынуждено применять все имеющиеся в распоряжении Германии средства".

К этому заявлению были приложены два меморандума, в одном из которых Германия отказывалась от обязательства, данного Америке после затопления „Суссекса", о неприменении подводной войны и гуманном ограничении ее:

„Правительство Соединенных штатов поймет, что разоблаченные ныне намерения держав Антанты возвращают Германии свободу действий, которую она оставила за собой в ноте, адресованной правительству Соединенных штатов 4 мая 1916 г. При этих условиях Германия ответит на незаконные действия ее противников воспрепятствованием после 1 февраля 1917 г. в зоне вокруг берегов Великобритании, Франции, Италии и восточной части Средиземного моря всякого плавания, в том числе и плавания нейтральных судов из Англии и в Англию, из Франции и во Францию и т. д. Все суда, встретившиеся в пределах указанной зоны, будут затоплены".

Во втором меморандуме подробно указывались географические границы, в пределах которых суда подлежали потоплению без предупреждения. Германия шла здесь на некоторую уступку, разрешая Соединенным штатам, в том случае, если последние будут соблюдать определенные весьма сложные условия, продиктованные Германией, отправлять один пароход в неделю до Фальмута без риска его потопления.

Для президента это был тяжелый удар. Этот удар не только разбил все его надежды на сохранение хороших отношений в качестве нейтральной страны с обеими воюющими странами, но он также указывал на презрение Германии к силам Америки. Германия подсчитала свои силы и решила, что США были настолько бессильны действенно вмешаться в войну, что представляли меньшую опасность в качестве врага, чем в качестве нейтральной страны, имеющей возможность сдерживать ее подводную войну. Германия считала, что шести месяцев неограниченной подводной войны будет достаточно, для того чтобы поставить Англию на колени, и что Америка не в состоянии будет активно вмешаться на стороне союзников еще в течение года. Но задолго до того война уже будет выиграна Германией. Если же к этому времени немцы не достигли бы желательного для них мира, то Америка все-таки будет изолирована от Европы, так как у нее нехватит транспортных средств для перевозки своей армии на европейский континент.

В дополнение к этому Бернсторф написал частное письмо пол-

ковнику Хаузу*, в котором, извещая о решении германского правительства, сообщал ему конфиденциально общий характер мирных условий, которые Германия готова была бы рассматривать. Эти условия с исчерпывающей ясностью показывали, что принес бы Европе „мир без победы". Бернсторф писал, что эти условия не были опубликованы во всеобщее сведение „потому, что наши враги опубликовали такие условия, которые имеют целью обесчестить и разорить Германию и ее союзников. Мое правительство полагает, что пока наши враги открыто провозглашают такие условия мира, было бы проявлением слабости с нашей стороны, слабостью несуществующей, опубликовать наши условия. Таким образом мы лишь затянули бы войну".

Германские мирные условия были таковы, что только полная победа Германии могла заставить побежденных союзников согласиться на них. Короче говоря, эти условия сводились к требованию германского суверенитета над разоруженной и беззащитной Бельгией, к аннексии французского горнорудного района в Лотарингии, к включению в состав Германской империи части территории России и всей Польши и к уплате контрибуции Францией для покрытия „финансового убытка". В дополнение к этому союзникам предлагалось покрыть все германские торговые убытки от войны; предлагалось возвратить все захваченные германские колонии и кроме того уступить еще колонии за счет Англии и ее союзников. Сюда надо прибавить еще и требование о возмещении территориальных уступок и контрибуцию в пользу Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Так следовало понимать в деталях и в точности наглый тон германской ноты о мире.

Политика президента была теперь ясна; условия союзников приближались к его 14 пунктам, условия Германии нарушали его принципы во всех областях и сопровождались угрозой потопления американских судов. У президента оставался только выбор между разрывом с Германией и полной сдачей на милость Германии. Ввиду тех заявлений, которые он сделал в своем ультиматуме Германии после потопления „Суссекса", ввиду решительного отказа Германии от ее тогдашнего обязательства и ввиду объявления беспощадной неограниченной подводной войны у Вильсона не оставалось выбора — он должен был пойти на разрыв дипломатических отношений. В соответствии с этим 3 февраля 1917 г. президент Вильсон предстал перед конгрессом и, изложив ход недавних переговоров, сообщил:

> „Я поэтому предложил государственному секретарю заявить его превосходительству германскому послу, что всякие дипломатические отношения между Соединенными штатами и Германской империей отныне прерваны и что американский посол в Берлине будет немедленно отозван. В согласии с этим решением я предложил государственному секретарю вручить его превосходительству паспорта".

---

* См. выше, стр. 63.

Президент очевидно с трудом расставался со своими надеждами, так как, выразив сожаление по поводу позиции германского правительства, он далее заявлял:

„Я отказываюсь верить, что германские власти на самом деле намерены предпринять то, что в согласии с их предупреждением они считают себя в праве сделать. Я не могу заставить себя поверить, что они не будут считаться со стародавней дружбой между нашими народами...

Только открытие враждебных действий с их стороны может заставить меня поверить в это даже теперь".

В то же время Вильсон считал себя вынужденным еще раз предупредить Германию в последней надежде помешать ей нарушить американский нейтралитет. Если американские суда и жизнь американских подданных на самом деле сделаются жертвой германских подводных лодок, то, заявил Вильсон:

„Я позволю себе вновь предстать перед конгрессом, для того чтобы испросить полномочия на применение всех необходимых средств защиты наших моряков и наших граждан в их мирной и законной деятельности на морях".

Общественное мнение США горячо одобрило позицию президента Вильсона. Но за его выступлением не последовало подготовки к действию. Президент оправдывал свое бездействие заявлением, что он не хочет дать Германии повода, который помешал бы ей самой отказаться от своей угрозы.

Яркое описание положения в Америке в это время содержалось в следующем письме нашего посла в США сэра Спринг-Райса.

„23 февраля 1917 г.

Положение в США можно уподобить состоянию сельтерской воды в бутылке, когда проволока снята, а пробка еще не сбита. Президент повидимому выжидает. Здесь существуют два течения. Сторонники одного из них спрашивают себя, что потерял президент благодаря своей медлительности. Другие задаются вопросом — что он выиграл благодаря этому. Президент всегда выжидал бесконтрольной вспышки общественного мнения. Поэтому естественно возникает вопрос: усилилась ли или ослабела враждебность общественного мнения к Германии под влиянием действий Германии и бездействия Соединенных штатов? Германия заявила, что она будет топить американские суда в пределах запретной зоны. Соединенные штаты заявили, что, действуя таким образом, Германия принимает на себя определенный риск. Но до сих пор ни один американский корабль не был уничтожен. Потому ли, что ни один американский корабль не отправился в запретную зону, или потому, что ни один американский корабль не был захвачен немцами в этой зоне? Американские суда безусловно были в этой зоне. Другие

американские суда находятся на пути туда. Но огромное большинство осталось в портах, и германская угроза оказалась вполне эффективной.

Германия не виновна в убийстве, но угроза убийства заставила Америку уйти с моря. В результате торговля остановилась, в портах скопились суда, на побережье и внутри страны население терпит лишения, переходящие в нужду, хлебные бунты и угольный голод. Это — факты всем известные, факты, о которых здесь говорят открыто. Но эти факты повидимому не являются для Вильсона достаточно яркими. Что же еще нужно для того чтобы побудить американский народ к действию? Уничтожение американского парохода с пассажирами-американцами? Г-н Франклин, управляющий американской пароходной компании, человек предприимчивый и энергичный, намеревался отправить свои суда с пассажирами в запретную зону, если ему разрешат вооружить суда. Морской министр заявил Франклину, что поставить орудия на частные суда было бы нарушением нейтралитета. Но если Франклин может получить оружие из частных источников, министр не будет возражать против этого. Г-н Франклин заявил, что он не знает, в каком собственно магазине Нью-Йорка продаются шестидюймовые орудия. Он вернулся к себе в контору, приказав распустить команды и разгрузить суда. В печати сообщали, что эти суда предполагалось использовать для военных целей, но морское министерство категорически опровергло эти сообщения. На самом деле американское правительство твердо решило не дать Германии никакого повода заявить, что Америка сделала первый шаг на пути к войне. Бернсторф, покидая США, заявил о своем твердом убеждении, что германское правительство не предпримет никаких агрессивных мер и предоставит инициативу Соединенным штатам. Это могло означать, что инициатива США будет заключаться в посылке пароходов в запретную зону. Это могло означать также, что Америка отправит туда вооруженные суда.

Повидимому нет сомнений, что, несмотря на все старания пацифистской партии, конгресс последует инициативе президента и предоставит ему все те полномочия, которых он потребует. Страна вообще убеждена, что президент избегнет войны, если вообще можно ее избегнуть, и что все принятые меры будут чисто оборонительными. В стране нарастает возбуждение. Страна начинает нервничать. Это не значит, что стремление к миру пошло на убыль, а только то, что в стране растет убеждение в необходимости объединить все усилия и готовиться к войне. Вчерашние торжества в честь Вашингтона отличались большим энтузиазмом. В присутствии президента в Нью-Йорке один из сенаторов категорически заявил о необходимости единства и обороны против агрессивных действий Германии. Отношение конгресса не дает картины единства мне-

ний, потому что члены конгресса отражают различные чувства своих избирателей. По сведениям, поступающим из центральных штатов, там нарастает волнение; в этих штатах население готово следовать за президентом, куда бы он ни повел страну. Еще до получения этого письма вы уже будете знать о тех мерах, которые будут приняты, если вообще Америка начнет действовать. Если за это время не случится никакого нового инцидента, война с Германией безусловно еще не начнется. Пока активные мероприятия США ограничиваются голосованием о предоставлении правительству значительных денежных средств и постоянными совещаниями парламентских комиссий. Я слышал о том, что аппарат по подготовке войны находится в состоянии дезорганизации, как этого следовало ожидать в демократической стране после продолжительного мира. Однако конгресс готов итти на все в области морских кредитов. Затруднения возникают в связи с вопросом о строительстве военных судов и наборе войск. Многие подобно полковнику Рузвельту предлагают организовать значительную добровольческую армию. Отправка большого экспедиционного корпуса за границу была бы непопулярной, и я полагаю, что это совершенно исключено. Самое большое, на что могли бы пойти, — это поощрение набора в союзные армии. По отношению к нам американские суды отказались принять какое-либо решение об определенной интерпретации закона о нейтралитете, и все наши операции приостановлены, несмотря на наши протесты. В США общее мнение сводится к тому, что, во-первых, США не должны сами принимать никаких мер, кроме чисто оборонительных, и во-вторых, что, если эти меры приведут к войне, то война должна быть исключительно войной американцев в защиту чисто американских интересов. В-третьих, здесь считают, что ни с одной европейской державой не должно быть заключено никакого общего соглашения. В соответствующих инстанциях хорошо знают о том, как трудно вмешиваться в вопросы доставки необходимых нам товаров; если бы война началась, то мы пришли бы на деле к тесному соглашению. Соглашение США с Францией было бы более тесным, чем их соглашение с другими воюющими державами. Большинство американцев с радостью готовы оплатить людьми и деньгами старый долг французам. Однако соглашение США с Англией или с Россией не было бы встречено с таким же энтузиазмом. В вопросе о войне в стране все еще наблюдается известное безразличие, а в Калифорнии единственной страной, которая возбуждает опасения и ненависть, является Япония. Западные штаты ни в финансовом, ни в каком-либо другом отношении не заинтересованы в войне. Между тем влияние запада в Вашингтоне значительно. Штаты среднего запада повидимому пробуждаются от спячки, значительные сдвиги наблюдаются и на востоке. Но в общем президент сделает все, что в его силах, для сохранения мира.

Было бы исключительно неблагоразумным безусловно рассчитывать на то, что Соединенные штаты вступят в войну“.

Как показывает это письмо, положение в Америке с каждым днем становилось затруднительнее. Президент ожидал, что Германия проявит себя каким-нибудь „открытым актом“, который послужит предлогом для определенных решений Америки. Между тем скопление судов в американских портах становилось все более значительным, и многие отрасли торговли и промышленности замерли. Президент однако неохотно шел на какие-либо действия, которые указывали бы на его намерение воевать с немцами.

Германия быстро показала, что ее ни в какой мере не смущала неопределенная угроза Вильсона принять дальнейшие меры, если она будет придерживаться своей политики неограниченной подводной войны. Действительно, в тот самый день, когда президент произносил свою речь перед конгрессом, германская подводная лодка потопила американский пароход „Гаузатоник“. Спустя 10 дней последовало потопление „Лаймен М. Лоу“. Но еще более серьезным фактом с точки зрения американской торговли и британского импорта была задержка американских судов в порту вследствие угрозы германских подводных лодок.

26 февраля 1917 г. президент Вильсон обратился к конгрессу, прося его санкции на вооружение американских торговых судов. Он заявил, что дипломатические средства обеспечения американских прав потерпели неудачу и что

> „у нас нет иного средства, кроме вооруженного нейтралитета, который мы сумеем охранять и в отношении которого у нас есть немало американских прецедентов.
>
> Я твердо уповаю, что нам не понадобится нигде прибегнуть к вооруженной силе... Я считаю себя другом мира и надеюсь сохранить мир для Америки до тех пор, пока мне это удастся...
>
> Я не предлагаю войны и не стремлюсь к войне и к мерам, которые могут привести к ней. Я только прошу вас предоставить мне вашим голосованием необходимые полномочия для обеспечения действительных прав великого и мирного народа...
>
> С этой целью я надеюсь, что вы позволите мне снабдить наши торговые суда оборонительным оружием, если это окажется необходимым, и путем использования оружия позволите мне применить все те меры и средства, которые необходимы и достаточны для защиты наших судов и наших граждан в их законной и мирной деятельности на морях...“.

Палата представителей подавляющим большинством приняла законопроект о предоставлении таких полномочий. Но в сенате группа в 12 человек во главе с сенаторами Стоном и Лафоллетом воспользовалась уставом сената и тем, что конгресс 4 марта подлежал

роспуску на каникулы, для того чтобы задержать законопроект и помешать его утверждению сенатом. Огромное большинство сенаторов поддержало законопроект, и 75 сенаторов подписали манифест, в котором, отмечая благоприятное к нему отношение сената, говорили о безусловном принятии законопроекта в том случае, если бы дело дошло до голосования.

В это время произошел ряд событий, сильно возбудивших общественное мнение в Штатах и ускоривших решение президента. Первое из этих событий имело отношение к Мексике. В течение большей части своего пребывания на президентском посту Вильсон испытывал затруднения в области американо-мексиканских отношений. В последнее время немцы явно поддерживали смуту в Мексике, для того чтобы по мере роста затруднений Америка увязла в мексиканских делах и таким образом лишилась бы возможности вмешиваться в дела Европы. Немцев подозревали в том, что они побудили генерала Вилья начать весной 1916 г. восстание, которое заставило Соединенные штаты осуществить вооруженную интервенцию в Мексике и мобилизовать национальную гвардию для охраны границ.

19 января 1917 г. германский министр иностранных дел Циммерман направил германскому посланнику в Мексике фон Эккардту шифрованную ноту. Я привожу ниже текст этой ноты:

„1 февраля мы намерены начать неограниченную подводную войну. Несмотря на это, хотелось бы, чтобы Соединенные штаты остались нейтральными.

Если эта попытка окажется неудачной, мы предлагаем Мексике союз на следующих основаниях:

Мы начинаем совместно войну и вместе заключаем мир. Мы предоставляем Мексике финансовую поддержку и соглашаемся в том, что Мексика вернет себе потерянные территории штатов Нью-Мексико, Тексаса и Аризоны. Детали этого соглашения будут выработаны Вами.

Вам поручается уведомить мексиканского президента о содержании настоящей ноты с соблюдением тайны, как только станет ясно, что война Германии с Соединенными штатами неизбежна. Вы предложите мексиканскому президенту снестись по его собственной инициативе с Японией и предложить ей немедленно присоединиться к этому плану. В то же время Вы предложите мексиканскому президенту взять на себя посредничество между Германией и Японией.

Прошу обратить внимание мексиканского президента на то, что применение неограниченной подводной войны обещает заставить Англию подписать мир в течение нескольких месяцев.

(подпись) Циммерман“.

Эта телеграмма была перехвачена и расшифрована британской морской разведкой, глава которой адмирал Холл создал специальный отдел дешифрантов под руководством г. В. Х. Л. Эварта

(из министерства иностранных дел) с привлечением штата профессоров и доцентов университета. Эварт организовал этот отдел и руководил им с блестящим успехом в течение всей войны; ему особенно удавалось разоблачение германских тайн. Содержание телеграммы Циммермана мы 26 февраля спокойно передали американскому правительству. Хотя Вильсон сомневался в том, следует ли опубликовать эту телеграмму, и боялся, что она вызовет чрезмерные волнения в стране, телеграмма все-таки была сообщена в печать 28 февраля. Она вызвала общее негодование в Соединенных штатах и укрепила популярность решительных мер, намеченных президентом.

27 февраля, когда конгресс рассматривал законопроект о вооружении торговых судов, пароход Кьюнард лайн — „Лакония“ был потоплен без предупреждения; погибли две американских гражданки. 12 марта был потоплен без предупреждения американский пароход „Альгонквин“. В тот же день государственный секретарь Лансинг заявил в конгрессе о том, что американское правительство решило создать вооруженную охрану для американских судов при прохождении опасной зоны. Таким образом переход к вооруженному нейтралитету, предложенный президентом 26 февраля, был совершен бесповоротно. Следующий неизбежный шаг — переход к открытым военным действиям — был только вопросом времени и зависел от того, какой из открытых актов выберет Вильсон в качестве предлога для принятия новых решений. Создавшаяся в эти дни атмосфера в Вашингтоне находит свое отражение в донесениях, которые британское правительство получало от своего посла. 21 марта мы получили следующую телеграмму:

> „Морской атташе был вчера вечером у Баверлея (полковник Хауз), который сообщил ему, что, хотя кабинет министров высказывается в пользу войны и стремится ускорить решение, Вильсон все еще колеблется в связи с возможной оппозицией в новом конгрессе. Баверлей не хочет давать определенного совета президенту, так как, если этот совет окажется неудачным, он потеряет свое влияние на Вильсона. Короче говоря, речь идет о том, что президент и его министры не уверены в конгрессе. С другой стороны, опасаются охлаждения общественного мнения. Вот еще один пример тех колебаний, которые все время характеризовали действия президента. Однако все указания клонятся к тому, что война неизбежна“.

За два или три дня перед этим три американских парохода были потоплены в течение 24 часов, причем погибло 15 американцев. Хауз подтверждает в своих мемуарах, что в это время американский кабинет стремился к объявлению войны без дальнейших промедлений, но что самого президента нельзя было заставить решиться на это. 21 марта президент решился созвать

специальное заседание конгресса на 2 апреля, для того чтобы притти к соглашению о будущей политике. 21 марта один из наших представителей в Америке, который поддерживал тесный контакт с Вашингтоном, писал нам:

„Повидимому Вильсон действительно готов помочь нам и помочь серьезно. Он делает почти все, что может, но я полагаю, что он постарается избежать *формального* союза с нами. Он поистине ловок, как кошка, и когда ему предстоит принять какое-либо серьезное решение, он всегда старается возложить ответственность на другого. Так и в этом случае. Но повидимому господа гунны загнали его в тупик, откуда он при всей своей ловкости не может выкарабкаться.

В остальном здесь царит полная неподготовленность кроме денежных средств...“.

Это письмо, как впрочем и все сообщения, которые мы тогда получали из Вашингтона, показывало, что президент хорошо знал, что вскоре ему придется стать на сторону союзников. Он выдерживал характер до тех пор, пока ему не придется выступить по необходимости. Хауз сообщает, что 24 марта 1917 г. к нему явился государственный секретарь Лансинг с выражением отчаяния и заявил, что он „понятия не имеет, что собственно намерен сказать президент в своей речи конгрессу. Вчера еще Лансинг виделся с президентом и старался разными путями разгадать, что тот думает, но тщетно“.

Между тем 27 марта, когда Хауз отправился для переговоров с Вильсоном в Вашингтон, чтобы убедиться, намеревается ли президент объявить войну Германии, войну, которая к этому времени фактически уже началась, Вильсон в отчаянии встретил его словами: „Что же другое я могу сделать? Что еще можно предпринять?“.

К этому времени не было недостатка в открытых „актах“, для того чтобы решить дело в пользу войны. 21 марта, в тот день, когда Вильсон созвал чрезвычайную сессию конгресса, был потоплен субмариной еще один американский пароход „Хилтон“; на нем погибло еще семь человек. Президенту приходилось раздумывать лишь над тем, обратиться ли ему к конгрессу за санкцией объявления войны или заявить ему, что война фактически уже началась, и просить конгресс санкционировать необходимые для войны мероприятия. Хауз высказался в пользу второго пути, и Вильсон в конце концов последовал его совету.

2 апреля 1917 г. президент обратился с речью к чрезвычайной сессии конгресса и заявил:

„С глубоким сознанием всей торжественности момента и трагического характера предпринимаемых мною шагов, с чувством глубочайшей ответственности, которая с ними связана, но в непоколебимом согласии с тем, что я считаю моим конституционным долгом, я предлагаю конгрессу объявить

недавнее поведение имперского германского правительства не чем иным, как фактической войной против правительства и народа Соединенных штатов. Я предлагаю конгрессу формально занять положение воюющей стороны, к которому мы таким образом оказались вынуждены. Я предлагаю немедленно принять меры не только для того, чтобы организовать полную оборону страны, но и к тому, чтобы применить все ее силы, использовать все ее ресурсы и заставить правительство Германской империи согласиться на наши условия и закончить войну".

Таким образом, спустя два с половиной года с начала войны, Германии наконец удалось заставить США занять место в числе ее противников. Следует прямо сказать, что США с почти невероятным терпением и настойчивостью цепко держались за свой нейтралитет. Если бы это было возможно, США оставались бы в стороне от конфликта до конца. Непоколебимая тупость государственных деятелей Германской империи со времени отставки Бисмарка не нуждается в лучшей иллюстрации, чем эта. Америка на третий год войны вынуждена была выступить с оружием в руках вопреки своему желанию сохранить мир, точно так же как и Англия против своего желания вступила в войну с Германией в самом ее начале. В тот момент, когда Германия объявила неограниченную подводную войну, вступление Америки в войну было неизбежно. Двухмесячное промедление всецело объясняется позицией американского президента. Это промедление не изменило решение вопроса; война наступила лишь на два месяца позже и еще до того, как Америка начала готовиться к защите своих интересов и к поддержке своих союзников в борьбе с Германией. Это произошло в то время, когда каждый день имел огромное значение, когда, казалось, победа легко могла склониться на сторону противника. Если бы истекшие даром два месяца были использованы на подготовку к войне, американская армия была бы достаточно представлена во французских окопах уже к концу марта 1918 г., и наступление Людендорфа было бы обречено на неудачу с самого начала.

Когда наконец президент Вильсон 2 апреля 1917 г. выступил со своей декларацией перед конгрессом, он уже не обнаружил никаких колебаний по поводу целей войны. В своей речи он сказал:

„Мы принимаем этот враждебный вызов, потому что знаем, что правительство, которое следует таким методам, никогда не может быть нашим другом. Мы знаем, что перед лицом такой организованной силы, которая добивается осуществления неизвестных нам задач, ни одно демократическое правительство мира не может рассчитывать на безопасность. Мы вступаем в бой с этим врагом свободы и мы готовы, если это будет необходимо, затратить все силы нашего народа, для того чтобы разбить и уничтожить его претензии и

его могущество. Теперь, перед лицом голых фактов, с которых сняты все покровы, мы рады возможности бороться за окончательный мир всего мира и за освобождение всех народов, в том числе и народов Германии, за права всех наций, великих и малых, за право человечества во всех странах избирать свободно свой собственный образ правления и собственный путь развития. Мир должен быть сделан безопасным для демократии. Мир всего мира должен быть укреплен на испытанных основах политической свободы".

Эти принципы были превосходны и превосходно выражены. Союзные демократии Франции и британского содружества народов уже испытали на себе все тяжести борьбы „с этим естественным врагом свободы" в течение тысячи дней. Народы Франции и Англии радовались появлению нового могущественного союзника в тот момент, когда их затруднения росли. Им можно простить то, что они полагали, что президент Вильсон мог бы уже раньше убедиться в такой простой истине. Народы Франции и Англии во всяком случае были благодарны в душе тому великому американцу (Теодору Рузвельту), который обладал достаточно ясным взором, чтобы уже в самом начале этой упорной борьбы за международное право высказать в такой полной мере свое сочувствие союзникам.

В течение последних двух месяцев, пока президент Вильсон решал вопрос о выступлении, союзники конечно всячески стремились к тому, чтобы сохранить контакт со всеми течениями американской общественной мысли. В своем архиве я нахожу письмо, отправленное британскому правительству г. Дж. Алленом Бейкером, идеалистом-квакером, который всю свою жизнь посвятил делу мира и который только в конце марта 1917 г. вернулся из поездки в США. Бейкер излагал ряд бесед, которые он в этот критический период имел с руководящими людьми в Соединенных штатах, в частности с полковником Хаузом, выразившим горячее сочувствие делу союзников. Полковник Хауз ободрял Бейкера в том отношении, что Америка безусловно вступит в войну, бросив на фронт все свои силы. „Мы хотим стать для вас резервуаром всего, что может дать вам Америка, — продовольствия, военного снаряжения, денежных средств и людей. Американские добровольцы отправятся в Европу так скоро, как это будет нужно, насколько это позволит транспорт, и чуть только их удастся обучить, если это будет необходимо".

Хауз заметил далее, что „Соединенные штаты готовы обменяться с союзниками морскими и иными изобретениями и сотрудничать с английским флотом в деле уничтожения подводных лодок".

В беседе 10 марта полковник Хауз передал г. Бейкеру следующее обращение к г. Бальфуру и ко мне:

„Попросите ваше правительство не принимать никаких мер для прямого или косвенного ускорения дела: это нам только мешает, а не помогает. Предоставьте нас самим себе, и мы будем действовать скорее. Единственно, чего я боюсь,

это того, что вы попытаетесь подтолкнуть нас, — самые убежденные сторонники союзников недовольны этим".

Повторяя еще раз то, что он говорил уже в предшествующих беседах, Хауз прибавил:

„Скажите им, что мы пойдем с вами до конца и предоставим вам все наши ресурсы товарами, денежными средствами и людьми. Мы готовы на все. Никто не знает, как быстро мы можем мобилизовать большую армию; много тысяч наших молодых людей уже имеют необходимую подготовку: я имею в виду кадетов наших военных школ и воспитанников государственных военноучебных заведений. В одном Техасе, откуда я сам родом, находится 200 тысяч всадников, обученных стрельбе; таково же положение и в других западных штатах. Это — люди типа ваших канадцев и австралийцев. Передайте горячий привет моим друзьям в Англии — Ллойд Джорджу, Бальфуру, Асквиту и Грею. Скажите им всем, что я ежечасно думаю о них".

* * *

В наших упоминаниях об Америке мы проявляли величайшую осторожность; мы хорошо понимали, что американцы будут крайне недовольны всякой нашей попыткой втянуть их в войну. Американцы ценили это.

Мы приняли подготовительные меры на случай вступления Америки в войну. Я предложил военному кабинету наметить формы и содержание деятельного сотрудничества с Америкой задолго до того момента, как Америка примет участие в войне. Мы признали желательным послать в случае вмешательства Америки в войну чрезвычайную миссию в США. Эта миссия должна была поставить в известность американское правительство об относительном значении различных форм американского сотрудничества. Военный кабинет признал, что во главе миссии должно быть поставлено лицо, обладающее широкими полномочиями и большим авторитетом, лицо, которое обладало бы большим весом не только у нас, но особенно в Америке. От выбора главы миссии зависела и самая посылка ее.

Когда мы получили известие о решении президента Вильсона, я прочел на заседании имперского военного кабинета 3 апреля изложение речи президента на конгрессе и на этом более широком заседании, в котором принимали участие премьеры доминионов, повторил свое предложение о посылке специальной миссии в Америку. Имперский военный кабинет решил поручить министру иностранных дел в тот же день обратиться к американскому послу в Лондоне с запросом о желательности посылки специальной миссии в Вашингтон. Министр иностранных дел должен был изложить послу взгляды военного кабинета на наиболее эффективные формы сотрудничества Соединенных штатов и особенно подчеркнуть важность немедленного использования находившихся в американских

гаванях германских судов, а также всемерного усиления строительства новых судов.

В настоящее время трудно вспомнить тот эффект, который имело для общественного мнения в воюющих странах присоединение Соединенных штатов к антигерманской коалиции. Вступление Америки в войну безусловно обнадежило союзников. Положение союзников нельзя было назвать блестящим. Улицы Петрограда и Москвы были полны революционных рабочих, которые бесконечно и монотонно тянули песню о мире. Их требованиям вторили русские солдаты в тылу и даже в окопах. На море опасность подводной войны достигла своего апогея, и наши адмиралы были во власти наиболее пессимистических настроений. Известие о том, что великая американская республика решила бросить всю свою мощь на нашу чашу весов, рассеяло тучи, сгущавшиеся на горизонте. Общественное мнение в Германии странным образом осталось равнодушным к новому факту. Германия даже выказывала презрение к вступлению Америки в войну. Результаты подводной войны превосходили самые оптимистические надежды немцев, и у них была полная уверенность в окончательной и быстрой победе. У Америки не было армии, и до того, как ей удастся набрать и обучить войска, у союзников — полагали немцы — не останется судов для перевозки американцев в Европу. Вот так штука! — смеялись немцы. Война напоминает состояние опьянения, в котором человеческий ум, как маятник, качается из стороны в сторону. Настроение пьяного то достигает без видимых причин бурной радости и веселья, то превращается в свою противоположность, сменяясь безграничным отчаянием, вздохами и рыданием. Германское общественное мнение было опьянено правдивыми сообщениями об успехах подводных лодок; оно было во власти энтузиазма. В таких условиях объявление войны Америкой не играло роли. На заседании военного кабинета 1 апреля вновь рассматривался вопрос о посылке миссии в Америку. Г-н Бальфур сообщил, что американский посол Пейдж одобрил мысль о посылке миссии. Решено было поставить во главе миссии человека, занимающего высокое положение, хорошо известного американскому народу. Было решено отправить вместе с ним представителей адмиралтейства, военного ведомства, министерств военного снаряжения, продовольствия и судоходства, а также директора Английского банка. На следующий день решено было поставить во главе миссии министра иностранных дел г. Бальфура, а также включить в состав миссии представителей британской рабочей партии.

Инструкции миссии были достаточно широки, чтобы позволить ей вести переговоры с правительством Соединенных штатов для установления теснейшего сотрудничества. 10 апреля по просьбе кабинета г. Бальфур наметил следующие формы сотрудничества для обсуждения с президентом Соединенных штатов.

Бальфур должен был обратить внимание президента на необходимость развития судостроения в Соединенных штатах до крайних

пределов производственной мощности верфей. Бальфуру предстояло разъяснить президенту трудность привлечения нейтральных судов, даже с помощью страховых премий, к участию в нашей торговле. Поэтому Бальфур должен был запросить президента, не могут ли американские суда, занятые ныне в каботажном плавании США, быть переведены на обслуживание нужд союзников с замещением этих судов нейтральными.

Ввиду желательности скорейшей отправки возможно большего количества американских частей на западный фронт в течение нескольких месяцев, а известного минимума немедленно, — это позволило бы поднять американский флаг на театре войны и вызвало бы у американского общественного мнения более определенный интерес к войне. Г-н Бальфуру было предложено просить президента Вильсона:

1. Отправить немедленно небольшое количество обученных частей регулярной американской армии в составе одной бригады или, еще лучше, одной дивизии, если это окажется возможным.

2. Начать обучение возможно большего количества войск с целью подготовить войска к отправке во Францию в августе или сентябре. Эти войска могли бы занять во Франции наиболее спокойный участок фронта, где они закончили бы свою боевую подготовку.

3. Рассмотреть вопрос о дальнейшей подготовке войск во Франции или в других странах. Было решено, что начальная стадия подготовки должна быть проведена в США, учитывая затруднения в области морских перевозок и продовольственные трудности в Европе; войска не должны быть отправлены до тех пор, пока они не будут хотя бы частично подготовлены.

4. Рассмотреть вопрос о том, нельзя ли немедленно отправить американских рекрутов для размещения их в английских, канадских или французских частях. Военный кабинет учитывал, что это предложение могло быть неприемлемо для Америки. Но, по его мнению, эта форма сотрудничества явилась бы наиболее ценной и могла бы скорее всего привести к окончанию войны.

В дополнение к этому г. Бальфур был уполномочен предложить наше сотрудничество в подготовке нового набора на основе опыта войны. Г-н Бальфур должен был указать правительству Соединенных штатов на возможность использования также французского опыта.

По просьбе министра военного снаряжения, поддержанной начальником имперского генерального штаба, г. Бальфур обязался настаивать перед американским правительством на желательности принятия Америкой британских типов пушек с целью ускорения производства, более тесного сотрудничества и облегчения подвоза снарядов. Г-н Бальфур должен был также указать правительству Соединенных штатов на всю важность увеличения производства стали и сокращения потребления стали для гражданских нужд с целью удовлетворения военных требований, возросших в связи с формированием американской армии.

Г-н Бальфур должен был указать на желательность отказа от набора в войска рабочих сталелитейной промышленности и других квалифицированных рабочих. Доктор Аддисон обязался передать г. Бальфуру до его отъезда в Соединенные штаты отчет о тех затруднениях, которые встретило на своем пути английское министерство военного снаряжения и которые последнему потом удалось преодолеть; между прочим доктор Аддисон должен был сообщить о затруднениях Англии в области рабочей силы.

Г-н Бальфур обязался специально расследовать вопрос о значении ирландской проблемы в наших отношениях с Соединенными штатами и телеграфно сообщить об этом военному кабинету.

Из этих инструкций ясно, что мы уделяли большое внимание не только вопросу о том, какую помощь мы хотели бы получить для союзников в США, но и тому, чтобы сообщить американцам результаты нашего опыта и помочь им в организации страны для военных целей.

Французское правительство также решило отправить миссию в Америку во главе с г. Вивиани. По требованию французов, мы согласовали с ними поездку обеих миссий в США.

Тем временем в Англию приехал адмирал Симс для обсуждения проблемы о единой морской политике с британским адмиралтейством. Симс приехал в ответ на неофициальное и конфиденциальное приглашение с нашей стороны, последовавшее в результате бесед нашего морского атташе в Вашингтоне с американским правительством; он покинул Америку 31 марта 1917 г. и прибыл в Англию 9 апреля. Когда Симс покидал США, они находились еще номинально в состоянии мира с Германией; когда он прибыл в Англию, они уже начали войну. Резолюция об объявлении войны была принята обеими палатами конгресса и подписана президентом Вильсоном 6 апреля 1917 г. Поэтому адмирал Симс мог немедленно начать конкретные официальные переговоры с нашим морским командованием по вопросу о единых стратегических действиях на море. В этих переговорах Симс выказал ясный ум и практические способности, а также — что было столь же важно — большую готовность к сотрудничеству, которая имела решающее значение. Симс впоследствии признался, что, перед тем как он уезжал в Англию, адмирал Бенсон, начальник американского морского штаба, сказал ему: „Не давайте англичанам пускать вам пыль в глаза. Мы вовсе не намерены таскать для них каштаны из огня. Мы так же охотно воевали бы с англичанами, как будем воевать с немцами“. Бенсон был ярым англофобом и оставался им в течение всей войны; мы не могли не считаться с этим фактом. Но сам Симс не был болен той же болезнью англофобии, что и Бенсон. К счастью для обеих стран он был не только большим другом Англии, но и очень умным тактичным человеком, и ему очень скоро удалось установить превосходные отношения с нашими моряками и государственными деятелями. Не будет преувеличением сказать, что Симс завоевал доверие и привязанность всех тех, с кем встречался в Англии. Его советы

были всегда своевременны и носили практический характер; их ценили буквально все.

10 апреля, на следующий день после того как Симс прибыл в Ливерпуль, был предпринят следующий шаг на пути морского сотрудничества с США. На Гемптон Род состоялась международная морская конференция при участии британских и французских адмиралов союзного флота в Атлантическом океане. На другой день последовало совещание в морском министерстве в Вашингтоне. Эти совещания привели к положительным результатам. На обеих конференциях обсуждались все вопросы, связанные с положением на море, и по ряду вопросов были достигнуты конкретные соглашения. В частности американский военный флот брал на себя сторожевую охрану атлантического побережья Америки от Канады до Южной Америки и защиту тихоокеанского побережья от Канады до Колумбии. Американский флот обязывался держать наготове эскадры для борьбы с возможными пиратскими действиями неприятеля на море. Американцы согласились немедленно отправить шесть истребителей на помощь союзникам в их борьбе с подводными лодками в европейскую часть Атлантического океана. Далее, они согласились отправить вооруженные морские транспорты для перевозки необходимых железнодорожных материалов во Франции и брали на себя ряд других задач сторожевой охраны. Адмирал Джеллико доложил на заседании военного кабинета 16 апреля, что, по сообщению британского морского атташе в Вашингтоне, военно-морская конференция закончилась с большим успехом в значительной степени благодаря усилиям адмирала Браунинга. Адмирал Джеллико рассчитывал, что морское сотрудничество с США будет более тесным и более эффективным, чем ранее предполагалось.

Британская миссия во главе с г. Бальфуром прибыла в Америку 21 апреля 1917 г. Миссия состояла из г. Бальфура, лорда Кенлифа — директора Английского банка, контрадмирала сэра Дадли де Чер, представлявшего адмиралтейство, и генерал-майора Г. Т. Бриджеса, представлявшего армию. От министерства военного снаряжения в состав миссии входил г. (теперь сэр) Вальтер Лейтон. В ответ на наш телеграфный запрос о деятельности миссии мы получили от ее членов следующую телеграмму от 26 апреля 1917 г., в которой они описывали свои первые впечатления:

„В административной области, — писали делегаты, — здесь наблюдается полный хаос. Так например мы до сих пор не были в состоянии начать какие бы то ни было формальные переговоры. Нам ясно сообщили, что в настоящее время от нас не хотят слышать каких-либо конкретных требований. Нам было предложено попросту сообщить, что мы готовы дать любую информацию по отдельным вопросам. Сама посылка делегации, как нам сообщили, несомненно является значительной услугой США. В результате приезда делегации здесь образованы специальные комиссии для рассмотрения всех тех

вопросов, которые ставит наша миссия. Министерство иностранных дел настаивает на организации совместного обсуждения этих вопросов; мы надеемся, что оно начнется не позже понедельника. Министр иностранных дел посылает нам общий обзор положения и сведения о том, что сделано в США по различным вопросам.

Мы уверены, что американцы сделают все возможное, чтобы помочь нам, но им очень мешают политические соображения и они совершенно не подготовлены к войне.

Мы продолжаем пользоваться успехом, который превосходит надежды наших лучших друзей. Бальфур лично пользуется огромным весом. Это конечно для нас большое преимущество.

Мы придерживаемся того мнения, что мы не можем никак в настоящий момент ускорить дело и что попытки в этом направлении могут лишь нанести нам ущерб. Но мы не колеблясь будем настаивать на срочности и важности поставленных нами вопросов, в частности вопросов морского транспорта“.

На самом деле первая британская миссия в США должна была главным образом подготовить почву для всестороннего тесного сотрудничества между обеими странами и пробудить интерес и добрую волю США. Г-н Бальфур посетил Чикаго, Бостон и другие крупные центры США; его всюду встречали с энтузиазмом. Мне передали письмо одного из членов миссии, его коллеги в Англии, содержащее описание первых впечатлений. Так как это письмо проливает некоторый свет на обстановку, в которой работала миссия, я приведу из него следующее место:

„Было бы слишком скучно полностью перечислять весь список званых обедов и приемов. Заслуживают быть отмеченными два официальных торжества: я имею в виду поездку на Маунт Вернон — могилу Георга Вашингтона, куда мы отправились вместе с французами, — и вчерашнюю речь г. Бальфура перед конгрессом. Поездка на Маунт Вернон была замечательна по тому огромному вниманию, которое ей уделила печать, отмечавшая, что англичане отдали дань Вашингтону. Произошло несколько забавных инцидентов между Вивиани и Жоффром (Жоффр совершенно затмил Вивиани к явному неудовольствию последнего). Я полагаю, что в „Таймсе“ уже появилось сообщение о речи г. Бальфура. Вивиани превосходный оратор и легко довел себя до энтузиазма. Но г. Бальфур также произнес великолепную речь и представлял полный контраст Вивиани своим спокойствием и выдержкой. Американцы здесь все еще полагают, что Англия осталась той же, что и во время войны Америки за независимость. Существующая еще здесь враждебность по отношению к нам в большей степени основана на исторических мотивах, чем, скажем, на разногласиях в ирландском вопросе или на нашем мнимом высокомерии. Мы не

присутствовали на конгрессе во время речи Бальфура. Я слышал однако, что г. Бальфур произнес одну из своих лучших речей. Голос Бальфура и его манера говорить вызвали восхищение американцев; в первый раз в истории президент посетил палату по этому случаю. Так как Вильсон не явился в палату ради французов, то это безусловно дает нам надежду на его благоприятное отношение к нам в будущем...

Ирландский вопрос обсуждается здесь очень широко, и мы получаем по этому поводу целые мешки писем. За тремя или четырьмя исключениями письма имеют весьма дружественный тон; большинство писем указывает, что разрешение вопроса о гомруле устранит последние препятствия к полному единству между США и Англией...

Когда приезжаешь из Англии в США, процветание и богатство Штатов прямо поражает...

Французы были великолепно приняты, но я считаю, что на них смотрели скорее как на странствующую цирковую труппу, чем на политическую миссию. В их программу входило например целовать детей в значительном числе. Слава богу, мы воздержались от этого, и теперь американцы поняли, что мы заняты серьезным делом. Повидимому нам лучше удастся завязать здесь связи, чем французам.

Прежде я не любил Америку, но теперь я изменил свое мнение. При всех своих недостатках американцы очень мало отличаются от нас, даже если они происходят от ирландцев и итальянцев. Хотя ирландцы определенно являются сторонниками гомруля, они не так плохи, как мне казалось. Я слышал, что здесь возникали сомнения в том, следует ли предложить г. Бальфуру выступать перед конгрессом ввиду особого отношения ирландских членов конгресса к Англии. Но ирландцы in corpore отправились к председателю и сообщили ему, что они сами очень рассчитывали на то, что Бальфур произнесет речь перед конгрессом; они встретили его превосходно. Квинн сказал послу, что даже ирландская депутация, пришедшая к Бальфуру, которой последний ничего особенного не сказал, была чрезвычайно довольна тем, что Бальфур ее принял...“

Это письмо интересно главным образом не тем, что оно сообщает о деятельности британской миссии, а тем, что оно проливает свет на факт глубочайшего исторического значения. Эта миссия начала устранять недоверие и враждебность, царившие в отношениях между Англией и США со времени великого конфликта XVIII века; политические интересы обеих стран со времени войны за независимость поддерживали это взаимное недоверие. Теперь наконец было положено начало подлинной дружбе обеих стран; теперь наконец между нами стали устанавливаться те товарищеские отношения, которых никогда ранее не существовало. Только что цитированное письмо показывает, насколько враждебное отношение к нам в Аме-

рике оправдывалось и подкреплялось британским высокомерием и нашим представлением о собственном превосходстве.

Английская демократия искренне восхищалась великой американской республикой, ее борьбой за свободу против тех государственных деятелей, которые с успехом подавляли народ в Англии (и без успеха в Америке). В Англии восхищались героями Америки, в особенности Авраамом Линкольном. В Англии имя Линкольна было окружено таким же ореолом, как и в Америке. Английская демократия восхищалась тем, что в Америке всякий, кто только трудится и обладает способностями, имеет равную и полную возможность добиться успеха. Весь английский народ смотрел на Америку с завистью, основанной на сознании того, что в Англии жизнь тяжелее. Только британские снобы не любили Америки. К сожалению британская снобократия давала часто о себе знать, и английских снобов американские газеты чаще цитировали, чем рядовых англичан. Единственный из всех государственных деятелей прошлого — Джон Брайт — производил впечатление на Америку тем, что горячо подчеркивал лучшие качества американского народа и то значение, которое в будущем Америка должна сыграть в развитии человечества. Но наши правящие классы так же ненавидели Брайта, как они ненавидели Георга Вашингтона и всякого американца дальнего запада, который не уважал Британской империи.

Одним из наиболее ценных достижений мировой войны было установление взаимного уважения между Англией и США; оно отражается в уже цитированном выше письме. Это взаимное уважение может и в дальнейшем служить решающим фактором в укреплении международных отношений и всеобщего мира.

Президент Вильсон и полковник Хауз затратили немало времени на обсуждение целей войны совместно с г. Бальфуром.

В разговорах с президентом были упомянуты различные тайные договоры, заключенные союзниками с Россией и Италией по вопросу о территориальных изменениях, которые предположено осуществить, если союзникам удастся одержать победу. Г-н Бальфур детально изложил эти соглашения и не раз предлагал предъявить копии договоров президенту. В заметках полковника Хауза этот акт находит полное подтверждение; заметки, относящиеся ко времени вступления Америки в войну, воспроизведены в „Интимных документах" Хауза. Хауз определенно подтверждает, что Бальфур полностью поставил в известность Вильсона о характере этих соглашений. Вильсон не хотел детально их обсуждать, потому что, с одной стороны, в этот период было уже невозможно изменить условия тайных договоров, а с другой, Вильсон явно надеялся на то, что к тому времени, когда будет подписываться мир, Америка обеспечит себе такое место в концерте держав-победительниц, которое даст ей полную возможность по своему усмотрению изменить заключенные ранее соглашения. Вильсон определенно стремился к тому, чтобы ему не сообщали в письменной форме о подробностях этих договоров, так как он не хотел быть поставленным в положение „человека,

получившего повестку“ и знающего о ходе дела. Но сделанное впоследствии президентом Вильсоном заявление перед комиссией внешней политики сената 19 августа 1919 г. о том, что „все эти соглашения были сообщены мне впервые, когда я прибыл в Париж на мирную конференцию“, является совершеннейшим извращением фактов. К тому времени, когда Вильсон заявил об этом, его здоровье было уже подорвано; это было накануне его трагического конца. Вильсону можно поэтому извинить его забывчивость. Так как дело идет о взаимоотношениях между двумя великими державами, я чувствую себя обязанным исправить его ошибку. Для добрых отношений между народами взаимное доверие так же важно, как и в отношениях между отдельными людьми.

23 мая 1917 г. Бальфур и его миссия отправились из Вашингтона в Канаду, где они пробыли несколько дней, и затем отправились назад в Англию (31 мая). Перед тем как покинуть США, Бальфур указал на желательность создания постоянной британской миссии в Штатах, для того чтобы поддерживать связь с американским правительством и согласовывать деятельность различных британских учреждений в США. Бальфур рекомендовал поставить во главе этой постоянной миссии виконта Грея. 11 мая военный кабинет одобрил предложение Бальфура, и мне было предложено обратиться с этим к Грею. Однако мне не удалось уговорить Грея принять этот пост. Грей заявил, что болезнь глаз не позволяла ему выполнять столь тяжелые и ответственные обязанности. Поэтому вопрос был пересмотрен на заседании военного кабинета 25 мая и решено было по возможности скорей назначить во главе британской миссии какого-либо делового человека, который должен был объединять деятельность ряда ведомств, в частности адмиралтейства, военного ведомства, министерства военного снаряжения, министерства морского транспорта и министерства продовольствия.

На заседании было указано, что деятельность британских представителей тогда никем не объединялась; интересы различных ведомств часто сталкивались. Согласование их деятельности могло бы в будущем устранить параллелизм и конкуренцию между отдельными ведомствами и привести к более положительным результатам. Правда, предполагаемый глава миссии должен был прежде всего поддерживать контакт с американцами и американскими учреждениями, но его основной обязанностью было осуществление контроля над нашими операциями, в том числе над набором людей, производством, закупками, обработкой сырья, перевозкой и очередностью отдельных вопросов.

Присутствовавшие на заседании министры были того мнения, что лорд Нортклиф был подходящим кандидатом для этой цели. Военный кабинет решил отправить телеграмму британскому послу в Вашингтоне и г. Бальфуру, предложив им в кратчайший срок изложить свои взгляды на предполагаемое назначение.

28 мая по телеграфу был получен от г. Бальфура удовлетворительный ответ. 30 мая лорд Роберт Сесиль сообщил военному ка-

бинету, что американский посол г. Пейдж с энтузиазмом высказался в пользу назначения лорда Нортклифа. В согласии с этим было решено, что премьер-министр предложит лорду Нортклифу отправиться в США не в качестве дипломатического представителя Англии, а в качестве главы миссии, представляющей различные ведомства с целью согласования их деятельности.

Лорд Нортклиф принял это назначение без всяких возражений и выразил желание по возможности скорее отправиться в путь. Было решено, что перед своим отъездом в Америку он встретится с главами тех ведомств, за работой которых он будет наблюдать в США. Было решено также составить для него специальную инструкцию. Эта инструкция была рассмотрена и одобрена военным кабинетом 31 мая 1917 г. Вот она:

Инструкция лорду Нортклифу в связи с назначением его главой британской военной миссии в США

1. Несколько правительственных учреждений — казначейство, адмиралтейство, военное ведомство, министерство военного снаряжения, министерство морского транспорта и министерство продовольствия — располагают в США представительствами своих специальных интересов. Эти представительства работают более или менее независимо друг от друга и в результате их интересы сталкиваются, что приводит к излишним затруднениям.

2. Военный кабинет решил назначить человека, обладающего значительными деловыми способностями, широкими знаниями, опытом и энергией в качестве главы британской военной миссии, непосредственно ответственного перед военным кабинетом. В состав военной миссии включаются существующие представительства отдельных правительственных учреждений. Общий контроль и соглашение действий этих представительств позволят главе британской военной миссии предотвратить параллелизм и добиться лучших результатов деятельности всей миссии. Главе миссии предоставляется власть над всеми представительствами отдельных учреждений; глава миссии получает право уволить всякого члена миссии, которого он сам сочтет неподходящим.

3. Важнейшей обязанностью главы миссии явится контроль над деятельностью наших учреждений — в области набора британских граждан в армию, в области производства, закупки и перевозки на суше и на море всех необходимых нам товаров. Главе военной миссии поручается установление очередности выполнения требований различных учреждений.

4. Так как Великобритания не является единственным покупателем товаров США, глава миссии должен установить и поддерживать самые дружеские отношения не только с американским правительством, но и с представителями наших союзников в США, содействовать сотрудничеству между ними и всеми силами стремиться к устранению взаимной конкуренции, предотвращая излишнее повышение цен.

5. По важнейшим вопросам, связанным с деятельностью миссии, глава миссии имеет право непосредственных сношений с премьер-министром; по вопросам меньшего или ведомственного значения глава миссии должен сноситься с главой данного ведомства либо непосредственно, либо через представителя данного ведомства в США.

6. Глава британской военной миссии должен сообщать в общих чертах британскому послу в Вашингтоне о своей деятельности и пользоваться советом и помощью посла в тех случаях, когда это необходимо.

7. Глава британской военной миссии имеет все полномочия для создании центрального аппарата миссии, назначения людей, которых он сочтет нужными, и объединения в одном или нескольких зданиях тех из представительств отдельных ведомств, которые он сочтет необходимым связать вместе, ознакомившись с их деятельностью.

8. Расходы главы британской военной миссии должно покрывать казначейство. Меры, необходимые для предоставления кредитов в распоряжение главы военной миссии, должны быть приняты немедленно и сообщены последнему.

Назначение лорда Нортклифа не могло конечно не вызвать целую бурю критики в известных кругах. Среди людей, придерживавшихся ортодоксальных и традиционных взглядов, — а их было немало не только в одной политической партии, — имя лорда Нортклифа уже давно было мишенью для упреков, которые он впрочем заслужил оригинальностью и резкостью своих журналистских методов. Один тираж его газет уже служил причиной его осуждения. Во всем королевстве нельзя было насчитать миллиона приличных читателей, разумеется сверх постоянных читателей почтенных газет. Между тем лорд Нортклиф обращался к читателям „полупенсовой печати", т. е. к простому народу, и поэтому его поведение не было санкционировано миром условностей и приличий. Назначение такого человека на в высшей степени почетный и ответственный пост шокировало поэтому многих достойных людей, обладавших традиционными взглядами. Я наблюдал, как те же люди пожимали плечами, когда важнейшие посты в правительстве были предоставлены лордам Бивербруку и Ротермиру. Они относились к этим назначениям с чувством явной брезгливости. В Америке назначение Нортклифа было встречено более дружелюбно. Однако своими насмешливыми критическими высказываниями в печати Нортклиф успел нажить много личных врагов; даже в правительственных кругах США высказывались серьезные сомнения по поводу выбора британского кабинета. Один из наших представителей в США 22 июня писал г. Бальфуру между прочим следующее:

„Кстати, что заставило правительство отправить сюда лорда Нортклифа? Я должен конечно пояснить, что на этот вопрос я не ожидаю ответа. Это просто восклицание, внушенное ужасом. Я должен сказать, что трудно было бы найти человека в столь малой степени persona grata, да и очень остроумно ставить во главе правительственного учреждения, представляю-

щего интересы страны, начальника клакеров и журналистов, всегда готовых итти на все. Я совершенно уверен в том, что в некоторых правительственных кругах здесь недоуменно спрашивают себя — чего ради англичане избрали Нортклифа? Я уверен, что мои догадки обоснованы".

Вильсон, как высококультурный и воспитанный человек, инстинктивно относился с большей сдержанностью к людям типа Нортклифа.

Среди тех, кто придерживался такой же отрицательной точки зрения на назначение Нортклифа, был британский посол сэр Сесиль Спринг-Райс. В самом деле, британский посол находился под влиянием личной обиды, нанесенной ему великим газетным предпринимателем 20 июня 1917 г. Через несколько дней после своего приезда в США Нортклиф отправил мне письмо, в котором излагал свое первое впечатление и сообщал о начале своей деятельности в США. В этом письме он следующим образом сообщал о приеме, оказанном ему со стороны наших дипломатических представителей:

„Прием, оказанный мне в Вашингтоне президентом и другими американскими представителями, не мог быть лучше.

Прием, оказанный мне британским послом, не мог быть хуже.

По приезде меня не встретил здесь даже британский консул, под предлогом того, что хотя ему было известно о моем прибытии, но он не был формально извещен об этом посольством. Чины посольства выставили предлог, что они получили инструкцию из Лондона о том, чтобы поддерживать полное инкогнито.

Но это отнюдь не так, потому что меня встретила обычная толпа репортеров, фотографов и киноработников.

Все это не имело значения, но в результате мне пришлось зачесть членам миссии текст моего соглашения с правительством*, для того чтобы доказать мои полномочия.

Сэр Сесиль Спринг-Райс странный человек. Он находится под впечатлением того, что приезд каждого нового человека из Англии сюда является проявлением сомнения в его собственных качествах. Он грубо обошелся с сэром Градманом Левером и еще грубее со мною.

Вот описание поразительной сцены, которая произошла в его кабинете в посольстве.

Вечером, после того как он представил меня нескольким министрам, сэр Сесиль дал в мою честь обед в посольстве. Он просил меня притти несколько раньше, так как хотел поговорить со мной по некоторым личным вопросам. Я явился.

Он сидел за столом, на котором лежали официальные бумаги, и, внезапно обратившись ко мне, подал мне вырезку из германофильской „Иванинг пост". Этот номер вышел еще до

* Нортклиф, выступая в роли независимого государя, называет свои инструкции „соглашением с правительством", что весьма для него характерно.

моего приезда. Газета выражала удивление, насколько мне помнится, что человек, критиковавший посла в ряде статей под самыми кричащими заголовками (выдумка), назначен на такой пост.

Затем Спринг-Райс поднялся со своего места, странно посмотрел на меня и, показав на меня пальцем, сказал: „Вы мой враг. Помимо этих нападок четыре года назад вы поместили в „Таймсе“ направленное против меня анонимное послание, которое едва не убило меня. Поэтому лэди Спринг-Райс отказывается принять Вас“ (к счастью в Вашингтоне есть и другие очаровательные дамы). Я ответил, что никогда не критиковал его. Он заявил, что его критиковали в письмах в „Таймсе“ за продолжительное отсутствие из посольства и за то, что он путешествовал на германских пароходах. Его отсутствие было вызвано болезнью и дипломатическими обстоятельствами, которые он не мог объяснить публично.

Я заметил, что так как он придерживается таких взглядов на мое посещение, то я намерен покинуть посольство, и направился к двери, для того чтобы уйти. Тогда он обратился ко мне, подал мне руку и сказал: „Мы должны работать вместе, что бы мы ни чувствовали по отношению друг к другу“. Я пожал ему руку, и этот инцидент к счастью был исчерпан, так как нам сообщили о приходе французского посла...“

Я боюсь, что лорд Нортклиф ожидал, что его встретят весьма неблагосклонно в официальных кругах, и поэтому он намеренно преувеличил и исказил поведение Райса, объясняемое природной застенчивостью посла.

Из уважения к памяти посла я приведу его собственное изложение этого обмена любезностями:

„Когда лорд Нортклиф прибыл сюда, он послал за Гантом и Уайзманом и горько жаловался на то, что посольство не отправило никого, чтобы встретить его по приезде в гавань. Он сказал, что счел это намеренным оскорблением и почувствовал желание повернуть назад. Гант и Уайзман объяснили ему, что был получен определенный приказ сохранять его поездку в тайне. Я отправил через генерального консула письмо для передачи ему по приезде. Как только Клайв Бейли узнал о его приезде, он передал ему письмо. Но, в согласии с нашей обычной практикой, Бейли воздержался от отправки чиновника консульства в порт... Я устроил Нортклифу аудиенцию у президента, но сам не мог отправиться вместе с ним, так как должен был с другими представителями союзников выехать в Принсетон, для того чтобы в самый день аудиенции Нортклифа получить там ученую степень... В день приезда Нортклифа Том Спринг-Райс и Гант встретили его на станции, сообщив ему от моего имени, что я присутствовал на приеме в честь французской научной делегации, но что я немедленно отправляюсь к

нему сам, если он захочет видеть меня в этот вечер. Нортклиф сказал, что привык рано ложиться... Я слышал, что Нортклиф произвел чрезвычайно благоприятное впечатление. Он спросил меня, как создалось мнение о враждебных отношениях между ним и посольством. Я сказал ему, что, насколько мне было известно, никто в посольстве не нес ответственности за это впечатление, которое безусловно нашло себе отражение в печати. Без сомнения причиной этого были те нападки на посольство, которые в некоторых случаях появлялись в его газетах. До войны он поместил в „Таймсе" анонимное письмо с клеветническими выпадами против меня; по уверениям моих юристов, будучи официальным лицом, я не был в состоянии ответить на это нападение так, как я мог бы это сделать, если бы того хотел. Во время войны его газета вместе с „Нью-Йорк геральд трибюн" напала на посольство за то, что мы не подражали графу Бернсторфу в его политике по отношению к печати. На это мы также не отвечали, но конечно осталось впечатление, что позиция Нортклифа по отношению к посольству отличается той же враждебностью, что и прежде. Я сказал, что при существующих условиях было бы по-детски глупо и притом крайне вредно примешивать личную враждебность к вопросам общественного блага. Он с этим полностью согласился, и у нас установились приятные и дружеские отношения".

Из-за прежних нападок Нортклифа на британского посла последний ожидал проявления к нему враждебности со стороны Нортклифа. По той же причине Нортклиф ожидал враждебности со стороны Спринг-Райса. Это „ожидание враждебности" явно не содействовало сближению... Вот объяснение всего инцидента.

Я привел эти цитаты, потому что описанный Нортклифом и Спринг-Райсом инцидент дает представление о той резкой критике, которую вызвало назначение лорда Нортклифа, и о тех затруднениях, с которыми ему приходилось иметь дело в США. Критики повидимому недостаточно считались с тем, что качества лорда Нортклифа могли оказаться полезными для страны в чрезвычайных обстоятельствах. Агрессивность, уверенность в себе, напористость, энергия и склонность лорда Нортклифа к личному самоутверждению гарантировали, что этот человек будет совать свой нос во все детали работы ко всеобщему отчаянию бюрократов; это могло лишь способствовать удвоению энергии, с которой работали другие. Представлялся случай широко использовать огромные организаторские способности Нортклифа и его энергию. Успех всякого правительства заключается всегда в том, что оно мудро накладывает узду на сильные, но беспокойные натуры, поручая им выполнение какой-либо благотворной задачи.

В самом деле лорд Нортклиф имел огромный успех в своей новой роли. Полковник Хауз, который вначале испытывал тревогу по поводу его назначения, установил с Нортклифом с самого

начала его приезда дружеские отношения, которые продолжались до самой смерти Нортклифа. В своих „Интимных документах" Хауз пишет:

> „Нортклиф принес с собой бесконечную энергию и полное презрение к тому, что на свете есть что-либо неосуществимое; с этими качествами сочеталось неизменно хорошее настроение".

К концу своей миссии лорд Нортклиф писал Бальфуру:

> „Вы можете быть уверены, что я никогда и никому не угрожал. Я имел дело с этим народом в течение 30 лет. Здесь ничего нельзя добиться угрозами. Многого можно достичь лестью и самоуничижением".

Несмотря на то, что Нортклиф обладал большим жизненным опытом, так как сталкивался в жизни с многими трудностями, он признавался, что никогда еще ему не приходилось разрешать задачу, которая представляла бы столько затруднений. Он телеграфировал домой: „Моя задача огромна и все больше разрастается. Я никогда так тяжело не работал..."

Упоминание о Нортклифе в документах Хауза летом 1917 г. отражает все растущее восхищение и привязанность к нему американского политического деятеля. 11 августа Хауз телеграфировал в Англию: „Нортклиф работает прекрасно и находится с наилучших взаимоотношениях со всеми". Даже Спринг-Райс и чиновники посольства установили гораздо лучшие отношения с Нортклифом, чем они того ожидали. Они постепенно отказались от своего нерасположения к нему, вызванного прежней обидой. Только вначале, когда он еще только создавал организацию британской миссии и устранял излишних людей в составе уже имевшихся учреждений, Нортклиф вызвал быть может больше опасений, чем доверия. Но наиболее проницательные из наших представителей вскоре научились ценить улучшение работы аппарата, которым он управлял с такой энергией; если Нортклиф мог быть жесток, то, с другой стороны, он обладал добрым сердцем и превосходно умел поощрять других.

Среди наиболее трудных задач Нортклифа было заключение удовлетворительного финансового соглашения с США. К этому времени Англия использовала почти все легко доступные ей заграничные кредиты. В связи с ограничениями морского транспорта и гражданской промышленности наш экспорт значительно упал. Между тем наши закупки военного снаряжения и товаров за границей значительно увеличились, а к этому времени мы уже поставляли в больших количествах военное снаряжение и материалы нашим союзникам на континенте. Американский финансовый мир еще не научился предоставлять большие займы иностранцам. Так как деньги шли на закупки в США, то я не сомневаюсь, что продавцам нетрудно было доставать для нас необходимые средства, тем более, что кредиты давались таким здоровым предприятиям, как Британская империя и Франция. И все-таки в этом вопросе мы также

встретились с рядом затруднений и промедлений. С момента вступления США в войну наше финансовое положение безусловно улучшилось, и мы имели возможность получать кредиты в Штатах, не закладывая наших ценностей. Но американское правительство, незнакомое в достаточной степени с головокружительными цифрами военных расходов, не понимало того, в какой значительной финансовой поддержке мы нуждались. 17 июля 1917 г. Нортклиф писал мне:

„Мой дорогой премьер-министр.

Так как вы назначили меня на самую трудную должность, которую я когда-либо занимал в жизни, я хочу просить Вас помочь мне по мере сил.

Члены кабинета должны понять, что мы обращаемся к американскому правительству за милостыней. Большинство тех, с кем приходится встречаться (за исключением президента и полковника Хауза), не имеют понятия о тех огромных жертвах, которые мы несли раньше и несем теперь. Я не знаю, кто отвечает за то, что эти сведения не были сообщены американцам в начале войны; но кто бы ни отвечал за это, положение людей, обращающихся к Америке за милостыней от имени английского народа, крайне затруднительно*.

Не нужно никакого воображения, для того чтобы предвидеть рост дальнейших затруднений в получении денежных средств от США. Когда мы подходим к этому вопросу в переговорах с членами правительства, политическими деятелями и представителями делового мира, мы встречаемся с полным непониманием того, что нами в этой области сделано, даже если наши собеседники и знакомы с некоторыми цифрами. Такой сильный сторонник Англии, как Хиггинсон — глава большой банковской фирмы Бостона „Ли, Хиггинсон и К°", понятия не имел о том, что мы авансировали 1 миллиард фунтов союзникам, притом без специального требования, чтобы они затратили эти деньги в Англии.

Г-н Мак Аду, а затем полковник Хауз прямо сказали нам, что они хотят знать, необходимы ли нам товары, которые мы просим, для чисто военных целей. Этот вопрос был поставлен французскому представителю Тардье и мне:

„Можете ли вы заверить нас в том, что сталь для английских судов, пшеница для Франции, уголь для Италии, паровозы и железнодорожные материалы для России необходимы для победы? Если так, на что вы можете сослаться в подтверждение ваших слов? Мы не можем обратиться к конгрессу и просить денег, если мы не будем иметь возможности заверить членов конгресса, что каждый доллар будет затрачен в интересах победы".

---

* Все воюющие правительства с самого начала войны, в том числе и наше, не публиковали сведений о потерях.

Существует общее подозрение, что значительная часть громадных русских заказов на паровозы и железнодорожные материалы предназначена для того, чтобы упорядочить транспорт в России после войны.

Я провел вместе с Тардье два продолжительных совещания по этому вопросу и еще одно совещание совместно с русским представителем Бахметьевым. Тардье как французу гораздо легче получить деньги, чем англичанам, но и он предвидит опасность.

Американцы не привыкли к нашим огромным финансовым операциям. Пройдет долгое время, прежде чем они к ним привыкнут. Они например считают ассигнование 185 миллионов долларов, которое мы проводили ежемесячно в течение четырех месяцев, поистине огромным кредитом. Когда я повторил здесь заявление канцлера казначейства, что война стоит нам 50 миллионов долларов в день, они пришли в ужас.

Податель сего г. Филипс знает положение лучше, чем кто-либо, и я с сожалением расстаюсь с ним. Его отъезд значительно ослабляет нашу миссию в Вашингтоне. Я отправляю его по двум причинам: во-первых, для того чтобы он мог настаивать перед Вами на необходимости для британского правительства создать единый военный совет, который заявит, для чего необходим каждый товар, требуемый союзниками. Если этот совет не будет создан, то мы в один прекрасный день столкнемся с одним из тех резких поворотов в политике США, к которым мы уже, я полагаю, привыкли. Я имею в виду отказ в обычном займе в 400 миллионов долларов и захват судов, которые мы здесь строили...

Искренне Ваш

Нортклиф".

Нортклиф проявлял свойственное ему нетерпение даже в тех случаях, когда промедление было неизбежно. Он не привык к тому, чтобы его приказ не выполнялся, к тому, чтобы его решение подвергалось сомнению или выполнение его затягивалось. Обычно ему стоило отдать приказ по телефону, и он немедленно выполнялся; он ожидал, что по тому же телефону ему будут сообщать об исполнении не позже, чем через час. Он привык отдавать приказы по телефону. Теперь же он попал в новый для него мир, где прежний самодержец должен был играть роль подчиненного по отношению ко всем и каждому. Он должен был ждать одобрения английского правительства, а также одобрения или согласия американского правительства; он должен был вести продолжительные переговоры и дискуссии, — разговаривать, вместо того чтобы командовать.

В политике и дипломатии процесс продолжительного увещевания партнера, процесс сложный и полный внутренних противоречий, по необходимости предшествует действию. У лорда Нортклифа не было даже опыта провинциального мэра, на который он мог бы опираться в своей многообразной деятельности, зависевшей в боль-

шей степени от сотрудничества с другими лицами, чем от приказа с его стороны. Для человека его диктаторского склада и опыта он справлялся со своей задачей еще очень хорошо. Но он не всегда считался с условиями, которые не мог контролировать ни он сам, ни британское правительство. Американский президент неохотно вел войну. Для Вильсона война казалась ужасом, которого ему не удалось избежать. Так обстояло дело и для многих из нас. Но отвращение Вильсона к войне приняло особую форму: Вильсон уделял мало внимания проблеме интенсивности ведения войны, он уделял этому вопросу минимум того внимания, которое от него требовалось, если учесть ответственность Вильсона в качестве главы исполнительной власти республики. Вильсон отказывался от всякого приложения лишней энергии, чтобы ускорить приближение момента, когда ему удастся бросить сотни тысяч молодых американцев на смертный бой с германской молодежью.

Удваивать энергию значило бы проявлять чрезмерную поспешность в войне, к которой Вильсон присоединился только в силу крайней необходимости. Такой энергичной и динамической натуре, как Нортклиф, трудно было иметь дело с Вильсоном. Нортклиф отправился в Америку со специальной целью наладить обслуживание союзников. При этих условиях неизбежны были некоторые трения и время от времени некоторые недоразумения. Нортклиф возмущался, ворчал и пылал негодованием. Но к счастью он жаловался своему собственному правительству и поразительно умел сдерживаться, когда ему приходилось иметь дело с гордым, подозрительным и маловоинственным президентом. Здравый смысл Нортклифа проявился в том, что ему удалось завоевать доверие и содействие человека, обладавшего столь же самодержавными привычками, как и он сам, хотя Вильсон, надо сказать, отличался от Нортклифа и по своему умственному складу, и по своей подготовке, и по характеру, и по взглядам. Деятельность Нортклифа в Америке обнаружила некоторые из его недостатков, но в то же время показала и его достоинства. Доказательством твердости характера Нортклифа является то, что он не позволял своим слабостям мешать его работе или поставить под угрозу выполнение его миссии.

Когда президент Вильсон решил объявить Германии войну, он еще не был убежден в том, что для него необходимо будет в действительности вести войну. В душе, как я полагаю, Вильсон надеялся, что простое присоединение США с их неограниченными ресурсами к союзникам поведет к миру еще до того, как будет пролита американская кровь. Вильсон думал, что Германия и ее союзники отныне поймут, что Америка всерьез будет сражаться, если Германия не уступит, и что против такой коалиции США и Антанты борьба была бы безнадежной. Вильсон хотел, чтобы эта мысль проникла в сознание немцев. Я не имею права утверждать, что Вильсон намеренно сдерживал свои приготовления к войне, для того чтобы дать центральным державам полную возможность пересмотра их позиций в связи с „новым фактором“. Но повидимому это

стремление было одной из причин необъяснимого другим образом промедления в подготовке американских войск для отправки на фронт. Британская империя с ее небольшой регулярной армией сумела в течение шести месяцев после объявления войны отправить 500 тысяч человек на театр военных действий, на восток и на запад. Большинство британских солдат, отправленных на фронт в это время, вовсе не имело военной подготовки к началу войны или же получило самую элементарную подготовку. В течение шести с лишним месяцев только одна американская дивизия заняла место в окопах на спокойном участке фронта. Через 12 месяцев после вступления Америки в войну на фронте находилась только одна эта дивизия. Через год после объявления войны Англия отправила на фронт 900 тысяч человек и потеряла уже 170 тысяч. Если бы не произошла катастрофа в марте 1918 г., никто не знал бы, когда собственно, по мнению президента, американская армия должна будет принять участие в борьбе с германской коалицией. Без сомнения, он не стремился к тому, чтобы американские войска приняли деятельное участие в кровавой борьбе 1918 г. Доказательством может служить то, что Вильсон не снабдил американские войска достаточным количеством оружия для этой цели. Когда американским войскам пришлось наконец сражаться вследствие критического положения, созданного выходом России из союзной коалиции и истощением Франции, американцы сражались, занимая пушки у союзников; у самой Америки было слишком мало своей собственной артиллерии к концу войны. Американским войскам пришлось также занимать аэропланы и другое важное военное снаряжение. Это тем более необъяснимо, что союзники к тому времени успели организовать значительную часть промышленных ресурсов Америки для производства военных материалов. Авраам Линкольн любил мир. Это был один из наиболее гуманных правителей, которые когда-либо управляли судьбами народов. Его сердце должно быть содрогалось при мысли о необходимости убивать честных людей, в особенности если они были его согражданами, только во имя принципиального спора; но когда Линкольну пришлось принять участие в войне, он стремился отдать всю свою энергию и весь свой гений на достижение победы для того священного дела, которое он защищал. Но Вильсон не был Линкольном.

В своем письме лорд Нортклиф упоминает о решении американского правительства реквизировать ряд судов, которые тогда строились в США по приказу британского и австралийского правительства. Этот инцидент является иллюстрацией исключительной сложности тех вопросов, которые возникали между обеими странами во время войны. Мы испытывали значительные потери тоннажа, и речь шла не об увеличении нашего торгового флота, а лишь о пополнении части наших военных потерь. Но в Штатах влиятельные групы оспаривали наше превосходство в области торгового флота; эти группы считали наши крупные судостроительные заказы угрозой дальнейшего увеличения нашего торгового флота. Пока Америка оставалась нейтральной страной, у нее не было причин отказывать нам в зака-

зах на строительство судов. Но как только США вступили в войну, эти группы решили воспользоваться удобным моментом для сохранения заказанных нами судов под американским флагом. В Америке стали реквизировать наши суда для отправки товаров и войск в Европу.

21 августа 1917 г. лорд Нортклиф отправил мне длинную телеграмму по этому вопросу. Я приведу из нее отдельные места:

„Я не вмешивался бы в вопрос о немедленной конфискации, угрожающей строящимся здесь по нашим заказам судам, так как этот вопрос относится к компетенции посла. Но Спринг-Райс в настоящее время находится в отпуску в Вудшолл (штат Массачузетс).

Создалось критическое положение. „Уор Сворд", находящийся в настоящее время на верфях Юнион Айрон Уоркс в Сан-Франциско, заказан нами и будет готов к сдаче в субботу. Уже закуплен груз пищевых продуктов и нефть для погрузки на корабль. Капитан и командный состав корабля прибыли из Англии и готовы начать работу.

Ройден просил американское управление морского транспорта отдать приказ судостроительной фирме о передаче нам корабля. Ройден опасается однако, что управление морского транспорта ограничится ни к чему не обязывающим ответом, так как до сих пор вопрос о передаче нам корабля остается неразрешенным.

Есть еще ряд других судов, постройка которых также заканчивается и вопрос о которых возникнет в ближайшее время".

Нортклиф далее цитирует характерный протест австралийского премьера, обращенный к полковнику Хаузу. Этот протест гласил:

„1. Заказанные суда предназначаются для федерального австралийского правительства, а не для частных фирм.

2. Фактически Австралия является независимым государством.

3. За все время войны Австралия играла выдающуюся роль и в настоящее время обладает значительной армией на фронте.

4. Суда, о которых идет речь, будут использованы исключительно для военных целей, для торговли между Австралией и Америкой и для перевозки пшеницы и муки в Англию и союзные страны.

5. Конфискация этих судов, принадлежащих Австралии, которая в течение трех лет вела упорную борьбу на полях сражения, будет со стороны США недружелюбным актом, который именно так и будет расцениваться в Австралии.

6. Австралийское правительство не может изъявить своего согласия на аренду этих судов Америкой; таким образом эта альтернатива является неприемлемой.

7. Если американское правительство не откажется от реквизиции этих судов, его решение неблагоприятно повлияет на торговые отношения между обеими странами“.

Нортклиф закончил свое послание следующими словами:

„Если британское правительство отправит Соединенным штатам твердый и решительный протест, я уверен, что Америка не совершит такого акта, который навсегда остался бы примером недружелюбного торгашества.

Ройден превосходно борется с чиновниками в Вашингтоне и уверяет меня, что если президенту ясно скажут, что конфискация союзных судов исключительно в целях наживы является мероприятием, не согласным с лучшими традициями цивилизованных государств, Вильсон может изменить свою позицию.

Все окружающие Вильсона люди знают, какое значение он придает вопросам морали. Исход дела всецело зависит от него самого. Без сомнения Вильсон находится в значительной степени под влиянием своего зятя Мак Аду, который пытается приобрести политический престиж, необходимый ему вероятно для выставления своей кандидатуры в президенты в 1920 г.

Мы должны действовать и действовать немедленно, если вообще хотим предпринять что-либо. Необходимо преодолеть антибританские предрассудки в Америке; немцы ведут здесь сильную пропаганду против наших судов. В Вашингтоне царит полное неведение по поводу тех огромных жертв, которые понес британский торговый флот во время войны. Если бы дело зависело от меня, я бы немедленно отправил президенту настойчивый протест.

Надеюсь, Вы извините мне, что я вышел за пределы своих функций в этом срочном вопросе, но наш посол, как я уже указал, находится на расстоянии 12 дней пути от Вашингтона.

Даже если наш протест будет неудачен, мы по крайней мере зарегистрируем его, и, надо думать, в следующий раз Соединенные штаты крепко подумают, прежде чем решаться на реквизицию без предварительного соглашения с нами.

Я полагаю, что при рассмотрении этого вопроса Вы будете иметь точные сведения о количестве строящихся и заказанных судов в Соединенных штатах; список этих судов был представлен Кердом в начале июня в министерстве морского транспорта.

Я предвижу в будущем дальнейшие затруднения. Например здесь вызывает тревогу вопрос о сохранении нами германских колоний в Африке. Было бы хорошо отправить сюда Смутса, для того чтобы разъяснить нашу точку зрения. В противном случае американцы не поймут, „почему нам важно сохранить эти колонии“.

* *
*

Военный кабинет рассматривал эту телеграмму 22 августа 1917 г. В связи с предложением лорда Нортклифа послать серьезный и решительный протест от нашего имени президенту Вильсону лорд Роберт Сесиль заметил, что это предложение неприемлемо, учитывая обязательства, данные Бальфуром правительству США. Если правительство США решило взять суда себе, то протест может оказаться неэффективным и привести к излишним трениям и раздражению. Сесиль указал, что, по мнению г. Бальфура, лучшим способом убедить американское правительство разрешить нам сохранить эти суда было бы обращение к чувству справедливости и доброй воле американского правительства, как это было сделано в письме Бальфура американскому послу 16 августа.

Руководитель морского транспорта указал, что если нам не удастся получить заказанные нами суда, то этим будет нанесен серьезный удар нашей судостроительной программе; нам будет недоставать четырех миллионов тонн. В наших недавних официальных выступлениях по вопросу о предстоящем увеличении нашего тоннажа возможность получения строящихся в США судов уже учитывалась как факт. В критический период до урожая следующего года эти суда нам крайне необходимы.

На заседании было выдвинуто предложение о том, чтобы в переговорах с правительственными кругами США мы обещали вернуть указанные суда после войны.

Только что вернувшийся из Вашингтона представитель министерства морского транспорта г. Салтер, который имел беседу по этому вопросу с президентом Вильсоном, указал, что тогда президент высказался в пользу реквизиции судов, но что он пришел к этому выводу под давлением бывшего начальника управления американского морского транспорта Денмана. Денман выдвигал аргументы, не имевшие в сущности никакого отношения к данному вопросу, и Вильсон обещал пересмотреть свое решение. Необходимо иметь в виду, что в США существуют группы, испытывающие зависть к нашему торговому флоту. Следует также учесть, что военные и морские круги США стремились отправить свои войска и товары во Францию на американских судах.

Военный кабинет решил присоединиться к той политической линии, которая была выражена в письме г. Бальфура от 16 августа американскому послу; мы решили обратиться к американскому чувству справедливости и к доброй воле США. Военный кабинет поручил Сесилю в качестве заместителя министра иностранных дел по обсуждению с министерством морского транспорта отправить в этом смысле телеграмму британскому послу в Вашингтон. Следовало в то же время указать на серьезные последствия реквизиции для нашей судостроительной программы.

Этот вопрос обсуждался далее на заседании военного кабинета 24 августа, и мы решили в конце концов сделать предложение о

возвращении судов Америке после войны или о том, что мы зафрахтуем эти суда на определенный срок. Соответствующее извещение было отправлено Нортклифу, который ответил нам следующее:

> „Я узнал от Хауза, что он ведет переговоры с президентом по поводу реквизиции судов.
>
> Ваше письмо и часть моего письма Хаузу переданы президенту. Ройден работает без устали. Если нам удастся спасти для себя часть судов или все суда, то мы будем этим обязаны всецело его неустанным усилиям и его непоколебимому терпению. Ройден — ценнейший человек для нас, и я надеюсь, что Вы позволите мне сохранить его здесь на все время“.

К сожалению, несмотря на наши обращения и на усилия Нортклифа и Ройдена в Америке, президент подпал под влияние групп, враждебных британским морским интересам; 150 заказанных Англией судов были конфискованы американским правительством и вошли в состав американского государственного флота. Американское правительство носилось тогда со смелым планом создания большого государственного торгового флота. До войны Америка обладала флотом, численность которого была равна лишь одной трети британского торгового флота. Но к концу войны экстраординарный флот, построенный ею, превысил по своим размерам частный американский торговый флот. Однако послевоенные судьбы этого флота были весьма плачевны. Американское управление морского транспорта сохраняло этот флот в течение некоторого времени после войны и несло большие потери в связи с кризисом транспорта и дороговизной содержания судов. Даже если учесть стратегическую и хозяйственную ценность государственного флота, последний был все же скорее пассивной статьей американского бюджета. Так, после войны река Гудзон стала могилой американского судоходства.

Возвращаясь к письму лорда Нортклифа от 17 июля, интересно остановиться на другом военном вопросе, затронутом им в этом письме, — на вопросе о финансовых взаимоотношениях между Англией и Америкой.

В своих финансовых взаимоотношениях с американским правительством союзники натолкнулись на два затруднения. Первое из них заключалось в сложности задачи — дать американскому правительству более или менее четкое представление о масштабах наших военных расходов. Американское правительство знало о значительных заказах, данных американским фабрикам, заводам, элеваторам и пр., но оно никогда не подытоживало их и не занималось изучением вопросов о том, откуда мы брали деньги для оплаты заказов. Американское правительство намеренно не проявляло интереса к тем выгодным сделкам, которые в такой мере способствовали процветанию Америки и увеличению ее государственных доходов. Когда союзники обратились к американскому казначейству за кредитами для оплаты скоплявшихся еженедельно огромных вексельных обязательств,

выданных американским фирмам за военные материалы, закупленные в Штатах, американское казначейство было крайне удивлено размером расходуемых сумм. Американское казначейство подозревало, что речь идет не только о расточительности союзников, но и о чем-то худшем. Казначейство было уверено, что союзники под флагом военных расходов хотели укрепить аппарат своей промышленности и торговли за счет американских кредиторов. Американцы с особой подозрительностью относились к заказам железнодорожных материалов и паровозов и к заказам судов. Трудно было убедить их в том, что Россия находилась на краю окончательной катастрофы вследствие недостатка железнодорожных материалов и что союзники могут быть разбиты в случае недостатка тоннажа еще до того, как Америка будет готова к борьбе. Союзники всегда не доверяли друг другу во всем том, что касалось мотивов их выступлений. Во время войны мне говорили, что один выдающийся французский деятель был убежден, что англичане, заняв Калэ во время войны, попытаются удержать его после ее окончания. Столь же выдающийся английский политический деятель был также убежден, что французы намеревались аннексировать Грецию, для того чтобы полностью господствовать в Средиземном море и поставить британские коммуникации на востоке под французский контроль. Взаимная зависть — страшнейшее чудовище. Америка вообще не доверяла Европе. Она питала лишь романтическую привязанность к Франции в связи с памятью о Лафайете и Рошамбо. Тени этих защитников американской свободы ограждали неизменно авторитет каждой французской миссии в США и давали каждому французскому послу возможность рассчитывать на благоприятный прием со стороны американского общественного мнения. Но исторические воспоминания об Англии отнюдь не были таковы, чтобы можно было рассчитывать на подобные чувства. Демократическая Америка с определенным отвращением относилась к России. Русское самодержавие казалось американцам наихудшей тиранией. Франция была республикой и поэтому считалась свободным государством. Но Россия, Италия и Англия, точно так же как Германия и Австро-Венгрия, причислялись демагогами к „прогнившим монархиям Европы“. Так как нам приходилось выступать в качестве должников от своего имени и в еще большей степени от имени наших союзников, то американцы не хотели спешить с помощью нам. Может быть Франции это удалось бы гораздо лучше, если бы она выступила первой. Дело только в том, что французы, никогда не отказывавшиеся драться, когда речь шла о борьбе на фронте, скорее отступали, когда дело шло о долгах. Поэтому мы занимали первое место в очереди должников американского казначейства, и американское общественное мнение опасалось именно наших намерений.

Существовали также не только моральные, но и практические затруднения. Америка никогда не предоставляла кредитов иностранным государствам в сколько-нибудь значительном масштабе. Когда лорд Ридинг посетил США в 1915 г., чтобы получить заем для финансирования наших военных заказов, американские капиталисты приняли

в ужас от его предложения предоставить нам заем в 100 миллионов фунтов стерлингов, они считали его предложение примером мегаломании, вызванной военной лихорадкой. При содействии некоторой части американских предпринимателей это дело ему удалось. Оно удалось потому, что в конце концов вся сумма займа должна была поступить к предпринимателям. Успех лорда Ридинга считался одним из величайших британских достижений во время войны. А теперь речь шла об иностранных займах на сумму в 4 миллиарда долларов, и вашингтонское казначейство не решалось дать заем в таких размерах.

5 июля 1917 г. наш посол в Вашингтоне сэр Сесиль Спринг-Райс отправил нам письмо, которое дает представление не только о финансовых, но и о прочих затруднениях, тормозивших наши военные действия в это время:

„Создавшееся здесь положение напоминает времена Каннинга, когда русский посол явился к нам в министерство иностранных дел, не зная французского языка. Он хлопал себя по карману и произносил по-латыни «aurum, aurum» (золото, золото). Подобно тому как Англия была единственным банкиром союзников во время войны с Наполеоном, Соединенные штаты являются нашим единственным финансовым источником в настоящий момент. Крофорд, Нортклиф и я недавно имели ряд бесед с американским министром финансов. Он указал, что тотчас же после объявления войны конгресс разрешил предоставить заем союзникам в 8 миллиардов долларов. Страна не понимала необходимости таких значительных расходов, но предложение президента было принято. Целью кредитов было помочь союзникам в закупке необходимых им материалов для продолжения войны. Страна не понимала, в каком положении находились союзники и какая финансовая помощь была им необходима не только для будущих расходов, но и для оплаты прежних обязательств. Быстро приближалось время, когда разрешенная сумма займа должна была быть израсходована. Министр считал, что получить новые санкции конгресса будет делом весьма затруднительным. Это было бы вовсе невозможно, если министру не удалось бы точно объяснить, как были израсходованы ранее ассигнованные средства. В состоянии ли министр сделать это? Нет, не в состоянии, так как ему не были представлены подробные объяснения по этому поводу. Более того, министр полагал что займы, подобно войскам в бою, должны быть использованы на наиболее важных участках с наибольшим эффектом. Но министру ничего неизвестно о подлинном положении вещей с военной, морской, политической и финансовой точек зрения. Я указал, что, по моему мнению, правительству США было уже сделано предложение отправить своего авторитетного представителя для участия в Союзном совете. Министр указывал, что помимо этого желательно, чтобы британское правительство отпра-

вило в Вашингтон авторитетного финансового представителя. Я сослался на то, что сэр Гардиман Левер был финансовым секретарем казначейства, что лорд Норткլиф прибыл в Вашингтон с полномочиями для общих переговоров и что сэр Ричард Крофорд — финансовый атташе посольства — имел ранг полномочного министра. Поэтому нежелательно посылать сюда еще кого-либо, поскольку сам президент в этом не заинтересован.

Лорд Нортлиф произвел на всех прекрасное впечатление и встречается с рядом выдающихся американских деятелей. Повидимому он собирает много полезных сведений. Все американские чиновники выказывают расположение к нему, и президент оказал ему весьма благосклонный прием... Однако президент не просил о его назначении, и так как лорд Норткլиф известен здесь не столько в качестве государственного деятеля, сколько как весьма влиятельный издатель газет, его мнение само по себе не пользуется большим весом, какое бы благоприятное впечатление он ни производил и с каким бы уважением к нему ни относились.

Норткլиф находится в очень хороших отношениях с г. Тардье—своим старым другом; это в настоящий момент весьма важно. Я хотел бы этим письмом показать Вам, что вопрос о непосредственном генеральном представительстве британского правительства в США не разрешен еще окончательно посылкой лорда Нортлифа. Единственным способом разрешения этого вопроса было бы выполнение пожелания президента, что крайне затруднительно. Я уже сообщал Вам в телеграмме, что Крофорд и я были приняты на аудиенции президентом, который был с нами очень любезен. Он настаивал перед нами на необходимости вполне откровенно изложить дело г. Мак Аду, в руках которого находится управление финансами. Президент повторил аргументы г. Мак Аду, для того чтобы пояснить, насколько ему необходимо получить все сведения о создавшемся положении. Я указал президенту, что мы полностью сознаем огромное значение той роли, которая выпала на его долю как главы правительства США. Он признал справедливость моих замечаний по этому поводу, хотя и выразил сожаление по поводу своей ответственности. Он не желал ее.

Я полагаю, что слова президента отражают чувства многих мыслящих американцев. США были вынуждены вступить в войну против их воли, частью вследствие той опасности, которая угрожает делу демократии, частью же вследствие отдельных нарушений американских прав со стороны Германии. Только после вступления в войну США поняли огромное значение и серьезность положения. Влиятельные элементы указывают правительству, что безнадежно бороться против господства Германии в Европе, что США должны сохранить все свои ресурсы для самозащиты и приобрести в Новом свете то же доминирующее положение, которое Германия занимает в Старом свете.

Некоторые союзники указывали, что они вынесли на своих плечах всю тяжесть войны, защищая американские интересы, и что правительство США обязано во имя справедливости возместить этот долг. На это американцы отвечают, что для американского общественного мнения было бы крайне легко признать законность подводной войны в качестве новой формы войны, которая (форма) не имела прецедента, и тем самым отказаться от участия в европейской войне. Следует ожидать, что при первой же катастрофе эти голоса станут громче и настойчивее. Исключительная откровенность и смелость печати, издающейся на немецком языке в США, не оставляет сомнений о позиции немцев и германофилов в Америке. Влияние этих групп проявляется в рабочих волнениях.

Сенатор штата Аризона сообщил мне, что горняки в медных рудниках получают более 5 долларов в день в связи с повышением заработной платы после повышения цен на медь. „Индустриальные рабочие мира“ организуют стачки; по наущению шинфейнеров под руководством Ларкина и вероятно с помощью германских субсидий они угрожают стачкой докеров и судостроительных рабочих. Среди мексиканцев, работающих в Тексасе, ведется пропаганда в пользу оставления хлопковых полей, так как им, дескать, угрожает набор в войска. В особенности активны ирландцы, которыми руководят католические попы; последние например советуют ирландским поварам на судах отказаться от всякой экономии в пище, так как это помогает англичанам.

Конгресс неохотно соглашается провести законопроект о продовольственном контроле; есть все основания ожидать промедления в этом отношении. *Повидимому конгресс не будет распущен в ближайшее время. Многие правительственные учреждения не выработали никаких определенных форм руководства военной работой. Все согласны, что общественное мнение с апатией относится к войне и что до сих пор здесь еще не поняли, какие обязательства взяло на себя американское правительство.* Мы не можем объяснить причин такой апатии, одни только американцы могли бы это сделать. Но мы должны понять, в каком затруднительном положении находится правительство, в особенности по отношению к общественному мнению и конгрессу. До сих пор президенту удавалось убедить конгресс в целесообразности принятия основных его предложений, потому что общественное мнение было на стороне Вильсона. Но президент не в силах пойти дальше, чем того желает общественное мнение. Положение может измениться, когда с фронта поступят первые сведения о потерях. Эти сведения могут сыграть роль сдерживающего или стимулирующего фактора. Г-н Бальфур имел здесь полную возможность убедиться в создавшемся в Америке положении; правительство приобрело полное доверие к Вашим чувствам сим-

патии и к Вашему пониманию затруднений, в которые оно поставлено".

В письме сэра Виллиама Уайзмана в министерство иностранных дел 7 августа 1917 г. содержалось изложение недавней беседы с президентом Вильсоном. Сэр Виллиам Уайзман был молодым офицером, который после ранения на западном фронте был назначен нашим атташе в посольство в Вашингтоне, где он проявил исключительные дипломатические способности. К этому времени Уайзман начал играть значительную роль в улучшении наших отношений с американским правительством. Я приведу извлечение из его письма по финансовому вопросу:

„По финансовому вопросу президент выразил свое мнение, *что возникший недавно кризис* повидимому может быть разрешен. Президент настаивал на том, чтобы правительству США были присланы дополнительные данные о теперешних финансовых нуждах и общей политике союзников. Президент указал, что требования различных союзных правительств создали хаос и взаимную конкуренцию. В частности по поводу английских пожеланий президент указал, что в Вашингтоне не было никого, кто мог бы с достаточным авторитетом в финансовых вопросах обсуждать от имени Англии с американским министром финансов финансовое и политическое положение в целом. Следовало бы как можно скорее разрешить этот вопрос".

Таким образом вопрос о посылке выдающегося британского представителя в Америку для обсуждения финансовых вопросов становился все более важным, и после дальнейших переговоров с полковником Хаузом лорд Нортклиф телеграфировал нам 15 августа:

„Я узнал от Хауза, что Бонар Лоу будет оказан наилучший прием, если бы он мог посетить Америку на достаточно продолжительный срок, чтобы обсудить финансовую политику во время войны и заключить соглашение. Отправка Бонар Лоу сюда была бы большим знаком внимания к Америке. Англию обвиняют в том, что она запоздала с разрешением этого вопроса и таким образом создает затруднения.

Если дело будет задерживаться и в дальнейшем, я полагаю, что у нас возникнет острый конфликт с Мак Аду...

Следовало бы отправить сюда как можно скорее Бонар Лоу и Ридинга со всеми необходимыми полномочиями. Я мог бы один разрешить этот вопрос совместно с Крофордом, Левером и Блэкстоном, но Хауз требует посылки сюда английского политического деятеля.

Враги Мак Аду жалуются, что он, по американскому выражению, „расточителен, как пьяный матрос". Политическая

судьба Мак Аду всецело зависит от успешного разрешения этого финансового вопроса, в частности вопроса о займах Великобритании“.

Так как парламентская ситуация не позволяла Бонар Лоу покинуть Англию, военный кабинет предложил лорду Редингу отправиться в Америку. Бонар Лоу отправил следующую телеграмму лорду Нортклифу:

„Предложение Левера о моей поездке в США поступило вчера, но мне было бы очень трудно уехать отсюда и во всяком случае я не мог бы оставаться в Америке более недели. В связи с Вашей телеграммой я полагаю, что лучше всего было бы организовать поездку Рединга. Лишь только я узнаю от Вас о Вашем согласии, я поговорю с ним об этом. Премьер отправился сегодня в недельный отпуск“.

Этот вопрос обсуждался вновь на заседании кабинета 28 августа 1917 г. Британскому послу была отправлена телеграмма с указанием, что военный кабинет в связи с затруднениями, возникшими в финансовом вопросе, решил просить лорда Рединга отправиться с специальной миссией в США. Лорду Редингу будут даны полномочия вести переговоры с американским правительством и разрешить на месте все вопросы от имени правительства его величества. Хотя миссия лорда Рединга должна была заключаться главным образом в разрешении финансовых вопросов, ему будет предоставлено право разрешать все те вопросы, которые он считал бы связанными с выполнением своей миссии.

Между тем наши финансовые взаимоотношения с Соединенными штатами становились все напряженнее, и 7 сентября 1917 г. лорд Нортклиф отправил мне следующую телеграмму:

„Я позволю себе предложить Вам обратиться к печати с предупреждением о том, что следует подходить весьма деликатно к вопросу об англо-американских финансовых отношениях и соблюдать известную сдержанность и такт при упоминании о посещении Рединга.

Если Вы сообщите печати, что нам нехватает средств в США и что нам на этой неделе внезапно уменьшили жалованье, американцы вполне поймут важное значение миссии Рединга. Если бы дело зависело от меня, я опубликовал бы всю правду. Редингу будет так же трудно справиться со своим делом, как и Райдену, успех которого без сомнения вызван тем, что он нравится американцам и что он умеет откровенно говорить с ними, не нанося им обиды. Хауз предвидел смятение в умах американцев по поводу огромных сумм, испрашиваемых союзниками, в частности Англией. Полковник Хауз всегда видит на три месяца вперед.

Газеты уделяют много внимания вопросу о займах союзников и в частности о займах Англии.

Хауз явно предвидел, что успех английского представителя зависит от его популярности в Америке.

Я убежден, что Бальфур поддержит меня в том смысле, что личный фактор играет большую роль в Америке. Приезд главного судьи (лорда Ридинга. — *Прим. перев.*) будет приятен американцам. Я надеюсь, что в Англии не будут чинить препятствий его трудной миссии".

Можно суммировать следующим образом финансовые затруднения, возникшие в наших взаимоотношениях с Америкой.

От начала великой войны до вступления Америки в войну в апреле 1917 г. Великобритания произвела в США значительные закупки продовольствия, военного снаряжения и других военных материалов, необходимых для союзников и для самой Англии. Эти закупки были оплачены частью английским экспортом, частью вывозом золота; до 1 апреля 1917 г. мы отправили в Америку 190 миллионов фунтов стерлингов золота. Мы оплачивали наши закупки частью с помощью мобилизации американских ценностей в Англии и отправки их в США. В общем на протяжении войны мы отправили в Америку золота и ценностей на сумму около 600 миллионов фунтов стерлингов. Когда эти средства были исчерпаны, мы начали прибегать к коммерческим займам на денежном рынке США. Общая сумма этих займов составила более 300 миллионов фунтов стерлингов; с тех пор мы полностью уплатили по этим ссудам. Ко времени вступления Америки в войну мы были почти лишены возможности давать дальнейшие обеспечения в оплату наших закупок в США. Нам не только приходилось покупать снаряжение для нас самих, Англия взяла на себя также главные функции по финансированию союзников; до вступления Америки в войну мы авансировали союзникам 827 миллионов фунтов стерлингов. Включая эти займы, наши общие закупки во время войны до апреля 1917 г. составили 4 300 миллионов фунтов стерлингов. К этому времени война стоила нам 7 миллионов фунтов стерлингов в день.

Вступая в войну, США были совершенно не подготовлены к широкому активному участию в военных действиях; они объявили о своей готовности и о своем желании предоставить свои огромные финансовые ресурсы для общего дела. Нам дали понять, что в ожидании подготовки войск Америка готова вести войну своими деньгами. Мы с радостью конечно ухватились за предложение о снятии с нас задачи финансирования внешних закупок наших союзников и самой Англии. Нам пришлось напрячь до крайности все наши возможности в области мобилизации денежных средств; нам приходилось и ранее до крайности напрягать наши денежные и людские ресурсы.

Президент Вильсон просил конгресс санкционировать предоставление займов союзникам, и конгресс быстро провел первый закон о займе свободы, установив сумму займа в 1 миллиард фунтов стерлингов. Из них 600 миллионов должны были быть использованы для займов союзникам. Но Америка отвергла наше предложение о

снятии с нас всей ответственности по финансированию иностранных закупок наших континентальных союзников. Америка готова была дать деньги на финансирование закупок союзников в Соединенных штатах, а нам приходилось попрежнему находить средства для их закупок в других странах, в том числе и в самой Великобритании. Многое из того, чем мы сами снабжали союзников, нам приходилось затем возмещать закупками на рынке США. От нас требовалось исключительное напряжение наших финансовых ресурсов, и мы поэтому должны были испрашивать значительные кредиты в Америке. Еще до вступления Америки в войну мы вели свои финансовые дела с США, в том числе и эмиссию займов на американском рынке через посредство фирмы Моргана. Когда американское правительство стало оказывать нам кредит, возник вопрос о проведении наших сделок через посредство правительства, не имевшего в этом вопросе опыта. После продолжительных переговоров американское правительство решило создать специальную комиссию в Вашингтоне, через посредство которой должны были производиться все закупки в США со стороны Англии и других союзников. Соответствующее соглашение было подписано американским министром финансов и представителями Великобритании, Франции и России 24 августа 1917 г. Это соглашение значительно облегчило положение вещей. До того американское казначейство было полно тревоги по поводу ответственности, к которой оно не привыкло и которая была для него необычной.

Лорд Ридинг прибыл в Америку в середине сентября, и его приезд привел к дальнейшему значительному улучшению англо-американских финансовых отношений. В своей телеграмме 21 сентября 1917 г. лорд Нортклиф сообщил о своей беседе с полковником Хаузом по поводу результатов миссии Ридинга:

„В полуторачасовой беседе Хауз сообщил мне, что финансовое положение значительно улучшится в результате приезда Ридинга и его экспертов.

Здешние правительственные круги выражают удовлетворение по поводу превосходных способностей присланных на помощь американскому департаменту воздухоплавания специалистов; авиацией весьма интересуются и американское правительство и американский народ...

Хауз настаивал на том, чтобы мы дали британскому представительству такие организационные формы, которые исключали бы возможность трений и недоразумений в связи с дальнейшим усилением посольства или нашей военной миссии.

Я посоветовал ему переговорить об этом с Ридингом, что он вероятно и сделает. Хауз останется в Нью-Йорке всю зиму и, я надеюсь, будет постоянно с ним видеться. Ридинг работал без устали в очень тяжелых условиях. Мне пришлось повидаться с Мак Аду и Кросби в Вашингтоне по поводу возник-

шей в печати Америки и Канады полемики о ресурсах обеих стран. Американские газеты заявляют, что Канада продает американцам сырье по чрезвычайно высоким ценам, в противоположность США, которые устанавливают одинаковые цены на товары для самой Америки и для союзников. Кросби и Мак Аду с готовностью признают содействие Ридинга, но Кросби жалуется, что, добившись получения 50 миллионов долларов для закупки канадской пшеницы, Ридинг нарушил основной установленный принцип о расходовании всех полученных в Штатах средств только в самих Соединенных штатах.

По моему мнению, только Ридинг благодаря своей привлекательности, способностям и такту мог справиться с этими тяжелыми людьми и добиться здесь успеха. Его прямота и открытый нрав, его сочувствие и понимание затруднений, возникающих у американцев в связи с повседневными денежными требованиями союзников и с необходимостью борьбы с политической оппозицией и печатью, помогли Ридингу добиться всего, что вообще было в силах человеческих. Его официальная поездка в Канаду, о которой я писал в предшествующем письме, состоится во вторник".

В ноябре 1917 г. лорд Нортклиф вернулся в Англию, для того чтобы участвовать в конференции союзников, созванной на 29 ноября в Париже. Лорд Ридинг также вернулся в Европу для участия в этой конференции. К этому времени уже стали осуществляться различные соглашения между союзниками и Америкой. В Европу стали прибывать первые американские войска.

Активное участие Америки в военных действиях на фронте началось главным образом в 1918 г.; первые шаги были сделаны уже в 1917 г., и это начало дало союзникам, и в частности французам, видимое доказательство реальности американского сотрудничества. Первая американская дивизия прибыла во Францию 25 июля 1917 г. 30 сентября американский экспедиционный корпус во Франции достиг численности 61 531 человека (4 406 офицеров и 57 225 солдат). Подготовка к военным действиям на западном фронте продолжалась за линией фронта, и к октябрю первая дивизия получила достаточную подготовку, для того чтобы занять место на относительно спокойном участке фронта между Нанси и Люневилем. Американцы понесли первые потери 3 ноября 1917 г., когда немцы напали на американские позиции, убив трех, ранив пятерых и захватив в плен двенадцать американцев. 31 декабря 1917 г. общая численность американского экспедиционного корпуса в Европе составляла 9 805 офицеров и 165 080 солдат. Сюда входили четыре дивизии в различной стадии организации и подготовки. В отношении тяжелой артиллерии американские войска в течение некоторого времени зависели от французов и англичан. 28 февраля 1918 г. генерал Першинг сообщил телеграммой американскому правительству:

„В настоящее время в Европе нет еще ни одного аэроплана, произведенного в Америке".

В течение долгого времени почти вся артиллерия для американских войск была представлена французами и нами. Частью это было вызвано полным отсутствием у Америки военного снаряжения для войны в европейском масштабе, частью же острым недостатком в тоннаже, тормозившим перевозку большого количества военного снаряжения через Атлантический океан. Как изменилось положение к моменту окончания военных действий, я расскажу в следующей части моих мемуаров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор А. Риш. *Техред В. Мартынюк.*

Сдано в набор 15/II 1935 г. Подписано к печати 27/V 1935 г. Формат 62 × 94/16, 28 п. л., 14 бум. л., 96.000 зн. в бум. л. ОГИЗ № 1468. Тираж 10.200.
Уполн. Главлита Б 1735.

Цена книги 7 р., переплет 1 р. 25 к.

Набрано и матрицировано в 1-й Образцовой типографии, Валовая, 28.
Напечатано в типо-литографии им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.
Н. 335.

